Архивное дело
№ 10145

30 лет
в ОГПУ-НКВД-МВД

Ю.Н. Богданов

Архивное дело № 10145

Ю.Н. Богданов

30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД

от оперуполномоченного

до заместителя министра

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена истории органов внутренних дел СССР, в которых Н.К. Богданов прошел практически полностью карьерную лестницу. Прослеживая жизненный путь отца, автор подробно останавливается на ключевых моментах истории России XX века, которые так или иначе были связаны с системой ОГПУ-НКВД-МВД, и обращает особое внимание на политическую игру в правящих верхах времен Сталина и Хрущева.

- Богданов Юрий Николаевич
  -
  - Предисловие
  - Глава 1. Детство и молодость отца. Путь в органы внутренних дел
  - Глава 2. Немного истории
  - Глава 3. Гражданская трагедия
  - Глава 4. Петроград — Ленинград
  - Глава 5. По районам Ленинградской области
  - Глава 6. Дела семейные
  - Глава 7. По районам Ленинградской области(продолжение)
  - Глава 8. Предвестие бури
  - Глава 9. Борьба за новую Конституцию СССР
  - Глава 10. Возникновение массовых репрессий
  - Глава 11. Лужский район. Ленинградская область
  - Глава 12. Следственные дела 1937 года
  - Глава 13. Отступление реформаторов
  - Глава 14. Покушение
  - Глава 15. Итоги 1937 года и задачи на 1938 год
  - Глава 16. Следственные дела 1938 года
  - Глава 17. Ленинград. Красногвардейский район
  - Глава 18. Казахстан. Немного истории
  - Глава 19. Ленинград — Алма-Ата
  - Глава 20. Алма-Ата. Накануне и в начале войны
  - Глава 21. Дела казахстанские
  - Глава 22. Нарком внутренних дел Казахстана
  - Глава 23. Продолжение казахстанской эпопеи
  - Глава 24. Год Победы
  - Глава 25. Алма-Ата — Москва
  - Глава 26. Автодороги союзного значения
  - Глава 27. Начало «холодной войны»
  - Глава 28. На двух ответственных постах

- Глава 29. Заместитель министра внутренних дел СССР
- Глава 30. В условиях «холодной войны»
- Глава 31. За подписью Сталина
- Глава 32. Смерть вождя
- Глава 33. Управление внутренних дел Ленинградской области
- Глава 34. Враг народа
- Глава 35. Москва — Ленинград — Москва
- Глава 36. аместитель министра внутренних дел РСФСР
- Глава 37. Компромат
- Глава 38. Кадровая политика партии
- Глава 39. Служебное несоответствие
- Глава 40. Исключение из партии
- Глава 41. Восстановление в партии
- Глава 42. Новая трудовая жизнь
- Глава 43. Брежневская эпоха
- Глава 44. Последний год
- Глава 45. Дань светлой памяти
- Библиография
- Архивные материалы,

- notes
  - 1

Богданов Юрий Николаевич
30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД: от оперуполномоченного до заместителя министра

Оперуполномоченный Богданов Н.К. (крайний слева) среди работников Устюжиского райотделения ОГПУ. Устюжна, 1934 год

Лейтенант госбезопасности Богданов Н.К. (крайний справа) среди сотрудников Лужского районного парткомитета. Луга, 1936 год

Награждены орденами СССР за образцовое выполнение правительственных заданий: орденом Знак Почёта — замнаркома внутренних дел Казахской ССР подполковник Калашников Г.Н.; орденами Красного Знамени — нарком госбезопасности Казахской ССР комиссар гб III ранга Бабкин А.Н. и нарком внутренних дел Казахской ССР комиссар гб Богданов Н.К Алма-Ата, 1943 год

«Великолепная пятёрка»: нарком-министр внутренних дел Казахстана Богданов Н.К (в центре) и его заместители Калашников Г.Н., Белюнов П.П., Николаев П.В. и Мусин А.Ф.

Алма-Ата, 1946 год

Депутат Верховного Совета СССР, заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Николай Кузьмич Богданов. 1952 год

Предисловие

В 2002 году вышла в свет документальная книга «Строго секретно» [Л.1], отразившая жизненный и служебный путь моего отца — Николая Кузьмича Богданова, который в течение 30 лет своей работы в органах ОГПУ-НКВД-МВД занимал ряд важных руководящих постов. За эти три десятилетия глава нашей семьи познал служебные взлёты и падения, работал, не щадя собственных сил, совершал добрые дела и ошибки, набирался опыта и мудрости, дважды объявлялся *врагом народа*, был уволен из органов по служебному несоответствию, исключался и восстанавливался в рядах Коммунистической партии. При этом в работе всегда показывал прекрасные организаторские способности, в аттестациях характеризовался как *исключительно честный* сотрудник, во всех обстоятельствах проявлял силу духа и доброе отношение к людям, и, несмотря на возникновение серьёзных конфликтов со своим начальством и высшими властями, простые труженики не раз про него говорили: «Хороший мужик Кузьмич!»

После смерти отца в печати появились публикации [Л.2, Л.3], которые крайне однобоко и тенденциозно представили служебную деятельность генерал-лейтенанта Н.К. Богданова, поскольку были основаны на собранном на него и случайно обнаруженном в архиве компрометирующем материале. По прошествии лет, когда начал развиваться общественный интерес к *среднему звену руководителей*, сведения из этих необъективных публикаций, за неимением других материалов, получили дальнейшее распространение [Л.4, Л.5]. Это обстоятельство как раз и послужило главной причиной написания книг «Строго секретно» и её нынешнего варианта, которые имеют одну цель: защитить неоправданно поруганную *честь отца,* для чего просто более широко и полно, документально обоснованно рассказать о жизни и служебной деятельности генерал-лейтенанта Богданова, а также по возможности объективно осветить общественно-политические события тех далёких лет.

Для того чтобы собрать документальную информацию, касающуюся не только личности Н.К. Богданова, но и отображающую обстановку того времени, мне пришлось достаточно плотно поработать в различных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Главном архиве Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГА МВД РФ), Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), использовать домашний

личный архив (ЛА), а также привлечь соответствующие литературные публикации исторической тематики.

Как положительный результат проделанной работы отмечу, что издание книги «Строго секретно» позволило решить важные для светлой памяти моего отца проблемы. Во-первых, объективно разобравшись в обстоятельствах дела, я смог обоснованно поставить перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, как правопреемником МВД СССР, вопрос об отмене не соответствовавшего реальности приказа об увольнении Н.К. Богданова из органов внутренних дел по служебному несоответствию. В результате моего обращения «приказом МВД России от 25 ноября 2003 года № 2043 л/с приказ МВД СССР от 4 июля 1959 года № 571 в части увольнения Богданова Н.К. в запас Советской Армии **признан неприменяемым в МВД России».** Теперь «Богданов Н.К. считается уволенным со службы в органах внутренних дел по пункту “б” статьи 54 Положения о прохождении службы офицерским составом МВД СССР (по болезни)». Эти изменения внесены «в послужной список личного архивного дела генерал-лейтенанта Богданова Н.К.» [А. 19].

Во-вторых, в 2004 году собранный мною обширный документальный материал (122 единицы хранения, включающие порядка 1500 листов документов, рукописей, писем, фотографий и др.) послужил основой для создания в Государственном архиве Российской Федерации Личного фонда № 10145 Н.К. Богданова, который находится в Архивохранилище личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и РФ. В этот же период часть личных вещей и документальных материалов о Богданове была передана в запасники Центрального музея МВД России для создания в будущем соответствующей экспозиции [А. 19]. Ордена, медали, документы и личные вещи Богданова представлены с 1976 года в экспозиции Музея Главного управления внутренних дел города Алма-Аты (бывший Музей МВД Казахской ССР) [М]. Все желающие имеют сейчас возможность познакомиться в полном объёме с этими архивными и музейными материалами.

В книге «Строго секретно» [Л.1] я постарался на основании изученных архивных и литературных источников воссоздать общественно-политическую обстановку тех далёких лет для того, чтобы лучше понять причины происходивших в ту пору событий. К сожалению, в период сбора мною материала для написания книги (вторая половина 1990-х годов) ещё не вышли в свет документальные работы серьёзных историков, таких как Н.В. Стариков [Л.6], В.Е. Шамбаров [7,8], Ю.В. Емельянов [Л.9], А.П. Столешников [Л.10], Ю.Н. Жуков [Л.11, Л.12], А.Б. Мартиросян

[Л.13], Л.А. Наумов [Л.14], М.И. Мельтюхов [Л.15], Л.В. Пыхалов [Л.16], Ю.Е. Козенков [Л.17], В.В. Бешанов [Л.18, Л.19] и др. В связи с этим многие вопросы были освещены мною в упомянутой книге под влиянием появившихся тогда книг Виктора Суворова-Резуна [Л.20, Л.21], которые после многолетнего каждодневного изучения нами стандартизованных вопросов марксистско-ленинской теории произвели лично на меня сильное впечатление своей необычностью трактовки известных исторических событий. К сожалению, тенденциозность и обвинительный уклон в отношении нашей страны и лично Сталина, допущенные бывшим советским разведчиком, оказались необоснованно превалирующими и были справедливо раскритикованы специалистами [Л.22]. Приношу извинения и за своё тогдашнее недостаточное знание вопросов советской истории, что могло ввести в заблуждение моих читателей.

Вместе с тем, когда изучаешь книги приведенных выше историков-документалистов, буквально оторопь берёт от той правды, которую раскрывают они на страницах своих исследований. Уму не постижимо, какие пакости постоянно устраивали (и устраивают) моей Родине как внешние «доброжелатели», так и собственные предатели, стараясь разрушить и покорить её. Теперь становится понятно, почему вместо действительной истории нам преподносили различные мифы, приукрашивавшие и тенденциозно трактовавшие реальные события. Просто **страшно и стыдно** было рассказать правду. **Стыдно и страшно.**

В связи с этим из всего многообразия мнений, имеющихся в современной исторической литературе, приходится вырабатывать свой собственный взгляд, своё понимание того, что и как было когда-то, теперь уже в прошлом веке.

Основной канвой данного повествования является жизненный и служебный путь моего отца Богданова Николая Кузьмича, по ходу которого делаются отступления для описания как общественно-политических событий, так и семейно-бытовой обстановки, а также для анализа различных документов. Полный перечень первоисточников в книге поместить не удалось, но он имеется в упомянутом Личном фонде Н.К. Богданова № 10145 ГА РФ.

Автор выражает искреннюю признательность Владимиру Михайловичу Комиссарову за проявленную товарищескую инициативу в вопросе переиздания книги.

Особенно хочется отметить бесценную помощь сотрудника ГАРФ (ныне покойного) А.И. Кокурина в подборе архивных материалов. Большая благодарность главному специалисту ГАРФ

Н.С. Зелову и сотруднице Л.И. Хить Архивохранилища государственных, общественных деятелей СССР и РФ, сформировавших и обработавших Личный фонд № 10145 Н.К. Богданова.

Неоценимое содействие автору оказали заведующая читальным залом Г.В. Горская и другие сотрудники РГАСПИ, предоставившие материалы партийного архива и персональных дел моего отца.

Автор благодарит также бывшего начальника Центрального музея МВД России В.А. Евдокимова, его нынешнего начальника А.Г. Белодуба, начальника группы А.Г. Шевченко и бывшего начальника отдела Г.Д. Озерову за принятие в фонд музея документов, фотографий и личных вещей Богданова.

Большую признательность приношу начальнику Музея Главного управления внутренних дел Алма-Аты Л.М. Колесниковой за поддержание в прекрасном состоянии в течение многих лет (несмотря на произошедшие перемены) экспозиции, посвященной генерал-лейтенанту Н.К. Богданову, являвшемуся в годы войны заместителем, а затем нар-комом-министром внутренних дел Казахской ССР.

Особенно хочется поблагодарить телеведущую С.Ю. Униговскую, под чьим руководством в программе «Невидимый фронт» была сделана с моим участием двухсерийная передача о Н.К. Богданове, которая неоднократно на разных телеканалах («Столица», «Звезда» и др.) выходила в эфир.

Глава 1. Детство и молодость отца. Путь в органы внутренних дел

Из более чем полутора десятков вариантов имеющихся в моём распоряжении автобиографических и анкетных документов Николая Кузьмича Богданова, писавшихся и заполнявшихся им много раз на протяжении служебной деятельности, о его семье удалось собрать такие сведения [А.1].

Родители моего отца начинали свой трудовой путь в качестве батраков, а потому в графе «Сословие» указывалось: «Рабочие». По документам отца и со слов родственников, моего деда звали Кузьма Николаевич Богданов. Однако в архивной справке, полученной мною в 2010 году из Государственного архива Вологодской области, указано, что в метрической книге Воскресенского собора города Череповца за 1907 год отцом Николая, родившегося 30 января и крещенного 1 февраля, значится: «Кузьма Богданов Богданов, крестьянин деревни Леонтьево Дементьевской волости Череповецкого уезда» [А.20]. Чем обусловлена разница в отчестве деда, теперь объяснения уже не найдёшь. В своих автобиографиях Н.К. Богданов писал, что его отец происходил «из семьи безземельных крестьян, рано остался сиротой». Год его рождения нигде не указан. С детства работал у собственников-кулаков батраком на маслобойных заводах в селе Степановском Череповецкой губернии. Был в армии ратником ополчения. Затем *служил на разных работах*, а потом, изучив малярное дело, трудился самостоятельно как кустарь-ремесленник по найму. С 1914 года в связи с ухудшением состояния здоровья стал сторожем в Губернском театре города Череповца, где и проживал вместе с семьёй до своей смерти в 1924 году.

Мать отца, моя бабушка, Анна Леонтьевна Воронцова или Воронцева (так в разных документах, а в упомянутой выше архивной справке её фамилия не указана), 1873 года рождения, происходила «из семьи рабочего-конопатчика по пробойке судов». С детства трудилась батрачкой у торговцев, была горничной в чьём-то доме в городе Череповце. После замужества (приблизительно в 1894–1895 годах) стала домохозяйкой, подрабатывала стиркой белья.

Первый сын, Александр, родился в семье Богдановых в 1896 году. Теперь сложно сказать, чем был вызван длительный перерыв до рождения следующего сына — Николая, появившегося на свет 30 января 1907 года. Во всяком случае известно, что ещё один

сын — Владимир, родившийся в 1909 году, не прожил и года. Последней в семье появилась в 1911 году дочь Екатерина.

На нерегулярные заработки отца в качестве маляра и случайные приработки матери стиркой семья жила весьма скудно. Сначала снимали комнату в частном доме, однако после того, как у Кузьмы Николаевича развился туберкулёз лёгких и малярное дело стало ему не по силам, вынуждены были, чтобы не платить за жильё, поселиться в районе Соляной городок в здании Череповецкого Губернского (позднее — Городского) театра, где глава семьи стал работать сторожем. На семью из пяти человек театр выделил две комнаты, из которых одна была тёмная, без окон. Сначала эту *темнушку* занимал старший сын Александр Кузьмич со своей женой Александрой Неофитовной (за сходство имён мы их звали Шурочками). Затем молодая семья отделилась и жила самостоятельно. Дядя Шура работал старшим механиком на гидролизном заводе, а тётя Шура всегда была домохозяйкой. В их семье родились три ребёнка — Клавдия, Надежда и Георгий, но вторая дочь умерла ещё маленькой.

Как было отмечено выше, мой будущий отец, Николай Кузьмич, родился 30 января (по старому стилю) 1907 года. При изучении архивов для меня явилось полной неожиданностью, что во всех официальных документах отец указывал именно эту дату своего появления на свет, хотя всю жизнь мы в семейном кругу и при официальных поздравлениях отмечали его день рождения 12 февраля, что соответствовало новому календарному летосчислению. Да и с тех пор, как отца не стало, традиционно в феврале мы собираемся на его могиле, чтобы почтить дорогую нам память.

До 8-летнего возраста Николай *воспитывался при родителях*. После чего учился три года в городской школе, затем год в Высшем начальном училище, два года — в советской школе первой ступени. С 1920 по 1924 год обучался в Череповецкой Профессиональной Технической школе (бывшем Александровском училище). Перед завершением обучения вступил в комсомол. По окончании Профтехшколы был командирован на станцию Званка Мурманской (Кировской) железной дороги в узловое депо в качестве практиканта (помощника слесаря). Однако в связи со смертью отца, Кузьмы Николаевича, вынужден был досрочно в конце 1924 года вернуться в Череповец, где практически без средств к существованию остались мать и малолетняя сестра. Теперь на плечи 17-летнего парня легла забота о родительской семье. Чтобы сохранить бесплатное жильё, Николай вынужден был поступить работать в Городской театр сначала на должность рабочего, а

затем электромонтёра и машиниста сцены, руководителя построечных работ при постановке декораций. Параллельно он сдал в Профтехшколе государственный экзамен и получил диплом техника-чертежника.

Р. С. Ф. С. Р.

Н. К. П. С.

УПРАВЛЕНИЕ
МУРМАНСКОЙ
жел. дор.

Администрация

№ 4250

ПЕТРОГРАД
Литовская, 44.

Удостоверение.

Настоящее выдано Богданов
Николай Кузьмин
по его личной просьбе, в удостоверение
того, что он служил на Мурманской ж. д.
с 22 июня 1924 г.
по 12 ноября 1924 г.
и в течение этого времени занимал должности ученика слесаря

Уволен от службы по п/ст =
личным. =

Начальник Упр. Ст. Тяг. Сафр

Начальник Лин. соор.

Зак. № 50. Тир. 0—60.
Тип.-Лит. Мурм. ж. д.

Удостоверение о прохождении Н.К. Богдановым стажировки после учёбы в Профтехшколе. Мурманская железная дорога, 1924 год

Следует отметить, что отец от природы обладал неплохим почерком. В процессе обучения выполнению чертёжных работ почерк совершенствовался, приобретая своеобразную красоту и высокую чёткость. Все написанные отцом бумаги легко читаются.

Стиль и грамотность изложения материала хорошие, хотя синтаксис оставляет желать лучшего.

Получив диплом, отец не стал задерживаться на вынужденной работе в театре, а в декабре 1925 года перешёл работать по специальности чертежника в Промкомбинат и дополнительно в Стеклострой, где занимался проектированием производственных и жилых строений.

В апреле 1927 года по решению партийной ячейки Промторга Богданов совместно с пятью товарищами был направлен в магазины этого ведомства «в связи со вскрытием больших хищений». Наверное, неожиданно для себя самого отец оказался заведующим железо-скобяным отделом одного из магазинов и одновременно, как имевший соответствующее образование, зав. техническим отделением. Однако по стезе торгового работника продвинуться ему не было суждено, поскольку с воровством решили, по всей видимости, бороться кардинальным образом и через несколько месяцев ликвидировали всю торговую сеть Промторга. Вместе с тем Богданову вернуться на прежнюю работу не дали, а перевели на должность члена и секретаря месткома Промторга, где он проработал около 3 месяцев. Далее последовал весьма короткий этап чисто комсомольской карьеры. В октябре 1927 года губернский комитет ВЛКСМ направил отца в Череповецкий окружной статистический отдел неосвобождённым секретарём ячейки ВЛКСМ, где он одновременно до мая 1928 года проработал на должности счетчика-бригади-ра по разработке материалов переписи населения. Здесь же в январе 1928 года партийной ячейкой, объединявшей всех коммунистов окружкома, Николай Богданов был принят кандидатом в члены ВКП(б). Затем мой будущий отец *был переброшен* на работу статистика и информатора в Череповецкий окружком ВКП(б), где также являлся секретарём комсомольской организации.

С весны 1929 года начинается новый этап в жизни Богданова, когда он своей парторганизацией, в соответствии с собственным желанием, командируется в Череповецкий окружной отдел ОГПУ на должность помощника уполномоченного. Теперь его деятельность на три десятилетия связывается с органами ОГПУ-НКВД-МВД [А. 1-А.7].

Первой самостоятельной работой Богданова в органах можно считать должность уполномоченного в районном городке Мяксе, расположенном под Череповцом. Помимо основной работы, молодой чекист являлся по совместительству членом бюро районных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также членом президиума райисполкома. Кроме того, с 1929 по 1930 год он исполнял обязанности председателя районной контрольной

комиссии ВЛКСМ. Став в 1929 году членом партии, он свой комсомольский билет сдал только в 1935 году, *как переросток.*

II-й Созыв

МЯКСИНСКИЙ

РАЙОННЫЙ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Совета Раб., Крестьян. и Красн. депутатов.

Удостоверение № 5477

Предъявитель сего тов.

Богданову Н. К.

действительно является членом Мяксинского Районного Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов и постановлением II-го пленума от 20/VII-1929 г. избран на должность члена Рай

Зав. отдела Фин

Предрайисполкома

Секретарь

Личная подпись

Личность и подпись товарища

Богданова

удостоверяется.

Секретарь Райисполкома

Удостоверение члена Мяксинского райисполкома Н.К. Богданова. Мякса, 1929 год

Младшая сестра Катя, окончив в 1929 году учёбу в школе, устроилась работать телефонисткой на городскую станцию.

Позднее брат Николай помог ей перебраться работать на коммутатор ОГПУ, где зарплата была гораздо выше. Свою маму, Анну Леонтьевну, заботливый сын не оставил без внимания, и она жила в нашей семье до самых своих последних дней.

Вполне резонно возникает вопрос: почему Н.К. Богданов добровольно пошел работать в органы внутренних дел, которые в то время представляло Объединенное Государственное Политическое управление, более известное под своим сокращенным названием ОГПУ?

Здесь могут быть представлены такие аргументы. Начнем с того, что отцу исполнилось тогда 22 года, и его должны были *забрать в армию.* Во всяком случае никаких серьезных причин, кроме заботы о матери, которой в ту пору было 56 лет, и о достаточно повзрослевшей младшей сестре, для того чтобы (как теперь говорят) *откосить* от военной службы, у него не имелось. Как свидетельствуют сохранившиеся бумаги [А.6], в 1929 году через окружную комиссию по вербовке отец подавал заявление о приеме его в военную школу. К данному заявлению, как и полагалось, он приложил необходимые справки и свидетельство об окончании Профтехшколы. Все эти документы благополучно затерялись в недрах бюрократической машины, и отцу в последующем пришлось писать в разные инстанции (Череповецкий Окружной Военный Комиссариат, Череповецкий Городской Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов и даже в областное Архивное бюро) с просьбой возвратить ему свидетельство об образовании. Однако эту *проблему* ему, видимо, так и не удалось решить, поскольку ни среди личных бумаг, ни в служебном деле мне такого свидетельства увидеть не пришлось.

Вполне возможно, что кто-то посоветовал Николаю вместо военной школы, требовавшей вполне очевидного отъезда из родного дома, поступить в местные органы ОГПУ, которые находились здесь же, под боком, и позволяли в определенной мере сохранить домашний статус-кво. Кроме того, известно было, что денежное содержание в органах полагалось неплохое, даже в сравнении с довольствием военнослужащих. Не последнюю роль в те годы могла играть и романтика собственного причастия к организации, в руках которой находился *карающий меч революции.* Во всяком случае в анкетах и автобиографии теперь

появилась запись: «В Красной Армии не был, так как к моменту призыва в РККА находился на работе в органах ОГПУ и там был оставлен».

Так или несколько иначе Богданов оказался в Череповецком окротделе ОГПУ. Данное событие произошло, очевидно, где-то в апреле 1929 года (так указано в некоторых вариантах автобиографии), но окончательно переход документально установлен 6 июня 1929 года, когда будущий генерал официально вошел в ряды *легендарных чекистов*. Приказа о назначении нового сотрудника обнаружить не удалось, а потому юридическим подтверждением начала чекистского стажа явился для Богданова послужной список, составленный почти через год — 30 апреля 1930 года.

Работа в должности помощника уполномоченного продолжалась всего 2 месяца. Как это ни странно, но этот весьма краткий период времени должен был явиться пока что единственной школой перековки *технаря,* имевшего за плечами лишь диплом чертежника *(в Февральской и Октябрьской революциях участия никакого не принимавшего ввиду молодости, в составе родственников лишенных избирательных прав и раскулаченных не имевшего, никакой связи с заграницей не поддерживавшего, к судебной ответственности никогда не привлекавшегося),* в сотрудника, в общем-то, совершенно иной, юридической области. Естественно, что ни по жизненному опыту, ни по полученному образованию молодой чекист (как и большинство его собратьев по органу власти) абсолютно не был подготовлен юридически грамотно решать сложные и тонкие вопросы ведения следственных дел (особенно уголовных и, тем более, политических), правильно оформлять документы и, конечно же, проводить аресты и допросы подозреваемых. Увы, для Советской власти, декларировавшей диктатуру пролетариата и стремившейся заменить чуждую буржуазную законность на *революционную целесообразность*, все это представлялось совершенно несущественным, что и привело (не могло не привести) к жесточайшему произволу. Для начальства (такого же юридически безграмотного, как и их подчинённые) важнее всего было, чтобы новоиспеченный боец невидимого фронта научился поскорее не бумажки писать, а чётко выполнять полученные указания да не болтать лишнего.

После прохождения в помощниках всего лишь двухмесячных неофициальных *оперативных университетов* Богданов тем же окротделом ОГПУ, решившим, видимо, что время не терпит и *науки хватит*, командируется уже на самостоятельную чекистскую работу «специально по борьбе с кулачеством» в

качестве районного уполномоченного ОГПУ по Мяксинскому району Ленинградской области.

Городок Мякса, расположенный в 35 км к юго-востоку от Череповца на железнодорожной линии Вологда-Волхов, хотя и являлся центром одноименного района, ничем особенно примечательным не отличался. В небольшом населённом пункте имелись пристань, паровая мельница, маслодельни, кирпичный завод. Местные жители в то время сеяли лён, зерновые (рожь, пшеницу, ячмень) и кормовые культуры, разводили молочный скот.

Для повышения служебного рвения и усиления возможности *товарищеского* воздействия на молодого оперработника, его следовало побыстрее из комсомольцев, кандидатов в ряды партии, перевести в члены ВКП(б), что и было сделано Мяксинским райкомом партии в декабре 1929 года, выдавшим новому коммунисту-большевику партийный билет № 1447164. При этом в личном деле собственной рукой работника записывались обязательные формулировки следующего содержания: «В рядах ВКП(б) ранее не состоял. Никогда не исключался и из партии не выбывал. К оппозиции не примыкал. Никаким партийным взысканиям не подвергался». Так, в соответствии с существовавшими требованиями, отец указывал во всех своих анкетах в течение многих лет службы, пока всё не перевернулось совершенно неожиданным образом.

Итак, началась служба Николая Богданова в ОГПУ, которую он добросовестно нёс в течение 30 лет, постоянно находясь под бдительным оком своих непосредственных и прямых начальников, партийных и контрольных органов, эпизодически подвергаясь спецпроверкам в отношении компрометирующих данных в своей биографии. Что ж, так оно, наверное, и должно быть, ибо только абсолютно *либеральный демократ* может совершенно опрометчиво думать, что *враг дремлет.* К сожалению, в нашем раздираемом противоречиями мире, подстегиваемом завистью и алчностью, невозможно жить спокойно и открыто. В стране должна быть обеспечивающая постоянную боевую готовность мощная армия, с которой никто не пожелает связываться. В ином случае (по Клаузевичу) придётся *кормить чужую армию.* И должны существовать организации госбезопасности и внутренней службы, обеспечивающие постоянную бдительность, не позволяющие застать страну врасплох или выведать её естественные, собственные секреты. Важно только в этом отношении, как показывает история, не переборщить. А это зависит от мудрости *высшего эшелона власти.* Той самой мудрости, которая как раз, увы, и является у многих

правителей несчастной России самым большим дефицитом.

На каждого сотрудника органов регулярно составлялись аттестации. Первая подшитая в личное дело совершенно секретная аттестация на Николая Кузьмича Богданова, как на «сверхштатного участкового уполномоченного», написана за период с 1 марта 1929-го по 1 марта 1930 года [А.2]. Мне представляется, что ни с этим, ни с рядом последующих документов (которые ему предъявили через 30 лет) отец никогда не ознакомлялся, поскольку при сравнении с его автобиографическими данными вызывает недоумение хотя бы такой момент: почему аттестационный период начинался с 1 марта 1929 года, тогда как ни в одном из своих жизнеописаний Богданов не претендовал на столь ранний срок отсчёта выслуги лет? Дело в том, что личное дело работника органов подразделялось на 3 части. Первая часть, *парадная*, являлась официальной, и в неё собирались основные, этапные документы о служебной деятельности работника. Вложенные в строгую стандартную папку документы подавались высокому начальству на стол при выдвижениях, назначениях, награждениях и прочих успехах работника. Во вторую, *неказистую*, часть дела (можно сказать, *досье)* складывались все бумажки *для памяти*, на всякий случай. И некоторые из них мы почитаем. Но сам *виновник дела* обо всех них не должен был знать. Пусть надеется, что про минувшее давно забыли или уничтожили документы за ненадобностью. На стол высокого начальства (или следователя) эта папка попадала, сами понимаете, в крутые жизненные моменты. И тогда при необходимости легко становилось начать любую *раскрутку:* в таком-то году там-то что вы делали? И понеслось…

Третья часть дела, *невидимая*, касалась спецпроверок правильности сведений о социальном происхождении, соответствия биографических данных, а также наличия *порочащих связей.* Эту покрытую мраком тайны информацию не доверяют никому, даже сейчас, кроме особо в то посвященных, хотя итоговое заключение подшивалось или записывалось в качестве резолюции в основную *парадную* часть дела.

Так вот, вашему вниманию предлагается первая аттестация на молодого оперуполномоченного. Непосредственный *начальник инфо* по фамилии Заполь пишет короткими, рублеными фразами о своём сверхштатном сотруднике Н. Богданове (материально содержавшемся за счёт местных средств): «Молодой работник. Развит достаточно. Работоспособен, но иногда благодаря молодости любит погулять. Выдержанный и достаточно дисциплинированный. Политически развит средне. Хорошо

ориентируется в не совсем сложных вопросах. Имеет инициативу».

Прямой начальник, руководивший окружным отделом ОГПУ, внёс в ту же аттестацию свою лепту: «Как молодой по стажу работник проявляет иногда нерешительность. Но исполнителен (вот, видимо, важнейший аргумент! — *Ю.Б.)*. В практических выводах осторожен. Инициативу проявляет, но недостаточно. Подлежит призыву в 1930 году в пограничные войска ОГПУ». Неразборчивая подпись, поставленная 5 марта 1930 года, подвела итог годовому наблюдению за молодым человеком, который почти половину означенного в аттестации времени даже не был в штате органов, но уже находился *под колпаком*. При подобных характеристиках вопрос об аттестуемом можно было повернуть и так и этак: при желании — оставить парня у себя, при сомнении — отправить служить в войска.

Заключение по аттестации, написанное в осторожной форме, предопределило судьбу Николая Кузьмича Богданова на 30 лет вперёд: «Может быть оставлен в занимаемой должности».

Вместе с тем, по документам и воспоминаниям очевидцев подробно изучая и описывая жизнь и служебную деятельность моего отца, необходимо рассказать, в каких **исторических условиях** тогда всё это происходило, какие существовали ранее нам неизвестные или преднамеренно скрывавшиеся от нас политические, экономические и общественные явления. Как бы там ни было, но судьба каждого гражданина неразрывно связана с судьбой всей страны. Безусловно, далее я излагаю **собственное субъективное мнение,** сложившееся у меня на основании изученных документальных книг, архивных источников и личных наблюдений и представлений.

Глава 2. Немного истории

Внимательное изучение документальных источников показывает, что Февральская и Октябрьская революции 1917 года (так же, как и революция 1905 года) явились не плодом активной деятельности российских социалистических партий, а были спровоцированы извне.

Непредвзятый анализ событий, проведенный серьёзными учёными, показывает, что вопреки навязываемым нам мифам историческая драма разворачивалась совсем не так, как мы привыкли это себе представлять. При этом причины непонятных нам действий оказались глубоко спрятанными за *правдоподобными объяснениями.*

Напомним, что к рубежу XIX-XX веков Россия подходила динамически развивавшейся, экономически крепкой страной с населением, достигавшим 160 млн человек, которое быстро росло, причём не за счёт инородцев, а за счёт русских. По прогнозам Д.И. Менделеева, народонаселение державы к середине XX века должно было достигнуть 600 млн человек. После прогрессивных реформ Александра II за несколько десятков лет объём промышленного производства России вырос в 10–12 раз. Высокими темпами увеличивались добыча угля и нефти, химическая переработка сырья, освоение новых месторождений полезных ископаемых. Быстро развивалось машиностроение, причём большая часть оборудования для этой отрасли изготавливалась на отечественных предприятиях. Вся огромная страна покрылась сетью железных дорог. Строились такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, разрастались и модернизировались тульские и уральские предприятия. Сформировались крупные текстильные центры в Подмосковье, Иванове и других городах. Россия полностью обеспечивала себя мануфактурной продукцией, продавала её в Европе, отправляла в Китай и Иран. Сельское хозяйство и пищевая промышленность занимали лидирующее положение в экспорте продовольствия. От продажи за рубеж лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. Страна прочно удерживала первое место в мире по производству и вывозу зерна, одно из ведущих мест по выпуску сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, поступала с русских полей и пастбищ. По темпам роста промышленной продукции (5–8% в год) и производительности труда Россия вышла в тот период на первое место в мире. Уровень образования и грамотности населения вопреки выдумкам зарубежных

исследователей был достаточно высоким. Таким образом, на грани XIX-XX веков наша страна по всем показателям была могущественной, а народ здоровым и весьма энергичным.

Вместе с тем стремительный экономический прогресс выявлял и вполне закономерные отрицательные стороны. Точно так же, как прежде это произошло в западных государствах, набирали вес крупные предприниматели и финансисты. Они жирели и усиливались под эгидой самодержавия на развивавшемся производстве и правительственных заказах. А потому, аналогично воротилам Запада, у наших богачей возникло желание самим добраться до власти и переустроить государство таким образом, чтобы оно служило, в первую очередь, их интересам. В результате банкиры и промышленники стали превращаться в противников царской власти, пусть, с одной стороны, обеспечивавшей стабильность в стране, но, с другой стороны, мешавшей бесконтрольно грабить всё, что плохо лежало. При этом отечественные толстосумы слепо перенимали западные теории либерализма, искали своих союзников среди зарубежных коллег и политиков, невзирая на то, что иностранные деловые и политические круги являлись врагами не только русской монархии, но и самой России, представлявшейся им в качестве нежелательного конкурента.

Другим побочным явлением резкого промышленного подъёма стал быстрый рост числа рабочих. Эти люди, вы-нужденно оторванные от крестьянской общины, от привычного уклада жизни, не всегда находили себе достойное место в непривычной городской обстановке. Конечно, в широкой пролетарской среде появлялись и умельцы, и квалифицированные мастеровые, но были и простые чернорабочие. В основном именно из последних формировалась прослойка люмпенов, то есть тех бедолаг, которые не сумели полноценно войти в рабочую когорту. Пропивая случайные заработки, они становились благодатной почвой для лёгкого привлечения их в провокационные ряды смутьянов, крикунов, подстрекателей.

В определённой мере *раскачиванию* обстановки способствовала и система образования, которая целенаправленно начинялась идеями западничества. При этом обучаемым повседневно прививались стойкие убеждения о неполноценности Российского государства и о необходимости его переделки на западный манер. Поскольку *образовывать* крестьян было достаточно сложно (они всегда загружены заботами о своём хозяйстве), агитация велась преимущественно среди рабочих. Для этого создавались всевозможные кружки, воскресные и вечерние школы. Наряду с полезными уроками русского языка, литературы,

арифметики, *просветители* вносили в них пропаганду атеизма, бунтарства, ненависти. Получая за счёт этой деятельности свободный доступ к рабочей массе, изучали её, намечали подходящие кандидатуры для формирования из них в дальнейшем своих *агентов влияния.*

Движущей силой всех преобразований считались революционеры, происходившие, как, в общем-то, и в других странах, в основном из интеллигенции. Не слишком обожая свою *немытую Россию*, эти интеллектуалы, порой не способные самостоятельно зарабатывать средства даже для собственного существования, рвались в *просвещённую Европу*, растекаясь по просторам Франции, Германии, Швейцарии и других не менее привлекательных для интересного времяпровождения стран. В Санкт-Петербурге собрались в разные социал-демократические организации многие видные фигуры будущих революций, в сущности, не имея в своём распоряжении *серьёзных денег*, но занимались они совершенной ерундой: бесконечными дискуссиями, просветительством, рукописным размножением *передовых* брошюр и т. п. Как только их деятельность выходила за некие допустимые пределы, хорошо работавшее Охранное отделение, имевшее всюду своих агентов, легко пресекало нарушение по-рядка. Проштрафившихся смутьянов арестовывали и отправляли в ссылку в восточные края. Так что эти болтуны-революционеры не представляли для государства особой опасности и постоянно находились под контролем.

В общем, для того чтобы **свалить и разгромить могучую Россию,** требовались совершенно **иные силы и средства.** Растущее могущество самой большой по территории страны мира вызывало не только недовольство, но и обусловливало вражду к ней со стороны ведущих держав — Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Японии и набиравших силу Соединённых Штатов Америки. И если в Европе соперничество между континентальными странами было традиционным и велось известными методами, то США включились в эту борьбу, прикрывая своё коварство маской взаимовыгодного сотрудничества. Но задача у всех оппонентов была общая: **ослабить Россию и разделить её на части,** урвав себе лакомые куски. При этом Англия зарилась на Кавказ, Германия — на Украину, Япония целилась на Дальний Восток и т. д. Америка, будучи гораздо хитрее, хотела влезть в экономику ослабленной страны так, чтобы беспрепятственно выкачивать природные ресурсы.

Основной движущей силой, обеспечивавшей решение всех неприглядных задач по уничтожению России и её титульной

нации — русских, явился *финансовый интернационал.* Этот всемогущий монстр образовался благодаря родственным и деловым связям крупных банковских семей разных стран и их компаньонству в богатых фирмах. Так, в Австро-Венгрии, Франции и Англии делами ворочали различные ветви клана Ротшильдов. Они *переженились* с британскими Мильнерами и германскими Варбургами, а последние состояли в родстве с российскими банкирами Гинзбургами, и так далее. Финансовые кланы имели огромное влияние на правительства своих стран, хотя порой и сами нуждались в их поддержке. Государство проводило свою политику с помощью банкиров, привлекая их денежные средства для вложения в важные отрасли промышленности и транспорта, а особенно для производства вооружения.

Как ни парадоксально это звучит, но *финансовый интернационал* был тесно связан с социалистическим движением. Банкиры считали полезным поддерживать политические партии, поскольку видели в их программах выгодные для себя стороны. Через подкупленных партийных лидеров они могли оказывать давление на правительство, регулировать рабочее движение, направляя его в нужную для себя сторону, целенаправленно манипулировать *общественным мнением.* Партии и их функционеры всегда нуждались в дармовых деньгах для проведения общественной работы, а также для обеспечения собственной безбедной жизни. Посредниками между банковскими и партийными структурами выступали масонские ложи. Таким образом, эта тщательно скрывавшаяся от народа связь оказывалась для ***мировой за-кулисы*** взаимовыгодной и весьма эффективной.

Кроме того, теперь доподлинно известно, что у международной социал-демократии существовали контакты со спецслужбами как своих, так и *заинтересованных* стран. Причём работа этих спецслужб активно нацеливалась против России. Доказательством тому могут служить такие факты. Ни один *политик,* бежавший из России, не был задержан и привлечён к ответственности за нелегальный переход границы. Никто не был арестован за проживание по поддельным документам. Не было случая, чтобы пропагандистская литература или иные нелегальные грузы, переправлявшиеся из эмиграции в Россию, были выявлены и захвачены иностранными таможенниками и пограничниками. Всё это невозможно было сделать без участия спецслужб.

Вместе с тем первые социал-демократические структуры, возникшие в России, показали свою полную беспомощность и

были фактически разгромлены. ***Мировым антироссийским силам*** стало ясно, что стихийно складывающемуся революционному движению результата не добиться. Если решено было ослабить динамично развивавшуюся страну, то процессом следовало **руководить извне.**

Одной из ключевых фигур в тайных операциях против России стал видный деятель австрийской и международной социал-демократии Виктор Адлер, одновременно являвшийся *человеком Ротшильдов.* В его функции входил вопрос подбора кадров, соответствовавших по своему характеру разрушительным целям.

Другой важной фигурой явился сын крупного одесского торговца Александр Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд), примкнувший к социал-демократии. Эмигрировав за границу, он стал не только революционером, но и успешным бизнесменом, сколотившим приличное состояние. Парвус имел контакты со спецслужбами Германии и Англии, вступил в масонский орден иллюминатов, задачами которого были уничтожение монархий, религий, церкви, института семьи и брака, стирание государственных границ, упразднение национальностей. Словом, уничтожение всей традиционной системы ценностей.

В начале 1900-х годов в русском революционном движении стали происходить значительные перемены. Выискивались и выдвигались новые активисты, пусть недостаточно теоретически подкованные, зато толковые организаторы-практики. Налаживалась система побегов сосланных в Сибирь революционеров. Создавалась тайная служба по обеспечению нелегалов документами.

Одной из важных фигур, на которую обратили внимание *кадровики*, явился Владимир Ильич Ульянов, отбывавший ссылку в Шушенском вместе со своей женой Надеждой Константиновной Крупской. После завершения срока наказания, поскольку для активного революционера предполагалась и конспиративная жизнь, его обеспечили вторым паспортом, ранее принадлежавшим умершему дворянину Вологодской губернии Николаю Ленину. Далее снабдили деньгами, явками и помогли легально выехать за границу. Оказавшись в Германии, Ульянов-Ленин при посредничестве и деньгах Парвуса организовал издание газеты «Искра», которая должна была стать не только агитатором, но и *коллективным организатором.*

Как раз в этот период происходит обострение отношений между Россией и Японией, чему в значительной степени способствовала Антанта, являвшаяся *сердечным согласием* между Англией и Францией. Западная дипломатия старалась настроить Страну восходящего солнца сугубо против русских, выставляя их

главной угрозой японским интересам в Северном Китае и Корее. Конечно, Россия была тогда значительно мощнее своего восточного соседа, но тут стали происходить *странные события*, менявшие соотношение сил. Благодаря политике российского министра финансов (и масона) С.Ю. Витте финансирование русской армии и флота постоянно урезалось якобы из-за недостатка средств, а Китаю, например, выделялись крупные займы для погашения его долгов. В то же время Японии стали активно помогать подготовиться к войне финансовые круги Англии и Америки. Самые ценные услуги в этом отношении оказал Токио Яков Шифф, представлявший в Америке интересы Ротшильдов и яростно ненавидевший Россию. В результате Япония получила 5 займов на общую сумму 535 млн долларов (10 млрд долларов по нынешнему курсу), что покрыло более половины японских военных расходов. В добавление ко всему этому началась подрывная работа внутри России, что активно поддерживалось раскруткой западной прессой антироссийского *общественного мнения.* Полученные средства Япония частично пустила на диверсионную работу в стане потенциального противника. Причём всё делалось фактически на англо-американские деньги, а курировалось спецслужбами Франции, Германии и Австро-Венгрии. Да и внутри России, несмотря на сигналы разведки, усиление боеготовности на Дальнем Востоке велось крайне вяло.

Считая, что обстановка созрела, 6 февраля 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией и без объявления войны начала боевые действия. В Порт-Артуре были торпедированы два броненосца и крейсер, а в нейтральном корейском порту Чемульпо подверглись нападению российские корабли «Варяг» и «Кореец». Японские десанты захватили практически незащищённый порт Дальний. И тут внезапно наша страна оказалась в международной изоляции. В США группировка Шиффа организовала антироссийские митинги. Франция, хотя и объявила нейтралитет, запретила русским военным кораблям заходить в её порты, а пресса, парламентарии и *общественность* стали поливать Россию грязью, симпатизируя японцам. Германия объявила нейтралитет, но, пользуясь случаем, навязала России кабальный торговый договор на 10 лет. Так, весь Запад, кто открыто, а кто тайно, выступил против нас.

Однако героизм русских воинов сорвал планы молниеносного разгрома России. Тогда наши противники занялись подрывом тыла. Неожиданно в стране начался революционный подъём, вызванный отнюдь не поражениями, потерями или военными лишениями, а созданный искусственно. Беспорядки

поддерживались информационной вакханалией российской либеральной и зарубежной прессы, раздувавшей неудачи нашей армии, позоря *бездарность* военачальников, многократно преувеличивая потери. Однако на первом этапе *успехи* оппонентов были невелики. Требовалась серьёзная провокация, и она была подготовлена на американские деньги в Петербурге. Организатором выступления явился поп Гапон. Через этого западного агента в массы была внедрена идея 9 января 1905 года пойти к царю, чтобы изложить ему свои нужды, просить правды и справедливости. Накануне правительству (царя тогда не было в столице) стало известно, что петиция с просьбами рабочих заменена на другую, экстремистскую, требовавшую изменения государственного строя. Кроме того, поступили сведения, что к мероприятию активно готовятся террористы. В связи с этим манифестацию запретили, а центр города оцепили войсками. Однако агитация сделала своё дело, и с утра к центру двинулись огромные толпы с иконами и хоругвями. Заслоны войск манифестантов к Дворцовой площади не пустили. Тогда провокаторы стали подзуживать, призывая прорваться силой. В солдат полетели камни, прячась за спины рабочих, боевики стали палить из револьверов. Солдаты сначала стреляли в воздух, но видя, что будут раздавлены лезущей на них возбуждённой массой народа, начали бить по людям. Возникла паника, толпы манифестантов в ужасе бежали прочь, сминая и топча друг друга.

Всего в ходе Кровавого воскресенья погибло 130 человек, 299 получили ранения. Однако западная пресса и революционная агитация стали кричать о *тысячах расстрелянных* кровавым царём мирных манифестантах. Сыграв свою провокационную роль, Гапон бежал в Швейцарию, где пользовался большой популярностью и получал огромные гонорары за свои воспоминания.

Обо всех этих событиях мы напомнили для того, чтобы показать: российские социалистические партии ещё ничего толком не сделали в революционном движении, но за них, как сейчас, так и в дальнейшем, всё осуществляли некие **иные *силы.***

В этот период начинается выход на мировую арену одного из злейших разрушителей нашей страны — Лейбы Бронштейна, родившегося в семье очень богатого херсонского зерноторговца и землевладельца. За деятельность в «Южнорусском рабочем союзе» (в котором рабочих почти не было) этот амбициозный подстрекатель был арестован и приговорён к четырём годам ссылки. В тюрьме он женился, но потом бросил эту семью навсегда. В 1902 году пока ещё малоизвестному журналисту-любителю, на потенциальные возможности которого уже

обратили внимание *таинственные покровители*, был устроен хорошо организованный побег. В пути его обеспечили паспортом отставного полковника Николая Троцкого, умершего в городе Екатеринослав-ле. В итоге на территории Австро-Венгрии появился удачливый беглец, известный далее как Лев Давидович Троцкий. *Российский революционер* тут же попал в сферу внимания теневого *кадровика* международных социалистов Виктора Адлера, который снабдил нового протеже валютой, документами и направил со всеми удобствами в Лондон к Ленину.

На туманном Альбионе Лев Давидович сразу подружился с Владимиром Ильичом и его женой Надеждой Константиновной и стал сотрудничать в ленинской газете «Искра». В это время Лев Давидович вновь женился, не расторгнув прежний брак.

Однако после II съезда РСДРП, на котором произошёл раскол социал-демократической партии на большевиков во главе с Лениным и меньшевиков, к которым временно примкнул Троцкий, *друзья* рассорились и превратились во врагов. Не получивший в партийной борьбе удовлетворения своих амбиций к самостоятельному лидерству, Троцкий в итоге остался в одиночестве. Но таинственные покровители, заметившие *перспективный кадр*, не оставили неудачника в беде, и Троцкий вместе с женой был приглашён в Мюнхен к Парвусу, где встретил самый радушный приём.

После Кровавого воскресенья 1905 года Парвус и Троцкий ринулись в Россию. Однако здесь, несмотря на постоянную опеку, Лев Давидович ничем себя не проявил, а после ареста во время митинга его жены вообще тихо смылся в Финляндию.

В это время в русско-японской войне, которая неудачно началась для России, наметился перелом. В Маньчжурии уже сосредоточились три полнокровные русские армии, а Япония серьёзно поистратила свой человеческий ресурс — в качестве пополнения прибывали необученные совсем юные мальчишки, которые массами сдавались в плен. Готовившееся русское наступление должно было неминуемо закончиться полным разгромом противника.

Но спровоцированная революция уже успела набрать силу. Мятежи и забастовки охватили города, перекинулись в деревню, парализовали пути сообщения, в том числе Транссибирскую магистраль, по которой шло снабжение воюющей русской армии. В дополнение к внутренним проблемам *финансовый интернационал*, дававший царскому правительству займы под высокие проценты, теперь якобы в связи с революцией вообще отозвал из России свои капиталы. А *доброжелатели* в окружении царя принялись убеждать монарха, что всё потеряно и надо

прекратить войну с японцами. К тому же перспектива безоговорочного поражения Японии не устраивала американцев, поскольку банкиры понесли бы тогда большие убытки на предоставленных японцам займах.

В результате в американском Портсмуте состоялись мирные переговоры, на которые прибыли премьер-министр России Витте, представитель Японии Такахира, а также, помимо дипломатов, подлинные авторы поражения России — банкир Яков Шифф и глава ложи «Бнайт-Брит» Краусе. Наша страна уступила Токио Южный Сахалин, Ляодун и часть ЮжноМаньчжурской железной дороги. При подписании договора Шифф открыто признал, что деньги для революции поступали от него. За свой вклад в победу Японии банкир был удостоен ордена японского императора. В своей благодарственной речи награждённый высказал угрозы в адрес царя и русских — дескать, мы им ещё не то устроим.

После заключения *позорного мира*, как его стала представлять *общественность*, в стране продолжился революционный подъём. В октябре 1905 года прошла всеобщая политическая стачка. Под нажимом придворных во главе с Витте царь Николай II издал 17 октября манифест, которым народу даровались «незыблемые основы гражданской свободы», а также объявлялась всеобщая политическая амнистия.

Теперь революционеры могли действовать открыто. В Петербурге появился Парвус, который быстро наладил выпуск «Рабочей газеты», «Начал» и «Известий». К издателю незамедлительно примкнул Троцкий, которого теневые режиссёры начинают очень интенсивно *раскручивать*, увидев в нём подходящую кандидатуру для выдвижения в лидеры революции. Лев Давидович стал широко печататься в указанных газетах, ярко выступать на массовых митингах, проявляя великолепный дар публициста и оратора. При этом Парвус, Адлер, австрийские спецслужбы и другие закулисные силы держались в тени, осуществляя все свои действия через Троцкого.

В то же время Ленина, по своей политической деятельности претендовавшего на роль лидера, незримо, но ощутимо *затирали.* В Россию он смог приехать только в ноябре 1905 года, когда в революционном движении все руководящие посты уже были заняты. В отличие от Троцкого свои статьи Владимир Ильич смог публиковать только в газете «Новая жизнь», издававшейся Максимом Горьким.

Однако власть в России в то время была ещё достаточно сильной, а потому после принятия соответствующих мер против разгулявшихся революционеров (которые своим смутьянством и народу-то порядком поднадоели), Троцкий, а за ним и Парвус

оказались за решёткой.

И тут в революционном движении наступил резкий перелом, причины которого могут показаться необъяснимыми, если не учитывать **международную обстановку.**

А в Европе разразился новый политический кризис, спровоцированный германским кайзером Вильгельмом II. Считая, что Россия достаточно ослаблена и не сможет теперь вмешиваться в международные дела, набравшая мощь Германия решила реализовать собственные планы по завладению французскими колониями. Правительство Франции, понимая, что дело идёт к войне, перепугалось, поскольку без помощи России она в одиночку обречена была оказаться просто раздавленной. Обеспокоилась и Англия в связи с тем, что после гибели большей части русского флота главной её соперницей на морях становилась Германия.

И державы, только что дружно валившие Россию, начали быстренько менять отношение к ней. Особенно в этом плане усердствовала Франция, стремившаяся направить в нужное русло перевозбуждённое против русских *общественное мнение.* Было даже принято специальное соглашение: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости». Предотвратив дефолт, иностранные банки дали ослабленной войной и смутой стране необходимые займы.

А в революционном движении, лишенном финансирования из-за рубежа, сразу же начался разнобой. Прогнозы Ленина о новых подъемах массовых выступлений не оправдались. Тогда решено было перейти к террористическим методам, что, помимо расправы с неугодными политическими деятелями, позволяло за счёт грабежей банков обеспечить самофинансирование. И заполыхало по всей стране. За два года от рук боевиков пало 768 высокопоставленных лиц. А мирных граждан, солдат, чиновников, полицейских, казаков было убито и искалечено несколько тысяч.

Государственная Дума, собравшаяся в апреле 1906 года, первым делом потребовала общей амнистии для боевиков и смутьянов. Но царь уже знал, к чему ведут уступки. Он отправил в отставку Витте, назначив премьер-министром решительного Столыпина. Новый глава правительства стал наводить порядок жёсткой рукой: разогнал Думу и ввёл военно-полевые суды, по приговорам которых было казнено 1100 человек. По решению суда Троцкого и Парвуса отправили в дальние края в бессрочную ссылку. Но по дороге они (по подготовленным ранее путям) бежали и оказались в Финляндии, откуда перебрались в Швейцарию. В сложной обстановке Ленин с Крупской покинули Россию, также через Финляндию, а потом через Швецию,

Германию, Швейцарию добрались до Парижа. Европа без препятствий принимала российских революционеров, хотя теперь большинство из них финансировалось весьма скудно. Сами же эмигранты переругались и перессорились между собой, так и не сумев создать единого фронта. Значительные усилия всем партийцам приходилось теперь направлять на изыскание денег, которые добывались за счёт экспроприаций или иных сомнительных операций. Кстати, при организации таких *эксов* выдвинулся ещё один видный революционер — Иосиф Виссарионович Джугашвили.

От ущерба, нанесённого России войной и революцией, страна сумела оправиться очень быстро, поскольку внутренние силы сохранились огромные. Как только правительство восстановило порядок, кризис сменился новым бурным подъёмом.

Когда мы в советское время изучали основы марксистско-ленинской теории, то наши экономические достижения часто сравнивали с данными 1913 года, в котором эти показатели имели наивысшее значение для царской России.

Однако подобный рывок во многом стал неожиданным в понимании зарубежных соперников, и потому западные державы опять озаботились возникшей ситуацией. Для Австро-Венгрии и Германии Россия снова превращалась в серьёзное препятствие в отношении реализации их военных и геополитических планов. Англии и Франции Россия требовалась в качестве союзницы, но союзницы второго сорта, которой можно манипулировать. А для США Россия по-прежнему выглядела самым опасным конкурентом. И *закулисные круги* западных держав, даже относившиеся к разным лагерям, возобновили беспардонную подрывную деятельность против нашей страны.

Вновь начались различные провокации, причём часто имевшие явную сионистскую направленность. По любому поводу Россию обвиняли в *русском антисемитизме.* На состоявшемся в 1912 году в США международном сионистском съезде, собравшем 3000 евреев, прозвучал призыв: «освободиться навсегда от имперского деспотизма», для чего собрать деньги и «послать в Россию сотню наёмников-бое-виков», которые заставят покориться её «богоизбранному народу». Газета «Нью-Йорк Сан» резюмировала это решение так: «Евреи всего мира объявили России войну». Был создан специальный фонд, чтобы «поставить Россию на колени». Данное начинание горячо поддержали финансовые тузы Мильнеры, Ротшильды, Ватбурги и другие сверхбогачи. Исполнителем их неприглядных замыслов стал только что избранный президент США Вильсон, при котором появился *серый кардинал* — неприметный полковник Хауз

(Мендель Хус), руководивший всеми действиями высокопоставленной политической марионетки.

Как только *финансовый интернационал* принял решение о начале *негласной войны* против России, в стране с 1912 года начался *новый подъём* революционного движения, оплачивавшийся главным образом зарубежными деньгами. На эти средства часть эмигрантов двинулась обратно в Россию. Западные правительства и *общественность* вновь принялись помогать российским революционерам.

Троцкого финансово поддерживало родственное ему семейство Животовских, представители которого имелись как в России, так и за рубежом. Вокруг Льва Давидовича *доброжелатели* попытались сплотить перессорившуюся российскую социал-демократию. Но отсутствие у публициста и оратора организаторского таланта не позволило это сделать. Тогда *тайные силы* начали усиленно продвигать в качестве организатора пока что не имевшего никаких заслуг Якова Михайловича Свердлова. Несмотря на то что Свердлов находился в ссылке, его вдруг заочно кооптировали в ЦК партии большевиков и в Русское бюро ЦК. Небезынтересно, что младший брат его, Беньямин, переехал тогда в США, где трудился в банковских кругах.

Ленин в это время работал в Кракове, отстаивая в борьбе с различными течениями единство своей большевистской фракции. В рамках этой деятельности он близко сошёлся с *замечательным грузином* Иосифом Джугашвили. Коба, как он любил себя называть, во многом сформировал свои взгляды под влиянием работ Ленина. Воспринимая Владимира Ильича как единственно верного партийного теоретика, он признал себя его учеником. Ленин лично обеспечил публикацию в журнале «Просвещение» статьи Джугашвили «Марксизм и национальный вопрос», которая впервые была подписана псевдонимом «Сталин».

В поисках путей ослабления России *мировая закулиса* решила сначала столкнуть её с Германией, чтобы подорвать мощь сразу обеих держав. И развернулось систематическое стравливание. В Германии стали внедряться антироссийские и антиславянские теории, проекты мирового господства, которые, увы, находили благодатную почву. Россия воевать не желала, предпочитая более выгодный ей мирный путь развития. Но нарастание угрозы заставляло страну вооружаться, поскольку просматривалась заинтересованность в войне слишком многих сторон. Крупному капиталу человеческая бойня всегда приносила сверхприбыли. А революционеры надеялись в условиях неустойчивости государств в период военных действий решить свои задачи. В результате

Европа всё более явно скатывалась к войне.

1 августа 1914 года после провокации в Сараево мировая война началась. Германии и Австро-Венгрии противостояли страны Антанты, включая Россию. Америка готовилась принять участие в этом деле позднее. Сначала германские армии разбили французские войска и экспедиционные силы англичан. Положение спасла русская армия, одержавшая над немцами и австрийцами ряд блестящих побед. Одновременно на Кавказе наши войска вдребезги разбили турок.

Однако успехи России вызвали новую волну тревоги в закулисных кругах Запада: если русские внесут главный вклад в победу, то они смогут диктовать свои условия при дележе её плодов. Посему было принято решение, что *победить должна Антанта, но без России.* И западные державы принялись вести *подкоп* под свою союзницу.

Россия выглядела могучей державой, в которой начало войны вызвало высочайший патриотический подъём. Но имелась и червоточинка — оппозиционные настроения в *образованных слоях* общества. В кулуарах под влиянием западничества выдвигался лозунг: победа в войне должна стать *победой не царизма, а демократии.* Опять поднялась информационная шумиха, в которой успехи России замалчивались и принижались, а поражения и потери всячески раздувались. Не дремали и спецслужбы Германии, делавшие свою ставку на российских сепаратистов. Развернулась работа и через радикальных революционеров, считавших свои политические цели выше патриотических. Сначала эта деятельность не имела особых успехов, но нежданно обнаружилась другая беда.

Осенью 1914 года выяснилось, что у всех воюющих государств расход вооружения и боеприпасов оказался гораздо больший, чем предусматривалось. Война же приняла затяжной характер. Европейские державы преодолели кризис по боеприпасам за счёт мобилизации собственных ресурсов. Русское Военное министерство решило, как и прежде, купить необходимое вооружение за границей. Вот тут наши союзники *в сердечном согласии* и подложили России свинью. В Америке Яков Шифф развернул усиленную агитацию против предоставления русским кредитов. Займы, данные Англии и Франции, запретили использовать в интересах России. За те военные заказы, которые всё-таки удалось разместить за рубежом, союзники потребовали оплату на кабальных условиях. Но и в этом случае Россия не получила ничего под предлогом необходимости вооружения собственных армий. Невыполнение обещанных военных заказов явилось крупнейшей диверсией, подорвавшей боеспособность

русской армии. **Это ли не исторический урок для нашего нынешнего руководства?**

А Германия и Австрия весной и летом 1915 года, перебросив на восток основную часть своих дивизий, нанесли главный удар по русским войскам. Под шквальным артиллерийским огнём началось *великое отступление* нашей армии, не имевшей снарядов и патронов. В неравных схватках полегли тысячи русских воинов, многие попали в плен. *Общественность* это поражение не поставила в вину беспардонным союзникам, а свалила всё на страшную отсталость царизма. Однако упрямые факты однозначно говорят о том, что первый серьёзный удар Россия получила не от противников, а от *союзников.*

После дополнительных переговоров Англия и Франция вместо современного вооружения стали слать в Россию залежавшееся на складах старьё, требуя за поставки оплаты втридорога. Царю пришлось обратиться к собственным промышленникам. Те производство вооружения наладили, но запредельно подняли цены. В результате махинаций зарубежных и отечественных бизнесменов стоимость одного дня войны возросла для российской казны с 9,5 млн руб. до 6065 млн руб. А с получением кредитов продолжались трудности в связи с разгулявшейся кампанией против *русского антисемитизма.* И это при условии, что к *угнетённой еврейской нации* принадлежала значительная часть российской адвокатуры, банкиров, владельцев средств массовой информации, тузов торговли. Даже при Государственной Думе была создана «Коллегия еврейских общественных деятелей». Здесь-то и находились корни саботажа, а *общественность* преднамеренно во всём обвиняла царя, якобы вовремя не пошедшего на реформы.

Тем временем положение на фронтах удалось выправить. Русская армия сохранила боеспособность, снабжение войск постепенно улучшилось. Однако в это время активизировались антироссийские прогерманские силы. Возглавил новый заговор Парвус. Он только что провернул свои аферы в Турции, подтолкнув её к войне и спровоцировав резню местных армян. Теперь же, весной 1915 года, Израиль Лазаревич представил правительству Германии свой меморандум, в котором сообщил, что «русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства». И в то же время Германия «не добьётся успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России». И в этом плане «интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров». К сему Парвус приложил план *тайной войны* против своей родины. Германское

правительство сразу же выделило заговорщику крупную сумму денег.

Теперь Парвус занялся консолидацией и координацией действий всех сил, способных вести раскачку и разрушение России — большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов, сепаратистов и националистов всех мастей. В швейцарском Циммервальде была созвана международная конференция, собравшая в основном российских большевиков и меньшевиков пораженческой ориентации. Поскольку всё мероприятие оплачивалось из *кармана* Парвуса, оно вынужденно примирило даже таких оппонентов, как Ленин и Троцкий, которые дружно составляли резолюции о «поражении собственного правительства» и «превращении империалистической войны в гражданскую».

Из Германии через Данию и Швецию в российские банки потекли средства для организации беспорядков, проведения стачек, выпуска листовок. Нашлись деньги и для эмиграции. Дела революционеров сразу поднялись на новый уровень. Получив финансирование, резко увеличила свой тираж газета «Социал-демократ», выпускавшаяся Лениным в Швейцарии. А Троцкий в Париже начал издавать «Наше слово». Сотрудничавшие с ним Урицкий, Лозовский, Антонов-Овсеенко, Луначарский, Чичерин и другие дружно поливали грязью свою родину, получая за это неплохие гонорары.

А Россию буквально наводнили шпионы. Посольства стали крышами для заговорщиков, в число которых втягивались придворные, военные, аристократы, даже родственники царя. Либералы вели агитацию рабочих, чтобы обеспечить своим выступлениям массовую поддержку. Страну губила не *реакционность самодержавия*, а **слабость власти,** которая не могла справиться с внутренними проблемами. Даже тех заговорщиков из числа банкиров и промышленников, которых удалось арестовать, под давлением *общественности* пришлось вскоре освободить. Тогда поднялся шум, что царь покрывает изменников и шпионов.

По данным Министерства внутренних дел, агитация шла вовсю, «располагая огромными средствами **из каких-то источников».** Поступали сообщения, что «настроение рабочих очень скверное. Немцы ведут усиленную пропаганду и **заваливают деньгами** противоправительственные организации».

Возникает вопрос: а откуда у Германии в разгар войны, потратившей огромные средства на свои армию и флот, могли оказаться такие деньжищи? Ни у одной из воюющих держав лишних средств не бывает. Зато избыточные наличные финансы

собрались за океаном. Деньги хлынули в США как оплата военных заказов, промышленных и продовольственных товаров, поставлявшихся в разорённую войной Европу. Имевшая ранее большие долги Америка превратилась в кредитора. Она-то и стала основным источником *германского золота.* Сложными, но хорошо отработанными путями деньги через банки, во главе которых стояли уже знакомые нам лица, переводились нужным адресатам. Германия была только перевалочным пунктом, чтобы запутать следы, скрыть истинных деятелей *мировой закулисы*, а при случае — представить немцев в качестве виновников всех бед.

Не представляется возможным здесь описать все хитросплетения закулисных дел, в которые были втянуты спецслужбы западных стран, правительственные органы, банковские воротилы, промышленники всех стран, российские предатели — все спешили использовать войну и революцию в качестве выгодного бизнеса. Причём **центром концентрации и координации всех тайных сил являлись Соединённые Штаты Америки.** И основная деятельность была направлена **против России.** *Серый кардинал* полковник Хауз наставлял президента Вильсона: всем будет хорошо, «если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальное — поделённая европейская часть страны». За океаном стали скапливаться эмигранты, которые войдут потом в *ленинскую гвардию.* Среди них — Юрий Александрович Ларин (Михаил Зальманович Лурье), близкий к масонским и сионистским кругам, один из сотрудников Парвуса; его зять, Николай Бухарин, известен нам как главный теоретик партии; агент нескольких разведок Александра Коллонтай, работавшая ранее при штабе Парвуса.

Первое крупное собрание революционеров состоялось 14 февраля 1916 года в Нью-Йорке. На нём обсуждались возможности «совершения революции в России, поскольку момент крайне подходящий». Высказывались сомнения в отношении необходимых для этого средств. Однако со ссылкой на Якова Шиффа заверялось, что «проблем с финансами не будет». Через некоторое время в США оказался и Троцкий, высланный из Европы за провокационные публикации. Здесь он попал под личную опеку бизнесмена, бывшего одессита Джулиуса Хаммера и быстро получил американское гражданство и работу в редакции газеты. Не оставляли без внимания российских революционеров и разведки союзников. Так, британский резидент Вильям Вайсман сформировал целую сеть агентов. Главным консультантом его по нашей стране был Соломон Розенблюм, более известный нам как

Сидней Рейли.

А русская армия пока что продолжала успешно сражаться. В марте 1916 года наступление наших войск у озера Нарочь выручило французов, потрёпанных под Верденом. В июне прорыв Брусилова спас разгромленную Италию. К павшим духом французам был направлен русский экспедиционный корпус в 40 тыс. штыков, который встретили с ликованием. Ценой больших жертв и огромных усилий спасли от полного разгрома Румынию. В результате прошедших сражений потери в русской армии были меньше, чем у союзников.

К кампании 1917 года наша армия подготовилась хорошо. Было сформировано 48 новых дивизий, снабжение шло широким потоком. На вооружение поступали изготовленные на отечественных предприятиях тяжёлые орудия, броневики, самолёты, винтовки, пистолеты и боеприпасы к ним. 6 февраля Ставка утвердила планы наступления и намечавшуюся на **март-апрель** Босфорскую десантную операцию, в соответствии с которыми началось сосредоточение войск. На противника готовы были обрушиться такие удары, которым тот противостоять не смог бы. Предполагалось, что война закончится летом, максимум — осенью 1917 года.

В общем, триумф был близок, и, значит, Россия становилась победившим государством. Но такой результат совершенно не устраивал наших так называемых *союзников* — ведь тогда пришлось бы делиться трофеями и отдать в распоряжение России проливы Босфор и Дарданеллы, запиравшие наш флот в Чёрном море. Но если России не будет в числе держав-победительниц, тогда никакого дележа с ней не потребуется. Следовательно, самый подходящий вариант для *союзников* — это не победа, а уничтожение России и Германии как крупных держав, с полной ликвидацией их экономического потенциала. Для этого желательно возникнове-ниє в этих странах хаоса и гражданской войны как факторов окончательного ослабления. Причём в России революцию надо было устраивать не позднее февраля, то есть до начала войсковых операций. И вот умение английской разведки провоцировать смуту и смену неугодных режимов слилось с желанием российской элиты к сокрушению самодержавия в своей стране. Их действия не были вовремя пресечены государем, окружённым предателями, им же самим назначенными на высокие посты.

В это время по стране вдруг прокатились волны забастовок и беспорядков, очевидных причин для которых, вроде бы, не имелось. По распоряжению царя, находившегося в Петрограде, были приняты решительные меры для успокоения ситуации. И

Николай II уехал в Ставку, в Могилёв. А на следующий день началось!

Историк Н.В. Стариков [Л.6] буквально по дням и часам проследил развитие событий тех роковых для России лет и пришёл к выводу, что как Февральская, так и Октябрьская «русские» революции 1917 года были *спровоцированы нашими союзниками* — Великобританией и США, в меньшей мере Францией. Причины февральского выступления рабочих Петрограда вообще не ясны. Вроде бы, голодные люди (вследствие сильных морозов из строя вышли 1400 паровозов, что вызвало нарушение поставок продовольствия) стихийно взбунтовались. Но ни большевики или меньшевики, ни кадеты или октябристы, ни эсеры или социал-демократы революцию не организовывали. Даже Ленин, отдыхавший в Швейцарии, писал, что «революционной ситуации в России нет».

Итак, 23 февраля 1917 года, в тогдашний международный женский день, неожиданно начались непонятные выступления. На предприятиях (причём исключительно оборонного назначения) произошли рабочие стачки, к которым никто не призывал. На улицы вышло много представительниц прекрасного пола с лозунгами «Долой войну!» и «Хлеба!» Говорили, что «на заводах кто-то раздавал деньги и призывал к бунту». Вместо принятия решительных мер против беспорядков в условиях военного времени полиции и войскам запретили применять оружие. Безнаказанность привела к ещё большей смуте, которая теперь очень напоминала хорошо известные нам бархатные, розовые и оранжевые революции. Начались погромы, грабежи магазинов, избиение полицейских, стрельба. Кто же оплачивал тогда простой *голодавших* рабочих?

А в Ставку царю сообщали успокоительную информацию, потому реальная картина происходившего в столице ему оказалась не известна. 27 февраля был спровоцирован военный бунт, при котором начали убивать офицеров. Разгромили арсенал, истребили полицию, сожгли окружной суд и выпустили арестантов из тюрем. Получилось так, что действенной власти в Петрограде больше не существовало.

2 марта 1917 года путём предательства Николая II заставили отречься от престола, причём в нарушение закона не в пользу своего наследника Алексея, а брата Михаила Романова. Но и последнего принудили не принимать престол, а передать власть Временному правительству. **Задумка врагов России о свержении самодержавия была успешно реализована.** Но теперь за *бескровным* и *демократическим* Февралём вдали просматривался трагический Октябрь. В истории России наступал

один из самых трудных её этапов, который был **тщательно подготовлен** теми, кто пришёл к власти, и их *закулисными кукловодами.*

Союзники России радостно приветствовали подготовленную на их деньги Февральскую революцию. Первыми марионеточное Временное правительство официально признали, естественно, Соединённые Штаты Америки, затем Франция, Англия и Италия, вскоре к ним присоединились Бельгия, Сербия, Япония, Румыния и Португалия. Никто не ожидал, что буквально за считанные дни операция *союзных спецслужб* успешно закончится изменением государственного строя России.

Временное правительство при активном участии министра юстиции А.Ф. Керенского для начала дало невиданные ранее свободы и права, провело реформы и преобразования, а затем под аккомпанемент красивых речей уверенно повело Россию к гибели. Развал начался с армии, в которой стал действовать Приказ № 1, изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов (вторая власть в России) ещё до отречения царя и теперь опубликованный в газете «Известия». Вместо единоначалия вводились решавшие все вопросы «комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Офицерам оружие *ни в коем случае* не должно было выдаваться (это в военное-то время!) *даже по их требованиям.* В строю «солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину», а вовне службы «ни в чём не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». Выполнять приказ начальника или нет, идти в атаку или отсидеться, решать теперь следовало голосованием.

Следующий удар был нанесён по государственной вертикали власти. Временное правительство разово уволило всех губернаторов и вице-губернатров, не назначив взамен никого. Вопрос о власти предоставили решать местному населению самостоятельно. Это привело к хаосу и анархии. Проблемы в воюющей стране начались сразу во всех областях жизнедеятельности. Всех политических заключённых предписывалось из тюрем освободить и в связи с этим «передать им поздравления от нового правительства». А затем была объявлена всеобщая амнистия. На волю вышли тысячи воров и налётчиков, прозванных *птенцами Керенского*, а за ними и уголовники, которые скоро примут активное участие в неслыханных зверствах Гражданской войны.

Далее были преобразованы суды и отменена смертная казнь не только за политические, но также за уголовные и воинские преступления. Жандармерию и полицию расформировали. Вместо полиции решили создать народную милицию. Теперь не стало

препятствий для возвращения *реэмигрантов,* поскольку в самой *демократичной* стране упразднили контрразведку. Да предателям и шпионам, которые стояли у власти, она совершенно была не нужна и даже опасна. Однако после объявленных свобод и амнистий тюрьмы не пустовали. За решётку отправились *реакционеры*, то есть те, кто пытался противостоять воцарившемуся в стране произволу. Писали, что *арестованных масса.*

Временное правительство создало конфликтную ситуацию и в самом болезненном — земельном — вопросе. В казну конфисковали земли, принадлежавшие свергнутому монарху и всем остальным Романовым. По аналогии в условиях вседозволенности и произвола начался стихийный захват частных земель. Пошли разгромы помещичьих имений. Вместо работы крестьяне стали бороться друг с другом, следя за тем, кто какой клин урвал. *Чёрный* передел земли, немедленно подхваченный немецкой пропагандой, сразу же ударил по дисциплине в армии. Солдаты дезертировали, чтобы попытаться в своей деревне получить надел.

Очень продуманно конфликтная ситуация была создана и в промышленности, когда правительство заставило владельцев предприятий ввести 8-часовой рабочий день и поднять зарплату рабочим. Надвигалась и всеобщая стачка железнодорожников. **В условиях войны** вся Россия перестала работать и принялась бороться за свои права. Как следствие нестабильности, **русские капиталы потекли за границу,** в основном к *союзникам:* в Англию и Францию, чуть в меньшей степени — в Швейцарию и США.

В возникшем в течение короткого времени всеобщем хаосе Временное правительство создавало различные комиссии и принимало звучные декларации, делало громкие заявления, не пытаясь достигнуть каких-либо результатов. Именно потому, что **так и было предусмотрено разрушение России** *закулисными силами.* Многие члены Временного правительства не соглашались с проводившейся политикой и в знак протеста уходили в отставку. В итоге из первого состава министров к моменту разгона временщиков остался один только премьер — Керенский, который прекрасно знал, чьи задания по *переустройству* России своими якобы *непродуманными* действиями он выполняет.

Как только *свершилась* Февральская революция, находившийся в Швейцарии Ленин срочно засобирался в Россию. Но как попасть на родину? С территории, окружённой воюющими странами, выбраться было не так-то просто. Более естественный путь — через страны союзников Антанты. Но, пишет Ленин

казначею партии Я.С. Ганецкому: «Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует». Противник в лице Германии — тем более. И вдруг (опускаем подробности) немцы дали согласие на пропуск через свою территорию *пломбированного вагона с* российскими эмигрантами. Такой вопрос в очень короткий срок могли решить только *закулисные силы.* Значит, *кому-то* **Ленин был очень нужен именно в России** для того, чтобы взять власть в свои руки, но не для спасения страны, а для окончательного её разрушения. Именно такую задачу решали сейчас **англичане,** а для маскировки **проделывали всё это руками немцев.**

Операция была организована спецслужбами столь надёжно, что Ленин даже выставил требования немцам о поездке: «Вагон является экстерриториальным, едут в нём эмигранты без проверки паспортов и багажа». Всего в вагоне находились 29 пассажиров и 2 детей. Вот некоторые знакомые фамилии: Ульянов Владимир Ильич (Ленин), Ульянова Надежда Константиновна (Крупская), Арманд Инесса Фёдоровна, Радомысльский Овсей Гершен Аронович (Зиновьев), Бойцов Н. (Радек К.Б.) (Собельсон), Бриллиант Григорий Яковлевич (Сокольников) и другие из будущей ленинской гвардии. После железной дороги поездка продолжилась морем на пароме в Стокгольм, где в русском генеральном консульстве путешественников радостно встретили и вручили необходимые документы, деньги, а также билеты до места назначения, оплаченные Временным правительством.

И вот 3 апреля 1917 года в Петрограде на Финляндском вокзале прибывших реэмигрантов торжественно встретили, и Ленин, которого вдруг стали представлять *вождём революции*, произнёс свою знаменитую речь, призывавшую **к свержению** существующего строя и закачивавшуюся словами: «Да здравствует социалистическая революция!» И никто его за это не арестовал. **Значит, так и было задумано.**

Однако «Апрельские тезисы» не произвели на однопар-тийцев особого впечатления. Но с помощью интриг прибывшего из ссылки Якова Михайловича Свердлова Ленину удалось одержать убедительную победу над своими оппонентами. При этом сам Свердлов был избран в новый Центральный Комитет и возглавил Секретариат ЦК. В его ведении оказались кадры и финансы — святая святых партии.

А через месяц тем же путём, через Германию-Швецию-Финляндию, двумя поездами в таких же *пломбированных* вагонах прибыли в Россию ещё две группы общей численностью несколько сот человек меньшевиков, эсеров, бундовцев и других революционеров — **кадры для будущей власти.**

Засобирался в Россию и Троцкий, пребывавший в Нью-Йорке. Посетив Якова Шиффа, он получил от банкира 20 млн долларов (по нынешнему курсу — почти миллиард) и пароход, нагруженный стрелковым оружием и боеприпасами. С собой взял на борт 270 добровольцев-реэмигрантов, всех еврейского происхождения. Остальные не поместились, поэтому несколько тысяч *интернационалистов* были отправлены позже с тихоокеанского побережья во Владивосток. После некоторых задержек в пути 4 мая 1917 года Троцкий с *соратниками* прибыл в Петроград. Здесь, после торжественной встречи, Ленин (по совету Крупской) сразу же принял Льва Давидовича, хотя ранее *коллеги* находились в ссоре. **Какие же силы повлияли** на то, что Троцкого, только в июле вступившего в партию, сразу же избрали членом ЦК, председателем Петросовета и председателем Военно-революционного комитета партии большевиков? Просто: если Ленин был организатором партии, то Троцкий оказался её *денежным мешком.* Здесь же появился и Парвус, который передал Троцкому дополнительные средства якобы от немецкого Генерального штаба, а на самом деле от банкирского дома Ватбургов. Прибывшие из-за океана реэмигранты плохо говорили по-русски, поэтому их представили в качестве *прибалтов* (латышей, литовцев и эстонцев с соответствующими именами) и направили в разные города и веси для проведения агитации.

Внутри России кипела работа по сколачиванию из прибывших и имевшихся разнородных кадров дееспособных структур. Вокруг **трёх лидеров** — Ленина, Свердлова и Троцкого — собирались старые соратники: Луначарский, Володарский, Урицкий, Иоффе, Мануильский, Рязанов, Коллон-тай, Ларин, Козловский, Церетели, Скобелев и др. Реальным же костяком организации становились прибывавшие из-за рубежа *интернационалисты.*

Уже к концу апреля немцы пришли к выводу, что Россия ослабла настолько, что её можно не опасаться. Начали строиться планы по колонизации восточных земель с обозначением на картах мест будущего проживания нерусского населения.

Американцы действовали другим путём. В Россию хлынули широким потоком дельцы и предприниматели, с которыми Временное правительство заключало самые невыгодные для нас сделки. Министерство торговли предлагало американцам в концессию нефть и уголь на Сахалине, золоторудные месторождения на Алтае, медные рудники на Кавказе, железные дороги на Урале. Однако сделки носили лишь краткосрочный, спекулятивный характер — не ясно пока было, что ждало Россию в ближайшем будущем.

Несмотря на то что *союзники* уже нанесли России очередной

удар в спину, помогли нарушить аппарат управления, внедрить *свободы*, вплоть до анархии, разложить армию, страна продолжала жить и сражаться как бы по инерции. Чтобы разрушить это пока что устойчивое состояние, **требовались новые потрясения.** И они не заставили себя ждать.

Союзники насели на Россию, требуя выполнить обещание о наступлении на фронтах. Сами англичане и французы уже предприняли несогласованное с нашим командованием наступление и потерпели сокрушительное поражение. **Теперь установлено,** что начало этой заведемо бесперспективной атаки как раз и явилось *немецким условием* беспрепятсвенного проезда через Германию *пломбированного вагона* с Лениным и его спутниками. После такого провала крупная операция на Восточном фронте теряла смысл. Верховный Главнокомандующий Брусилов, командующие фронтами пытались возражать. Но на Временное правительство стали давить дипломаты, в Петроград нагрянули американские миссии и делегации, обещавшие крупные кредиты, размеры которых ставили в зависимость от масштабов наступательной операции. В результате совместного давления Запада было принято решение — наступать, невзирая на неустойчивое положение в тылу. В это время, 3 июня 1917 года, в Петрограде открылся I Всероссийский съезд Советов, и ЦК большевиков постановил использовать его для захвата власти. Предполагалось поднять рабочих, гарнизон, скинуть Временное правительство и передать всю власть съезду. Однако действия большевиков были несогласованными, и потому на экстренном заседании ЦК большинством голосов приняли отмену восстания.

18 июня началось наступление на фронте, которое заведомо было обречено на провал, поскольку солдаты митинговали и не хотели идти в бой. Лишь на Юго-Западном фронте армия под командованием Л.Г. Корнилова прорвала неприятельские позиции. Даже ограниченными силами наши войска наголову разгромили австро-венгерские части. Но из-за пассивности на других участках немцы смогли перебросить свои дивизии для контрудара.

А в это время в Петрограде вспыхнул мятеж, который инициировали троцкисты. 3 июля взбунтовались пулемётный полк и ещё несколько частей, поднялся Кронштадт, забастовали заводы. На начальном этапе путчем распоряжались Троцкий, Свердлов, Луначарский и Подвойский, потом присоединились другие большевики. Через два дня мятеж был подавлен, но беспорядки в тылу оказали своё пагубное влияние на *демократизированную* армию. Под ударом немецких частей фронт развалился, наши войска в панике бежали.

Такое состояние дел возмутило **патриотически настроенную часть общества.** Посыпались требования покончить с развалом страны и армии. Во главе Временного правительства встал Керенский, а Верховным Главнокомандующим был назначен Корнилов. Жёсткими мерами Главком восстановил фронт, пресёк бунты. В тылу были закрыты газеты, проводившие разлагающую агитацию. Арестовали Каменева, Иоффе, Антонова-Овсеенко, Коллонтай, потом Троцкого и Луначарского. Но Свердлов как член ЦИК Советов и депутат городской думы остался на свободе. Ленин и Зиновьев скрылись в Разливе, а потом перебрались в Финляндию.

Помимо арестов, **главным ударом** для революционеров стало **вскрытие каналов финансирования.** Русская контрразведка ещё раньше располагала информацией о них. Имелись исчерпывающие доказательства шпионской деятельности Коллонтай, Радека, Ганецкого, Раковского. После путча эти обвинения были пущены в ход. Большевикам пришлось прятать концы в воду, обрывая контакты, имевшие *немецкий след.* Но где тогда брать деньги? Революции — дело дорогостоящее. Поскольку Троцкий был связан с США и Англией, то его финансовые каналы были *чистыми.* Пришлось большевикам объединяться с троцкистами, называвшимися тогда *межрайонцами.* Организовал всё Свердлов, подготовивший VI съезд партии. Главный политический доклад на съезде по поручению Ленина сделал Сталин. А Свердлов, являвшийся председательствующим, в своём организационном выступлении горячо приветствовал пришедших к большевикам троцкистов. Съезд принял курс на вооружённое восстание. Дело о немецких деньгах через некоторое время замяли (не без помощи Керенского), зато ЦК партии теперь стал большевистско-троцкистским.

Патриотические силы России продолжали требовать прекращения смуты в стране и дезорганизации в армии. Все надежды были связаны с Корниловым, у которого имелись планы восстановления порядка и укрепления власти. Однако в высших кругах *мировой закулисы* считали, что Россия должна пасть окончательно и выйти из войны. Страну планировали довести до такого состояния, при котором она никогда больше не сможет быть конкуренткой Запада. Более того, её саму хотели пустить в раздел вместе с побеждёнными странами. Проводником этих идей продолжал оставаться Керенский, который ещё более укрепился во власти, разогнав Кабинет министров и присвоив себе диктаторские полномочия. Связником с американским и английским посольствами, откуда поступали все указания агенту

Александру Фёдоровичу Керенскому, был министр финансов Терещенко, неизменно остававшийся при портфеле при всех реформациях Временного правительства. Именно оттуда приказали «объявить Корнилова изменником и арестовать». В это же время все арестованные революционеры, которые, кстати, содержались в тюрьмах в прекрасных условиях, были выпущены на свободу.

В сентябре 1917 года Керенский, хотя и сформировал четвёртый кабинет Временного правительства, всё дело вёл к тому, чтобы сдать власть большевикам. И революционеры готовились к решительному повороту. Троцкий, избранный председателем Петроградского Совета, зажигал толпы, произнося пламенные речи. Усиленно работали практики-организаторы Свердлов, Сталин, Дзержинский, Молотов, Антонов-Овсеенко, Иоффе. Приближение крупных перемен чувствовали многие. Из страны через банки начался отток капитала. Российские и иностранные толстосумы переводили свои деньги за рубеж. Утечка финансов приняла такие размеры, что нечем стало платить жалованье рабочим, служащим, военным. Временное правительство решило печатать ничем не обеспеченные *керенки.* Финансовая система России начала обваливаться, что привело к закрытию заводов и фабрик, появлению тысяч безработных. А в это время немцы провели войсковую операцию, которой не могли противостоять российские разложившиеся армия и флот, в результате чего противник вышел на дальние подступы к Петрограду.

В этот период подготовка большевиков к захвату власти шла полным ходом. В октябре Ленин вернулся в Петроград. ЦК партии сформировал Военно-революционный комитет, а для руководства им образовал Военно-революционный центр во главе с Троцким. Ленин настаивал на немедленном взятии власти до начала II съезда Советов, который должен был утвердить легитимность нового руководства страны. Прекрасно зная о предстоявшем перевороте, Временное правительство, которое, впрочем, за его разрушительную деятельность уже никто не поддерживал, ничего не предпринимало для своей защиты. Более того, Керенский сделал всё, чтобы революция осуществилась беспрепятственно.

Вечером 24 октября (6 ноября) 1917 года план большевиков по захвату власти был запущен в действие. Красногвардейцы заняли вокзалы, банки, телеграф, типографии, телефонную станцию. Но оказалось, что перевороту вообще никто не противостоял. Власть перешла в руки большевиков практически без сопротивления.

25 октября (7 ноября), когда активные действия были в

основном завершены, Керенский, бросив своё правительство, укрылся в посольстве США, откуда на дипломатической машине с американским флагом был вывезен из Петрограда. Теперь понятно, чьи указания добросовестно отрабатывал на своём высоком посту Керенский, ставший впоследствии советником президента США Вильсона по русскому вопросу.

Вечером 25 октября (7 ноября) открылся II съезд Советов, на котором Троцкий зачитал воззвание о низложении Временного правительства. Эсеры, меньшевики и бундовцы, имевшие большую часть мандатов, возмутились и покинули зал заседания. Оставшиеся большевики при стечении солдат, матросов и прочих граждан дружно приняли резолюцию о том, что «съезд берёт власть в свои руки». Затем приняли Декрет о мире, Декрет о земле, утвердили состав правительства и Совет Народных Комиссаров. Председателем СНК стал Ленин. Наркомом иностранных дел по предложению Свердлова назначили Троцкого. В правительство также вошли Сталин, Рыков, Милютин, Луначарский, Ларин и др. А все более мелкие посты в наркоматах и ведомствах заняли в основном *люди Троцкого.*

Новая власть сразу же занялась… чисткой архивов. Огромное количество улик о связях с противником, собранных следствием после июльских событий, исчезло без следа. Для потомков оставили лишь один документ, наводивший на мысль о том, что всё делалось на *немецкие деньги.* Но сохранились свидетельства того, что огромные суммы, потраченные на развал России, были не немецкими, а **американскими.**

На следующий день после переворота нарком иностранных дел Троцкий разослал иностранным дипломатам ноту с предложением «о перемирии и демократическом мире без аннексий и контрибуций». Страны прогерманской коалиции восприняли предложение с удовлетворением, поскольку в мирных условиях русская армия окончательно разложится и не будет представлять серьёзной опасности. Страны Антанты восприняли весть с возмущением, заявив протест, поскольку односторонние поиски мира нарушали союзнические обязательства.

США, нелегально финансировавшие правительство Керенского и русскую революцию, заняли позицию якобы невмешательства в большевистские дела. На самом деле американцы начинали новую крупную игру не только в России, но и на мировой арене. Заокеанские дельцы стремились влезть в европейскую политику, переиначив все международные отношения на собственный лад. А поскольку у большевиков возникли серьёзные финансовые трудности, то в начале декабря через ненационализированный «Нэшнл Сити банк» в Петроград

был перечислен 1 млн долларов. Для действий *на заднем плане* американцы использовали миссию Красного Креста, начинённую разведчиками. Англичане организовали аналогичное представительство под эгидой генконсульства в Москве во главе с дипломатом и разведчиком Брюсом Локкартом. Подобную миссию создали и французы. Нашим *союзникам* не терпелось, чтобы «Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем».

Таким образом, говорить о дружной *ленинской гвардии*, осуществившей революцию в интересах «трудящихся и эксплуатируемых народов России», нет никаких оснований. Сам Ленин, действительно, был идейным и убеждённым революционером, искренне уверенным в необходимости построения *социализма во всём мире*, ради чего можно было идти на любые компромиссы и жертвы. Надеясь сыграть *на противоречиях* империалистических держав, он считал возможным во имя реализации *великой цели* воспользоваться *временно* немецкими или американскими деньгами. Когда революция из России распространится на все другие страны, банковским кредиторам просто некуда будет деваться, как только простить имевшиеся долги. Ленин верил в необходимость насильственного внедрения социалистического способа хозяйствования как наиболее передового и прогрессивного, для чего следовало не только подавить сопротивление *эксплуататоров*, но и полностью *ликвидировать* их *как класс*. Вождь партии был убеждён, что после победы нового общественного строя народ сам осознает правильность избранного пути, и тогда все беды и страдания окупятся общим благом.

Однако подобная перспектива совершенно не устраивала антироссийские *закулисные силы*, вложившие свои деньги в развал великой страны. Для того чтобы иметь возможность *корректировать* политику Ленина и большевиков в нужную *им* сторону, в руководящие органы партии и страны под видом *пламенных революционеров* усиленно внедрялись *оборотни*, работавшие на своих зарубежных хозяев. Председатель Совнаркома мог планировать всё, что он считал нужным, но *реально управлял* советским государством не только он. Так, Свердлов возглавил Секретариат ЦК партии и высший законодательно-исполнительный орган — ВЦИК Советов. Именно через него подготавливалось и контролировалось выполнение всех партийных и правительственных решений. Кроме того, он стал главным распорядителем кадровой политики, через которого осуществлялось назначение в среднем звене руководства *своих людей* из числа нескольких тысяч хлынувших в страну

интернационалистов. При этом все денежные средства находились у Троцкого, в связи с чем все структуры большевистского правительства вынуждены были занимать у Льва Давидовича необходимые им суммы под расписку.

Несмотря на то что 14 (27) ноября 1917 года провозгласили днём окончания гражданской войны и *величайшим днём* всей революции, кровавые события ещё только начинали разгораться. Жестокость, порой проявлявшаяся в стихийных эксцессах, начала насаждаться искусственно. Так, Свердлов направил своих эмиссаров на Черноморский флот, поставив им задачу, по примеру Кронштадта, организовать массовое убийство офицеров. Задание было выполнено с помощью собранных в банды головорезов. Севастополь, Ялта, Феодосия, Симферополь, Евпатория омылись кровью. Это было только началом геноцида русского народа.

Октябрьский переворот ускорил дезинтеграцию страны. Стали отделяться национальные окраины, образовывая собственные правительства. В тех районах, где существовала социальная и национальная рознь, она усиленно подогревалась. Направлявшаяся для усмирения Красная гвардия состояла отнюдь не из рабочих и крестьян, разбежавшихся по домам, а собрала в свои ряды деклассированные элементы, которые предпочитали побездельничать и пограбить и не возвращаться к повседневному труду. Поэтому «триумфальное шествие Советской власти» оборачивалось волной погромов и жестокости.

К разжиганию гражданской войны приложили руку и иностранные державы. Немцы и австрийцы поддерживали украинских, грузинских и прибалтийских сепаратистов и в то же время силами спецслужб оказывали помощь большевикам. К странам Антанты обратились противники Советской власти — Корнилов, Каледин, Алексеев. Им *союзники* обещали всякое содействие, но всё ограничилось только небольшими деньгами, которые переводились далеко не всегда. В то же время они выразили готовность признать независимость Финляндии и Украины. Такое двурушничество привело к тому, что русские начали ожесточённо воевать против русских.

А внутреннее положение России продолжало ухудшаться. В ленинских планах построения социалистического общества всё выглядело просто и ясно: захват власти, подавление сопротивления эксплуататоров, уничтожение буржуазии как класса, превращение всех граждан в служащих по найму у государства. Всё общество предполагалось сделать «одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». Но сделать такую *фабрику* получилось совсем не просто.

Результаты реформ оказались далёкими от ожидаемых. Национализация предприятий разрушила систему их связей и снабжения, поэтому заводы стояли без сырья и топлива. Законы отменили, а так как новых не было, рекомендовали руководствоваться *классовым революционным правосознанием.* Поскольку крупные банкиры и промышленники благополучно выехали за рубеж, навалились на интеллигенцию, служащих, чиновников, торговцев, приказчиков, отставных военных как на «подлежащий уничтожению класс буржуазии». В то же время американские деляги паслись в России, собирая *обильные урожаи*, но никто их *буржуями* не называл и не преследовал. Недовольство Советской властью нарастало.

Все ожидали открытия Учредительного собрания, которое должно было установить конституционный строй России. Но на первом же заседании, состоявшемся 5 января 1918 года, Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», в которой *учредилке* предлагалось всего лишь узаконить большевистскую власть. Собрание декларацию категорически отвергло, и потому было разогнано большевиками как *контрреволюционное.*

Открывшийся 10 января 1918 года съезд Советов объявили высшим органом власти. Делегаты охотно приняли на себя такую функцию и одобрили состав правительства, политику Совнаркома и упомянутую декларацию. В отличие от Учредительного собрания иностранные *представители рабочих* горячо приветствовали решения съезда.

За помощь в доставке российских революционеров в *пломбированных вагонах* Германия надеялась на заключение с Россией сепаратного мира. Измочаленная войной Австро-Венгрия готова была на любые условия. Но немцам, вынесшим основные тяготы боёв, хотелось заполучить от России побольше. На проходивших с ноября 1917 года в Брест-Литовске затяжных переговорах, которые на первом раунде возглавлял Адольф Иоффе, а затем его сменил нарком иностранных дел Троцкий, центральные державы выставили жёсткие требования, фактически лишавшие Россию её западных губерний. Принять такие условия большевики не могли, и переговоры зашли в тупик. Однако в январе 1918 года заседания продолжились. Российскую делегацию опять возглавлял Троцкий. Австрийцы надеялись, что их бывший агент, работавший на спецслужбы, пойдёт на уступки. Но Лев Давидович давно сменил прежних хозяев на американцев и потому проявлял упорство. Да и в самом большевистском руководстве не было единого мнения по вопросу войны и мира. На заседании ЦК была предложена *компромиссная* формула:

«Мира не заключаем, но и войны не ведём». Но в это время Германия и Австро-Венгрия подписали с украинской Центральной Радой сепаратный мир, что позволило избавить эти страны от голода и бунтов. В этой обстановке немцы заговорили языком ультиматумов, потребовав от большевиков убраться с территории дружественного Германии *государства* Украины. В ответ Троцкий сделал неожиданное заявление: «Войну прекращаем, армию распускаем, переговоры разрываем». При этом отдал приказ о полной демобилизации русской армии. На такое действие нарком иностранных дел не имел никакого права, но советское руководство почему-то приняло этот приказ к исполнению. Остатки воинских подразделений потекли в тыл. Немцы не преминули воспользоваться сложившейся ситуацией и двинули свои части вперёд. Хотя силы интервентов были ограничены, никто не оказывал им реального сопротивления. И никто не останавливал немцев *в боях* под Псковом и Нарвой. Просто германским войскам изначально предписывалось там остановиться, хотя они вполне могли дойти и до Петрограда. Немецкое командование опасалось, что захват столицы вызовет в России патриотический подъём, который стимулирует активизацию боевых действий русских.

Тем не менее 21 февраля 1918 года Совнарком издал декрет «Социалистическое отечество в опасности» и известил Германию по радио, что согласен продолжить переговоры. Теперь немцы предъявили ультиматум с очень тяжёлыми для России условиями. По настоянию Ленина 3 марта советская делегация в Бресте всё-таки подписала мир, который затем был утверждён VII съездом партии. Результатом политики Троцкого на переговорах явилось отделение Украины, Крыма, Белоруссии, Прибалтики, Финляндии и Закавказья.

Однако в связи с сохранением реальной угрозы захвата немцами Петрограда, а также из-за продолжения *революционного* брожения в городе в начале марта 1918 года советское правительство тайно покинуло город на Неве и переехало в Москву, вернув ей столичный статус. Интересно, что переезд осуществлялся тремя эшелонами. В первом составе ехал Свердлов с ближайшим окружением и техническим персоналом. Яков Михайлович быстро *освоил* Московский Кремль и стал распоряжаться здесь служебными помещениями и жильём на правах хозяина. Со вторым эшелоном прибыл Ленин с основной частью правительства. А вот Троцкий несколько задержался, и в этот период определённого междувластия некая *питерская часть ЦК* во главе с Зиновьевым и Иоффе вдруг назначила его наркомом по военным и морским делам, обосновав это решение

тем, что оно будет иметь *политическое значение* особенно для Англии и Франции. И что удивительно, 14 марта это назначение Совнарком утвердил, и Троцкий стал ещё председателем Высшего военного совета республики. В Москву Лев Давидович покатил в одном вагоне с Брюсом Локкартом, Джорджем Хиллом и другими сотрудниками британской миссии.

Таким образом, краткое знакомство с событиями в России показывает, что после Октябрьского переворота к власти в стране пришли в основном **не лучшие руководители -***большевики*, боровшиеся за интересы своего народа. Победившая партия представляла собой отнюдь не *дружную когорту единомышленников*, а состояла из собравшихся вместе на общем фундаменте марксизма ленинцев, свердловцев, троцкистов, сталинистов, бухаринцев, преследовавших свои интересы. Причём многие *\аз российских революционеров* были продвинуты и оплачены *мировой закулисой*, а потому добросовестно выполняли волю этой *тёмной силы*, стремившейся (и стремящейся) разрушить Россию. В связи с этим в результате *русской революции* в высшем и среднем эшелонах власти оказались сплошь евреи, латыши, эстонцы, поляки, мадьяры, немцы, кавказцы. К тому же в советском руководстве было очень широко представлено масонство различных лож, к которым принадлежали Троцкий, Чичерин, Луначарский, Середа, Ломоносов, Ларин-Лурье, Скворцов-Степанов, Петровский, Радек, Горький и др. Вот почему **подлинная история** моей страны была заменена всякими *мифами*, предназначенными для сокрытия действительного положения дел и имён *антигероев.*

Но среди этого сброда были и **настоящие патриотические силы** — те *большевики*, которые группировались вокруг **И.В. Сталина.** Трудно себе даже представить, насколько сложно было недоучившемуся грузинскому семинаристу работать в такой обстановке, суметь переиграть всех своих противников вовсе **не корысти ради,** а для того чтобы сделать разорённую страну могущественной державой.

Глава 3. Гражданская трагедия

Те книги, по которым мы в своё время изучали Гражданскую войну [Л.27], [Л.35], не давали нам ответа на многие вопросы об истинных причинах и движущей силе этой беспрецедентной кровавой бойни, не позволившей даже точно подсчитать число жертв. Нами здесь не ставится задача рассказать обо всех событиях того исторического периода России. Отметим только некоторые ранее умалчивавшиеся сакральные моменты ужасной российской трагедии, ныне описанные историками [Л.7], [Л.8], [Л.10].

Хорошо известно, что в декабре 1917 года правительства Англии и Франции с ведома и согласия США заключили между собой тайное соглашение о разделе сфер действия: Франция претендовала на Украину, Крым и Бессарабию, Англия нацеливалась на Дон, Кубань и Кавказ. После заключения Брестского мира, когда боевые действия Германии были приостановлены, американские, английские и французские войска высадили десант в Мурманске. Японский отряд появился во Владивостоке. За ним притопали англичане.

Неприглядную роль в разрастании Гражданской войны сыграл Чехословацкий корпус, главнокомандующим которого являлся эмиссар еврейского Интернационала Масарик. Создавалось это войско ещё в 1916–1917 годах из пленных, пожелавших сражаться против Австро-Венгрии за независимость Чехословакии. При общем развале русской армии этот корпус сохранил боеспособность и был утверждён Керенским как «независимая чехословацкая армия», дислоцировавшаяся в Киеве, но фактически находившаяся **под американским командованием.** Официально численность корпуса составляла 50 тыс. человек, но в биографии Масарика указывалось, что в чехословацкой армии было 92 тыс. бойцов. Кроме того, в помощь им формировались добровольцы во Франции, Италии и США.

После заключения Брестского мира немецкие войска, по просьбе Украинской Рады, вошли в том числе и в Киев и выгнали оттуда Чехословацкий корпус, состоявший для Германии из предателей в прошедшей войне. Основная часть чехов и словаков отступила вглубь России и была размещена в Пензе. В связи с формированием во Франции чешской армии под командованием генерала Жанена было решено, что Чехословацкий корпус переходит в его подчинение и будет выведен туда с территории России, но почему-то не через ближайший порт Мурманск, а через Владивосток. Троцкий сначала хотел вообще включить это войско

в состав Красной Армии, но у США, выделивших на содержание и вооружение Чехословацкого корпуса 7 млн долларов, имелись свои планы. Заокеанскими хозяевами была поставлена задача *расчистить и взять под контроль* Транссибирскую магистраль. Чехословацкий мятеж стал детонатором целой цепи восстаний, активизировавшей силы, недовольные властью большевиков. Поднялось уральское, оренбургское и сибирское казачество. Возникли правительства в Самаре, Омске, Владивостоке. Конечно, державы Антанты объявили о необходимости принять чехов под своё покровительство, в результате чего началось открытое иностранное вторжение. В дополнение к уже имевшимся интервентам в Сибирь было направлено 7,5 тыс. американских военнослужащих, 4 тыс. канадских, 1,5 тыс. британских, 2 тыс. итальянских, 1 тыс. французских и 70 тыс. японских. Но американские и англо-канадские войска предназначались не для боёв, а для того чтобы *регулировать обстановку*. Воевать за их интересы должны были русские и чехи.

Интервенты и белогвардейцы предприняли наступление и в других районах страны. Из Мурманска они двинулись к Петрозаводску, угрожая Петрограду. Англичане вошли в Туркестан и Закавказье. Игнорируя условия Брестского договора, Германия вторглась в Финляндию, оккупировала Прибалтику, Белоруссию и Украину, захватила район Дона. Кольцо блокады замкнулось вокруг Советской республики. В захваченных районах интервенты осуществляли неслыханный террор, десятки тысяч рабочих и крестьян, оказывавших малейшее сопротивление, беспощадно уничтожались.

Страна оказалась отрезанной от важнейших продовольственных и сырьевых ресурсов, предприятия останавливались из-за отсутствия топлива, электростанции не работали, транспорт не справлялся с перевозками. Народ голодал, что привело к возникновению эпидемии сыпного тифа. К тому же агенты интервентов повсюду организовывали мятежи, диверсии, заговоры. Средства массовой информации вели клеветническую кампанию против страны Советов.

Став в марте 1918 года наркомвоенмором, Троцкий занялся формированием новой армии, причём консультантами у него оказались исключительно иностранцы: полковник Робинс из американского Красного Креста, французские представители Лаверн и Садуль, от английской миссии — Брюс Локкарт и Сидней Рейли. Вместе с ними сотрудничали британские разведчики Хилл и Кроми. Российскую сторону представляли Склянский, Смилга, Лашевич. Открыто декларировалось, что иностранные *специалисты* помогают большевикам создавать

армию против Германии. На самом деле отряды формировали не из русских воинов: костяк составляли *интернационалисты* — латыши, эстонцы, китайцы. Кроме того, в состав красных войск было введено 250 тыс. немецких и австрийских пленных. Ясно, что такую армию, состоявшую из наёмников, которые щедро оплачивались из фондов Троцкого, Антанта помогала создавать не против себя, а для покорения русского народа. Сам Троцкий в вопросы практического руководства войсками не вникал, предпочитая заниматься организацией революции в Германии. Для непосредственного командования и штабной работы широко привлекались *военспецы* из офицеров и генералов русской армии, при этом, по распоряжению Троцкого, их семьи брались в заложники. Для повседневного контроля за деятельностью командиров был введен *институт политкомиссаров*, кадры для которого Свердлов черпал из *интернационалистов*.

В то же время, при формировании наземной армии, Балтийский (а затем и Черноморский) флот предлагалось уничтожить, взорвав и затопив боевые корабли, а торговые суда передать англичанам путём продажи их через Данию. Начальник морских сил Балтии А.М. Щастный сделал всё возможное, чтобы спасти флот, но в результате был обвинён Троцким в измене, осуждён и расстрелян. На Чёрном море, в Новороссийске, была уничтожена часть эскадры.

Положение дел спасло то, что в армию записалось почти полмиллиона добровольцев. Так, в своих воспоминаниях [Л.67] участник Гражданской войны, ставший впоследствии генерал-майором, Г.П. Струков писал, что в 1-й Выборгский красноармейский полк, в который он сам вступил рядовым, «каждый день вливались добровольцами рабочие с заводов и фабрик, батраки и сыновья беднейших крестьян, обедневших ремесленников и кустарей из городов Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии. Полк по своему составу был интернациональным». Причём «добровольцами в большинстве своём являлись люди бывалые, решительные и смелые, проникнутые энтузиазмом борьбы против врагов Советской власти, за лучшую долю трудящихся, готовые победить или умереть за правое дело, за свою родную Отчизну». Хотя в их ряды, конечно, проникали «неустойчивые и враждебно настроенные люди — искатели лёгкой наживы, воры, злостные нарушители воинской дисциплины, трусы и даже контрреволюционные элементы».

Созданных вооружённых формирований было достаточно для подавления отдельных выступлений буржуазии, но явно не хватало для ведения напряжённой и длительной войны против

совместных сил внешней и внутренней агрессии. В связи с этим было принято решение о переходе к организации армии на основе обязательной воинской повинности.

Казалось, что начавшаяся в 1918 году Гражданская война достаточно быстро приведёт к победе красных. Отряды белых были слишком малочисленны. Донские казаки ушли в Сальские степи, атаман Дутов с горсткой оребургских конников скрылся в Тургайском районе, при штурме Екатери-нодара погиб Корнилов, а остатки Добровольческой армии под командованием Деникина скитались по кубанским станицам. Но там, куда приходили *большевики*, начинались кровавые ужасы. Уничтожались офицеры, *буржуи*, гимназисты, семинаристы, а также попавшиеся под руку люди, не имевшие никакого отношения к белогвардейцам. Так, при взятии Киева красные части устроили интенсивный обстрел города, а потом учинили жуткую расправу, ликвидировав несколько тысяч человек. По свидетельствам очевидцев, в одном большом гараже цементный пол буквально по щиколотку был залит кровью, которая по 10-метровому жёлобу уходила в подземный сток. По состоянию трупов было видно, что людей умерщвляли, размозжив им череп или… отрывая голову. Руководил всем этим адом ближайший помощник Троцкого на Украине румынский еврей Хаим Ра-ковский.

Страшными бойнями ознаменовались взятия красными частями Глухова, Оренбурга, Астрахани, Ростова, Новочеркасска. Повсеместно в городах и станицах истребляли священнослужителей. Все эти зверства насаждали пришлые *комиссары* из еврейских *интернационалистов*, которые для подобных деяний отыскивали и выдвигали извергов, отморозков, садистов. Изуверством *прославились* женский карательный отряд каторжанки Маруси в Ессентуках, палач Атарбеков в Екатеринодаре, комендант Ашихин в Ставрополе.

Террор и бесчинства вызывали ответное сопротивление. Вспыхивали казачьи восстания на Кубани, в Сибири, создавались отряды защитников в городах. Однако все эти разрозненные выступления жестоко подавлялись.

Но так было не везде. Как вспоминал Г.П. Струков, Витебский полк которого в составе Симбирской железной дивизии освобождал Поволжье, население этих мест, пережившее террор белых, целиком и полностью стояло на стороне Красной Армии и Советской власти. «Соприкасаяясь всё ближе и бжиже с крестьянами, рабочими и жителями городов, которые везде встречали нас как своих освободителей от белогвардейский тирании, мы всюду видели собственными глазами, а также узнавали из рассказов рабочих и крестьян, что такое

белогвардейщина». В беседах простые люди приводили бесчисленное количество примеров того, как издевались белые над трудящимися, как пытали и расстреливали они пленных красноармейцев. «Каждому из нас становилось всё яснее и яснее общенародное и революционное значение борьбы Красной армии, мы начинали понимать, что борьба эта справедливая, законная война угнетённых и эксплуатируемых против насильников и грабителей, что в этой войне может быть только один исход: смерть или победа». Красноармейцы всё глубже осознавали, что они «не просто люди, умеющие воевать», а солдаты революционной армии, сражавшейся за дело народа. «Это поднимало нашу гордость, давало высокий наступательный порыв» [Л.67].

В то же время в стране шло разрушение хозяйственной деятельности. Имея репутацию *экономического гения* (типа нашего А.Б. Чубайса), прибывший из Америки М.З. Ларин-Лурье, оказывавший огромное влияние на Ленина, разработал и внедрил схемы *военного коммунизма:* запрет торговли с заменой её *продуктообменом*, хлебную монополию государства, продразвёрстку, всеобщую трудовую повинность с бесплатной работой за продуктовую карточку, принудительную *коммунизацию* крестьян и др. В результате за пару лет была полностью подорвана экономика державы, что привело к голоду, разрухе и дальнейшему разжиганию Гражданской войны.

Такая обстановка являлась для иностранцев прекрасным предлогом для наращивания интервенции, цель которой состояла не в борьбе с большевизмом, а в стремлении как можно больше урвать от ослабевшего государства. Нашествие сопровождалось колоссальным разграблением. Немцы, англичане, американцы, французы, японцы, турки вывозили огромные ценности с Русского Севера и Украины, из Закавказья и Сибири. А через порты, оккупированные державами Антанты, в Россию продолжали прибывать *реэмигранты* на службу к большевикам.

Таким образом, ленинская политика *балансирования* между капиталистическими державами оказалась неэффективной. В сложившейся ситуации даже более опасными виделись бывшие союзники по Антанте, избавиться от которых в перспективе было очень непросто. В связи с этим Ленин пошёл на сближение с Берлином, что отразилось в тайном военном договоре, получившем название «Брест-2». Но это не понравилось правительствам и спецслужбам Запада. В результате летом 1918 года были организованы два теракта. 6 июня Яков Блюмкин застрелил посла Германии Мир-баха, который имел большое влияние на политику Москвы, а 30 августа на заводе Михельсона

три пули попали в Ленина. Произведенные расследования говорят о том, что за последним покушением стоял Свердлов, который сосредоточивал теперь в своих руках все бразды правления. По замыслу *теневых сил*, заменить непослушного Ленина, занимавшегося реализацией собственных замыслов, должен был Троцкий. Положение спас председатель ВЧК Дзержинский, который нанёс точные удары по агентуре Антанты в Москве и Петрограде, произведя аресты заговорщиков.

Однако покушение на Ленина послужило поводом для развязывания **массовых репрессий.** В начале сентября вышли постановления ВЦИК и Совнаркома о *красном терроре*, сделавшие его **самоцелью государственной политики.** Всем советам предписывалось *немедленно произвести аресты* правых эсеров, представителей крупной буржуазии и офицерства. «Не око за око, а тысячу глаз за один. Тысячу жизней буржуазии за жизнь вождя!» Дополнительно под топор пошли духовенство и интеллигенция. Казни проводились публично и даже под музыку. Был выработан ритуал умерщвления голых людей выстрелом в голову. При расстрелах являлось обязательным присутствие партийных и советских работников. Из губернских городов шли доклады в Москву о числе репрессированных. Троцкий, сформировав собственные карательные отряды, поучал: «Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. Мы должны встать на путь уничтожения». **Вот когда** происходили **действительно массовые репрессии** с небывалым количеством жертв, особенно среди русского населения!

А передвижение Чехословацкого корпуса до Владивостока растянулось на целых два года. Сначала заокеанскими хозяевами была поставлена задача блокировать и не допустить возвращения из Сибири миллиона немецко-австрийских военнопленных на Западный фронт. На станциях между немцами и чехами, в которых немцы видели предателей, возникали стычки. В этих неравных сражениях верх всегда одерживали хорошо вооружённые чехи, причём жертвы списывались на зверства русских. Второй стратегической задачей Чехословацкого корпуса являлось обеспечение стабилизации большевистского режима Троцкого и уничтожение националистического русского движения. Уже к лету 1918 года чехословацкая армия держала фронт длиной 5000 км, растянутый вдоль Транссибирской железной дороги, а к сентябрю был занят весь Транссиб до Владивостока. При этом были захвачены все железнодорожные составы и поездное оборудование. Местное население

подвергалось жесточайшему грабежу и насилию.

В дополнение к описанным трудностям 20 мая 1918 года *эмиссар неведомых сил* Яков Свердлов выступил на пленарном заседании ВЦИК с докладом «О задачах Советов в деревне», в котором провозгласил перенесение Гражданской войны в сельскую местность. Если до этого большинство крестьян поддерживало Советскую власть, которая дала им землю, то теперь началась политика *подавления кулаков* и *нейтрализации середняков*, входивших в сельские советы. В противовес им стали создаваться комитеты бедноты из шпаны, пьяниц и горлопанов. Для выполнения продразвёрстки в деревню поехали продотряды для изъятия у крестьян излишков продуктов. Однако отобранное добро в основном **отправлялось за границу,** в связи с чем в городах начался голод. А возмущённые крестьяне поднимали восстания, которые жестоко подавлялись карателями из *интернационалистов*. Лилась русская кровь. В результате бессмысленного террора, чехословацкого мятежа, интервенции иностранных держав и атаки на крестьянство Гражданская война разгорелась в полную силу, охватив всю Россию.

17 июля 1918 года в Екатеринбурге произошло ритуальное убийство царской семьи. Курировал эту кровавую операцию Свердлов, который согласовывал все действия с американскими хозяевами. На его донесение о том, что имеется опасность захвата царской семьи белогвардейцами или немцами, из США последовал приказ, подписанный Яковом Шиффом, о необходимости *ликвидировать* всех царедворцев. Приказ этот был передан в Москву через американскую миссию, находившуюся тогда в Вологде.

В августе 1918 года серьёзные бои произошли за Казань, куда большевики перевезли из Самары золотой запас России. Зная, что в городе находятся огромные ценности, Троцкий почему-то не предпринял никаких мер для укрепления обороны города. Наступавшие чешские части не проявляли особой активности. Зато отряд Каппеля 6 августа дерзко атаковал Казань и выбил оттуда красных, в результате чего золотой запас, погруженный в 30 железнодорожных вагонов, достался белогвардейцам. Только после этого Троцкий, из-за неразберихи в районе Свияжска чуть было не бежавший с места событий, *овладел ситуацией* и отыгрался на других. Объявил в приказе, что в отступающих частях первым будет расстрелян комиссар, вторым — командир. А для красноармейцев устроил децимацию — казнили каждого десятого. Заодно Троцкий распорядился уничтожить священников и всех монахов и послушников местного монастыря. Драконовские меры дали свои результаты: бегство прекратилось,

но и Казань чехи и каппелевцы уже особо не удерживали.

Ещё одним фактором, разжигавшим Гражданскую войну, явился *бронепоезд Троцкого.* Не сумев физически убрать Ленина, чтобы сменить его на посту председателя советского правительства, Троцкий в сентябре 1918 года учредил новый верховный орган власти — Реввоенсовет, и стал его главой, узурпировав неограниченные полномочия. В этом ранге Предреввоенсовета он на два с лишним года и засел в бронепоезд, который для него **подготовили американцы.** По словам самого Троцкого, этот железнодорожный состав представлял собой «летучий аппарат управления». Техническая оснащённость поезда позволяла иметь постоянную телеграфную связь с комиссариатом в Москве, где *на проводе* находился зам. наркома Ефим Склянский, лично преданный своему шефу. Другим важнейшим средством связи являлась мощнейшая радиостанция, посредством которой можно было вести переговоры со всеми европейскими столицами. Именно с её помощью Троцкий запрашивал себе всё необходимое и получал с Запада последние разведданные о дислокации русских национальных армий. По этому же каналу согласовывалась и вся запускавшаяся в оборот *дезинформация.* Короче, «поезд всегда был в курсе того, что происходило во всём мире». В составе бронепоезда имелся гараж, включавший несколько грузовых и легковых автомобилей, а также колёсную цистерну с бензином. Помимо перечисленного, в поезде работали секретариат, типография, электростанция, ресторан, вагон отдыха, библиотека и баня. И, конечно, был прицеплен шикарный личный вагон Троцкого. Все вагоны имели внутреннюю телефонную связь и сигнализацию. Состав был бронирован, особенно паровозы и платформы с пулемётами. Аналогичные по основному составу бронепоезда были поставлены американцами и чехословацким наёмникам.

Все работники поезда, включая порядка тысячи бойцов, имели оружие и носили кожаное обмундирование, придававшее им *тяжеловесную внушительность* забойщиков скота. По мере необходимости вооружённые отряды высаживались из поезда для проведения карательных операций. На автомашинах с запасом бензина в цистерне они могли выдвигаться на расстояние до 100 км. При неустойчивом положении дел на фронте внезапное появление *кожаной сотни* производило неотразимое воздействие и решало ситуацию в пользу *десантников.* Важнейшие сообщения о победах печатались в поездной газете, распространялись в листовках, передавались в Москву, а оттуда распространялись на всю страну и на весь мир.

На начальном этапе Троцкий никого не мог загнать в Красную Армию. Тогда он стал организовывать банды из всякого отребья. Приезжая на место, он с помощью своей зондеркоманды вылавливал всех окрестных подонков и самого отмороженного из них назначал командиром, оставляя ему своего еврейского комиссара в качестве надзирателя. Затем эта группа вооружалась, снабжалась деньгами и получала власть — по своему усмотрению распоряжаться жизнями своих земляков. Задача таких банд была очень простая: реквизиция продовольствия, ценностей и ликвидация всех, пытавшихся оказать сопротивление, а также их родственников и детей. Эти бандиты должны были наводить ужас на население с тем, чтобы народ удалось склонить к вступлению в Красную Армию. Подобные банды назывались *нерегулярными отрядами.* Наиболее известными их предводителями являлись Махно, Маруся Никифорова, Котовский. Они заливали кровью и опустошали страну хуже иностранных захватчиков.

Однако основная часть бойцов собранной *регулярной армии* не хотела сражаться и умирать за непонятные интересы. Здесь не помогали никакие уговоры комиссаров. Нередко целые полки снимались с поля боя и бежали. Тогда Троцкий принял решение об организации *заградительных отрядов*, которым полагалось с тылу стрелять по своим, если они начнут отступать. Первые заградительные отряды появились в 1918 году в 1-й армии Тухачевского. Когда Красная Армия всё-таки укрепилась, самые одиозные *нерегуля-ры* были Троцким просто сняты с довольствия, в результате чего прекратили своё существование, а более организованные части вошли в состав регулярных войск. Кстати, рядовые красноармейцы в грабежах и казнях не участвовали. Этим занимались специально созданные Троцким Части особого назначения (ЧОН) и собственная ВЧК.

Если бы Гражданская война была результатом политической борьбы белых и красных, то она скоро бы выдохлась. Но эта бойня длилась так долго и была столь жестока потому, что её постоянно материально стимулировала *мировая закулиса, финансовый интернационал.* Враждебные России внешние силы искусственно раскололи её население на части и стравили между собой. На самом деле это была не война, а *целенаправленное истребление народов* с целью *обезлюдивания* России для последующего расчленения её и разграбления природных богатств. И одними из основных исполнителей этой акции как раз и являлись Троцкий со своими бандами и Чехословацкий корпус. А вот белогвардейцы воевали *за единую и неделимую Россию*, что совершенно не устраивало *западных союзников.* Поэтому и помощь от них шла мизерная — лишь бы кровопролитие между белыми и красными

продолжалось, а кто победит, пока не важно. Интересно, что ход Гражданской войны часто определялся не фронтовыми операциями, а **политическими интригами.** Интервенты требовали установления повсюду *демократии*, которая в условиях войны вела только к разложению, давали обещания прислать оружие, а поставляли всякое старьё, часто в неисправном состоянии.

В принципе, уничтожение людей целыми семьями и составляло сущность боевых действий на всём юге России. Так, наиболее серьёзным и опасным был Южный фронт, где представителем Реввоенсовета являлся Сталин. На красных наступала Добровольческая армия Деникина, поддержанная кубанским казачеством. Деникин ставил своей целью взятие Москвы. Кубанцы же хотели защищать только свою малую родину, не стремясь идти в дальний поход. Когда Добровольческая армия продвинулась на север, взяв Курск, Орёл, угрожая Туле и далее Москве, красные ударили ей наперерез по линии Воронеж-Харьков-Донецк и отсекли белых от кубанских станиц. Вот тогда Троцкий и начал громить тылы деникинской армии, **уничтожая казачество полностью,** целыми сёлами, старых и молодых, женщин и детей, не щадя никого. Единственным, кто воспротивился этому **геноциду,** был Сталин, его поддержал Ворошилов. Но властные полномочия у этих *начальников* были неравные. В итоге Предреввоенсовета Троцкий снял своего подчинённого Сталина с должности, а Свердлов, чтобы скорее убрать строптивца с фронта, сам отправился за ним из Москвы на экстренном поезде. При этом Яков Михайлович издал **поддельную директиву** Оргбюро ЦК, призывавшую «провести массовый террор против белых казаков, **истребив их поголовно».** Называлась и контрольная цифра: умертвить не менее 100 тыс. человек! На Дону Троцкий лично проводил кампанию геноцида, стремясь *сжечь* старое казачество *в пламени социальной революции.* Публичным расстрелам предшествовали издевательства и насилие. Кстати, Ленин на все призывы Сталина **прекратить резню русского народа,** ответил Троцкому только тем, что призвал его «приложить все усилия для налаживания работы со Сталиным». Впрочем, Владимир Ильич и сам рассылал во все концы телеграммы с призывами: «напрячь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейством»; «навести тотчас массовый террор»; «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»; «сомнительных запереть в концлагерь»; «повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц»…

В результате огромных усилий Красной Армии в декабре 1918 года удалось остановить наступление интервентов и белогвардейцев на юге и в начале следующего года перейти в контрнаступление. Большую роль в укреплении и поднятии боеспособности воинских частей сыграла партийно-следственная комиссия ЦК РКП(б) в составе Дзержинского и Сталина, выявившая много организационных недостатков. Красная Армия стала наступать повсюду, в результате чего интервенты начали терять боеспособность и вынуждены были покинуть ряд оккупированных районов.

Но если на фронтах одерживались победы, то внутри страны углублялся хаос. Многие грамотные специалисты попали под красный террор или разбежались. Руководящие посты достались партийным функционерам и их родственникам, которые ничего толком организовывать не хотели и не могли. Политика продразвёрстки вызвала голод, поскольку изъятые у крестьян продукты хранить было негде, и они приходили в негодность. Другая их часть отправлялась за границу. В городах не было ни света, ни тепла. Хотя коммунистические руководители от разрухи не очень страдали. Свердлов взял под своё покровительство продовольственные склады. Троцкий вспоминал, что в первые годы после революции они просто «объедались красной икрой».

В марте 1919 года состоялся VIII съезд РКП(б), который обсудил военное положение и военную политику, а также принял новую программу партии, нацеленную на развёртывание социалистического строительства. Интересно рассмотреть, какие группировки сложились к этому времени внутри большевистской партии. Самой неопределённой оказалась группа *ленинцев*, к твёрдым сторонникам которой можно отнести лишь Сталина, Дзержинского и Молотова. Остальные *приближённые*, типа Бонч-Бруевича, Каменева или Ларина, больше тяготели к Троцкому и имели самостоятельные связи с *мировой закулисой.* Максимальный вес в советском руководстве имел Свердлов, формировавший из профессиональных *революционеров*, инородцев-*интернационалистов* партийный и советский аппарат. Умело расставляя *своих людей* на ключевые посты, Яков Михайлович контролировал как окружение Ленина, так и власть на местах. К группировке *свердловцев* можно отнести таких функционеров, как Петровский, Петерс, Аванесов, Лацис, Теодорович, Войков, Кедров, Белобородов, Кингисепп, Стучка, Белла Кун, Унш-лихт, Бокий, Крыленко, Сосновский, Гарцман, Ягода и др. Набирала силу группировка *троцкистов*, главной опорой которой являлись *интернационалисты* из числа *кожаных десантов* бронепоезда Предреввоенсовета. Поддерживал

создателя Красной Армии и ряд спецов типа Тухачевского, которые полностью зависели от Льва Давидовича и были обязаны ему своим возвышением. Стиль работы лидеров последних двух группировок во многом отличался. Талантливый организатор Свердлов подбирал и выращивал, продвигал по службе *достойных* помощников, во всём старался показать себя сторонником Ильича. Троцкий черновой работой никогда не занимался, считая себя выше этого. За него над практическими вопросами трудились серенькие и незаметные помощники. В силу своих амбиций Лев Давидович подчёркнуто держался особняком, дистанцировался даже от Ленина. Но на деле обе эти группировки тесно смыкались, поскольку работали на одних *закулисных хозяев.*

К *левым коммунистам* во главе с Бухариным примыкала масса рядовых членов партии, которые искренне соблазнились возможностью построения *светлого будущего*, пусть не для себя, но хотя бы для детей и внуков. **Патриотическая** часть большевиков сплачивалась вокруг **Сталина.** Эмиссары *мировой закулисы* именно здесь почувствовали угрозу для реализации своих *чёрных замыслов.* А потому любая деятельность Сталина подвергалась критике, осуществлялись *подкопы*, доносы. Но Иосиф Виссарионович оказался сильнее, хитрее и дальновиднее всех своих оппонентов.

В начале 1919 года отношения между Лениным и Свердловым стали портиться, поскольку Владимир Ильич наконец почувствовал, что Яков Михайлович его не только плотно и назойливо опекал, но во многих делах просто им манипулировал. Схватка двух лидеров партии, к которой оба тщательно готовились, должна была произойти на VIII съезде партии. Однако прецедент не состоялся из-за внезапной смерти Свердлова. Председатель ВЦИК после визита на Украину возвращался в Москву и по дороге домой встречался с губернским руководством попутных городов. В Орле Свердлов решил успокоить митинговавшую толпу железнодорожников, доведённых до отчаяния голодом и разрухой. Но в оратора полетели камни. Получив удар по голове, Яков Михайлович провалялся без сознания на промёрзлой земле, в результате чего получил воспаление лёгких и 16 марта умер. Личный сейф покойного сразу осмотреть не удалось, не нашли ключей. Но когда через полтора десятка лет *умельцы* вскрыли неприступную дверь, там обнаружили драгоценности, валюту и заграничные паспорта на него самого, членов семьи и родственников. Так что *в минуту жизни трудную* Яков Михайлович с домочадцами готов был оперативно покинуть разорённую при его деятельном

участии Советскую Россию.

На съезде основной акцент сместился на военную тематику, и здесь большинство делегатов было настроено резко против Троцкого. Ленин поддержал было наркомвоенмора, но вынужден был согласиться с резолюцией о необходимости «обратить внимание на военное руководство». Начались проверки, в результате которых вышло постановление ЦК о Ставке Красной Армии, признавшее положение *неудовлетворительным.* Несмотря на то что даже Ленин признал Ставку *вертепом*, никаких мер предпринято не было. Троцкий остался во главе армии и руководил ею прежними методами. Владимир Ильич прощал Льву Давидовичу все его прегрешения и часто даже защищал от нападок патриотически настроенных партийцев. Всё это происходило из-за тех влиятельных связей, которые Троцкий имел с Западом. После смерти Свердлова Лев Давидович выдвинулся на роль *вождя номер два*, и вся группировка *свердловцев* автоматически перешла к нему, превратившись в *троцкистов.*

В этот период начался новый поход Антанты и белогвардейцев. Сначала интервенты практически прекратили поддержку Белого движения, поскольку оно, находясь на патриотических позициях борьбы за *единую и неделимую*, фактически сорвало планы расчленения России. 1 апреля 1919 года Верховный совет Антанты принял решение о выводе союзных войск и о невмешательстве военной силой в русские дела. Однако весной в Европе произошли революции, в результате которых образовались Венгерская, затем Баварская советские республики. Возобновились волнения в Вене, Берлине, Гамбурге. Советы стали создаваться в Польше. Нестабильность коснулась даже Великобритании. А Красная Армия продвигалась на запад, приближаясь к революционным очагам. Ленинские планы начала *мировой революции* становились вполне реальными. Тогда-то *для спасения Европы* было решено поддержать Белое движение. Запад немедленно активизировал материальную помощь, в первую очередь Колчаку, с тем чтобы организовать наступление из Сибири. На юге Деникин захватил Луганск и часть Донбасса. В мае перешёл в наступление на Петроград генерал Юденич. В Прибалтике начались боевые действия. Польская армия, сформированная и снабжённая Антантой, вторглась в Литву и Белоруссию. С севера наступали армия генерала Миллера и отряды английских, американских и французских интервентов. Россия вновь очутилась во вражеском кольце. Но помощь союзников под разными предлогами прекратилась, и наступление белых сразу выдохлось. Однако к этому времени их силами и

кровью были очищены от большевиков дружественные Западу Латвия и Эстония. А советское командование перебросило против Колчака, Деникина и Юденича дивизии с западных направлений, в результате чего вторжение в Европу стало невозможным, и возникшие там революции были быстро подавлены.

А в России продолжался красный террор, причём направлен он был **против русского народа.** Репрессии обретали всё большие масштабы. Взбунтовались русские люди в Туркестане, в Астрахани. Троцкий приказал расправиться беспощадно. Расстреливали тысячами, топили в Волге. Продолжался геноцид казаков. Каратели оставляли после себя пустыню, сжигая хутора. Ленин возмущался, что подавление затягивается. Начался новый виток борьбы с православием. *Символично*, что именно 1 мая 1919 года Ленин подписал постановление с *оккультным номером* 13666-2 «О борьбе с попами и религией». В стране создавалась гигантская машина по уничтожению людей. В Киеве работали 16 карательных учреждений — ЧК, концлагеря и особые отделы армии. Возглавлял их *деятельность* один из убеждённых идеологов красного террора М.И. Лацис (Я.Ф. Судрабс), который в газете «Известия» поучал, что прежние правила и обычаи должны быть отброшены: «Вырезать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны». Свои палачи *прославились* в Харькове, Одессе, Екатеринославе, Полтаве. Репрессии прокатились по российским городам. Один из *кочующих* карательных отрядов возглавлял М.С. Кедров, который проводил *военно-революционные ревизии* с расстрелами тысяч людей. Особое пристрастие этот палач питал к детям, которых объявляли шпионами и уничтожали. По оценкам деникинской комиссии по расследованию большевистских преступлений, только за два года в результате террора (без учёта военных потерь, эпидемий и голода) было уничтожено почти 2 млн человек. Было ли известно об этом на Западе? Да, было. Материалы указанной комиссии предназначались для *мировой общественности.* Но *демократические страны* предпочли всё это не услышать и вопросом уничтожения русских людей не озаботиться.

Несмотря на то что Антанта, вроде бы, поддерживала Белое движение, у большевиков имелись и расширялись собственные связи с Западом, что среди рабочих, крестьян и красноармейцев, естественно, не афишировалось. Так, в Нью-Йорке в 1919 году было создано *Советское бюро*, представлявшее собой неофициальное торговое, пропагандистское и дипломатическое представительство в США. В его составе работали *деятели*, ещё до революции курировавшие Троцкого по различным вопросам. Эта контора начала издавать свою газету «Советская Россия», в

которой велась пропаганда против Колчака и Деникина. Для финансирования использовались не только российские деньги, но и средства от компании Моргана. Один из представителей бюро, Александр Гомберг, часто бывал в России и сотрудничал с Радеком, Зиновьевым, Бухариным. Брат Громберга Сергей (Зорин) стал референтом у Зиновьева, а потом вошёл даже в члены ЦК. Важным перекрёстком советско-западных связей оставались страны Скандинавии.

Но и вопрос о *мировой революции* не снимался с повестки дня. Если Сталин, соглашаясь со взглядами Ленина по данному вопросу, всё-таки считал необходимым в первую очередь обеспечить победу внутри страны, то Троцкий, Зиновьев и ряд других видных большевиков выдвигали *идею перманентной революции* на первый план, прилагая усилия для ее разжигания. Финансирование всех возникавших в мире волнений осуществлялось в том числе через *секретную кассу Ленина,* которой без отчётов перед кем-либо распоряжался Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг). Однако Запад планы *мировой революции* особо не волновали, поскольку в советском руководстве сидели свои люди, которые должны были регулировать данный вопрос. Кроме того, отпускавшиеся на это ценности попадали в зарубежные банки, а нестабильность в иных государствах бывала даже полезной.

28 июня 1919 года был подписан Версальский договор с Германией, по которому, в соответствии с *закулисными* решениями, именно эта страна объявлялась *главной и единственной виновницей войны*, а поэтому должна была *платить за всё.* Но и Россия не попала в число победителей, причём свою бывшую союзницу правители стран Антанты старались раскроить на части. Положение спасло только то, что в стане *западных демократий* произошёл раскол. По планам **амер***иканской закулисы*, США должны были выйти на роль **мирового лидера** и, имея огромный экономический и военный потенциал, **политическим путём** навязывать всем странам свои *демократические ценности.* Однако более опытная *европейская закулиса* — британская, французская, германская — являлась весомой силой и, проведя масштабные военно-революционные преобразования на континенте, совершенно не желала попасть под американский диктат. Тем более что у истоков всех мировых финансовых махинаций стоял мощный европейский дом Ротшильдов, у которых имелись собственные планы. В результате Америке после Первой мировой войны ещё не удалось возвыситься до мирового лидерства и единолично решать судьбу других стран.

Вместе с тем в это время начали всплывать сведения и

документы о том, **кто же на самом деле стоял за крушением России.** Появились доказательства, что американские банкиры Яков Шифф, Феликс Варбург, Отто Кан, Мортимер Шифф, Джером Ханауэр, Гугенгейм, Макс Брейтунг, Исаак Зелигман и другие деятели фирмы «Кун и Лоеб» ещё в 1916 году тайно сговорились организовать революцию в России. В этом деле были также замешаны «Американский еврейский комитет», парижская фирма «Братья Лазар», российский банк Гинзбурга, сионистская организация «Поалей». Разоблачительные материалы опубликовала даже российская газета, издававшаяся в Ростове. Вполне ясно, что от *сильных мира сего* быстренько поступило указание *по-хоронить всё это* дело. Конечно, патриоты России и все честные люди за рубежом искренне поддерживали произошедшие в стране революционные преобразования, не имея представления об их истинной подоплёке.

Летом 1919 года армия Юденича при поддержке английских кораблей и эстонских частей начала наступление на Петроград. Несмотря на плохое вооружение, поставленное союзниками, белогвардейцы разгромили противостоявшую им Красную Армию и вышли на ближние подступы к городу. Для спасения положения в Питер примчался на своём бронепоезде Троцкий. Расстрелами и заградительными отрядами остановил отступление, провёл поголовную мобилизацию. В решающий период сражения эстонские части покинули фронт, а британский флот, прикрывавший приморский фланг белых, вдруг отправился восвояси. Интересно, что обо всех этих *маневрах* был прекрасно осведомлен Троцкий, который получал необходимую информацию по мощной радиостанции, имевшейся на бронепоезде. В результате удары красных войск направлялись именно на оголившиеся участки фронта. К ноябрю разбитые остатки армии Юденича вместе с толпами гражданских беженцев откатились на территорию Эстонии. Здесь военные были разоружены и загнаны в лагеря. По свидетельству очевидцев, русских убивали на улицах, сажали в тюрьмы и концлагеря. С беженцами, которых было более 10 тыс., обращались хуже, чем со скотом. Зимой людей держали за колючей проволокой под открытым небом, не кормили, гоняли на каторжные работы. Тысячи погибли. Никого это не взволновало. Троцкий щедро расплатился с Эстонией, которой по Тартускому мирному договору отдали 1000 км^2 русских земель.

На юге союзники шельмовали Деникина. Державы Антанты взяли под покровительство враждебную русским Грузию, другие закавказские республики. Чеченцев и ингушей натравливали на белых. Естественным сторонником белогвардейцев

представлялась Польша, которой белые помогли вернуть на родину военнопленных и беженцев. Но когда армия Деникина наступала на Москву, поляки заключили с большевиками перемирие, что позволило перебросить красные войска и ударить белогвардейцам в тыл. Деникин потерпел поражение. После всех организованных вокруг него интриг Антон Иванович вынужден был уйти с поста главнокомандующего. Остатки белой армии, обременённые огромным числом беженцев, отступали к Одессе и в Закавказье. Люди голодали, их косили тиф и холера. Белое движение не имело ни малейших шансов на успех, поскольку это совершенно не нужно было западным союзникам.

А в это время вдоль Транссибирской магистрали Чехословацкий корпус продолжал ликвидировать национальное русское движение, два года занимаясь активной карательной деятельностью. Армия Колчака, лишённая путей снабжения, не могла активно сопротивляться. Да ещё Яков Шифф неожиданно объявил правительство Колчака *антисемитским*, что подлило масла в огонь кровавой борьбы. В Верхнеудин-ске Верховный правитель России был отрезан от своих войск, взят *под международную охрану* и передан большевикам на расправу. По завершении операции на станциях и глухих полустанках остался без паровозов 121 эшелон с ранеными и беженцами, обречёнными на замерзание. А в это время чехи грабили всё, что могли, притащив во Владивосток в общей сложности 20 тыс. вагонов *трофеев*. Троцкий направил начальнику таможни приказ: «В награду за службу России чехам разрешается пройти границу без таможенного досмотра и взять с собой всё имеющееся у них в наличии и безо всякого ограничения». Для эвакуации чехов с награбленными ими российскими ценностями потребовалось 35 больших пароходов. На родине их встретили как национальных героев, и легионеры организовали собственный *банк-хранилище* с персональными сейфами, куда поместили свою добычу, образовавшую начальный капитал в 70 млн золотых крон. Заметим, что Троцкий так и не направил свой бронепоезд в азиатскую часть страны, чтобы разгромить этот чужеродный интернационал. Как отмечалось, задача у них была единая — **геноцид народов России,** и первую очередь **— русского народа.** После разгрома армии Колчака 29 вагонов с золотым запасом России (один вагон разграбили чехи) достался американцам. Весомая компенсация за вложенные миллионы долларов, истраченные на разрушение нашей страны.

Трудно сказать, как бы дальше развивалась братоубийственная трагедия, но тут *западные экономисты* заметили, что «гражданская война и блокада России отрезали от

остального мира громадные продовольственные и сырьевые ресурсы, что явилось одной из главных причин высоких мировых цен». В связи с этим дальнейшая военная борьба с Россией стала **невыгодной.** А поскольку Советская власть уже контролировала основные производственные районы, то Верховный совет Антанты 16 января 1920 года постановил: «…разрешить обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами».

Однако Гражданская война ещё продолжалась. И члены Антанты, объявившие о необходимости завершения боевых действий, не были едины в своих устремлениях. На Дальнем Востоке советское правительство создало буферную *демократическую республику*, которой американцы выгодно продали завезённое туда вооружение. При этом правительства США и Англии, опасаясь излишнего усиления Японии в этом регионе, потребовали вывода её оккупационных войск.

В Средней Азии шла война с басмачами, которой успешно руководил М.В. Фрунзе, проявивший хороший военный талант. По его настоянию для сдававшихся в плен была объявлена амнистия, а во взятых станицах не было бесчинств, грабежей и расстрелов. В вопросах строительства вооружённых сил и планирования операций Фрунзе стал одним из главных оппонентов Троцкого.

На Северном Кавказе Красная Армия под руководством С.М. Кирова и С. Орджоникидзе успешно разгромила местные национальные банды. Советские войска заняли Азербайджан, Грузию, Армению и вторглись даже в Северный Иран, что серьёзно встревожило Англию, считавшую этот регион сферой своего влияния.

А Франция, ведшая собственную политику, рассматривала Польшу, имевшую достаточно сильную армию, в качестве своей послушной и подконтрольной союзницы. После того как были разгромлены основные силы белогвардейцев, Варшава по настоянию Парижа заключила договор с Петлюрой и 25 апреля 1920 года перешла в наступление. Разгромив красные войска, поляки за 10 дней захватили всю Правобережную Украину, провозгласив целью своего похода присоединение западных областей, включавших Волынь и Галицию, к своей территории. Эти *успехи* порадовали Францию, но вовсе не понравились германо-австрийской *закупнеє*, считавшей усиление националистической Польши угрозой для себя. А британскую и американскую стороны совершенно не устраивало излишнее повышение влияния Франции на Европейском континенте. Англия взяла на себя посредничество в данном конфликте и

предложила прекратить военные действия, установив границу по *линии Керзона,* выгодной для большевиков. За это Россия должна была прекратить наступление на Кавказе, а с находившимся в Крыму Врангелем заключить мир на условиях *почётной сдачи.*

Пока поляки, остановившись на достигнутых рубежах, дожидались переговоров, советское командование перебросило против них войска с других фронтов. 27 мая 1920 года Красная Армия всеми силами обрушилась на польские войска. Главных успехов добился Юго-Западный фронт под командованием Егорова при участии Сталина. Поляки панически бежали со всех оккупированных ими территорий. Этот внезапный успех большевиков встревожил Запад, и для противодействия решено было использовать армию Врангеля. В Крым поехали французские, английские, американские, румынские, польские представители, которые, обещая любую помощь, подтолкнули белогвардейцев к активным действиям. Поверив западным *союзникам*, армия Врангеля прорвала блокаду Крыма и вышла на просторы Северной Таврии. По замыслу *закулисы*, это наступление потребовалось лишь для того, чтобы спасти Польшу и предотвратить возможность продвижении Красной Армии вглубь Европы. Для противодействия внезапному удару большевикам пришлось перебросить значительные силы. Тем не менее Ленин считал необходимым *бешено усилить наступление* в западном направлении — на Польшу, Германию, Венгрию. Сталин был главным противником этого рывка, но его мнение проигнорировали. Тухачевский, под личным кураторством Троцкого командовавший Западным фронтом, написал в своём приказе: «На штыках мы принесём трудящемуся человечеству счастье и мир! Вперёд на Запад! На Варшаву! На Берлин!» Но в результате мощного контрудара польских войск группировка Западного фронта была окружена и разгромлена. При этом 100 тыс. красноармейцев попали в плен и впоследствии оказались уничтожены польской стороной. Никакого *покаяния* за это зверство не последовало.

Отчаянно дравшиеся воины Врангеля, считавшие, что они защищают не только Россию, но и всю *европейскую цивилизацию*, после выполнения ими задачи по оттягиванию на себя красных войск с польского фронта, были беззастенчиво брошены союзниками. Вынужденные отступить на территорию Крыма, белогвардейцы были разгромлены там Красной Армией под командованием Фрунзе.

К началу 1921 года Гражданская война в основном закончилась, но трагедия продолжилась. По Сибири гуляла кровавая анархия. Разоружённые колчаковцы без транспорта и

продовольствия брели пешком по шпалам железной дороги. Больные и обмороженные, если они останавливались где-либо отдохнуть в холодных зданиях вокзалов, то утром большая часть из них уже не могла подняться. Эпидемии косили тысячи людей, причём не только попавших в тифозные бараки, но и заражённых в деревнях, расположенных вдоль дорог. Аналогичный кошмар творился и в других местах. На Дону в дополнение к тифу появилась чума, на Северном Кавказе — холера.

Но не меньшее количество жертв уносил и непрекращавшийся террор. Хотя 17 января 1921 года Совнарком издал декрет, запрещавший расстрелы, никого это не остановило. В ту же ночь в Москве было казнено более 300 человек (а всего с сентября 1920 года — 1500 приговорённых). В Питере уничтожили 400 человек, а за прошедший год — свыше 5000! Причём ликвидировали не только *буржуев*, но и *своих, мобилизованных*, отвечавших друг за друга по круговой поруке, или членов их семей, являвшихся заложниками.

После разгрома белых армий начались тотальные *зачистки.* Северный край был отдан на расправу садисту Кедрову. Здесь в плен попали 20 тыс. белогвардейцев. К ним добавили горожан и крестьян, сотрудничавших с белыми. Присылали сюда этапы с арестованными и из других мест России. Сначала в Архангельске, прозванном *городом мёртвых*, расстреливали публично, прямо на площади. Но потом в качестве *усыпальницы русской молодёжи* выбрали более глухое место под Холмогорами, где размещался лагерь для пленных, построенный ещё англичанами. Также обречённых грузили на баржи и затапливали.

Суровая *зачистка* осуществлялась и на юге страны. В Елисаветграде после выявления родственников-белогвар-дейцев расстреливали даже детей 3–5 лет. В Киеве действовали палачи Дехтяренко, Лифшиц, Шварцман, в Полтаве — Гуров. Для руководства репрессиями в Ростовскую ЧК прибыл Петерс, который присутствовал при казнях и сам любил расстреливать. Особого размаха террор достиг в Одессе. Неуспевших эвакуироваться по вине Антанты 1200 пленных офицеров ликвидировали за одну ночь. По официальным данным, в портовом городе было казнено 7 тыс. человек, а по неофициальным — от 10 до 15 тыс.

На Северном Кавказе возобновился геноцид терских казаков. 11 станиц решено было отдать *революционным* чеченцам и ингушам, в связи с чем 70 тыс. казаков подлежали депортации. Но по дороге половина переселенцев была перебита. На Кубань *устанавливать Советскую власть* прибыл сам Троцкий. Здесь было арестовано 6 тыс. станичных атаманов и других

руководителей, которых отправили в Холмогоры на уничтожение.

Но всё, что творилось в других краях, перехлестнули зверства, развернувшиеся после взятия Крыма. Завершив успешный штурм Перекопа, командовавший красными войсками Фрунзе предложил Врангелю сложить оружие, а тем, кто сдастся, гарантировал жизнь и свободный выезд за рубеж. Однако 12 ноября 1920 года Ленин, *удивлённый* такой «уступчивостью условий» побеждённому врагу, дал указание «расправиться беспощадно», не допустив выхода из Крыма ни одного судна. По мнению вождя, на полуострове скопилось «300 тысяч буржуазии», которые в будущем станут «источником спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам». Их предлагалось «подчинить и переварить». Вся власть для решения этого вопроса была передана *особой тройке*, в которую вошли: председатель Крымского Военного революционного комитета Бела Кун, секретарь обкома партии Розалия Землячка и председатель ЧК Михельсон. Официально обещая амнистию, предложили офицерам явиться на обязательную *перерегистрацию*. Всех пришедших арестовали и в первую же ночь расстреляли: в Симферополе — 1800 человек, в Керчи — 1300, в Феодосии — 420, в Севастополе — 1600 и так далее. Затем террор перекинулся и на мирное население. В Севастополе казнили 500 портовых рабочих, помогавших грузить белые суда, в Алупке — медперсонал санаториев, где лечились белые. В городах проводились облавы на членов семей белогвардейцев, врачей, учителей, священников. Тюрьмы были переполнены. Оттуда каждую ночь партии раздетых догола мужчин и женщин, стариков и подростков гнали по морозу за город, где обречённых заставляли ложиться в заранее вырытые ямы, а потом полосовали из пулемётов. В Керчи *десанты* вывозили в море и там топили. В Севастополе сотни человек были повешены вдоль улиц на столбах, деревьях и даже на памятниках. При допросах арестованных применялись жуткие пытки. На запертом от выезда и въезда полуострове свирепствовали эпидемии, а к ним добавился ещё и голод. По показаниям свидетелей, за пол года в Крыму погибло от 80 до 120 тыс. человек. В это число не вошли этапы с арестованными, которые отправлялись в лагеря — *северный* под Холмогорами и *ближний* под Рязанью.

Так во что же обошлась России эта ужасная трагедия, сколько жертв она унесла? Официально сообщалось, что в Первую мировую и Гражданскую войны погибло от 10 до 12 млн человек, причем боевые потери составили лишь 1,52 млн военнослужащих. Остальное — жертвы террора, как красного, так и белого. Однако современные оценки показывают, что число расстрелянных,

утопленных, повешенных, загубленных пытками, умерщвлённых иными способами, погибших от эпидемий, холода и голода достигает **30 млн** человек. В царской России население составляло около 180 млн жителей, а в середине 1920-х годов говорили, что **нас 150 млн.**

И вся эта кровавая бойня была развязана и оплачена *мировой закулисой*, которую составляют американские и английские еврейские банкиры. К сожалению, большинством моих соотечественников произошедшие трагические события так и не были осознаны, что не позволило русскому народу извлечь из истории надлежащие уроки.

Глава 4. Петроград — Ленинград

Сразу после свершения Октябрьского переворота, декретом II Всероссийского съезда Советов от 25 октября 1917 года был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). Однако в связи с возникновением яростного сопротивления новой власти со стороны различных внутренних и внешних сил по инициативе председателя Петроградского Совета Троцкого 20 декабря 1917 года была организована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) при высшем правительственном органе — Совете Народных Комиссаров (СНК). Задачами ВЧК и подчинённых ей местных губернских и областных ЧК являлись: «борьба с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией; наблюдение за местной буржуазией, иностранцами и иностранными разведчиками; строжайшее наблюдение за проведением в жизнь декретов и распоряжений Советской власти». Местные ЧК имели право издавать обязательные постановления, касавшиеся *революционного порядка* в губернии, производить обыски и аресты лиц, заподозренных в контрреволюции.

После переезда советского правительства (вместе с руководством ВЧК) в Москву в бывшей столице властные полномочия перешли к Бюро ЦК РКП(б) по Петрограду и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Первым лицом здесь оказался Г.Е. Зиновьев, всего год назад направлявшийся в Россию вместе с Лениным в *пломбированном вагоне*. Вместо убывшей ВЧК в городе сформировалась своя Петроградская чрезвычайная комиссия (ПЧК), которая даже разместилась в том же здании — на Гороховой улице, дом 2. Председателем ПЧК стал приехавший из США М.С. Урицкий.

В текущей работе ПЧК руководствовалась постановлениями и решениями СНК и ВЧК. Среди принятых в ту пору документов следует отметить декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности» от 21 февраля 1918 года, предоставивший ВЧК и её органам право «внесудебного рассмотрения дел за контрреволюционные, должностные и некоторые другие общеуголовные преступления, вплоть до расстрела на месте».

В 1918–1920 годах глава города Зиновьев, обладавший практически безграничной властью, в первую очередь стремился не к тому, чтобы обеспечить питерцам нормальную жизнь, а во что бы то ни стало пытался решить свои политические задачи, распространив собственное влияние на весь российский северо-запад. Поскольку большевистские вожди не сумели найти

правильных подходов, чтобы быстро покончить с разрухой в стране, мобилизовать экономический, творческий и духовный потенциал народа на налаживание здорового и эффективного хозяйственного механизма, развитие всесторонней культурной жизни, начались как отдельные, так и массовые выступления различных слоёв населения против Советской власти. Партийные руководители не видели иных путей, чтобы справиться с недовольством и естественным противодействием людей, как только подчинить всех своей воле силой, а потому развернули с самого начала своего правления *массовый террор* по отношению ко всем так называемым контрреволюционерам.

Выполнение неблаговидной задачи (по ведению борьбы не с причинами, а с последствиями *неудачной* общественно-экономической политики большевиков), заключавшейся в удержании народа *в узде* путём устранения всех противников за счёт отправки их в тюрьмы, концентрационные лагеря, на дальние поселения, а то и применения прямого физического уничтожения, возлагалось на ВЧК и её губернские подразделения. И всё это в той обстановке, когда в связи с тяжёлым экономическим положением, угрозой голода, нехваткой элементарных товаров расцветала преступность, терроризировавшая население, державшая его в постоянном страхе. Определенную роль играли и разведки иностранных государств, целенаправленно вносившие свою лепту в расшатывание и без того неустойчивого политического и экономического положения Российской республики.

В связи с этим функции ЧК постепенно стали расширяться и к имевшимся ранее официальным задачам добавились такие: борьба с преступлениями по должности; борьба со шпионажем и контроль военных ведомств и армии; борьба с вражескими элементами на железнодорожном и водном транспорте и надзор за его (транспорта) деятельностью; борьба с экономическим шпионажем, вредительством и диверсиями в народном хозяйстве; ведение разведки за границей; борьба с антисоветскими партиями, политическими группами и организациями; слежка за интеллигенцией и духовенством; охрана государственной границы; охрана правительства и др. Эти функции с небольшими изменениями сохранялись за органами госбезопасности на протяжении всей советской истории.

Вместе с тем анализ ряда источников [Л.5, Л. 10] показывает, что кадровый состав руководства ЧК, получивших в свои руки огромную власть, оставлял, мягко говоря, желать лучшего. За время пребывания Зиновьева в Петрограде, то есть всего за каких-нибудь 8 лет, сменилось 11 начальников губернской ЧК. Только

за 1919 год на должности руководителя городской милиции побывали 8 человек. Некоторые начальники ПЧК находились на своём ответственном посту по несколько месяцев, а то и вообще считанные дни. Все они (за исключением Урицкого) не имели не только юридического, но и вообще какого-либо серьёзного образования, происходили в основном из неустроенных крестьянских семей и жизненного опыта набрались лишь в революционной работе. Да и состав рядовых исполнителей ЧК часто оказывался совершенно не годным для выполнения ответственных задач, поскольку процедура оформления в это важнейшее учреждение в те времена была предельно проста: кандидату достаточно оказывалось представить поручительство от одного члена большевистской партии, а нередко не требовалось и этого. Не приходится удивляться, что на работу туда поступали подозрительные и даже с криминальным прошлым личности, преследовавшие свои корыстные интересы, порой заключавшиеся даже в том, чтобы, получив соответствующие полномочия, поискать и уничтожить компрометировавшие их документы. Проникали в ЧК и люди по поручению *враждебных организаций, реэмигранты* и, естественно, *агенты* по заданию иностранных спецслужб.

В результате, не имея за плечами никакой специальной подготовки (кроме революционного, классового правосознания да больших амбиций), какую серьёзную оперативную, агентурную, разведывательную, контрразведывательную и иную чекистскую работу могли грамотно наладить боевые сотрудники ЧК и их властные начальники? В основном применение самых элементарных, не требовавших большого ума силовых, репрессивных, карательных мер, тем более что такие действия как раз санкционировались и поощрялись из Центра. Сам председатель ПЧК Моисей Урицкий активно поддерживал репрессии и любил из окна своего кабинета наблюдать, как во дворе его ведомства обречённых лишали жизни. В результате покушения он и сам был отправлен в мир иной утром того же дня, 30 августа 1918 года, когда стреляли в Ленина.

После убийства Урицкого и ранения Владимира Ильича глава Питера Зиновьев потребовал немедленно вооружить всех рабочих с предоставлением им права *самосуда.* Напирая на классовое чутьё пролетариата, он призывал к расправе над *контрой* прямо на улицах, без суда и следствия. Однако чекисты сами развернули *красный террор*, при котором людей расстреливали сотнями, оправдывая это тем, что целый ряд контрреволюционеров *давно уже заслужил смертную казнь.* Преемник Урицкого Г.И. Бокий, один из любимцев Свердлова, казнил 1300 питерцев. По

требованию партийных руководителей брались многочисленные заложники, в число которых попадали и великие князья, и бывшие министры правительства Керенского, и представители имущих слоёв, генералы и офицеры. Их обещали расстрелять (и расстреливали) в случае возникновения сопротивления мероприятиям Советской власти. Из города в большом количестве, целыми семьями, высылались так называемые *бывшие люди* — дворяне, купцы, банкиры, предприниматели. Затем добрались до ликвидации интеллигенции, представители которой были особенно душевно ранимы, болезненно воспринимали несправедливые действия властей, старались защитить от произвола себя и своих друзей.

Для изоляции *классово чуждого элемента* и активных политических противников новой власти начала складываться система мест заключения при ВЧК. Первые лагеря появились на Соловецких островах, а затем стали распространяться по всей территории страны, образовав собою названный А.И. Солженицыным «Архипелаг ГУЛАГ» [Л.26]. Таким образом, получил свою реализацию ещё дореволюционный ленинский план не только «свержения буржуазии, но и полного уничтожения её».

В июле 1921 года в бывшей столице был учреждён пост Полномочного Представителя, служивший для координации, руководства и контроля всей чекистской работы в Петроградском (а с 1924 года Ленинградском) военном округе. Обычно посты Полномочного Представителя (ПП) и руководителя ПЧК (ГПУ) совмещались в одном лице.

В связи с окончанием Гражданской войны и силовым укреплением Советской власти постановлениями IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 года и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 6 февраля 1922 года ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Структура и задачи ГПУ в основном не отличались от тех, что имелись в ВЧК. После образования в декабре 1922 года Союза ССР на базе ГПУ, теперь уже при СНК СССР, было организовано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) с теми же функциями [Л.23].

28 марта 1924 года (уже после смерти Ленина и прихода к власти Сталина) Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР утвердил положение о правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационные лагеря людей, обвинённых в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции золотом и валютой. Согласно этому документу, ОГПУ

получило право **без суда** ссылать обвиняемых до трёх лет, заключать в концлагерь, высылать за пределы государственной границы СССР. Решение о ссылках принимало Особое совещание ОГПУ.

В 1926 году появился разработанный в своей основе Лениным Уголовный кодекс, имевший гриф «секретно». Этот свод юридических положений никогда не публиковался, поэтому судили только по отдельным статьям, предъявлявшимся обвиняемому следователем по собственному выбору. Наиболее известными стали пункты десятый и одиннадцатый 58-й статьи данного кодекса. Напомним их кратко, поскольку к ним придётся обращаться по ходу нашего повествования.

Согласно пункту десятому 58-й статьи, преследованию подвергались «пропаганда или агитация, содержавшие призыв к свержению или ослаблению Советской власти, а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». Хорошо известно, что по этому пункту политической статьи сажали и за анекдот, и за песенку, и за частушку, и за простой разговор, и за личное письмо, и за дневник и т. д.

Пункт одиннадцатый той же статьи являлся отягощающим обстоятельством ко всем предыдущим, если упомянутые деяния совершались не в одиночку, а хотя бы даже вдвоём или втроём (участвовали в разговоре, пели вместе, переписывались между собой и прочее) — тогда это была уже *организация*, что каралось ещё строже.

За перечисленные прегрешения предусматривались меры наказания от *низших,* как правило, *от 3 до 10 лет тюрьмы или лагерей* (возможно с конфискацией имущества и с последующим лишением гражданских прав на 3–5 лет) до *высшей меры наказания (ВМН) — расстрела.* В 1937 году сроки *низших мер* возросли до 15, 20 и 25 лет, в войну к ВМН было добавлено *повешение.* Для военнослужащих в Уголовном кодексе предусматривались свои, аналогичные по духу, но ещё более жесткие статьи, усиливавшие меры наказания.

Председателями ВЧК-ГПУ-ОГПУ являлись Ф.Э. Дзержинский (1917–1926) и В.Р. Меньжинский (1926–1934). 10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР на базе ОГПУ был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР), который возглавил Г.Г. Ягода. Теперь органы госбезопасности (ГБ) стали входить в НКВД в виде Главного управления (ГУ), сохранившего в своём составе основные оперативные подразделения бывшего ОГПУ СССР. Работой Главного управления руководил сам нарком внутренних дел, а поскольку формально должности начальника

ГУГБ не существовало, то аппарат госбезопасности, включавший по штатам 1410 человек, возглавлял первый заместитель наркома Я.С. Агранов [Л.23].

Расширялся объём *чекистских задач,* а потому разбухал управленческий аппарат Полномочного Представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе, в результате чего его многочисленным подразделениям, располагавшимся на улице Дзержинского (бывшей Гороховой) стало тесно. В связи с этим по инициативе нового первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) С.М. Кирова в невероятно короткий срок (с весны 1931-го к празднику 7 ноября 1932 года) было сооружено новое административное здание Государственного политического управления, получившее в народе название *Большой дом.* С 1934 года в связи с образованием Наркомата внутренних дел в этом здании размещалось Ленинградское областное Управление НКВД. В 1950-е годы здесь в качестве начальника объединённого УМВД ЛО привелось работать и моему отцу, тогда уже генерал-лейтенанту Н.К. Богданову.

На основании архивных материалов Ленинградского областного комитета ВКП(б) [А. 18] немного расскажем об обстановке в северо-западном регионе СССР, относящейся к тому времени, когда начинал свою службу в органах госбезопасности молодой чекист Николай Богданов.

15 марта 1929 года (то есть практически в период начала работы Богданова в Череповецком ГПУ) протоколом № 1 на заседании пленума Ленинградского обкома партии было принято решение о конструировании бюро и секретариата обкома, об утверждении секретарей и иные оргвопросы. Бюро было утверждено в количестве 30 человек и 9 кандидатов, а секретариат — 4 человек. Первым секретарём обкома опять утвердили Кирова, вторым секретарём стал М.С. Чудов. Они же вместе с другими товарищами вошли в бюро и секретариат. Как и полагалось, эти решения были направлены в Москву, в ЦК ВКП(б), на верховное утверждение.

Один из важнейших вопросов, который сильнее всего волновал областное партийное руководство в то весеннее время, касался снабжения Ленинграда продовольствием, особенно хлебом. Было решено признать необходимым «ввести норму на хлеб в размере 800 г на человека для рабочих (занятых физическим трудом) и 400 г для служащих и членов семей». Предлагалось произвести «прикрепление всего трудового населения к отдельным пунктам продажи печёного хлеба (по заборным книжкам), причем выбор этих пунктов должен производиться потребителями по их желанию». Кроме того,

признавалось необходимым перейти на выдачу сахара «по заборным книжкам в количестве не свыше 1200 г (3 фунта на книжку в месяц)». Для исправления положения с продовольствием обком просил ЦК ВКП(б) «указать Наркомторгу на необходимость самого срочного завоза в Ленинград 1700 тыс. пудов муки» да ещё отпустить «100 тыс. пудов белой муки для выдачи населению к предстоящим первомайским праздникам». В связи с крайне обострившимся положением предлагалось «усилить в ближайшее время завоз картофеля, яиц, жиров, заключить договор на поставку мурманской трески в пределах максимально возможного количества», а также «увеличить заготовку рыбы вообще, особенно дешевых сортов».

Но не хлебом единым жив человек. Главное для большевистской партии — политическая работа. По сообщению непримиримого и беспощадного борца с врагами народа Кирова о внутрипартийных делах очередной пленум обкома констатировал: «Т.т. Бухарин, Рыков и Томский продолжают защищать и проводить свои отличные от линии партии неленинские взгляды на основные вопросы нашей политики». В полном соответствии с большевистским принципом демократического централизма расширенный пленум осудил перечисленных товарищей и потребовал «подчинения воле партии и отказа от их антипартийных взглядов. Нарушение партийной дисциплины нетерпимо в период трудностей, когда требуется величайшее напряжение энергии, выдержки и единства». Участники пленума единогласно считали, что ЦК и ЦКК (Центральная контрольная комиссия) «должны принять решительные меры для пресечения этих фракционных вылазок, не останавливаясь перед выводом из Политбюро тех товарищей, которые особенно упорно и демонстративно игнорируют волю партии и нарушают элементарные требования устава и традиции большевистской партии».

Однако и у себя под носом, в своих отдельных учреждениях, партийная организация Ленинградской области вскрыла «со всей беспощадностью и большевистской прямотой промахи и ошибки, бюрократические язвы, случаи зажима самокритики, искривления классовой линии и оппортунизма в практической работе, которые особенно опасны в момент развёрнутого наступления на капиталистические элементы». В связи с этим в постановлении приняли пункт о том, что должна быть объявлена «суровая борьба с семейственностью, круговой порукой, консерватизмом и неподвижностью».

Как же предлагалось решать эту непростую задачу? Да элементарно: надо только «в месячный срок произвести

выдвижение 500 рабочих от станка на руководящую работу, продолжая в дальнейшем более широкое систематическое выдвижение при широком участии самой пролетарской общественности». Кроме того, *рабочих от станка* привлечь в Бюро жалоб и другие областные, окружные и районные контрольные органы, а также в особую комиссию «для обследования органов прокуратуры и суда».

Необходимо ещё провести «генеральную чистку рядов партии через массовые собрания и печать, обеспечив при этом активное участие, серьёзный и деловой подход к этой кампании как партийцев, так и беспартийных — рабочих, батраков и бедняцко-середняцкого крестьянства». Тем более что в состав проверкомов включено: подпольщиков — 22 %, членов партии с 1917–1919 года — 72 %, по социальному положению рабочих — 86,5 %, рабочих от станка — 50 %.

Но чтобы Компартия «могла расширять свои ряды даже в сложных условиях настоящего момента, ставился вопрос о смелом и решительном развёртывании **вербовки** передовых рабочих в партию». И если ЦК призывал «в течение 2 лет довести число рабочих до 50 % состава партии», то в ответ Ленинградский обком, имея в промышленном городе большой резерв для дальнейшего роста, считал «необходимым и возможным довести рабочих до $^2/_3$ состава», правда, не за два, а за три года. При этом указывалось, что основным при приёме должна считаться «проверка преданности партии и её делу, не только в период подъёма, но и особенно в период трудностей, которые имеются и могут быть в дальнейшем на пути социалистического строительства». Предлагалось «составить ориентировочные планы роста и вербовочной работы», причём *не формально-механические.* Пленум обкома посчитал необходимым «в интересах улучшения и уточнения практики регулирования роста упростить технику приёма в партию и полностью отказаться от практики политических экзаменов при приёме в партию рабочих и батраков». Однако, «учитывая низкий уровень развития большинства рабочих», перед ЦК *особо* ставился вопрос «о необходимости усиления внимания со стороны Советов, ЦК профсоюзов и хозяйственных органов по поднятию культурного уровня рабочих».

Против кого же партия готовилась выступить, очищая и пополняя, в основном неграмотным людом, свои ряды? Ответ можно найти в материалах заседания объединенного пленума Ленинградского областкома и областной контрольной комиссии ВКП(б), проходившего 2–3 ноября 1929 года.

В своей речи первый секретарь обкома Киров так

характеризовал обстановку *текущего момента:* «На фоне хлебозаготовок и всех мероприятий наблюдаем **оживлённую** классовую борьбу в деревне. Хотя говорят, что ленинградская деревня “не настоящая”, но кулаки настоящие, которые при случае нам морду бить умеют». Для подтверждения своих слов докладчик привёл «статистику кулацкого террора»: за последние два месяца насчитывалось до 100 случаев «возмутительных дел, доходящих до убийства советского актива, ранений, избиений, поджогов». Первый предупредил: «Какой бы кулак ни был — будь он 20 раз ленинградский болотистый кулак — он кулак, и он будет бузить, возьмите у него хотя бы только полпуда, возьмите хоть ещё меньше». И дальше поставил задачу: «Мы берём основной упор на то, чтобы в принудительном порядке (добровольно он не отдаёт) выкачать хлебные излишки от кулака. Но при этом нужно твёрдо усвоить, что механическое перенесение на середняка того подхода и тех мер воздействия, которые мы применяем к зажиточному кулаку, всякие перегибы к середняку, а тем более к бедняку, политически вредны и недопустимы».

Сегодня известно, что никакой четкой *методики* определения, какого крестьянина отнести к кулаку, а какого к середняку, никогда не существовало. Но для того чтобы расширить круг селян, которых можно безнаказанно обирать, был введен ещё термин *подкулачник.*

К чему надо вести дело, секретарь обкома прекрасно себе представлял: «Для того чтобы сопротивление кулака преодолеть лучше и успешнее… надо сделать всё к тому, чтобы этого кулака **изолировать.** Кулак в деревне должен быть изолирован. В этом сущность нашей классовой политики в деревне».

В соответствии с указанием партийного руководителя, требовавшего, чтобы обстановка находилась *под колпаком*, «надо всем, начиная от ГПУ и кончая нашими контрольными Комиссиями, пускать в ход каждому по своему каналу всё для того, чтобы контролировать и поправки в наше дело вносить ежедневно».

В резолюции по приведенному докладу указаны и первопричины столь беспардонного поведения кулака: «Капитулянтская позиция право-оппортунистической группы Бухарина и мелкобуржуазный характер его экономической платформы, ставка на развитие “свободного оборота”, на развёртывание кулацкого хозяйства, игнорирование коренных интересов рабочего класса, пропаганда классового сотрудничества с кулачеством, забвение коренных задач диктатуры пролетариата в текущий период, отказ от

социалистического наступления, от активного политического строительства колхозов и совхозов, стремление снизить темпы индустриализации».

И вот вам неизбежные последствия: «Трудности второго года пятилетки — в бешеном сопротивлении кулака и нэпмана социалистическому наступлению пролетариата».

Интересно, а у самих пролетариев как идут дела? Оказывается, «темпы коллективизации остаются ещё недостаточными, имеют место искажения классовой линии. Беднота и батрачество всё ещё слабо организованы как самостоятельная политическая сила деревни». И ещё: «Несмотря на успехи в деле вовлечения в колхозы и вербовки в партию, коммунисты деревни до сих пор не являются застрельщиками коллективизации», не выполняют постановление облисполкома «об обязательном участии в колхозном строительстве всех коммунистов, имеющих своё или совместно с семьёй хозяйство».

В такой обстановке ничего больше не оставалось делать, как только добиваться «твёрдого выполнения плана хлебозаготовок» и проводить «решительные мероприятия против кулачества, пытающегося сорвать ход хлебозаготовок, **карая всеми мерами пролетарской диктатуры** террористические вылазки кулачества».

Как это ни печально, но «задачи социалистического строительства могут быть проведены при твёрдом выполнении ленинских лозунгов: опора на бедноту, прочный союз с середняком, борьба с кулаком. Всякие попытки свернуть в сторону, смазать вопрос о классовом расслоении деревни, подменить политику партии “на усиление наступления на кулака” политикой мирного сожительства с кулаком и “врастания кулака в социализм” партия **решительно отвергает.** Неумение различать на практике лицо классового врага, утеря классового чутья неизбежно ведут к послаблению кулаку, к забвению интересов бедноты, к непосредственной объективной помощи классовому врагу» [А. 18].

Вот такой была обстановка в Ленинградской области, которую работникам органов госбезопасности следовало знать, а руководствоваться в своей работе им необходимо было указаниями партийных руководителей.

Глава 5. По районам Ленинградской области

Для уяснения сложной исторической обстановки мы ненадолго расстались с Николаем Богдановым в тот самый момент, когда в соответствии с первой служебной аттестацией начальство решило окончательно оставить его для работы в органах ОГПУ. Правда, после двухмесячного пребывания на месте внештатного помощника молодой чекист уже начал самостоятельную работу в качестве уполномоченного в Мяксинском райотделении ГПУ, но это ещё ровным счётом ничего не значило. Если бы начальству работник *не показался*, его легко сплавили бы куда-нибудь. Власти для этого имелось достаточно.

Новая годовая аттестация с апреля 1930 года по апрель 1931-го свидетельствовала о том, что Мяксинский райуполномоченный Н.К. Богданов постепенно набирался уверенности в себе, приобретал чекистский опыт, принимал активное участие в общественной жизни как своего коллектива, так и всего района, присутствуя на различных партийных пленумах и конференциях. Отец всегда умел ладить с людьми вне зависимости от их служебного ранга, образования и личных качеств, а потому со всеми сослуживцами, соседями и родственниками, окружавшими его, находился в хороших отношениях. И что ещё немаловажно для властных органов, деятельность которых обычно покрыта *мраком тайны*, ни к кому не лез и не навязывался в друзья. Как отмечалось в аттестации бдительными начальниками: «Личных знакомств имеет мало и исключительно среди партийцев и сослуживцев».

Обладая ровным и спокойным характером (хотя порою мог и вспылить), Богданов был «дисциплинирован и выдержан достаточно». Всегда серьёзно относился к своим служебным обязанностям, порученную ему работу «по линии информации освоил и задачи, стоящие перед ней, уяснил» [А. 2].

Вполне понятно, какую информацию должен собирать чекист. Органы госбезопасности обязаны быть для руководителей района, области, республики и страны как бы *глазами и ушами*, с помощью которых выясняются общее настроение населения, его реакция на проводимые центром мероприятия, возможные нарушения общественного порядка, наличие и деятельность криминальных элементов, проявление заинтересованности иностранных спецслужб и другие вопросы. Естественно, такие

сведения невозможно получить, если чекист не обзаведётся соответствующими *источниками информации из народа.* Другой вопрос, как эта информация будет потом использована и самим чекистом, и его начальством, и, самое главное, высшим руководством. Если в соответствии с полученными данными, допустим, о негативной (отрицательной) реакции людей на какое-то мероприятие, *высшие эшелоны власти* незамедлительно примут необходимые меры, чтобы исправить положение, то это будет совершенно правильная Система. Но в жизни, к сожалению, слишком часто бывает совсем не так. Руководству (причём не только в советское время) вместо того, чтобы разработать и провести новое мероприятие, должное исправить допущенную ранее ошибку, гораздо проще дать указание заставить замолчать, заткнуть или вообще ликвидировать тех людей, от которых исходит *неприятная*, негативная информация. В этом случае *сигнал отрицательной обратной связи* больше не отягощает внимание вождей, но и возвращения на естественный курс общественного развития тоже при этом не происходит. Отклонение от *генеральной линии* нарастает. Через некоторое время оказывается, что накопление ошибки становится столь велико, что неотложно требуется принимать *непопулярные меры, а генеральную линию* объявлять переведенной на новый курс. При этом тех, кто оказывался ситуацией не доволен и подавал *отрицательные сигналы*, продолжают давить всё с большей силой, загоняя болезнь общества глубоко внутрь.

Для оправдания правительственных мероприятий запускаются легенды о якобы всегда правильных действиях руководства в интересах народа и об ошибках исполнителей, что порождает у людей прогрессирующую *болезнь*, названную остряками *ухо-глаз*, когда слышат о том, что им талдычат, одно, а на самом деле видят совсем иное. Так рождается и *крепнет* противоестественная Система, которой, при условии нарушения всех мыслимых законов управления, всё-таки хватает на определённое время существования.

Тогда и внутренние органы власти из организации, которая должна помогать населению соблюдать правопорядок и законность, превращаются в карающий орган, стремящийся силовыми и даже репрессивными методами подавлять всякое инакомыслие, любое отклонение от широко пропагандируемого мировоззрения вождей. Большинство читателей любит повествования о разведчиках и шпионах, которые по своему статусу являются информаторами, работающими *у них*, за рубежом, поскольку поставляемые этими *источниками* разведданные позволяют при правильном их использовании

предвидеть и адекватно отреагировать на события, касающиеся судеб многих народов. Но в то же время все страшно ненавидят и презирают информаторов, обитающих внутри страны и получивших прозвище *сексотов* (сокращение от «секретный сотрудник»), ибо их сообщения обычно приводят в нашей стране не к корректировке действий местного или высшего руководства, а лишь накликают беды на головы недовольных и не желающих молчать об этом людей.

Вот в такую деформированную относительно здравого смысла систему внутренней власти попал и мой отец. Мне кажется, что если бы он имел представление о том, чем ему придётся заниматься, то никогда добровольно не пошёл бы на эту службу. Отец предпринимал попытки обеспечить себе возможность ухода в совершенно другую, техническую область деятельности, но человека, познавшего некоторые тайны Системы, уже не могли так просто отпустить

В художественном исследовании *«Архипелаг ГУЛАГ»* [Л.26] Солженицын пишет в главе «История нашей канализации» о потоках людей, арестовывавшихся и направлявшихся Советской властью в тюрьмы, лагеря, на поселение. Одним из самых больших, сообщает автор, был в 1929–1930 годах многомиллионный поток **раскулаченных.** Поток этот отличался тем, что «здесь сразу выжигали только гнёздами, брали только семьями и даже ревниво следили, чтобы никто из детей не отбился бы в сторону».

Почему же большевистские вожди так ненавидели кулачество, видели в нём своего классового врага, стремились его уничтожить, стереть с лица земли даже вместе с семьями? Возможно, понять существо этого вопроса помогут «Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советского государственного работника» Л.М. Кагановича [Л.65]. Следует отметить, что Лазарь Моисеевич, являвшийся видным деятелем *сталинской гвардии*, был на протяжении более чем четверти века одним из первых лиц в Политбюро и правительстве СССР, руководил промышленностью и транспортом страны. Он представлял собой человека, «абсолютно убеждённого в своей личностной, политической и исторической правоте, не менявшего своих взглядов в зависимости от конъюнктуры».

В начале своей книги Каганович так описывает жизнь своих односельчан деревни Кабаны, располагавшейся в украинской глубинке: «Хорошие земли, дающие хороший урожай, различными комбинациями богатеев и власть имущих в волостном правлении оказались во владении богатых кулаков,

которых в деревне было примерно 5-10 дворов, и зажиточных, которых было примерно 30 дворов. Они и получали хорошие урожаи. Бедняки же, у которых не было рабочего скота и инвентаря, обрабатывали землю плохо, навоза тоже не было или было очень мало, о других видах удобрения и не помышляли — в результате песчаные, супесчаные земли давали беднякам ничтожный урожай, а середняки, которых было около 100 дворов, тоже получали небольшой урожай. Поэтому большинство крестьян-бедняков и даже часть середняков уже к январю оставались без своего хлеба для прокорма своей семьи. Они и попадали в кабалу к кулаку». «Закабалённое положение бедноты привело к тому, что лучшие земли оказались в руках кулаков и богатых крестьян. **Это было острым главным классовым антагонизмом в нашей деревне.** Земельные наделы и без того малые у бедняков сокращались из года в год из-за разделов семейств. Отсюда — крайнее малоземелье».

Приведенные выдержки из мемуаров *железного наркома* позволяют, на наш взгляд, достаточно чётко определить главную причину, по которой партийное руководство решило в корне изжить кулачество. Поскольку самые лучшие земли (пусть теперь и национализированные Советской властью в соответствии с Декретом о земле) сосредоточились в кулацких (мироедских, но крепких) крестьянских хозяйствах, то забрать эти обширные наделы или, допустим, предложить хозяевам добровольно хоть немного потесниться и отдать малую толику своей собственности беднякам или батракам представлялось невозможным, ибо территориальные претензии всегда являются самыми конфликтными вопросами. Потому, не согнав силой кулацкие семьи с обжитых ими мест **полностью,** невозможно было получить **в государственное распоряжение** принадлежавшую им землю.

Кроме того, большевики полагали, что как только беднейшие крестьяне будут наделены землёй, которую они обильно поливали своим потом в качестве батраков, то сразу же начнут работать с небывалым энтузиазмом, получая богатые урожаи и охотно делясь полученной продукцией с облагодетельствовавшим их государством, что позволит правителям *без самотёка* распоряжаться результатами крестьянского труда, минуя рынок. При этом упускалось из виду, что на земле надо не просто работать, а **рачительно хозяйствовать,** чего многие бедняки делать не умели (вследствие этого, без учёта иных причин, впали в бедность), а иные (люмпенизировавшиеся) уже даже и не хотели самостоятельно напряженно трудиться. Чувство же благодарности к благодетелю быстро проходило.

Помимо сказанного, наступлению на кулака способствовала существовавшая в деревне извечная ненависть обездоленных к богачам, не желавшим ни с кем делиться своими прибылями, а, наоборот, стремившихся за счёт эксплуатации и обмана бедняков ещё больше нажиться. Здесь представлялась возможность удовлетворить жгучее человеческое чувство зависти, свести счёты с теми, кто, даже не обладая *неразрешённым* достатком, был особенно нелюбим в каждой конкретной деревне.

Ещё одной причиной являлась вполне очевидная невозможность объединения состоятельных, независимых людей в одну упряжку, в единое коллективное хозяйство со своими бывшими батракам и-голодранцам и (лодырями, бездельниками и пьяницами), в котором эта *вторая революционная сила* должна была занимать руководящее положение.

Все эти первопричины стояли на прочном *теоретическом фундаменте,* построенном вождями мировой революции, которые провозглашали, что борьба велась за полное освобождение человечества от эксплуатации не против отдельных личностей, а за уничтожение (как мы теперь понимаем, за беспощадное физическое уничтожение) всего некогда господствовавшего класса.

И вот оказалось, что (по Солженицыну) «лучших хлеборобов стали схватывать вместе с семьями и безо всякого имущества, голыми, выбрасывать в северное безлюдье, в тундру и тайгу».

К сожалению, и мой отец, в общем-то городской житель, в качестве сотрудника органов ОГПУ, специально направленный по путёвке партии в район, вынужден был принимать участие в выселении *ненавистных кулаков-мироедов.* В аттестации 1931/32 года на мяксинского райуполномоченного ОГПУ, имевшего чекистский стаж 2 года 9 месяцев, Богданова указано, что он «вполне удовлетворительно справился с выселением кулачества, выселив 120 кулацких семейств».

Невиданное наступление на зажиточную деревню вызвало естественный отпор, вооружённое сопротивление, с которым опять же в силу своего положения должны были бороться органы госбезопасности и внутренних дел. При активном участии молодого оперуполномоченного Богданова в Мяксинском районе были «ликвидированы банды Яковлева и Полетаева», по его следственным делам «заключены в лагерь около 60 человек контрреволюционных и бандитских элементов». Так соблюдалась и укреплялась *революционная законность*, явившаяся на поверку с благословения партийных вождей, произволом и беспределом по отношению к собственному народу.

Да, вот такой оказалась *боевая молодость* наших отцов:

непримиримость к врагам, готовность отдать жизнь *за дело партии*, пламенная вера в *светлое будущее*. Как нам теперь видится всё это с высоты нашего времени? Многое сегодня поворачивается на 180˚, приобретая противоположное прежнему значение. То, что с позиций сегодняшнего дня представляется как беззаконие и беспредел, в то время легко оправдывалось, поскольку являлось (по словам Кирова) «сущностью классовой политики в деревне». Такова была тогдашняя жизнь, так её большинство населения понимало, и об этом следует говорить открыто и честно. Историю не переделаешь.

Если бы не столь печальная общая направленность деятельности, то следовало бы отметить, что дело своё на порученном участке Богданов знал и, по словам очередной аттестации, «оперативно-агентурную работу по всем отраслям усвоил вполне удовлетворительно». Проявлял инициативу, точно и быстро выполнял все поручаемые ему задания, достиг хорошей *сработанности* с партийными и советскими организациями, показал способность к обучению новых чекистских кадров. Был сам дисциплинирован и поддерживал дисциплину среди подчинённых.

На основании этой аттестации в апреле 1932 года Богданов был выдвинут на должность начальника только что созданного Мяксинского райотделения ОГПУ. Учитывая, что в результате «своевременной партсигнализации» была обеспечена «эффективная работа по коллективизации района», 17 декабря 1931 года, в день празднования 14-й годовщины органов ВЧК-ОГПУ, президиум Мяксинского райисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов наградил Богданова золотыми наручными часами с дарственной надписью: «За преданную работу в органах ОГПУ Мяксинского района» [А.2]. Таким образом, напряжённая и опасная работа по ликвидации негативных последствий непримиримой борьбы с кулачеством конкретного районного сотрудника внутренних дел была оценена по достоинству.

Вот и пойми. Значит, в те годы мой отец действовал правильно, успешно выполнял поставленные руководством страны и партии задачи, которые нам теперь видятся несколько иначе?

Чтобы оценить всё это, давайте опять обратимся к некогда *строго секретной* резолюции заседания пленума Ленинградского облкомитета ВКП(б) от 7–8 сентября 1930 года, где в ответ на обращение ЦК Компартии сказано: «Громадный рост творческой инициативы и активности пролетариата, решительный большевистский отпор всякого рода оппортунистическим

шатаниям и в первую очередь — правому оппортунизму, как главной опасности, беспощадная борьба с врагами пролетарской диктатуры обеспечили величайшие успехи социалистического строительства». В качестве *важнейших итогов* указывались: рост валовой продукции на 27 %, тяжелой промышленности — на 39 %, коллективизации всех крестьянских хозяйств — на 25 %, «последовательное и успешное проведение политики ликвидации кулачества как класса, строительство крупнейших совхозов-гигантов». Пленум выразил уверенность, что этим создан «прочный фундамент для повышения материального и культурного уровня», а потому «партия идёт к новым невиданным гигантским завоеваниям».

Это победная часть реляции, которую следовало *популяризировать*. А что же скрывалось за ярким фасадом? «Промфинплан по ряду предприятий под угрозой срыва, годовое задание по валовой продукции недовыполнено, увеличивается текучесть кадров, угрожающе растёт брак и ухудшается качество».

Каковы же, по мнению партийных руководителей, причины подобных безобразий? «Позорно низкий охват социалистическим соревнованием партийцев, комсомольцев и беспартийных, недостаточность инициативы, ослабление руководства, расхлябанность транспорта» и др.

Какие партия предлагала принять меры? Во-первых, «мобилизовать все силы». Во-вторых, раз тот промфинплан не выполняется, то выдвинуть встречный. Далее, как всегда, обкому партии «мобилизовать 150 ответственных работников для работы в бригадах и послать на отстающие предприятия. Облсовнархозу направить 50 % инженерно-технического персонала из управления аппарата на определённый срок для помощи предприятиям в ликвидации прорыва». (Только что брали *от станка* людей, а теперь приходится гнать чиновников *ближе к станку,* поскольку *непосредственно на станке* их вряд ли заставишь работать. Опять множество специалистов вынуждены заниматься не своим делом.) Особенно жесткие меры предлагались по вопросу снижения текучести кадров. Для начала каждый трудящийся должен был «принять самообязательство о работе на данном предприятии на третий год пятилетки». То есть гонять людей сотнями и тысячами с места на место государство имело право, а самому человеку устроиться там, где ему было бы лучше, — никак нельзя. И чтобы это *страшное зло* пресечь, отделам труда дано было указание «разработать в 10-дневный срок конкретные мероприятия по борьбе с текучестью рабочей силы, не останавливаясь перед применением репрессивных мер по отношению к злостным летунам, вплоть до запрещения приёма

их на работу, как дезорганизаторов социалистического строительства». Пусть лучше вовсе не работают, чем шукают себе местечко потеплей. А кто не работает — тот не ест. Для тунеядцев же Советская власть давным-давно организовала места, куда тех следовало (без суда и следствия) собирать. Назывались они концентрационными лагерями.

Но рассмотренные вопросы больше относились к городу. А как же дела обстояли в районах Ленинградской области, в сельской местности, где в то время работал мой отец?

Хозяин области — обком ВКП(б) — произвёл очередную кардинальную перестройку системы управления, ликвидировав округа и укрепив районы, которые, в соответствии с *совершенно правильными* решениями XVI съезда партии, превратились теперь «в основное звено социалистического строительства в деревне». Обком в эти районы перебросил 1200 работников бывших округов и 4000 руководящих работников и специалистов из Ленинграда.

Конечно, районным партийным организациям трудно. Они проводят работу «в обстановке жесточайшей классовой борьбы» и «в основном правильно осуществляют генеральную линию партии, решительно борясь с уклонами от неё. Достигнут подъём коллективизации» на 10 февраля 1931 года с 5,5 до 10,2 % (а полгода назад приводилась цифра 25 %), что произошло в результате развёртывания «наступления на кулака» и «организации батрачества и бедняцко-середняцкой массы вокруг задач переустройства сельского хозяйства».

Объединённый Ленинградский партийный пленум (в списках участников которого от районов фигурирует фамилия Богданова) отметил, что бюро областкома ВКП(б) «совершенно правильно и своевременно дало указание на места о решительном наступлении на кулака» и что «районные партийные организации в большинстве своём правильно усвоили эту директиву». Несомненно, соответствующие задачи по закрытым каналам связи были поставлены и районным отделениям ОГПУ. Вместе с тем объединённый пленум с сожалением констатировал, что «при практическом наступлении» у большинства районов «нет надлежащей системы для действия по всем линиям. При некоторых успехах в деле **довыявления** кулака отсутствует учёт кулацкозажиточных хозяйств, наблюдается полный разнобой в даче твёрдых заданий, недостаточно решительно проводится **карательная политика** по отношению к кулакам, не выполняющим твёрдых заданий по заготовкам и платежам». Обследование, произведенное областкомом ВКП(б), показало, что «руководство отдельных районов не проводило наступления на кулака и в своей практической работе скатилось в право-

оппортунистическое болото, подорвав тем самым выполнение всех хозяйственно-политических заданий и развёртывание работы по коллективизации». Вместе с тем пленум отметил, что с середины декабря 1931 года наметился «перелом в деле усиления наступления на кулака, а это привело к повышению темпов коллективизации», а в передовых районах (отмечены Мяксинский и Бабаевский) даже начат переход к сплошной коллективизации. В сельской местности предлагалось расширить вербовку в партию, создать партячейки в МТС и совхозах. Для помощи направить 10 оргпартгрупп сроком на 2 месяца [А. 18].

На фоне всех этих политических событий в апреле 1932 года произошло продвижение Богданова по службе на должность начальника Устюжнского районного отделения ОГПУ.

Устюжна была достаточно солидным городом по сравнению с маленькой Мяксой. Хотя время основания этого древнего поселения неизвестно, но ещё в 1252 году в составе городов Угличского удельного княжества упоминался Железный Устюг. Город возник на месте древней разработки железной болотной руды и славился изделиями из металла. В XVII веке в Устюжне Железнопольской изготовлялись пищали, самопалы и сотни тысяч ядер. При Петре Первом возникли два металлургических завода, производивших железные детали для кораблей, пушки и ядра. С развитием уральских заводов значение Устюжны упало, хотя продолжали работать чугунолитейный, фаянсовый и винокуренный заводы, мукомольная мельница и др. При Советской власти появились лесотехнический и сельскохозяйственный техникумы, педагогическое училище, школы, дома культуры и пионеров, краеведческий музей и библиотеки. Сельское хозяйство в районе было такое же, как во всей Ленинградской области: посевы зерновых, льна, посадки картофеля, овощей, молочное животноводство, свиноводство, птицеводство.

Теперь давайте посмотрим, как отразились на самом Богданове все эти лихие события непримиримой классовой борьбы. Можно предположить, что постоянное насилие, несправедливость, риск собственной жизнью не прошли бесследно, и у крепкого 25-летнего парня «с правильным телосложением и удовлетворительным питанием» наступило сильное нервное истощение, свидетельство о чем от 17 мая 1932 года даже подшито в личное дело. Для восстановления здоровья врачи рекомендовали направить больного «в местные благоприятные климатические условия» [А.2].

Если такая бумага появилась во второй, неофициальной, части личного дела, а не обычным путём оказалась в

медицинской книжке, можно полагать, что начальство было весьма обеспокоено данным вопросом и на всякий случай взяло его на заметку.

В этот период отец, видимо, как раз и возымел намерение уйти из органов ОГПУ и, чтобы подготовить себе соответствующую почву, 28 июня 1932 года через делопроизводство Устюжнского райотделения ОГПУ направил в Электротехнический заочный институт Ленинграда следующее письмо: «Не имея возможности продолжать своё образование без отрыва от основной работы на периферии, я решил обратиться к Вам за разъяснением, не смогу ли поступить в Ваш Заочный Институт, так как только таким путём смогу пополнить недостаток знаний в области электротехники».

Вполне очевидно, что оперативному работнику ОГПУ электротехника нужна была так же, как рыбе зонтик или зайцу стоп-сигнал. Однако серьёзность намерения отца подтверждает не только открытая отправка письма через собственное делопроизводство, но и указание в этой бумаге на то, что «с райкомом ВКП(б) договорённость есть, поэтому направление парторганизации будет». Для ответа к письму прилагались почтовые марки на 45 копеек [А.6].

На каком этапе сорвалась задумка об учёбе, сейчас сказать трудно. Во всяком случае в имеющихся автобиографиях отца об обучении в упомянутом институте ничего не говорится. Скорее всего, начальство посоветовало своему работнику, выдвинутому на новую руководящую должность, *дурью не маяться*, а усиленно заниматься служебными вопросами, поскольку впереди предстояли *большие дела.*

Непростой 1932 год ознаменовался для Богданова ещё и тем, что в феврале месяце он женился, и, как говорят шутники, на этом закончилась его автобиография, и началась семейная биография.

Глава 6. Дела семейные

Теперь немного поговорим о моей материнской линии как основополагающей женской составляющей нашей семьи. Мама моя, Котова Нина Владимировна, родилась 29 декабря 1904 года (по старому стилю) в городе Рыбинске Ярославской губернии. Переход на новое летосчисление, произведенный в 1918 году, позволил Ниночке несколько *омолодиться,* поскольку её день рождения *переехал* теперь на 11 января, а потому годом рождения стал 1905. В результате этого во многих официальных документах в графе «год рождения» сохранилось разночтение: то 1905 (встречается чаще), то 1904. Так и мы, с маминых слов, всегда считали. Однако в сделанной в 2010 году по моему запросу выписке из метрической книги Рыбинской градской Покровской церкви Ярославской Духовной консистории за 1904 год сказано, что *Нина* родилась 29 декабря 1903 года, а была *крещена 4 января 1904 года* [А.20]. Думаю, что такие данные о своём появлении на свет Нйна Владимировна и сама-то не знала.

Подробности о маминых родителях (и родных) проще отыскать в папиных анкетах, поскольку ему как сотруднику органов ОГПУ пришлось отчитываться перед начальством о своей спутнице жизни: не образовалась ли вдруг супружеская (а, значит, и потенциально опасная) связь с социально чуждым элементом? И действительно, в определенных кругах высказывалось некоторое неудовлетворение социальным происхождением маминого отца. Из какой конкретно социальной среды (во всяком случае не из рабочих и не из бедных крестьян) происходил *мологский мещанин* Владимир Михайлович Котов, родившийся 28 июля 1877 года, нигде не указано. Но он *служил в старой армии* в должности писаря, затем работал у разных торговцев приказчиком. И вот это последнее обстоятельство (занятия им *холуйской должности)* заставляло, по словам мамы, большевистских руководителей недовольно морщиться. Хотя трудился ещё Владимир Михайлович продавцом в лавке Водного транспорта, на мельнице кладовщиком да дезинфектором на железной дороге. Всё какое-то сомнительное, не *от станка.* То, что мой дед по материнской линии относительно рано умер, в 1939 году, позволило *упростить* его биографию и в анкетах о социальном происхождении мамы указывать «из семьи служащих».

Мать моей мамы Надежда Ивановна, девичья фамилия Козлова, родившаяся 29 августа 1882 года, была в семье второй по возрасту среди своих сестёр Анны, Серафимы и Марии. И если у Анны при двух замужествах своих детей не было, Серафима

родила одного сына Германа, Мария замуж вовсе не выходила, то самая красивая среди них Надежда рано сочеталась с Владимиром Михайловичем Котовым брачными узами и нарожала кучу детей: Веру, Нину, Бориса, Александра и Владимира. К сожалению, век этой моей бабушки, в отличие от её сестёр-долгожительниц, оказался недолог, и она в результате продолжительной болезни скончалась в 1923 году. Её мучения и смерть оказали определяющее воздействие на судьбу дочери Нины, которая в это нелёгкое время приняла для себя твёрдое решение стать врачом, чтобы иметь возможность облегчать страдания людей.

По автобиографическим данным [Н], на своей малой родине в городе Рыбинске Нина Котова в 1915 году окончила начальную школу, а в 1923 году завершила школу второй ступени. После этого в соответствии с внутренним призванием поступила на Медицинский факультет Смоленского Государственного Университета (СГУ), чтобы стать действительно настоящим врачом. Мама пошла работать с 14-летнего возраста, набрав за свою достаточно долгую жизнь общий трудовой стаж порядка 60 лет. Из них (вследствие неподтвержденное™ документами и вынужденных перерывов при переездах) к пенсии ей засчитали более 45 лет. С сентября 1919 года до отъезда на учёбу в Смоленск девчушка Нина трудилась 4 года делопроизводителем в продовольственном отделе Водного транспорта и даже состояла членом профсоюза. Став студенткой Медфака СГУ, она в период летних каникул подрабатывала *по специальности* то в месткоме Коллектива Аптекоработников Рыбинска (1925), то сестрой милосердия в доме отдыха «Райки» (1926), то на должности легпома в Абакумовской поселковой больнице (1927), а иногда и среди учебного года в качестве регистратора участвовала во Всесоюзной переписи населения в родном городе (1926). Годы учёбы в Смоленском университете мама вспоминала всегда с удовольствием. Бывало и голодно, и холодно, и одеться девчонкам не во что, но жили очень дружно, весело, учились напряженно и с энтузиазмом, помогали друг другу, чем могли. Эту свою дружбу выпускники Медфака 1928 года сохранили на всю жизнь, хотя разлетелись по своей работе в разные края, но постоянно переписывались, сообщали о своих делах и заботах, поздравляли с праздниками, наезжали в гости, устраивали коллективные встречи то в Смоленске, то в Москве (в этом случае организатор — Котова). На последние письма от *девчонок*, как все они продолжали себя называть вне зависимости от возраста, пришлось в 1990 году ответить мне, сообщив о маминой кончине.

Естественно, около румянощёкой (даже уксус пила, чтоб они

так не пылали!), весёлой и в то же время серьёзной студентки, увлекавшейся и лёгкой атлетикой, и волейболом, и баскетболом, ухажёров крутилось не счесть. Да все один другого краше.

Учили будущих врачей в Смоленском университете очень масштабно и серьёзно, преподав им теоретические курсы и проведя практические занятия по 41 дисциплине медицинского профиля, да ещё по 4 общественным наукам. Только в Государственной квалификационной комиссии в октябре 1928 года студенты-медики *подвергалась испытаниям* (по-современному, сдавали госэкзамены) по 13 медицинским специальностям. В итоге в свидетельстве, выданном СГУ (Медицинский факультет), было записано, что Котовой Нине Владимировне «присваивается квалификация ВРАЧА, что удостоверяется подписями и приложением печати».

После завершения высшего медицинского образования врач Н.В. Котова была направлена в Ленинград, откуда её послали работать в Череповецкую межрайонную больницу, где она была зачислена на свою первую докторскую должность.

Теперь волею судеб жизненные пути моих будущих отца и матери сошлись совсем близко. Им оставалось только встретиться. Папа никогда не говорил, где и когда он впервые приметил молоденькую симпатичную докторшу. Но вот на свидания к Николаю вызывала Нину из общежития медработников младшая сестра отца Катя. Так и познакомились и на всю жизнь сошлись характерами мои мама и тётя по отцовской линии. Жизнерадостная Нинка не слишком жаловала Колю своим вниманием — ухажёров у неё и без него хватало. И прежние приезжали признаться в любви, да и новые объявились.

Да и служебные обстоятельства всё время складывались так, что разделяли молодую пару. Напомним, что, став сотрудником ОГПУ, Богданов ещё в первой половине 1929 года был направлен для работы в село Мяксу. А врач Котова в составе специальных отрядов командировалась на борьбу со страшными эпидемиями сыпного тифа сначала в Петропавловский район (с мая по сентябрь 1929), а затем в Пришекснинский район (с февраля по июнь 1930). Трудно даже представить себе обстановку тех тифозных бараков, в которых приходилось работать маме.

Длительное отсутствие сотрудника на своём рабочем месте, пусть даже из-за важнейших командировок, всегда приводит к тому, что без него привыкают обходиться. Сразу после возвращения врача Котовой из первого эпидемического отряда её тут же направили (возможно, чтобы и передохнуть от ужасов сыпняка) в Ефимовский район «как члена рабочей бригады по проведению “Дня коллективизации”, реализации 3-го займа

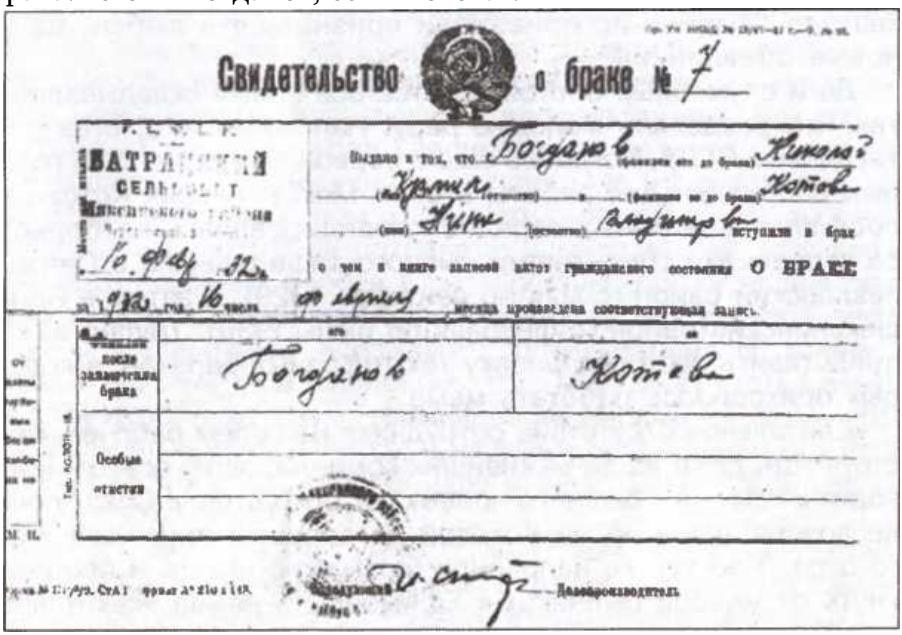
Индустриализации и по работе среди батрачества». Где уж тут даже работнику всемогущего ОГПУ отыскать свою возлюбленную?

Но по окончании второго сражения с сыпным тифом, сразу после возвращения в Череповец, врач Котова, дважды получившая серьёзное медицинское крещение в эпидемотрядах, назначается 30 июня 1930 года на самостоятельный участок работы — заведующей Батранской больницей в Мяксинском районе, совсем рядом с Богдановым.

Маме уже исполнилось 25 лет, она приобрела неплохой лечебный опыт и завоевала определённый авторитет среди врачей и пациентов, свою работу обожала, никогда не считалась с личным временем. Но ведь возраст для женщины наступал уже серьёзный, пора было подумать и о семье. А врачебная работа в сельской больнице специфическая, приходилось трудиться по всему спектру полученных в Смоленском университете специальностей: то принимать роды (любимое занятие), то спасать детей от дифтерии (трубочкой отсасывать плёнки из горла), то работать хирургом (мужику распороли живот, кишки вылезли наружу, он их подхватил да побежал в больницу, а по дороге упал и всё вывалял в навозе. Ничего, промыла, заправила, зашила, вылечила). Да мало ли ещё разных случаев было!

Через два года, когда 27 лет исполнилось, Нина Владимировна совсем собралась было уезжать из Мяксы и 17 января 1932 года подала заявление с просьбой освободить её от занимаемой должности, «о чём ранее была договорённость с Президиумом Райисполкома». Но тут появился лихой оперуполномоченный Николай Богданов, который, понимая, что свою возлюбленную теряет навсегда, пошёл ва-банк. Он заявился к Нине и предложил ей выйти за него замуж. Поклялся, что будет вечно любить её, никогда ни в чём не упрекнет и не обидит. Нина ему поверила и согласилась на предложение руки и сердца, не предполагая, что события дальше развернутся с чрезвычайной быстротой. Под окном уже стояли запряженные парой лошадей сани-розвальни. Радостный жених решительно подхватил свою немного растерявшуюся невесту и усадил в повозку, укатив, что было мочи, юридически скреплять (пока не передумала) новый семейный союз. Поздним вечером отыскать председателя Батранского сельсовета Мяксинского района Череповецкого округа и доставить его к месту службы для опытного оперуполномоченного было делом техники. Тут же приятель моего отца выдал в двух экземплярах «Свидетельство о браке № 7», в котором говорилось, что «Богданов Николай Кузьмич и Котова Нина Владимировна вступили в брак, о чём в книге актов гражданского состояния О БРАКЕ за 1932 год 16 числа февраля

месяца произведена соответствующая запись». Далее в документе следовала табличка, в которой в соответствующие графы следовало записать «фамилии после заключения брака», соответственно его и её. И тут лихо украденная невеста решила, видимо, либо проявить свой характер, либо оказалась просто не подготовленной к тому, чтобы сменить собственную фамилию. Потому в упомянутой таблице были вписаны фамилии после брака: «его — Богданов, её — Котова».


Свидетельство о браке

Выдано в том, что Богданов Николай

Котова

16 февраля 1932 года

О БРАКЕ

Фамилии после заключения брака

Богданов

Котова

Особые отметки

Свидетельство о браке. Выдано Батранским сельсоветом района Мякса 16 февраля 1932 года

Свадьбы и гулянки не устраивали, а, скромно отметив это событие в узком кругу, сразу перешли к серьёзной совместной жизни. Врач Котова подала новое заявление и была уволена из Батранской больницы 20 февраля 1932 года *по семейным обстоятельствам*, получив на руки справку, что она являлась заведующей больницей с 30 июня 1930 года. Без работы мама оставалась почти три месяца, и только после перевода папы в Устюжну с 15 мая 1932 года её зачислили на должность врача местной поликлиники.

Глава 7. По районам Ленинградской области(продолжение)

В апреле 1932 года молодая семейная чета Николая Богданова и Нины Котовой прибыла в город Устюжну, относившийся тогда к Ленинградской, а позднее к Вологодской области, чтобы прожить здесь свои непростые три с половиной года.

Глава семьи стал ВРИД (временно исполняющим дела) начальника Устюжнского райотделения ОГПУ, а его супруга сначала устроилась врачом-ординатором поликлиники и одновременно (с июля месяца) заведующей детской и женской консультациями. Однако в конце 1934 — начале 1935 года Котова стала врачом-ординатором Межрайонной больницы в терапевтическом, инфекционном и родильном отделениях. Совмещение, конечно, интересное: зарбарак (заразный, правильнее инфекционный, барак) и родилка. Однако врача широкого профиля, имевшего многосторонний практический опыт, можно было назначить куда угодно — и он справится!

Карусель событий пошла своим чередом. Отец постоянно разъезжал по району на лошади — знакомился с людьми и делами, вёл *чекистскую работу.* Мама принимала больных.

В этот период жизни мои родители познакомились и подружились с несколькими такими же молодыми семьями. Вечерами или в выходные дни они собирались вместе, чтобы отдохнуть, потанцевать, попеть песни. Особенно сошлись, можно смело сказать, на всю жизнь, с семьёй Аплахвердовых, Сергеем Аркадьевичем и его женой Валентиной Кузьминичной. Сергей Аркадьевич, армянин по национальности, обожал свою русскую красавицу Валентину, хотя, увы, две внематочные беременности лишили этих прекрасных людей возможности обзавестись собственными детьми. По профессии Сергей Аркадьевич был фармацевтом и потому всегда имел возможность в своей аптеке *отлить* немножко сэкономленного медицинского спирта для поддержания весёлого духа молодёжной компании. Кроме того, он сам любил готовить замечательные наливки и настойки. Да и кухарить по праздникам (ежедневно — это удел женщин) Сергей Аркадьевич обожал и прекрасно умел. Закатывал рукава рубашки, намыливал со щёткой свои волосатые ручищи и начинал с каким-то особым смаком обрабатывать мясо, рыбу, овощи, фрукты — всё, что попадало под руку. Вкусноти-ща получалась необыкновенная — в этом убедились и мы в последующие годы.

Аллахвердовы, особенно Сергей Аркадьевич, глубоко уважали моих отца и маму, и все вместе шутили, что их сближает даже то, что фамилия *Аллахвердов* в переводе с армянского означает приблизительно то же самое, что *Богданов* по-русски, а Николай и Валентина имеют одинаковые отчества, поскольку отцы их — тёзки. Так и берегли они эту дружбу всю жизнь и даже в мир иной ушли как-то *взаимосвязанно.* Сначала 29 июня 1972 года не стало Валентины Кузьминичны, а ей во след через несколько месяцев ушёл из жизни Николай Кузьмич. Нина Владимировна и Сергей Аркадьевич пережили своих супругов на 18 лет. И вот когда Сергей Аркадьевич в очередной раз приехал из Риги, где он постоянно проживал, в Москву специально для того, чтобы в день памяти 23 ноября поклониться могиле моего отца, скоропостижно в этот же день скончалась мама, а через 4 дня в её квартире совершенно неожиданно умер и последний из четырёх старых друзей.

Да и с многими другими людьми, с кем сталкивала родителей изменчивая судьба (это не считая многочисленных родственников), сходились душою навек, потому что в этих взаимоотношениях не было места сиюминутной конъюнктуре или корыстным интересам. Переписывались, телеграфировали, перезванивались, наезжали в гости до конца дней своих. Память об этом осталась в небольшой пачке писем. И теперь в этих сохранившихся, порой корявых, написанных на случайных листках, часто карандашом, оставляющих желать лучшего по грамотности строчках я терпеливо выискиваю малейшую информацию о жизни родителей, их родственников и друзей. Какие упущены имевшиеся ранее возможности всех расспросить, всё запомнить, а лучше — записать! Но тогда, по молодости собственных лет, такие дела мало меня интересовали, хотя лично я всегда любил слушать рассказы ветеранов об их жизни, однако собственные меркантильные проблемы казались в ту пору важнее всего на свете. Даже мамины повествования о годах её молодости, учёбе в университете, работе в районе, замужестве в одно ухо влетали, а в другое вылетали, оставляя в памяти лишь слабый след, который теперь стремлюсь подтвердить документально. А папу мы вообще ни о чём никогда не расспрашивали, понимая, что его работа *строго секретная* и *болтать* он о ней не имеет права. Хотя сколько раз слышал я от него исходившее из самой глубины болевшей души не совсем понятное мне тогда восклицание: «Что творят… Что творят…»

А творилось в те годы вот что [А. 18]. Руководящие органы Ленинградской области перестали справляться со своими функциями по планированию и регулированию всех вопросов в

связи с *возросшими задачами социалистического строительства.* Поэтому в декабре 1931 года состоялось решение объединенного пленума «О выделении города Ленинграда в пределах Ленинградской области в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с самостоятельными партийными, советскими и хозяйственными руководящими органами и бюджетом». В результате этого преобразования главный партийный орган разделился на две части: Ленинградский областной комитет (ЛОК) и Ленинградский (позднее добавили — городской) комитет (ЛК) ВКП(б) с соответствующими самостоятельными штатами. Чтобы обеспечить единство действий этих двух партийных организаций, возглавлял оба комитета один первый секретарь, в качестве которого на объединенном пленуме ЛОК и ЛК был единогласно избран «верный соратник товарища Сталина, непримиримый борец с правым оппортунизмом и кулачеством, любимец народа С.М. Киров».

С этого времени обком партии, не отвлекаясь на городские проблемы, смог вплотную заняться делами многочисленных районов, уделить всё своё неослабное внимание сельским труженикам, а заодно по собственным каналам подготовить и провести намеченную ЦК *чистку* рядов партии, в которую после Октябрьского переворота вошло много реэмигрантов. Основные вопросы, которые рассматривались теперь на заседаниях пленума ЛОК, касались весеннего сева, поднятия пара, прополки, сенокоса, уборки урожая, подъёма целины, зяблевой вспашки, осеннего сева. В работе этих пленумов, согласно прилагавшимся к протоколам спискам, принимал участие и начальник Устюжнского райотдела ОГПУ Н.К. Богданов, поскольку без помощи *силовых структур,* только за счёт энтузиазма тружеников села, невозможно было решить те задачи, которые намечало руководство партии. Посудите сами, как без участия чекистских органов сумели бы одни только райуполкомзаги (районные уполномоченные комитета заготовок) и зампредрики (заместители председателей райисполкомов) по заготовкам самостоятельно провести нижеследующие мероприятия, предписанные инструкцией Ленисполкома ВКП(б) о проведении обязательной поставки зерна государству:

1. «Обязать к 20 июля закончить проверку вручения обязательств (то есть обязательства не принимались самими исполнителями, а выдавались им сверху! — *Ю.Б.)* и устранить все выявленные отступления от закона об обязательной поставке зерна государству». При этом особо подчёркнуто, что «никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть

допущено ни под каким видом».

2. «Вести неослабное наблюдение за изменениями размеров поставки зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами в связи с происходящими процессами дальнейшей коллективизации.

3. В отличие от прошлого года, без *раскачки,* уже с первых дней уборки и обмолота развернуть широким фронтом борьбу за высокий уровень сдачи хлеба государству, решительно не допуская имевшего место самотёка и либерализма.

4. Успеху зернопоставок должно способствовать правильное сочетание методов убеждения — через развёртывание массово-политической работы — **с методом государственного принуждения** (без ОГПУ здесь никому не справиться. — Ю.Б.) с самого начала кампании». К колхозам и единоличным хозяйствам, не выполнявшим планов хлебосдачи, предписывалось принять меры воздействия и репрессий.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ
ПРОЛЕТАРСКИХ
СПОРТИВНЫХ ОБЩЕСТВ
„ДИНАМО"

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее члену общества „ДИНАМО"

Ленинград, ул. Декабристов, 2

членский билет №_____ в том, что им сданы все нормы по испытанию значка „Готов к Труду и Обороне".

Настоящее удостоверение подлежит обмену на

Секретарь

Начальник Учебной Части

Удостоверение о сдаче членом общества «Динамо» Н.К. Богдановым норм на значок «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Ленинград, 1933 год

И самое главное — «разоблачая и **беспощадно расправляясь** со всеми элементами, пытающимися сорвать выполнение государственного плана зернозаготовок», райуполномоченные «не должны допускать какого бы то ни было либерализма ко всем срывающим план, под каким бы предлогом это ни производилось».

А в отношении тружеников села, собравших урожай, давалось указание «не допускать прошлогодней практики преступной, рваческой выдачи авансов колхозникам». Помол зерна разрешалось производить только на мельницах, включённых в государственный список. Если же это благое дело производилось на иных мукомольных объектах, то оно трактовалось как *тайный помол* с соответствующими последствиями.

Ясно, что, выполняя перечисленные указания руководящей верхушки, соблюсти столько запретов и провести крутые карательные мероприятия не смог бы ни один государственный орган, кроме ОГПУ.

Как бы теперь к этому ни относиться, но Богданов в силу своего служебного положения старался сам и организовывал подчинённых ему сотрудников добросовестно выполнять возложенные на них обязанности по претворению в жизнь поступавших указаний и поддержанию порядка в районе. Руководство ОГПУ проводимой работой, очевидно, оставалось в основном довольно. Начальник чекистского оперативного сектора (ЧОСа) Лебедев в ноябре 1932 года, ровно через год после вручения Богданову золотых часов, вновь, перечислив все описанные выше *боевые дела*, «за проявленную энергию и чёткость в работе, — как сказано в представлении, — полагал бы ко дню XV годовщины органов ВЧК-ОГПУ» наградить ВРИД начальника Устюжнского райотделения часами с надписью: «Чекисту-ударнику от ПП ОГПУ в ЛВО» (то есть от Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе). Однако на этом представлении, подшитом на всякий случай в дополнение к личному делу, наискосок по тексту, без какой-либо подписи стоит резолюция: «Отказано» [А.2].

В 1933 году тот же Лебедев подписывает на уже утверждённого начальника Устюжнского РО Богданова (чекстаж -3 года 7 месяцев) «Заключение о соответствии занимаемой должности» и аттестацию по состоянию на 15 сентября. В этих документах, также оказавшихся достоянием дополнения к личному делу, вышестоящий начальник не мог не отдать должное организаторским задаткам и работоспособности Богданова и потому отметил, что он «способный энергичный работник. Ко всем работам проявил серьёзный подход и полноценное выполнение. Работу с низовой сеткой ведёт достаточно умело, в результате чего удовлетворительно поставил своевременную партсигнализацию, чекистским опытом обладает. Инициативен. Быстро и правильно ориентируется. Руководить работниками может. Переложение своего опыта работы подчинённым проводит личным примером». Вместе с тем в качестве недостатка в этих

характеристиках высказывалась неудовлетворённость начальства тем, что весьма опытный чекист не проявляет железной непреклонности в проведении линии партии, допускает какой-то либерализм, непонимание и растерянность: «Как след-ственник недостаточно крепкий, но прилагает все старания к заполнению этого пробела. Не имея должной настойчивости и требовательности к подчинённым, загружает себя мелочами в ущерб работе». Понимая, что с помощью такого начальника райотделения ОГПУ, который, с одной стороны, умеет работать с людьми, а с другой — проявляет достаточную *мягкотелость*, не удастся под корень *вычесать* из местного населения все неугодные руководству партии элементы, начальство сделало вывод, что Богданов «занимаемой должности соответствовать вполне может», но только «в районе **с меньшими показателями по контрреволюции,** чем в Устюжнском. А потому желательна переброска».

Вот так и получалось, что, попав *в плавание* в беспощадном океане государственных органов безопасности, омывавших со всех сторон как всех нас, так и безмерно разраставшийся «Архипелаг ГУЛАГ», отец постоянно вынужден был лавировать, чтобы в трудный век строившегося социализма с наименьшими потерями постараться пройти между Сциллой и Харибдой. В силу своего служебного положения он должен был по малейшему подозрению арестовывать людей, чтобы *защитить государственный строй*, но в то же время вопреки нажиму начальства стремился не переусердствовать в этом вопросе, *кося* всех без разбору. И в последующей своей службе, понимая несправедливость проводившихся репрессивных мероприятий, отец стремился в силу имевшихся возможностей отойти от чекистских дел и перейти на организационно-хозяйственную работу, почему он со временем и был переведен из органов госбезопасности в Министерство внутренних дел.

В 1930-е годы Богданов как начальник Устюжнского РО ОГПУ, а потом Лужского РО НКВД получил следующие поощрения: 7 июля 1934 года объявлена благодарность «за чёткое выполнение указаний по выполнению плана весеннеполевой кампании»; 31 марта 1936 года награждён часами «за достигнутые успехи в деле снижения *горимости* в Устюж-нском районе»; 9 мая 1936 года объявлена благодарность «за хорошую постановку учёта и отчётности и за внедрение бюджетной дисциплины»; 3 августа 1937 года выдано «денежное вознаграждение в сумме 250 руб. за хорошие показатели в финансовой работе» [А.2].

А как же протекала семейная жизнь Богдановых? 30 сентября

1933 года Нина Владимировна Котова родила своего первенца — Владимира. Как при этой беременности, так и при последующих мама, согласно записям в личных бумагах, никогда не брала декретных отпусков, работала до последней возможности, а потом рожала, словно *крестьянка в поле*, в подшефном ей родильном отделении районной больницы.

В связи с появлением младенца для помощи по уходу за ним, поскольку мама работу не прерывала, в родительской семье появилась няня Александра Фёдоровна Андреева, или попросту Шура, которая соединилась с нами душой на всю оставшуюся жизнь, хотя случались большие перерывы в нашем совместном проживании. Иногда, чтобы помочь нянчиться с внуком, приезжала из Череповца бабушка Анна Леонтьевна, о которой сын Николай никогда не забывал и постоянно помогал ей материально.

По рассказам мамы, Шуры и других родственников, самый мой старший брат Владимир был не по летам развитым и в возрасте одного года уже прекрасно ходил и даже сносно разговаривал. К сожалению, все сведущие бабки предрекали, что такие умные дети на свете не живут. И действительно, ещё в июне 1934 года Николай Кузьмич прислал в Устюжну пару открыток с видами курорта Сочи, на которых написал: «Моим родным мамусеньке и сынушке от скучающего папки», — а поздней осенью малыша уже хоронили. Осталось только несколько фотографий первого сына: у мамы на руках да лежащего в гробике, а также сцена выноса этого маленького гробика из дома в последний путь. В основном стараниями Шуры могилка безвременно усопшего первенца семьи Богдановых всегда поддерживалась в порядке и сохранилась до сих пор.

Сколько я помню, увеличенная фотография Вовуси в большой красной раме всегда висела на стене в комнате родителей, а обтянутый траурной ленточкой снимок малыша, будто спящего, уложенного среди цветов, с головкой, чуть повёрнутой в нашу сторону, губки бантиком, ручки в кулачках, всегда стоял на мамином трюмо за расположенными на его полке вазочками, флакончиками и другими премудростями женского туалета. Мама говорила, что ей казалось, будто она растит и воспитывает не только нас двоих со старшим братом, а всех троих своих сыновей.

В ту холодную осень 1934 года, кроме сына Володи, погибли ещё несколько детей и именно тех, кому под маминым медицинским патронажем сделали прививки от дифтерии. В этом сразу же усмотрели *вредительство* врача Котовой, сознательно умертвившей советских детей. Пока разобрались, что во всём

виновата присланная из Ленинграда некачественная сыворотка, у мамы были большие неприятности. И только то обстоятельство, что у неё самой погиб собственный ребёнок, получивший среди других умерших такую же вакцину, послужило основанием для снятия с врача Котовой необоснованных обвинений.

Своего второго сына мама родила 31 октября 1935 года также в Устюжне, хотя отец к этому времени получил назначение на новое место службы — начальником Лужского районного отделения НКВД. Так что ни моему старшему брату, ни в последующем мне не суждено было вырасти, набраться сил и полюбить, как это положено, свою малую родину.

Второго сына мама (при согласии папы) опять назвала Владимиром, хотя говорят, что так и не положено — примета плохая. Но к имени Владимир в нашем родовом клане просто какое-то пристрастие, в результате чего мне известны связанные разными родственными узами четыре Владимира Богданова и три Владимира Котова.

Свою любовь к почившему первенцу как мама, так и Шура перенесли на второго сына. Может, тем и было оправдано сохранение имени Владимир. Забегая на пару лет вперёд, скажу, что лично меня больше всех любила бабушка Анна Леонтьевна, а потому между ней и Шурой, когда они вместе сходились в нашей семье, всегда возникали определённые ревность и соперничество: кому из детей следует больше уделять внимания, кого лучше поощрять — старшенького или младшенького. Папа, насколько я помню, никогда ни к кому не высказывал никаких особых предпочтений. Обоих сыновей одинаково по-отцовски любил, об обоих без различия возраста заботился, обоим равно дарил внимание, но без излишних нежностей и ненужных сюсюканий.

Глава 8. Предвестие бури

Возвращаясь от личной жизни семьи Богдановых к общественным событиям тех лет, следует, прежде всего, указать на поворотный момент, послуживший поводом для начала развёртывания очередных репрессий в стране, каковым явилось убийство одного из близких соратников Сталина — партийного трибуна С.М. Кирова.

Только лишь полгода назад, в разгар лета, всё, казалось, было хорошо: расширенный пленум Ленинградского обкома за подписью своего первого секретаря Кирова направил товарищу Сталину горячее приветствие, в котором, обращаясь к вождю попросту, *на ты*, сообщил, что, «твёрдо осуществляя Решения XVII съезда и твои указания, партия и рабочий класс победно завершили весенний сев и добились новых значительных успехов на пути превращения каждого колхоза в большевистский и всех колхозников в зажиточные». Однако с началом зимы произошла вдруг такая страшная трагедия.

По официальной версии, «1 декабря 1934 года в Ленинграде в Смольном выстрелом из револьвера С.М. Киров был злодейски убит троцкистским выродком, агентом империалистической разведки, членом контрреволюционной зино-вьевской подпольной группы, по прямому заданию врагов народа — Троцкого, Зиновьева и Каменева» [Л.27]. Иногда в этот список добавляли ещё и Бухарина.

Действительно, внимательные исследователи находят здесь и непонятные совпадения, и *немецкий след*, поскольку будущий убийца не раз был замечен в германском по-спредстве. Там он, вроде бы, получил деньги для написания книги, хотя в этом отношении ничего не делал. Подозрительным было и то, что сразу после трагического покушения германский атташе без положенного уведомления срочно выехал из Ленинграда. С другой стороны, вполне приемлема версия, что Сергея Мироновича застрелил неуравновешенный по характеру ревнивый муж Николаев за то, что глава города (как теперь уверяют, большой ловелас) уделял его жене излишнее внимание. Это покушение действительно сопровождалось массой странных фактов по нарушению обязательной строгой охраны важного большевистского функционера. Однако все свидетели данного убийства по разным причинам быстренько убрались в мир иной, навсегда унеся с собой известную лишь каждому из них долю мрачной тайны.

Буквально через несколько часов после убийства Кирова

специальным поездом в Ленинград отбыла *похоронная комиссия* во главе со Сталиным и в составе Молотова, Ворошилова, Жданова и др. Членов правительства сопровождал нарком внутренних дел СССР Ягода с большой группой сотрудников НКВД.

Но более важным явилось, наверное, то, что вслед комиссии уже летело оперативно принятое Президиумом ЦИК СССР постановление, которым предписывалось всем *карательным органам* страны Советов нижеследующее:

«1. Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов **ускоренным порядком.**

2. Судебным органам — **не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания** из-за ходатайств преступников о помиловании, так как **Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.**

3. Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названной выше категории **немедленно по вынесении судебных приговоров».**

Через несколько дней состоялось принятие ещё одного постановления — «О расследовании и рассмотрении дел о террористических актах против работников Советской власти…», содержавшего пять следующих пунктов:

«1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более 10 дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дело слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение по вынесении приговора».

В дальнейшем рассмотрение дел с учётом приведенных выше *положений* стало именоваться: «в порядке **закона от 1 декабря 1934 года»** [Л.28].

Чем же было вызвано принятие таких драконовских положений?

После Февральской и Октябрьской революций в страну разными путями хлынул поток *реэмигрантов*. Помимо известных *революционеров*, часть имён которых была нами названа, для возвращения на родину *западными специалистами* отбирались и финансировались не все желающие, а только те, **кто был**

настроен против России и способен нанести ей урон. В основном эти лица являлись сторонниками Троцкого и Зиновьева. По мере образования органов управления (ещё с подачи Свердлова) эти кадры заполняли все властные структуры. Их задачей являлось не налаживание нормальной деятельности учреждений, а введение бюрократических порядков и разграбление богатств населения и страны. Даже приезжавшие к нам иностранцы удивлялись, что во всех наших *конторах* сидели одни **евреи.** Английский журналист Виктор Марсден составил послереволюционные списки руководства различных советских организаций. Оказалось, что в ЦК ВКП большевиков, во ВЦИК IV и V съездов Советов, в Высшем Совете народного хозяйства, в комиссариатах армии, внутренних дел, иностранных дел, финансов, юстиции, здравоохранения, народного образования, социальной помощи, общественных работ, в других важнейших организациях, а также в периферийных органах работали практически только **евреи.** Они являлись той *пятой колонной*, которая в случае войны, всё отчётливее просматривавшейся в перспективе, стала бы тормозом при мобилизации всех сил для защиты страны. Для того чтобы предотвратить подобную деятельность *врагов народа*, управленческий аппарат следовало серьёзно почистить от всякого рода троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других противников сталинского курса.

Конечно, в 1926–1932 годах по указанию и под руководством Кирова проводились *чистки,* при которых из ленинградских партийной и комсомольской организаций были исключены тысячи оппозиционеров. Тогда же в райкомах стали составляться списки участников троцкистско-зиновьевской оппозиции или подозревавшихся в этом деле. За *неблагонадёжными* велась слежка, результаты которой отмечались в соответствующих формулярах. Однако силы саботажников-оппозиционеров, как заброшенных в Россию во время *революций*, так и ставших таковыми в результате целенаправленной разлагающей агитации, были достаточно велики.

В связи с этим ещё на XVII съезде партии, в январе 1934 года, в своём докладе Сталин, поставив задачи по развитию экономической и политической мощи страны, обеспечивавшей её национальную безопасность, подверг резкой критике некую «безликую и нефракционную» опасность. «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, — говорил он, — болтовня о “руководстве вообще” вместо живого и конкретного руководства, функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности, обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты, отсутствие систематической

проверки исполнения, боязнь самокритики — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности». Чтобы не вызвать резкого недовольства, Сталин корректно уточнил, кто на данном этапе стал виновником бед: «Это люди с известными заслугами в прошлом…» Однако теперь это люди, «ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них…» И в привычной манере своих выступлений задал вопрос и сообщил ответ: «Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом».

Решить столь непростую кадровую задачу в судебном порядке было достаточно сложно, поскольку всё существо дела утонуло бы в процессуальных проблемах. Вот почему Сталин вынужден был избрать **внесудебное** принятие репрессивных мер. Убийство Кирова, вне зависимости от того, просматривался здесь заговор или имелся только личностный мотив, было использовано **в качестве предлога** для очередной политической *чистки* партийных и административных органов.

Следует отметить, что с момента принятия *закона от 1 декабря 1934 года* его применение было эпизодическим и только по специальной санкции Политбюро ЦК ВКП(б). Затем, с конца февраля 1937 года и до октября 1938-го, практически все дела рассматривались только в порядке упомянутого *закона,* и никаких формальных санкций на его применение в тот период не требовалось. Таким образом, весь приведенный набор законодательных актов имел вполне глубоко продуманную логику.

Первой жертвой, павшей после убийства Кирова, стал Полномочный Представитель ОГПУ в ЯВО Ф.Д. Медведь, в то время являвшийся прямым начальником моего отца. Известно, что Медведь в соответствии с указаниями и решениями Центра приложил немало усилий для организации личной охраны Кирова. Кроме того, этот *начальник стражи* ежедневно отправлял в Москву отчёт с подробным изложением всех сторон жизни своего патрона в течение прошедших суток. В свою очередь первый секретарь обкома содействовал принятию решения, в соответствии с которым Медведь лично был введён в бюро Ленинградского обкома ВКП(б), и с тех пор все *главные чекисты* города на Неве (в том числе и мой отец в своё время) будут удостаиваться аналогичного партийного доверия.

Со всех своих постов Медведь был немедленно снят и арестован, а 23 января 1935 года «за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям по охране госбезопасности», приведшее к убийству Кирова, осуждён к трём

годам заключения в концентрационном лагере.

Расследованием дела об убийстве Кирова занимался заместитель наркома внутренних дел Я.С. Агранов. В процессе следственных действий, охвативших большое число обвиняемых, установили, что «убийство тов. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного “Ленинградского центра”». Мотивом явилось «стремление добиться таким путём изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы». Часть обвиняемых получила обвинительные приговоры от обычных судов. При этом самим Николаевым и его ближайшим окружением пришлось пожертвовать, чтобы в дальнейшем не возникло *ненужных вопросов.* Тех, чью вину сложно было доказать в открытом процессе, провели через Особое совещание НКВД, приговорившее обвиняемых к ссылке и различным срокам заключения в лагерях. Наконец, закрытым постановлением Политбюро сторонников Зиновьева либо выслали на север Сибири и в Якутию, либо перевели на работу в другие районы страны. В результате: были приговорены к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки — 76, к ссылке -30, к высылке — 988. Такими жесткими, *замаскированными* мерами пришлось чистить авгиевы конюшни. Борьба с реэмигрантами и саботажниками ещё далеко не была закончена. Сталину надо было найти пути смены *заслуженного*, но *вредоносного* как центрального, так и периферийного, или (как назвал его историк Ю.Н. Жуков) *«широкого», руководства.*

Заполнение появившихся вакантных мест осуществлялось молодыми специалистами, окончившими вузы и техникумы. Причём за подбор и назначение кадров на ответственные партийные и административные должности, в соответствии с решением съезда, отвечал теперь Отдел руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК, представлявший свои предложения на утверждение Политбюро. Вся кадровая политика была отныне под постоянным контролем Сталина и его ближайших соратников, или (по Ю.Н. Жукову) *«узкого»* руководства. Перед предстоявшими схватками тыловые структуры требовалось надёжно укрепить [Л.11].

15 декабря 1934 года собрался объединённый пленум Ленинградского обкома и горкома, который по рекомендации ЦК ВКП(б) избрал первым секретарём обоих комитетов «одного из выдающихся строителей и деятелей большевистской партии и Советского государства, верного ученика и соратника И.В. Сталина, видного марксистского теоретика и талантливейшего пропагандиста марксизма-ленинизма» А.А. Жданова [Л.27]. При

этом новоявленный Первый был тут же кооптирован в члены обкома и горкома и немедленно избран членом бюро этих руководящих партийных органов. Несмотря на то что всё делалось *по рекомендации ЦК,* в соответствии с бюрократической процедурой данный вопрос вынесли на утверждение того же ЦК ВКП(б).

Вторым пунктом постановления объединённого пленума было принято решение об увековечивании памяти Кирова, «павшего на боевом посту от руки классового врага». Постановили переименовать в Кировские: Нарвский район, улицу Красных Зорь, мост Равенства (бывший Троицкий), Крестовский, Елагинский и Каменный острова.

Затем собрание руководящих коммунистов заслушало итоги ноябрьского (1934 года) пленума ЦК ВКП(б) в изложении своего первого секретаря Жданова, а в заключение приняло очередное приветствие товарищу Сталину.

Для краткой характеристики Андрея Андреевича Жданова (1896–1948) приведём несколько выдержек из БСЭ, которые в комментариях не нуждаются.

«А.А. Жданов входил в возглавляемое И.В. Сталиным руководящее ядро большевистской партии, которое после смерти В.И. Ленина, в непримиримой борьбе против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других маловеров и капитулянтов, отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию, обеспечило победу социализма и вывело советский народ на широкий путь строительства коммунизма. А.А. Жданов повседневно руководил индустриализацией». Под его руководством большевики «добились серьёзных успехов в коллективизации крестьянских хозяйств, в организационнохозяйственном укреплении колхозов, строительстве и укреплении совхозов». В партийной элите Жданов слыл интеллектуалом, а потому «много внимания и сил уделял дальнейшему развитию ряда важных проблем марксистско-ленинской теории, внося в научную работу дух большевистской партийности, беспощадно громя проявления буржуазной идеологии, всякие отклонения от ленинско-сталинской теории». Он занимался также вопросами социалистической культуры, литературы, музыки, истории, философии, «научной организацией подбора, воспитания, выдвижения и распределения кадров», международным коммунистическим движением, выступая на различных форумах «с глубокими по содержанию и блестящими по форме» докладами, «давая образцы творческой разработки новых вопросов», призывая «ещё теснее сплотиться вокруг великого Сталина» [Л. 27].

Не следует упускать из виду ещё и такой момент, что Жданов и Сталин являлись сватами, поскольку сын первого, Юрий, в те годы был женат на дочери вождя Светлане, что не могло не оказывать определённого влияния на их отношения.

На освободившееся место начальника Управления НКВД по Ленинградской области 10 декабря 1934 года прибыл из Москвы Л.М. Заковский — ответственный руководитель и профессиональный чекист. Пользуясь справочниками [Л. 23, Л.29, Л.30] и книгой «Питерские прокураторы» [Л.4], составим его портрет.

Автор упомянутой книги пишет, что «Заковский Леонид Михайлович (урождённый Штубис Генрих Эрнестович) с детства вышел ущербным человеком», а такой психологический аспект, или пунктик, часто оказывает определяющее влияние на всю жизнь индивидуума в его стремлении любыми способами, не считаясь ни с какими издержками, доказать окружающим своё величие, утвердить собственное «Я». Вот и автор книги сообщает, что «в благоприятных условиях революционных событий и гражданской войны его безнравственность получила дальнейшее развитие». В порыве откровенности Заковский сказал как-то о себе буквально следующее: «Попади ко мне в руки Карл Маркс, он бы тут же сознался, что был агентом Бисмарка». Автор «Прокураторов», изучив множество документов, пришел к выводу: «Да, Заковский-Штубис такого добиться мог».

Однако в высших эшелонах власти Заковский котировался достаточно высоко. Он приступил к работе в ВЧК с первых дней её создания и уверенно поднимался по служебной лестнице: рядовой разведчик, начальник разведки, комендант ВЧК. Известно, что «комендант лично сам участвовал или же возглавлял команды по приведению в исполнение высшей меры наказания». Так что Заковскому пристрелить кого-либо или распорядиться, чтобы пристрелили, — дело плёвое и привычное.

С 1918 года Заковский стал особоуполномоченным президиума ВЧК на Западном, Южном и Восточном фронтах, что открывало ему широкие служебные возможности. Затем он возглавлял отряды специального назначения по подавлению восстаний в Астрахани, Саратове, Казани. Даже после окончания Гражданской войны перебрасывался из одной *горячей точки* республики в другую. С 1932 года являлся Полномочным Представителем ОГПУ, народным комиссаром внутренних дел Белорусской ССР. Какие репрессии свирепствовали в этой республике, хорошо известно. За свои *заслуги* Заковский награждён был двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и парой знаков «Почетный работник ВЧК и ОГПУ»

(к 5-й и 15-й годовщинам органов).

Небезынтересна и литературная деятельность Леонида Михайловича. Вот некоторые работы, выходившие из-под его пера: «Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожить до конца», «Выкорчевать до конца троцкистско-бухаринскую агентуру фашистов», «Предателям Родины троцкистскобухаринским шпионам нет и не будет пощады», «Подрывная работа церковников-сектантов».

Теперь вот настал черёд проявить себя в Ленинградской области. С появлением нового начальника в Большом доме на Литейном «снимались со своих постов и сплавлялись во все концы страны руководящие кадры». Часть из них, вместе с бывшим начальником управления, позже была уничтожена. «На освободившиеся должности хлынула лавина карьеристов из других регионов, послушных и безжалостных, не имевших корней в городе на Неве, зато с большим опытом получения требуемых результатов в процессе следствия». Для проведения *чисток* пока что требовались такие кадры.

Выдвиженцы представляли собой послушных исполнителей планов Заковского. Так, его заместителем по государственной безопасности стал Н.Е. Шапиро-Дайховский, подпись которого присутствует на большинстве постановлений о расстрелах. Из местных кадров выделялись Д.Д. Фигур и П.И. Мелюхов, которых «объединяли безудержный карьеризм, низкий моральный облик и бесчеловечность». В те годы в Ленинградском управлении НКВД работала и Софья Гер-тнер, прозванная Сонька-Золотая Ножка за истязания и садистские методы ведения следствия.

С 1935 года началась «ликвидация без остатков всего троцкистско-зиновьевского подполья». На основании постановлений Особого совещания при НКВД СССР снова проводились две операции по выселению из Ленинграда *бывших людей*, которых набралось в общем количестве более 11 тыс. человек. Причём в этой работе Заковский «не был бессознательным, слепым исполнителей чужой воли, так как владел обстановкой и знал все партийные, государственные и своего ведомства приказы, постановления и указания».

Вот такой была общая атмосфера, в которой пришлось работать моему отцу. Как уже упоминалось, в октябре 1935 года Н.К. Богданова перевели из Устюжны на аналогичную должность начальника райотделения НКВД города Луги. Оба города являлись тогда райцентрами, относившимися к Ленинградской области.

Луга, находящаяся на железнодорожной линии Ленинг-рад-Псков, мало чем отличалась от Устюжны, хотя обладала более

скромной историей и меньшей производственной базой. Работали там небольшие стекольный и кирпичный заводы, велась добыча торфа. В сельском хозяйстве практиковались такие же, как по всей области, посевы полевых (ржи и пшеницы), посадки картофеля и овощей, имелось молочное животноводство. Возможно, что в этом провинциальном городке вследствие более слабой экономики были «меньшими показатели по контрреволюции», с которой Богданов, по мнению своего начальства, в Устюжнском районе недостаточно жёстко боролся.

Как потом повторялось не раз, на новое место службы отец уехал один, чтобы обосноваться в незнакомом городе и обустроиться с жильём. Мама только что родила сына Владимира и потому пока оставалась с ним на прежнем месте. С работы она уволилась только 25 января 1936 года «ввиду перевода мужа на службу в другой город». Поскольку ухаживать за грудным ребёнком помогала домработница Шура, мама сразу же после переезда в Лугу устроилась работать главврачом детского «Санатория малюток».

На своём новом месте службы Богданов, обладавший уже достаточно солидным чекистским опытом, быстро вошёл в курс дела, наладил агентурную и оперативную работу, установил тесные связи с партийными и советскими органами. В 1936 году он был избран членом бюро и членом пленума Лужского райкома ВКП(б), а также стал членом президиума и членом пленума райисполкома.

Поскольку НКВД совмещал в себе тогда и госбезопасность, и внутренние дела, то приходилось одновременно бороться с преступностью и с вооружёнными выступлениями в районе. 9 мая 1936 года начальнику Лужского РО НКВД Богданову была объявлена благодарность от УНКВД ЛО «за хорошую постановку учёта и отчётности и за внедрение бюджетной дисциплины».

Видимо, для того чтобы укрепить единоначалие в органах НКВД и поднять их престиж, постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 октября 1935 года для сотрудников ГУГБ были введены специальные звания: комиссар государственной безопасности (гб) I (II, III) ранга, старший майор и майор гб, капитан гб, старший лейтенант, лейтенант, младший лейтенант гб, сержант гб. Интересно, что по значимости спецзвания сотрудников госбезопасности были иные, нежели в Красной Армии. Так, звание *старший лейтенант гб* соответствовало воинскому званию *майор*, спецзвание *капитан гб* приравнивалось к армейскому званию *полковник*. В результате получалось нарушение обычной воинской субординации: чекистский младший офицер имел право наравных общаться с полевым командиром полка, а старший

майор гб *без стука* был вхож к командиру боевой дивизии. Кто кому при встрече должен был отдавать традиционную воинскую честь — младший гэбист старшему войсковому командиру или наоборот?

Наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде присвоили высшее звание — *генеральный комиссар государственной безопасности.* Следующее по весомости спецзвание, *комиссар гб I ранга,* получили 9 чекистов, в том числе и начальник Управления НКВД Ленинградской области Л.М. Заковский [Л.23].

23 марта 1936 года приказом НКВД СССР № 185 спецзвание *лейтенант государственной безопасности* присвоили начальнику Лужского райотделения НКВД Богданову [А.3].

Первоначально спецзвания работников ГУГБ обозначались в петлицах и на рукавах золотыми и серебряными звёздочками. Но потом, с июля 1937 года, их заменили соответственно *ромбами* и *шпалами.* Такие вот знаки различия и запомнились людям за годы репрессий.

После всех этих нововведений нарком внутренних дел Ягода в звании генерального комиссара гб представал перед своими подчинёнными с большой маршальской звездой в петлицах на воротнике и в нашивках на рукавах. У начальника УНКВД ЛО комиссара гб I ранга Заковского красовались на галунах звезда и четыре ромба, что приравнивало его к командарму I ранга РККА или генералу армии. Их подчинённый начальник Лужского райотделения НКВД лейтенант гб Богданов носил одну шпалу, но по своей *весомости* она соответствовала армейскому капитану.

Глава 9. Борьба за новую Конституцию СССР

Разобраться в причинах происходивших в СССР общественно-политических событий весьма сложно без учёта сложившихся к середине 1930-х годов международных отношений. К этому времени возросла агрессивность таких стран, как Германия, Италия и Япония, неуклонно усиливавшаяся на фоне непротиводействия им со стороны великих держав — Великобритании, Франции и США.

В Германии сразу после прихода Гитлера к власти началась ремилитаризация страны, на которую с полным равнодушием и безучастностью взирали *западные демократии*, являвшиеся гарантами стабильности и безопасности в Европе. В планы Гитлера входило возрождение военного могущества Третьего рейха, восстановление его старых границ, расширение их на восток с перспективой в дальнейшем безграничного господства сначала на континенте, а затем и в мире. Япония безнаказанно оккупировала Северо-Восточный Китай. Великие державы лишь пассивно наблюдали за этими действиями. Италия полностью захватила в Африке Эфиопию, что не вызвало никакого осуждения.

Западные демократии вели политику *умиротворения,* стремясь за счёт жизненных интересов других стран, их территориальной целостности и даже независимости удовлетворять неуёмные аппетиты возникшего военного блока, получившего название *ось Берлин-Рим-Токио.* Подобная реакция на ничем не прикрытую агрессию *стран оси* позволяла им чувствовать себя безнаказанными, давала уверенность в том, что любые их действия не встретят осуждения или сопротивления. Мир начал неуклонно сползать к военной катастрофе. Гитлер уже перестал скрывать, что первыми жертвами его завоеваний станут Австрия, Чехословакия и Польша.

В сложившихся условиях советское руководство отчётливо понимало, что угроза войны становилась реальностью и что рано или поздно Третий рейх, в соответствии с давними замыслами Гитлера и пособничеством Запада, обрушится на СССР. Помимо борьбы с коммунизмом как идеологией, фюрер заложил в программу нацизма поход на Восток, в результате которого должны произойти расчленение Советского Союза, захват и колонизация его европейской части с превращением этих территорий в житницу и сырьевой придаток Германии. Такие

наступательные планы вполне устраивали западные правительства и тайно **финансово** поддерживались *мировой закулисой.*

При этом следовало учитывать и то обстоятельство, что страна Советов уже полтора десятилетия находилась в политической изоляции, была исключена из жизни мирового сообщества, а потому не имела никаких международных договоров, обеспечивавших ей безопасность и поддержку в случае нападения извне. Нельзя было исключать и наиболее опасный вариант, при котором мог произойти **сговор** между великими державами, позволявший преднамеренно нацелить агрессивно настроенную нацистскую Германию именно против СССР. Сражаться в одиночку против всего капиталистического мира Советский Союз не имел возможности. Красная Армия была слаба в техническом отношении в связи с отсутствием мощной оборонной промышленности, которая только недавно получила базу для своего развития.

Все эти обстоятельства вынудили советское руководство прийти к единственно правильному решению: попытаться как можно скорее инициировать создание системы коллективной безопасности, охватывавшей бы всю Европу. В таком случае агрессивные действия Германии удалось бы сдерживать как с запада, так и с востока.

Но для того чтобы успешно вступать в переговоры с другими странами, Советскому Союзу самому следовало изменить свою внешнюю и внутреннюю политику. Все неудачи возникали из-за того, что мировое сообщество не признавало страну Советов в качестве достойного и равноправного партнёра из-за провозглашенного даже в Конституции СССР 1924 года раскола мира на два лагеря: *лагерь капитализма* и *лагерь социализма.* Это обусловливало не только отстранение СССР от других стран, но и возможность столкновения с ними. В связи с этим необходимо было отказаться от утопичной ориентации на *мировую революцию*, определявшую *классовый принцип* внешнеполитического курса. Во внутренней политике Сталин задумал провести конституционную реформу, отказавшись от упомянутого выше положения, противопоставлявшего СССР всему миру. А главное — намерен был коренным образом изменить систему формирования государственных органов так, чтобы **народ** сам мог отстранять от власти негодных руководителей. Фактически это означало отказ от диктатуры пролетариата.

Для *ортодоксальных коммунистов*, заполнявших руководящие советские и партийные органы, все эти мероприятия казались отходом от марксизма, скатыванием на позиции ревизионизма.

Это не могло не вызвать сильного противостояния с их стороны.

Здесь самое время поговорить немного о **личности** самого **Иосифа Виссарионовича Сталина,** стоявшего в то время во главе Коммунистической партии и всей страны.

Одним из самых интересных с психологической точки зрения является, наверное, всесторонний анализ личности Сталина, сделанный доктором медицинских наук Д.В. Колесовым [Л.31, Л.32]. Учёный считает, что всем, чего достиг Ста-лин, «он обязан только самому себе, своей одарённости и работе над собой». Конечно, если бы в России не сложилась специфическая ситуация, вызванная войной и Октябрьским переворотом, мир так ничего бы не узнал «о мальчике с отдалённой окраины огромной империи», ставшем почти на три десятилетия руководителем огромной страны.

После возвышения Сталину необходимо было проявлять свои **положительные качества,** поскольку, не обладая важными **достоинствами,** к власти прийти невозможно, а тем более долго её удерживать. Соперники Сталина в лице Троцкого, Зиновьева, Каменева считали его серой, недалёкой, заурядной личностью, не заметив, насколько он был «масштабен, многообразен, решителен и одарён». Как всегда, при появлении нового руководителя, политические оппоненты сначала обычно удивляются: «Как это мы раньше ничего не заметили?» Потом стараются громко и неискренне воспевать успешного лидера. А затем, если остаются живы после его смерти, начинают лить на бывшего *кумира* помои в отместку как за свою политическую бездарность, так и за то, что вынуждены были его восхвалять против своей воли.

Анализируя психологические качества Сталина, все исследователи сходятся на том, что **память** у вождя была «выдающаяся, исключительная, замечательная, феноменальная». Обладая лучшей памятью, чем все его политические соперники, Сталин умел обоснованно опровергать своих оппонентов, совершенно точно воспроизводя приводившиеся ими самими доводы и при необходимости противопоставляя им дословные цитаты из произведений своего учителя — Ленина.

Достоинством памяти Сталина являлось то, что запоминание новой информации всегда происходило у него одновременно с **точной оценкой.** Ничего в этом плане не было *вообще*, только по делу. Лишними сведениями себя не загружал: необходимую справку легко находил в книге. Всё, что знал Сталин, ему помогало в политической борьбе. **Конкретность и практическая направленность ума** позволяли ему вовремя, к месту вспоминать нужные сведения.

Кроме того, у Сталина была хорошая **память на людей.** По

подсчётам некоторых авторов, он знал фамилии, должности, деловые качества, политическую благонадёжность свыше 15 тыс. человек. Думаю, что при личной встрече в 1940 году и мой отец попал в эту *виртуальную картотеку* вождя.

Не менее выдающейся, чем память, была у Сталина и **способность к восприятию,** проявившаяся ещё в детстве, на уроках. При общении Сталин был полностью нацелен на своего собеседника, всесторонне к нему расположен, абсолютно внимателен. Пристальный взгляд в глаза в сочетании с активным слушанием помогал Сталину при оценке людей, в которых он, во всяком случае в отношении к себе лично, практически не ошибался. В целом же его взгляду свойственно было спокойно-пристальное оценивающее выражение. Он способен был обращать внимание на то, что другие не замечали, и придавать значение тому, что иные просто игнорировали. Но такое ёмкое восприятие порождало и **тревожность** личности, которая выражалась «в бдительности, настороженности, недоверчивости».

По складу своего мышления Сталин всегда стремился к **простоте выражения мысли** и умел этого достигнуть. То есть мог представить сложное в доходчивой и понятной форме, легко воспринимаемой простыми людьми: рабочими, колхозниками, служащими, партийными активистами. А это очень важно для политика — быть понятым сразу большим числом граждан. Тем более, когда излагаемое выступающий тесно связывает с теми действиями, к которым призывает, да ещё подкрепляет сведениями о собственных интересах слушателей, сформулированными всегда чётко и конкретно.

Сталин обладал **практическим складом ума,** необходимым государственному деятелю для выработки правильных и своевременных решений. Он всегда трезво, реалистично и прагматично оценивал обстановку. При этом в нём имелось умение правильно сочетать *соотношение общего и единичного.* Образно говоря, видеть и лес в совокупности, и отдельные деревья в нём. Это позволяло закладывать в принимаемые решения здравый смысл, диктуемый и общей стратегией, и конкретными жизненными проблемами.

В чём Сталин превосходил своих соперников, так это в способности к **гибкому и быстрому мышлению,** то есть в *сообразительности*, в конкретной ситуации. Это достигалось за счёт мгновенной оценки ситуации и всех её изменений, а также готовности сразу же, по ходу дела вносить необходимые коррективы в свои действия.

Выдающаяся **воля** Сталина также всегда признавалась всеми исследователями. При этом в понятии *воля* различаются два

компонента: энергетический потенциал и развитость воли. По оценке специалистов, если по энергетике воли Сталин несколько отставал от Ленина или Троцкого, зато у него была *самая организованная воля.* Это означает, научно выражаясь, «способность к волевому контролю максимально широкого круга действий в максимально широком круге ситуации». То есть у Сталина не было положений и аспектов поведения вне силового контроля. Но такое состояние опять же всегда порождает *тревожность.* Сталин никогда не проявлял, общаясь с людьми, высокомерия или снисходительности, но зато все и всегда должны были держать перед ним ответ по всей строгости и без всякого снисхождения.

Однако определяющим для политика является не просто наличие перечисленных выше качеств, а его способность принять и выполнить решение. При этом подлинным решением будет такое, которое всесторонне взвешено и глубоко продумано. В процессе анализа и размышлений политик может сколько угодно сомневаться, колебаться, испытывать неуверенность. И вот лишь когда ум всё «рассчитает и соотнесёт намерение с возможностью», только тогда, «внутренне определившись», настоящий политик подключит в полной мере свою сильную волю и проявит настойчивость в выполнении принятого решения. Как раз Сталин среди всех иных соратников, часто просто увлекавшихся собственными идеями, был наиболее сбалансирован в этом отношении. Вместе с тем при проведении решения в жизнь он был *твёрд, но не упрям.* Если ситуация кардинально менялась, мог что-то пересмотреть. То есть анализ текущей информации и корректировка решения продолжались у Сталина и после того, как наступала стадия реализации. Интересно, что *психологически* у него вообще не было окончательных оценок и выводов. При всей определённости своего мнения он всегда был готов что-то изменить или уточнить, если это подсказывалось ситуацией. А терпение в достижении задуманной цели, даже если для этого требовалось ждать целые годы, проявлялось Сталиным в огромной степени.

Конечно, в сталинских решениях часто бывало много безжалостности и твёрдости, но никогда не присутствовало гнева. Если вождь вспылил, то он стремился сначала успокоиться, а только потом принимать решение. Сталин был не кровожадным тираном, а являлся беспощадным полководцем, в сложнейшей внутренней и внешней обстановке поведшим за собой советских людей от полной разрухи и предательства к строительству могучей и великой державы. И если на этом тернистом и неизведанном пути требовались определённые жертвы, то они

неотвратимо приносились.

В общем, в психологическом плане Иосиф Виссарионович Сталин представлял собой весьма **цельную личность,** качества которой взаимно дополняли друг друга и тем самым определяли успешность его деятельности.

Возвращаясь к вопросу преобразований, которые задумал Сталин, проследим, как они реализовывались и воспринимались *общественностью* [Л.11, Л.12].

Итак, изменение внешнего и внутриполитического курсов означало на деле решительный отказ от ориентации на *мировую революцию* с провозглашением приорита защиты национальных интересов и намерением закрепить всё это в Конституции страны. В связи с этим ещё в 1933 году решением Политбюро Советский Союз перестал поддерживать все коммунистические и антиколониальные движения, выступления и восстания, которые порождали самоизоляцию страны Советов и её противостояние мировому сообществу. Кардинально был изменён и курс Коминтерна. Вместо *экспорта революции* деятельность этой международной организации стала направляться теперь на предотвращение глобальной войны, на единство действий с социал-демократами и на объединение всех сил, способных защитить мир, то есть на создание *народных фронтов.*

Произошедшее в результате этого улучшение взаимоотношений с рядом государств привело к тому, что 18 сентября 1934 года СССР приняли в Лигу Наций, которую ещё недавно *революционеры* клеймили как сугубо *буржуазную* организацию. Это позволило советскому правительству начать активную работу по созданию системы безопасности в Европе. 2 мая 1935 года СССР заключил с Францией договор, предусматривавший проведение немедленных консультаций в случае угрозы нападения на одну из сторон и оказание помощи той из них, которая стала объектом неспровоцированного нападения *третьей европейской державы.* 16 мая аналогичный по содержанию договор был подписан с Чехословакией. Советское руководство стремилось убедить *западные демократии* в своей надёжности как партнёра и возможного военного союзника, а также доказать, что с СССР следует взаимодействовать так, как он этого заслуживает в силу своего геополитического положения и экономического потенциала. Это был достаточно серьёзный успех советской дипломатии.

Конституционная реформа началась фактически вскоре после XVII партийного съезда, открывшегося 25 июня 1934 года, на котором Сталин вскользь упомянул о возможности использования в СССР *принципов парламентаризма и буржуазной демократии.*

Однако разработка данного вопроса несколько затянулась в связи с занятостью советского руководства упомянутыми международными проблемами по созданию Восточного оборонительного пакта. Только в январе 1935 года был подготовлен проект постановления предстоявшего вскоре VII съезда Советов СССР, в котором говорилось об изменении «порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик». Этим постановлением, по инициативе Сталина, предлагалось введение прямых выборов, равных для городского и сельского населения (то есть для рабочих и крестьян) и, самое главное, тайных. Тем самым осуществлялся отказ от ранее существовавшей сложной системы выборов, предоставлявшей преимущества исключительно пролетариату, в пользу буржуазно-демократической. В качестве обоснования необходимости переработки Конституции говорилось о том, что настало время закрепить «такие завоевания октябрьской революции, как создание колхозного строя, ликвидация капиталистических элементов, победа социалистической собственности». В докладе на съезде Советов глава правительства В.М. Молотов, в частности, сказал: «В Советском Союзе открыта дорога к полноправной жизни для всех честных тружеников, и круг лишенцев (граждан, лишенных избирательных прав. — *Ю.Б.)* всё более сокращается. Мы идём к полной отмене всех ограничений в выборах в советы, введённых в своё время в качестве временных мер». В отношении тайных выборов докладчик отметил, что они, прежде всего, «ударят со всей силой по бюрократическим элементам и будут для них полезной встряской». Далее стала проводиться идея, что выборы должны быть альтернативными, когда выдвигается несколько кандидатов, а побеждает лишь один, получивший большее число голосов. Причём выдвигать кандидатов в депутаты могли не только предприятия и учреждения, но и общественные организации. То есть за счёт изменения избирательной системы Сталин надеялся существенно почистить руководящие органы. Предполагалось, что народ сам выдвинет достойных представителей в органы государственной власти, оттеснив тем самым *демократическим* (и бескровным) *путём* закостеневшую бюрократию из прежних *революционеров.*

Крайне сложная работа по совершенствованию Конституции ещё только началась, когда Сталин в январе 1935 года получил достоверные сведения о том, что в Кремле готовится заговор с целью устранения нынешнего высшего руководства [Л.33]. Согласно этой информации, комендант Кремля Р.А. Петерсон (в Гражданскую войну являвшийся начальником охраны бронепоезда Троцкого) с секретарём ЦИК СССР А.С. Енукидзе

(близким другом Сталина, по служебным обязанностям отвечавшим за охрану Кремля), при поддержке командующего войсками Московского военного округа А.И. Корка из-за полного расхождения со Сталиным по вопросам внутренней и внешней политики подготавливали заговор с целью отстранения от власти Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Арест высшего руководства страны предусматривалось осуществить силами кремлёвского гарнизона по команде Петерсона. В качестве новой власти предполагалось создать своеобразную военную хунту во главе с заместителем наркома обороны М.Н. Тухачевским.

Естественно, что разобраться с этим вопросом Сталин поручил наркому внутренних дел Ягоде, хотя уже достаточно давно не полностью доверял ему. Началась следственная работа, получившая название «дело Енукидзе», «Кремлёвское дело», или «Клубок». В наше время, когда рассекречены многие, хотя далеко не все документы по этим делам, становится вполне ясно, что заговоры с целью *устранения* (убийства или ареста) Сталина существовали, и на него в 1930-е годы было совершено несколько покушений, к счастью, неудачных. Причём оппозиция реально угрожала не только самому вождю, его соратникам, но и всему проводившемуся ими политическому и экономическому курсу. До открытия архивов вопрос представлялся нам так, будто бы указанные дела являлись лишь маниакальной выдумкой Сталина, боровшегося за единоличную власть, что совершенно неверно.

Не вдаваясь во все подробности этих дел, отметим только, что Ягода также был в числе заговорщиков, правда, во многом занимал выжидательную позицию *(кто кого?)* с тем, чтобы встать на сторону победителей. В связи с этим нарком внутренних дел имел возможность запутывать ход следствия, направлять его по ложному пути, не привлекать действительных виновников, тянуть время.

Материалы «Кремлёвского дела» стали основанием для того, чтобы 14 февраля 1935 года Политбюро по представлению наркома Ягоды утвердило решение «Об охране Кремля», которое кардинальным образом изменяло всю систему безопасности правительственных зданий и проживавших в Кремле членов руководства страны. Теперь Комендатуре Кремля запрещалось вести какую-либо хозяйственную деятельность, а все силы следовало сосредоточить исключительно на вопросах охраны. Менялась и подчинённость Комендатуры: отныне она относилась к НКВД по вопросам внутренней охраны и к Наркомату обороны по военной охране. При этом из Кремля выводились многочисленные советские учреждения, в том числе приёмные и

канцелярии ЦИК СССР, ВЦИК и Центральной избирательной комиссии, вместе с обслуживавшими их подразделениями, которые ежедневно заполняло огромное число служащих, а также привлекало огромный поток посетителей. Таким путём определённая часть ненадёжной бюрократии несколько отдалялась от верховной власти. Кроме того, с кремлёвской территории выводилась военная Школа имени ВЦИК, насчитывавшая 1500 красноармейцев и командиров, что сводило на нет возможности её использования при государственном перевороте. Для обеспечения охраны был сформирован специальный полк НКВД.

Тем временем число арестованных по «Кремлёвскому делу» постоянно росло. Но в хитросплетения всех следственных действий вникать не будем, сошлёмся лишь на литературные источники, где описаны все подробности [Л.11, Л.33]. 11 февраля 1935 года Политбюро поручило только что избранному секретарю ЦК Н.И. Ежову следить за ходом следствия, а также «проверить личный состав аппаратов ЦИК СССР и ВЦИК». Содержание протоколов допросов свидетельствовало о реальной «засорённости социально чуждыми элементами» кремлёвской правительственной библиотеки, о моральном разложении и даже о «буржуазном перерождении» бывшего секретаря ЦИК Енукидзе и о «политической неблагонадёжности» комсостава Комендатуры Кремля. Это требовало срочного вмешательства ЦК и принятия решительных мер. После проверки правительственных учреждений была уволена значительная часть служащих. Так, из 107 сотрудников аппарата ЦИК СССР, включавшего и правительственную библиотеку, на работе остались лишь 9 человек. Всего при разработке дела было арестовано 35 человек, под следствием находилось 65 подозреваемых. При этом во всём отмечалась отрицательная роль Енукидзе. А вот Петерсона явно вывели из-под удара, объявив ему только строгий выговор за неудовлетворительное руководство Комендатурой. Затем он получил назначение помощником командующего Киевским военным округом по материальному снабжению.

2 мая 1935 года Ягода направил Сталину докладную записку, в которой сообщил, что следствие по «Кремлёвскому делу» «в подготовке террористических актов над членами политбюро ЦК ВКП(б)» заканчивается. Установлено существование пяти террористических групп: в правительственной библиотеке, Комендатуре Кремля, среди военных ра-ботников-троцкистов, троцкистской молодёжи и белогвардейцев. Нарком предлагал «заслушать дела этих групп на Военной коллегии Верховного суда без вызова обвиняемых и расстрелять организаторов террора и

активных террористов», всего 25 человек. Дело на Л.Б. Каменева, являвшегося не только вдохновителем, но и организатором террора, заслушать в той же инстанции. Дела на остальных 89 обвиняемых рассмотреть как на Военной коллегии, так и на Особом совещании НКВД. Теперь судебные процессы можно было проводить, а политический итог следовало подвести на предстоявшем пленуме, назначенном на июнь.

4 мая 1935 года Сталин выступил на приёме выпускников военных академий. Причём заговорил он не о проблемах службы в войсках новых командиров и не об угрозе войны, а о том, что больше всего волновало его в последнее время. Вождь сказал о том, что настало время опираться не на тех, кто обладал в прошлом *революционными заслугами*, а на профессионалов, на людей с высшим образованием. Если раньше говорили «техника решает всё», и этот лозунг помог ликвидировать имевшуюся отсталость и создать «широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой». То теперь «нужны люди, овладевшие техникой», поэтому новый лозунг должен быть: **«Кадры решают всё».** Далее Сталин вернулся к главной теме *вельмож-бюрократов*, обвинив именно их в непринятии нового лозунга. «Равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком», — отметил он. Затем выступавший перешёл к серьёзным проблемам, связанным с экономическим развитием страны. «Среди наших товарищей, — сказал Сталин, имея в виду соратников по партии, — нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению. Они говорили: “Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, чёрная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей”. Создание индустрии при нашей отсталости, да ещё первоклассной индустрии, — опасная мечта. Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального комитета. Более того, они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы ещё стремительнее пошли вперёд, сметая с пути всё и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен

признаться, что я тоже приложил руку к этому делу».

Так, не назвав конкретных фамилий, Сталин осудил опасные действия оппозиционно настроенных *товарищей* по партии, которых можно было отнести и к троцкистам, и к зи-новьевцам, и к правым, а также подтвердил неизменным принятый курс на индустриализацию. Становилось ясно, что и в дальнейшем *намнут бока* тем, кто будет активно или пассивно сопротивляться генеральной, сталинской линии.

Самое место здесь хотя бы кратко напомнить, как в 1930-е годы развивалась индустриализация. Так, в октябре 1931 года был введен в строй реконструированный завод АМО по производству автомобилей, а на Харьковском тракторном заводе им. Орджоникизде выпущен первый трактор. В декабре состоялся пуск Саратовского завода комбайнов. В январе 1932 года вступил в строй Горьковский автомобильный завод (ГАЗ), а на Магнитогорском металлургическом комбинате загрузили первую доменную печь. В марте были введены в действие Воскресенский химический комбинат и Первый подшипниковый завод в Москве. В апреле запустили первую домну Кузнецкого металлургического комбината. В октябре открыли первую угольную шахту в Воркуте. В этом же месяце состоялся торжественный пуск Днепрогэса. Летом 1933 года ввели в строй Челябинский тракторный завод и Уральский завод тяжёлого машиностроения («Уралмаш»). В августе заработала первая домна на заводе «Азовсталь» в Мариуполе. В декабре состоялся пуск первой очереди Бобриковского химического комбината. В июле 1934 года начал работу Ташкентский хлопчатобумажный комбинат, а в сентябре была введена в строй первая очередь Новокраматорского машиностроительного завода.

В феврале 1935 года прошёл II Всесоюзный съезд колхозников-ударников, который принял Примерный устав сельскохозяйственной артели, предоставивший больше самостоятельности труженикам села. В мае этого же года был открыт Московский метрополитен.

Этот весомый перечень результатов реализации сталинской программы индустриализации страны можно ещё существенно дополнить, но и упомянутые разнопрофильные предприятия позволяют судить о всесторонне возраставшей мощи страны Советов.

Вместе с тем вероятность выступлений оппозиции против проводившихся и намечавшихся преобразований вынудила Политбюро, в условиях нарастания военной угрозы в международных делах, принять 15 мая 1935 года следующее закрытое постановление:

«1. Создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами.

2. Создать Особую комиссию Политбюро по безопасности для ликвидации врагов народа.

3. Провести во всей партии две проверки — гласную и негласную.

4. Обратиться ко всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости повышения большевистской бдительности, беспощадного разоблачения врагов народа и их ликвидации».

Конечно, в условиях неотвратимого приближения военного конфликта, о приготовлении Германии к которому регулярно поступала разведывательная информация, надо было скрытно принять экстраординарные меры для предотвращения возможности выступления в стране предательской *пятой колонны.* Тем более что во время мартовских (1935) англо-германских переговоров Великобритания дала Гитлеру *добро* на его экспансию в восточном направлении. А никогда не прекращавшаяся антигосударственная подрывная деятельность троцкистской оппозиции как раз и ориентировалась на содействие военному поражению СССР, в условиях которого легко было сменить власть в стране.

Однако сложное международное положение, внутренние проблемы, связанные, в том числе, с раскрытием кремлёвского заговора, не только не вынудили Сталина и его ближайших соратников отказаться от намерения провести задуманные радикальные политические реформы, но и заставили их действовать более быстро и решительно. Чтобы исключить возможность оппозиции свободно публиковать свои разлагающие взгляды в средствах массовой информации, Политбюро в мае 1935 года приняло постановление ЦК «О реорганизации Культпропа ЦК ВКП(б)». Согласно этому документу, теперь в составе ЦК создавалось пять отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательств; школ; культурно-просветительной работы; науки, научно-технических изобретений и открытий. Во главе этих отделов были поставлены сторонники сталинского курса. Таким образом, устанавливался всесторонний, причём совершенно открытый идеологический контроль за образованием, культурой, наукой, печатью и издательством как в центре, так и на местах.

В летние месяцы 1935 года сталинское руководство приступило к решению задач, непосредственно связанных с обеспечением намечавшихся политических реформ. Было принято

постановление о восстановлении в избирательных правах многих *лишенцев*, которые теперь «добросовестно и честно работают». Для НКВД установили порядок арестов, по которому лишению свободы граждане могли подвергаться только с согласия соответствующего прокурора. Пересмотрели вопрос о *законности* очистки Ленинграда от социально чуждых элементов после убийства С.М. Кирова. Для укрепления своих позиций в вооруженных силах постановлением ЦИК СССР ввели персональные воинские звания начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а также новое положение о прохождении службы командным составом. Этим отменялись прежние основы, выражавшие особенности революционной по смыслу и классовой по характеру армии. Пока сохранялось прежнее название — РККА. Введённое звание маршала Советского Союза 20 ноября 1935 года было присвоено наркому обороны К.Е. Ворошилову, командующему Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) В.К. Блюхеру, инспектору кавалерии С.М. Будённому, начальнику Генерального штаба РККА А.И. Егорову и заместителю наркома обороны М.Н. Тухачевскому.

Однако не следует думать, что в те годы Сталин обладал абсолютной властью и мог без помех реализовать любые собственные решения. Так, менее успешной оказалась попытка советского руководства добиться одобрения своего нового курса в среде делегатов VII конгресса Коминтерна, открывшегося в Москве 25 июля 1935 года. Главную роль в проведении сталинской линии в этой международной организации предстояло сыграть известному болгарскому коммунисту Георгию Дмитрову, который был введён сначала в политсекретариат, а затем в президиум Исполнительного комитета Коминтерна. Однако ничто, даже авторитет бывшего узника фашизма, активная поддержка этого нового лидера со стороны Сталина и Политбюро, не смогло повлиять на взгляды коминтерновцев, заставить их отрешиться от старых, теперь уже нисколько не связанных с истинным положением дел понятий и оценок. Оппоненты вопреки реальности пытались представить, что в мире происходит «нарастание нового подъёма революционного движения», при котором «под знаменем Ленина-Сталина» надо идти *на штурм капитализма.* Делегатам непонятно было, почему вместо привычной подпольной борьбы, уличных боёв и баррикад, забастовок и саботажа, создания тайных складов оружия и нелегальных типографий коммунистам предлагалось в целях сплочения всех антифашистских сил объединяться в единый фронт не только с социал-демократами, но даже с мелкой и средней буржуазией? При этом не прибегать к конфронтации, а

баллотироваться в парламент, участвовать в выборах и вести легальную работу по защите прав трудящихся. В случае «если какое-либо слабое государство подвергнется нападению» агрессора, то в такой *освободительной войне* рабочий класс и коммунисты должны будут выступить с оружием в руках вместе с национальной буржуазией.

Разногласия, выявившиеся в ходе конгресса Коминтерна, нашли своё отражение не только в содержании докладов, выступлений и принимавшихся резолюций, но приняли откровенно личностный характер. Георгий Дмитров и глава делегации ВКП(б) Д.З. Мануильский даже отказались вместе работать в руководящих органах с И.А. Пятницким (И.О. Таршисом), который входил в состав Коминтерна почти с первых лет его существования, но теперь принципиально не поддерживал новую стратегию международного коммунистического движения.

В результате Сталин **вынужден** был решением Политбюро незамедлительно перевести Пятницкого *на другую работу* и поставить этого совершенно нежелательного деятеля на должность руководителя Политико-административного отдела, являвшегося одним из ключевых подразделений ЦК ВКП(б). Хотя было хорошо известно, что сей *верный ленинец* (точнее, *троцкист)* с большим дореволюционным стажем являлся идейным и бескомпромиссным борцом за дело *мировой революции.* Кроме того, по роду своей деятельности в Коминтерне он был связан с советскими спецслужбами. Но более серьёзная опасность состояла в том, что с давних пор от этого революционера тянулась ниточка и к английской спецслужбе, неблаговидная роль которой в русских делах была нами отмечена ранее.

Тем временем продолжалась работа Конституционной комиссии ЦИК СССР, после ряда преобразований включившей в себя 12 подкомиссий. Две из них, по общим вопросам и редакционную, возглавлял И.В. Сталин, экономическую — В.М. Молотов, финансовую — В.Я. Чубарь, правовую — Н.И. Бухарин, по избирательной системе — К.Б. Радек, судебных органов — А.Я. Вышинский, центральных и местных органов власти — И.А. Акулов, народного образования — А.А. Жданов, труда — Л.М. Каганович, обороны — К.Н. Ворошилов, внешних дел — М.М. Литвинов. Планомерный ход первого пленарного заседания этой комиссии был нарушен выступлением Сталина, который неожиданно для всех предложил провести конституционную реформу в гораздо больших масштабах, чем это предусматривалось ранее. Теперь он считал необходимым разделить существовавшую (и закреплённую основным законом) единую конструкцию власти на две самостоятельные ветви:

законодательную и исполнительную. То есть создать систему правления, подобную традиционной западноевропейской. Однако вся совокупность прежних и нынешних предложений Сталина вызвала серьёзные расхождения между членами комиссии. При этом чётко обозначились принципиальные и идейные разногласия между группой Сталина и видными в прошлом ортодоксальными партийными деятелями, не пожелавшими поступиться своими принципами. В связи с этим инициатору преобразований пришлось отказаться от делового сотрудничества со всей комиссией, поручив подготовку текста нового закона трем своим сторонникам: А.И. Стецкому, Я.А. Яковлеву и Б.М. Талю.

Вместе с тем казалось, что приближавшийся 1936 год будет достаточно благоприятным, поскольку «жить стало лучше, жить стало веселей». Отменили карточную систему, восстановив свободную продажу мяса, рыбы, жиров, сахара, картофеля, а также промышленных товаров. Вернули традиционное празднование Нового года, в связи с чем для детей провели ёлки в школах, домах пионеров и парках, а для взрослых устроили новогодние балы в московском Доме Союзов, дворцах культуры и клубах. Из политических событий: пленум ЦК объявил о завершении третьей генеральной *чистки* партии, начатой в 1933 году. При этом предписывалось провести обмен партбилетов «всем прошедшим и непрошедшим чистку». В связи с приближавшимся 100-летием со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина был создан Всесоюзный комитет для обеспечения достойного проведения этой памятной даты. Вслед за этим открылась долгая череда аналогичных юбилейных торжеств, восстанавливавших подзабытые имена некогда знаменитых писателей, поэтов, художников, архитекторов, композиторов, учёных. Тем самым в идеологии обозначился новый курс, решительно порвавший с прежней воинствующей *пролетарской* и *революционной* левизной.

Для обеспечения школьного образования была поставлена задача создания стандартных школьных учебников, единых для всей страны. А на учебник по истории СССР в связи с выявившимися разногласиями объявили открытый конкурс.

В области науки с достаточными трудностями было принято решение о прекращении деятельности Коммунистической академии, которая существовала параллельно с традиционной Академией наук СССР, но стремилась к главенству в навязывании обществу своих взглядов, которые вскоре объявили *вульгарно-социологическими* и *антимарксистскими.*

Тем временем работа над проектом новой Конституции практически завершилась. Обобщив материалы всех

подкомиссий, Стецкий, Яковлев и Таль представили в секретариат Конституционной комиссии подготовленные ими материалы, во многом реализовавшие сталинские задумки. Согласно проекту, **законодательным органом власти** в стране становился Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей. Верховный Совет собирался на сессии, в промежутках между которыми работу вёл Президиум Верховного Совета. **Законодательная власть** образовывала Совет народного хозяйства СССР, который становился исключительно **исполнительным органом власти,** и назначала Верховный суд СССР. Соответственно Верховные Советы союзных и автономных республик, а также краевые и областные советы формировали свои органы исполнительной власти и назначали суды. При этом **народные суды** первой инстанции **избирались населением.** Раздел Конституции, посвящённый избирательной системе, провозглашал **всеобщие, прямые и тайные выборы.**

Но все эти новшества могли стать эффективной силой, только если они **понимались, принимались** и *овладевали* **массами.** Популяризацию предлагавшихся изменений Конституции Сталин решил провести с использованием зарубежной печати, к которой российские ортодоксы относились с почтением. 1 марта 1936 года Иосиф Виссарионович принял в Кремле Роя Уилсона Говарда, являвшегося одним из руководителей американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс», и дал ему интервью. В беседе Говард поинтересовался, в какой мере предусмотренная в разрабатываемой Конституции новая избирательная система «может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия»? В своём ответе Сталин обратил внимание на то, что теперь «выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными». Что же касается избирательной борьбы в условиях однопартийности, то она, очевидно, возникнет, поскольку «избирательные списки на выборах будет выставлять **не только коммунистическая партия,** но и **всевозможные общественные беспартийные организации».** При этом будет учитываться, «как тот или иной местный орган власти **не умеет** удовлетворить те или иные из многосторонних и всё возрастающих потребностей трудящихся города и деревни». Построена ли школа, улучшены ли жилищные условия, сделан труд более эффективным, стала жизнь более культурной? «Таковы будут критерии, — раскрыл Сталин свой замысел, — с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычёркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры».

Избирательная борьба станет протекать среди множества острейших практических вопросов, имеющих первостепенное значение для народа, что заставит все учреждения и организации улучшить свою работу. «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти. Наша новая советская конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире».

Так Сталин публично раскрыл ранее потаённый замысел конституционной реформы. В процессе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов должна была произойти смена власти, по крайней мере **местной.** То есть вся бесполезная, неграмотная бюрократия, осевшая во властных структурах ещё с революционных времён и мешавшая проведению сталинского курса построения социализма в одной отдельно взятой стране, должна была оставить свои руководящие посты **мирным, бескровным путём.**

Теперь, по замыслу инициатора реформы, после опубликования в советских газетах интервью, данного Сталиным, должна была развернуться оживлённая дискуссия по затронутым вопросам конституционного изменения избирательной системы. **Но** ни пропагандистских материалов, ни хвалебных или, по крайней мере, положительных отзывов о проекте новой Конституции СССР в печати не появилось ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Даже газета «Правда» только один раз опубликовала передовицу «Самый демократический строй в мире», фактически ещё раз пересказав материалы сталинского интервью. Никакого обсуждения в советской печати важнейших положений новой Конституции и основанных на ней выборов так и не состоялось. Означало всё это только одно: ни партийное руководство, ни даже хотя бы часть аппарата ЦК, включавшая специально созданный Агитпроп, **не приняли сталинской новации.** Никто не захотел среди прочих вопросов одобрять **слишком опасную для многих** альтернативность при выборах, которая **напрямую угрожала положению и реальной власти** партийных секретарей ЦК национальных компартий, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов. Партократия отказалась принять существо политической реформы, но выразила своё отношение к этому весьма своеобразно: демонстративно замалчивала насущную проблему, требовавшую обязательного всенародного обсуждения и понимания. При такой всеобщей обструкции даже сложно было предъявить претензии персонально к кому-либо, обвинив в сговоре. В результате важнейшая демократическая идея не смогла овладеть массами.

Вместе с тем становилось понятно, что в любой момент сторонники Сталина могут столкнуться с более сильным и решительным противодействием. Об этом свидетельствовали материалы и по убийству Кирова, и по «Кремлёвскому делу». Признаки назревавшей опасности зафиксировали и органы госбезопасности. В докладной записке от 5 февраля 1936 года говорилось, что «новые материалы следствия обнаруживают тенденцию троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи небольшими группами». Сторонники Троцкого и Зиновьева стремились к созданию самостоятельной собственной партии, подобной тем, которые под воздействием призывов Льва Давидовича уже начали возникать в других странах. В её рядах хотели объединиться те, кто считал себя твёрдыми марксистами-ленинцами и революционерами, не способными к компромиссу с явно ревизионистской, оппортунистической, с их точки зрения, группой Сталина.

Но даже если такую партию не удастся создать, у сгруппировавшихся троцкистов и зиновьевцев окажется достаточно влияния для того, чтобы выдвинуть собственных кандидатов в депутаты, провести их в Верховный Совет и получить тем самым легальную трибуну для свободного выражения своих политических взглядов. Вот где таилась опасность для сталинских реформаторов.

Появившаяся угроза вынудила к принятию определённых репрессивных мер. К 1 апреля 1936 года арестовали 508 человек, находившихся под наблюдением. По предложению НКВД и с согласия прокуратуры, поддержанных решением Политбюро, всех ссыльных троцкистов, проводивших *активную работу* (308 человек), отправили в отдалённые лагеря. Уличённых же в *причастности к террору* Военная коллегия Верховного суда с применением закона от 1 декабря 1934 года приговорила к высшей мере наказания.

1 июня 1936 года открылся пленум ЦК ВКП(б). Перед началом заседания все участники получили для ознакомления проект новой Конституции СССР. Разительным отличием данного Основного закона от предшествовавшего являлось отсутствие отличавшегося устремлённостью к мировой революции первого раздела с Декларацией образования СССР. Кроме того, теперь пролетариат полностью лишался каких-либо преимуществ, что делало ненужной его диктатуру. В корне менялась избирательная система. Конституция устанавливала чёткое разделение законодательной и исполнительной властей. Провозглашались независимость судей, подчинённость их только закону и выборность народных судей низшей инстанции.

Такая коренная переработка Конституции могла вызвать обвинения Сталина и его соратников в отходе от революционных идей марксизма-ленинизма, в ревизионизме и оппортунизме. Чтобы обезопасить себя и своих сторонников от таких нападок, своё выступление на пленуме Сталин начал с зачитывания полных текстов документов, послуживших основанием для подготовки проекта новой Конституции. Эти постановления были приняты в феврале 1935 года последовательно пленумом ЦК, VII съездом Советов СССР и сессией ЦИК. Тем самым вопрос был поставлен так, что всё делалось во исполнение соответствующих решений, и теперь оставалось лишь обсудить, насколько хорошо они были выполнены. Далее Сталин остановился на том, что предопределило необходимость разработки новой Конституции, а именно на коренных переменах, произошедших в стране с 1924 года в области экономики, классовой структуры, взаимоотношений народов СССР. В результате развития народного хозяйства построено социалистическое общество, не знающее кризисов, безработицы, нищеты и дающее все возможности для зажиточной и культурной жизни. Рабочий класс перестал эксплуатироваться капиталистами, а потому его теперь нельзя называть пролетариатом. Советское крестьянство стало колхозным крестьянством. Интеллигенция является полноправным членом общества и вместе с рабочими и крестьянами ведёт строительство нового бесклассового социалистического общества. Народы, считавшиеся ранее отсталыми, теперь таковыми не являются: совершенствуется их экономика, развивается культура, растут национальные кадры, крепнут узы дружбы. Проблемы эффективного управления страной требуют разделения законодательной и исполнительной властей. Таким образом, проект новой Конституции отразил завоевания рабочих и крестьян нашей страны и теперь «послужит величайшим рычагом для мобилизации народа на борьбу за новые достижения, за новые завоевания».

Против таких положений, логично представленных в докладе Сталина, возразить было нечего. Но и принимать их не хотелось. Поэтому никто из участников пленума не выступил даже с обычными словами одобрения.

В связи с этим было предложено вынести проект Конституции на всенародное обсуждение, на которое отводилось четыре месяца. После этого Всесоюзный съезд Советов должен был принять или не принять новый Основной закон.

12 июня 1936 года все газеты опубликовали проект Конституции СССР, а затем ввели на своих страницах рубрику со *всенародным обсуждением* этого документа. Здесь стали помещать

отклики рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей, красноармейцев, командиров Красной Армии. Не было только, за небольшим исключением, статей от партийного руководства.

Сложилась парадоксальная ситуация: все члены ЦК единогласно проголосовали за предложенную Конституцию, но никто из них открыто не высказался в её поддержку. Вокруг группы Сталина возникла неприятная обстановка, вынуж-давшая вырабатывать ответные наступательные меры. По откровенному саботажу решено было нанести решительный удар, который показал бы как непреклонность в проведении избранного курса, так и *перспективу* для противников в случае продолжения противостояния.

С 19 июня 1936 года продолжилась приостановленная в конце марта работа «по немедленному выявлению и полнейшему разгрому троцкистских сил». НКВД и прокуратура представили в Политбюро список из 82 наиболее опасных троцкистов, которым можно было предъявить обвинение в подготовке террористических актов. Кроме того, оба ведомства поставили вопрос о необходимости *повторного процесса* по делу Зиновьева и Каменева.

Суд над руководителями и участниками очередного «раскрытого антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского блока» решено было провести как важную пропагандистскую акцию, обращённую к политическим силам как внутри страны, так и в странах Запада, продемонстрировав решительный и окончательный отказ от старого курса, ориентированного на *мировую революцию*. В целях разъяснения обстановки 29 июля 1936 года от имени ЦК было разослано *закрытое письмо* по этому вопросу. Указывалось, что задачей *блока*, возглавлявшегося Зиновьевым, Каменевым, другими троцкистами и имевшего свои группы во многих городах, являлись *террористические акты* против Кирова, Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе и других руководителей партии и правительства. Так как главари *блока* уже находились в тюрьме, *всё* «руководство террористической деятельностью в СССР взял на себя Троцкий». ЦК партии считал необходимым «ещё раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности».

Открытый судебный процесс над 16 основными троцкистами начался 19 августа 1936 года и продлился пять дней. На заседания были допущены корреспонденты советских центральных газет, Коминтерна и *иностранной буржуазной*

печати. Обвиняемые полностью подтвердили предъявлявшиеся им обвинения в террористической деятельности. В соответствии с приговором все они, включая Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.П. Бакаева, Г.Е. Евдокимова, И.Н. Смирнова, С.В. Мрачковского, были расстреляны. Это деяние, сопровождавшееся шумной пропагандистской кампанией, должно было оказать сильное психологическое воздействие как на членов ЦК, так и на делегатов предстоявшего Всероссийского съезда Советов. В такой обстановке поспешили отмежеваться от обвиняемых и от своего идейного вождя Троцкого пока ещё находившиеся на свободе Х.Г. Ра-ковский, Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Е.А. Преображенский, которые поместили в центральных газетах собственные статьи, имевшие один общий смысл: «Беспощадно уничтожать троцкистско-зиновьевско-фашистскую банду презренных убийц и предателей!» Но это уже не могло спасти их.

В дополнение ко всем трудностям в это время произошли события в республиканской Испании, которые ненароком проверили сталинскую власть на прочность.

18 июля 1936 года в испанской зоне Марокко вспыхнул военный мятеж, в котором приняли участие около 20 тыс. человек. Затем мятежники захватили крупнейшие города юга Испании, установили свой контроль над несколькими районами севера и юга страны. В сложившейся обстановке законное правительство явно растерялось, но потом приняло решение вооружить народ, повсеместно создать милицию, что позволило отбить ряд территорий.

С беспорядками удалось бы справиться своими силами, но тут германские нацисты и итальянские фашисты неожиданно оказали мятежникам значительную помощь вооружением и обеспечили переброску войск из Марокко на испанский берег. В таких условиях потребовалась политическая оценка международной обстановки. Однако Великобритания и Франция, тесно связанные с Испанией экономически, выдвинули *доктрину невмешательства* во внутренний конфликт и предложили всем европейским странам к ней присоединиться. Ряд государств выразил готовность принять соответствующую декларацию, но Германия заявила, что согласится это сделать лишь в том случае, если аналогичное решение примет и Советский Союз. Из Москвы быстро поступил положительный ответ, со всей очевидностью не позволявший рассматривать республиканское правительство Испании в качестве ставленника Кремля, а созданный там Народный фронт как модификацию старой стратегии коммунистической экспансии и экспорта мировой революции. В результате Советский Союз в числе других 25 европейских стран

присоединился к международному соглашению, которое для каждой страны звучало так:

«Правительство СССР (соответственно Франции, Великобритании, Германии, Италии, Португалии и др. — *Ю.Б.)* запрещает в том, что его касается, экспорт, прямой или косвенный, реэкспорт и транзит в направлении Испании, испанских владений или испанской зоны Марокко всякого оружия, амуниции и военных материалов, а также всяких воздушных судов как в собранном, так и в разобранном виде и всяких военных кораблей».

Достигнутый дипломатический успех Москва стремилась дополнительно подкрепить привлечением мирового общественного мнения на сторону республиканцев. Однако в период возникшего международного согласия мятежники, уже вооружённые немецкой и итальянской военной техникой, возобновили наступление, значительно расширили захваченную ими территорию и двинулись на Мадрид. В нарушение принятого соглашения Португалия включилась в гражданскую войну в Испании, предоставив мятежникам несколько крупных займов, вооружение и направив через границу 20 тыс. *добровольцев*. Кроме того, португальские аэродромы были предоставлены для приёма немецких и итальянских самолётов. Вопреки принятым обязательствам итальянские вооружённые силы оккупировали Болеарские острова, создав там военно-морскую и военно-воздушную базы. Обстановку в военных действиях усугубил развал республиканской армии, командование которой не сумело разработать ни стратегических, ни тактических задач по подавлению мятежа.

Положение в Испании с каждым днём вызывало всё большее беспокойство в Москве. Однако поступавшие сообщения были настолько противоречивы, что, исходя из них, строить какие-либо планы не представлялось возможным. В связи с этим *в командировку* в далёкую страну были направлены сначала корреспонденты наших газет, а затем дипломатические работники (в числе которых были и ярые сторонники Троцкого). Когда из Мадрида стала поступать достоверная информация, оказалось, что положение республиканского правительства просто катастрофическое. Испания нуждалась буквально во всём: продуктах питания, горючем, медикаментах, бытовых товарах. Разрозненным армейским формированиям требовались оружие, боеприпасы, самолёты, танки, даже лётчики и танкисты.

Перед сталинским руководством встала острейшая необходимость срочно принять очень сложное, но крайне важное решение: следовало ли **отказаться от невмешательства** по

примеру Италии, Германии и Португалии, и немедленно начать оказывать необходимую помощь республиканцам либо, как Франция и Великобритания, **остаться верными заключенной ранее декларации?** В первом случае сталинскому руководству пришлось бы открыто вернуться на позиции пролетарского интернационализма и революционной солидарности, при этом перед всем миром и собственной оппозицией признать правоту своих идеологических противников, а собственную политику считать ошибочной. В последнем случае приходилось предать Народный фронт в самую трудную минуту и обречь его на неминуемое поражение, тем самым дискредитировав принципиально новую стратегию Коминтерна и ВКП(б), которую с таким трудом удалось отстоять группе Сталина.

В итоге было принято **единственно приемлемое решение:** продать Испании советскую военную технику через незадействованную в декларации о невмешательстве Мексику, а также нелегально отправить в сражавшуюся республику наших *добровольцев.* Вся операция проводилась в условиях высочайшей секретности, и даже в решениях Политбюро вместо слова «Испания» писали букву «Х». В начале октября нашими теплоходами в испанский порт Картахена была доставлена первая партия из 100 истребителей и 50 танков, а также 80 советских офицеров и сержантов.

Естественно, мировая печать сразу же сообщила о поставках советского оружия в Испанию, что послужило основанием для *демократических стран*, Франции и США, сделать вполне предсказуемый вывод о том, что теперь все видят проявление *коммунистической экспансии* и *экспорта революции.* Советское правительство оправдывало свою позицию тем, что принцип нейтралитета является неприемлемым и противоречащим нормам международного права в случае борьбы законного правительства с мятежниками. А раз другие страны этот принцип постоянно нарушают, то он уже стал *фактически несуществующим.* СССР готов прекратить военную помощь республиканцам, но при непременном условии: то же сделают Италия, Германия и Португалия.

Совершенно неожиданно было оказано сильное давление на советское руководство со стороны испанских республиканских кругов, пользовавшихся поддержкой со стороны различных партий, включая откровенно троцкистские. Вопрос ставился так: «Победа рабочих и крестьян в Испании возможна лишь как победа социалистической революции». Стремясь удержать испанцев от революционной стихии, пагубно сказывавшейся на состоянии регулярной армии, советники рекомендовали на данном этапе,

чтобы сохранить «единый народный фронт», не стремиться к установлению диктатуры пролетариата, а действовать «под флагом защиты республики» и не сходить «с позиций демократического режима». В письме из Москвы говорилось: «Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действенным средством революционного развития в Испании, чем в России».

Испанские события испортили отношения СССР с Англией и Францией, Румынией и Чехословакией, поставили под сомнение возможность сохранения антигерманского Восточного пакта. Но более опасным было то, что под влиянием революционных настроений в СССР стали сплачиваться радикально настроенные члены партии и комсомола, что являлось сильным аргументом против идей группы Сталина.

В условиях сложной международной и внутренней обстановки Сталин не оставлял надежды в полном объёме принять новую Конституцию, но для этого надо было окончательно подавить даже скрытое противодействие ортодоксальных коммунистов, которых в партии и за её пределами имелось ещё предостаточно. Тем более что в поддержку им только что вышла книга Л.Д. Троцкого «Преданная революция», которая содержала серьёзную, теоретически обоснованную и предельно резкую критику политики группы Сталина и его лично. В связи с этим стали тихо, без малейшей огласки проводить аресты известных НКВД ярых троцкистов, включая приведенных выше авторов разгромных статей по поводу пострадавших в «процессе 16-ти». Кроме того, начались незаметные постороннему взгляду кадровые перестановки, которые были направлены на укрепление позиции группы Сталина. Одним из самых значимых было назначение 26 сентября 1936 года на должность наркома внутренних дел СССР И.И. Ежова, сохранившего при этом за собой посты секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Комиссии партийного контроля (КПК). Ягоду, оказавшегося «не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зино-вьевского блока ОГПУ», пока назначили на должность наркома связи вместо снятого А.И. Рыкова, чья судьба уже была решена.

Всю свою работу, включая аресты, нарком Ежов должен был координировать с заведующим Политико-административным отделом ЦК И.А. Пятницким, который подбирал кадры для НКВД, контролировал и согласовывал действия это-гр ведомства с Наркоматом юстиции, Прокуратурой СССР и различными судебными инстанциями. Другими словами, Ежов и Пятницкий в равной мере разделяли всю полноту ответственности за

деятельность органов внутренних дел и госбезопасности.

Как напутствие новому наркому Ежову Политбюро своим решением от 29 сентября 1936 года утвердило директиву «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», которая призывала к расправе с этими «мерзавцами, скатившимися ещё больше вниз… их теперь приходится рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе». Причём репрессии предписывалось направить не только против тех, кто был ещё на свободе, ожидал суда или был осуждён, но и тех, кто давно находился в ссылке, включая всех, подписавших в 1923 году знаменитое «Заявление 46-ти» в поддержку позиции Троцкого. Таким жестоким путём Сталин стремился удалить с политической арены страны не только очевидных, реальных, но даже весьма проблематичных, лишь потенциальных противников начавшейся реформы, сделать таким образом невозможной любую критику проекта новой Конституции. При этом следил за тем, чтобы предписанная *расправа* не превратилась в широкую и бессмысленную *охоту на ведьм.*

Другим пунктом своего решения Политбюро объявило о возобновлении с 1 ноября 1936 года приёма в ряды ВКП(б) новых членов и кандидатов. Такими разными по своей сути действиями решалась двуединая задача создания Компартии обновлённого типа. В это же время комиссии в составе разработчиков текста Конституции Стецкого, Яковлева и Таля была поручена подготовка новой программы партии.

Вступив в должность наркома внутренних дел, Ежов провёл кадровые назначения, поставив вместо *людей Ягоды* своих выдвиженцев. Теперь в деятельности НКВД обозначились четыре основные направления: государственная безопасность, пограничные войска, милиция и управление местами лишения свободы. При этом сам Ежов сосредоточился на главном вопросе — тотальном разгроме оппозиционеров, прежде всего троцкистов. Кроме того, был создан ещё один отдел — первый, или охраны высших должностных лиц партии и правительства, который возглавил К.В. Паукер, бывший фельдфебель уланского полка австро-венгерской армии, попавший в русский плен и с 1920 года работавший в ВЧК. Создание такого отдела охраны свидетельствовало о действительно серьёзной опасности, которая угрожала сторонникам Сталина.

Предельно усилить персональную охрану соответствующих лиц пришлось на четвёртый день работы VIII чрезвычайного съезда Советов СССР, который открылся 25 ноября 1936 года в Свердловском зале Большого Кремлёвского дворца докладом

Сталина по проекту новой Конституции. Этот доклад практически повторял текст выступления вождя на июньском пленуме ЦК. Добавились только поправки, внесённые в процессе всенародного обсуждения. При этом акценты были сделаны на том, что наступил «период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства, поэтому диктатура пролетариата» теперь может быть расширена и превращена «в более гибкую, стало быть, более мощную систему государственного управления обществом». В стране, ставшей *государством рабочих и крестьян*, утвердилась, стала *господствующей* социалистическая собственность. Из внесённых поправок докладчик не согласился с предложением о сохранении статуса *лишенцев*, отметив, что «Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода». На опасения, что при выборах в верховные органы могут попасть враждебные элементы, ответил, что, «во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны советской власти». Во-вторых, если подобное произойдёт, «то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслужили такой позор».

В своём докладе Сталин ни слова не сказал о состоявшихся в текущем году в августе «процессе 16-ти» и в ноябре суде «по делу кемеровской троцкистско-диверсионной группы», которые закончились расстрельными приговорами в отношении видных деятелей партии, являвшихся убеждёнными сторонниками Троцкого. Однако в процессе прений выступавшие больше говорили о необходимости борьбы с различного вида врагами, чем оценивали статьи новой Конституции. Это отражало настроение подавляющего большинства партийного, советского и профсоюзного руководства. Даже предложенная система выборов рассматривалась ими с точки зрения права и обязанности советского народа «уничтожить всякого врага — троцкиста, зиновьевца, националиста, меньшевика», который попытается использовать демократию как «расслабленность нашей воли и посмеет поднять руку против испытанных, верных руководителей». Против таких врагов «может быть только один приговор — физически уничтожить». А чтобы «смести их с лица советской земли», необходимо «всемерно усилить революционную бдительность». Словом, в речах ораторов усиливалась психологическая напряжённость, расширялся круг врагов, и новая избирательная система напрямую связывалась с неизбежностью репрессий.

Только сторонники Сталина спокойно и аргументировано говорили по вопросам, напрямую связанным с проектом

Конституции. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов отметил, что мы «не возвращаемся в лоно европейского демократизма, к буржуазным свободам, а наполняем это понятие новым опытом, советским содержанием». Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский сообщил о резком снижении давления государства на население страны. Количество осуждённых за хищение социалистической собственности «сократилось очень резко», но появился новый вид преступности — *политической.* Только здесь прокурор достаточно возвышенно сказал, что «на все гнусные попытки и вылазки врага, посягающего на любимых руководителей советского государства и советского народа», советский суд «отвечал и будет отвечать, применяя всю полноту и силу советского закона». Член Политбюро и секретарь партийной организации Ленинградской области А.А. Жданов успокоил тех, кто мог увидеть в проекте Конституции ревизию марксизма, отметив, что «рабочий класс сумел выполнить до конца свою роль преобразователя общества на социалистических началах». Об этом убедительно свидетельствуют коренные изменения в промышленности и сельском хозяйстве. По вопросу альтернативы избирательной системы сказал, что мы имеем в руках все необходимые рычаги, «чтобы предотвратить возможность появления в советах врагов конституции не административными мерами, а на основе агитации и организации масс». Укрепление диктатуры пролетариата теперь можно осуществлять государственным руководством обществом более гибкими и сильными мерами. Председатель правительства В.М. Молотов констатировал, что «Конституция закрепляет социалистическую основу в экономике и общественном устройстве нашего государства». При этом подчеркнул, что «новая система послужит дальнейшему оживлению как выборов в советы, так и всей работы в советах. Поможет встряхнуть слабых, плетущихся в хвосте событий организаций, облегчит выдвижение новых сил из передовых рабочих, крестьян и интеллигенции, которые должны прийти на смену отсталым или обюрократившимся элементам». К врагам партии Ленина — Сталина выступавший отнёс Троцкого и его сторонников, которые остались «непоколебимыми коммунистами и революционерами», но критиковали группу Сталина и новую Конституцию за скатывание в ревизионизм, за отказ от диктатуры пролетариата.

Проходившие в течение 6 дней прения по докладу показали, что среди делегатов съезда, помимо инертного большинства, имеются две небольшие, но активные группы. Первая из них, представлявшая *широкий уровень руководства,* демонстративно уходила от обсуждения новой избирательной системы, но зато

нагнетала атмосферу вражды к классовым врагам. Вторая группа, включавшая сторонников сталинских реформ, настойчиво стремилась добиться безоговорочного принятия новой Конституции для скорейшего воплощения её принципов в жизнь.

После принятия проекта Конституции за основу была образована «редакционная комиссия в составе 220 человек», которой поручили «в трехдневный срок представить на рассмотрение съезда окончательный текст конституции».

В итоге 5 декабря 1936 года чрезвычайный VIII съезд Советов Союза ССР единогласно утвердил проект Конституции СССР. Безусловно, это была большая победа сторонников Сталина. Однако **главная цель** — смена бюрократического руководства за счёт новых сил на основе альтернативных выборов — оставалась пока неопределённой и ещё более сложной задачей. Положение о выборах и сроки выборов в Верховный Совет Союза ССР съезд поручил разработать прежней власти — ЦИК.

В период работы редакционной комиссии, 4 декабря, в Кремле состоялся пленум ЦК. Основной доклад «О троцкистах и правых антисоветских организациях» сделал нарком Ежов, который очертил круг преступлений, совершавшихся троцкистами и зиновьевцами. Сообщил о раскрытии силами НКВД *блока*, возглавлявшегося Пятаковым, Сокольниковым, Радеком и Серебряковым. Связал *в преступные цепочки* разоблачённых в последние месяцы бывших оппозиционеров, занимавших большие посты в промышленности и на транспорте, с теми, кто работал с ними вместе. Привёл количественные данные о репрессиях, составивших в последние месяцы по стране порядка 5 тыс. человек. (Это было значительно больше, чем предлагал Сталин — «исключить из партии 600 троцкистов и зиновьевцев», но несравненно меньше, чем говорил Троцкий — «в оппозиции находятся 20–30 тысяч человек»). Заверил ЦК партии, что «до конца раскорчуем всю эту троцкистско-зиновьевскую грязь и уничтожим их физически». Выступивший затем Бухарин, одобрив деятельность НКВД, полностью поддержал Ежова в осуждении Троцкого и Зиновьева. Пояснил, что «получилась разветвлённая сугубо конспиративная террористическая партийная организация с большим конспиративным навыком и с новыми приёмами борьбы, которая расставила свои силы». Посчитал абсолютно «правильным и необходимым уничтожить всех этих троцкистов и диверсантов». Признал «свою активную роль в правой оппозиции», а раскаяние закончил признанием «в любви и преданности товарищу Сталину». Получивший затем слово Рыков поддержал все обвинения в адрес троцкистов, хотя и пытался обелить себя. При этом отметил: «Мы живём в такой период,

когда двурушничество и обман партии достигли таких размеров и приняли настолько изощрённый, патологический характер, что, конечно, было бы совершенно странно, чтобы мне или Бухарину верили на слово». Рыков не стал опровергать показания арестованных единомышленников, согласно которым его намечали в правительство СССР после отстранения от власти группы Сталина.

Выступившие в прениях первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии Р.И. Эйхе, секретарь ЦК Украины С.В. Косиор и первый секретарь Донецкого обкома С.А. Саркисов продемонстрировали воинственную нетерпимость и неприкрытую кровожадность к троцкистам, которых нужно не в ссылку отправлять, а расстреливать. Этому кругу руководителей нужен был образ врага, чтобы на него списать все собственные недостатки, просчёты и ошибки. Кроме того, образовавшийся разрыв между группой Сталина и ними они хотели нерасторжимо связать пролитой кровью врагов. Причём к врагам они готовы были отнести кого угодно, только не себя.

Представители же сталинской группы старались перевести дискуссию в более спокойное русло. Так, Молотов обратил внимание на то, что все дела, в том числе Бухарина и Рыкова, надо расследовать *самым внимательным образом.* Напомнил, что даже Зиновьева и Каменева старались *не запачкать,* хотя все нити были в руках следствия, и «обвиняли их в том, в чём они сами признались».

Материалы этого пленума, продолжавшегося до 7 декабря, никогда полностью не публиковались.

Группа Сталина стремилась применять репрессивные меры только в отношении явных оппозиционеров, сидевших в руководящих органах ещё со времён революции, решая остальные кадровые вопросы *мирным путём.* 4 февраля 1936 года заведующим Отделом руководящих партийных органов ЦК вместо Ежова стал его первый заместитель Маленков. Он провёл сложные перестановки в руководстве обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Шесть секретарей были переведены с понижением или повышением в должности из одного региона в другой без какой-либо мотивации, хотя в этом движении вполне можно было усмотреть их отношение к конституционной реформе. С этого времени обозначилась определённая тенденция: при переводе обвиняли первых секретарей в различных прегрешениях. Кроме того, проявилось также стремление выдвигать на руководящие посты и местные национальные кадры. Общая направленность всех кадровых перемещений состояла в стремлении руководителей высших уровней упрочить собственное положение.

При этом никого из тех, кого сняли или понизили в должности, не только не репрессировали, но и не подвергли открытой критике.

Напряжённая внутриполитическая борьба проходила в условиях непростой внешнеполитической обстановки, требовавшей принятия сталинской группой незамедлительных, но продуманных и взвешенных мер. После создания *оси* Берлин-Рим-Токио Гитлер открыто объявил, что теперь Германия и Италия могут победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Великобританию. А 30 января 1937 года, выступая в рейхстаге, фюрер заявил, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Теперь война в Европе становилась неминуемой. Однако, несмотря на столь угрожающие события, советской дипломатии так и не удалось добиться расширения антигерманского оборонительного блока.

При этом положение в Испании всё больше выходило из-под контроля СССР. Военное присутствие Германии и Италии на Пиренейском полуострове постоянно расширялось. На базе в Кадисе разместился немецкий *добровольческий* авиалегион «Кондор», имевший около 300 боевых самолётов, а также прибыл целый танковый корпус. В южных испанских портах высадился итальянский экспедиционный корпус численностью 50 тыс. человек. Правовой основой для направления этих войск стало признание Германией и Италией режима Франко, что противоречило их обязательствам, принятым на себя в результате присоединения к соглашению о невмешательстве. Формальным же поводом являлось противодействие военной помощи СССР законному испанскому правительству и прибывавшим со всего мира интернациональным бригадам из добровольцев для поддержки республиканцев. Комитет по невмешательству призывал 4 страны, принимавшие участие в «испанских делах», прекратить такую деятельность. Советский Союз отвечал согласием, на при условии, что будет осуществляться строжайший контроль за всеми нарушителями международного соглашения. Однако Запад больше всего боялся усиления влияния Москвы на Мадрид, что якобы могло привести к установлению советской власти в Испании. Таким образом, СССР продолжал рассматриваться в качестве экспортёра мировой революции, от чего сталинская группа в своей новой политике решительно отказалась.

В столь крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях было всё-таки решено провести новый открытый процесс по делу арестованных Г.Л. Пятакова, К.Б. Ра-дека, Г.Я. Сокольникова, Л.П. Серебрякова, Н.И. Муралова, Я.Н. Дробниса,

М.С. Богуславского и других (всего 17 человек) — известных троцкистов, занимавших в последнее время видные государственные и партийные посты. Большинство из них в 1923 году подписало «Заявление 46-ти» в защиту и поддержку позиции Троцкого, а в 1927 году за участие в *объединённой оппозиции* все были исключены из партии и отправлены в ссылку. Только после признания ошибочности своих взглядов их восстановили в рядах ВКП(б) и назначили на довольно высокие должности, позволившие всем сделать неплохую карьеру. Теперь подсудимым предъявлялось общее обвинение «в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов». В ходе судебного заседания, открывшегося 23 января 1937 года под председательством В.В. Ульриха и при государственном обвинителе В.Я. Вышинском, от обвиняемых главным образом добивались признаний о получении и неуклонном выполнении ими в последние годы директив от Троцкого, а также о создании *параллельного центра* как руководящего органа подпольной организации, который начал свою активную деятельность с середины 1935 года. В присутствии многочисленных советских и зарубежных журналистов обвиняемые *чистосердечно* признали свою вину, о чём было затем сообщено в прессе. Так, Пятаков заявил, что *самым тяжким* для него стало осознание того, что он «очутился в итоге всей предшествующей преступной подпольной борьбы в самой гуще, в самом центре контрреволюции троцкистской». Радек «признал виновность в измене родине», а потому «на смягчающие вину обстоятельства» претендовать не мог. Серебряков отметил, что «в своё время, совершив политическую ошибку и проявив упорство в ней в дальнейшем, усугубил эту ошибку». Дробнис признался, что «нагромождал одно преступление за другим и расчищал путь Троцкому, который предавал и продавал оптом и в розницу социалистическую страну, рабочий класс, форсируя кровопролитную войну». И всё это произошло потому, что он «долгие годы продолжал жить в затхлом, вонючем, смрадном, зловонном троцкистском подполье».

Интересно представил данный судебный процесс в книге «Москва 1937» [Л.34] Лион Фейхтвангер, лично присутствовавший в зале заседаний. Все сомнения западного скептика о *театральной инсценировке* этого и прежних судебных разбирательств растворились, *как соль в воде*, после того, **что** он увидел и услышал «в Москве на втором процессе». Впечатления о том, будто все признания обвиняемых являлись *вынужденными*, у писателя совершенно не создалось. Общая обстановка зала заседаний описана им так:

«Помещение, в котором шёл процесс, не велико, оно вмещало, примерно, триста пятьдесят человек. Судья, прокурор, обвиняемые, защитники, эксперты сидели на невысокой эстраде, к которой вели ступеньки. Ничто не отделяло суд от сидевших в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминал скорее обрамление ложи. Сами обвиняемые представляли собой холёных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринуждёнными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал спортивным, интересом выяснить с максимальной точностью всё происшедшее». Такую сыгранность невозможно было инсценировать режиссёру. «Невероятной, жуткой казалась деловитость, обнажённость, с которой эти люди непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преотуплениям. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих было бы гораздо меньше».

Например: «Георгий Пятаков, господин среднего роста, средних лет, с небольшой лысиной, с рыжеватой старомодной, трясущейся острой бородой, стоял перед микрофоном и спокойно и старательно повествовал о том, как он вредил в вверенной ему промышленности». Или писатель Карл Радек, в коричневом пиджаке, с худым лицом, «обрамлённым каштановой старомодной бородкой, очень хладнокровный, зачастую надменно ироничный», внезапно оттолкнув Пятакова от микрофона, сам встал на его место. Выступая, «немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми», при этом «то ударял газетой о барьер, то брал стакан чая, бросал в него кружок лимона, помешивал ложечкой и, рассказывая о чудовищных делах, пил чай мелкими глотками». Произвёл впечатление «тягостный рассказ инженера Строилова о том, как он попал в троцкистскую организацию, как он бился, стремясь вырваться из неё, и как троцкисты, пользуясь его провинностью в прошлом, крепко его держали, не выпуская до конца из своих сетей». Некогда еврейский сапожник с бородой раввина Дробнис, стоя перед судом, «путаясь и запинаясь, стремясь как-нибудь

вывернуться», признался в том, что организованные им взрывы «причинили не только материальные убытки, но повлекли за собой, как он этого и добивался, гибель рабочих». Инженер Норкин, бледный от волнения, в своём последнем слове проклял Троцкого, «выкрикнув ему своё “клокочущее презрение и ненависть”».

Из 17 обвиняемых 13 были приговорены к высшей мере наказания. Радек (сотрудничавший со следствием, а потому откровенно поведавший о существе преступлений) и ещё трое других — только к заключению. Кроме того, в конце приговора было сказано, что Л.Д. Троцкий и его сын Л.Л. Седов «в случае обнаружения их на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР».

Западного наблюдателя интересовал вопрос, почему эти обвиняемые не защищали себя, как это обычно принято, перед судом, а старались превзойти друг друга в признаниях, сами себя рисовали «грязными, подлыми преступниками»? Дело в том, что на предварительном следствии они настолько были изобличены свидетельскими показаниями и документами, что «отрицание было бы для них бесцельно». А то, что «они признаются все», объясняется тем, что перед судом предстала только часть троцкистов, замешанных в заговоре, «которые до конца были изобличены». Но самое главное, что эти люди больше не верили в Троцкого, сделали поворот с того неправедного пути, по которому их вёл бывший кумир. Никто из них **не мог** сказать на суде: «Да, я совершил то, в чём вы меня обвиняете. Вы можете меня уничтожить, но я горжусь тем, что я сделал». В своём последнем слове они **могли** только признать, что социализм не может быть осуществлён путём, предложенным Троцким, а только другим путём, проводимым Сталиным.

Из всего увиденного Фейхтвангер сделал вывод о том, что на все события повлияла «твёрдая решимость Советского Союза двигаться дальше по пути демократии». В частности, «предложение проекта новой Конституции должно вызвать у троцкистов новый подъём активности и возбудить у них надежду на большую свободу действий и агитации». Однако правительство своевременно показало своё непреклонное решение, что оно «будет уничтожать в зародыше всякое проявление троцкистского движения». При этом «главной причиной, заставившей руководителей Советского Союза провести этот процесс перед множеством громкоговорителей», является непосредственная угроза войны. Раньше троцкисты были менее опасны, а потому их можно было прощать, в худшем случае ссылать. Но теперь,

накануне войны, «такое мягкосердечие» нельзя себе позволить. Ибо «раскол, фракционность, не имеющие серьёзного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представлять серьёзную опасность». Советский Союз в борьбе проявлял *суровую беспощадность*, а в созидании — *демократию*, провозглашённую в Конституции. «И факт утверждения Чрезвычайным съездом новой Конституции как раз в промежутке между двумя процессами — Зиновьева и Радека — служит как бы символом этого».

В поддержку приговора, вынесенного троцкистам, на Красной площади состоялся митинг москвичей. С одобрением суровой кары на нём выступили Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник и президент Академии наук СССР В.Л. Комаров.

Среди всех этих дел группе Сталина надо было настойчиво продвигать самый важный вопрос о подготовке к выборам по новой избирательной системе. 23 февраля 1937 года открылся растянувшийся на 11 дней пленум ЦК ВКП(б). По докладу Ежова и двум выступлениям Бухарина мнение участников заседания склонилось не в пользу последнего. Была принята резолюция исключить Бухарина, а также Рыкова из состава кандидатов в ЦК и членов партии, предать суду, после чего Бухарин и Рыков были арестованы, и следствие по их делу продолжилось.

По второму вопросу — о новой избирательной системе — с докладом на пленуме выступил Жданов. Он отметил, что партийные органы должны быть готовы к избирательной борьбе, поскольку «придётся иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатами». При этих выборах тайное голосование «будет самой основательной проверкой наших работников», поскольку оно «предоставляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и неугодных с точки зрения масс кандидатур». Правда, о новом положении о выборах так ничего конкретно сказано и не было. Докладчик призвал партийные органы научиться отличать «дружескую критику от враждебной», проявлять внимание к кандидатурам беспартийных и обеспечивать неограниченное право отвода и критики членами партии выдвигаемых кандидатур. Напомнил о предстоявших в ближайшее время перевыборах в партийных организациях.

Однако поднятые в докладе вопросы, как и на прошлом пленуме, снова не слишком заинтересовали участников заседания. Выступавшие в прениях опять говорили больше об усилении поисков врагов и борьбе с ними. Но за резолюцию о новой системе выборов проголосовали все.

Третий вопрос повестки дня пленума раскрывал «уроки вредительства, диверсий и шпионажа троцкистских и иных двурушников». Первым содокладчиком был Молотов, который

всю ответственность за *выявленные недостатки* перенёс с НКВД на высшие органы власти, как партийные, так и советские. «Особенность разоблачённого ныне вредительства заключается в том, что здесь использованы были наши партийные органы, использован партийный билет для того, чтобы организовать вредительские дела в нашем государственном аппарате, в нашей промышленности», что подтвердилось показаниями на следствии уже арестованных бывших руководителей разных уровней, находившихся на своих постах ещё со времён Октябрьской революции. В сложившейся *предельно трудной* ситуации предлагалось в вопросе борьбы с вредительством «каждому заниматься своим делом»: НКВД — разоблачать врагов, партийным организациям — работать с кадрами, выдвигать молодых, образованных, опытных специалистов. «Задача овладения техникой в деле воспитания кадров является в настоящее время одной из решающих задач». А *действительных врагов* надо выявлять *путём добросовестной критики,* вскрытием имеющихся недостатков. По вопросу о *бывших троцкистах* докладчик отметил, что, даже зная об их прошлом, всё равно использовали таких работников в органах управления *сознательно*, и это было правильно, но «ошиблись в практике контроля за их работой». Молотов предложил применять в текущей деятельности не *репрессивные меры*, а в качестве главного критерия рассматривать деловые и политические качества работника, «испытываемого повседневно, контролируемого изо дня в день». Текущая работа должна быть направлена «на борьбу с канцелярско-бюрократическими методами», на установление технических правил на предприятиях, на регламентацию техники, производства, на проведение личных инструктажей и на осуществление повседневной проверки применения этих правил на практике. При этом *вредительством*, которое «всё ещё не кануло в прошлое», заниматься, по наводке наркомвнудела, следует не партсекретарям, а наркомам, начальникам главков и директорскому корпусу.

И опять выступавшие в прениях проигнорировали суть сказанного Молотовым, но продолжили говорить о «поиске врагов» и о «разоблачении вредителей». В заключительном слове докладчику пришлось признать, что ему, видимо, не удалось достаточно *заострить внимание* на вопросах промышленности и работе ряда государственных организаций, а потому приведенные предложения *прошли мимо ушей* многих участников пленума. Чтобы продемонстрировать членам ЦК **ограниченность** проводившихся по наркоматам репрессий, сообщил, что с октября 1936 года по март 1937-го было осуждено 2500 человек (правда,

без учёта данных по наркоматам обороны, иностранных и внутренних дел). Напоследок подчеркнул, что сейчас для партийных организаций главными являются вопросы подготовки и подбора кадров, а также методы руководства и работы. В резолюции по докладу предлагалось в целях предотвращения аварий на предприятиях и транспорте, которые расценивались как *вредительство*, принять меры по строгому соблюдению технологических процессов производства, регулярному плановопредупредительному и капитальному ремонту оборудования, жесточайшему контролю за обеспечением охраны труда и техники безопасности, а также по переподготовке кадров.

Вторым содокладчиком выступил Ежов, который сообщил о принятых в его ведомстве мерах *по искоренению вредительства.* Всего было арестовано 238 чекистов высокого ранга, в том числе 107, работавших в Главном управлении госбезопасности. Выступавшие в прениях сотрудники НКВД поддержали линию, проводившуюся их шефом. В противовес этому Литвинов крайне отрицательно оценил деятельность зарубежной агентуры НКВД, постоянно измышлявшей ни разу не подтвердившиеся заговоры с целью покушения на наркома иностранных дел. Вышинский сообщил о том, что слишком часто следователи НКВД, проводя допросы, «демонстрируют непрофессионализм, вопиющую неграмотность, сознательно допускают преступные подтасовки». Следственные материалы страдают *обвинительным уклоном,* при котором, если уж *зацепили* подозреваемого, то надо обязательно доказать его вину.

В последние дни работы пленума с докладом выступил Сталин. Большую часть своей речи он посвятил осуждению троцкистов, а также затронул международные дела, чтобы от *капиталистического окружения* перейти к обоснованию *обострения классовой борьбы* на современном этапе. Далее сказал ещё об одной серьёзной опасности, заключавшейся в «одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадности и шумливых восхвалений». Слабость партийной работы происходила из-за отсутствия «проверки людей не по их политическим декларациям, а **по результатам их работы».** И далее прямо назвал тех партийных руководителей, кто в ближайшее полугодие должен будет лишиться своих постов: 3–4 тыс. из высшего звена, 30–40 тыс. из среднего звена и 100–150 тыс. из низшего звена. А вместо них надо будет «влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения».

Прения и по этому докладу показали полное нежелание большинства участников пленума дискутировать по поставленным проблемам. Тем более что вопрос о *лишении*

постов касался лично многих из них. Из 24 человек, принявших участие в обсуждении, 15 убеждённо и напористо говорили только о *врагах народа*, о необходимости их поиска. И практически никто даже не вспомнил о самом главном для страны — о недостатках в работе партийных организаций и о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Изменить агрессивный настрой и репрессивные устремления членов ЦК попытался заместитель председателя Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев. Ссылаясь на имевшиеся в КПК данные, он наглядно показал, что *число исключённых из партии* далеко не равнозначно *количеству врагов*. Дело в том, что большинство бывших членов ВКП(б) пострадало не из-за своих троцкистских убеждений, а вследствие «казёнщины, бюрократизма и равнодушия к людям». Так, на 3 московских предприятиях лишили партбилетов 155 человек, в том числе 62 — *за пассивность*. При этом совершенно не учли, что 70 работников — это слесари, токари, шлифовальщики, инженеры и техники, $^{2}/_{3}$ из них работали на производстве более 10 лет и 122 являлись стахановцами. Вот где проявилось *отсутствие внимания к людям*. На сети железных дорог при общем числе коммунистов 156 тыс. исключили из партии почти 75 тыс. человек, причём большую часть из них «за пассивность, политнеграмотность и неуплату членских взносов». Получилось, что в ответ на призыв ЦК об изгнании из рядов партии **врагов** «ряд организаций быстро нагнал нужный процент».

Но и это выступление не оказало никакого воздействия на членов ЦК. Поэтому пришлось взять слово заведующему Отделом руководящих партийных органов (ОРПО) Маленкову. Он подчеркнул, что настоящие, а не мнимые, троцкисты составили не более $^{1}/_{10}$ исключённых. Поэтому бездумные, формальные *чистки* привели повсюду к резкому, почти наполовину, уменьшению областных и краевых организаций. При этом первые секретари создают чуть ли не повсеместно своеобразные *личные кланы партбюрократии* и даже при переводе в другой край или область тянут за собой *хвост* из лично преданных людей. Такие партийные руководители потворствуют *открытой лести в свой адрес,* что порождает *подхалимаж, зазнайство, самодовольство.* Имея на руках конкретные цифры, Маленков уточнил данные по партноменклатуре, приведённые ранее в докладе Сталиным. Так, к руководителям высшего звена относились 5860 первых и вторых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов. К низшему звену принадлежали 94 145 секретарей парткомов первичных организаций. Наглядно продемонстрировав явную раздутость руководящего звена, заведующий ОРПО ЦК,

отвечавший за расстановку партийных кадров, определённо намекнул на вполне возможное сокращение штатов.

Но речи сталинских сторонников всё равно не заставили участников пленума говорить по существу поставленных вопросов. Только теперь, оставив *врагов* в покое, партийные деятели обрушились на своих коллег и принялись обвинять друг друга в допущенных в работе ошибках.

После всех дискуссий в заключение пленума (что психологически лучше запоминается) выступил Сталин, который ещё раз раскрыл существо намечавшихся преобразований. Прежде всего, он сказал о необходимости разграничить функции партии и органов исполнительной власти: «Партийные организации будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдёт это далеко не сразу». Тем самым у партийных секретарей отбиралась возможность командовать всем, ни за что не отвечая. Но для решения этого вопроса требовалось время, чтобы, особенно в сельском хозяйстве («промышленность крепче построена»), укрепить кадры специалистами. А партийным организациям, отметил докладчик, следовало «усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо них». Далее Сталин выразил своё отношение к левым (троцкистам и зиновьевцам) и правым (бу-харинцам), которые последние 10 лет пытались подменять исполнительную ветвь власти. Подсчитал, что идейно убеждённых сторонников этих уклонов в партии имелось ранее не более 30 тыс. человек (что практически совпадало с оценкой Троцкого), из которых *уже арестованы 18 тыс.* Из оставшихся на свободе *многие перешли на строну партии*, причём *основательно*, а часть — просто выбыла. Всех оппозиционеров выступавший поделил на две категории — лидеров и рядовых участников. О судьбе последних предлагал позаботиться. Также надо было подумать о тех полутора миллионах человек, которых, начиная с 1922 года, *вычистили* из партии по различным причинам. Негативное отношение к ним счёл *неверным и ничем не оправданным.* Учитывая прозвучавшие в прениях настроения на массовость поиска врагов, Сталин отметил, что «у нас развелись люди больших масштабов, которые мыслят тысячами и десятками тысяч». Для них исключить из партии 10 тыс. человек — просто *пустяки.* «В речах некоторых товарищей сквозила мысль о том, что давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шёл по одной улице с троцкистом… Это не выйдет, это не годится». Касаясь проблем партократии, Сталин поделил партийное руководство на три группы. К первой отнёс 102 тыс.

секретарей первичных организаций, к которым особых претензий не было. Вторую группу из 3,5 тыс. секретарей райкомов и горкомов счёл чрезмерной по численности и предложил сократить путём совмещения должностей. О третьей группе, включавшей свыше 100 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, высказался весьма скептически в том смысле, что «некоторые товарищи думают: если я член ЦК, стало быть, не случайно я член ЦК, стало быть, я всё знаю». И добавил назидательно: «Неверно это». Отметив именно такую характерную черту партократии и бюрократии, Сталин предложил обязать секретарей всех уровней пройти обязательное обучение или переподготовку на полугодовых курсах. А на время учёбы всем руководителям (указание давалось, видимо, с дальним прицелом) «выдвинуть двух заместителей себе, **настоящих, полноценных,** способных заменить их». А то многие боятся конкуренции, «потому замухрышек выдвигают, которые плохую помощь дают». Конечно, секретари прекрасно понимали, что после окончания курсов судьба их может неопределённым образом измениться. Поэтому Сталин нарисовал им некоторую благоприятную перспективу: «Мы, старики, скоро отойдём, сойдём со сцены. Это закон природы. И нам бы хотелось, чтобы у нас было несколько смен».

Таким образом, никаких указаний к развитию репрессий, *поиску ведьм* в заключительном слове *вождя народов* на февральско-мартовском 1937 года пленуме ЦК ВКП(б) не содержалось. Только призыв к плодотворной именно **партийной** работе, повышению квалификации, вниманию к людям и прекращению парадности да *шумливых приветствий.* Всё это было отражено и в единогласно принятой резолюции. Так Сталин постарался подстраховать намеченные реформы и провести столь назревшую ротацию кадров не только альтернативными выборами в Верховный Совет СССР, но и перевыборами во всех партийных организациях.

Материалы этого пленума были опубликованы лишь частично и с большой растяжкой по времени, что позволяет судить об отсутствии единства взглядов по обсуждавшимся вопросам в кругах высшего партийного руководства. Тем временем в партийных организациях начались перевыборы по новой избирательной системе. Поскольку на пленуме не было дано чётких инструкций по технологии выборов, начались запросы с мест, как поступать? Срочно был разослан циркуляр с указанием: «Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосование проводить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода

кандидатов и критику последних. Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование». Таким путём в партийных организациях происходило практическое **опробование** новой системы выборов перед тем, как следовало официально ввести её при формировании Верховного Совета СССР.

Несмотря на стремление сталинской группы мирными средствами решить кадровый вопрос, репрессии, правда, весьма ограниченные, выборочные, по ранее раскрученным делам всё-таки продолжались, и касались они преимущественно тех, кто совсем недавно занимал высокие посты в НКВД. В феврале 1937 года подверглись аресту бывший начальник Секретно-политического отдела НКВД Г.А. Молчанов и начальник областного отдела УШОСДОР НКВД Украины (бывший секретарь ЦИК СССР) А.С. Енукидзе, в марте — заместитель начальника оперативного отдела НКВД З.И. Волович. Их показания позволили *раскрыть* два очередных антиправительственных заговора в наркоматах внутренних дел и обороны. Тем самым завершилось следствие по упоминавшемуся ранее «Кремлёвскому делу». Далее, «ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений», 28 марта 1937 года был арестован бывший нарком внутренних дел, а ныне нарком связи Ягода. Затем последовали аресты других высокопоставленных сотрудников НКВД: бывшего секретаря коллегии наркомата П.П. Буланова, бывшего начальника административно-хозяйственного управления И.М. Островского, бывшего начальника особого отдела М.И. Гая (Штоклянда) и бывшего заместителя наркома Г.Е. Прокофьева. Были задержаны и начальники, возглавлявшие в разное время службу безопасности высших должностных лиц страны, К.В. Паукер и А.М. Шанин. Не удивительно, что арестовали бывших коменданта Кремля Р.А. Петерсона и его заместителя М.А. Имянинникова, а также бывшего начальника Школы им. ВЦИК Н.Г. Егорова.

При аресте Петерсон собственноручно написал показания, в которых признал и само существование *кремлёвского заговора*, и своё прямое участие в нём, а заодно назвал и соучастников — Енукидзе, Корка, Медведева и Фельдмана. К этому времени и Ягода сделал признание о своих *преступных связях* с Рыковым, Бухариным, Томским и Углановым. При этом указал, что он «действительно являлся организатором заговора против советской власти», цель которого состояла в аресте членов советского правительства, руководителей партии и создании нового правительства из состава заговорщиков.

Пока под руководством Ежова эти дела раскручивались,

сталинское руководство продолжало перестановку кадров в Наркомате иностранных дел и других ведомствах. Произошло перемещение ряда зарубежных полномочных представителей, что было вызвано сугубо политическими мотивами. Но никого из них не обвинили в антисоветской деятельности и не арестовали.

В этот же период комиссия Политбюро под руководством Яковлева завершила разработку Конституций для союзных республик. После одобрения проектов съезды Советов, проведенные последовательно в Российской Федерации, Украине, Казахстане, Грузии, Белоруссии, Узбекистане, Армении, Туркмении, Таджикистане, Азербайджане и Киргизии, утвердили собственные новые республиканские основные законы.

14 марта 1937 года в газетах было опубликовано постановление ЦИК СССР «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности», что обеспечивало проведение в ближайшее время действительно всеобщих выборов.

Ещё одной инициативой Сталина явилось предложение о создании учебника по истории партии, который заменил бы устаревшие труды по этому вопросу, не отвечавшие нынешним представлениям о месте и роли партии в жизни страны. Однако понятно, что предлагавшаяся вождём трактовка событий являлась очередным **мифом,** поскольку рассказать **всю правду** о революции и её последствиях, как это сделали современные историки [Л.6-Л.17], было тогда **невозможно,** а с другой стороны, **страшно и стыдно, стыдно и страшно.** Да и авторская группа, утверждённая Политбюро 16 апреля 1937 года, была, на наш взгляд, несколько странной, от неё не следовало ждать объективности. В неё вошли три члена ЦК: заместитель заведующего Отдела агитации и пропаганды (Агитпропа), старый коминтерновский работник В.Г. Кнорин, руководитель группы печати КПК, вскоре утверждённый в должности заместителя заведующего Агитпропом (будущий составитель доклада Хрущёва «О преодолении культа личности Сталина») П.Н. Поспелов (Фогель-сон), председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР, ранее являвшийся по совместительству председателем правления Всесоюзного общества старых большевиков Е.М. Ярославский (Губерман). За основу этому авторскому коллективу было предложено взять разработанную Сталиным «схему периодизации событий истории ВКП(б)».

Постоянного внимания требовали также и сложные международные дела. Великобритания не пожелала

присоединиться к Восточному пакту, предпочитая со стороны наблюдать за нарастанием агрессивных намерений Гитлера. Укрепление советско-французских отношений оказалось бесперспективным, поскольку Париж интересовал лишь вопрос о помощи, которую ему смогут оказать в случае нападения Германии. Заверения Москвы о том, что советская военная помощь будет непременно оказана любыми путями, не принимались во внимание. Предпочтение отдавалось сотрудничеству с Англией. Чехословакия постепенно переориентировалась на Германию.

Стремясь как можно скорее добиться мира на Пиренейском полуострове, СНК СССР принял 20 февраля 1937 года декрет, запрещавший вербовку и отправку добровольцев в Испанию. При этом контроль за соблюдением соглашения о невмешательстве Советский Союз, показывая отсутствие собственных интересов на юго-западе Европы, предложил поручить Англии или Франции. Главным тогда являлся вывод всех иностранных войск, сражавшихся на территории Испании. Соотношение сил здесь было такое: около 60 тыс. солдат и офицеров из Италии и 20 тыс. из Германии. Общая численность иностранцев-антифашистов, приезжавших поочерёдно помогать республиканцам на несколько месяцев, в совокупности не превысила 30 тыс. человек. В их числе советских добровольцев (советников, танкистов, лётчиков) в 1937 году было одновременно примерно 150 человек. В Москве надеялись, что правительственная армия теперь уже самостоятельно сумеет подавить мятеж. Тем более что в результате прошедших боёв обозначились существенные успехи республиканцев.

В сложной внутренней и международной обстановке Сталин решил, видимо, подстраховаться от возможного вмешательства в решение текущих вопросов оппозиции. По его инициативе 14 апреля 1937 года было принято решение Политбюро, которым создавались две *постоянные комиссии*, предназначавшиеся *для подготовки вопросов*, выносившихся на рассмотрение Политбюро. Область деятельности первой комиссии касалась «вопросов **секретного характера,** в том числе и **вопросов политики».** В её состав входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов. *В случае особой срочности* эта комиссия наделялась правом самостоятельного (без созыва остальных членов Политбюро) принятия необходимых *решений.* В компетенцию второй комиссии, включавшей Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича, входили **«срочные** текущие вопросы **хозяйственного** характера».

Напоминание о **секретности вопросов политики** (без

уточнения, внутренней или внешней) должно было пресекать всякое желание *посторонних* не только обсуждать, но и даже просто интересоваться ими. Указание на **срочность** позволяло **оперативно** принимать необходимые решения **в узком кругу** руководителей без предварительного вынесения его на коллективное обсуждение.

Из решения Политбюро становилось ясно, что высший уровень власти сосредоточила теперь *тройка* — Сталин, Молотов и Каганович, входившие в обе комиссии. Ко второму уровню властной группировки относились остальные члены комиссий — Ворошилов, Ежов, Микоян и Чубарь. За пределами **оперативной власти** оказывались три члена Политбюро — А.А. Андреев, М.И. Калинин, С.В. Косиор; три кандидата в члены Политбюро — А.А. Жданов, Я.Э. Рудзутак, Р.И. Эйхе; четыре члена Оргбюро — Я.Б. Гамарник, А.В. Косарев, А.И. Стецкий, Н.М. Шверник. Они составляли как бы третий уровень власти. Чуть ниже них находились заместители председателя СНК СССР Н.К. Антипов и В.И. Межлаук, нарком иностранных дел М.М. Литвинов, прокурор СССР А.Я. Вышинский, заведующие отделами ЦК Я.А. Яковлев и Л.З. Мехлис, а также М.Б. Таль. То есть именно те, кто играл ведущую роль в подготовке сталинских политических реформ. Возможно, что второй, истинной целью решения Политбюро являлась сознательная дезинформация о действительном построении вертикали высшей власти. Так, нарочито выпячивалась роль Кагановича, уже утратившего положение второго секретаря ЦК, зато оставались *в тени* активные члены подлинной сталинской группы — Литвинов, Вышинский, Яковлев, Стецкий и Таль.

Если высшая власть теперь сосредоточилась фактически в единых руках Сталина и Молотова, то периферийные партийные органы, наоборот, начали значительно расширять, чтобы таким образом по возможности нивелировать привычное влияние *старых* первых секретарей обкомов и крайкомов. Так, решением Политбюро от 23 апреля 1937 года из-под контроля Сталинградского, Саратовского, Горьковского, Свердловского, Ленинградского обкомов, Орджоникидзевского и Восточно-Сибирского крайкомов вывели партийные организации автономных республик — Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой, Немцев Поволжья, Марийской, Мордовской, Чувашской, Удмуртской, Коми, Карельской и Бурят-Монгольской. Начиная с 1 июня 1937 года их подчинили непосредственно ЦК ВКП(б). На этом основании подняли ранг первых секретарей новых обкомов, уравняв их права с теми структурами, которым они ещё вчера

подчинялись. Кроме того, очередным решением Политбюро Казахский крайком преобразовали в ЦК КП(б) Казахстана, а Киргизский обком — в ЦК КП(б) Киргизии. Закавказский крайком ликвидировали, а вместо него создали три ЦК компартий Азербайджана, Армении и Грузии. В результате вместо 5 стало 16 первых секретарей нацкомпартий. Все эти меры были направлены на размывание единства периферийного руководства, которому теперь значительно сложнее было договориться о противодействии сталинским реформам.

Помимо партийных органов, реорганизация коснулась и государственного аппарата. В условиях неумолимо приближавшейся войны вместо существовавшего с 1923 года Совета Труда и Обороны решением Политбюро от 25 апреля 1937 года был создан Комитет обороны при СНК СССР. В его функции входило решение ключевых вопросов, связанных с «объединением всех мероприятий и вопросов обороны» страны Советов. Председателем комитета стал председатель СНК СССР Молотов, а в качестве членов вошли секретарь ЦК Сталин, нарком путей сообщения Каганович, нарком обороны Ворошилов, заместитель председателя СНК СССР Чубарь, нарком оборонной промышленности М.Л. Рухимович и нарком тяжёлой промышленности В.И. Межлаук. Затем состав пополнили ещё кандидатами — зам. наркома обороны, начальником Политуправления РККА Я.Б. Гамарником, наркомом пищевой промышленности Микояном, секретарём ЦК Ждановым и наркомом внутренних дел Ежовым. Таким образом, был создан обладавший всеми юридическими правами властный орган, сосредоточивший все вопросы подготовки страны к будущей войне.

В целях обеспечения **строгого контроля** за всеми кадровыми назначениями Отделу руководящих партийных органов ЦК, возглавлявшемуся Маленковым, решением Политбюро от 11 мая 1937 года было поручено отныне утверждать в должностях **всю номенклатуру** не только партийных функционеров (секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов), но и государственных служащих соответствующих рангов — наркомов СССР и союзных республик, их заместителей и начальников главков. Получилось, что теперь был образован как бы **единый** для всей страны своеобразный **отдел кадров** главных партийных и хозяйственных руководителей. Но и при этих условиях у Сталина, видимо, всё равно не было уверенности, что проводившиеся реформы не встретят сопротивления.

1 мая 1937 года страна в двадцатый раз отмечала праздник Солидарности трудящихся военным парадом и народной

демонстрацией в Москве, на Красной площади. В опубликованном по этому случаю традиционном приказе наркома обороны отмечалось: «Победы социализма записаны ныне в великой Сталинской конституции СССР, открывающей новую полосу в строительстве советского государства. Сталинская конституция СССР знаменует собой расцвет подлинной советской демократии, ещё более тесную связь всех трудящихся масс с органами советской власти, обеспечивает ещё более широкое и всестороннее участие их в управлении своим собственным государством».

Теперь остаётся только гадать, насколько *трудящиеся массы* осознали тогда те права, которые гарантировала им новая Конституция, и что **конкретно** требовалось от них, чтобы их участие *в управлении своим государством* стало *широким и всесторонним*. Конечно, в прессе публиковались определённые материалы, но пока что всё варилось где-то в верхних эшелонах власти, не достигнув ещё понимания простых людей, от правильной деятельности которых многое должно было зависеть. При этом если силы троцкистов в партийных и советских органах, мешавшие проведению реформ, были в определённой мере ликвидированы, то это практически ещё не коснулось вооружённых сил. А в высшем руководстве армии находилось значительное количество военачальников, которые действовали в Гражданскую войну, с 1918 по 1924 год, под командованием Председателя Реввоенсовета республики и наркома по военным и морским делам Троцкого и являлись его ставленниками и сторонниками.

Всё началось с целенаправленных перемещений в высшем начсоставе Красной Армии, сообщение о которых появилось в газете «Красная звезда» 11 мая 1937 года. Самым главным в кадровой чехарде оказалось то, что Туха-невский с должности зам. наркома был направлен из столицы в далёкий провинциальный город командующим войсками Приволжского военного округа, а на его место в НКО назначен Б.М. Шапошников.

Другим важным актом явилось создание военных советов при командующих военными округами, в результате чего восстанавливался жёсткий партийный контроль над начальствующим составом армии. А во всех войсковых частях, начиная с полка и выше, и в учреждениях НКО воссоздавался отменённый в декабрю 1934 года институт военных комиссаров. Тем самым, надо понимать, вместо уволенных ранее *революционеров* в помощь командирам приходили политработники новой формации.

Пока что все перемещения в НКО производились по решению комиссии Политбюро, образованной 14 апреля, как бы в порядке ротации, без предъявления каких-либо обвинений, хотя и могли свидетельствовать об имевшихся сомнениях в безусловной лояльности к правительству высшего начсостава армии. Тем более что 3 мая 1937 года был арестован комбриг запаса М.Е. Медведев, являвшийся одним из основных подозреваемых по «Кремлёвскому делу». Показания Медведева и находившегося под следствием Ягоды позволили завершить определение круга участников *военно-политического заговора* под прежним кодовым названием «Клубок». Помимо связи с Троцким, принимались во внимание и контакты нашего военного руководства с германским вермахтом.

Аресты военных начались 21 мая 1937 года, когда отправили за решётку начальника Управления боевой подготовки РККА комкора К.А. Чайковского и начальника Управления связи комкора Р.В. Лонгву. На следующий день арестовали кандидата в члены ЦК маршала Тухачевского и председателя ОСОАВИАХИМа комкора Р.П. Эйдемана. Далее в конце мая последовательно взяли начальника военных сообщений комкора Э.Ф. Аппогу, начальника артиллерийского управления комкора Н.А. Ефимова, члена ЦК командарма I ранга И.Э. Якира, кандидата в члены ЦК командарма I ранга И.П. Уборевича. 31 мая у себя дома застрелился член ЦК, армейский комиссар I ранга Я.Б. Гамарник. Всего за май было репрессировано 82 военнослужащих высшего начсостава. А всего с лета 1936 года арестовали 131 военнослужащего того же ранга.

Помимо армейских чинов, в те же майские дни были исключены из партии и арестованы государственные служащие: заместитель председателя СНК СССР, кандидат в члены Политбюро Я.Э. Рудзутак, председатель СНК БССР, член ЦК Н.М. Голодед, начальник Центрального управления народно-хозяйственного учёта, заместитель председателя Госплана И.Р. Краваль и бывший полпред СССР в Турции Л.К. Кара-хан. Продолжилась *чистка* и в НКВД. Заместителя наркома внутренних дел и начальника 4-го (секретно-политического) отдела Я.С. Агранова отправили в почётную ссылку начальником Саратовского областного Управления НКВД вместо арестованного Р.А. Пиляра. Начальник 9-го (шифровального) отдела ГУГБ Г.И. Бокий был арестован.

Подобные *чистки* требовали комментариев, которые были представлены на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны, проходившем с 1 по 4 июня 1937 года. В своём выступлении Сталин объяснил, что имелось в виду под

раскрытым НКВД *военно-политическим заговором.* В качестве *политических* руководителей он назвал находившегося в Мексике Троцкого и арестованных в нашей стране Бухарина, Рыкова, Рудзутака, Енукидзе и Карахана. Затем добавил к ним Ягоду, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Гамарника — всего 13 человек. Далее связал всех с «кремлёвским заговором», целью которого был **арест правительства.** В число непосредственных исполнителей несостоявшегося государственного переворота входили комендант Кремля Петерсон, начальник школы им. ВЦИК Егоров, командующий войсками Московского военного гарнизона Корк и его заместитель Горбачёв. Кроме того, Сталин обвинил военных в передаче врагу (немецкому Генеральному штабу) важных сведений, что являлось шпионажем. Всего же *по военной линии арестовали* 300–400 человек. Как выразился Сталин в понятном для того времени смысле: «Хотели из СССР сделать вторую Испанию». В заключение своего выступления отметил, что дело «Клубок» закрыто окончательно, а потому дальнейшие аресты по нему, особенно в армии, не требуются.

В июньских номерах газеты «Правда» появились сообщения о том, что Прокуратурой СССР дело арестованных органами НКВД бывших военных руководителей закончено и передано в суд. Арестованные обвинялись «в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене Рабоче-крестьянской Красной армии, а также в антигосударственных связях с руководящими кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР». Все обвиняемые признали свою вину полностью. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР рассматривало дело в закрытом заседании «в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года». Приговор в отношении осуждённых к высшей мере наказания Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны был приведён в исполнение 12 июня 1937 года.

Но не эта информация была главной в газетах того времени. Подробно освещались достижения нашей страны. За пятилетку, завершавшуюся в 1937 году, валовая продукция крупной промышленности увеличилась более чем в два раза. Уверенный рост машиностроения позволил технически перевооружить все отрасли народного хозяйства. Большая часть промышленной продукции была получена с вновь построенных или полностью реконструированных предприятий. Крупные успехи были достигнуты в механизации сельского хозяйства, где работали теперь 456 тыс. тракторов, 129 тыс. комбайнов и 146 тыс.

грузовых автомобилей. В результате завершения коллективизации колхозы объединили 18,5 млн крестьянских дворов, или 93 % от их общего числа. Отставало, правда, животноводство. За счёт подготовки специалистов со средним и высшим образованием успешно решалась кадровая проблема. Ширилось движение новаторов. Значительно улучшилось материальное положение, и поднялся культурный уровень народа. Страницы газет пестрели сообщениями об эпопее покорения Северного полюса экспедицией И.Д. Папанина, о полярных лётчиках М.В. Водопьянове, В.С. Молокове, И.П. Мазуруке, А.Д. Алексееве, проявлявших мужество и героизм в борьбе с суровой природой. Много внимания уделялось первому перелёту по маршруту Москва — Северный полюс — США советского экипажа в составе В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова.

Но более существенными, хотя и малозаметными, являлись газетные сообщения о ходе выборов в партийных организациях на городских, областных, краевых партконференциях и съездах компартий союзных республик. Они демонстрировали **крайне неприятную** для группы Сталина тенденцию, при которой прежнее партийное руководство после перевыборов сохраняло свои посты. Ни возможность неограниченного выдвижения претендентов, ни полная свобода критики всех кандидатов, ни тайное голосование так и не привели к появлению в руководящих партийных органах всех уровней **новых людей.** Практически полностью первые секретари, получив абсолютное большинство голосов **за,** остались на прежних местах, продемонстрировав тем самым незыблемость своего положения.

Чтобы переломить сложившуюся ситуацию и направить в нужное русло выборы там, где они ещё не состоялись, в газете «Правда» от 5 июня 1937 года была опубликована передовая статья «Беспощадно громить и корчевать троцкистско-правых шпионов», которая давала прямое указание на то, в чём следовало обвинять засидевшихся на своих высоких постах партократов. При этом, поскольку новая система выборов не приводила к нужному результату, были произведены кадровые перемещения, особенно тех руководителей, которые не получили абсолютного большинства голосов на выборах. Вместо них на освободившиеся должности получили назначение новые партработники, подобранные и выдвинутые ОРПО ЦК под руководством Маленкова.

23 июня 1937 года начался очередной пленум ЦК ВКП(б). Сразу после его открытия собравшихся призвали поддержать два проекта решения Политбюро. В первом предлагалось «выразить

политическое недоверие» и на том основании «вывести из состава членов и кандидатов в члены ЦК» председателя Ленинградского облсовета профсоюзов П.А. Алексеева, наркома лёгкой промышленности СССР И.Е. Любимова, главу правительства РСФСР Д.Е. Сулимова, председателя СНК ЗСФСР и сопредседателя ЦИК СССР Г.М. Мусабекова, председателя Комиссии по оценке урожайности при Наркомате заготовок СССР В.В. Осинского и двух управляющих трестами В.И. Курицына и А.И. Сидельникова. Во втором проекте решения, по представлению Ежова, предлагалось: «За измену партии и родине, активную контрреволюционную деятельность — исключить» 19 человек «из состава членов и кандидатов в члены ЦК, а также из партии», и затем «передать эти дела в наркомвнудел». В их число вошли: председатель Комиссии советского контроля, зам. председателя СНК СССР Н.К. Антипов, нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий, нарком местной промышленности РСФСР И.П. Жуков, зам. зав. Агитпропа ЦК В.Г. Кнорин, первый секретарь Крымского обкома Л.Н. Лаврентьев, нарком пищевой промышленности РСФСР С.С. Лобов, первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома И.П. Румянцев, первый секретарь Курского обкома Б.П. Шеболдаев, начальник ГУШОСДОР НКВД Г.И. Благонравов, первый секретарь Одесского обкома Е.И. Вегер, председатель СНК БССР Н.М. Голодед, бывший нарком совхозов СССР М.И. Капманович, нарком коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комаров и др.

Участники пленума единогласно одобрили оба предложенных решения Политбюро. В результате состав ЦК сократился сразу на 26 человек. А с учётом тех, кого вывели ранее, из 120 членов ЦК убыло уже 36 человек. Внимательный анализ состава *пострадавших* показывает, что их объединяли такие общие *качества*: явная некомпетентность в руководстве, отсутствие высшего, а часто и среднего образования, слабость практического опыта работы по профессии. В *революционную* пору все они крайне быстро и слишком надолго заняли весьма высокие посты, но из-за недостатка знаний (которые не стремились пополнять) превратились в неумелых руководителей, слишком много мнивших о себе, но не приносивших реальной пользы порученному им делу. Кроме того, *биографический метод* (то есть глубокое изучение личных дел), разработанный наркомом Ежовым, позволил выявить перекрещивание путей этих партийных и советских работников в годы Гражданской войны с недавно осуждёнными военачальниками, являвшимися ставленниками Троцкого. Вот от такой *ленинской* (а вернее, *свердловско-троцкистской) гвардии* всеми возможными путями (от

свободных выборов до прямых репрессий) как раз и стремился Сталин освободить руководящие органы нашей страны.

Основным на данном пленуме явился доклад Яковлева о новом избирательном законе. Напомнив, что выборы отныне будут всеобщими, равными, прямыми и тайными, докладчик сообщил пятую особенность предлагавшегося проекта закона: «Конституция СССР предоставляет **каждой общественной организации** и **обществу трудящихся** право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР». Чтобы показать *огромное значение* этой статьи, подчеркнул, что она внесена **«по предложению товарища Сталина.** Её цель — развить, расширить демократию», обеспечить «подлинный демократизм на выборах в советы». Окружные избирательные комиссии **обязаны** зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень **всех без исключения кандидатов** в Верховный Совет, которые будут выставлены **любыми общественными организациями.** При этом к кандидатам в депутаты не предъявляются какие-либо особые требования. Таким образом, предстоявшие выборы становились **альтернативными,** в которых основную роль играла **состязательность** претендентов, выставлявшихся не только партийными, но и всевозможными другими собраниями трудящихся. Для обеспечения «точного волеизъявления граждан» и «исключения всяких попыток исказить результаты голосования» законодательно устанавливалась система мер по обработке и хранению избирательных бюллетеней, составлению протоколов голосования и счётных листов на каждого кандидата. Для беспристрастного контроля за выборами Сталин в условиях однопартийности предложил использовать *представителей общественных организаций, а* не только членов ВКП(б). Прежняя возможность партийных руководителей осуществлять при необходимости подтасовку голосов теперь сводилась на нет. Ставился вопрос о прекращении *царившей повсюду кооптации*, то есть введении в состав руководящего органа нового работника без предусмотренного законом избрания его голосованием. Осуждалось также принятие решений *опросом*, а не в результате рассмотрения на заседании. Докладчиком была поднята и новая тема о постепенном выходе советов из-под жёсткого партийного контроля, превращении их на деле в самостоятельную ветвь власти. Партийным организациям не следовало подменять собой работу советов, а необходимо было стать «богатейшим резервом» новых кадров «для смены сгнивших и забюрократившихся».

Участники пленума единогласно поддержали проект нового избирательного закона и утвердили созыв сессии ЦИК СССР для его принятия на 7 июля 1937 года.

На пленуме были даны разъяснения по поводу вывода из состава ЦК упомянутых выше партийных руководителей. Все они, как и председатели соответствующих советов, исполкомов были обвинены в полном пренебрежении интересами людей и беззакониях, от которых страдало население, прежде всего, сельской местности. Слишком многие профессиональные революционеры, несменяемо сидевшие на высоких партийно-государственных постах, не справлялись со своими прямыми обязанностями. Они имели дореволюционный партийный стаж, хорошие характеристики, участвовали в Октябрьской революции, обладали заслугами в Гражданской войне, неплохо дрались против троцкистов и правых. Но прежние *критерии* оценки старых партийцев *теперь во многих отношениях* оказались *недостаточны.* В данное время стало необходимо, чтобы «на места устаревшего хламья, обюрократившейся или очиновничейся группы работников» выдвигались такие кадры, «которые в соответствии с основными требованиями теперешнего момента **твёрдо, последовательно, разумно, со знанием дела»** могли проводить политику партии.

В подтверждение этих положений на заключительном заседании пленум утвердил ещё одно предложение Политбюро — о выводе из состава членов и кандидатов в члены ЦК, исключении из партии 4 руководителей «ввиду поступивших неопровержимых данных о причастности их к контрреволюционной группировке». В их число вошли уже пониженные ранее в должностях бывший второй секретарь Ленинградского обкома М.С. Чудов, бывший председатель Леноблисполкома А.И. Струппе, бывший председатель Ленгорисполкома И.Ф. Кодацкий и бывший зам. наркома тяжёлой промышленности И.П. Павлуновский.

В этот же период в административном порядке были сняты со своих постов зам. наркома юстиции СССР Н.Н. Крестинс-кий, председатель ЦИК Азербайджанской ССР М.М. Эфендиев, нарком внешней торговли А.П. Розенгольц и председатель СНК Узбекской ССР Ф. Ходжаев (последний с исключением из партии и передачей дела в НКВД).

Однако все эти жёсткие меры не привели к желаемому результату **мирной** очистки авгиевых конюшен советской бюрократии, но напугали оставшихся на своих высоких постах партократов возможностью их последующего свержения. Они-то и спровоцировали **массовые репрессии,** к которым в своих выступлениях на пленумах постоянно призывало периферийное руководство, чтобы в возникшей *кутерьме* постараться сохранить незыблемым собственное положение.

Глава 10. Возникновение массовых репрессий

И вдруг всё пошло совершенно не по тому сценарию, который задумал Сталин. Как это случилось доподлинно, остаётся только гадать, поскольку не вся документальная база событий того времени сейчас имеется. Однако историку Ю.Н. Жукову, много лет изучавшему сталинские архивы, удалось выработать версию [Л.11], которой мы и воспользуемся, добавив к ней собственные исследования [Л.1].

Итак, предположительно установлено, что перед окончанием июньского 1937 года пленума ЦК первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе обратился в ЦК или Политбюро с инициативной запиской. Сам этот документ пока не найден, но известно принятое по нему решение. Скорее всего, в своём обращении Эйхе изложил именно те вопросы, которые были высказаны им ещё на февральско-мартовском пленуме ЦК, но они, естественно, не нашли ни понимания, ни поддержки со стороны группы Сталина. Тогда выступавший уверенно заявил, что в Западной Сибири существует «немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу». Теперь в своей записке Эйхе, вполне возможно, указал на то, что не разоблачённая до сих пор некая *повстанческая контрреволюционная организация* угрожает политической стабильности в крае, что особенно опасно в период подготовки и проведения избирательной кампании. Очевидно, в целях быстрой и эффективной *борьбы с очагами врагов* партийный секретарь просил Политбюро санкционировать создание *тройки*, наделённой правом выносить *внесудебные приговоры*, в том числе и *к высшей мере наказания.*

Стремление к подобному **силовому** решению вопросов было характерно для Роберта Индриковича Эйхе, чей жёсткий, волюнтаристский стиль работы был им не однажды продемонстрирован в подведомственном ему Сибирском крае. При этом некомпетентность его деятельности вызвала даже резкий и открытый протест большой группы сослуживцев. Однако именно все эти недовольные, а не сам партийный секретарь, сразу же были сняты со своих должностей. А ещё в 1934 году, видимо, в целях активизации хлебозаготовок Эйхе сумел истребовать себе от Политбюро право в течение почти двух месяцев выносить в качестве наказания даже смертные приговоры.

Теперь трудно установить, каким образом Эйхе **удалось**

заставить Политбюро 28 июня 1937 года принять нигде в учётных документах не зафиксированное, хотя и имевшее канцелярский номер (протокол 51, пункт 66), решение, которое гласило:

«1. Признать необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческой организации сосланных кулаков. 2. Для быстрейшего разрешения вопроса создать тройку в составе тов. Миронова (председатель), начальника управления НКВД по Западной Сибири, тов. Баркова, прокурора Западно-Сибирского края, и тов. Эйхе, секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии».

Вот эту дату и документ, появившиеся вовсе не по инициативе Сталина, а как раз вопреки и в противовес всей его предыдущей деятельности, следует считать **началом** проведения в стране **массовых репрессий 1937–1938 годов.** Но сам ли Эйхе догадался истребовать себе чрезвычайные полномочия для проведения намечавшейся широкой расправы? Вряд ли секретарь крайкома с двумя классами начального училища, организатор продотрядов, грабивших деревни, смог осуществить такой замысел. Однако известно, что перед июньским пленумом ЦК состоялось неформальное совещание, названное *чашкой чая.* Инициатором этого мероприятия был заведующий политико-административным отделом ЦК Иосиф Аронович Пятницкий (Иосель Ориолович Таршис), который созвал *на негласный совет* многих секретарей обкомов и крайкомов, старых большевиков и своих соратников по Коминтерну. Речь в кругу доверенных лиц шла о недовольстве проводившейся Сталиным политикой и о том, что имеются настроения устранить его от руководства партией. Очевидно, именно тогда была достигнута предварительная договорённость о единой позиции противодействия сталинскому курсу. Считается, что именно Таршису-Пятницкому, этому *ортодоксу мировой революции,* длительное время руководившему Коминтерном, принадлежала идея повязать Сталина *большой кровью* и тем самым, под угрозой полной дискредитации, заставить его выполнять волю *старых революционеров.* Однако можно предполагать: поскольку деятельность Пятницкого ещё с дореволюционных времён была связана с британскими спецслужбами, то идея кардинальной дестабилизации обстановки в стремительно развивавшейся стране была подсказана именно с туманного Альбиона. Ничего удивительного в этом нет. Если с использованием спецслужб ранее провоцировались революции 1905 и 1917 годов, крайне ослаблявшие Россию, то почему бы сейчас, в преддверии войны с намечавшимся *восточным походом*, на который нацеливали Германию, не устроить **очередной**

беспредел в СССР? А потом, умело манипулируя *общественным мнением*, всю ответственность за *кровавое побоище* **свалить на Сталина.** Очень даже *в английском стиле.*

Можно предполагать, что инициативная записка Эйхе и принятое по ней решение явились лишь неким пробным действием, предназначенным для проверки, пойдёт ли сталинская группа в данном вопросе навстречу выставленным требованиям, отражавшим мнение значительной группы первых секретарей. В противном случае участники пленума, имевшие право простым поднятием рук исключать из членов ЦК и партии своих коллег, вполне способны были поставить такой же вопрос и в отношении фактических разработчиков Конституции — Яковлева и Стецкого, а осмелев, ещё и тех, кто стоял за их спиной — Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Вышинского, Маленкова и др. Во всяком случае, видимо, для выяснения позиций Кремлёвский кабинет Сталина, в котором присутствовал и Молотов, последовательно посетили 9 представителей периферийного руководства. 1 июля 1937 года на приёме побывали первые секретари Дальне-Восточного крайкома И.М. Варейкис, Саратовского крайкома А.И. Криницкий, ЦК КП(б) Азербайджана М.-Д.А. Багиров, Свердловского обкома А.Я. Столяр и Сталинградского обкома Б.А. Семёнов. 2 июля встречи продолжились с первыми секретарями Обского обкома Д.А. Булатовым, Северного крайкома Д.А. Конториным, Харьковского обкома Н.Ф. Гикало и ЦК КП(б) Киргизии М.К. Аммосовым. Из перечисленных посетителей Варейкис находился в кабинете более двух часов, Булатов — около часа, а остальные от 40 до 15 минут. Конкретное содержание проводившихся бесед не известно, но **можно предполагать,** что все первые секретари поддержали инициативную записку Эйхе и потребовали себе таких же полномочий. Во всяком случае решением Политбюро от 2 июля 1937 года чрезвычайные права были предоставлены **всем** первым секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов. Видимо, по настоянию посетителей кабинета Сталина обосновано такое решение было следующим образом:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшаяся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) **предлагает** всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским

представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через **тройки,** а остальные, менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) **предлагает** в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Сразу следует отметить, что Политбюро отнюдь **не обязывало** первых секретарей безусловно выполнить данное своё решение, а лишь **предлагало** в разрешённом правовом диапазоне сделать то, что партийные руководители сами считали необходимым. Кроме того, *тройки* могли применять репрессии только в отношении «наиболее враждебных зачинщиков преступлений», по своему характеру относившихся к уголовно наказуемым деяниям. При этом на организацию всего этого сложного и ответственного дела отводилось всего пять дней, при условии, что все первые секретари ещё находились в Москве и многим требовалось значительное время, чтобы добраться до места своей работы и подготовить обоснованный ответ. То есть в данное решение была заложена возможность (при желании) его невыполнения в связи с истечением отведенного срока. Однако 6 из 9 посетителей кабинета Сталина — Варейкис, Криницкий, Багиров, Столяр и Булатов — оказались первыми среди направивших в Москву на утверждение составы *троек* и число подлежащих расстрелу и высылке.

После циркулярно разосланного во все крайкомы, обкомы и ЦК нацкомпартий решения Политбюро от 2 июля 1937 года на местах были незамедлительно созваны традиционные партактивы для обсуждения итогов июньского пленума. Но на них не говорили об особенностях избирательной системы или о подготовке агитаторов и пропагандистов к выборам. Основное внимание было сосредоточено на предстоявшей борьбе с *врагами.* Так, в резолюции московского актива, на котором с докладом выступил первый секретарь Хрущёв, отмечалось: «Каждый партийный и непартийный большевик должен помнить, что враги народа, подонки эксплуататорских классов — японо-германские фашистские агенты, троцкисты, зиновьевцы, правые, эти шпионы, диверсанты и убийцы, будут всячески пытаться использовать выборы для своих вражеских контрреволюционных целей. Разоблачение, выкорчёвывание и разгром всех врагов народа является важнейшим условием проведения выборов в советы, осуществления сталинской конституции и дальнейшего

победоносного продвижения нашей страны к коммунизму».

В результате такой *агитации* предвыборная кампания превращалась теперь фактически *в охоту на ведьм.* Это показала и открывшаяся 7 июля 1937 года сессия ЦИК СССР, на которой с докладом о проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» выступил один из главных разработчиков этого закона — Яковлев. Осветив основные аспекты разработанной избирательной системы, докладчик призвал выдвигать кандидатами в депутаты новые кадры, «черпая их из неиссякаемого резерва — молодёжи, женщин, беспартийных». А *выставлять* этих кандидатов предлагал *на заводах, фабриках в колхозах, совхозах.* И снова, как и на предыдущих форумах, участники прений демонстративно проигнорировали суть услышанного. Говорили о чём угодно, но только не о статьях «Положения о выборах». В основном всё свелось к врагам народа, которым «удалось проникнуть на ответственнейшие участки нашей работы». Все преступления этих «мерзавцев, японо-германских шпионов, диверсантов, троцкистов и прочей сволочи могли быть своевременно предупреждены, если бы революционная бдительность была на должной высоте». Зато теперь — *никакой пощады врагам народа!*

9 июля 1937 года сессия ЦИК СССР единогласно утвердила закон о новой избирательной системе. Однако начавшиеся с этих дней **массовые репрессии** полностью свели на нет всю его великую значимость.

В день начала сессии ЦИК, 7 июля, был арестован И.А. Пятницкий (Таршис). Вроде бы, Сталину стало известно об устроенном им *чаепитии*, которое привело к столь печальным последствиям. С другой стороны, наркому Ежову было выгодно устранение этого партийного контролёра, каждодневно надзиравшего за работой НКВД. Вместе с тем материалов о заговорщицкой деятельности «твердокаменного большевика, беззаветно преданного идее мировой революции», было вполне достаточно, как в период его руководства Коминтерном, так и при последующей работе в ЦК.

Ответы на циркулярно разосланное решение Политбюро от 2 июля 1937 года начали поступать в Москву с некоторым опозданием от установленного пятидневного предельно ограниченного срока. Это говорило о том, что первые секретари и начальники местных управлений НКВД были явно не готовы к проведению карательной операции, а тем более не располагали полными сведениями об *антисоветской деятельности бывших кулаков и уголовников* или об их *подпольных организациях.* Тем не менее к 11 июля в Политбюро поступили сведения о намеченном

составе *троек* и величине *лимитов* от 43 из 78 региональных парторганизаций. Остальные местные руководители, возможно, вовсе не претендовали на весьма сомнительные особые права для проведения карательных операций.

Наши современники должны знать, что наиболее **кровожадным** среди партократов оказался **Эйхе,** заявивший о желании непременно **расстрелять 10 800** жителей Западно-Сибирского края, а сколько выслать — пока ещё не наметил. Следующим стал **Хрущёв (Перлмуттер),** подозрительно быстро сумевший разыскать и учесть в Московской области 41 305 *врагов народа*, из которых ровно **8500** *наиболее активных* надо было поставить к стенке, а 32 805 — отправить в ссылку. Третьим по степени жестокости показал себя *хозяин* Азово-Черноморского края **Е.Г. Евдокимов,** с большой точностью определивший, что расстрелять надо **6644** человека, а выслать 6962, всего — 13 606 врагов. Не намного от него отстали **В.Ф. Шарангович** из Белоруссии с *лимитом* 12 800 (из которых расстрелять **3000)** и побывавший в кабинете Сталина свердловчанин **А.Я. Столяр,** наметивший 12 000 жертв, из них **5000** — к расстрелу. Следующие партийные руководители не вышли из *лимита* 10 тыс., но превысили 5 тыс. человек (в скобках указано число предназначенных **к расстрелу): К.В. Рындин,** Челябинская область — 7953 **(2552); Л.И. Мирзоян,** Казахская ССР -6749 **(2346); И.М. Варейкис,** Дальневосточный край — 6698 **(3017); Ю.М. Каганович,** Горьковская область — 6580 **(2295); К.М. Сергеев,** Орджоникидзевский край — 6133 **(2461); П.П. Постышев,** Куйбышевская область — 6140 **(1881); А.И. Икрамов,** Узбекская ССР — 5441 **(1489).**

Но 11 первых секретарей весьма скромно определили для своих регионов число тех, кого следовало репрессировать. А Башкирская АССР, Красноярский край и Ленинградская область вообще не сообщили никаких цифр.

На основании полученных к концу июля данных в ведомстве Ежова разработали общую таблицу, в которой было прописано, какой для каждого региона устанавливался **лимит** репрессий по первой (расстрел) и второй (высылка) категориям. Составлявшие этот документ цифры позволяли определить, что, **в соответствии с запросами периферийного руководства,** число будущих, пока ещё безымянных, жертв должно будет составить порядка **четверти миллиона человек!** Именно эти сводные данные некоторые *историки* **совершенно неправомочно** относят к произволу тирана Сталина, в борьбе за единоличную власть решившего развязать массовые репрессии. Приведенный нами срез событий тех лет показывает, что **всё было совершенно не**

так.

Вместе с тем, прекрасно понимая, что предстоящие репрессии против собственного простого народа, которым Сталин не имел возможности противостоять, будут весьма широкомасштабными, вождь, видимо, решил *под их видом* **ликвидировать действительно потенциально опасных лиц,** могущих нанести ущерб обороноспособности страны. В книге «Строго секретно» [Л.1] мною была выдвинута **версия,** что действия Сталина, направленные на принятие **самых жёстких мер по пресечению возможности утечки за рубеж любой информации** о нашем военном потенциале, включавшем промышленное и сельскохозяйственное производство, материальные и человеческие ресурсы, а также состояние вооружённых сил, являлись **целенаправленно** проводившейся **«Операцией прикрытия».** По оценке историков, эта версия *имеет право на суще-ствование.*

В общем, пока в ведомстве Ежова отрабатывали руководящий документ по «бывшим кулакам и уголовникам», 25 июля 1937 года появился совершенно секретный *оперативный приказ наркома внутренних дел № 00439*, который гласил:

«Следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и Гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших и, в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных. Агентура из числа германских подданных, осуществляя **уже сейчас** вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий **на период войны** и в этих целях подготавливает кадры диверсантов.

Для полного пресечения этой деятельности германской разведки ПРИКАЗЫВАЮ:

1. **В трёхдневный срок** со дня получения настоящего приказа **точно установить и мне донести списки германских подданных:**

а) **работающих на всех военных заводах и на заводах, имеющих оборонные цеха,** согласно прилагаемому списку заводов;

б) отдельно список **германских подданных,** в разное время **работавших и уволенных с этих предприятий и цехов, но оставшихся на территории СССР,** вне зависимости от того, где они в настоящее время работают;

в) отдельно список **германских подданных, работающих на железнодорожном транспорте.**

В списках указать: фамилию, имя и отчество германского подданного, занимаемую им должность и наименование предприятия, в котором он работает.

2. **Начиная с 29 июля с.г. приступить к арестам всех установленных вами германских подданных,** работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов, в том случае, если они проживают на территории вашей республики, края или области.

Всю операцию по арестам закончить в пятидневный срок.

3. **Германских политических эмигрантов,** работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, **арестовывать только в случае, если они сохранили германское подданство.**

На каждого из германских политических эмигрантов, принявшего советское гражданство, представить мне не позже 5 августа 1937 года **подробный меморандум с изложением компрометирующих материалов для решения вопроса об аресте.**

4. Следствие по делам арестованных вести особо тщательно. Добиваться исчерпывающего вскрытия неразоблаченной до сих пор агентуры германской разведки и окончательного разгрома диверсионной низовки, заложенной ею на промышленных предприятиях. Дела арестованных по окончании следствия направлять в НКВД СССР **для последующего рассмотрения их Военной Коллегией или Особым совещанием НКВД.**

5. Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, **так и подданных других государств,** немедленно арестовывать независимо от места их работы.

6. Одновременно с проведением операции приступить к проведению **тщательного учёта всех германских подданных,** работающих на всех других промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и советских учреждениях, а также бывших германских подданных, принявших советское гражданство и работавших ранее на военных заводах и оборонных цехах других промышленных предприятий.

К 1 сентября (ДВК и ВСО к 15 сентября) с.г. представить мне на каждого из указанных лиц подробный меморандум с изложением в нём установочных данных и подробных компрометирующих материалов для решения вопроса об аресте.

7. Ежедневно к 12 часам за истекшие сутки доносить мне телеграфом ход и результаты операции и все добытые следствием материалы.

8. Приказ ввести в действие по телеграфу».

Действительно, на предприятиях и в организациях нашей страны трудилось достаточно большое количество немецких специалистов, имевших ранее и даже в текущее время германское гражданство. В условиях неумолимо приближавшейся войны, к которой западные державы настойчиво подталкивали Германию, возникла реальная необходимость принять серьёзные меры ***для полного пресечения*** возможности вредительства и **утечки информации** от таких работников, по роду своей деятельности знавших не подлежавшие разглашению сведения. В связи с этим и было принято решение оперативно нанести силами НКВД единовременный мощный удар по всей возможной агентуре, для чего одних подозреваемых арестовать, а других ***взять под колпак.*** Заметим, что к решению вопросов по ***германской агентуре*** никак **не привлекались** только что созданные *тройки.* Следственные дела, причём ***особо тщательно***, должны были вестись лишь силами работников НКВД. По окончании следствия материалы предписывалось «направлять в НКВД СССР для последующего рассмотрения их Военной Коллегией или Особым совещанием НКВД».

Проведение такой «Операции прикрытия» являлось своевременным, поскольку в 1938 году, с началом третьей пятилетки, вся достаточно окрепшая промышленность Советского Союза и, в первую очередь, конечно, оборонных отраслей, начала переводиться на массовое производство военной техники. Для того чтобы такая переориентация работы предприятий не стала известна потенциальному противнику, с оборонных заводов, а также с железнодорожного транспорта, как основного связующего различные производства звена, следовало удалить всех лиц, могущих в агентурном или частном порядке передавать *своим* информацию о производившейся ***новой продукции.*** Однако представлялось сложным (и подозрительным) даже **под благовидными предлогами** единовременно уволить множество иностранных специалистов, вложивших свой труд в создание и работу советских предприятий. Тогда решено было провести акцию по массовому аресту якобы ***агентуры из числа германских подданных.*** Ставка делалась на то, что, поскольку при аресте шпиона совершенно не обязательно знакомить общественность со следственными материалами — достаточно дать официальную информацию (или дезинформацию), оспорить предъявленные обвинения (не имея соответствующих данных) представлялось весьма затруднительным. С той же целью пресечения возможности утечки секретных сведений за рубеж к ***шпионам*** приписали и арестовали даже тех германских подданных,

которые ранее были уволены с оборонных заводов. Они пока что оставались жить и работать в СССР, но не были лишены возможности (вместе с имевшейся у них информацией) уехать на родину. Ясно, что ***дутые*** дела на всех арестованных не могли рассматриваться в судебном порядке, а потому материалы указано было направлять на рассмотрение Военной Коллегии и Особого совещания НКВД, которые прекрасно знали, как в данном случае следовало поступать. Одновременно все остальные немцы, работавшие на обычных предприятиях, в сельском хозяйстве или советских учреждениях, брались на ***тщательный учёт*** и в случае выявления их зарубежных связей должны были немедленно подвергаться аресту. Эту часть «Операции прикрытия» предписывалось провести молниеносно — аресты за 5 дней, сбор компромата за месяц. Интересно, что в этом приказе речи о физическом уничтожении (расстреле) ***шпионов*** не шло, тем более что эти люди принадлежали в основном другому государству.

Здесь, наверное, самое место поговорить о том, собирался ли Сталин осуществить ***освободительный поход*** в Европу, о чём нам поведал в своих произведениях Виктор Суворов-Резун [Л.20, Л.21].

Историк М.И. Мельтюхов в книге «Упущенный шанс Сталина» [Л.15], исходя из ставших известными новых архивных материалов, показал, что в ответ на военные приготовления, происходившие в Европе и на Дальнем Востоке, Советский Союз после коллективизации и индустриализации своего хозяйства создал мощный военно-промышленный комплекс и современную армию, воспитывавшуюся в наступательном духе. Опираясь на этот потенциал, Сталин, никогда не веривший в возможность ***мировой революции,*** действительно хотел мощью Красной Армии и духовной силой советского народа совершить *освободительный* **по***ход* и навсегда сокрушить всемирный капитализм, уничтожить эксплуататорский строй, построив на всей Земле справедливое социалистическое общество. Гитлер, создавая вооруженные силы и поднимая немецкий народ на борьбу, мечтал о собственном **мировом господстве** и рабском покорении других народов. Согласимся, что у каждого из этих диктаторов была своя идея-фикс. Однако ставить на одну доску социализм и фашизм, как это постоянно делают западные политики, совершенно неправомочно. Если представить **схематично,** то **Гитлер** стремился построить **пирамиду,** на вершине которой блаженствовали бы *чистые арийцы*, а все остальные народы находились бы на более низких ступенях этой геометрической фигуры, подвергаясь в зависимости от ранга соответствующей

степени эксплуатации. **Сталин** планировал поставить все страны планеты в один горизонтальный ряд, как **кубики,** предоставив им всем широкие и равные права. Тогда была бы воспроизведена, по мнению Мельтюхова, модель **единого государства Человечества.** При этом вполне можно согласиться с таким выводом историка: «Сегодня совершенно очевидно, что создание подобного Государства на основе русской советской традиции всеединства и равенства разных народов в гораздо большей степени отвечало интересам подавляющего большинства человечества, нежели реализуемая ныне расистская по своей сути модель “нового мирового порядка” для обеспечения интересов “золотого миллиарда”» [Л. 15].

Вместе с тем в конце 1930-х годов сложно было представить, как отреагируют западные и восточные страны на советское нападение на Германию. В этом случае Советский Союз, естественно, предстал бы перед всем миром в качестве агрессора, против которого тогда посчитали бы нужным объединиться многие державы. В то же время капиталистическое окружение, часто склонное к решению проблем вооружённым путём, требовало создания в стране Советов мощных вооруженных сил. Но задачу эту, чтобы не вызывать недовольство и настороженность со стороны других стран, следовало решать **предельно тайно.** Вот что обуславливало не только необходимость, но и **обязательность** проведения советским руководством «Операции прикрытия».

Забегая вперёд, заметим, что эта труднейшая *операция* Сталину блестяще удалась: Советский Союз «стал самой трудной страной для работы вражеских разведок». Сделав ставку на молниеносный разгром СССР, германское командование совершенно не представляло, с каким противником придётся столкнуться на Востоке. Даже Гитлер в своём выступлении 4 августа 1941 года, когда немецкими войсками была захвачена значительная территория нашей страны, признался, что у русских оказалось «неожиданно большое число танков и самолётов» и если бы он «был информирован об этом перед началом войны», то ему «было бы значительно труднее принять решение о необходимости нападения» [Л. 15].

Наверное, именно ***благодаря*** грамотно проведенным по инициативе Сталина всеобъемлющим ***маскировочным мероприятиям*** мы до сих пор никак не можем разобраться со многими страницами советской истории.

Через 5 дней, отведенных на проведение арестов германской агентуры, 30 июля 1937 года, нарком Ежов подписал другой **оперативный приказ — № 00447,** официально утверждённый

Политбюро лишь на следующий день. Теперь перед органами госбезопасности была поставлена задача *самым беспощадным образом* разгромить осевшие в деревне, проникшие на предприятия промышленности, транспорт, в советские учреждения и на строительство «антисоветские элементы, к которым были отнесены бывшие кулаки, церковники, сектанты, бывшие активные участники вооружённых выступлений, кадры антисоветских политических партий», а также уголовные преступники. При этом все репрессируемые разбивались на ***две категории.*** К первой относились все ***наиболее враждебные***, подлежавшие немедленному аресту и по рассмотрению их дел на ***тройках*** — расстрелу. Во вторую вошли «менее активные, но всё же враждебные элементы», которые следовало арестовать и по определению ***тройки*** заключить в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а ***наиболее злостных*** поместить в тюрьмы.

Согласно представленным республиканскими наркоматами и начальниками краевых и областных управлений НКВД учётным данным (утверждённым соответствующими партийными секретарями) всего предлагалось арестовать 258 950 человек, из них 72 950 осудить ***по первой категории.*** Дополнительно в лагерях планировалось расстрелять 10 000 заключённых. Утверждённые ***лимиты*** являлись ***ориентировочными***, но их запрещалось ***превышать.*** Если же обстановка требовала увеличения утверждённых цифр, то на это следовало представить ***мотивированные ходатайства.***

Семьи арестованных предписывалось ***не репрессировать,*** за исключением тех случаев, когда имелись родственники, «способные к активным антисоветским действиям». Однако все эти семьи брались на учёт, и за ними устанавливалось ***систематическое наблюдение.*** Семьи репрессированных по первой категории подлежали выселению из центральных городов и ***приграничной полосы.***

Для организации и проведения операции территория страны делилась на ***оперативные сектора***, в которых формировались ***оперативные группы***, возглавлявшиеся ответственными работниками НКВД, «могущими успешно справляться с серьёзными оперативными задачами».

В приказе подробно описывалась технология проведения арестов. На каждого репрессированного следовало собирать (то есть их ещё не имелось в наличии!) подробные «установочные данные и компрометирующие материалы». На их основании надо было составить списки на арест, которые подписывал начальник оперативной группы и затем отсылал на утверждение наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела

НКВД. Любой из этих руководителей (без участия прокурора) имел право дать санкцию на арест. При аресте полагалось произвести тщательный обыск, при котором обязательно изымались: оружие, боеприпасы, контрреволюционная литература, драгоценные металлы, **иностранная валюта,** множительные приборы и **переписка.** В процессе следствия необходимо было выявить «все преступные **связи»** арестованного. Законченное следственное дело направлялось на рассмотрение ***тройки,*** на заседаниях которой ***мог присутствовать прокурор. Тройки*** рассматривали материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую репрессии семью ***в отдельности. Тройки*** имели право относить лиц, намеченных к репрессированию по второй категории, к первой категории и, соответственно, наоборот (оправдательные приговоры не были предусмотрены).

Приговоры приводились в исполнение «лицами по указанию председателей троек». Расстрелы следовало осуществлять «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение». Протоколы с приговорами ***троек,*** учётные карточки на осуждённых и следственные дела следовало направлять в Учётно-регистрационный отдел НКВД СССР. Интересно, что на папках со следственными делами ставили штамп «Хранить вечно».

Общее руководство проведением операции возлагалось на заместителя наркома внутренних дел, начальника Главного управления государственной безопасности комкора М.П. Фриновского. Операцию следовало начать 5 августа 1937 года и закончить в 4-месячный срок, то есть в начале декабря, именно когда намечалось проведение выборов в Верховный Совет СССР. Таким образом, **массовые репрессии** явились **угрожающим фактором,** на фоне которого стала проходить вся избирательная кампания — от выдвижения кандидатов, агитации в их поддержку и до самих выборов. Случайным такое совпадение не назовёшь, поскольку оно явно преследовало вполне определённые, заведомо необходимые её организаторам результаты.

В связи с ожидавшимся наплывом арестованных подготавливалась ***материальная база***, для чего из тюремных камер убирались кровати, а вместо них оборудовались более ***человекоёмкие*** двухъярусные нары, приобретался полезный опыт пересылок з/к з/к (так во множественном числе обозначалось слово ***заключённые)*** и организации новых исправительно-трудовых лагерей на пустом месте. По всей стране стали выделять специальные ***зоны***, предназначавшиеся для массовых захоронений расстрелянных. Сейчас известны такие места, как

Бутовский полигон и район совхоза «Коммунарка» под Москвой, Левашовская пустынь под Ленинградом, Куропаты под Минском, Золотая гора под Челябинском, Быковня на окраине Киева.

Вот так началась страшная полоса в жизни СССР, окрещенная в народе ***ежовщиной.*** Массовые репрессии оказались направлены в основном против тех, кому Советская власть только что вернула избирательные права и кто в соответствии со сталинской Конституцией при всеобщих, равных, прямых, альтернативных и тайных выборах мог стать в противовес старой бюрократии депутатом Верховного Совета СССР.

Как вспоминал впоследствии В.М. Молотов, когда под предлогом борьбы с ***врагами народа*** в начале массовых репрессий стали убивать сталинских сторонников, вождь ***озверел.*** Иосиф Виссарионович вынужден был осознать, что единственным методом обуздания безмерно распоясавшейся, откровенно сопротивлявшейся новой Конституции и фактически начавшей прямой террор против народа партократии является физическое уничтожение тех, кто пытался привязать его к себе прочными нитями совместно пролитой крови. В результате ***ленинская*** (точнее, ***троцкистская) гвардия*** продолжала попадать под топор ею же спровоцированных репрессий. Уже не прибегая к излишним формальностям, из состава ЦК, КПК и ЦРК (Центральной ревизионной комиссии) за три месяца были выведены 16 первых секретарей, почти сразу арестованных, а затем расстрелянных. В их числе: Воронежского обкома Е.И. Рындин, Красноярского П.Д. Акулинушкин, Саратовского А.Д. Криницкий, СевероОсетинского Г.В. Маурер, Мордовского В.М. Путнин, Винницкого В.И. Чернявский, Татарского А.К. Лепа, Харьковского М.М. Хатаевич, Молдавского В.З. Тодрес, ЦК КП(б) Белоруссии В.М. Шарангович и др. К ним следует добавить кандидата в члены ЦК, второго секретаря Дальне-Восточного крайкома В.В. Птуху и члена ЦК, председателя Центросоюза И.А. Зеленского.

А вот как летом и осенью 1937 года проводились репрессии по обращениям периферийных партийных руководителей в ЦК КВП(б). Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана А.И. Икрамов попросил санкцию московского ЦК на снятие Ф. Хаджаева с поста председателя Совнаркома республики, а в сентябре пленум ЦК КП(б) Узбекистана исключил его самого из партии. Оба руководителя республики оказались вместе на скамье подсудимых и как участники Антисоветского правотроцкистского блока позже были расстреляны в один день. Первый секретарь Омского обкома Д.А. Булатов провёл решение о снятии с работы «за связь с врагами народа» председателя облисполкома Кондратьева. А в октябре сам партсекретарь

решением обкома «за игнорирование решений пленумов ЦК и покровительство врагам народа» был снят, потом арестован и расстрелян. По направленной в Москву шифротелеграмме секретаря ЦК КП(б) Казахстана Л.И. Мирзояна председатель Казахского ЦИК Ку-лумбетов был снят, арестован и расстрелян. Через год его судьбу повторил сам Мирзоян. По просьбе первого секретаря ЦК КП(б) Туркмении Анна-Махамедова Политбюро санкционировало снятие с работы, исключение из партии и передачу дел в органы НКВД на председателя Туркменского ЦИК Н. Айтабекова и ряд других работников. Через полтора месяца был репрессирован и Анна-Махамедов. На Украине, несмотря на несогласие московского ЦК, по настоянию первого секретаря ЦК республики С.В. Косиора был снят с работы и исключён из партии председатель СНК УССР П.П. Любченко. Опасаясь ареста, он застрелился.

Помимо центральных партийных органов, большой урон был причинён и правительству СССР. С июля по сентябрь 1937 года были отстранены от занимаемых должностей, а вслед за тем арестованы и расстреляны 6 руководителей: наркомы связи И.А. Халепский, финансов Г.Ф. Гринько, лёгкой промышленности И.Е. Любимов, зерновых и животноводческих совхозов Н.Н. Демченко, председатели комитетов при СНК СССР заготовок И.И. Клейнер, по делам физкультуры и спорта И.И. Харченко. Все они имели много общего: большой партийный стаж, участие в революции 1917 года, служба в Красной Армии во время Гражданской войны и необычайно быстрая карьера в период трудовой деятельности. Наступил черёд рассчитаться и с В.А. Антоновым-Овсеенко за его письмо 1923 года с открытой угрозой отстранить от руководства тогдашнее Политбюро, а также за подозрение в организации троцкистского путча в Испании. Решением Политбюро от 15 сентября 1937 года его отозвали из заграничной командировки в Москву и здесь сразу же арестовали.

В плане продолжения «Операции прикрытия» 11 августа 1937 года нарком Ежов подписал очередной **оперативный приказ № 00485,** которым начиналась широкая операция по полной ликвидации «фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» и Польской организации войсковой (ПОВ). Из приложенных к приказу материалов было видно, что «подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжала проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов».

Операция проводилась с 20 августа 1937 года силами

работников НКВД, и на неё отводилось 3 месяца. При этом планировалось арестовать всех выявленных, а также до сего времени не разысканных активнейших членов ПОВ, всех оставшихся в СССР военнопленных польской армии, перебежчиков, политэмигрантов и политобмененных из Польши, бывших членов польских антисоветских политических партий и «наиболее активную часть местных антисоветских националистических элементов польских районов».

Операцию предписывалось провести в две очереди: сначала арестовать перечисленные выше контингенты, работавшие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных заводах, в оборонных цехах, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах. Во вторую очередь подлежали аресту все остальные, работавшие на предприятиях необоронного значения, а также в колхозах, совхозах и учреждениях.

Все арестованные по мере выявления их виновности (без вынесения дел на рассмотрение *троек)* разбивались на две категории: первая категория, к которой относили все «шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки», подлежала расстрелу; вторая категория менее активных из них заключалась в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет.

Расчищался и Дальний Восток. Согласно секретному **постановлению СНК и ЦК от 21 августа 1937 года** «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» перед НКВД ставилась задача до конца года переместить всех корейцев вглубь Советской страны, в Казахстан и Узбекистан. Все высланные превращались в *спецпереселенцев,* которым запрещалось возвращаться в родные места. Естественно, что все корейцы поголовно обвинялись «в массовом шпионаже и готовности выступить на стороне Японии в случае её нападения на СССР». В меньшей степени репрессии коснулись «китайских агентов», маскировавшихся под местных уроженцев, поскольку Китай рассматривался как стратегический партнёр в азиатском регионе.

В плане дальнейшего развития «Операции прикрытия» 20 сентября 1937 года нарком Ежов подписал **оперативный приказ № 00593,** в котором говорилось следующее: «Органами НКВД учтено до 25 000 человек так называемых “харбинцев” (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза. Учётные агентурно-оперативные

материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионскофашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности. Доказательством этого могут служить также и следственные материалы. Например, на железнодорожном транспорте и промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4500 харбинцев. Следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполняющуюся работу японской разведки по организации на территории Советского Союза диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев».

Нарком приказал «с 1 октября 1937 года приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности».

Аресту подлежали все харбинцы, «изобличённые и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности», бывшие белые, реэмигранты, бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.), участники троцкистских и правых формирований, участники разных эмигрантских фашистских организаций, лица, служившие в китайской полиции и войсках, работавшие в иностранных фирмах, владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.), бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием, участники контрреволюционных сектантских группировок и др.

Как и в случае с поляками, в первую очередь следовало арестовать всех харбинцев, служивших в НКВД и Красной Армии, работавших на железнодорожном, водном, воздушном транспорте, на военных заводах и т. д. Во вторую очередь приказано было взять под стражу всех остальных лиц, работавших в советских учреждениях, совхозах и колхозах. Харбинцев, не попавших в приведённый выше список, требовалось **«независимо от наличия компрометирующих данных** немедленно удалить из железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также из промышленных предприятий, приняв одновременно меры к недопущению впредь на эти объекты».

По отработанной схеме все арестованные харбинцы подразделялись на две категории: первая категория *изобличенных*

подлежала расстрелу, вторая, включавшая *всех остальных, менее активных*, отправлялась в тюрьмы и лагеря на срок от 8 до 10 лет.

Особенностью в данном случае являлось лишь то, что нарком Ежов дал указание «с этой публикой не церемониться» и все дела рассматривать «в альбомном порядке». Это значило, что на всех, кто арестовывался, ежедекадно составлялся общий альбом, в котором на каждого арестованного давалась лишь отдельная справка. После утверждения представленных списков в НКВД СССР приговор приводился в исполнение немедленно. С семьями репрессируемых поступали так же, как предписывалось предыдущими приказами.

Ясно, что большинство харбинцев, прибывших из Китая (особенно, например, ***владельцы и совладельцы*** предприятий), имели нежелательные зарубежные связи, а потому в целях пресечения возможности утечки информации их следовало ***строго изолировать.***

Одновременно ***отлавливались*** и уничтожались иранцы и курды, появившиеся с территории соседнего Ирана.

С целью выявления и ***довыявления*** всех граждан, поддерживавших или имевших возможность поддерживать любую **связь** с запретной заграницей, в особый ранг доблести возводилось доносительство на сослуживцев, родственников, соседей, даже случайных знакомых. Чтобы попавшие в лагеря невиновные люди как можно дольше не могли вернуться домой и рассказать о творившемся в НКВД непонятном и, вроде бы, ничем не объяснимом беспределе, **постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 года** максимальный срок лишения свободы «за шпионаж и измену Родине» повысили с 10 до 25 лет.

Глава 11. Лужский район. Ленинградская область

Лужское районное отделение НКВД, начальником которого в октябре 1935 года стал лейтенант госбезопасности Н.К. Богданов, имело достаточно небольшой штат. В различных бумагах встречаются такие фамилии сослуживцев: оперуполномоченный младший лейтенант гб А.И. Варицев, одновременно исполнявший обязанности заместителя начальника; следователи, помощники оперуполномоченного сержанты гб Сергеев и Горюнов, секретарь райотделения В.П. Гринько. Иногда в помощь прикомандировывался оперуполномоченный Крылов. В штат входила также одна машинистка.

Удалось найти некоторые сведения об Александре Ивановиче Варицеве как организаторе и участнике партизанского движения в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Варицев родился 14 июня 1900 года в деревне Антоново Ржевского района Калининской области. С 1925 по 1930 год работал на судостроительном заводе «Северная верфь» в качестве формовщика медно-литейного цеха. После вступления в 1928 году в члены ВКП(б) избирался на руководящие партийные должности, в связи с чем партком завода рекомендовал его на работу в органы госбезопасности. С августа 1930-го по апрель 1932 года учился в Центральной школе ОГПУ в Москве. После её окончания приступил к работе в Лужском райотделении НКВД сначала в должности рядового сотрудника, а затем заместителя (в дальнейшем ВРИО) начальника отделения [Л.38].

Распределение обязанностей в Лужском райотделении НКВД осуществлялось следующим образом. Начальник отделения Богданов отвечал за общее руководство и воспитание подчинённых, состояние агентурной сети и связи с советскими и партийными организациями. В его обязанности входило взаимодействие с прокуратурой и местной тюрьмой. Много времени растрачивалось на заседания, поскольку Богданов являлся членом бюро и пленума Лужского районного комитета ВКП(б), а также членом президиума и пленума Лужского райисполкома. Нередко случались поездки в Ленинград на совещания в областное Управление НКВД или для участия в заседаниях пленума обкома партии.

Поскольку начальник часто бывал *в бегах*, основную следственную работу вёл заместитель Варицев вместе с имевшимися в отделении сотрудниками. Следователь Сергеев

был достаточно опытным специалистом, а Горюнов только что закончил Межобластную школу и прибыл в отделение в начале 1937 года. Секретарь Гринько занимался канцелярией с текущими делами и архивом.

Прекрасно понимая, что чем выше начальник, тем больше времени он проводит на различных заседаниях и совещаниях в ущерб основной работе, Богданов как совестливый руководитель старался в меру возможностей помочь своим подчинённым. Сам он редко участвовал в допросах, но поскольку в штате отделения имелась слабенькая машинистка и многие официальные бумаги писались от руки, то, обладая хорошим почерком, помогал в основном своему заместителю Варицеву в оформлении документов. В результате получалось, что по заметкам и записям сотрудника, проводившего следствие, протокол допроса (или иной документ) был написан рукой Богданова, а подписан тем, кто эту работу выполнил. Вроде бы ничего особенного — просто товарищеская взаимопомощь. Аналогичную работу выполняли иногда также Сергеев и Гринько. Но через 20 лет только Богданова обвинили *в фальсификации,* заключавшейся в том, что он без допроса обвиняемого составлял документ с признательными показаниями, а затем *принуждал* своего подчинённого эту бумагу подписывать. Хотя странно: если состряпал липовую бумагу, то легче её самому втихую подписать, не посвящая в это дело ещё кого-либо. Или вообще приказать подчинённому написать и подписать то-то и то-то… Другой немаловажный вопрос: если бумага отпечатана на пишущей машине (неважно, машинисткой или ещё кем-то), а подписана исполнителем, то считается что всё правильно. Но если бумага аккуратно переписана от руки добровольным помощником и подписана тем же исполнителем, то оказывается, что всё неправильно?

Следует отметить ещё один интересный момент. При работе в Лужском райотделении Богданов получил единственное за службу в органах отмеченное в дополнении к личному делу взыскание. Приказом по Ленинградскому управлению НКВД № 326 от 4 ноября 1936 года ему было поставлено «на вид за непринятие мер к своевременной организации занятий». Очевидно, про этот не столь уж серьёзный проступок попросту забыли, поскольку потом Богданову даже присвоили очередное специальное звание старшего лейтенанта гб, что обычно не делается при неснятых взысканиях. Однако через три года этот незначительный *незакрытый* вопрос почему-то вновь всплыл, и приказом по УНКВД ЛО № 541 от 16 августа 1939 года с провинившегося взыскание сняли, причем «Заключение о снятии

взыскания» было подписано начальником отдела кадров Дубининым, согласовано с начальником УНКВД по городу Ленинграду майором гб С.И. Огольцовым и утверждено начальником УНКВД ЛО С.А. Гоглидзе [А.2]. Этим мне ещё раз хотелось подчеркнуть, что все касавшиеся работника органов госбезопасности даже незначительные вопросы не оставались без внимания и рано или поздно рассматривались и изучались.

Невозможно говорить о работе одного районного отделения НКВД вне связи с общими делами в Ленинградской области. 27 и 28 февраля 1936 года состоялся пленум обкома, который подвёл итоги проверки партийных документов в областной партийной организации. «На основании осуществления указаний ЦК ВКП(б) (письмо ЦК ВКП[б] от 13.5.1935. - *Ю.Б.)* Ленинградская областная парторганизация провела большую работу по очищению рядов партии от врагов и жуликов и по преодолению в партийном аппарате и среди членов партии организационной распущенности и ротозейства, облегчающих враждебным элементам проникновение в ряды ВКП(б) и подрывную работу их против партии и советской власти. В результате проверки исключено 27 376 членов и кандидатов партии, что составляет 13 % всего состава областной партийной организации. Разоблачены и изгнаны из партии **649 троцкистов и зиновьевцев, 319 шпионов и связанных со шпионажем,** 3189 белогвардейцев и кулаков, 1787 жуликов и аферистов».

В результате проведенной проверки *подлинные документы* получили 140 132 члена партии и 39 666 кандидатов. «В ходе проверки партийных документов значительно возросли активность и революционная бдительность членов и кандидатов партии, улучшились партийная организованность и политико-воспитательная работа, ещё выше поднялся авторитет ленинско-сталинской партии среди рабочих и колхозных масс».

Конечно, без недостатков не бывает. «Проверка вскрыла глубокие нарушения устава партии: вместо индивидуального приёма, принимали компанейским порядком, целыми группами по списку». Совершенно неясно, куда раньше смотрели райкомы партии, оформлявшие партийные билеты и кандидатские карточки, поскольку напринимали в священные ряды ленинско-сталинской гвардии кучу «выходцев их других партий, иностранных подданных, членов братских компартий» [А. 18]. Это было весьма опасно, поскольку вот эти-то последние как раз и являлись потенциальными *экспортерами* за рубеж нежелательной информации.

Казалось бы, после проведенного важного мероприятия по обмену партбилетов вряд ли имелись основания для того, чтобы

сомневаться в верности кого-либо из членов «добровольного боевого союза единомышленников-коммунис-тов, организованного из людей рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции». Тем не менее причины были, а потому первый секретарь Ленинградского обкома А.А. Жданов постоянно продолжал тасовать кадры, вытесняя из руководящего органа *сомнительных* людей. В 1936 году *подозрительные* удалялись из состава бюро и пленума обкома пока что, вроде, по уважительной причине — «в связи с переходом на другую работу». Однако в начале 1937 года формулировки окрепли: «Вывести из состава… ввиду наличия материалов, компрометирующих как хозяйственного и партийного работника», «как исключенного из партии и разоблачённого как врага народа», «как снятого с поста начальника политотдела», «как не заслуживающего (либо не оправдавшего. — *Ю.Б.)* политического доверия», «как участника контрреволюционной организации» и т. п.

После проведенных *предварительных* административных и партийных *чисток* 13 июня 1937 года, как раз в канун начала массовых репрессий, состоялось заседание пленума Ленинградского обкома, на котором в результате тайного голосования были избраны руководящие органы. Первым секретарём обкома опять стал Жданов, в члены обкома вошли 63 человека, кандидатами в члены обкома избрали 17 человек и в ревизионную комиссию — 6 человек. Казалось бы, первый секретарь уже два с половиной года работал в городе на Неве, имел возможность изучить кадры и подобрать себе достойную команду. Ведь именно с его подачи пошли в гору ленинградские выдвиженцы, такие достойные руководители, как Н.А. Вознесенский, считавшийся наиболее подходящей кандидатурой на пост председателя Совета Министров, А.А. Кузнецов, предполагавшийся даже в качестве преемника Сталина на должности генерального секретаря партии, А.С. Попков, ставший впоследствии первым секретарем Ленинградского обкома и горкома. Однако Жданов меньше, чем за год, полностью разгромил сформированный им обком. Причём первые жертвы появились сразу с началом *великой чистки* — уже 17 и 26 июля 1937 года, то есть практически через месяц после избрания! А дальше каждый месяц в высшем партийном органе Ленинградской области обнаруживались *враги народа:* «члены контрреволюционных организаций», «утратившие политическое доверие», «неоправдавшие звания» и даже «бездеятельные в борьбе с врагом». В итоге ровно через год, к новым выборам 16 июня 1938 года, налицо осталось лишь 19 членов обкома (из 63),

7 кандидатов (из 17) и 2 (или 3) члена ревизионной комиссии (из 6). В новый состав обкома вошли лишь 9 прежних руководителей во главе всё с тем же Ждановым [А. 18].

В Наркомате внутренних дел после прихода Ежова был произведен ряд структурных преобразований, и всем отделам Главного управления госбезопасности (ГУГБ) в целях конспирации 25 декабря 1936 года вместо буквенных аббревиатур присвоили номера. На пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года приняли резолюцию, одобрявшую проводившиеся ЦК мероприятия по организационной перестройке аппарата ГУГБ НКВД и укреплению его «новыми партийными кадрами», а также «по удалению из аппарата разложившихся бюрократов, потерявших всякую большевистскую остроту и бдительность в борьбе с классовым врагом и позорящих славное имя чекистов». Особо партийным руководством ставилась задача сделать ГУГБ «подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и Советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности в нашей стране».

В разгар июньского пленума ЦК, когда о массовых репрессиях речи ещё не шло, постановлением Президиума ЦИК от 25 июня 1937 года была награждена большая группа работников НКВД. В том числе ордена Ленина получили начальник УНКВД Ленинградской области Л.М. Заковский и его заместитель Н.Е. Шапиро-Дайховский «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших заданий правительства» [Л.23]. В 1938 году наших *героев* самих арестуют и расстреляют несмотря на все их награды и звания, заслуженные пролитой чужой кровью и доставленными людям неисчислимыми страданиями.

Работники масштабом помельче также соответствующим образом поощрялась. Приказом НКВД СССР от 25 августа 1937 года начальник Лужского райотделения НКВД Богданов был награждён «боевым оружием НКВД СССР за беспощадную борьбу с контрреволюцией» [А.1]. Это был пистолет ТТ с комплектом патронов, которым в свои школьные годы мы с братом иногда любили поиграть.

Во исполнение приказа наркома внутренних дел № 00447 от 30 июля 1937 года в целях улучшения координации действий районных отделений НКВД в период проведения операции по репрессированию бывших кулаков и других антисоветских элементов в Ленинградской области были созданы *оперативные сектора*, объединявшие под единым командованием несколько районов. Лужский район вошел в оперсектор вместе с ещё четырьмя районами: Батецким, Плюс-ским, Оредежским и

Уторгошским (в других бумагах — Осьминским). Начальником оперсектора был назначен направленный из Москвы оперуполномоченный 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР младший лейтенант гб М.И. Баскаков (5 ноября 1937 года ему было присвоено спецзвание лейтенант гб). Столичный представитель прибыл вместе с небольшой группой работников из Ленинграда. Территориально новый межрайонный штаб разместился в городе Луге в помещении местного райотделения НКВД и потому получил наименование Лужский оперативный сектор (о/с) УНКВД Ленинградской области. Поскольку штат этого подразделения был невелик, то при отсутствии Баскакова решение служебных вопросов, входивших в ведение начальника оперсектора, возлагалось на Богданова «на правах исполняющего обязанности» (то есть с правом подписи).

В Ленинграде для проведения внесудебных расправ решением Политбюро от 9 июля 1937 года была утверждена ***особая тройка*** в составе второго секретаря обкома партии П.К. Смородина, прокурора П.Б. Позерна и начальника УНКВД Л О Л.М. Ваковского. Обычно ***тройку*** возглавлял первый секретарь обкома, но Хозяин Ленинградской области Жданов, видимо, ясно себе представлял, какая работа предстояла вышеозначенной группе ***специалистов.*** В то же время первому секретарю обкома достаточно виделось дел по разгрому собственного обкома.

Массовые репрессии, включавшие в себя и «Операцию прикрытия», в районах Ленинградской области начались с получения каждым периферийным органом внутренних дел шифрованной телеграммы из НКВД СССР о выполнении арестов по всем имевшимся в производстве агентурным материалам и о проведении по ним следствия ***в упрощенном порядке,*** то есть в соответствии с ***законом от 1 декабря 1934 года.*** Вслед за этим Управление НКВД ЛО «потребовало от всех аппаратов списки лиц, на которых имелись компрометирующие материалы». Через несколько дней в Лужс-кое райотделение списки возвратились с предложением «всех арестовать, за исключением 4 человек коммунистов, дела на которых провести обычным порядком и передать в областной суд». Естественно, что это указание областного начальства должно было быть выполнено.

Вот как эти события описывал в своих показаниях по запросу Комитета партийного контроля при ЦК КПСС бывший секретарь Лужского отделения В.П. Гринько приблизительно в 1957 году (даты на документе нет): «Основными материалами, послужившими для начала этих массовых и незаконных репрессий, явились архивные материалы, хранившиеся в архиве отделения и оставшиеся от бывшего райотделения ОГПУ и НКВД.

Эти разные официальные или неофициальные материалы, дела были сданы в архив как незаконченные, не получившие своего подтверждения либо малозначительные, в которых отражалась переписка с заграницей, с родственниками, принадлежность к социально чуждым группировкам или просто случайным группам, национальной принадлежности, разным случайным антисоветским действиям, не получившим дальнейшего развития, подтверждения» [А. 13]. Отсюда видно, где следовало искать возможные каналы утечки информации.

Своим чистосердечным признанием Гринько наглядно подтвердил нашу версию о том, что для сохранения в глубочайшей тайне всех мероприятий по подготовке к ***освободительному походу*** надо было бескомпромиссно прервать все, даже **малозначительные,** связи советских людей (вне зависимости от их социального и служебного положения, национальности, пола и возраста) с зарубежьем. Поэтому в приказе наркома № 00447 было указано, что при проведении обысков необходимо было обращать внимание на наличие у подозреваемого *иностранной валюты* и *переписки, **а в*** процессе следствия выяснять все *связи*, в том числе с лицами, проживавшими за границей.

В то же время в своих бумагах Богданов писал: «По делам, направляемым на тройку, был **санкционирован** ряд отступлений от процессуальных норм: **аресты производились без санкции прокурора** (хватало даже ***добро*** только начальника Лужского оперсектора. — *Ю.Б.),* следствие проводилось **в упрощенном порядке, признания обвиняемого считалось достаточным** для рассмотрения дела на тройке, **других материалов обвинения,** показаний свидетелей и документов **не требовалось.** По окончании следствия **с материалами дела обвиняемый не знакомился. Органы прокуратуры участия в следствии не принимали»** [А. 14]. Такова в те годы была *социалистическая законность.*

Кроме того, начальник оперсектора младший лейтенант гб Баскаков собрал начальников подчинённых ему 5 райотделений НКВД и «дал указание всему аппарату арестованных при допросах держать только стоя» [А.11].

Начальник Лужского райотделения НКВД Богданов, не понимая тогда и не узнав потом (как он мне лично говорил) причины начавшихся репрессий, пытался в меру своих сил смягчать и ***саботировать*** несусветные, как он считал, указания руководства. Конечно, отец знал и через пару десятилетий рассказывал дома моим друзьям о том, что весь произвол чинился в те годы в соответствии с официальными (но **строго**

секретными для всех нас) постановлениями высших государственных и партийных инстанций. Однако по прошествии 20 с лишним лет **вину руководства** Богданову пришлось брать на себя и в своих показаниях ***признавать,*** что «вместе с другими сотрудниками НКВД он **нарушал** социалистическую законность». Хотя с юридической точки зрения со стороны Богданова как исполнителя **никаких нарушений законности не имелось** [Л.28].

Спрос с начальника Лужского райотделения НКВД Богданова со стороны его непосредственных руководителей мог в те годы быть лишь в отношении ретивости и усердия в отработке их подчиненным поступавших *неадекватных* указаний. С этих позиций претензии к отцу предъявлялись постоянно.

После проведения арестов, выполненных с санкции областного руководства, аппарат Лужского райотделения в количестве 3–4 человек не мог быстро справиться с расследованием по каждому делу. Начались запросы из областного управления: «почему не представляются дела?» Особенно по этому вопросу досаждал зам. начальника УНКВД ЛО старший майор гб В.Н. Гарин (Жебенев Иван Николаевич). С такими же требованиями постоянно обращались работники оперативного штаба областного Управления внутренних дел, которые готовили и докладывали дела на *особую тройку*. Для проверки обстановки на месте в Лугу был командирован работник УНКВД Пайкин, который после изучения дел доложил руководству управления, что «в Лужс-ком райотделении либерально относятся к арестованным, допрашивают медленно, ночами не работают» [А.11]. В рапорте проверявший написал: «Несмотря на указание арестованных допрашивать стоя, в Лужском райотделении не выполняется» [А. 12]. От Богданова областное руководство потребовало объяснений.

Через некоторое время в Лугу приехал ещё один областной работник — Гантман (или Райтман) — с такой же проверкой. Давление на начальника райотделения осуществлялось через оперативный сектор Баскаковым, требовавшим «расширения арестов, ужесточения обращения с обвиняемыми и ускорения прохождения следственных дел». Затем Богданова обвинили в том, что он «оставил на свободе всех правых», поскольку им не было арестовано руководство районной парторганизации и крупных партийных коллективов. Это подкреплялось такими доводами, что «в других городах и районах вскрыты антисоветские организации, поэтому не может быть, чтобы в Лужском районе этого не было». Отец так писал в своих бумагах: «Неоднократно я предупреждался, что за невыполнение указаний

сам буду привлечён к ответственности» [А. 12].

Такая обстановка, безусловно, влияла как на начальника, так и на работников райотделения и «вынуждала произ-водить аресты лиц, на которых не имелось достаточных материалов, изобличавших их в антисоветской деятельности». К этому добавлялись ещё требования по упрощенному ведению следствия и применению *стоек* к арестованным. «При такой системе допросов, — признавал Богданов, — это было не следствие, а вымогательство показаний обвиняемых. Проходящие в показаниях события, наименование места и времени приводимых фактов антисоветской и другой деятельности арестованных не проверялись из-за неимения времени». Упомянутые выше сотрудники, проводившие проверку райотделения, особенно штаб УНКВД ЛО, в который направлялись дела для представления на *особую тройку,* разъясняли, что «если арестованный признался, то этого достаточно, и дела принимаются к рассмотрению».

Потом начали приходить распоряжения «в трёхдневный срок арестовать» всех троцкистов, правых, перебежчиков, немцев, поляков и др. Богданов вспоминал: «Создалась такая обстановка, что буквально не знали, как поступать» [А11].

Мама рассказывала нам, что как-то отец пришел домой очень расстроенным и сказал, что ему поступило указание арестовать 30 священников. «Как такое может быть?» — возмущался он. Под видом командировки Богданов на несколько дней уехал в район и не показывался на работе, пока страсти вокруг этого распоряжения не улеглись. Он надеялся, что *продинамил* данный вопрос, но никакая мелочь в отношении работников органов не забывалась, а бралась на заметку. Впоследствии *саботаж* Богданова ему лихо аукнулся.

Находясь в большом душевном смятении, отец вынужден был продолжать *рулить* между Сциллой и Харибдой: арестовывать совесть не позволяла, а не арестовывать — *начальство не понимало.* Только один работник УНКВД ЛО, как вспоминал отец, смог по-товарищески предостеречь его от ошибок. Это был **Георгий Григорьевич Карпов,** в период массовых репрессий работавший начальником 4-го отдела Управления госбезопасности УНКВД ЛО. Проезжая по служебным делам через Лугу в Псков (который входил тогда в состав Ленинградской области), Карпов остановился отдохнуть в Лужском райотделении НКВД и поинтересовался у начальника, как идут дела. Богданов доложил о своих терзаниях и о том, что, несмотря на все требования сверху, материалов для арестов больше нет. Прислали вот только из особого отдела Лужского гарнизона сомнительные дела на лиц из гражданского населения, которые подозревались в

шпионской или антисоветской работе. Однако данных, достаточно подтверждавших эти обвинения, не имелось. «Тов. Карпов сказал, — писал отец, — что арестовать их придётся, так как всё равно штаб или оперсектор заставят это сделать». Но при этом предупредил: «Смотрите, ни в коем случае не допускайте избиения следователями арестованных. Учтите, что за **эти дела** когда-нибудь **ЦК партии потребует ответа»** [А.11].

Как в воду глядел Георгий Григорьевич! Мне представляется, что человек, давший такой совет, и сам в те смутные времена следовал ему неукоснительно. Недаром секретарь Псковского окружного комитета ВКП(б) *обижался* на Карпова, который с 27 июня 1938 года перешел работать начальником Псковского окружного отдела УНКВД ЛО, что тот вместе со своими подчинёнными вместо того, чтобы «организовать беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, по существу ослабили, если не прекратили борьбу с врагами народа» [Л.4].

Богданов с благодарностью внял товарищескому предупреждению ответственного работника, хотя, впрочем, он и сам всю жизнь с уважением относился к людям и его собственные кулаки по чужим зубам никогда *не чесались*. В связи с этим мой отец с чистой совестью написал в своих объяснениях: «Я должен заявить, что сам никогда не избивал арестованных и другим работникам не позволял этого делать» [А.11].

Отец писал: «Управление НКВД ЛО и аппарат областной Тройки всё время нажимали и требовали усиления арестов». К этому подключался и оперативный сектор. «Неоднократно делались предупреждения, что Тройка дела на одиночек принимать не будет, так как это результат плохого следствия. Один человек не может проводить антисоветскую деятельность, он обязан иметь вокруг себя группу единомышленников» [А. 12]. Вот каким путём реализовывалась идея о борьбе с *болтунами* в Ленинградской области.

Выданная руководством области установка толкала к тому, что «каждый работник стремился добиться признательных показаний о соучастниках, а получив такие показания, без проверки проводил дополнительные аресты и этим ещё больше усугублял положение» [А. 12]. Как вспоминал Гринько, «все силы сотрудников были направлены на то, чтобы собирать такие материалы, которые бы давали возможность привлечь к ответственности лиц за незначительную и несущественную контрреволюционную деятельность». Затем эти материалы «получали другое направление, и человека обвиняли в связях с заграницей, с иностранной разведкой, в шпионаже, подрывной деятельности против

Советской власти, террористических актах, намерении совершить где-то какую-то диверсию и другие антисоветские действия» [А. 13].

Как достаточно опытный, можно сказать теперь уже профессиональный, чекист Богданов переживал, что «агентурная работа велась плохо. К агентуре предъявлялись требования усилить наблюдение за лицами, которых она разрабатывает. Сроки давались очень короткие. Отсюда неизбежными были факты представления провокационных материалов и оговаривания ряда лиц. Провести проверку через другую агентуру или каким-то иным путём у оперативных работников не было времени» [А.11].

Да никому этот ***профессионализм*** тогда не был нужен. Решалась совсем иная задача, потому «надзор со стороны органов прокуратуры отсутствовал, обвиняемые были лишены права на защиту и с материалами, идущими на Тройку, не ознакамливались» [А.11]. Как отмечал бывший начальник Лужского оперсектора Баскаков, арестованным давали подписывать заранее подготовленные протоколы допроса. «Это было не исключением, а строго установленным правилом в работе НКВД в 1937–1938 годах» [А. 13].

Областным руководством НКВД снова и снова «предлагалось выявить в районе и произвести массовые аресты немцев, поляков и лиц других национальностей под тем предлогом, что вскрыты крупные контрреволюционные организации, имеющие разветвлённую сеть на периферии» [А. 12]. В некоторых районах такие указания выполнили и арестовали сотни людей только ***по национальному признаку.*** Так, начальник Старорусского райотделения собрал списки личного состава учреждений и организаций района, выявил всех немцев и арестовал свыше 200 человек [А.11]. Со своей стороны Богданов показал: «Я как начальник районного отделения и работники отделения такого распоряжения не выполнили» [А. 12]. Что ж, припомнится ему и это.

Вот в какой обстановке проводилась следственная работа в Лужском районном отделении НКВД в 1937 году. В следующей главе давайте рассмотрим несколько оказавшихся в нашем распоряжении конкретных следственных дел, относящихся к тому сложному времени. По некоторым из этих дел Богдановым, в одних случаях как начальником райотделения, в других случаях в качестве и.о. начальника оперсектора, подписывались ордера на арест или утверждались обвинительные заключения, что также послужило основанием через 20 лет обвинить моего отца в нарушении ***социалистической законности.***

Глава 12. Следственные дела 1937 года

В своём *совершенно секретном* специальном сообщении № 12 (точная дата не указана, приблизительно ноябрь 1937-го) начальник Лужского оперативного сектора УНКВД ЛО лейтенант гб Баскаков и начальник Лужского райотделения НКВД лейтенант гб Богданов информировали зам. начальника Управления НКВД ЛО старшего майора гб В.Н. Гарина «О выявленной контрреволюционной группировке в деревне Смерди Лужского района»:

«Лужским райотделением НКВД арестован и привлекается к ответственности по статье 58 пункт 10 УК по первой категории Волков Федор Федорович, 1880 года рождения, в прошлом зажиточный крестьянин, облагался твёрдым заданием, трижды судим по статьям 75 и 61 УК.

В процессе следствия показаниями свидетелей и самого обвиняемого Волкова нами установлено наличие контрреволюционной группы в деревне Смерди Лужского района.

Участниками её являются:

Дементьев Иван Дементьевич, 1878 года рождения, уроженец деревни Смерди Лужского района, имел крепкое зажиточное хозяйство, облагался твёрдым заданием, являлся председателем церковной двадцатки.

Устинов Иван Семёнович, 1900 года рождения, уроженец деревни Смерди Лужского района, сын кулака, отец раскулачен и выслан.

Матвеев Яков Матвеевич, 1882 года рождения, уроженец деревни Смерди Лужского района, крестьянин-середняк.

Вышеуказанные участники контрреволюционной группы враждебно настроены ко всем проводимым мероприятиям ВКП(б) и Советского правительства, среди колхозников систематически проводят антисоветскую пропаганду, распространяют провокационные слухи контрреволюционного содержания о голоде колхозников и неизбежности гибели колхозов при Советской власти, вместе с этим высказывают повстанческие намерения.

Прошу Вашей санкции на арест участников этой контрреволюционной группировки: Дементьева И.Д., Устинова И.С. и Матвеева Я.М.» [А. 13].

К этому материалу прилагался ещё «Меморандум на гражданина Волкова Ф.Ф. и его сына Волкова П.Ф.»,

составленный на основании агентурных данных, полученных «при проведении слежки за объектом». В этом документе, подписанном начальником Лужского РО НКВД лейтенантом гб Богдановым и оперуполномоченным младшим лейтенантом гб Варицевым, отмечалось следующее:

«Волков Ф.Ф., 1880 года рождения, происходит из зажиточных крестьян деревни Смерди. Облагался твёрдым заданием, часть имущества была продана за госналоги. Трижды судим: первый раз в 1930 году по статье 75 УК, второй раз в 1931 году и третий раз в 1932 году по статье 61, часть 2 УК.

Волков П.Ф., 1907 года рождения, также 2 раза судился: в 1927 году по статье 176 часть 1 УК и в 1935 году по статье 74 часть 2 УК.

Волков Ф.Ф. настроен явно антисоветски. Систематически не выполнял госпоставки и платежи. Открыто выступает среди колхозников колхоза “Смердовская Крестьянка” против колхозов, проводит троцкистскую контрреволюционную пропаганду, распускает провокационные слухи о голоде колхозников и вместе с этим восхваляет царя и прежнюю жизнь. Так, например, в апреле месяце 1936 года в присутствии колхозников Филатова, Плишина и Матвеева заявил: “Колхозы — это вторая барщина, над нами издеваются, как хотят, довели до нищеты. Всё, что колхозы зарабатывают, отдают государству. Но пусть помнит Советская власть, что крестьян свыше 80 миллионов и с этой силой придётся считаться, и придёт время, когда мужик возьмётся за ум”.

Среди колхозников в неоднократных разговорах восхвалял бывшего царя и прежнюю жизнь при царизме. И вместе с этим обвиняет руководителей ВКП(б) и Совправительства, которые взимают с крестьян большие налоги, отбирают продукцию за бесценок, дерут с колхозников по десять шкур, и колхозники теперь сами себе не хозяева» [А. 13].

Знакомство с приведенными документами наводит на грустные размышления о том, как мирный труженик-крестьянин был буквально разорён и ограблен Советской властью, а потому стал для неё *крайне опасен,* и его *требовалось изолировать.* А ведь согласно новой Конституции СССР такой бунтарь вполне мог быть выдвинут односельчанами кандидатом в депутаты Верховного Совета. Партократия не могла этого допустить. Поэтому органам НКВД оставалось лишь самоотверженно бороться с подобным *хулителем колхозов.*

Но в данном следственном деле отметим один частный вопрос, немаловажный для нашего дальнейшего повествования. Как мы узнали по прочтении первого из приведенных документов,

два лужских начальника запросили в Ленинградском **УНКВД** санкцию на арест ***контрреволюционной группы.*** Можно догадаться, что зам. начальника управления старший майор гб Гарин, который настойчиво требовал ускоренного представления крамольных материалов, своё ***добро*** на задержание антисоветски настроенных колхозников незамедлительно дал. При этом прокуратура в соответствии с действовавшими тогда установками в следствие не вмешивалась и потому от себя никаких разрешений не оформляла. **В** результате **5 человек колхозников,** обвинённых ***в контрреволюционных преступлениях,*** по постановлению ***особой тройки*** **УНКВД** ЛО «были заключены в исправительно-трудовой лагерь сроком **на 10 лет каждый»** [А. 10]. Соответственно, на 5 голосов уменьшилось число избирателей, способных на выборах проголосовать против местного бюрократа.

Однако через 20 лет оказалось, что арест колхозников произведен был «необоснованно, без санкции прокурора», невинно осуждённые реабилитированы, а во всём виноват оказался **только Богданов.** Выносившая приговор ***особая тройка*** давно была расформирована, а члены её репрессированы. Оперуполномоченный Варицев, подписывавший вместе со своим начальником меморандум, погиб на фронте в 1943 году — с него спроса нет. Непосредственный начальник моего отца лейтенант гб Баскаков, чья подпись имеется на письме… виноват или нет? Об этом в главе 40.

Трагически сложилась судьба Семёнова Игната Семёновича, 1883 года рождения, русского, беспартийного, члена колхоза. Не умел неграмотный Игнатий Семёнович держать язык за зубами, за что и поплатился в самом начале ***великой чистки*** — в назидание другим. Постановлением ***особой тройки*** от 22 августа 1937 года И.С. Семёнова осудили **к высшей мере наказания** и тут же в соответствии с постановлением ЦИК без промедления привели приговор в исполнение. Причём следует отметить, что привлечён к ответственности он был за антисоветскую агитацию, но в единственном числе. К тому времени упоминавшееся нами указание о том, что по статье 58 пункт 10 УК надо брать только группу, так как не сам же с собой ***агитатор*** крамольные разговоры вёл, ещё не было доведено до исполнителей.

Потомственного крестьянина Семёнова признали виновным в том, что он являлся «ярым противником Советской власти и ВКП(б), систематически проводил антиколхозную агитацию». В деле записаны его высказывания: «Жизнь в колхозе просто мученье. Государство задавило колхозников своими планами». На свирепость решения *тройки,* только ещё раскручивавшей свою

мясорубку, могло повлиять и указание на то, что «он проводил и вредительство. В 1936 году, работая в колхозе старшим конюхом, умышленно не завёз сена, в результате чего от голода погибло 4 лошади. В 1935 году на водопое 1 лошадь утонула. Работая заведующим случным пунктом, выполнял свои обязанности преступно-недобросовестно, в результате чего был небольшой процент ожеребляемости. За это с работы был снят». Жена Семёнова, *ярая церковница*, в 1930-е годы была осуждена за антисоветскую деятельность.

Основанием к аресту послужило постановление следователя прокуратуры Лужского района оперуполномоченного Алексеева от 1 февраля 1937 года, в котором в общих словах указывалось, что Семёнов занимался среди колхозников «контрреволюционной агитацией, направленной на террор против вождей партии и правительства, срыв весенне-полевой кампании и другие преступления». Эти сведения подтверждены протоколами допросов Петрова и Дадова.

На допросе «Семёнов признал себя виновным и показал, что среди колхозников выражал недовольство мероприятиями ВКП(б) и Советского правительства, в частности, в области сельского хозяйства. Клеветал на советскую и колхозную действительность».

К этим материалам была приобщена характеристика, выданная 13 марта 1937 года Красногорским сельсоветом, в которой говорилось, что «Семёнов в 1932 году облагался твёрдым заданием, за невыполнение которого был осуждён на 6 месяцев принудительных работ» [А. 13].

Вот и все прегрешения труженика, за которые он вместо того, чтобы, поругиваясь, продолжал кормить страну хлебом, должен был в 54 года от роду, полным сил, по приговору Советской власти лечь в сырую землю. А если бы такой агитатор стал депутатом Верховного Совета? Сталин подобного не боялся — этот правдолюбивый крестьянин мог подсказать законодательной власти, как лучше управлять страной. Он был опасным конкурентом для партократов.

По заявлению дочери в декабре 1956 года Семёнов был реабилитирован, и дело на него прекращено за отсутствием состава преступления. При этом интересно, что основную роль здесь сыграла справка того же Красногорского сельсовета от 29 сентября 1956 года о том, что «Семёнов никогда кулаком не был», а только «крестьянином середняком» [А. 10]. Ну а если бы его причислили всё-таки к кулакам, то уничтожен он был бы правильно, поскольку правившая партия ликвидировала кулачество как класс?

Как две капли воды похоже дело другого *антисоветчика* — Ефимова Василия Александровича, 1896 года рождения, русского, малограмотного, работавшего в колхозе «Красные Горы». Ефимов, так же как и его земляк Семёнов, «будучи враждебно настроен к ВКП(б) и Советской власти, систематически проводил контрреволюционную агитацию против колхозного строительства, распространяя слухи о голоде, дискредитировал руководство компартии, восхвалял врагов народа, высказывал пораженческие взгляды». Доказательством вины послужили свидетельские показания Дмитриева, Кузьмина, Андреевой. Они сообщили, что «Ефимов является **кулаком** и среди своего окружения проводит антисоветскую агитацию, направленную против политики партии в области колхозного строительства». К делу приобщена справка Красногорского сельсовета от 1 декабря 1937 года, «в которой Ефимов охарактеризован был как кулак». На допросе 30 ноября 1937 года признал, что «действительно среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию». Постановлением *особой тройки* от 15 декабря 1937 года **осуждён на 10 лет.** Теперь в избирательной кампании участвовать не мог, так как находился в тюрьме.

При проверке этого дела в 1941 году указанные выше свидетели свои показания подтвердили, а ещё 5 свидетелей сообщили, что «Ефимов происходит из кулаков, был антисоветски настроен и допускал антисоветские высказывания».

Пройдя лагеря ГУЛАГа, Ефимов остался жив, хотя и превратился в инвалида. Его дело пересматривалось в 1957 году, что дало весьма любопытные результаты, о которых поговорим позднее, в главе 40 [А. 13].

В начале 1937 года в Лужском райотделении был заведен формуляр на гражданина Пайста, старого члена ВКП(б), имевшего партстаж с 1903 года. Основанием послужило заявление члена партии, работника одного из заводов города Луги (сигнал от *бдительного товарища) о* том, что «Пайст среди своего окружения ведёт антисоветскую агитацию, восхваляет Троцкого, Зиновьева, Каменева и всячески дискредитирует Центральный Комитет и особенно товарища Сталина». Что ж, криминал несомненный. Кроме того, ещё в 1935 году в Лужском райкоме партии разбиралось заявление заведующей эстонской школой Вессарт об антисоветских высказываниях Пайста во время его посещений этого учебного заведения. Правда, сначала данное заявление, принятое зав. культпропом райкома Соболевым, было скрыто от бюро райкома, за что потерявший бдительность упомянутый товарищ был освобождён от работы.

В сентябре 1937 года Управление НКВД ЛО выдало санкцию

на арест Пайста с направлением следственного дела не на *особую тройку,* а в областной суд. Следствие по этому делу проводил оперуполномоченный Варицев, а начальник райотделения Богданов участвовал в допросе арестованного только один раз — 17 сентября 1937 года. По полученным показаниям дополнительно были арестованы члены партии Макаров, Снигирёв и Иванов, которых Пайст назвал в качестве лиц, поддерживавших с ним постоянное общение и разделявших его взгляды. На этих арестованных имелись материалы, подтверждавшие их *виновность* перед партией и Советской властью, поскольку они, «будучи несогласны с проводимыми мероприятиями, скрывали это». (Вот и пойми: говорили — плохо, скрывали — опять плохо!) В связи с тем, что районный комитет ВКП(б) был полностью в курсе данного дела, секретарь райкома Васильев беседовал с обвиняемым Пайстом. Однако в ходе следствия Пайст заболел и умер в тюрьме, как оказалось, «от многостороннего рака желудка, печени и других органов». Дело остальных обвиняемых, которое велось очень медленно, рассматривалось в судебном порядке в спецколлегии Леноблсуда и потому контролировалось районным прокурором. Поскольку во время следствия показания арестованных надлежащим образом *не закреплялись*, то на суде все они от своих слов стали отказываться. Дело возвратилось на доследование, в процессе которого обвиняемые передопрашивались начальником райотделения Богдановым и районным прокурором Андреевым. После этого материал вновь был отправлен на рассмотрение суда. Длительная затяжка в разбирательстве данного вопроса оказалась на руку *говорунам,* поскольку после того как «Операция прикрытия» завершилась (да и главный виновник Пайст ушёл в мир иной), дело благополучно закрыли и *недосуженных* в 1939 году **реабилитировали и выпустили на свободу** [А.11, А. 12].

С представителями церкви в годы репрессий расправлялись не менее жёстоко, чем с буржуазией или кулачеством, хотя лозунга о поголовном уничтожении или полной ликвидации служителей культа не выдвигалось. Просто было опасение, что в законодательную власть могут «навыбирать одних попов». Да, вера в Бога и насаждавшееся преклонение перед правившей Компартией не умещались в одни рамки.

10 декабря 1937 года *особой тройкой* были приговорены **к высшей мере наказания** и расстреляны: И.П. Никольский, 1868 г.р., священник церкви; К.И. Малов, 1882 г.р., псаломщик церкви; Ф.П. Тошина, 1874 г.р., без определённых занятий; Ф.Н. Николаев, 1866 г.р., конюх; Г.И. Никольский, 1898 г.р., псаломщик; П.К. Кондратьев, без определённых занятий.

Одновременно **к 10 годам исправительно-трудовых лагерей** осуждены М.Т. Петрова, 1892 г.р.; А.В. Колосова, 1888 г.р.; П.Д. Сулина, 1873 г.р.; Е.И. Сергеева, 1883 г.р. — все без определённых занятий. По национальности перечисленные 10 человек — русские.

Осуждённые были признаны виновными в том, что они «являлись участниками контрреволюционной группы кулаков и церковников, существовавшей в Перечицком сельсовете Лужского района, систематически проводили контрреволюционную агитацию, направленную против колхозного строительства и возводили клевету на советскую действительность».

Основанием к аресту и осуждению послужили показания единственного свидетеля Кирюшина, который на допросе 18 ноября 1937 года заявил, что «все обвиняемые являлись участниками контрреволюционной группы и среди местного населения вели пропаганду». На следствии все обвиняемые признали себя виновными в участии в контрреволюционной группе и ведении антисоветской агитации. В связи с этим избирателями они так и не стали.

В 1940 году дело перепроверялось, и хотя Кирюшин от своих показаний отказался, а другие свидетели не подтвердили обвинения, Управление НКВД ЛО 15 июня 1940 года решение *особой тройки* «признало правильным» [А. 13].

Ещё одна «контрреволюционная церковная группа» в составе 8 человек, действовавшая в деревне Большие Кла-бутицы Лужского района, была арестована без санкции прокурора 12 ноября 1937 года. «Её участники собирались на тайные сборища, где с контрреволюционных позиций обсуждали положение дел в стране, договаривались о срыве уборочных работ в колхозе, **выступали против голосования за кандидатов-коммунистов на предстоящих выборах в Верховный Совет СССР и за выдвижение своих кандидатов,** высказывались против колхозов и Советской власти. Участники группы дискредитировали все проводимые партией и правительством мероприятия, клеветали на положение в колхозах, склоняли к антисоветской работе колхозников-односельчан».

Особая тройка УНКВД ЛО 10 декабря 1937 года приговорила **к высшей мере наказания** священника П.Н. Землянского (посмертно!), сторожа И.Ф. Фролова и гражданку Т.Е. Морозову. Троим участникам группы определили по 10 лет, а одному — 8 лет исправительно-трудовых лагерей. По неизвестным причинам по тому же компрометирующему материалу жительница деревни Захарова, 1867 г.р., *особой тройкой* не была осуждена, и дело на неё 31 марта 1938 года прекращено [А. 13]. Но выборы в

Верховный Совет уже прошли.

Как показывает анализ следственных дел, в ряде случаев граждане сами оказывались повинными в гибели своих односельчан за счёт подложных доносов и оговоров или лжесвидетельств, в чём с годами раскаивались. Не осознавая последствий, они по наивности и неопытности включались в *государственную игру*, в которой карательные органы шуток не шутили.

19 августа 1937 года *особая тройка* УНКВД ЛО приговорила **к высшей мере наказания** 7 человек колхозников, в число которых входили:

Борисов И.С., 1890 г.р., слесарь-кузнец, председатель ревизионной комиссии колхоза;

Ерастов И.В., 1890 г.р., кладовщик;

Михайлов А.К., 1886 г.р., бригадир полеводческой бригады;

Ильин С.И., 1886 г.р., заведующий машинно-тракторной станцией (МТС);

Грачёв И.С., 1886 г.р., заведующий фермой;

Екимов П.Е., 1868 г.р., председатель колхоза;

Михайлов И.К., 1893 г.р., конюх.

Все являлись членами колхоза им. Калинина, происходили из крестьян-середняков, по национальности русские, беспартийные, женатые, образование низшее (то есть считались грамотными). Двое из них, А.К. Михайлов и И.С. Грачёв, были ранее судимы.

Обвинение колхозников состояло в том, что, «создав контрреволюционную повстанческую группировку из кулаков, вели активную подрывную работу по развалу колхоза, подготовляли убийство местных советских работников, в частности, председателя сельсовета члена ВКП(б) Максимова, производили потравы посевных площадей, провокационными слухами запугивали колхозников и разжигали недовольство, используя для этого отдельные неполадки в колхозе».

На допросе, проводившемся 3 июля 1937 года оперуполномоченным Лужского райотделения НКВД младшим лейтенантом гб Варицевым и начальником того же отделения лейтенантом гб Богдановым, обвиняемый Михайлов, подтвердив свою принадлежность к упомянутой группе, показал следующее. Все участники группы считали, что «объединение в колхоз не даёт положительных результатов, приводит сельское хозяйство к упадку и развалу, что советская власть просчиталась в данном вопросе и поставила колхозников в безвыходное положение». Практическая активная деятельность группы, по словам обвиняемого, «началась с 1936 года, когда стало известно, что из-за бесхозяйственности и преступной деятельности отдельных лиц

колхозники недополучат значительное количество продуктов по трудодням. Особую активность в распространении провокационных слухов проявлял Борисов, являвшийся руководителем группы, который даже открыто выступал с контрреволюционными выпадами против Советского правительства и проводимых мероприятий в деревне». В помещении правления колхоза в присутствии группы лиц этот слесарь-кузнец заявил, что «колхозников сделали настоящими батраками, и нам необходимо организоваться против Советской власти». Присутствовавшие с ним согласились, а обвиняемый Михайлов добавил, что «колхозники работают за палку, не получая ничего от колхоза». На одном из сборищ группы И.С. Борисов по поводу плана сева на 1937 год сказал, что им «надо согласиться на 50 % плана», а остальное «разложить на служащих, отсутствующих на побочных заработках колхозников и других лиц», чем участников разговора «ориентировал против плана сева». Весной 1937 года было стравлено скоту 14 га некачественно посеянных озимых культур, что привело к полной потере урожая с данного поля. После этого председатель колхоза П.Е. Екимов дал указание установить ограждение участка, а сам вместе с агрономом «составил акт с определением площади потравленных посевов». Кроме того, подрывная деятельность председателя правления заключалась в «очковтирательстве с посевными площадями», что «влияло на снижение стоимости трудодня и обесценивало его». «Посевы производились недоброкачественно» и делались лишь «для показа в сводках о выполнении Госплана». Расхищались корма для скота. Указанные факты вызывали недовольство среди колхозников, подрывали трудовую дисциплину и способствовали проведению «контрреволюционной пропаганды среди окружающих».

Другой «участник контрреволюционной повстанческой группы» обвиняемый И.В. Ерастов, допрошенный 14 июля 1937 года теми же работниками Лужского райотделения НКВД, в дополнение к приведенным выше сведениям дал такие показания: «С конца 1936 года руководитель группы Борисов И.С. давал установки о необходимости организации крестьян против Советской власти и подготовки восстания, заявляя, что при свержении Советской власти колхозы будут распущены и всем будет жить лучше». Участник группы И.С. Грачёв поддержал это заявление: «Прав Борисов, нам необходимо организоваться, поднять восстание и захватить власть». Сам обвиняемый говорил Михайлову: «Теперь ясно, колхозы пришли в тупик, жить стало невозможно, и они должны развалиться. Нам надо не зевать». По поводу «подготовки террористических актов над руководителями

Советской власти» Ерастов показал следующее. В конце 1936 года в правлении колхоза Борисов, читая газету о событиях, происходивших на Дальнем Востоке, где Япония «вела активные действия против Советской власти», заявил в присутствии членов группы, что «пахнет порохом, война неизбежна и очень скоро». Далее признанный руководитель стал говорить о деятельности членов группы «в части подготовки восстания и захвата власти». При этом он указал, что «первым шагом будет убийство председателя сельсовета, члена ВКП(б) Максимова». Присутствовавшие с этим согласились, но поручалось ли кому-либо конкретно из членов контрреволюционной группы совершить теракт, обвиняемому не было известно.

На следствии в 1937 году все, кроме Екимова, виновными себя признали и показали, что они «являлись участниками антисоветской организации, существовавшей в колхозе, на протяжении ряда лет занимались вредительской деятельностью, вели среди колхозников антисоветскую агитацию». Допрошенные на следствии свидетели Дмитриев, Филин, Кумище, Фролов, Куприянов, Алексеев охарактеризовали обвиняемых как участников антисоветской организации [А. 13].

В результате *внесудебное* «правосудие» восторжествовало, а *порок* был жестоко наказан. Безжалостно расстреляли всех семерых.

В 1940 году по жалобе жены осуждённого Екимова Леноблпрокуратура в порядке надзора проверила данное дело. Учитывая, что «все осуждённые являлись середняками, то есть людьми, не чуждыми советской власти», входили в актив, который вступил в колхоз с первых дней и боролся за укрепление его; арестованы по справкам, данным председателем сельсовета Максимовым, имевшим личную злобу против них; показания свидетелей необъективны и некорректны; не видно, в чём конкретно выражались факты вредительства и подготовки к убийству, проверявший признал необходимым дело *отправить на доследование* [А. 13]. Дополнительное расследование, видимо, результатов не дало.

Только через 20 лет оказалось, что «При проверке в 1957 году жители деревни показали, что Екимов и другие были первыми организаторами колхоза, пользовались уважением среди колхозников, в силу чего являлись членами правления. К работе в колхозе относились добросовестно, болели за дело».

Теперь пойми, что к чему. Давайте разбираться дальше. Свидетель Белоусов показал, что «Максимов, Кумище, Алексеев оклеветали Борисова и Екимова, так как они не давали возможности разбазаривать колхозное добро и пьянствовать.

Свидетель Алексеев дал показания в отношении обвиняемого Грачева с тем, чтобы избавиться от последнего и сожительствовать с его женой, за которой Алексеев ухаживал». (Вот вам и *контрреволюционная деятельность!)* Допрошенная в качестве свидетеля бывшая жена Грачева, ныне Кондратьева, пояснила, что после ареста её мужа она действительно сожительствовала с Алексеевым.

Свидетели пояснили, что «бывший председатель сельсовета Максимов был нехорошим, вредным человеком, который для достижения своей цели не останавливался ни перед какими средствами. Поскольку обвиняемые не давали пьянствовать за счёт колхоза, он их оговорил. Это подтверждается тем, что обвиняемые были арестованы по справкам сельсовета, подписанным Максимовым, которые не соответствовали действительности».

Проверкой установлено, что свидетель Кумище происходил из семьи бывшего жандарма. На допросе 2 сентября 1957 года он «охарактеризовал обвиняемых с положительной стороны и сказал, что об их вредительской деятельности ему ничего не известно». Почему Кумище как свидетель в 1937 году дал другие показания, он ответить не мог. Теперь же Кумище заявил, что «с председателем колхоза Екимо-вым он часто ссорился из-за того, что тот предъявлял к работе тракторной бригады МТС, бригадиром которой был свидетель, высокие требования» [А. 13].

Вот и рассудите нас, люди… Стоило ли лишать жизни этих незадачливых семерых колхозников, чтобы выполнить ***лимит*** в 4000 человек, назначенный Ленинградской области ***по первой категории*****?**

Немногим отличаются от ***крестьянских дел*** неприятности, постигшие молодых рабочих завода «Смычка». В 1937 году в Лужское райотделение НКВД поступило заявление (сигнал от ***бдительного товарища)*** о том, что рабочий этого завода Антонов распевает в кругу своих друзей частушки контрреволюционного содержания. Поскольку данным вопросом заинтересовались районные партийные и советские органы, настаивавшие на скорейшем проведении следствия, то в горячке массовых репрессий чекисты поспешили арестовать ***фольклорного исполнителя.*** Через две недели в качестве своих сообщников 19-летний Антонов назвал собственных приятелей того же возраста — Красникова, Иванова, Маякова и Андреева. По санкции прокурора они были арестованы. В характеристиках, выданных заводом и подписанных ***треугольником*** (директор, секретарь парткома, председатель профкома), все арестованные представлялись плохо, а относительно Маякова и Андреева

указывалось, что они являлись прогульщиками и пьяницами. Так как ***распространение*** частушек не отрицалось, а ***контрреволюционная повстанческая группа*** была налицо, то всем пятерым предъявили обвинение, предусмотренное статьей 58 (пункт 10 [антисоветская агитация] и пункт 11 [преступная организация]) УК РСФСР. В соответствии с постановлением УНКВД ЛО от 8 апреля 1938 года дело направили в Леноблсуд, но оттуда оно вернулось на доследование. 4 июля и 19 августа 1938 года начальник Лужского райотделения НКВД Богданов вместе с районным прокурором Андреевым передопросил обвиняемых. Маяков от своих показаний отказался, а остальные всё ранее сказанное подтвердили. Постановлением УНКВД ЛО 23 октября 1938 года дело опять было направлено в Леноблсуд. Поскольку на счастье ***весёлых ребят*** к этому времени массовые репрессии вместе с «Операцией прикрытия» закончились, то было предложено переквалифицировать ранее предъявленные обвинения с политической статьи на ***хулиганскую.*** Дело ещё дважды перепроверялось различными работниками госбезопасности и служителями Фемиды, и в итоге областной суд наказал только Антонова и Иванова по статье 74 УК РСФСР, ***отвесив*** им по 3 года лагерей, а остальных ***соучастников*** оправдал [А. 10, А. 11]. Так, вместо того чтобы плодотворно трудиться на заводе, повышать свою квалификацию, приносить пользу Родине, молодые парни почти 2 года просидели за решёткой, набравшись блатных познаний.

Представленные в качестве примера несколько следственных дел, проводившихся в Лужском районе Ленинградской области в 1937 году, позволяют нам в совокупности с другими имеющимися в нашем распоряжении материалами сделать следующие выводы.

В процессе первого этапа массовых репрессий, проходившего согласно приказу НКВД № 00447 с лета до конца указанного года, по стандартным обвинениям в контрреволюционной деятельности арестовывались в сельской местности и в провинциальных городах как отдельные граждане, так и группы в составе от 5 до 20 человек. В основном они представляли собой *болтунов*, занимавшихся ***антисоветской пропагандой и агитацией*** в кругу своих односельчан или друзей. По своему составу ***агитаторы*** представляли собой выходцев, главным образом, из крестьян-середняков, были малограмотными, беспартийными, по национальности являлись русскими (в ноябре-декабре была репрессирована только одна эстонская группа). Очевидно, что эти простые, откровенные люди с недостаточно широким кругозором не умели врать, юлить, изворачиваться, грамотно вести юридическую борьбу со следователем. Они, так

же как и вызывавшиеся по делу свидетели, откровенно называли фамилии своих соседей (особенно тех, с кем состояли в неприязненных отношениях), от которых слышали какую-либо хулу в адрес советской и партийной власти, правительства и колхозной жизни, тем более что в русской среде принято ругать всех и вся, не стесняясь в выражениях. Однако, когда свидетели увидели, к каким трагическим последствиям привели их честные показания, что дома соседей, против которых они свидетельствовали, осиротели и захирели, то через несколько лет (а тем более через 20 лет) от своих слов, сказанных в 1937 году, отказывались и, более того, по-русски от души жалели, а потому хвалили, как могли, расстрелянных и заключённых, говорили теперь о них как о самых передовых работниках.

Особые тройки, вынося свои внесудебные приговоры, карали беспощадно, особенно руководителей группы, довыявленных кулаков, служителей церкви, а также лиц, уличённых, кроме разговоров, ещё в каких-либо действиях. Только по приведенным нами нескольким следственным делам были расстреляны 17 человек и к 10 годам лишения свободы приговорены 13 человек. В итоге более 30 русских крестьян оказались ***врагами народа.*** К концу 1937 года, к завершению первого этапа ***великой чистки,*** смертные приговоры выносились ежедневно вплоть до 30 декабря, чтобы в ночь под Новый год расстрелять последних недовольных Советской властью.

Из анализа всей обстановки 1937 года можно заключить, что по следственным делам, направлявшимся на ***особую тройку,*** карательные решения принимались оперативно, практически вне зависимости от степени вины арестованных, а только исходя из ***политических обстоятельств.*** По материалам, поступавшим в суды, рассмотрение дел затягивалось, поскольку виновность подозреваемых не была чётко доказана, и ***сомнительные*** бумаги многократно возвращались для дополнительных расследований. Вот почему на время проведения ***великой чистки*** партократы требовали введения ***внесудебных органов*** с широкими полномочиями и существенного упрощения процедуры следствия. Без этих юридически закреплённых ***новшеств,*** которые через 20 лет стали трактовать как ***нарушение социалистической законности,*** все следственные дела (в том числе по «Операции прикрытия») просто утонули бы в бесконечных судебных разбирательствах.

Глава 13. Отступление реформаторов

Вторую половину 1937 года узкий круг сторонников Сталина преследовали постоянные неудачи. Во внешнеполитическом курсе все попытки создать надёжный антигерманский пакт не привели к желаемому результату. Не удалось заключить договоры о взаимопомощи не только с Великобританией, но и с Румынией, Польшей и странами Прибалтики. Так и не состоялись рабочие контакты с генеральными штабами Франции и Чехословакии для выработки конкретных мер по совместной обороне в случае агрессии Германии. Столь же несбыточными оказались надежды на важную роль в решении политических проблем народных фронтов Франции и Испании.

Во внутриполитической жизни пришлось серьёзно отступить в вопросе демократизации страны. Прежде всего, это коснулось попытки значительного расширения круга активных участников предстоявших альтернативных выборов в Верховный Совет СССР. У значительной массы крестьянства, которой только что возвратили избирательные права, под давлением партократии вновь их отобрали. При этом многие крестьяне были подвергнуты жестоким, несправедливым репрессиям.

Ни к чему не привело и стремление ввести в нужное русло партократию, которой сначала, по её угрожающему требованию, пришлось дать неограниченные силовые права в своих регионах, а затем, в связи с развернувшимися в этих условиях массовыми репрессиями, обрушить волну арестов уже на самих руководителей.

В решении кадровых вопросов стала наблюдаться определённая чехарда. Ряд руководящих работников снимали со своих постов, понижали в должности, потом возвращали на прежнее или иное место, после чего снова снимали. Прежняя монолитность и неоспоримость решений Политбюро несколько ослабла. Несмотря на все трудности, Сталин по-прежнему был настроен провести выборы в Верховный Совет по намеченному демократическому сценарию.

К концу августа 1937 года группа А.Я. Яковлева завершила подготовку всех документов, необходимых для проведения альтернативных выборов, и они были утверждены на Политбюро. В разработанном образце избирательного бюллетеня были условно напечатаны три фамилии (*Иванов, Петров, Сидоров*), а ниже шёл такой текст: «Оставьте в избирательном бюллетене

фамилию ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните». Столь же определённо указывал на выдвижение нескольких кандидатов и образец «Протокола голосования». В нём было подробно прописано, как надо действовать избирательной комиссии, если «ни один из кандидатов в депутаты не набрал абсолютного большинства голосов». Тогда следовало объявить «перебаллотировку двух кандидатов», получивших наибольшее количество голосов, и в двухнедельный срок провести второй тур выборов. Все эти материалы специально созданной Комиссией для разработки вопросов по выборам во главе с Яковлевым выносились для утверждения на очередной пленум ЦК.

Кроме того, в сентябре этого же года по инициативе Сталина в Конституцию РСФСР было внесено изменение административно-территориального деления республики. Теперь вместо Азово-Черноморского края появились Ростовская область и Краснодарский край, Северную область поделили на Архангельскую и Вологодскую, Восточно-Сибирский край разбили на Иркутскую и Читинскую области, за счёт сокращения Московской области образовали Тульскую и Рязанскую, Западно-Сибирский край превратили в Новосибирскую область и Алтайский край, из Воронежской области выделили Тамбовскую, а на месте Западной и Курской образовали Смоленскую, Курскую и Орловскую области. В том же месяце на Украине выделили 4 новые области: Полтавскую, Житомирскую, Каменец-Подольскую и Николаевскую. Естественно, что на вновь появившихся в регионах должностях первыми секретарями крайкомов и обкомов Политбюро утвердило сторонников сталинской группы, что значительно меняло соотношение сил в периферийном руководстве. Понятно, что за счёт проведенных преобразований подведомственная территория самых *кровожадных* партократов — Эйхе, Хрущёва, Евдокимова, Конторина и Разумова — изрядно сократилась.

Возможно, именно данное обстоятельство показало партократам, что у них буквально уходит земля из-под ног, а потому в начале октября 1937 года на группу Сталина началось беспрецедентное давление, заставившее её частично отступить от своих принципов. В хитросплетении событий тех дней подробно разбирался историк Ю.Н. Жуков [Л.11], хотя окончательного понимания всех тонкостей причин принимавшихся тогда решений пока что не установлено. Поэтому по имеющимся данным мы приведём лишь краткий срез известных ныне документальных материалов.

Итак, 28 сентября 1937 года Политбюро приняло решение о

введении в «Комиссию для разработки вопросов по выборам в Верховный Совет СССР тт. Молотова, Сталина и Мехлиса (последний с 4 сентября вместо одного из главных разработчиков Конституции Б.М. Таля стал заведующим Отделом печати и издательств ЦК. — *Ю.В.)*».

30 сентября Политбюро установило на 10 октября дату созыва пленума ЦК и повестку дня, хотя докладчик по основному вопросу о выборах в Верховный Совет почему-то не был определён.

2 октября состоялось протокольно оформленное заседание *предварительной* комиссии по выборам, на котором собрались 14 человек её первого и второго составов. Комиссия назначила **выборы на 12 декабря 1937 года,** начало избирательной кампании установила с 12 октября, а также увеличила ежедневный тираж газет «Правда» и «Известия» на 300 тыс. экземпляров для каждой.

5 октября эта же комиссия утвердила тексты постановлений ЦИК СССР о дне выборов и избирательных округах, образец удостоверения депутата Верховного Совета СССР, а также выделила финансы на бумагу для избирательных бюллетеней и производство кинофильма о технике выборов. Первая *загвоздка* появилась в этот же день, когда заведующий ОРГПО ЦК Г.М. Маленков предложил Политбюро проект постановления «Об утверждении в партийном порядке председателей и секретарей избирательных комиссий в Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР», но этот документ пока что даже не был рассмотрен.

Кто конкретно в первых числах месяца кардинально повлиял на обстановку (в Кремлёвском кабинете вождя тогда побывало много разного уровня руководителей), сейчас установить крайне сложно. Однако 7 октября Сталин и Молотов от имени Политбюро **приняли вдруг** внесённое двумя днями раньше Маленковым постановление, **ликвидировавшее ранее декларированное равноправие между ВКП(б) и общественными организациями** при подготовке и проведении выборов. Это явилось первым шагом **отступления** сталинской группы. Отныне намечавшиеся свободные выборы ставились под **жёсткий контроль партийных организаций.** Теперь ЦК нацкомпартий, крайкомы и обкомы **обязаны были** в своих регионах наметить состав избирательных комиссий всех уровней, *тщательно проверить и утвердить* их председателей и секретарей, а списки *представить на утверждение ЦК*. Проект данного постановления внёс Маленков, но **кто являлся действительным инициатором** этого документа, выражавшего

интересы периферийного руководства, которое не желало рисковать своей карьерой при альтернативных выборах? Очевидно, данное предложение по поручению первых секретарей было доложено Сталину и Молотову как **категорическое требование** партократии. Поэтому после двух дней раздумий первые лица страны **вынуждены** были смириться и принять решение от имени Политбюро. Интересно, что оригинал постановления был завизирован сначала Молотовым, а только потом Сталиным, который, скрепя сердце, поставил вместо обычной своей подписи только одну букву **И.** Поведение вождя вполне понятно, поскольку, **вынужденно подписав** этот документ, Иосиф Виссарионович сводил на нет ту огромную работу, которую он вместе с единомышленниками проделал вопреки желанию партократии и в интересах советского народа.

10 октября в своём изначальном виде этот вопрос был вынесен на рассмотрение Политбюро. В кабинете Сталина собрались все члены Политбюро и секретари ЦК — Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Косиор, Микоян, Молотов, Чубарь, Жданов и Ежов. Поскольку заседание затянулось из-за, безусловно, **принципиальных разногласий,** открытие пленума ЦК пришлось даже перенести на следующий день на 19 часов. Протокола происходившей тогда в кабинете напряжённой дискуссии, видимо, не велось, но несомненно одно, что на том роковом для судеб политических реформ в Советском Союзе заседании **договорённости** по проекту постановления пленума и непременно построенного на его основе выступления Молотова **достигнуть не удалось.** Очевидно, большинство членов Политбюро решительно **отвергло альтернативность выборов,** за что пока что ещё боролись Сталин, Молотов, Андреев и Калинин. Их позицию, скорее всего, поддерживал Жданов. Значит, оппонентами этой группы оказались 5 из 9 членов Политбюро — Ворошилов, Каганович, Косиор, Микоян, Чубарь — и примкнувший к ним Ежов. Они добились продолжения данного заседания на следующий день, чтобы за выигранное время заставить сталинских сторонников внести в проект постановления пленума и в тезисы выступления Молотова принципиальные коррективы. Пока что это касалось двух важнейших позиций: о необязательности выдвижения альтернативных, или, как их назвали, *параллельных,* кандидатов в депутаты и об установлении строго фиксированной квоты для беспартийных депутатов — не более четверти от общего количества членов Верховного Совета СССР. Внести необходимые коррективы в документы было поручено вызывавшимся на заседание Политбюро Яковлеву и Стецкому.

11 октября Политбюро заседало с 15:30 до 18:00, а через час открылось заседание пленума ЦК ВКП(б). Розданный всем собравшимся только что скорректированный проект постановления «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» выглядел не только уступкой партократии, но и совершенным поражением сталинской группы, её полным отказом от прежних идей и намерений.

В первом пункте проекта устанавливалась обязательность *тщательной проверки* со стороны ЦК нацкомпартий, крайкомов и парткомов составов избирательных комиссий всех уровней (о чём уже говорилось ранее в решении Политбюро от 7 октября).

Второй пункт прямо отвергал предложение Сталина о свободном выдвижении кандидатов от общественных организаций. Просто теперь партийные организации обязаны были при выдвижении кандидатов в депутаты выступать «не отдельно от беспартийных, а сговариваться с беспартийными об общем кандидате». Отделение беспартийных от коммунистов, говорилось в постановлении, «побудило бы их к выставлению конкурирующих кандидатов и разбило бы голоса, что на руку только врагам трудящихся». Так зародилось принципиально новое понятие — *блок коммунистов и беспартийных.*

Пятый пункт проекта существенно влиял на возможность свободного волеизъявления избирателей. «Поскольку успех выборов решает политическая и организационная работа по избирательным участкам», то отныне вся эта деятельность возлагалась на районные партийные организации, которые полностью отвечали за ход избирательной кампании.

Выступление Молотова на пленуме содержало в основном заурядную информацию, которую можно было узнать из газет: создана Центральная избирательная комиссия, выборы назначены на 12 декабря 1937 года. Существенным явилось только сообщение о том, сколько беспартийных следует считать нормальным в составе депутатов. Видимо, желая подчеркнуть **единство** высшего партийного органа, только что пережившего острые дебаты, выступавший сказал: **«Общее мнение политбюро** было такое, что надо иметь примерно в среднем для СССР до 20 процентов беспартийных в составе Верховного Совета». И конкретно высказался по методике подбора будущих избранников народа: «Вся работа по выдвижению кандидатов должна быть **по-настоящему под контролем и руководством парторганизаций».** При этом кандидаты должны быть соответствующим образом ***проверены парторганизациями.*** Далее ЦК партии должен списки утвердить ***не позднее 17 декабря.***

Конечно, проверка (ясное дело, что не только парторганизациями, но и силами НКВД) потребует много времени. Но за этот период следует «подготовить избирателей к тому, чтобы провести тех, а не других кандидатов».

Открывшиеся затем прения полностью показали затаённые устремления членов ЦК во что бы то ни стало продолжить репрессивную политику. Этим и определялось их давление на демократические устремления сторонников Сталина.

Первый секретарь Куйбышевского обкома Постышев: «Требуется разъяснение — будут ли участвовать в выборах спецпереселенцы?

Сталин: Они прав не лишены.

Постышев: Ну хорошо, пусть выбирают. Уж больно сволочной они народ».

Первый секретарь Донецкого обкома Прамнэк: «Как готовятся к выборам наши враги? Безусловно, враги активизируются, об этом говорит ряд фактов. Враждебно настроенные люди демонстративно заявляют, что они не будут участвовать в выборах. Есть баптистская община, 102 человека. Будут ли они выставлять свои кандидатуры? Я думаю, что это будут редкие случаи, а будут выставлять даже наших людей, не враждебных нам людей, но более им подходящих, на которых они рассчитывают. В Донбассе есть такие участки, которые, если мы не возьмём их в свои руки, могут провалить нашего кандидата».

Первый секретарь Ростовского обкома Евдокимов: «Мы так слегка край да и область почистили, но вылазки классового врага имеют место, особенно по церковно-сектантской линии».

Первый секретарь Днепропетровского обкома Марголин: «Обнаруживаются случаи, когда подбирают кандидатуры непродуманно и без соответствующей проверки. Есть факты, когда в участковые избирательные комиссии попадают чужаки из бывших кулаков или имевшие с ними ту или иную связь. Относительно политических настроений. Мы, безусловно, имеем исключительный рост политической активности широких масс трудящихся Днепропетровщины как на заводах, так и в колхозах, у всего населения. Но есть факты активизации врага в самых различных антисоветских формах. Имеем проявление вражеских вылазок и на заводах…

Особенно мы отмечаем довольно серьёзное оживление антисоветских элементов в деревне, на селе. Антисоветские настроения проявляются преимущественно в деятельности церковников. Затем кулачьё активизируется и требует возврата своего имущества на основании закона».

Первый секретарь Крымского обкома Щучкин: «В двух

районах Крыма обнаружили явную подготовку националистических элементов. Так, в немецком селе председателя совета, хорошего партийца, оклеветали в том, что он пьяница, связан с одной колхозницей, и на этом основании провалили путём отвода. Провалили и секретаря парторганизации и избрали явно не наш, враждебный сельсовет. Это не что иное, как попытка показать на практике, как можно организовать мероприятия антисоветского порядка, направленные во время выборов против нас».

Первый секретарь Архангельского обкома Конторин: «Враги не дремлют и по-своему изучают закон и конституцию, где мы зеваем. Церковники, попы пытаются восстановить, воскресить лозунг “Советы без коммунистов”. Поп собирал церковников и говорил: “Вы обязательно организованно идите на выборы и там ведите себя так, чтобы не голосовать за коммунистов, чтобы провалить коммунистических депутатов”. В Архангельской области есть всякие категории людей — и административно высланные, и спецпереселенцы, и лагери. Много всякой сволочи. Мы вскрыли дополнительно десять организаций. Мы просим Центральный комитет увеличить нам лимит по первой категории в порядке подготовки к выборам. У нас такая область, что требуется ещё подавить этих гадов.

Голоса с мест: Везде не мешает нажать.

Конторин: Мы подсчитали: на человек 400–500 не мешало бы нам лимит получить. Это помогло бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет».

Первый секретарь Горьковского обкома Каганович: «…Мы чистим, но надо отдать себе совершенно ясный отчёт, что врагов, сволочей ещё много, и враги, особенно церковники, ведут активную избирательную борьбу, доходящую до наглости. Враги пользуются всеми формами и методами для того, чтобы вести борьбу против нас».

Первый секретарь ЦККП(б) Белоруссии Волков: «Наши враги, национал-фашисты, вели большую работу, в особенности в пограничных районах. Они создавали здесь огромное количество польских школ и привлекали учительство всеми способами и методами на свою сторону. Мы обязаны были очистить ряды учительства от врагов и привлечь их к работе в избирательной кампании. Поляки, работая через своих агентов — национал-фашистов и троцкистов-шпионов, наполняли приграничные районы своими людьми, чтобы их человек был председателем колхоза, председателем сельсовета и в то же время играл руководящую роль в организации повстанчества на случай войны. Наряду с этим имеем большую работу врагов-попов, ксендзов. В

Леевском районе сектанты собрали большое количество верующих, сочиняли и декламировали контрреволюционного содержания стихи, произносили контрреволюционные речи, мотивируя это разрешением свободы собраний, которое установлено конституцией».

Первый секретарь Красноярского крайкома Соболев: «Мы уже организовали проверку и подбор кандидатов в Совет Национальностей и Совет Союза. Когда получили списки кандидатов с рекомендациями от райкомов партии, оказалось, что там были бывшие колчаковцы, каратели. То есть проверка и отбор людей в районах были поставлены из рук вон плохо. Есть у нас коммунисты, которые саботируют проведение нашей партийной линии, и на них попы делают ставку… Вся эта сволочь, которую мы сейчас громим в крае, совершенно открыто делает выступления против нас».

Среди участников пленума только *первый секретарь Курского обкома партии Г. С. Пескарёв,* назначенный на эту должность всего три месяца назад, смело заявил с трибуны о причинах недовольства населения области: «Мы должны будем найти, именно найти, тех избирателей, у которых имеются неважные настроения, у которых имеются обиды, и подчас законные обиды, на советскую власть, причинённые им отдельными представителями советской власти из мерзавцев, вредителей, бывших у нас в аппарате, или из головотяпов, которые у нас ещё имеются. В связи с тем, что в руководстве областной прокуратуры и облсуда долгое время орудовали мерзавцы, вредители, враги народа, так же как и в других руководящих областных организациях, то оказалось, что они центр карательной политики перенесли на ни в чём не повинных людей, главным образом, на колхозников и сельский актив. Так, за три года со дня организации области было осуждено у нас 87 тысяч человек, из них 18 тысяч колхозного и сельского актива. Судили по пустякам, судили незаконно, и когда мы, выявив это, поставили вопрос в Центральном комитете, товарищ Сталин и товарищ Молотов крепко нам по-могли, направив для пересмотра всех этих дел бригаду из работников Верховного суда и прокуратуры. В результате за три недели работы этой бригады по шестнадцати районам отменено 56 процентов приговоров как незаконно вынесенных. Больше того, 45 процентов приговоров оказались без всякого состава преступления. Если к этим людям не подойти своевременно и не разбить имеющиеся у них определённые настроения, они могут пойти не за нами».

Первый секретарь Краснодарского крайкома И.А. Кравцов рассказал, как у них осуществлялся подбор кандидатов в

депутаты, что вызвало серьёзное недовольство со стороны Сталина: «Мы выдвинули в состав Верховного Совета наших кандидатов. Кто эти товарищи? Членов партии восемь человек, беспартийных и членов ВЛКСМ два человека. Таким образом, процент беспартийных мы выдержали тот, который указан в проекте решения ЦК. По роду работы эти товарищи распределяются так: **партработников четверо, советских работников двое,** председатель колхоза один, комбайнёр один, тракторист один, нефтяник один. Из них женщин две, орденоносцев двое, казаков трое.

Сталин: Кто ещё, кроме комбайнёров?

Кравцов: В десятку входят Яковлев, первый секретарь крайкома, председатель крайисполкома.

Сталин: Кто вам это подсказал?

Кравцов: Я вам, товарищ Сталин, должен сказать, что подсказали это здесь, в аппарате ЦК.

Сталин: Кто?

Кравцов: По вызову мы командировали в ЦК нашего председателя крайисполкома товарища Симочкина, который и согласовал это в аппарате ЦК.

Сталин: Кто?

Кравцов: Я не скажу, не знаю.

Сталин: Вот жаль, что не скажете, неправильно сказано было».

Сегодня можно только предполагать, что именно породило недовольство Сталина, которое чувствуется в его однозначных вопросах, направленных на выяснение конкретной фамилии работника аппарата ЦК, давшего *неправильное* указание. Возможно, то, что согласно *подсказанной* кем-то из цэковцев *разнарядке* **в законодательный орган** страны попадали преимущественно представители партийной и исполнительной ветвей власти, которые реформаторы как раз старались разделить. То есть не только сохранился, но при формировании властной структуры восторжествовал тот самый принцип, ради ликвидации которого и были затеяны все политические преобразования Конституции и избирательного закона. Не исключено, что такая резкая реакция у вождя возникла при упоминании фамилии ***Яковлева***, хотя выступавший не пояснил, о ком конкретно шла речь. Скорее всего, имелся в виду заведующий сельскохозяйственным отделом и член ЦК, первый заместитель председателя КПК Яков Аркадьевич Яковлев (Эпштейн), которого Краснодарский крайком решил в своих рядах выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета. Именно он являлся одним из главных разработчиков единогласно принятых

Конституции СССР и избирательного закона, а также входил в образованный Политбюро «секретариат по первоначальной намётке новой программы ВКП(б)». Дело, видимо, в том, что как раз в период работы данного пленума ЦК, 12 октября 1937 года, Яковлев был арестован, о чём из присутствовавших знали пока только трое: Сталин, Молотов и Ежов. Чем было вызвано это неожиданное устранение практического исполнителя идей реформаторов, причём даже без формального освобождения его от занимаемых должностей, сказать трудно. Но 29 июля 1938 года Яковлев был расстрелян.

По второму пункту повестки дня пленума, включавшему *текущие вопросы*, с информацией, не требовавшей ни обсуждения, ни выработки решения, выступил Сталин. Генеральный секретарь коротко перечислил фамилии и должности *выбывших и арестованных* членов и кандидатов в члены ЦК, первых и вторых секретарей обкомов, наркомов и других руководящих работников, о конце карьеры большинства из которых нами было рассказано в главе 10. В их адрес Сталин не выдвинул обычных в таких случаях политических обвинений, а просто назвал всех *врагами народа*.

Но ничего уже не могло изменить ситуацию. С идеей проведения альтернативных выборов пришлось окончательно расстаться. Не имело смысла в таких условиях думать и о новой программе партии. Понеся серьёзные потери, **партократия** в жёстком противостоянии сумела добиться своего, сохранив выгодную ей прежнюю политическую систему, якобы именно в таком виде и предусмотренную новой Конституцией. Звучному эпитету *сталинская* Конституция СССР фактически уже не соответствовала, поскольку из неё было выхолощено самое главное [Л.11].

12 декабря 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. В голосовании приняли участие 96,8 % всех избирателей, из которых 98,6 % отдали свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных [Л.35].

В результате выборов депутатами Верховного Совета СССР стали многие первые секретари ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, партийные деятели, председатели исполкомов, наркомы, генеральный прокурор, директора заводов, хозяйственные руководители, военачальники, работники органов внутренних дел, учёные, писатели, учителя, врачи, председатели колхозов, передовые рабочие и колхозники [Л.30]. Так слились воедино законодательная, партийная и исполнительная ветви власти.

Однако спустя некоторое время в продолжение *чистки*

руководящих органов часть депутатов была арестована и расстреляна. Это коснулось именно тех, кто в период массовых репрессий проявлял излишнее усердие по уничтожению врагов.

Вместе с тем с лета 1937 года началось назначение на руководящие должности перспективных *выдвиженцев,* составивших новую команду Сталина. В их числе были: председатель СНК РСФСР Н.А. Булганин (с сентября 1938 — зам. председателя СНК СССР); нарком местной промышленности В.В. Вахрушев (с октября 1939 — нарком угольной промышленности СССР); нарком совхозов И.А. Бенедиктов (с ноября 1938 — нарком земледелия СССР); первый заместитель наркома тяжёлой промышленности А.П. Завенягин (с марта 1941 — замнаркома внутренних дел СССР); начальник Главэнерго Наркомата топливной промышленности М.Г. Первухин (с января 1939 — нарком электростанций и электропромышленности СССР); нарком коммунального хозяйства РСФСР И.Г. Кабанов (с августа 1938 — нарком пищевой промышленности СССР); первый замнаркома финансов А.Г. Зверев (с января 1938 — нарком финансов СССР); замнаркома оборонной промышленности СССР И.Ф. Тевосян (с января 1939 — нарком судостроительной промышленности СССР); заместитель председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенский (с января 1938 — председатель Госплана СССР); замнаркома оборонной промышленности СССР Б.Л. Ванников (с января 1939 — нарком вооружений СССР) и др. [Л.11].

Глава 14. Покушение

Среди событий конца 1937 года в среде наших родственников до сих пор вспоминается один достаточно комичный случай. В середине декабря глухой ночью в дверь квартиры, в которой в Челябинске проживала семья маминой старшей сестры Веры Владимировны, раздался настойчивый стук. Её муж Сергей Прохорович Ершов, являвшийся специалистом, который в течение полутора лет занимался в США проектированием Челябинского тракторного завода, решил, что это *компетентные органы* пришли за ним, поскольку все товарищи по заграничной командировке находились уже в местах не столь отдалённых. От стука проснулись и обе дочки, Надежда и Галина. Как рассказывал сам глава семейства, он встал на колени перед своей любимой женой и сказал: «Веруня, я ни в чём не виноват. Что бы ни наговорили обо мне — никому не верь!» Поднявшись с колен, Сергей Прохорович отправился открывать дверь, готовый ко всему. Каковы же были всеобщее удивление и радость, когда оказалось, что это всего-навсего почтальон принёс телеграмму. В срочной почтовой депеше сообщалось, что 14 декабря 1937 года родился автор данной книги — Богданов Юрий Николаевич. За прошедшие годы эта история рассказывалась и пересказывалась много раз. Счастливый отец Николай Кузьмич поздно вечером послал из Луги телеграмму, чтобы побыстрее проинформировать родственников о прибавлении в семействе, но свою роль сыграла разница во времени между западным и восточным городами. Вот так и запомнилось родственникам моё появление на свет.

В декабре 1937 года в связи с окончанием установленного приказом № 00447 наркома внутренних дел 4-месячного срока проведения репрессий высшее и среднее руководство подводило итоги проведенной *чистки* и ожидало постановки новых задач на 1938 год. За проделанную работу кого-то следовало поощрить, а некоторых и наказать. И вот тут произошло не совсем понятное событие. Приказом начальника Управления НКВД по ЛО № 308 от 20 декабря 1937 года было отдано распоряжение о том, что начальник Лужского райотделения лейтенант гб Богданов награждался «боевым оружием УНКВД по ЛО за беспощадную борьбу с контрреволюцией» [А.1]. Всего лишь 4 месяца назад такой же наградой удостоил Богданова союзный Наркомат внутренних дел и пистолет с дарственной надписью ему вручил. И вот опять *боевое оружие* за точно такие же заслуги, но теперь уже от Ленинградского управления. Что ж, как говорят: научно объясняю — бывает! Хотя в процессе проведения первого этапа

великой чистки руководство не было довольно излишней *мягкотелостью* в действиях начальника Лужс-кого райотделения, достаточно либерально относившегося к арестованным и затягивавшего проведение следственных дел, однако по итогам нелёгкой работы всё-таки решило его поощрить. Но самое интересное состоит в том, что мой отец даже *не знал* об этой награде, хотя данные о ней были с каких-то документов занесены в его личное дело в 1946 году. В своём объяснении аж в 1968 году Богданов писал: «За время работы в органах я получил один раз пистолет системы “ТГ”. О втором я до настоящего времени ничего не знаю» [А. 14].

Но *боевое оружие* не предназначалось для вручения Богданову и вообще вряд ли существовало *в натуре*, поскольку именной дарственный пистолет когда-либо да должен был бы *всплыть* в арсенале ленинградских чекистов, которыми в 1950-е годы (то есть через 16 лет после этих событий) руководил мой отец. Цель приказа была совершенно иная: после планировавшегося покушения на Богданова на его похоронах руководство имело возможность произнести лицемерную речь о трагической гибели только что награждённого боевым оружием за беспощадную борьбу с контрреволюцией начальника Лужского РО НКВД, славного сына Отечества, грозного чекиста, верного партийца и т. д.

Но **счастлив мой Бог!** Не суждено мне было с младенческих лет познать безотцовщину.

События дальше развивались так. После встречи Нового 1938 года ленинградское начальство, утомлённое напряжённой и нервной *работой*, решило отдохнуть и *расслабиться*, организовав большой выезд на зимнюю охоту. По имеющимся у меня сведениям, на этом мероприятии присутствовал даже первый секретарь Ленинградского обкома партии Жданов. Такое мужское развлечение вряд ли могло обойтись без главы Управления НКВД по ЛО Л.М. Заковского и его *боевых* помощников, поскольку в лесничество тогда съехались и более мелкие начальники районных отделений НКВД, среди которых был и Богданов. Теперь вряд ли представится возможным установить, как конкретно развивались события в тот роковой день 5 января 1938 года, предшествовал ли покушению какой-либо разговор или всё было предрешено заранее. Известно только то, что одному из егерей, участвовавшему в охоте, было поручено застрелить Богданова. Кто именно дал *киллеру* такое указание, сказать трудно, но непосредственному начальнику отца, бывшему коменданту расстрельной команды Заковскому, «пристрелить кого-то или распорядиться, чтобы пристрелили, — дело плёвое и

привычное». Документально зафиксированное подобное деяние этого руководителя по *ликвидации объекта* мы потом ещё приведём.

Во всяком случае в упомянутый день, когда Богданов целился в пробегавшего зайца (по другой версии — сидел у костра), егерь выстрелил из своего охотничьего ружья отцу в левый висок. Однако заряд дроби пришёлся в основном в козырёк фуражки и срикошетил, но несколько дробин поразили левый глаз приговорённого к смерти.

Мама рассказывала, что папу привезли домой всего окровавленного, но он совершенно не был подавлен случившимся, а, наоборот, держался бодро, смеялся и шутил. Отца доставили в районную больницу, там, как могли, рану промыли и перевязали, а потом, учитывая серьёзность ситуации, повезли раненого в Ленинград.

Ночью в окно к моей маме постучали. Когда она вышла на крыльцо, незнакомый человек сообщил ей, что он — егерь и ему было приказано убить Богданова на охоте. «Но больно хороший мужик Кузьмич. Дрогнула у меня рука. Не смог я его застрелить», — сообщил совестливый охотник и ушёл, оставив маму наедине с горькими размышлениями [Б].

Конечно, можно долго гадать о причинах покушения на жизнь моего отца. Но, скорее всего, это произошло вследствие постоянно нараставшего недовольства ленинградского руководства НКВД действиями начальника Лужского райотделения, недостаточно усердно проводившего массовые репрессии и слишком либерально относившегося к арестованным. Об этом Богданов неоднократно лично предупреждался, вплоть до угроз, что могут соответствующим образом заняться и им самим. *Саботирование* со стороны отца ряда недоступных его пониманию распоряжений вышесто-явших инстанций не проходило даром, а постепенно накапливалось и не могло не привести к стремлению начальства сурово наказать строптивого подчинённого, а лучше вовсе избавиться от него, списав всё на несчастный случай, произошедший на охоте. Ложное награждение Богданова именным оружием служило только для подкрепления *алиби* начальства в «трагической потере ценного сотрудника».

Ни в одном служебном документе, ни в аттестациях, характеристиках и анкетах, ни в заключениях спецпроверок не содержится хоть каких-нибудь намёков на то, что в результате ранения Богданов лишился левого глаза. Начальство решило начисто забыть об этом инциденте с неудавшимся покушением на охоте, как будто ничего никогда не было.

В этом отношении мой отец выбрал единственно правильное (спасительное) в тех условиях решение: о своём ранении он никогда, нигде и ни с кем не говорил, тем более что полученное увечье ему посчастливилось удачно скрыть. Во всех анкетах, которые Богданову пришлось заполнять в дальнейшем по ходу службы, в пункте «Состояние здоровья», снабжённом расшифровкой, приведенной в скобках («имеет ли ранения, контузии, какие и когда получил»), он всегда писал: «здоров» или «практически здоров» [А.1]. Люди, работавшие с отцом, никогда не догадывались, что у него один глаз искусственный. Я как-то спросил у папы, почему он всегда носит дымчатые очки. Отец ответил, что по работе ему приходится читать много служебных бумаг, и глаза устают от напряжения. Чуть затемнённые стёкла позволяют зрению меньше утомляться.

Тем не менее в личном архиве отца сохранился документ, чётко описывающий последствия того *заказного* выстрела. Это копия медицинской справки, снятой с подлинника, хранившегося потом в Страхинспекции Лужского Гор-фо. Написана копия рукой секретаря Лужского райотделения НКВД В.П. Гринько, датирована 7 июня 1938 года и скреплена круглой гербовой печатью — «Народный комиссариат внутренних дел СССР. Управление НКВД по Ленинградской области. Лужское районное отделение».

«Дана сия больному Богданову Николаю Кузьмичу, находившемуся на излечении в Ленинградском офтальмологическом научно-практическом институте с 6.1.1938 г. по 7.2.1938 г.

Диагноз: Пробойное ранение в области ресничного тела и задн. отд. оболочки глазного яблока левого глаза.

Острота зрения при выписке:

прав. гл. = 1.0

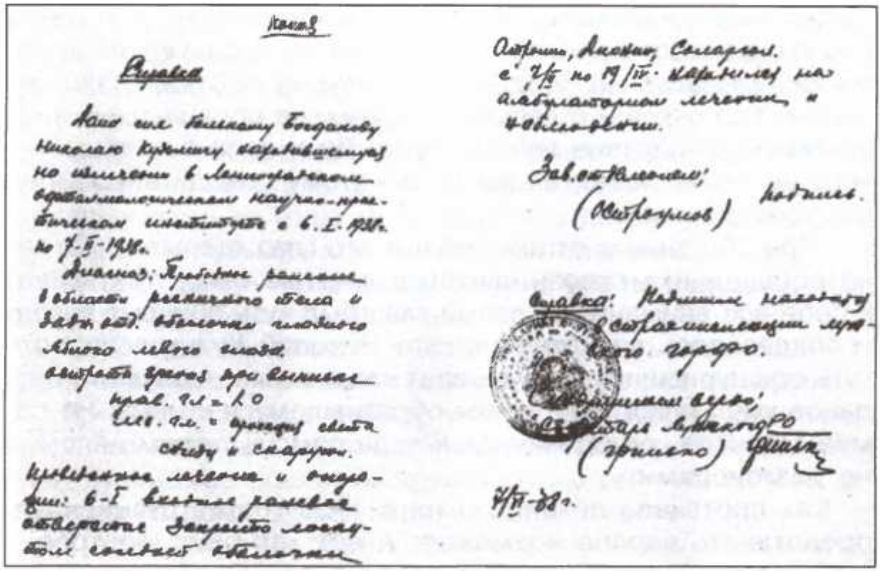
лев. гл. = проекция света снизу и снаружи.

Проведенное лечение и операции: 6.I входное раневое отверстие закрыто лоскутом соседней оболочки.

Атропин, Дионин, Соралгол.

С 7/II по 19/IV находился на амбулаторном лечении и наблюдении.

Зав. отделением (Остроумов) подпись» [А.6].



Справка о прохождении Н.К. Богдановым стационарного и амбулаторного лечения левого глаза после ранения. Ленинград, 1938 год

Итак, после *заказного* покушения 30-летний Богданов остался жив, но в результате полученного ранения полностью лишился зрения левого глаза. Сначала он месяц пролежал в стационаре, а затем больше двух месяцев лечился амбулаторно, то есть регулярно ходил на процедуры в научно-практический институт, а дома делал прописанные врачом примочки. На первом этапе лечения доктора стремились сохранить повреждённое, но собственное глазное яблоко. Однако через какое-то время, как рассказывала нам мама [Б], левый глаз стал воспаляться, и, чтобы избежать переноса инфекции на правый глаз, левое глазное яблоко пришлось удалить, заменив его искусственным. Когда это конкретно произошло, документальных сведений у меня нет. После смерти отца в его письменном столе мы обнаружили в коробочке несколько глазных протезов. Однако при жизни папа столь корректно обходился с этим вопросом, что мы с братом, весьма любившие покопаться в его столе (запретов на это никогда не было), с удовольствием разбирали лежавшие в ящиках атрибуты его военного обмундирования, охотничье снаряжение, упоминавшееся именное оружие и ещё два пистолета, хороший инструмент, который он любил сам покупать, и много других интересных для детей нашего возраста вещей, но никогда не видели там коробочки с *глазами.* Ни на одной из фотографий отца, даже сделанных без очков и с левым ракурсом, не обращало

на себя внимание отсутствие левого глаза. Да и на живом лице ничего не было видно, а сам он по этому поводу никогда не распространялся.

При общении с отцом правый его глаз открыто смотрел на собеседника сквозь светло-дымчатые очки, притягивая к себе всё внимание, а левый глаз был чуть прикрыт веком, и создавалось впечатление, что Николай Кузьмич, просто чуть прищурившись, обдумывает ваши слова. А слушать Богданов умел и мог дать совет обратившемуся к нему. Но самое главное — он стремился всегда помочь людям делом, а не разговорами.

Как протекало лечение отца в 1938 году в стационаре, представить вполне возможно. А вот как было построено амбулаторное лечение, стоит рассказать. Поскольку семья постоянно проживала в Луге, расположенной на расстоянии порядка 150 км от Ленинграда, то ездить каждый день на процедуры и обратно домой не представлялось возможным. В связи с этим на указанные в справке два с половиной месяца (а фактически до лета 1938 года) Николай Кузьмич поселился в городе на Неве у родственников жены по линии её отца. В этой семье он проводил всю рабочую неделю, а на выходные дни обычно ездил в Лугу, решая одновременно накопившиеся служебные дела в своём райотделении НКВД. Кроме процедур, проводившихся в институте, лечебные примочки на раненый глаз Николаю Кузьмичу делала мамина двоюродная сестра Гали Николаевна Резвая. Такое оригинальное имя — Гали — придумал дочери её отец, когда существовала мода на необычные имена для детей, а мы в общении называли нашу родственницу просто Галя. Когда Галя оказалась причастной к тайне последствий покушения, девушка стала для моего отца в определённой мере доверенным лицом. С ней папа поделился некоторыми обстоятельствами роковой январской охоты, а также доверил ей потом и ещё некоторые другие секреты, о которых Галя сохраняла на протяжении долгих лет строгое молчание. Лишь в 1996 году, когда я собирал материал для настоящей книги, Гали Николаевна поделилась со мной известными только ей сведениями.

В первую очередь я поинтересовался у Гали, как вёл себя в ту пору несколько оправившийся от ранения отец.

— Ты что, разве не знаешь, каким мужественным человеком был твой папа? — ответила Галя мне. — Он держался очень хорошо, был бодр, всегда шутил. Да и женщинам он любил нравиться и потому вёл себя достойно.

— А как он оберегал или чем прикрывал раненый глаз? — спросил я, поскольку хотел себе представить, могли ли окружавшие его в те годы люди заметить полученное увечье.

— Николай Кузьмич ходил с чёрной повязкой на глазу, — вспоминала Галя, — но это совершенно его не смущало. Мы даже в театре с ним были несколько раз.

— Как? — поразился я и задал, может быть, совершенно дурацкий вопрос: — В какие театры и сколько раз вы ходили?

— В какие театры, я сейчас уже не вспомню, — ответила Галя. — Но раза четыре точно были, а может, и больше. Николай Кузьмич доставал билеты где-то у себя на работе, а потом мы из дома отправлялись в театр вместе [Б].

Как в тех сложных обстоятельствах, так и в будущем при крупных неприятностях отец не собирался сдаваться. Во время прохождения курса лечения в Ленинграде он по случаю даже сшил себе новую шинель и выглядел стройным красавчиком с чёрной повязкой на глазу, напоминая не то фельдмаршала Кутузова, не то адмирала Нельсона. Однако отсутствие одного глаза, безусловно, нарушило его пространственную ориентацию, и Галя рассказывала, как отец однажды поскользнулся и упал на практически ровном месте, чем был немало смущён. После внезапного исчезновения естественного оптического дальномера, создаваемого парой глаз, ещё следовало научиться правильно себя вести и координированно двигаться.

Необходимо упомянуть, что, находясь в Ленинграде, отец часто бывал и у своей младшей сестры, моей тёти, Екатерины Кузьминичны, с чьей семьёй жизнь нашей семьи оказалась весьма тесно связанной. Тётя Катя в возрасте 26 лет вышла замуж за Дмитрия Павловича Костина, работавшего следователем НКВД. Полгода назад у дяди Димы при родах умерла жена Евгения, и он остался один с тремя совершенно разнохарактерными дочками: Ниной 14 лет, Лидией 11 лет и Тамарой 9 лет. Находясь в командировке в Череповце, Дмитрий Павлович зашёл по делам на коммутатор НКВД, где работала телефонисткой Екатерина, и в один миг на всю оставшуюся жизнь был душевно покорён *телефонной барышней.* На предложение выйти замуж за обременённого детьми вдовца решиться было не просто. Молодой женщине представлялось весьма сложным появиться в большой семье, которую она совершенно не знала и где старшая падчерица была младше своей мачехи всего лишь на 13 лет. Однако Екатерина сумела найти такой подход, проявила столько такта, терпения и внимания к девочкам, что они с ходу смогли принять незнакомую тётю в качестве не заклеймённой во всех сказках злой мачехи, а как дорогую и родную маму! Со временем, когда три сестры это осознали, 14 февраля 1938 года — день появления в их семье доброй, заботливой женщины — они стали ежегодно отмечать как День Мамы.

Сколько лет мы потом жили вместе, но я лично никогда даже не догадывался, что тётя Катя не родная мать моим двоюродным сёстрам, поскольку кроме как *мама* и *мамочка* других слов между ними не слышал. Но не стоит думать, что Екатерина Кузьминична была просто добренькой. Её доброта, самоотдача всегда сочетались с разумной требовательностью и справедливостью. Вот и поведение мужа, как вспоминала тётя Катя, в начале совместной семейной жизни пришлось ей подкорректировать, твёрдо и навсегда объяснив, что самое главное для мужчины семья и его дети, а не иные интересные дела. В марте 1938 года Д.П. Костина перевели на работу в Ленинград, где для большой семьи выделили две комнаты в коммунальной квартире на Лесном проспекте. Здесь они дружно прожили много лет, да и мы у них частенько бывали в гостях. После того как семья Костиных обосновалась на новом месте жительства, летом 1938 года тётя Катя вместе со своими дочками приезжала на несколько дней в гости к нам в Лугу. Я тогда, в полугодовалом возрасте, ещё качался в своей колыбели, и потому такое событие в моей младенческой памяти не запечатлелось. Но моя мама и наша няня Шура познакомились и подружились с новыми племянницами [Б].

По окончании стационарного, а затем амбулаторного курсов лечения в Ленинградском офтальмологическом научно-практическом институте Богданов должен был вернуться к своей работе в Лужском райотделении. Скорее всего, отец в то время уже не носил чёрную повязку поперёк головы, но и так ясно, что *местное население*, несомненно, находилось в какой-то мере в курсе дела о том, что их энкавэдэшный начальник на охоте лишился глаза. В таком случае *одноглазого* следовало из Луги убрать куда-нибудь подальше. Возможно, самым радикальным вариантом было бы *дострелить* Богданова — и дело с концом. Но, вроде, по неписаному правилу, второй раз не расстреливают и не вешают. К счастью для отца, пока он находился в стационаре, начальника Ленинградского управления НКВД Заковского, безусловно посвящённого в дело о покушении, 20 января 1938 года перевели в Москву с солидным повышением на должность заместителя наркома внутренних дел СССР, и одновременно он возглавил УНКВД по Московской области [Л.23]. (Ровно через 10 лет отец будет занимать эту же *двойную* должность.) Теперь большому начальнику стало не до прежних мелочей районного масштаба. Кстати, для сведения о *крупных* деяниях этого руководителя приведём обещанное нами сообщение из документальной книги «Лубянка»: «17 февраля 1938 года по приказу Ежова был отравлен Заковским и Алёхиным в кабинете

Фриновского начальник 7 отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар государственной безопасности II ранга А.А. Слуцкий». Чем это *удачное* покушение отличается от описанного нами *неудачного*? И финал в нашем случае мог быть аналогичным: «Сотрудникам НКВД СССР было объявлено, что он (Слуцкий. — *Ю.Б.*) умер от сердечного приступа. Похоронен был с почестями и некрологом в “Правде”. Приказом НКВД СССР от 23 марта 1938 года А.А. Слуцкий был исключён из списков личного состава НКВД СССР за смертью» [Л.23].

Новым начальником Управления НКВД по ЛО назначили старшего майора гб М.И. Литвина, которому тут же присвоили звание комиссара гб III ранга [Л.23]. С его приходом сотрудники невесело шутили: «При Заковском были цветочки, а при Литвине — ягодки». *Чётким росчерком пера* подписывая обвинительные заключения на арестованных, этот выдвиженец наркома Ежова, имевший весьма *скользкую* биографию, отправлял людей на смерть [Л.4].

После окончания лечения Богданов был вызван в отдел кадров УНКВД по ЛО, где работники данного отдела Минин и Даллий сообщили пострадавшему чекисту, что ему предлагают поехать на работу начальником Кингисеппского окружного отдела. Отец от предложения отказался [А.11]. Мотивировка его поступка была, видимо, такая. Вроде бы, из Луги действительно надо было сматываться туда, где тебя не знают, чтобы каждый посетитель и прохожий не вглядывался пристально в твой левый глаз. С другой стороны, понятно, что на новом месте с никому не известным человеком легче представлялось разделаться, и отец этого опасался.

В течение нескольких дней Богданова продержали в управлении, а затем он был вызван к начальнику УНКВД Литвину. В присутствии своего заместителя старшего лейтенанта гб А.М. Хатеневера начальник управления заявил, что Богданов может возвращаться в Лугу, так как назначать его на другую должность передумали. «Поинтересовались Вашей работой, — резюмировал Литвин, — и оказалось, что Вы — незрелый чекист и плохой работник. В обстановке не разобрались, район не очистили от правых, и они продолжают свою подрывную работу». В ответ отец заявил, что материалами о подрывной деятельности правых его райотделение не располагает, а выдумывать то, чего нет, он не может. Литвин обещал прислать бригаду работников для проверки положения дел в Лужском районе, но это решение начальника оказалось пустым звуком — никакая бригада не приезжала [А.11].

После нескольких месяцев хорошей нервотрёпки Богданов к

июню 1938 года вернулся в своё Лужское райотделение НКВД, чтобы продолжить вынужденно прерванную оперативную работу.

Глава 15. Итоги 1937 года и задачи на 1938 год

В середине января 1938 года проходил очередной пленум ЦК ВКП(б), в работе которого принимали участие лишь 21 член ЦК из 78 коммунистов, избранных в этот руководящий орган на XVII съезде партии. Причём более половины из присутствовавших (то есть оставшихся в живых и на свободе) были членами и кандидатами в члены Политбюро.

В докладе Маленкова и в речах выступавших в прениях на этом пленуме членов ЦК приводились просто кошмарные фактические данные о проведенной по требованию партократии широкомасштабной *чистке*, охватившей всю страну.

Репрессии коснулись всех слоёв населения, особенно в сельской местности, не обошли беспартийных и членов партии, гражданских и военных, рядовых работников и руководителей. На любых собраниях и партийных форумах практиковались коллективное обсуждение и осуждение своих товарищей по работе, особенно начальников, с использованием достоверной, а порой и вымышленной информации. Развилось доносительство, сведение личных счётов с привлечением *компетентных органов.* Как стало известно позднее, лица, попавшие за решётку, старались оговорить как можно больше своих знакомых, чтобы и они оказались в местах не столь отдалённых. Оппозиционеры заранее договорились о том, что в случае ареста каждый из них должен *скрывать* свою ответственность в деле незаслуженных страданий невинных жертв, которые сядут на нары по их наветам и клевете. Логика при этом была проста: «чем больше посадят, тем быстрее прекратятся репрессии против настоящих заговорщиков». Общий умысел тут чувствовался, поскольку именно так действовало абсолютное большинство арестованных в те годы.

Наибольшей критике на пленуме подвергся первый секретарь Куйбышевского обкома П.П. Постышев, который оказался на данной должности после того, как в начале 1937 года он был снят с постов первого секретаря Киевского обкома и горкома, а затем и секретаря ЦК КП(б) Украины. Постышев являлся главным инициатором репрессий против украинской интеллигенции, жестоко громил *национальные* кадры, при нём были арестованы все секретари обкомов и большинство секретарей райкомов, уничтожены сотни тысяч рядовых граждан. Несомненно, что на новом месте он стремился реабилитировать себя усилением

бдительности. Толчком к свирепым расправам над партийным аппаратом области послужил приезд в августе 1937 года в Куйбышев секретаря ЦК А.А. Андреева, который заявил Постышеву: «Центральный Комитет считает, что борьбы у вас с врагами нет, что вам надо мобилизовать куйбышевскую парторганизацию на разоблачение врагов». В результате проводившийся Посты-шевым беспощадный террор ***был беспрецедентным даже по меркам 1937 года*** [Л.40]. В декабре в числе других первых секретарей он был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Нами было высказано предположение [Л.1], почему именно в этот волжский город первым секретарём обкома назначили столь ретивого и жёстокого партийного руководителя. По всей видимости, это являлось необходимым фрагментом «Операции прикрытия» и служило просто для *отвлечения внимания* людей на собственные горькие проблемы от основных действий по подготовке к войне, разворачивавшихся в этом регионе.

Как стало известно только в ходе Великой Отечественной войны, город Куйбышев был заранее подготовлен в качестве **запасной столицы,** куда в случае возникновения критической обстановки следовало перебросить многие правительственные учреждения Советского Союза и иностранные посольства. Для этого здесь без шума и лишних *дискуссий*, **совершенно незаметно** для обывателя следовало заранее подготовить значительное количество соответствующих зданий и помещений. **Но** в самом Куйбышеве сосредоточивались только те учреждения, «потеря которых не оказывала влияния на устойчивость высшего военно-политического руководства страны». То, что следовало сохранить в **глубочайшей тайне,** находилось рядом с городом в гигантских подземных тоннелях, вырубленных в скалах Жигулей, и предназначалось для важнейших учреждений.

В соответствии со стратегическим планом, перед войной строительство «великолепного подземного, точнее — подскального, командного пункта» было хитро замаскировано якобы возведением гигантской Куйбышевской гидроэлектростанции. «Сюда гнали тысячи зэков, тысячи тонн строительных материалов и строительную технику, и всем ясно **зачем** — для строительства ГЭС» [Л.20].

В 23-м томе Большой Советской энциклопедии [Л.27] написано, что в соответствии с постановлением Совета Министров СССР строительство Куйбышевской ГЭС началось только в 1950 году, а ввод на полную мощность произошёл в 1955 году. Ни о каком строительстве гидроэлектростанции в 1930-е и 1940-е годы речи не идёт. Правда, ходили слухи, что место для

Куйбышевской ГЭС было тогда выбрано ***неудачно***, и стройку пришлось переносить.

На самом деле в соответствии с приказом НКВД № 369 от 2 сентября 1937 года были организованы подчинённый Главному управлению лагерей (ГУЛАГу) Самарский ИТЛ (Са-марлаг) и строительство **Куйбышевского гидроузла.** Производственными задачами данного лагеря являлись «обслуживание работ Куйбышевстроя НКВД, **в том числе — строительства Куйбышевской ГЭС (не окончено),** Бе-зымянской и Куйбышевской ТЭЦ, **дизельной** электростанции, Жигулёвской подстанции, цементного, кирпичного и механического заводов, железных дорог Безымянка-Красная Глинка (42,5 км), Сызрань-Переволоки (59 км), дорожных магистралей Красноглинского узла, жилищное строительство». Большой строительный комплекс, в котором всё было предусмотрено, только аэродрома не хватало.

В Самарском ИТ/1 в 1937 году работало всего лишь 2159 заключённых. В 1938 году численность работяг перевалила за 30 тыс. человек. В январе 1939 года *исправлялись трудом* 36 761 заключённый, однако численность их постепенно падала и к августу 1940 года сократилась до 23 637 человек. Вместе с тем к декабрю этого же года контингент возрос до 41 129 человек.

Для строительства **Куйбышевского гидроузла** была создана строительная организация — Управление строительства (УС) Куйбышевского гидроузла (Куйбышевстрой) НКВД. Интересно, что 14 апреля 1938 года начальником Куй-бышевстроя был назначен зам. наркома внутренних дел комиссар гб I ранга А.М. Заковский. На рядовую стройку зам-наркома, наверное, не послали бы. Правда, побыл на волжских утёсах Леонид Михайлович всего две недели, после чего 29 апреля 1938 года был арестован, а затем через четыре месяца расстрелян. Не исключено, что блестящая карьера этого предшественника моего отца по ряду должностей резко оборвалась вследствие того, что он *сболтнул* где-нибудь что-то лишнее о разворачивавшемся строительстве «секретного объекта государственной важности».

В октябре 1940 года в связи с временным приостановлением строительства Куйбышевского гидроузла рабочую силу, весь инженерно-технический и административно-хозяйственный состав передали на укомплектование других строительств. Работы по временной консервации до лучших времён этого объекта, служившего прикрытием основного строительства, поручили вновь созданному Главгидрострою НКВД СССР [Л.24].

Однако главное дело в этом районе *не законсервировалось*. Приказом НКВД № 001203 от 25 сентября 1940 года на станции

Безымянка под Куйбышевым был организован Бе-зымянский ИТЛ (Безымянлаг). Наряду с обычными задачами по строительству дорог, жилпосёлка, достройки Безымян-ской и **Куйбышевской ТЭЦ,** кирпичного и механического заводов, Безымянлагу было поручено строительство двух авиационных заводов, № 122 и № 295, и моторного завода № 377. Мне сначала было не понятно, зачем именно в Куйбышеве нужны авиационные заводы, о строительстве которых информация **совершенно не скрывалась?** Ответ прост. Этим заводам обязательно требовался аэродром, и не один. Строительство аэродрома поручили Безымянлагу.[Л.24]. **На фоне** испытательных и иных полётов заводских самолётов прибытие и убытие спецбортов не могло вызывать ни малейшего подозрения.

В стране вообще и в Куйбышеве в особенности была создана обстановка *шпиономании*: раз можно **заподозрить,** что кто-то суёт нос не в свои дела, интересуется вопросами, которые его не касаются, — значит не иначе как этот гад работает на иностранную разведку. Настоящие советские граждане сидят тихо, ничего не видят и не слышат, занимаются только тем, что им поручено. Но среди них *везде и всюду враги,* настоящей борьбы с которыми нет. Поэтому, *по мне-нию ЦК,* важнейшая задача как раз и состояла в том, чтобы «мобилизовать куйбышевскую парторганизацию на разоблачение врагов». Дело дошло до абсурда: «секретари и весь аппарат городских райкомов в Куйбышеве бегали с лупами». Возглавляемые первым секретарём Постышевым, вооружённым таким же оптическим устройством, все настойчиво искали фашистскую символику или силуэты Троцкого на обложках тетрадей, на обёртках печенья и конфет [Л.40]. Чем бы ни тешились ревностные партийцы, лишь бы **сами не интересовались и другим не давали проявлять любопытство:** что же это строится в Жигулёвских горах вместо объявленной во всеуслышание гидроэлектростанции?

Поскольку любые *нововведения* практически *невозможно скрыть от местного населения*, то следует отдать должное «Операции прикрытия», что только предпринятыми *жесточайшими мерами* удалось обеспечивать *абсолютную секретность* важнейшего объекта.

Об **эффективности** проведенных маскировочных мероприятий говорит тот факт, что в германских документах предвоенных лет никаких упоминаний о Куйбышеве как запасной столице, тем более сведений о подземном командном пункте в Жигулях, не обнаружено. Более того, за счёт целенаправленной дезинформации удалось пустить противника по ложному следу: 6 июля 1941 года германская разведка *«добыла»* сведения о том, что

«советское правительство намерено перебраться в Свердловск». В Германии это известие приватно узнали «только Гитлер и самые приближённые к нему люди». В действительности в Свердловске был создан **ложный командный пункт,** и **по указанию Сталина** в нужный момент «германская разведка получила “секрет”, который сфабриковали специально для неё» [Л.20].

Казалось бы, что за *чрезмерное усердие* Постышева в Куйбышеве, когда он через неделю после перевыборов горкома арестовал 17 человек из 41 члена нового состава, исключил из партии 3300 коммунистов, распустил более 30 райкомов, в которых «большинство руководителей оказались врагами народа» и т. д., такого горе-руководителя следовало сурово наказать. Однако товарищ Сталин обсуждение «дела Постышева» завершил своим кратким, очень деликатным выступлением, в котором сказал: «У нас здесь в президиуме ЦК, или Политбюро, как хотите, **сложилось мнение,** что после всего случившегося **надо какие-то меры принять** в отношении тов. Постышева. И мнение сложилось такое, что **следовало бы** его вывести из кандидатов в члены Политбюро, оставив его членом ЦК». В благодарность за то, что Постышев успешно провёл «Операцию прикрытия» во вверенной ему области, Сталин, как мог, *смягчил* удар по своему ставленнику. Впрочем, этот просвет в судьбе Постышева длился около месяца. Вследствие накопления «слишком большого количества компрометирующих материалов», поступавших от НКВД и куйбышевской парторганизации, Политбюро вынуждено было принять решение о передаче «дела Постышева» на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). На основании предъявленных обвинений бывший крупный партийный функционер был исключён из ЦК и из членов партии, а в ночь на 22 февраля 1938 года арестован. Спустя год он был приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян [Л.40].

Заслушав на пленуме ЦК общие итоги проведения в 1937 году истребованных партократами репрессий (и одновременно негласно проходившей «Операции прикрытия»), Политбюро санкционировало начало второго этапа. 31 января 1938 года было принято следующее постановление: «Разрешить наркомвнуделу **продолжить** до 15 апреля 1938 года **операцию** по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно соответствующим приказам НКВД СССР. Оставить до 15 апреля 1938 года **существующий внесудебный порядок рассмотрения дел по этим операциям» [Л.40] .**

Теперь в целях полного выявления **связей с зарубежьем** и **пресечения возможности утечки любой информации** остриё репрессий было направлено против *националов*, то есть на представителей тех национальностей (финнов, латышей, литовцев, эстонцев), «которые имели свои компактные территориальные образования, входившие ранее в состав Российской империи и ставшие после Октябрьской революции независимыми государствами». Репрессии не могли пройти мимо представителей народов других европейских стран (греков, румын, македонцев, чехов, болгар, испанцев и др.), ибо говорилось, что они «склонны к шпионской работе в пользу своих государств». При этом аресты всех *потенциальных шпионов* производились только по национальному признаку, **без наличия компрометирующих материалов.** Вызвано всё это было следующим обстоятельством. Ещё в 1935 году Москве стало достоверно известно, что вооружённое нападение на СССР планируется консолидированными силами коалиции ряда государств в составе Германии, Польши, Румынии, Финляндии и стран Прибалтики. Приходилось учитывать это обстоятельство.

Поскольку к новой волне репрессий опять подключились партократы, то с их подачи часто «арестовывали и расстреливали целыми семьями, в числе которых шли совершенно неграмотные женщины, несовершеннолетние, даже беременные, и всех, как шпионов, подводили под расстрел без всяких материалов, только потому, что они — националы» [Л.40].

«Операция прикрытия» подразумевала осуществление более жёсткого контроля и за иностранными гражданами, официально прибывавшими в Советский Союз. В этих целях акционерное общество «Интурист» на основании постановления СНК СССР от 17 апреля 1938 года было передано в ведение НКВД СССР и подчинено его административно-хозяйственному управлению. Интересно, что в сов. секретном циркуляре НКВД СССР № 165сс от 16 августа 1938 года было записано, что о переходе местных отделений и представительств «Интуриста» в ведение НКВД **«должны знать только** заведующие местными отделениями этой организации и **«вопрос о переходе Интуриста в ведение НКВД** разглашению не подлежит». Поскольку принадлежность туристической компании к ведомству, занимавшемуся совсем иной деятельностью, выглядела не очень вразумительной, то через полтора месяца, которые понадобились НКВД, чтобы *нашпиговать* АО «Интурист» своими *акционерами*, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00641 от 29 сентября 1938 года эта фирма в структуре НКВД объявлялась «больше не значившейся».

К этой же *международной теме* относился и арест всех

специалистов, побывавших за границей на учёбе, стажировке, разработке проектов, закупке оборудования и т. п., а потому имевших возможность сохранить нежелательные личные каналы связи с иностранными гражданами. Редкое исключение здесь составил, может, упоминавшийся в главе 14 муж моей тёти по маминой линии Ершов Сергей Прохорович, который находился в США в течение 18 месяцев в связи с разработкой проекта Челябинского тракторного завода, но почему-то (в том числе и к его великому удивлению) за решётку не попал. Большинство его товарищей по американской командировке было арестовано.

В марте 1938 года состоялся последний публичный процесс. На скамье подсудимых находились Бухарин, Рыков, Раковский, Ягода, Крестинский, Розенгольц, Чернов, Икра-мов, Ходжаев, Шарантович, Гринько и Зеленский. Причём Бухарин в ходе следствия и суда всё ещё на что-то надеялся, из тюрьмы неоднократно писал Сталину, просил его не уничтожать, а выслать за границу, чтобы сделать из него *анти-Троцкого*. Однако на этом процессе обвинения прозвучали куда более серьёзные, чем на предыдущих: вредительство, организация *кулацких восстаний*, голодомор и др. Основанием для этого явилась полученная к этому времени крайне важная информация. Во-первых, в декабре 1937 года советской разведке за рубежом удалось выкрасть часть архива Троцкого, который в 1929 году при содействии Бухарина и попустительстве ОГПУ «бесу перманентной мировой революции» удалось вывезти с собой при выдворении его с территории СССР. Во-вторых, трём высокопоставленным подсудимым удалось купить себе жизни за счёт откровенного сообщения следствию всех известных им сведений. Перед январским процессом 1937 года это сделали Радек и Сокольников, перед данным, мартовским 1938 года, разговорился (в основном на французском языке) Раковский. Эти фигуранты были причастны к делам высшей зарубежной *закулисы*, а потому знали очень много: истинную подоплёку революции, Гражданской войны, кровавого террора, голодомора, планов уничтожения СССР и прочих тёмных деяний. Их откровения не были включены в материалы открытых процессов, но позволили Сталину более точно установить, чьими ставленниками являлись Троцкий, Свердлов, Бухарин и другие деятели *ленинской* (точнее, *троцкистской)* гвардии. Со слов Радека, Сокольникова и Раковского стало понятно, кто и как подставлял Россию, сокрушал её, разворовывал и продолжал подрывные акции в настоящее время.

Понятно, что Сталин **не мог обнародовать** открывшуюся ему информацию. Признать, что большевиков привела к власти

мировая закулиса, включавшая зарубежные правительства, банкиров и спецслужбы, означало бы нанести сокрушительный удар по партии и Советской власти. Это было чревато разбродом в умах и новыми смутами. Впрочем, Сталин не сомневался, что Советская власть является более прогрессивной и справедливой по сравнению с царской и своей практической деятельностью старался доказать это [Л.8].

За два с половиной месяца отловить всех потенциальных *шпионов*, причисленных к *опасным* национальностям, не удалось, и репрессии вместе с «Операцией прикрытия» продлились до осени. Только 17 ноября 1938 года Молотов и Сталин подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое положило конец санкционированному произволу и беспределу. В постановлении отмечались «крупные недостатки и извращения в работе органов НКВД». В связи с этим глава карательных органов Ежов, по его просьбе, 24 ноября 1938 года был освобождён от занимаемой должности. На следующий день наркомом внутренних дел СССР назначили Л.П. Берию[1], являвшегося с 22 августа 1938 года первым зам. наркома [Л.29].

Глава 16. Следственные дела 1938 года

В 1938 году с 1 февраля Лужский оперсектор, объединявший 5 районов, возглавил старший лейтенант гб Антонов. Вернувшийся после лечения (и *промывания мозгов* начальником УНКВД ЛО) Богданов приступил к своей основной работе в райотделении фактически с июня 1938 года. Одновременно он продолжал оставаться заместителем (а при отсутствии своего шефа и исполняющим обязанности) начальника оперсектора с правом подписи.

Из следственных дел упомянутого года представляется возможным наиболее полно рассмотреть материалы по обвинению студентов Лужского педагогического техникума А.К. Арбейтера, И.И. Дрикита, К.А. Тамберга и А.К. Ямбурга (все латыши по национальности, граждане СССР) в антисоветской агитации в составе группы соучастников.

Управление НКВД ЛО *направило* в Лужское райотделение материалы в виде копий протоколов допросов о том, что в Ленинградском Латвийском педагогическом техникуме была вскрыта *антисоветская националистическая организация,* руководители которой арестованы. В своих показаниях эти руководители в качестве соучастников назвали и фамилии перечисленных выше 4 студентов, которые после закрытия Латвийского техникума были направлены в Лугу, чтобы продолжить там образование в местном педагогическом училище. Предлагалось установить перечисленных лиц, арестовать и привлечь к ответственности, что и было выполнено в июне 1938 года.

На первом установочном допросе, проводившемся 13 июня помощником оперуполномоченного Лужского райотделения сержантом гб Сергеевым, задержанный Тамберг своё участие в какой-либо контрреволюционной деятельности отрицал, заявив лишь, что с другими арестованными он был в хороших отношениях как с товарищами по учёбе, проживал с ними в одной комнате общежития. Однако на следующий день Тамберг и Ямбург написали на имя начальника Лужского оперсектора НКВД заявления. Существо содержания их обращений характеризуется следующей выдержкой из бумаги, подписанной Тамбергом 14 июня 1938 года: «Я искренне раскаиваюсь перед органами НКВД в своём неправильном и караемом поступке. Я был завербован в контрреволюционную организацию при Латвийском

педагогическом училище в 1937 году в ноябре месяце. Завербован я Эретоном».

Через несколько дней Тамберг в своём следующем заявлении раскрыл ряд подробностей, относившихся к антисоветской и националистической агитации, проводившейся в педагогическом техникуме. Допрос обвиняемого проводился 20 июня начальником Лужского РО НКВД лейтенантом гб Богдановым. По материалам заявления и протокола допроса вырисовывалась следующая картина.

В Латвийский педагогический техникум в Ленинграде Тамберг поступил в 1935 году. На следующий год в составе преподавателей появился педагог по художественному воспитанию Пуренин, «который с первых же дней дал понять, что является врагом Советской власти и убеждённым националистом». Всё, что касалось сегодняшней жизни, он «критиковая в антисоветском духе. Только фашизм, по его выражению, может двигать человечество вперёд». При бытовых встречах и беседах со студентами Пуренин говорил, что в данный момент Латвия объединяется с Германией. Этому примеру последуют и другие прибалтийские страны, и тогда они все вместе нападут на Советский Союз и разгромят *{«скувырнут»)* его.

Сам Тамберг, как и другие арестованные вместе с ним студенты, разделял взгляды Пуренина, поскольку считал себя националистом и потому был вовлечён своим педагогом и студентом старшего курса А.А. Эрентоном в качестве участника в контрреволюционную националистическую организацию, существовавшую в Латвийском педтехникуме.

На *сборищах* группы Пуренин заявлял, что «задачей нашей организации в данный момент является необходимость развёртывания среди студентов националистической пропаганды, восхваления Латвии и существующего порядка в ней». Когда все участники группы станут педагогами и будут работать в советских школах, они должны «как только возможно дать меньше знаний советской молодёжи, переводить из класса в класс и выпускать из школы неграмотных людей». Персонально Тамбергу и всем остальным была поставлена основная задача по организации контрреволюционно настроенной латвийской молодёжи, которая в случае нападения Латвии на СССР смогла бы выступить с оружием в руках в тылу Красной Армии и тем самым помешать ей вести оборонительные действия. Для этой цели участники организации должны были проводить систематическую обработку молодёжи в националистическом духе.

В дополнение к этим сведениям обвиняемый Ямбург на допросе показал, что учёба и воспитание молодёжи, состоявшей

исключительно из латышей, были подчинены задачам *контрреволюционной националистической организации.* Всем учащимся под разными предлогами втолковывалось, что они являются националистами, должны любить свою родину — Латвию. Жизнь в Советском Союзе, рост народного хозяйства, достижения во всех отраслях производства преподносились в искажённом виде и в большинстве случаев изображались в антисоветском духе. Наоборот, фашистские страны, Германия, Латвия и др., представлялись цветущими, «где жить хорошо и привольно». Директор техникума Эйзеншмидт, делая доклады о международном положении, систематически восхвалял Латвию и фашистский строй. Разоблачение врагов народа Зиновьева, Каменева, Тухачевского, Эйде-мана «вызвало среди нас сожаление. В этих людях мы видели своих единомышленников». Студент старшего курса Эрентон как лицо, близко стоявшее к руководству, систематически информировал студентов о мероприятиях, которые должны провести они «как участники контрреволюционной организации».

Какие-либо активные действия развёрнуты не были в связи с арестом в октябре-ноябре 1937 года ряда преподавателей и последовавшей за этим ликвидацией Латышского педтехникума. Оставшиеся студенты были направлены в педучилища других городов.

На основании добытых материалов помощник оперуполномоченного Лужского РО НКВД сержант гб Сергеев 23 июня 1938 года составил следующее обвинительное заключение по следственному делу.

«Лужским оперсектором УГБ УНКВД ЛО вскрыта и ликвидирована молодёжная контрреволюционная националистическая латвийская группа, являвшаяся частью существовавшей в Ленинградском Латвийском педагогическом техникуме шпионской, контрреволюционной националистической организации.

Проведенным по данному делу следствием установлено, что обвиняемые Арбейтер А.К., Тамберг К.А., Дрикит И.И., Ямбург А.К., будучи вовлечены в разное время в контрреволюционную, националистическую организацию педагогом Латвийского техникума Пурениным и студентом того же техникума Эрентоном (арестованы), систематически в 1936–1937 годах в общежитии техникума организовывали и присутствовали на контрреволюционных сборищах, где среди студентов техникума проводили контрреволюционную националистическую пропаганду с целью создания кадров для повстанческих отрядов в тылу Красной Армии на случай войны между СССР и

капиталистическими странами».

На основании сделанного резюме подследственным были предъявлены следующие обвинения.

Арбейтер, латыш, из крестьян, отец и дед арестованы за контрреволюционную деятельность в 1937 году, обвинялся в том, что в начале 1937 года был завербован студентом техникума, латвийским разведчиком Эрентоном «в контрреволюционную националистическую латвийскую организацию». Среди студентов техникума проводил контрреволюционную националистическую пропаганду. «Принял задание Эрентона» по окончании техникума воспитывать молодёжь в фашистском националистическом духе, проводить вербовочную работу среди латышского населения по созданию повстанческих отрядов на случай войны Германии и Латвии против СССР. В перечисленных деяниях, предусмотренных в качестве преступления статьёй 58, пунктами 10 и 11 УК РСФСР, «виновным себя признал полностью и изобличается показаниями обвиняемых Дрикита, Тамберга и Ямбурга».

Этим трём подследственным были предъявлены аналогичные по сути обвинения, но с некоторыми вариациями. В соответствии с приказом наркома внутренних дел № 00485 следственное дело направлялось на рассмотрение на особую *тройку*.

Данное обвинительное заключение было согласовано с начальником Лужского РО НКВД лейтенантом гб Богдановым и утверждено начальником Лужского оперсектора старшим лейтенантом гб Антоновым [А. 13]. Каких-либо мер физического воздействия к обвиняемым не применялось, что они сами подтвердили комиссии УНКВД, проверявшей тюрьмы после 17 ноября 1938 года и беседовавшей со всеми заключёнными [А.11].

Решением *особой тройки* УНКВД ЛО от 29 сентября 1938 года «обвиняемые Тамберг и Дрикит были осуждены к 10 годам исправительно-трудовых лагерей» за контрреволюционную деятельность, а Арбейтер и Ямбург, которым предъявлялись точно такие же обвинения, через некоторое время из-под стражи были освобождены [А. 13].

При таком обороте дела осуждённые Тамберг и Дрикит, встретившиеся в пересыльной тюрьме в Ленинграде, решили, с учётом советов более опытных товарищей по несчастью, от своих прежних показаний отказаться и «всё свалить на применение к ним незаконных методов воздействия со стороны следователей». Из мест заключения они оба стали посылать жалобы в прокуратуру и Верховный суд СССР.

Существо этих жалоб сводилось к следующему. Следователи путём обмана заставили написать под диктовку явную ложь и несправедливость. Очных ставок и свидетелей не было. Следствие

велось «небрежно, грубо, со всевозможными угрозами и стойками». Себя осуждённые характеризовали как выходцев из крестьянских семей. Родители были батраками, а Советская власть дала им землю. По первому зову вступили в колхоз. В школе учились хорошо, как ответ на заботу партии и правительства. Только в советской стране могли получить так много. Жизнь с каждым днём становилась радостнее и зажиточнее. Находясь в лагере, к работам относились добросовестно, без замечаний [А. 13].

На основании поступивших жалоб прокурор Отдела по спецделам Леноблпрокуратуры 24 марта 1941 года проверил в порядке надзора данное архивно-следственное дело и нашёл следующее. Принимая во внимание то, что осуждённые в своих жалобах отказались от своих прежних показаний, проходившие по этому делу Арбейтер и Ямбург освобождены из-под стражи, а, кроме взаимных обличений, фактически единственным доказательством вины осуждённых являлись показания Эрентона от 9 апреля 1938 года, «прокурор признал необходимым направить дело на доследование» [А. 13]. Результаты дополнительного разбирательства нам не известны.

Из дальнейшей судьбы молодых страдальцев есть сведения о том, что через полтора десятка лет, 20 августа 1956 года, Тамберг и Дрикит были реабилитированы, а все грехи за это дело приписали Богданову, которого обвинили в необоснованно проведенном аресте и незаконном ведении следствия.

Более трагично сложилась судьба 14 эстонцев, из которых решением *особой тройки* от 7 октября 1938 года 13 человек были приговорены к высшей мере наказания, а один — к 10 годам ИТЛ. Все они обвинялись как «участники единой контрреволюционной националистической повстанческой группы, проводившей среди населения антисоветскую агитацию, восхвалявшую фашизм».

Признавший себя руководителем группы обвиняемый Андерсон на допросе 4 июля 1938 года, проводившемся помощником оперуполномоченного Лужского РО НКВД сержантом гб Горюновым и представителем местной прокуратуры оперсотрудником Алексеевым, показал, что он «служил в армии белых, в которую вошёл в июне 1919 года, оставив свой пост члена Красногорского волостного исполкома». После разгрома Белой армии осел в Лужском районе, где был завербован своим родственником Р.Р. Андерсоном, «нелегально переходившим из Эстонии для ведения шпионской деятельности в пользу разведки своей страны». После этого получил задание о создании контрреволюционной группы из местных эстонцев-националистов. Сам завербовал 6 человек, а они (особенно В.К.

Тыч) завербовали ещё ряд единомышленников. Проводили антисоветскую агитацию, при войне Эстонии с СССР «намеревались выступить с оружием в руках против Советского Союза».

Через 20 лет при перепроверке архивно-следственного дела по жалобе Е.П. Турро, жены одного из расстрелянных, допрошенные свидетели показали, что «все осуждённые занимались сельским хозяйством, первыми вступили в колхоз, к работе относились добросовестно, никаких высказываний от них не слышали». Упоминавшийся в деле Р.Р. Андерсон «приходил из-за границы просто в гости». На этом основании постановление *особой тройки* было опротестовано [А. 13].

В связи с тем, что начальник Лужского райотделения Богданов почти полгода на службе отсутствовал по причине лечения ранения, следственные дела вёл его заместитель Варицев вместе с другими следователями. После возвращения в строй по окончании лечения Богданов стал помогать своим сотрудникам оформлять документы. Теперь это было не просто товарищеской помощью, но и необходимой тренировкой, поскольку для уверенного письма с одним правым глазом требовался определённый новый навык.

Ещё одно неприятное обстоятельство потянулось за отцом из этих трудных лет к будущим служебным разбирательствам. Поскольку начальник Лужского РО имел право подписи вместо отсутствовавшего начальника оперсектора в качестве *исполняющего обязанности*, то Богданов утверждал своей визой обвинительные заключения и другие документы, представлявшиеся из остальных 4 районов, входивших в Лужский оперсектор. И со временем отцу предъявили его подписи на документах Батецкого, Плюсского и других райотделений НКВД как участие в массовых репрессиях.

Подводя итог проводившимся в Лужском районе следственным делам, можно отметить, что в соответствии с поступавшими из Центра установками в те страшные годы по малейшему подозрению, доносам, оговорам пострадало много простых людей. Все они, как и исполнители *воли партии* на местах, сами не осознавая того, стали жертвами в том числе и «Операции прикрытия», нацеленной на создание в стране такой обстановки, при которой невозможной стала бы утечка любой информации о начинавшейся широкомасштабной подготовке всей страны к войне. Следует отметить, что в Лужском райотделении НКВД не практиковалось применение к арестованным физических мер воздействия, связанных с избиениями, пытками, хотя в соответствии с требованиями начальства *стойки* применялись.

Прямо могу сказать, что как ни собирали компромат на моего отца, но подобных безобразий обнаружить не могли, поскольку Богданов в своей нелёгкой службе такого никогда не допускал.

Общее резюме по делам 1937–1938 годов можно подвести словами генерал-полковника С.С. Бельченко: «Да, тогда мы наколбасили» [Б].

Очевидно, что к исходу 1938 года все задачи *великой чистки* были решены, а потому было принято решение о прекращении репрессий. В упоминавшемся нами постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года говорилось, что «существовавшее в те годы **(по настоянию партократии. —** *Ю.Б.)* упрощенное ведение следствия и суда привело к недостаткам и извращениям в работе органов НКВД и прокуратуры. Отсутствовала надлежащая агентурно-оперативная работа, результаты следствия не подкреплялись показаниями свидетелей, вещественными доказательствами и актами экспертизы» (достаточно было только признания обвиняемым своей вины). Констатировалось, что «имели место подлоги, фальсификация следственных дел и арест невинных людей». В общем, **виноваты во всём оказались работники НКВД,** а *безгрешные* партийные деятели были вовсе не при чём.

От разрушительной работы теперь предлагалось перейти к общепринятой. Отныне органам внутренних дел запрещалось самим выдумывать «массовые операции по арестам и выселениям». Аресты разрешалось производить только «по постановлению суда или с санкции прокуратуры». Ликвидировались *особые тройки,* но Особое совещание при НКВД СССР сохранялось. В оперативных отделах создавались следственные части, которые в своей работе обязаны были соблюдать всеми позабытый Уголовно-процессуальный кодекс [Л.23].

За два прошедших года репрессий, когда перечисленные выше элементарные юридические нормы законодательно допускалось не соблюдать, ***было арестовано свыше 12,5 млн человек, из которых 681 692 человека расстреляны*** [Л.40]. Но, как говорят специалисты, поскольку пострадало менее 1 % населения, то эти репрессии (по сравнению с *геноцидом* Гражданской войны) нельзя даже назвать *массовыми*. Действительно, ***массовыми*** явились не сами аресты, а сопутствовавшие им *всенародные* мероприятия по поимке *шпионов,* или ***шпиономания***, в моральном, материальном или житейском плане затронувшие практически каждого человека. Одним из главных *достижений* прошедшей волны репрессий оказалась *новая обстановка,* заставившая всех граждан страны

Советов исключить из своего лексикона слово *заграница* и сформировавшая «в любом иностранце образ врага и шпиона», с которым надо вести себя настороженно, ни в коем случае не общаться, а тем более не сообщать какую бы то ни было информацию. Делиться со своими друзьями или знакомыми служебными вопросами также стало невозможно, ибо за такие разговоры на тебя кто-то просто **обязан** был донести. Говорить оставалось только о том, что написано в газетах, в разрешённых книгах и в «Кратком курсе» партии. **В жестоко сформированных условиях** Сталин отныне имел возможность проводить самые различные мероприятия по подготовке страны к войне без излишних опасений, что это станет известно за рубежами СССР.

Теперь, чтобы *восстановить справедливость*, следовало ликвидировать тех, кто слишком усердствовал в период проведения *великой чистки.* В первую очередь это касалось высшего руководства НКВД, которое слишком много знало. Если в начале 1938 года был расстрелян бывший нарком внутренних дел Ягода и затем ликвидировано большинство его сподвижников, то к концу года репрессиям подверглись все заместители *репрессивного наркома*, включая много раз упоминавшегося нами Заковского.

Что делать с самим Ежовым, добросовестно осуществившим с помощью *ежовых рукавиц* в том числе и «Операцию прикрытия», было не совсем ясно. Однако с именем этого наркома (а не партийных секретарей) теперь были связаны все ужасы *массовых репрессий.* Посему Николаю Ивановичу дали возможность немного погулять на свободе, до 10 апреля 1939 года, а после ареста обвинили во всех действительных и мнимых грехах. Рассмотрев 4 февраля 1940 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР дело бывшего наркома, через день Н.И. Ежова расстреляли [Л.40].

12 ноября 1938 года, опасаясь ареста, окончил жизнь самоубийством начальник УНКВД по ЛО М.И. Литвин. Его отработавшие своё заместители Н.Е. Шапиро-Дайховский и А.М. Хатеневер были арестованы и за «неправильную карательную политику, аресты невинных людей и применение незаконных методов допроса» приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Такая же участь постигла и некоторых рядовых работников.

Список наркоматовских жертв был очень большой. В общей сложности за 1934–1939 годы оказалось «репрессировано 21 800 сотрудников карательных органов страны Советов» [Л.40]. Значительно изменился национальный состав руководящих кадров. Если до начала репрессий русские составляли лишь

треть, а евреи почти половину от общего числа начальников, то по состоянию на 1939 год число представителей титульной нации (русских) увеличилось до $^2/_3$ и продолжало расти, а количество евреев сократилось до 4 % и имело тенденцию к дальнейшему уменьшению [Л.29].

Моему отцу в той мясорубке удалось выжить. На мой взгляд, это явилось *не просто случайностью,* а было связано с умением Николая Кузьмича Богданова общаться и ладить с разными людьми, сохраняя собственное лицо.

На новом этапе Сталину требовались иные люди на ключевых постах, а именно те, кто умел организовывать и налаживать административную и хозяйственную работу с учётом её *социалистических особенностей.* Вот почему во главе НКВД вождь народов поставил Л.П. Берию. Что бы ни говорили сегодня об этом «верном ученике и ближайшем соратнике Сталина», как бы ни поминали *бериевщину* за допускавшиеся бесчинства, но ради **исторической объективности** следует отдать должное Лаврентию Павловичу за его «большие организаторские способности, смелую инициативу, умение вести масштабную работу». Под руководством Сталина нарком Берия, удостоенный звания комиссара гб I ранга, стал стремительно структурно преобразовывать и наращивать вверенное ему ведомство. В 1940 году НКВД имел в общей сложности более 60 подразделений — управлений, отделов, отделений, секторов, служб и др. О масштабах этого разросшегося гиганта говорит тот факт, что на 1 января 1940 года только в центральном аппарате по штатам числилось 32 642 человека [Л.23].

Глава 17. Ленинград. Красногвардейский район

Через два дня после самоубийства М.И. Литвина, 14 ноября 1938 года, на должность начальника УНКВД ЛО заступил комиссар гб II ранга С.А. Гоглидзе, который находился с наркомом Берией в доверительных отношениях, поскольку

учился в Бакинском техническом училище вместе с ним, а также с В.Н. Меркуловым, Б.З. Кобуловым и другими товарищами, ставшими в то время крупными чинами НКВД. Почти сразу же после приезда в Ленинград Гоглидзе 5 декабря 1938 года был кооптирован в члены обкома и введён в состав бюро обкома и горкома ВКП(б). Теперь ему надлежало присутствовать на заседаниях этих партийных органов. Тем же решением застрелившегося Литвина вывели из состава членов бюро и обкома «как разоблачённого врага народа» [А. 18]. Первый секретарь Жданов с Гоглидзе поддерживал лишь официальные отношения, без вмешательства в дела органов НКВД. Но нужно отметить, что сотрудники, близко знавшие Сергея Арсентьевича, называли его «исключительно порядочным — и человеком, и руководителем, который никогда не повышал голоса», «был требовательным и строго следил за исполнением своих указаний. Не терпел обмана и лжи, не унижал человеческого достоинства, с подчинёнными был справедлив и в обращении ровен» [Л.4].

В Ленинграде свою деятельность Гоглидзе начал с реорганизации структуры УНКВД. Сначала из следственных частей был создан подчинённый только руководству следственный отдел, который комплектовался лучшими работниками. Затем в составе управления появился *аппарат особоуполномоченного,* в обязанности которого входили «расследование фактов участия сотрудников в массовых репрессиях» и пересмотр следственных дел на арестованных. В 1939 году этот аппарат проверил деятельность более 200 чекистов, в результате чего выяснилось, что более половины из них были причастны к *извращениям* 1937–1938 годов. В связи с этим часть из них привлекли к уголовной ответственности, других наказали в партийно-административном порядке, а отдельных лиц уволили из органов НКВД [Л.4].

Моему отцу «никаких претензий предъявлено не было». В характеристике, подписанной 28 сентября 1938 года зам. начальника отдела кадров НКВД ЛО младшим лейтенантом гб Орловым, отмечалось, что начальник Лужского РО НКВД

лейтенант гб Богданов «авторитетом среди партийной организации пользуется. Компрометирующих материалов по партийной линии нет. Партийные нагрузки выполняет аккуратно. Характеризуется как отзывчивый товарищ» [А.2].

29 ноября 1938 года, практически сразу после завершения операции по репрессиям, приказом № 560 УНКВД ЛО Н.К. Богданов был назначен начальником Красногвардейского райотдела УНКВД по городу Ленинграду. Правда, для такого служебного перемещения требовался приказ наркома, а также необходимо было обязательное согласование вопроса с партийными органами. Соответствующее строго секретное решение бюро Ленинградского горкома ВКП(б) состоялось только 21 апреля 1939 года, сразу после того как поступила справка о том, что по материалам личного дела и спецпроверки оказалось установлено: «Компрометирующих материалов не имеется» [А.7]. Нарком ВД СССР это назначение своим приказом № 1476 подтвердил лишь 17 июля 1939 года после согласования всех вопросов [А.3].

К служебному перемещению была подготовлена «Справка об аттестовании сотрудника НКВД Богданова Н.К. за время с 1930 по 1938 год», в которую зам. начальника 1-го отделения ОК лейтенант гб Кондрашкин добросовестно сделал выписки из всех приводившихся нами ранее аттестаций отца [А.2]. При этом в последней аттестации за период работы начальником Лужского РО НКВД с 22 апреля 1935-го по 23 ноября 1938 года Богданов характеризовался «хорошо знающим оперативную работу, особенно по ЭКО (экономическому отделу. — Ю.Б.), дисциплинированным, инициативным, умеющим передать свой оперативный опыт молодым работникам». Отмечалось, что он «вполне соответствовал занимаемой должности и мог быть использован на работе в более крупном промышленном районе» [А.2]. Ни о *мягкотелости* при репрессиях, ни о покушении, в результате которого он лишился левого глаза, ничего сказано не было.

В связи с переездом в северную столицу на земле своей малой родины пришлось мне прожить едва один год от собственного рождения. Из Луги семья наша уезжала, сохранив на долгие годы добрые душевные связи с семьями Гуськовых и Шмерко.

Как всегда при наших перемещениях, папа уехал вперёд, чтобы принять дела и обустроиться на новом месте. Мы двигались сзади большим обозом. Некоторая задержка с переездом произошла вследствие того, что мой брат Владимир болел и с 23 декабря 1938-го по 23 января 1939 года находился в

Институте Охраны материнства и младенчества с подозрением на абсцесс в лёгких, но всё обошлось благополучно [А.6]. Маме пришлось увольняться из Детской больницы им. К.Е. Тимирязева, куда она полгода назад перешла работать из «Санатория малюток», чтобы больше заниматься лечебной практикой. В Ленинграде 1 апреля 1939 года врач Котова была зачислена на должность клинического ординатора акушерско-гинекологической клиники Второго Ленинградского медицинского института [Н]. Родовспоможение и женские проблемы стали отныне для неё основной врачебной специальностью.

Красногвардейский райотдел НКВД, который принял Богданов, имел в своём аппарате 10 оперативных работников и был полностью укомплектован. Однако коллектив отдела не был благополучным, поскольку в прошлом в нём наблюдалась *текучесть кадров*, вызванная тем, что один оперативник застрелился, а двое других были «уволены по компрометирующим материалам». Причём уволенный Творилов «пытался посеять антагонизм» среди чекистов, но это было вовремя пресечено. Богданов сумел создать в райотделе нормальную обстановку для работы. Проводившиеся проверки показывали, что состав работников *в основном хороший,* несмотря на то, что собрались *люди молодые, малоопытные,* но трудились они *добросовестно.* Начальник обеспечивал повседневно необходимые наблюдение и контроль [А. 2].

Своей добропорядочностью и умением организовать работу Богданов всегда вызывал уважение окружающих. В конце 1938 года он был избран членом бюро и членом пленума Красногвардейского райкома ВКП(б). В 1939 году круг общественных работ ещё больше расширился: Богданов стал депутатом Ленинградского городского и Красногвардейского районного Советов депутатов трудящихся.

В Ленинграде наша семья поселилась на Кондратьевском проспекте. Только в 1989 году, переехав вдвоём с женой в 2-комнатную квартиру, я наконец осознал, что всю жизнь прожил вместе с родителями в *отдельной коммуналке.* Так представилось мне через многие лета наше жильё потому, что вместе с нами обитало всегда ещё множество разных людей: родственники, друзья, знакомые, командировочные, отпускники, а в войну — беженцы. Причём находились они в нашем доме не то чтобы дни или недели, а месяцы и даже годы! Всем обеспечивались приют, питание и доброжелательное отношение. Самое интересное, что ни папу, ни маму посторонние в доме не раздражали и им не надоедали. А лично я вообще с этим вырос и потому считал, что

так и должно быть. На Кондратьевском вместе с мамой, папой, братом и мною проживали бабушка Анна Леонтьевна и няня, или домработница, а по отношениям — скорее вроде родственница, Шура. Приезжали к нам *гостевать* и что-нибудь купить в Ленинграде (потому что *на местах ничего не было)* папин старший брат Александр Кузьмич из Череповца и мамина сестра Вера Владимировна из Челябинска. Частенько заходили ставшие на полгода раньше ленинградцами Екатерина Кузьминична и Дмитрий Павлович с дочками, папин двоюродный брат Павел Малышев, мамины двоюродные сестра Гали и брат Николай Резвые и ещё множество народа. Мы с братом подрастали и вели активный образ жизни, то есть шалили и никого не слушали. Мама пропадала в своей любимой больнице и уже подумывала о диссертации.

Период работы Богданова в Красногвардейском отделе НКВД существенно отличался от полных драматических событий нескольких предыдущих лет службы. Теперь деятельность органов внутренних дел была направлена на нормализацию обстановки и восстановление определённой справедливости. В 1939 году в Ленинграде освободили из тюрьмы 2691 человека, передали в органы прокуратуры 6467 следственных дел. В то же время 2632 арестованным был вынесен приговор, причём некоторым с применением высшей меры наказания. Вновь подверглись аресту 1009 человек.

Однако теперь время заковских и литвиных прошло, и власти требовались люди, которые умели не разрушать, а грамотно организовывать работу. По низовым звеньям органов внутренних дел разъехались *эмиссары* из Центра, которые вели проверку работы и беседовали с сотрудниками с целью выявления достойных для выдвижения на руководящие должности. С начальником Красногвардейского отдела Богдановым 21 октября 1939 года разговор вела сотрудник отдела кадров НКВД СССР Э.Я. Хайкина. В целом положительно оценив организацию службы в отделе, проверявшая отдельным пунктом записала ответ начальника по поводу претензий, мешавших его работе: «Тов. Богданов ставит вопрос о том, что существенная разница в зарплате работников райотделов и Управления создаёт нездоровые настроения среди сотрудников райотдела, стремящихся перейти на работу в УНКВД, создаёт тормоз в подборе работников для райотдела». В результате проведенной беседы представительница кадровой инстанции сделала такой вывод: «Тов. Богданов Н.К. производит впечатление человека культурного, развитого, хорошо знающего оперативную работу, уверенного в своих силах». Окончательное резюме звучало так:

«Подлежит включению в список резерва на выдвижение» [А.2].

Главным результатом состоявшейся беседы явилось то, что мой отец, как говорят, *попал в обойму*, и теперь следовало лишь ожидать, когда судьбой протеже Хайкиной займутся высокое начальство и кадровые работники. Пока что всё складывалось нормально, и 27 апреля 1939 года в соответствии с установленным «Положением о прохождении службы» 3-годичным сроком Н.К. Богданову присвоили очередное спецзвание — *старший лейтенант гб.* Теперь отец стал носить в петлицах *две шпалы*, что соответствовало статусу армейского майора.

Для Богданова непосредственным руководителем являлся начальник Управления НКВД по Ленинграду майор гб С.И. Огольцов. Впоследствии семьи Богдановых и Оголь-цовых дружили достаточно тесно и долго.

Весной 1940 года, где-то в апреле или мае, в Ленинград приехал сотрудник отдела кадров НКВД СССР, который по предварительно составленным спискам вызывал на собеседование многих работников УНКВД и райотделов. Из Красногвардейского райотдела были приглашены начальник отдела Н.К. Богданов и два начальника отделений — Л.А. Мин-дер и Николаев. Со всеми вызванными сотрудниками беседа велась в основном в одном направлении: о согласии их на выезд для работы в другие города. На этот вопрос Богданов ответил, что «за Ленинград не держится и, если необходимо, может поехать в иную местность».

Для того чтобы при выдвижении на руководящую должность не оказалось каких-нибудь *тёмных пятен*, Богданову вновь учинили спецпроверку. В официальной части личного дела имеется итоговое «Заключение по спецпроверке биографических данных на тов. Богданова Н.К.», подписанное, согласованное и утверждённое тремя различного уровня начальниками и кадровиками УНКВД ЛО 15 мая 1940 года. Вывод сделан следующий: «Спецпроверка закончена полностью. Оставить на работе в органах НКВД». Теперь работника можно было без опаски представить высшему руководству страны для принятия решения о его дальнейшей судьбе.

Как и полагалось, на начальника Красногвардейского райотдела Н.К. Богданова, рассматривавшегося на предмет выдвижения на новую должность, была подготовлена аттестация, которую подписал начальник УНКВД ЛО комиссар гб II ранга С.А. Гоглидзе. В первой части этого документа содержалась общая характеристика аттестуемого, созвучная с приводившимися нами ранее аттестациями, сведёнными воедино в упоминавшейся «Справке об аттестовании за период с 1930 по 1938 год». Здесь

было сказано: «Проявил себя способным, энергичным, исполнительным и дисциплинированным работником. Имеет опыт и организационные навыки в агентурной и следственной работе. Руководить и воспитывать подчинённых аппарата умеет. Выдержан, политически грамотен, пользуется авторитетом».

Однако для серьёзного продвижения по службе таких достаточно общих фраз маловато, требовалось показать что-то ещё, более значимое, яркое. И вот в один из вариантов аттестации сначала от руки кем-то (возможно, Гоглидзе) была вписана **мощная формулировка,** которая стала в дальнейшем кочевать из аттестации в аттестацию практически в неизменном виде, а в итоге аукнулась Богданову крупными неприятностями. «В течение последних трёх лет работал начальником Лужского райотделения, где в 1936–1938 годах ликвидированы ряд контрреволюционных организаций: крупная право-вредительская и повстанческо-террористическая группа». Очевидно, что без указания таких заслуг в те времена о служебном продвижении говорить не имело смысла. В заключительной части аттестации характеризовались текущие дела: «За короткий период работы в райотделе города Ленинграда сумел упорядочить учёт контрреволюционного элемента и улучшить агентурную работу» [А.2].

Через некоторое время Богданову пришёл вызов в Москву в отдел кадров НКВД. Там с ним беседовали несколько человек, последним из которых был зам. наркома по кадрам С.Н. Круглов. Несмотря на общую положительную обстановку, никто не говорил выдвиженцу, какое назначение его ожидает. Позднее отец узнал, что его собирались направить в Мурманск, но в это время поступила телеграмма от первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцова с просьбой срочно прислать работников в НКВД республики. В Алма-Ату позвонили по телефону и передали данные о Богданове. На предложение кадровиков Скворцов согласился, после чего состоялось назначение отца в Казахстан. Так судьбе оказалось угодно, чтобы вместо *полярного сияния* мы созерцали *белое солнце пустыни.*

Для окончательного решения вопроса о назначении на основании присланных в Москву материалов, а также личной беседы с Богдановым зам. наркома Кругловым было составлено «Заключение». Кроме установочных биографических данных, в этот документ добросовестно, слово в слово, переписали процитированную нами последнюю *свежую* аттестацию, подписанную Гоглидзе. Выводы из приведенного материала зам. наркома сделал такие: «Тов. Богданов Н.К. на работе в органах НКВД характеризуется только с положительной стороны. Считаю

возможным выдвинуть тов. Богданова Н.К. заместителем народного комиссара внутренних дел Казахской ССР».

На это «Заключение» в верхнем левом углу листа нарком внутренних дел СССР Берия наискосок наложил свою краткую резолюцию «За» и поставил дату — 17 июня 1940 года. Одновременно нарком подписал письмо в ЦК ВКП(б) на имя Маленкова с просьбой утвердить новое назначение. Решением ЦК ВКП(б) от 21 июня 1940 года Богданов в указанной должности был утверждён.

Только почти через месяц с момента приезда в Москву Николаю Кузьмичу объявили, наконец, что приказом НКВД СССР от 29 июня 1940 года, подписанным Берией, его назначили зам. наркома внутренних дел Казахской ССР. Безусловно, весьма *крутое* служебное повышение. Фактически из начальника районного масштаба Богданов сразу попал в руководители центрального аппарата, пусть даже республиканского уровня. Отцу тогда исполнилось 33 года. В преддверии войны Лаврентий Павлович выдвигал на ответственные посты молодые кадры. Возможно, что в назначении Богданова в отдалённую республику имелась скрытая цель убрать хорошо *замаскировавшегося* одноглазого подальше от тех мест, где с ним произошёл нигде официально не объявленный, но *народу* известный прецедент с выстрелом на охоте.

Перед возвращением в Ленинград для сборов к отъезду на новое место службы Богданов побывал на приёме у генерального секретаря Компартии Сталина. Об этом отец приватно рассказал лишь своему *доверенному лицу* Гали Николаевне Резвой. В 1996 году в журнале «Исторический архив» были опубликованы «Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком» [Л. 36]. Я внимательно просмотрел списки посетителей Кремлёвского кабинета Сталина, побывавших у вождя в конце июня — начале июля 1940 года, но фамилии Богданова там не нашёл. Вместе с тем в пояснении к публиковавшимся документам сказано: «Вероятно, не все побывавшие в кабинете у вождя, попадали в списки посетителей. Так, 1 июля 1940 года в кабинете Сталина с 17 часов 35 минут до 18 часов 25 минут находился Молотов. Согласно записи, в этот день Сталин никого больше не принимал. Однако строчкой ниже говорится, что “последние” в этот день из кабинета Сталина вышли в 21 час 40 минут. Кто они, эти “последние”, остаётся неясным» [Л. 36].

Вполне возможно, что в числе этих *последних* был Богданов, которого кто-то из руководителей НКВД привозил *на смотрины* к Сталину. Действительно, 29 июня 1940 года был подписан приказ о назначении моего отца зам. наркома внутренних дел

Казахстана. 30 июня являлось выходным днём, и поэтому вождь в своём кабинете приёма не вёл. Представляется вероятным, что в понедельник, 1 июля, назначенца как раз и представляли вождю. *На карандаш* секретарю какой-то там безвестный старший лейтенант гб не попал потому, что в тетрадь посетителей заносились только *значимые фигуры.* Из анализа опубликованных тетрадей у меня сложилось такое мнение, что записи фамилии и времени входа и выхода делались не для строгого учёта всех посетителей вождя, а с той целью, чтобы в случае, например, телефонного звонка из какого-либо наркомата секретарь чётко мог ответить, когда разыскиваемый подчинёнными руководитель вошёл в Кремлёвский кабинет или его покинул. Ведя указанные записи, секретариат имел возможность сообщить любому из *вхожих* в кабинет руководителей, свободен ли сейчас Хозяин или кого именно он в данное время принимает и как давно с ним ведётся беседа.

Во всяком случае Николай Кузьмич конфиденциально поведал Гали, что ему сообщили о желании товарища Сталина принять для беседы нового зам. наркома Казахстана. Отец очень волновался и *трясся* весь день. В Кремль поехали поздно вечером. Кто был с ним в качестве сопровождавшего, папа не говорил.

Беседа с вождём протекала в доброжелательной атмосфере. Сталин поинтересовался службой, семейными делами товарища Богданова. Ответы слушал внимательно, каверзных вопросов не задавал. В заключение пожелал успехов на новом месте работы [Б].

Узнав о назначении папы в Казахстан, мама была очень расстроена. Действительно, переезжать из северной столицы за тысячи километров куда-то *в тмутаракань*, как она выразилась, не очень-то хотелось. Вместе с тем серьёзное повышение по службе не могло не порадовать: отец всё-таки был незаурядным человеком. Но уезжать из родных русских мест с мягким, умеренным климатом в пекло казахских степей не представлялось слишком приятным. Самое главное, маме жалко было бросать начатую ею в медицинском институте научную работу. По складу своего характера Нина Владимировна не была завзятой домохозяйкой, всю жизнь её больше влекла врачебная стезя. В связи с этим мама готова была терпеть дома каких угодно тётушек, лишь бы они занимались кухонными проблемами. Как любая женщина, мама, конечно, умела вкусненькое приготовить, оригинально поджарить или запечь. Но чаще у неё обязательно что-нибудь подгорало, и к столу вместе с *пострадавшим* продуктом *подавались* объяснения, почему такая неудача произошла: то телефон в самый ответственный момент зазвонил,

то кто-то не вовремя отвлёк, то думала, что всё готовится нормально, занялась другим делом и о плите позабыла. Всегда у мамы находились *объективные* причины, помешавшие ей приготовить блюдо без потерь. Всё равно, то, что оставалось не подгоревшим, было вкусно и вполне съедобно. Мужики нашей семьи, понимая ситуацию, с улыбкой переглядывались между собой, с аппетитом уплетали сделанное мамой и никогда не выражали ей какого-либо неудовольствия.

А в отношении Казахстана получилось так, что поехали мы не в неведомую даль, а буквально, как говорят, попали *ко Христу за пазуху*. Меньше чем через полгода после нашего отъезда началась блокада Ленинграда, зажавшая в тисках голода и смерти многострадальных жителей города на Неве. Нашу семью и многих прибывших к нам тогда родственников от всех бед войны волею судеб спас дорогой нам Казахстан, за что мы благодарны ему по сей день.

Глава 18. Казахстан. Немного истории

«По воле партии и правительства», как формулировали в те годы, суждено было Николаю Кузьмичу Богданову проработать в Казахстане ровно 6 лет и 10 дней (от приказа до приказа), пройдя серьёзный служебный путь, позволивший отцу проявить свои организаторские способности, умение работать с людьми и накопить важный жизненный опыт. Недаром за эти годы он получил значительные повышения в должности и звании, был удостоен нескольких правительственных наград. В 1970-е годы о работе Н.К. Богданова и его соратников именно в этот военный период была создана специальная экспозиция в Музее МВД Казахской ССР (ныне Музей Главного управления внутренних дел города Алма-Аты).

Сразу после принятия новой Конституции СССР 5 декабря 1936 года была образована Казахская Советская Социалистическая Республика, которой достаточно произвольно отвели огромную территорию, простиравшуюся с севера на юг почти на 2000, а с запада на восток — на 3000 км. По переписи 1939 года население Казахской ССР составляло 6146 тыс. человек. В состав образованной Казахской ССР вошло 16 областей. Столицей стал город Алма-Ата, что в переводе означало «Отец яблока», соответствовавшее большим садам, плодоносившим знаменитым апортом.

По своим климатическим условиям Казахстан относится к резко континентальной зоне с жарким летом и холодной зимой. В недрах этой земли таятся огромные природные богатства: уголь, нефть, цветные металлы, золото, серебро, фосфоры, марганец, сурьма и многое др. Естественно, что коренному населению в условиях «сплошной безграмотности, патриархальщины и полудикости» невозможно было самостоятельно подняться на более высокий уровень политического, экономического и культурного развития, дававший возможность реализовать эти богатства. Вот как раз в связи с таким положением дел, для быстрейшего успешного решения вопроса создания мощной индустриальной базы в отдалённом районе, советское руководство и объединило в одну республику огромную территорию. Теперь местное правительство получило широкую возможность своей властью производить необходимые маневры квалифицированными людскими ресурсами, которые должны были возводить заводы и фабрики, строить рудники и шахты,

прокладывать железнодорожные линии, сооружать электростанции, заниматься сельским хозяйством, одновременно подтягивая за собой бывших степных кочевников. За природные богатства Казахстана Советская власть заплатила этому краю присоединением больших пространств и предоставлением высокого статуса Советской Социалистической Республики. В качестве дополнительной рабочей силы в казахстанские степи стали переселяться семейства колхозников из малоземельных областей и республик. Потом сюда хлынули беженцы войны, стали направляться немцы из Поволжья, выселялись поголовно некоторые кавказские народы и т. д. Но ни в одном официальном источнике не указывалось, что в Казахстане перед войной были организованы исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), заключённые которых были одной из важных производительных сил общества, строивших *гиганты социалистической индустрии.*

За годы Советской власти в невероятно короткий срок в Казахстане на базе местных природных богатств была создана мощная промышленность: машиностроение, химическая, металлургическая, каменноугольная, нефтедобыча и нефтепереработка, производство стали, ферросплавов, меди, свинца, цинка, редких металлов, цемента и многие другие отрасли. Широко стали известны такие предприятия, как Балхашский медеплавильный завод, Чимкентский свинцовый завод, металлургический завод в Темир-Тау, Актюбин-ский завод ферросплавов, Алма-Атинский завод тяжёлого машиностроения, акмолинский «Казахсельмаш» и многие др. В Карагандинском бассейне разработка угольных пластов стала вестись открытым способом. Гурьевские, актюбин-ские и эмбинские нефтепромыслы давали высококачественную нефть. Железная дорога Турксиб соединила Среднюю Азию с Центром. Товарищ Сталин сумел для грядущих дел создать сверхмощную тыловую, практически неуязвимую для противника базу тяжёлой промышленности с неисчерпаемыми собственными ресурсами, предназначенную для всемерного повышения экономики страны и укрепления боевой мощи Красной Армии.

Сельскому хозяйству Казахстана всегда были присущи свои проблемы, поскольку примерно половина территории, расположенной в основном в центре республики, относится по природным условиям к пустыням и полупустыням. В процессе коллективизации к началу войны в республике было создано почти 7 тыс. колхозов и более 200 совхозов. Главной отраслью в сельском хозяйстве традиционно являлось животноводство, сочетавшее как стойловое, так и отгонное содержание скота. Из зерновых на полях сеют яровую и озимую пшеницу, а также

засухоустойчивое просо, на поливных землях распространён рис. Технические культуры представлены главным образом хлопчатником, сахарной свеклой и табаком. В войну усиленно выращивали каучуконосы кок-сагыз и крым-сагыз.

Безусловным достижением тех лет явились ликвидация неграмотности и повышение культурного уровня населения. Было открыто много школ, высших учебных заведений, культурно-просветительских учреждений. Ранее отсталый край превратился в одну из передовых индустриально-колхозных республик СССР.

Все трудовые победы народа приписывались в те годы организующей и направляющей силе Компартии (большевиков) Казахстана, сокращённо КП(б)К, сформированной из краевой парторганизации на своём первом съезде, который состоялся 5–9 июня 1937 года. В соответствии с Конституцией Казахской ССР (принятой 26 марта 1937 года чрезвычайным X съездом Советов Казахстана) в республике 24 июня 1938 года был избран высший законодательный орган — Верховный Совет Казахской ССР, а затем сформировано правительство — СНК Казахстана. Но фактическими хозяевами, как в стране Советов вообще, так и в Казахской республике в частности, являлись руководящие органы партии — ЦК, обкомы, горкомы и райкомы КП(б) Казахстана. Эти партийные структуры, хотя в официальных документах и указывались всегда скромно, после законодательных и исполнительных органов, вершили всеми делами, командовали напрямую любыми ведомствами, осуществляли кадровые назначения на все руководящие не только партийные, но административные должности.

Бразды правления в республике держало в своих руках бюро ЦК КП(б) Казахстана, состоявшее из 9 (позднее из 11) членов и 4 (позднее 6) кандидатов. Членами бюро обычно являлись первый, второй и третий секретари ЦК, председатель Верховного Совета Казахской ССР, председатель СНК Казахстана, нарком внутренних дел (а при разделении ведомств и нарком госбезопасности), секретарь ЦК по пропаганде и агитации, несколько секретарей обкомов. В число кандидатов, как правило, входили один из заместителей председателя СНК, нарком земледелия, секретари обкомов.

Первым секретарём ЦК КП(б)К в то время являлся Н.А. Скворцов. Вторым был Ж. Шаяхметов, ставший после войны первым секретарём ЦК КП(б)К. Третьим секретарём тогда являлся М. Салин, получивший в дальнейшем значительное понижение. Должность председателя СНК (потом Совета Министров) Казахстана много лет занимал Н.Д. Ундасынов — замечательный, умный человек и руководитель, с семьёй которого наша семья

дружила долгие годы и поддерживает связи до сих пор. Формальным главой республики являлся председатель Президиума Верховного Совета, должность которого тогда занимал А. Казакпаев. Наркомом внутренних дел Казахской ССР в ту пору был майор гб (с 14 марта 1940 года — старший майор гб) С.Н. Бурдаков.

Нашу казахстанскую летопись начнём с 16 февраля 1940 года (ещё до назначения Богданова на работу в республику), когда на заседании бюро ЦК КП(б)К было принято решение утвердить развёрстку на мобилизацию 54 коммунистов для работы в органах НКВД. Секретарям обкомов по кадрам выдали указание под их ответственность к 1 марта 1940 года подобрать кандидатов «из числа наиболее проверенных, политически и технически грамотных товарищей и передать для работы в областное управление и отдел кадров НКВД Казахской ССР».

Серьёзным вопросом являлось пополнение населения Казахстана за счёт переселения более 20 тыс. семей колхозников из малоземельных областей и республик. Московский ЦК одобрил почин о строительстве для этих семей домов с надворными постройками и об оказании помощи в обзаведении скотом для индивидуального пользования.

Другим злободневным вопросом, занимавшим партийных руководителей и органы внутренних дел, являлась борьба со спекуляцией. «Несмотря на увеличение отпуска товаров в торговую сеть города Алма-Ата (тогда название города не склонялось. — /О.Б.), отдельных продуктов, особенно хлеба, не хватает. Очереди у всех магазинов не только не уменьшаются, а увеличиваются». Причина, по мнению бюро ЦК, заключалась в неправильной организации торговли и неудовлетворительной борьбе со спекуляцией и спекулянтами: «товары не попадают к трудящимся, что вызывает их естественное недовольство».

В преддверии предстоявшей войны органы внутренних дел Казахстана постоянно расширялись и совершенствовались, что явствует из постановлений бюро ЦК о непрерывных организационных преобразованиях и кадровых назначениях. В марте 1940 года было принято решение об отборе слушателей в Высшую школу НКВД СССР и в Алма-Атинскую межкраевую школу НКВД. По несколько десятков назначений, причём в большинстве случаев первичных, производилось на каждом заседании бюро ЦК на должности от центрального аппарата до областных, городских и районных управлений и отделений НКВД. По всему видно, что органы внутренних дел планомерно и целеустремлённо готовились к большой и ответственной работе. К сожалению, подробности сообщить не представляется

возможным, так как все конкретные решения по НКВД (а в дальнейшем и по НКГБ) хранятся в *особой папке*, доступа к которой у нас не имеется [А. 17].

Вот в этих непростых условиях как раз и понадобились *Хозяину Казахстана* — первому секретарю ЦК Скворцову — опытные руководящие кадры для работы в центральном аппарате НКВД Казахской ССР.

Глава 19. Ленинград — Алма-Ата

Когда Н.К. Богданов был на приёме у Сталина, то вождю народов он, очевидно, понравился. Буквально через месяц после аудиенции старшему лейтенанту гб, уже как работнику НКВД Казахской ССР, 6 августа 1940 года было присвоено спецзвание *майор гб*. Во-первых, это сделали всего лишь через 1 год и 4 месяца после присвоения предыдущего звания (хотя полагался срок 3 года), а, во-вторых, минуя спецзвание *капитан гб*. Теперь две шпалы на петлицах зам. наркома заменил на один ромб.

Чем мог ответить на такую «заботу партии и правительства» молодой, инициативный и разумный работник органов внутренних дел? Только добросовестным и самоотверженным исполнением порученных ему служебных обязанностей. Может, это как раз иногда и подводило его.

Отец уехал в Казахстан, а наша семья пока оставалась в Ленинграде. Как случалось потом ещё несколько раз, мы вынуждены были достаточно длительное время жить *на два дома*, что весьма ощутимо отражалось на финансовых расходах. Сохранилась переписка родителей с июля по конец декабря 1940 года, которая стала теперь достоянием Личного фонда № 10145 ГАРФ [А. 19]. Эти 15 маминых, 4 папиных и ряд других писем позволяют в определённой мере представить не только дела в семье, взаимоотношения с родственниками и знакомыми, но и на бытовом уровне почувствовать обстановку того предвоенного года в стране в целом.

21 июля 1940 года папа позвонил по телефону в Ленинград и сказал, чтобы мама брала отпуск и приезжала в Алма-Ату *на разведку*. Устроив нас с братом Вовой под присмотром нашей доброй няни Шуры на даче под Ленинградом, мама уехала *примеряться* к Алма-Ате. С дачи Шура регулярно отправляла *отчёты* родителям, в которых отмечалось самое главное: ребята здоровы, чувствуют себя прекрасно, погода хорошая, с продуктами всё нормально.

После возвращения мамы в Ленинград началась постоянная переписка между родителями. В письмах мне удалось выделить несколько тем, которые преимущественно волновали моих маму и папу. Естественно, предстоявший переезд семьи, включавшей двух малолетних детей и престарелую бабушку, из одного конца страны в другой, в совершенно иные климатические условия и непривычную обстановку, не мог не беспокоить. Мама очень переживала за свою медицинскую практику, за возможность продолжать начатую ею работу над диссертацией. Достаточно

широко поддерживались связи с родственниками как по маминой, так и по папиной линии, а также со знакомыми, повстречавшимися на жизненном пути, расставание с которыми теперь стало неизбежным. Как быть с ленинградской квартирой, являвшейся не служебной жилплощадью, а полученной по обмену? Куда девать добытую с таким трудом мебель и другие вещи? Много места в письмах уделялось вопросам одежды, приобрести которую в ту пору было не просто. Конечно, внимания требовало состояние здоровья всех членов семьи, особенно приболевших. Мама старалась как можно больше писать *скучающему папке о* нас с братом, которые *шалят невозможно*, описывала в подробностях наши проказы и постоянно сообщала о всеобщем желании скорее встретиться с отцом.

Особенности казахстанской погоды в условиях временного одиночества отразились на здоровье и самочувствии папы. Он приболел и захандрил. В своих письмах супруга утешала мужа как могла: «Что это тебе, золотко, так не повезло, всё время хвораешь? Береги себя, ведь здоровье всего дороже на свете, в здоровом теле — здоровый дух, а отсюда и всё остальное». Конечно, новые незнакомые задачи, которые встали перед отцом по работе на весьма высоком посту, груз возложенной на него ответственности приводили к душевным волнениям и тревогам — всё ли правильно делает, верные ли принимает решения? Мама это хорошо чувствовала: «Хандру твою я объясняю переменой в работе, вот откуда твоё плохое состояние. Соответствуешь ли ты своей работе. Везде протекция, а ты своим горбом пробиваешь путь. Ты, Коля, прав, что всё перемелется — мука будет, только молоть-то её иногда трудновато бывает. Я тебе уже писала, что к переменам в твоей жизни нам не привыкать, родной мой, ко всем невзгодам *жизни.* Вспомни-ка, сколько всего пришлось пережить, а многое уже забывается. Было бы здоровье, а остальное приложится». Чтобы отвлечь папу от грустных мыслей, мама в каждом письме подробно сообщала про наши с братом проказы: «Шалят — спасу нет!»

Перед отъездом в Казахстан мама хотела нас с братом «немножко приодеть, а то у них всё поизносилось. Иначе стыдно будет, если приедем оборвышами». Естественно, что в магазинах купить детское представлялось очень сложным. Приходилось что-то перешивать или приводить в порядок старые вещи.

Из своего далёка папа старался обеспечить нас как мог. Сразу после получки отправлял нам переводом или телеграфом деньги, максимально возможную сумму. Оставлял себе только на самые необходимые расходы, за что мама его укоряла: «Вот относительно того, что ты пишешь, что сам проживёшь как-

нибудь — напрасно. Здоровье дороже всего. Береги, Коля, себя, ведь это и для ребят нужно, а они ещё такие клопы». С оказией папа направил нам ящик знаменитого алмаатинского апорта. В дополнение к казахстанским яблокам мама приобретала для нас то, что имелось в ленинградских магазинах. Да вот беда: «Юрка — упрямица, плохо ест, а когда мать поругает, то говорит, что всё равно не будет есть. Поставишь в угол или подхлопнешь, так сейчас же начинает ругаться».

Мы все очень скучали по папе, а отец — по нам. «Ребята всё время твердят: Мама, когда к нам приедет папа, и мы поедем в Алма-Ата? Или начинают меня уговаривать: Мама, поедем одни к папе, а то он долго не едет. Когда пришла посылка, то Юрка всё плакал, а где же папа? Правда, яблоками был доволен, но обижен, что папа сам не приехал. Вова вчера подошёл к туалету, посмотрел на твою фотокарточку и говорит: Как папа хитро придумал — оставил карточку, а сам уехал. Вот и ответь ему на это. Ребятки целуют папку взасос, как говорит и делает Юрка». И при этом: «Ну и сорванцы, Коля, спасу нет. Что ни день, то новые выходки».

Можно представить себе, насколько тосковал без нас папка. «Как бабушка, Шура, ребятки? — писал отец. — Хочу видеть хулиганишек, так хочу, что ночью снятся. Передай ребяткам, да это и к сведению мамочки, что папка сильно скучает. Целуй ребяток, Юрку — взасос».

На основании писем можно судить об отношении моей мамы к своей работе, к избранной ею стезе врача. Для неё было большой удачей, что волею судеб наша семья поселилась в Ленинграде, где имелись великолепные медицинские силы. Грех было не воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств, чтобы не повысить свой образовательный уровень. Занимая должность ординатора акушерско-гинекологической клиники, мама стремилась сочетать практическую работу в лечебном павильоне института с научными исследованиями. Но, как всегда, возникала масса препятствий. Конечно, нелегко было женщине сочетать работу, учёбу и семью.

Про характер папиной работы из писем можно узнать следующее. Мама сетовала: «Плохо, что тебе приходится ещё дольше сидеть, до 4 часов (утра. — Ю.Б.). Это вконец измотает нервы. Ты пишешь, “сейчас, правда, работы много”. Но когда её у тебя мало бывает?» После октябрьских праздников папа вместе с поздравлениями и пожеланиями сообщил: «Сегодня имею возможность немного прийти в себя. Нагрузка была настолько большая, что 7 и 8 ноября вызвать вас по телефону не имел возможности. Завтра (18 ноября 1940 года. — /О.Б.) начинается

совещание, поэтому пришлось усиленно готовиться. Вероятно, дня три продлится, а там опять работа».

Естественно, что перегрузки и служебное рвение пагубно отражались на здоровье отца. Мама не на шутку беспокоилась: «Вот ты пишешь, что сердце пошаливает. Не запускай, золотко, с сердцем шутки плохи. Другое сердце не вставишь, а если что случится? Нет, Коля, изволь сходить к доктору и показаться, пока не поздно. Я надеюсь, что ты всё сделаешь, а то мы все будем очень беспокоиться. Я опять тебе напоминаю, что твоё здоровье нужно как для тебя самого, так и для ребят».

У папы всегда была очень низкая кислотность желудка, а потому при смене воды или из-за непривычной пищи его одолевали расстройства. В Казахстане неприятная хворь проявлялась особенно часто и интенсивно. Мама в своих письмах давала советы и буквально расписывала по часам, какими лекарствами и как следовало лечиться.

Даже кратковременное пребывание в среднеазиатском климате повлияло и на мамино здоровье. После возвращения в Ленинград у неё начало пошаливать сердце. Это крайне беспокоило папу: «И одна просьба к мамочке — не переутомлять себя. Перегрузка для твоего организма крайне опасна, а особенно для сердца. Послушай, золотко, меня. Это очень важно для тебя и всей семьи».

Сослуживцы по Красногвардейскому районному отделу НКВД своего бывшего начальника Николая Кузьмича не забывали, заходили нас проведать, *подбрасывали* карточки на молоко или ордера на приобретение одежды. Мама в письмах периодически передавала отцу от всех них приветы.

Мама моя всегда поддерживала достаточно обширные связи с родственниками, как со своими, так и с мужниной стороны, со знакомыми и сослуживцами. Только в цитируемых нами письмах упоминалось ею около 50 имён людей, которые останавливались или заходили в гости в наш ленинградский дом, с кем имелась периодическая почтовая связь, деловые, служебные либо дружеские взаимоотношения. Отец очень лояльно относился ко всем родственноделовым контактам супруги, полностью доверяя ей вести всю празднично-бытовую переписку и осуществлять личные встречи, поскольку сам большее время пропадал на работе. Мне прекрасно известно, что папа в силу своего служебного положения помог очень многим людям, так как в ту пору без протекции сверху не было возможности решить многие, даже малозначительные, бытовые вопросы.

Очередной отпуск, видимо, за два года сразу, отцу предоставили с 20 января по 17 марта 1941 года. С его приездом

в Ленинград начались наши сборы в дальнюю дорогу, оказавшиеся весьма продолжительными. Последние мамины тайные надежды на то, что папу всё-таки отпустят из Казахстана, окончательно рухнули. Перед своим приездом отец сообщил, что «о каких-либо переводах и речи быть не может». Однако использовать свой отпуск для того, чтобы перевезти семью в Алма-Ату, отцу не удалось. В начале февраля в НКВД начались широкомасштабные преобразования (о которых будет рассказано ниже), и Богданову пришлось преждевременно вернуться в столицу Казахстана одному.

Мама уволилась с работы 1 февраля 1941 года, а в путь мы тронулись не раньше апреля. Так волею случая мы спокойно и с достаточным комфортом покинули Северную Пальмиру и прибыли в далёкий солнечный город совсем незадолго до начала страшной войны. Даже в кошмарном сне никто не мог представить себе, что начнётся в городе на Неве буквально через пол года — кровопролитные бои, блокада, обстрелы, голод, холод, смерть…

Глава 20. Алма-Ата. Накануне и в начале войны

По прибытии в столицу Казахстана наша семья поселилась на улице Абая в небольшом одноэтажном доме, к которому примыкали двор и сад. После тесноты и сырости ленинградской квартиры, промозглой влажности невской дельты, здесь, в предгорьях Тянь-Шаня, на просторном, ограждённом от опасностей зелёном участке, под жарким майским солнцем невозможно было сыскать лучше места для наших детских забав. Да и родители, радуясь долгожданному воссоединению семьи, чувствовали себя неплохо. В редкие часы отдыха папа занимался садом и огородом, привлекая и нас, своих сыновей, к посильному труду. Любимым делом был (как здесь, так и в последующих пяти садах, в которых нам на протяжении семейной истории посчастливилось жить) уход за яблонями — подрезка, подкормка, опрыскивание и прочее, а также обустройство парников для выращивания ранних огурцов. Надо отдать должное, что всё это отцу с успехом удавалось — с его лёгкой руки у нас всегда полно было фруктов и овощей (как широкой папиной душе и хотелось), и мы не только себя обеспечивали полностью, но плодами собственного урожая безотказно снабжали родственников и знакомых.

А мама, попав *на свободу*, как она писала своему бывшему коллеге, после напряжённой работы в ленинградской клинике решила немного передохнуть и не сразу впрягаться в местный медицинский возок. «В театре я здесь часто бываю, за месяц 5–6 раз, не как в Ленинграде. Труппы приличные. Декорации замечательные. В общем, смотреть вполне можно, — делилась мама свежими впечатлениями. — Ездили несколько раз в горы, на озеро. Природа богатая, масса зелени, тепло. Сады давно отцвели, зреют плоды. А в саду — масса роз всех цветов и оттенков». После стольких месяцев томительного ожидания и постоянных переживаний мама, наконец, могла сделать вполне утешительный вывод: «Жить можно и даже неплохо».

Папа не торопил свою супругу, чтобы она скорее приступила к работе. Наоборот, ему хотелось, чтобы мама как можно больше внимания уделила нам, детям. Да и сердечко мамино в казахстанском климате страдало «недостаточностью митрального клапана», что требовало временного освобождения от нагрузки и проведения определённого курса лечения. Работать мама стала сразу с началом войны и была назначена на должность

ординатора клиники акушерства и гинекологии в Казахском Государственном институте им. В.М. Молотова. В 1943 году её перевели на должность ассистента. В годы войны врач Н.В. Котова хотя и работала в тылу, но находилась на военном учёте, была аттестована в офицерском звании и *дослужилась* до капитана медицинской службы.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР

Удостоверение № 2132

Богданов Николай Кириллович

состоит в должности Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел Казахской ССР

Заместитель комиссара внутр. дел СССР

3-го ранга Кругловъ

НКВД СССР

Выдано 25 VI 1940 г.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

по 31/XII 1940

г. МОСКВА

Удостоверение старшего лейтенанта гб Н.К. Богданова, назначенного заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР. Подписано заместителем наркома внутренних дел СССР комиссаром гб III ранга С.Н. Кругловым. 24 июня 1940 года

10 октября 1940 года наркомом внутренних дел Казахской ССР был назначен майор гб (с 22 октября 1940 года — старший майор гб) А.Н. Бабкин — замечательный руководитель и прекрасной души человек. В декабре новый нарком был введён в состав членов бюро ЦК КП(б)К. С семьёй Бабкиных на долгие десятилетия нас связали крепкая дружба и добрые товарищеские отношения.

В преддверии надвигавшейся войны центральные органы страны Советов последовательно принимали решения, направленные на ужесточение общественной дисциплины и расширение промышленного производства. Так, 26 июня 1940 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий». В то же время руководство республики получило право перебрасывать по своему усмотрению рабочую силу в порядке мобилизации на те участки производства, которые требовалось поднять в кратчайший срок.

Из всего разнообразия постановлений ЦК КП(б) Казахстана, касавшихся всех сторон жизни республики, львиная доля приходилась на решения, связанные «с дальнейшим подъёмом сельского хозяйства». В этих руководящих документах предписывалось всё: когда, кому, сколько и что сеять, как обрабатывать посевы, когда и как собирать урожай в закрома

Родины, сколько разводить скота, когда производить случку, какое количество живности иметь в индивидуальном хозяйстве, когда ремонтировать сельскохозяйственную технику, сколько выпускать запасных частей вплоть до конкретных шестерёнок и гаек. Работники, не справлявшиеся с поставленными задачами, начиная с председателей колхозов, директоров совхозов и вплоть до секретарей райкомов, обкомов, председателей исполкомов и даже членов ЦК, жёстко наказывались, снимались со своих должностей, исключались из партии, отдавались под суд.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года НКВД СССР (а соответственно и союзных республик) был разделён на два ведомства: НКВД СССР и НКГБ СССР. Наркомом внутренних дел СССР был назначен Л.П. Берия, а наркомом госбезопасности СССР стал В.Н. Меркулов. Одновременно по совместительству Берия занял кресло зам. председателя СНК СССР.

В новой структуре НКВД СССР имелось четыре типа главков, управлений и отделов. Одни обеспечивали чисто внутренние дела государства, без которых невозможно обойтись: милиция, пожарная охрана, местная противовоздушная оборона, тюрьмы, архив и прочее. Другие за счёт труда заключённых, являвшихся важной производительной силой социализма, создавали прочный тыл и управляли (помимо собственно ГУЛАГа) лагерями железнодорожного строительства, гидростроя, горно-металлургических предприятий, про-мстроя, топливной и лесной промышленности, а также по строительству куйбышевских заводов (и подземелий), объектов на Дальнем Севере и шоссейных дорог по всем территориям. Сюда же следует отнести Управление по военнопленным и интернированным, которых ещё не было, за исключением, может, финнов и японцев, но мощный поток коих предполагался с началом *наступательных* боевых действий. К этим подразделениям необходимо прибавить и чуть позднее созданные Главное управление аэродромного строительства, подготавливавшее взлётно-посадочные полосы для военно-воздушных сил Красной Армии, и Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии. К третьему типу отнесём подразделения обеспечения работы наркомата: административно-хозяйственный, отдел кадров, финансово-плановый, контрольно-инспекторский, секретариат и др.

Но наиболее мощными представлялись главки, управления и отделы, сведённые нами в четвёртую группу, которую обобщённо назовём ***войска НКВД.*** Сюда входили (в порядке их объявления): Главное управление погранвойск; Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений (станций, мостов,

тоннелей) и особо важных предприятий промышленности; Управление оперативных войск (для подавления сопротивления противника в тылу стремительно идущей вперёд Красной Армии); Управление конвойных войск (для препровождения сдавшегося противника в лагеря военнопленных); Управление агитации и пропаганды войск НКВД (для моральной поддержки и обеспечения правильного понимания военнослужащими внутренних войск политики партии и правительства); Управление военного снабжения войск НКВД; Военно-строительный отдел (для восстановления разрушенных при ведении боевых действий и возведения новых сооружений, необходимых войскам НКВД). Оперативное решение в войсковых подразделениях вопросов, относившихся к госбезопасности, возлагалось на 3-й отдел НКВД. В своей совокупности эти мощные вооружённые силы должны были обеспечивать поддержание надлежащего порядка в тылу наступавшей Красной Армии.

Всё логично, глубоко продумано и материально обеспечено. Произведенное кардинальное преобразование строго подчинено решению одной главной задачи — оперативному и фундаментальному освоению предполагавшихся к *освобождению* западных стран.

После произведенных преобразований в штатах центральных аппаратов этих двух ведомств в то время состояло: в НКВД — 10 тыс. человек, а в НКГБ — чуть больше 11 тыс. сотрудников [Л. 23].

Однако *вероломное нападение* Германии спутало все планы высшего советского руководства. Вместо стремительного победоносного продвижения на территорию противника пришлось с большими потерями отступать в свой глубокий тыл вплоть до Москвы. Ясно, что в этих условиях *лёгкая кавалерия* госбезопасности не потребовалась, и указом ПВС СССР от 20 июля 1941 года ведомства вновь пришлось объединить. Опять своё привычное место в структуре НКВД заняли оперативно-чекистские управления и отделы. Охранные и конвойные войсковые части сразу утратили своё первоначальное предназначение, поскольку по невзорванным мостам теперь спокойно шли немецкие танки. Накопленные у западной границы огромные запасы военной техники, имущества и боеприпасов достались в качестве трофеев врагу, а бесчисленное количество советских военнопленных фрицы гнали в свои фашистские лагеря. В связи с этим указанные войсковые подразделения преобразовали во *внутренние войска.* Общий штат центрального аппарата объединённого НКВД резко сократился до 9 тыс. человек. Должность наркома внутренних дел сохранилась за

Берией, а Меркулов вновь стал его первым замом. Кроме того, 30 июня 1941 года Лаврентий Павлович был назначен членом Государственного Комитета Обороны (ГКО) [Л. 23].

Но вернёмся в предвоенный Казахстан. После разделения ведомств 3 февраля 1941 года Бабкин возглавил Наркомат государственной безопасности республики. Срочно вызванному из отпуска Богданову предложили должность заместителя наркома госбезопасности — мудрый Алексей Никитович не хотел отпускать от себя достойного работника. Это наглядно подтверждается нижеследующей партийно-деловой характеристикой на зам. наркома внутренних дел Казахской ССР Богданова, которую по запросу ЦК ВКП(б), решившему поинтересоваться, насколько успешно молодой выдвиженец справляется со своими обязанностями, составили и подписали 6 февраля 1941 года Бабкин, Яковлев (секретарь ЦК КП[б]К) и Тихонов.

«Работая в органах НКВД, проявил себя как энергичный, инициативный в оперативной работе чекист, умеющий вести активную борьбу с контрреволюционным элементом. За период работы в Казахстане проявил себя как способный руководитель и организатор. Закреплёнными за ним отделами осуществляет руководство правильно и умело. **Исключительно честный, исполнительный и дисциплинированный работник.** Порученные задания всегда старается исполнить точно и аккуратно. В партийной жизни принимает активное участие. Пользуется большим авторитетом среди коллектива НКВД. Политически грамотен. Много читает и работает над повышением своего политического и общего уровня» [А. 2].

После указа от 20 июля 1941 года Бабкин опять оказался в кресле наркома внутренних дел. Началась лавина новых назначений замов наркома и начальников областных управлений НКВД. 2 августа 1941 года на заседании бюро ЦК КП(б) Казахстана приняли постановление утвердить Богданова первым зам. наркома внутренних дел и, как всегда, направить этот вопрос на согласование в ЦК ВКП(б). Но время было горячее, военное, гонять зря бумаги стало некогда, и потому приказом НКВД СССР № 1108 от 6 августа 1941 года Богданова назначили зам. наркома внутренних дел Казахской ССР [А. 3]. То есть отец опять оказался в том же ранге, который *де-юре* так и не успел сменить.

Теперь посмотрим, как в далёком, ставшем теперь тыловым, Казахстане встретили начало войны? 25–26 июня 1941 года в Алма-Ате состоялся V пленум ЦК КП(б) Казахстана. В целом запланированная повестка дня партийного форума не претерпела изменений и носила совершенно мирный характер: «О состоянии

работ по уходу за посевами в колхозах, совхозах республики и задачах подготовки к хлебоуборке, заготовке сельскохозяйственной продукции в 1941 году». Интересно, что ни в основном докладе, ни в содокладах, ни даже в итоговом выступлении первого секретаря ЦК Скворцова ни слова не было сказано о начавшейся войне и ходе боевых действий, но формулировки стали весьма жёсткими, нацеленными на *тугое закручивание гаек* и повышение бдительности. Высший партийный орган Казахстана поставил задачу по борьбе с провокационными слухами, повышению бдительности трудящихся, превращению заводов, фабрик, мастерских, совхозов и колхозов «в непреступные очаги для вражеских элементов».

Первый секретарь ЦК Н.А. Скворцов в своём выступлении отметил: «Особо стоит задача об охране предприятий электроснабжения, связи, транспорта, продовольственных складов, о борьбе с диверсантами, шпионами, вредителями. Необходимо добиться, чтобы каждый советский гражданин с честью готов был выполнить свой гражданский долг, чтобы он мог в любую минуту самоотверженно, смело, решительно уничтожать врагов, шпионов, диверсантов. Всякий подозрительный элемент должен обращать на себя внимание. Каждый советский честный гражданин должен в этом отношении являться чекистом» [А. 17].

Какие конкретно вопросы в условиях начавшейся войны решал НКВД, сообщить точно автору не представляется возможности, так как большинство решений по этому ведомству хранится в *особой папке*, которая нам оказалась недоступна. Но поскольку ЦК напрямую контролировал работу этого ведомства (как и всех других), то из партийных решений можно составить определённую картину.

Нарком внутренних дел и его замы отчитывались в ЦК о проделанной работе по проверке организаций в отношении усиления охраны промышленных предприятий и учреждений, о порядке хранения и отпуска биопрепаратов на биокомбинате, противочумной станции, в различных лабораториях. При проверке внимание обращалось на изучение состава работавших сотрудников. В областных и районных центрах контролировался ход борьбы со спекуляцией и очередями. Анализировалось выполнение указов Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1941 года «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» и от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». В плане реализации последнего указа были зафиксированы факты приёма

и трансляции антисоветских радиопередач радиоузлами станции Отар Турксиба и местного вещания Келлеровс-кого района Северо-Казахстанской области. Дано указание в 5-дневный срок проверить всех работников, «отстранив неблагонадёжных и не внушающих доверия».

Из-за мобилизации мужчин в армию остро встал вопрос о рабочей силе, особенно в сельской местности. Бюро ЦК приняло постановление «О подготовке женщин для работы на тракторах, комбайнах и автомашинах». Всего за месяц, с 15 июля по 15 августа 1941 года, на краткосрочных курсах дано было указание обучить 47 155 трактористок, комбайнёрок и их помощниц. А за три месяца, к 10 октября, выпустить 2758 женщин-шоферов [А. 17].

В связи со стремительным наступлением немецких войск хлынул в Казахстан огромный поток беженцев. Всех прибывавших следовало расселить и трудоустроить, что представляло собой непростую задачу. 8 сентября 1941 года бюро ЦК КП(б) Казахстана приняло по этому вопросу постановление, в котором говорилось, что в ряде областей эта работа организована неудовлетворительно: «Недооценена повседневная массово-политическая работа среди эвакуированного населения, вследствие чего имеются факты проявления нездоровых отношений среди некоторой части этого населения — отказ от выхода на работу в сельской местности, рваческие тенденции, заключающиеся в требовании преимущественного снабжения перед местным населением и получения как можно больше пособий за счёт государства. Имеются также отдельные факты распространения эвакуированными провокационных и ложных слухов, с чем не ведётся решительная борьба. Наряду с этим имеются далеко не единственные факты, когда местные партийные, советские органы, при обращении к ним эвакуированных, относятся к просьбам грубо и бюрократически, не проявляют требуемой заботы и элементарного советского гостеприимства. Отсутствие учёта в потребности рабочей силы и излишков жилплощади, подлежащей передаче эвакуированным, приводит к неполному трудоустройству прибывающего трудоспособного населения и особенно специалистов» [А. 17].

Кроме того, советское руководство, опасаясь массовых выступлений в своём тылу в поддержку германской армии, дало указание о поголовном выселении *всех немцев* с Украины и Кавказа, из Поволжья и Крыма в основном в Куста-найскую область Казахстана. Центральная власть обязывала переселяемых наделить землёй и оказать им помощь в обустройстве. При этом отмечалось, что среди этих немцев есть элементы, недовольные

мероприятиями правительства и враждебные по отношению к Советской власти, контрреволюционно настроенные. Ставилась задача о необходимости «принять меры к пресечению распространения влияния этих элементов на местное население». Более того, ЦК Казахстана информировал, что «в некоторых районах вскрыты сейчас органами НКВД организационно оформленные фашистские группы, которые ставят своей задачей сеять панику среди населения и в соответствующее время совершить диверсии и теракты» [А. 17].

В организованном порядке в Казахстан из центральных районов вывозились целые заводы и фабрики со всем оборудованием и людьми, переводились учебные заведения, перемещались научные институты и учреждения культуры. В большом количестве эвакуировался скот. Надо отдать должное руководству Казахстана, что в этой сложнейшей обстановке оно сумело обеспечить такие условия, при которых все прибывшие в республику организации имели возможность буквально в считанные дни, недели, месяцы (в зависимости от сложности оборудования) обустроиться и начать производство военной, гражданской, сельскохозяйственной, научной, учебной, культурной и другой необходимой продукции.

А сколько усилий пришлось приложить, чтобы резко увеличить производство на собственных казахстанских предприятиях угля и стали, меди и нефти, продуктов питания и технических культур! И всё это при условии, когда мужчины призывались в армию, а лучшая техника мобилизовывалась и отправлялась для военных нужд. Постоянно проводился сбор тёплых вещей для Красной Армии.

Действительно, беспримерен подвиг народа, который в сложившейся обстановке сумел, пожертвовав всем, спасти свою землю, справиться с постигшей его небывалой бедой.

Глава 21. Дела казахстанские

Из 16 главных административных единиц Казахстана обратим наше внимание на Кустанайскую область, поскольку по делам именно в ней Богданову через много лет были предъявлены обвинения, обоснованность которых, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, весьма сомнительна.

ЦК Компартии Казахстана принимал грозные постановления в отношении практически всех областных руководителей, но Кустанайская область огню критики подвергалась чаще и сильнее других. На V пленуме ЦК КП(б) Казахстана в июне 1941 года отмечалось, что «Кустанайская область, несмотря на серьёзную и систематическую поддержку ЦК и СНК республики», за последние два года не улучшила положение дел в области, особенно в части руководства сельским хозяйством, явилась одной из самых отстающих по подъёму паров, уборке и заготовке сельхозпродуктов, проведению весеннего сева. Даже массово-политические кампании проходили в этой области очень трудно.

Помимо всех неприятностей, именно в этой области возникло агентурное дело «Националисты», начавшееся ещё где-то в 1939 году и со временем расширившееся. Насколько удалось установить из различных документов [А.2, А.11, А. 13], по сообщениям осведомителей (как потом заявили — провокационным) областному Управлению НКВД стало известно о проявлении антисоветских националистических настроений среди казахов, в том числе относившихся к достаточно высокому уровню руководителей. В общем-то, ничего странного в этом не было, поскольку национализм не обошел Казахстан стороной. Так что поверить в информацию, представленную агентурой, было нетрудно. А с началом войны к националистической пропаганде прибавились ещё «антисоветские действия пораженческого характера». По имевшимся в Кустанайском областном УВД материалам с согласия ЦК КП(б) Казахстана и санкции НКВД СССР в конце 1941 года были произведены аресты. Задержанные допрашивались сначала в Кустанае, а затем отправлялись в Алма-Ату, где и проводилось дальнейшее следствие.

Все арестованные признали своё участие в антисоветской националистической организации и показали на существование руководящего центра. Дело вышло на достаточно высокий уровень, в нём оказались замешаны люди, прекрасно знавшие закон и, более того, отвечавшие за правильность его исполнения. Что побудило их оговаривать своих руководителей и коллег по работе — сейчас трудно сказать. Позднее всё списали на

«извращённые методы ведения следствия». По этому делу было арестовано 130 человек, в том числе 26 работников партийных, советских, административных органов и 19 председателей колхозов. В общей сложности по показаниям арестованных проходили более 500 человек, среди которых было 4 члена ЦК КП(б) Казахстана, 2 секретаря обкомов партии, 4 председателя облисполкомов и 34 секретаря райкомов партии.

Нарком внутренних дел республики Бабкин был обеспокоен подобным развитием событий. В декабре 1941 года он направил в командировку в Кустанай бригаду во главе со своим заместителем майором гб Богдановым в составе начальника Секретно-политического отдела капитана гб М.Н. Головкова и других работников наркомата с тем, чтобы ознакомиться с ходом следствия и разобраться с вопросом на месте.

Бригада работников наркомата изучила материалы следствия и допросила арестованных. Все допрошенные подтвердили свои прежние показания и указали на конкретных руководителей, принадлежавших к антисоветской националистической организации. Вместе с тем в показаниях имелось много противоречий, на что и было обращено внимание.

По результатам работы бригада наркомата поставила перед руководством Кустанайского облуправления НКВД задачу разобраться в конкретных противоречиях следственного дела, чтобы внести необходимую ясность. При этом было дано указание прекратить аресты. Как выяснилось в дальнейшем, оно оказалось нарушено.

После окончания проверки наркому Бабкину была представлена докладная записка за подписями Богданова, Головкова, Забелева, в которой указывалось, кто арестован по имевшимся следственным делам, какие даны показания и какие в этих показаниях имелись противоречия. В дальнейшем Богданов напрямую этим вопросом не занимался, а тем более не руководил разработкой дела о «Националистах», поскольку значительную часть времени находился в командировках.

Данному следственному делу тогда придавалось большое значение, так как показаниями арестованных изобличалась большая группа ответственных работников. В Алма-Ате дело велось сотрудниками Следственного и Секретнополитического отделов казахастанского НКВД. В передопросе обвиняемых участвовал сам нарком внутренних дел Бабкин. При этом прокуратура республики постоянно осуществляла проверки хода следствия. Весьма внушительная и квалифицированная команда специалистов вряд ли допустила бы серьёзные огрехи в следственном деле.

В конце концов, затяжным кустанайским делом о «Националистах» занялись московские власти, и материалы передали Особому совещанию НКВД СССР. Очевидно, для того чтобы в условиях военного времени навести порядок в глубоком тылу, этот внесудебный орган 9 декабря 1942 года вынес постановление об осуждении к высшей мере наказания (расстрелу) 3 человек, а 5 человек были осуждены на 10 лет лишения свободы каждый. Из *руководящего центра* Казахстана никто *в судебном порядке* не пострадал.

Так бы это следственное дело и кануло в Лету, однако родственники восьмерых, жестоко наказанных Особым совещанием, да и пятеро осуждённых, находившихся за решёткой, стали активно писать жалобы, требуя разобраться с неправедно решённым вопросом. В связи с этим дело перепроверялось местными органами госбезопасности, а в 1943 году в Алма-Ату специально приезжала бригада НКВД СССР. В результате проверки агентурных и следственных материалов усмотрели наличие провокационных донесений и фальсификацию показаний арестованных. Было признано, что националистической организации не существовало, а имелись лишь отдельные антисоветские группы. Некоторые дела прекратили, часть осуждённых освободили, а остальным подтвердили срок наказания за конкретные факты антисоветской деятельности. Полностью реабилитирован не был никто. Чтобы приструнить исполнителей дела, указали на то, что работники, проводившие следствие, применяли *незаконные методы.* Остаётся неясным, как все эти нарушения не были замечены раньше представителями республиканской и союзной прокуратуры?

Материалы проверки, проведенной в 1943 году, были доложены в ЦК ВКП(б). С его ведома «работники, виновные в фальсификации следственных материалов», понесли наказания. При этом Богданову не предъявлялось никаких претензий. Более того, после того как он сам стал наркомом внутренних дел Казахской ССР, то своей властью объявил взыскания перешедшим в его непосредственное подчинение работникам Кустанайского УНКВД за то, что они не выполнили указание о немедленном прекращении арестов по делу «Националисты» [А. 13].

Особое совещание при НКВД СССР, по-видимому, ещё дважды по казахстанскому делу принимало постановления — от 14 февраля 1945 года и от 9 декабря 1947 года, но существо этих решений нам не известно.

Теперь перейдём к другим вопросам работы и жизни моего отца в Казахстане. В 1941–1943 годах зам. наркома внутренних дел республики Богданов по поручению своего шефа многократно

выезжал в командировки в различные районы необъятного края. В личном фонде № 10145 ГАРФ хранятся 15 писем и открыток отца, регулярно отправлявшихся им домой. По этим посланиям можно судить о диапазоне и времени поездок: Семипалатинск (июль 1941), Усть-Каменогорск (июль 1941 и август, ноябрь 1942), Кустанай (декабрь 1941), Акмолинск (декабрь 1941), Кзыл-Орда (май, июнь 1942), Актюбинск (июль 1942), Гурьев (август 1942), Уральск, Петропавловск (январь 1943). Кроме того, в письмах упоминались Павлодар, Караганда, Кандагач, а также Челябинск, Барнаул, Омск и Орск. Порой командировки затягивались на несколько месяцев. Естественно, в письмах ни слова не говорилось о служебных делах, хотя путём сопоставления с другими документами удаётся установить, какими вопросами Богданов тогда занимался. В зимних командировках отца часто беспокоил грипп. Летом донимала жара. Температура в тени доходила до 50 °С. «Нет покоя ни ночью, ни днём. Одежда не просыхает. Но с этим можно мириться. Самое тяжкое — это мошкара и комары. Кусают, проклятые». Ещё одно несчастье несли с собой пыльные бури. «Ветры дуют, не переставая, и потому, когда идёшь, часто не видно улицы. Сильно отражается на глазах пыль, создавая раздражение». Можно представить, какие сложности возникали у отца с его искусственным глазом. Наиболее неприятным для отца в командировках являлось то, что из-за постоянной смены воды его (как и многих других сотрудников) одолевали расстройства желудка, плохо приспосабливавшегося к новым условиям. Да и вода в ряде мест бывала такая грязная, что не могли даже пить чай, а переходили на местный лимонад, «скверный, но что же делать».

В 1942 году к нам в эвакуацию приехали папина сестра тётя Катя с тремя дочками, жена папиного брата тётя Шура с двумя взрослыми детьми, добрались и другие родственники. В общем, народу набралось очень много. В связи с наплывом *гостей* нам предоставили жильё побольше, на улице Артиллерийской.

Сохранились письма времён войны от родственников и знакомых моим родителям в Алма-Ату [А. 19]. Полсотни этих писем можно разделить на две группы. В первые годы войны приходили послания с просьбами помочь где-то устроиться, кого-то затерявшегося при эвакуации отыскать, что-то необходимое достать. Потом письма стали приносить благодарности за помощь, за присланные посылки, за приют и внимание, полученные в нашем доме.

Расскажем ещё немного о том, что нам известно о служебной деятельности Н.К. Богданова в первые годы его работы в Казахстане. Накануне и в начале войны в Сибири, Алтайском крае

и Казахстане была сосредоточена большая масса переселенцев, ссыльных и высланных. Верховное руководство Советского Союза опасалось возможности возникновения в этих местах волнений и даже восстаний. В связи с этим в июле-августе 1941 года в Алма-Ату прибыла бригада работников НКВД СССР. Для проверки обстановки вместе с москвичами в Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Барнаул, Омск, Петропавловск, Акмолинск и Караганду выезжал зам. наркома Богданов. Однако в глубоком тылу сохранялось достаточное спокойствие.

Надо отметить, что и в дальнейшем Богданов отвечал за поддержание порядка среди спецпереселенцев — немцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей, которых в Казахстане оказалось порядка 1 млн человек. В результате правильной организации работы и принятия необходимых оперативных мер со стороны данной категории населения за время их нахождения в республике не было допущено сколько-нибудь серьёзных антисоветских или бандитских проявлений.

Весной и в начале лета 1942 года Богданов выезжал в командировку в Кзыл-Орду, где занимался вопросами создания первого в Казахстане хлопководческого совхоза «Пахта-Арал» в Голодной степи. Однако изменившаяся на фронте обстановка привела к необходимости заняться другими проблемами. Дело в том, что из-за наступления немцев на Кавказ бакинская нефть стала доставляться танкерами по Каспию к устью реки Урал. В связи с этим было принято решение о срочном строительстве нефтепровода от острова Печной через Гурьев на Орск. Для *чекистского* обеспечения выполнения данного правительственного задания в Гурьев командировали Богданова. Кроме труднейших условий работ, выполнявшихся силами заключённых и мобилизованных рабочих, дело осложнилось тем, что противнику стало известно об этом строительстве. Для того чтобы уничтожить линию нефтепровода, в район прокладки трассы немцами на самолёте была заброшена диверсионная группа численностью порядка полутора десятка человек. В состав группы входили в основном казахи по национальности, состоявшие в «Национальном Туркестанском легионе». Эта группа была обнаружена, и Богданов возглавил мероприятия по её ликвидации. На память о боевых действиях, происходивших в нашем глубоком тылу, отец оставил себе отобранный у одного из диверсантов пистолет. Это трофейное оружие долгие годы хранилось у нас дома в папином письменном столе вместе с упоминавшимся нами наградным пистолетом ТТ.

В самые тяжкие военные годы Богданову по поручению ЦК КП(б) и СНК Казахстана наркомом внутренних дел ставились

самые разнообразные задачи. Отец возглавлял экспедицию по разведке и разработке запасов молибдена в горах Илийского Ала-Тау на высоте 2500 метров. Принимал активное участие в строительстве и расширении производства Карагандинского угольного бассейна, освоившего добычу стратегически важного топлива открытым способом. Оказывал помощь предприятиям цветной металлургии и обеспечивавшим их рудникам. Успешно организовал производство боеприпасов и спецукупорки. Неоднократно выезжал на места для решения вопросов по размещению эвакуированного населения и спецпереселенцев [А.7, А.11, А. 12].

Следует иметь в виду, что когда говорилось о том, что работы выполнялись под руководством НКВД, то это означало создание лагерей заключённых и военнопленных и

сосредоточение в осваиваемом районе большого количества мобилизованных. Безусловно, условия жизни и труда всех этих людей являлись просто ужасными. Заслуга Богданова и работавших вместе с ним сотрудников заключалась в том, что они стремились, насколько возможно, создать приемлемую обстановку и обеспечить выполнение «заданий партии и правительства».

В общем, мой отец, являясь одним из *винтиков* государственной системы, старался добросовестно исполнять свой служебный долг. В числе большой группы работников органов внутренних дел 4 февраля 1942 года «за успешную работу по выполнению порученных заданий» он был награждён знаком «Заслуженный работник НКВД».

В связи с тем, что Богданов в первые трудные годы войны показал себя всесторонне раскрывшимся руководителем, в партийно-деловой характеристике от 29 марта 1942 года секретарь ЦК КП(б) Казахстана Скворцов и нарком ВНУДЕЛ КССР Бабкин отметили: «Может быть выдвинут на **самостоятельную руководящую работу»** [А.2].

Глава 22. Нарком внутренних дел Казахстана

С началом 1943 года верховному руководству страны, имевшему полную информацию о действительном состоянии дел на фронте и в тылу, стало ясно, что военная ситуация переломлена в пользу Советского Союза. Ещё предстояли страшные кровопролитные бои, ещё необходимо было отразить сильнейшее летнее наступление немецкой армии, но в стратегическом плане чётко просматривалось, что фашистская военная машина не сможет выдержать готовившегося мощного напора Красной Армии, обеспеченной неиссякаемыми резервами тыла и высоким патриотическим подъёмом всего народа. Правильно говорили опытные немецкие завоеватели: никогда не берись воевать с Россией!

Настала пора поразмыслить о ряде преобразований во *внутренних делах* и о возвращении к предвоенным задумкам, сорванным *вероломным нападением.* Прежде всего, решили уравнять между собой *специальные звания НКВД* и армейские воинские звания. Для этого ввели для всех новые знаки различия: погоны, которые до Октябрьской революции использовались в русской армии.

В соответствии с принятой схемой преобразования специальных званий наркому внутренних дел Казахской ССР старшему майору гб А.Н. Бабкину присвоили спецзвание комиссар гб III ранга. Заместитель наркома майор гб Н.К. Богданов приказом НКВД СССР от 14 февраля 1943 года получил спецзвание полковника гб. Теперь отец, как, правда, оказалось, всего на три месяца (даже фотографии такой не сохранилось) надел погоны с двумя просветами и триадой звёзд.

Вернулись и к предвоенной идее о разделении НКВД на ведомства госбезопасности и внутренних дел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года из состава НКВД вновь, как и в 1941 году, «путём выделения оперативно-чекистских управлений и отделов», был образован самостоятельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ) СССР, возглавить который опять поручили комиссару гб I ранга Меркулову [Л.23]. Интересно, что сотрудники, как перешедшие в НКГБ, так и оставшиеся в НКВД, сохранили свои персональные спецзвания с добавлением к ним слова *госбезопасности.*

В *похудевшем* НКВД, главой которого остался генеральный комиссар гб Берия, производились назначения на появившиеся

новые должности наркомов союзных и автономных республик (24 вакансии) и начальников областных управлений (39 вакансий).

Приказом НКВД СССР № 1090 от 7 мая 1943 года полковник гб Богданов был назначен наркомом внутренних дел Казахской ССР. Этим же приказом полковник гб А.А. Пчёлкин (преемник моего отца по Казахстану) стал наркомом внутренних дел в Киргизии. Высокие должности республиканских наркомов следовало поддержать соответствующими спецзваниями. Через пять дней приказом НКВД № 1111 от 12 мая 1943 года Богданову, Пчёлкину и другим наркомам (всего в приказе 11 человек) присвоили специальное звание *комиссар гб* [А.3]. Можно только позавидовать (белой завистью, конечно) такому взлёту: за три месяца из майора гб в комиссара гб, то есть, по армейским меркам, в звание генерала! Отцу тогда исполнилось 36 лет. На золотом погоне с голубыми *косыми* полосками он стал носить одну генеральскую звезду.

Следует отметить, что, учитывая военное время и имевшийся предвоенный опыт, все указанные назначения нарком Берия произвёл очень оперативно, без обычной долгой переписки с партийной бюрократической машиной. Ясно, что без санкции Сталина дело не обошлось. А партийным органам пришлось заниматься вопросами согласования назначений на ключевые должности уже постфактум.

15 мая 1943 года состоялось заседание бюро ЦК КП(б) Казахстана. 23-м пунктом утвердили задним числом наркомом внутренних дел Казахской ССР Богданова, 24-м также формально поступили с Бабкиным, утвердив его наркомом госбезопасности республики. Как и положено, эти вопросы вынесли на утверждение ЦК ВКП(б). Далее по предложениям наркомов в обоих ведомствах утвердили начальников областных управлений и их заместителей.

Следует отметить, что, став наркомом, Богданов подобрал себе достойных, работоспособных заместителей — П.В. Николаева, П.П. Белюнова, А.Ф. Мусина и Г.Н. Калашникова. Вместе они трудились бок о бок три года, до нашего отъезда из Казахстана. Потом на много лет сохранили тёплые товарищеские отношения: переписка между коллегами велась до самых последних дней их земного жизненного пути. В Музее МВД Казахской ССР [М], открытом в 1975 году, эта *великолепная пятёрка* представляла самостоятельную экспозицию руководителей ведомства в годы войны, о чём мы расскажем позднее.

Один из больших и серьёзных вопросов, которым сразу же пришлось заниматься новому наркому Богданову, был связан с

расширением производственных мощностей Карагандинского угольного бассейна, обеспечивавшего танковую промышленность коксующимся углем. В апреле 1943 года ГКО поставил непростую задачу: скоростным методом осуществить строительство 4-го углеразреза НКВД, предназначавшегося для добычи угля открытым способом. При этом срок окончания строительства был назначен на 31 декабря 1943 года. В результате проведенной работы суточная производительность разреза должна быть доведена до 4000 тонн, с последующим увеличением до 9000 тонн [А. 17].

Работы по возведению углеразреза возложили на Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД. Для обеспечения объекта рабочей силой передали на строительство 7000 военнопленных и 600 заключённых. Кроме того, на строительство направили 5000 рабочих-трудпереселенцев, 500 инженерно-технических работников и 500 человек военизированной охраны. Всю эту массу людей надо было хоть как-то обустроить буквально на голом месте. Высшим руководством страны задачи по объёму добычи угля ставились, и за их невыполнение в условиях войны можно было жестоко поплатиться. А вот вопросы бытового обеспечения рабочих скромно умалчивались и отдавались на откуп местным властям, которым для строительства жилья следовало изыскивать собственные ресурсы.

Благодаря принятым кардинальным мерам к июлю 1943 года уже можно было говорить о том, что трудящиеся Карагандинского угольного бассейна достигли требуемого роста угледобычи: из месяца в месяц выполнялся Госплан большинством угольных предприятий. Однако далось всё это тяжким трудом рабочих, проживавших в скверных материально-бытовых условиях. Особенно плохо обстояло дело с общественным питанием — обеды готовили низкого качества, да при этом ещё обвешивали и обсчитывали. Общежития не имели оборудования, постельных принадлежностей. Зимой некоторые *ночлежки* не отапливались и не обеспечивались водой. Внимание к элементарным нуждам человека всегда стояло у нас на последнем месте. В связи с этим наблюдалась большая текучесть рабочей силы. В условиях военного времени самовольный уход с предприятия трактовался как дезертирство со всеми вытекавшими из этого последствиями. За полгода из Карагандинского бассейна сбежало более 5000 человек. Перед органами прокуратуры и милиции ставилась задача борьбы с дезертирством и дезорганизацией производства. Учитывая острую нужду бассейна в жилье, обязали ГУЛАГ НКВД СССР построить в 1943 году 10 тыс. км^2 жилой площади. В целях

улучшения питания рабочих подсобное хозяйство комбината освободили от обязательных госпоставок. Для пополнения рабочей силы постановили: мобилизовывать каждый месяц из разных областей республики по 2000–3000 физически годных рабочих.

Другой тяжёлый вопрос, который лёг на плечи наркома Богданова, был связан с детской беспризорностью и безнадзорностью. Определённые усилия по «благоустройству детей» предпринимались. Однако в целом по республике учебно-воспитательная работа, борьба с детской преступностью находились в неудовлетворительном состоянии. Не было охвачено учёбой свыше 100 тыс. детей. Органы прокуратуры, юстиции и милиции не обеспечили в детских учреждениях решительного пресечения действий расхитителей продуктов питания и материальных ценностей. Для повседневного руководства делом борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью была образована правительственная комиссия из 9 человек, в которую вошёл и Богданов. Аналогичные комиссии образовали в областях и районах. Секретарям обкомов предписали вопросы воспитания детей взять под свой непосредственный контроль. Начальнику милиции поручалось в декадный срок выявить всех беспризорных детей, принять меры к трудоустройству их и размещению в детские дома. Милиции вменялось наладить работу справочных, адресных столов для обеспечения розыска детей родителями. Предписывалось усилить репрессивные меры к подстрекателям детей на совершение преступлений и к родителям, допустившим беспризорность.

Правительство и партийное руководство Казахстана вынуждены были поручить прокуратуре и НКВД решение достаточно деликатного вопроса о возвращении скота, эвакуированного в республику в начале войны, его прежним владельцам для восстановления хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации. Вся сложность состояла в том, что за два прошедших года скотинка прижилась на новом месте. Кому-то корова или бык достались *на передержку*, а кое-кто купил живность из эвакоскота на собственные деньги и заботился о ней, как о родной. Какие-то коровки отелились, а иных пустили на мясо. Чёткости в вопросе о том, кто какую скотину должен сдать, не было. Пришлось дать указание правоохранительным органам «привлекать виновных в укрытии и малейшей задержке эвакоскота к государственной ответственности».

Вскрылись нарушения с расходованием средств, поступавших от населения на приобретение подарков для Красной Армии. Оказалось, что в Алма-Атинском обкоме партии за счёт этих

денег проводили вечера с угощением, осуществляли транспортировку скота, премировали директоров фабрик и председателей артелей. Виновных строго наказали.

Начальник Красногвардейского районного отдела НКВД старший лейтенант госбезопасности Николай Кузьмич Богданов. Ленинград, 1939 год

Депутатский билет Богданова Н.К, избранного по Красногвардейскому району Ленинграда. 1940 год

Анна Леонтьевна — мать Богданова Н.К. Череповец, 1936 год

Николай Кузьмич Богданов. Начало пути в ОГПУ-НКВД-МВД. Череповец, 1929 год

Оперуполномоченный Мяксинского райотделения ОГПУ Богданов Н.К. со своей супругой Ниной Владимировной Котовой. Март, 1932 год

Семья старшего брата Богданова Н.К.: Александр Кузьмич Богданов с женой Александрой Неофитовной (Шурочки) и детьми Клавдией и Георгием. Череповец, 1940 год

Семья младшей сестры Богданова Н.К В первом ряду: Екатерина Кузьминична Костина (Богданова), гвардии капитан Дмитрий Павлович Костин.

Во втором ряду: Лидия Дмитриевна Костина, Нина Дмитриевна Решетова (Костина), лейтенант пограничных

войск Василий Георгиевич Решетов, Тамара Дмитриевна Костина. Ленинград, 1949 год

Начальник Устюжнского районного отделения ОГПУ оперуполномоченный Богданов Н. К. Устюжна, 1934 год

Начальник Лужского районного отделения НКВД лейтенант госбезопасности Богданов Н.К Луга, 1936 год

Заседание Лужского райкома В КП (б). Второй слева: начачьник Лужского райотделения НКВД Богданов Н.К. Луга, 1935 год

Заместитель наркома внутренних дел Казахской ССР майор госбезопасности Богданов Н.К.

Москва (или Алма-Ата), 1940 год

Нарком внутренних дел Казахской ССР комиссар госбезопасности Богданов Н.К Алма-Ата, 1943 год

Группа сотрудников НКВД и НКГБ Казахской ССР, награждённых орденами СССР за выполнение специальных заданий правительства в годы Великой Отечественной войны.

Сидят: справа третий — нарком внутренних дел Казахской ССР Богданов Н.К, четвертый — нарком госбезопасности Казахской ССР Бабкин А.Н., пятый, шестой, седьмой — заместители наркома внутренних дел Богданова Н.К, соответственно Калашников Г.Н., Белюнов П.П. и Николаев П.В. Алма-Ата, сентябрь 1943 года

Министр внутренних дел Казахской ССР генерал-лейтенант Богданов Н.К. выступает перед заключёнными одной из исправительно-трудовых колоний. Казахстан, 1946 год

Нина Владимировна с сыновьями Юрием (5 лет) и Владимиром (7 лет). Алма-Ата, 1943 год

Министр внутренних дел Казахстана с заместителями и их жёнами на память перед отъездом Богдановых в Москву. В первом ряду: Калашников Г.Н., Николаева М.М., Богданов Н.К., Котова (Богданова) Н.В., Мусин А.Ф. Во втором ряду: Белюнов П.П., Калашникова М.М., Мусина Н.Ф., Николаев П.В., Белюнова. Алма-Ата, 1946 год

Министр внутренних дел СССР генерал-полковник Круглов С.Н. Москва, 1946 год

Начальник Главного управления шоссейных дорог МВД СССР генерал-лейтенант Богданов Н. К.Москва, 1947 год

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 392
Богданову
Николаю Кузьмичу
Зам. министра Внутренних дел и Начальнику УМВД по Московской
Продлено
Продлено
Иванову

Удостоверение замминистра внутренних дел СССР и начальника Управления МВД по Московской области генерал-лейтенанта Богданова Н.К. Москва, 1949 год

После парада и демонстрации трудящихся на Красной площади в честь Первомая. Второй слева — генерал-лейтенант Богданов Н.К. Далее генерал-лейтенант Леонтьев Л.М. и генерал-полковник Круглов С.Н. Крайний справа — генерал-полковник Серов И.А. Москва, 1948 год

Нина Владимировна Котова. Москва, 1948 год

Генерал-лейтенант Богданов Н. К. после награждения орденом Ленина за строительство канала Волга-Дон. Москва, 1952 год

Пропуск Богданова Н.К. на авиационный парад в Тушино. Москва, 1953 год

Старший сын: слушатель 1-го факультета Военно-Воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского техник-лейтенант Владимир Николаевич Богданов. Москва, 1956 год

Младший сын: слушатель 3-го факультета Военно-Воздушной инженерной академии рядовой Юрий Николаевич Богданов.

Москва. 1958 год

Начальник УМВД по Ленинградской области генерал-лейтенант Богданов Н. К. Ленинград, 1954 год

Начальник ленинградской Военно-Воздушной инженерной академии им. А.Ф. Можайского генерал-полковник Пётр Васильевич Родимое. Ленинград, 1969 год

Членский билет Богданова Н.К., избранного в Ленинградский областной комитет партии. Ленинград, 1954 год

Удостоверение (фрагмент) заместителя министра внутренних дел РСФСР генерал-лейтенанта Богданова Н.К. Москва, 1955 год

Полковник Сергей Григорьевич Серебряков. Москва, 1953 год

Членский билет Богданова Н.К., избранного в Московский Областной совет депутатов трудящихся. 1950 год

Диплом о высшем юридическом образовании генерал-лейтенанта Богданова Н.К. с присвоением ему квалификации юриста по специальности правоведение. Москва, 1957 год

Заместитель министра внутренних дел РСФСР Богданов Н.К. на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке направляется с казахской делегацией на осмотр павильона этой республики. Москва, 1956 год

Майор госбезопасности (в запасе) Фёдор Васильевич Лебедев — тесть младшего сына Богдановых Юрия

Николаевича Богданова.
Москва, 1960 год

Екатерина Ивановна Лебедева — тёща младшего сына Богдановых Юрия Николаевича Богданова. Москва, 1971 год

Невестка Богданова Н.К., жена младшего сына Юрия Николаевича, автора книги, Людмила Фёдоровна с сыном Алексеем Юрьевичем Богдановым, внуком Богданова Н.К. Москва, 1979 год

Невестка Богдановых Людмила Фёдоровна с внуком, правнуком Богданова Н.К., Алексеем Алексеевичем.

Москва, 1988 год

После трудного 1953 года Николай Кузьмич Богданов на отдыхе и лечении в Трускавце. 1954 год

Генерал-лейтенант Богданов Н.К Фото из газеты «Правда-5», № 5 за 1998 год (в газете ошибочно было подписано С. Огольцов)

Празднование Первомая на даче в Бутово.

В первом ряду: Николай Кузьмич, Юрий Николаевич и Людмила Фёдоровна Богдановы, Олег Константинович Морозов, Татьяна Мирошниченко, Михаил и Игорь Михайловичи Головковы; во втором ряду: Лидия Павловна и Михаил Николаевич Головковы, Елена Борисовна Тихонова, Нина Владимировна Котова, Валентина Трофимовна Морозова. Московская область, 1963 год

Дед Коля с любимым внуком Алексеем. Бутово, 1965 год

Николай Кузьмич Богданов, 1971 год. Теперь наличие протеза вместо левого глаза стало более заметно…

Нина Владимировна Котова, 1980 год

На 85-летии Нины Владимировны Котовой (Богдановой): Наталья Михайловна Ракчеева, Людмила Алексеевна Петрова, Екатерина Кузьминична Костина (Богданова), Олег Константинович Морозов, Нина Владимировна Котова, Юрий Николаевич Богданов, Адольф Александрович Ракчеев. Москва, 11 января 1990 года

Музей МВД Казахской ССР (до 1991 года). Экспозиция «Работа Наркомата внутренних дел в годы войны». Стенд «Нарком внутренних дел Казахстана и его заместители».

Алма-Ата, 1985 год

Музей МВД Казахской ССР.

Витрина с парадным мундиром при орденах, парадная шашка, подарочная шкатулка с документами генерал-лейтенанта Богданова Н.К Алма-Ата, 1985 год

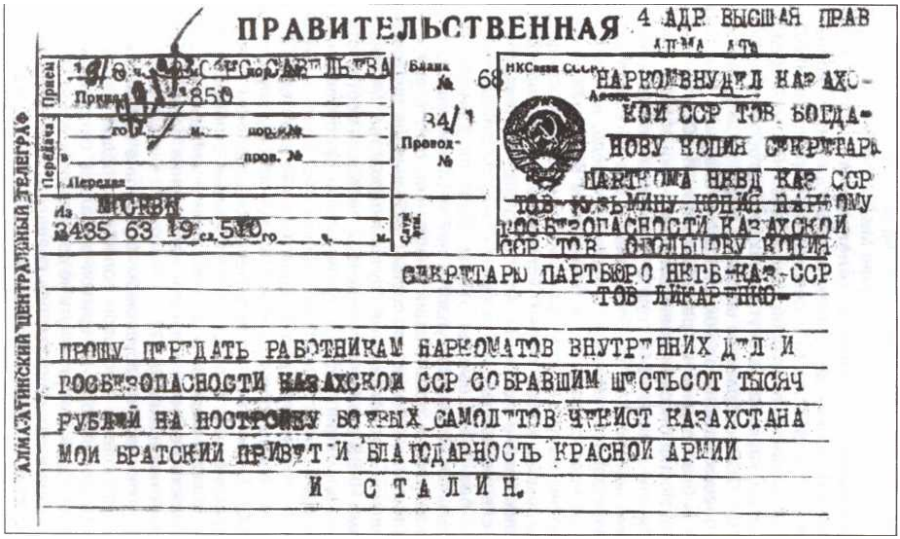
Музей Главного управления внутренних дел г. Алма-Аты. Стенд, посвященный Богданову Н.К. 2000 год

Начальник Музея Главного управления внутренних дел г. Алма-Аты Колесникова Л.М. демонстрирует стенд с экспозицией о генерал-лейтенанте Богданове Н.К. министру внутренних дел Казахстана Сулейменову К.Ш. и министру внутренних дел России Грызлову Б.В. Алма-Ата, 2000 год

В 100-летие со дня рождения Николая Кузьмича Богданова и Нины Владимировны Котовой (Богдановой) на семейной могиле. Москва, Ваганьковское кладбище, 12 февраля 2007 года

Автор книги Юрий Николаевич Богданов у памятника на могиле родителей.

Москва, Ваганьковское кладбище, 12 февраля 2007 года



ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

4 АДР ВЫСШАЯ ПРАВ

АЛМА АТА

Бланк № 68

НКСвязи СССР

Прием

Прекращ. 1850

Передача

Из МОСКВЫ

3485 63 19 сл. 5/40 го

Перейчат

Передал

Провод-№ 34/1

Приз. №

НАРКОМВНУДЕЛ КАЗАХСКОЙ ССР ТОВ БОГДАНОВУ КОПИИ СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА НКВД КАЗ ССР ТОВ ХУЗЬМИНУ КОПИЯ НАЧАЛЬНИКУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСКОЙ ССР ТОВ СЕМЕНОВУ КОПИЯ СЕКРЕТАРЮ ПАРТБЮРО НКГБ КАЗ ССР ТОВ ЛИХАРЕНКО

ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ РАБОТНИКАМ НАРКОМАТОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСКОЙ ССР СОБРАВШИМ ШЕСТЬСОТ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ НА ПОСТРОЙКУ БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ ЧЕКИСТ КАЗАХСТАНА МОЙ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ И БЛАГОДАРНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ

И СТАЛИН.

АЛМА-АТИНСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Правительственная телеграмма председетеля ГКО И.В. Сталина наркому внутренних дел Н.К. Богданову с благодарностью Красной Армии за сбор средств на строительство военной техники. 19 августа 1944 года

С конца 1942 года в Казахстане была активно поддержана инициатива тамбовских колхозников по сбору средств на строительство военной техники. Сначала в сельской местности на создание танковой колонны «Колхозник Казахстана» сдали деньги в сумме, вдвое превысившей подписку на заём 1942 года. Затем развернулся сбор средств на другие механизированные колонны «Шахтёр Караганды», «Нефтяник Казахстана», на авиаэскадрилью «Комсомолец Казахстана» и т. д. Нарком Богданов активно поддержал это движение, сосредоточив усилия на том, чтобы собранные деньги, ценности, продовольственные взносы не были растранжирены, а поступили по своему целевому назначению. Но и работники силовых ведомств не остались в стороне от патриотического подъёма. В Музее МВД Казахской ССР хранилась **правительственная телеграмма,** направленная наркому внутренних дел Казахстана Богданову (в копии — наркому госбезопасности и секретарям парткомов НКВД и НКГБ республики), в которой говорилось: «Прошу передать работникам наркоматов внутренних дел и госбезопасности Казахской ССР, собравшим шестьсот тысяч рублей на постройку боевых самолётов чекист Казахстана, мой братский привет и благодарность Красной Армии. **И. Сталин»** [М]. Видимо, Иосиф Виссарионович запомнил-таки встречу в своём кабинете в июле 1940 года с одноглазым выдвиженцем старшим лейтенантом гб Богдановым, раз направил свою благодарственное послание, в

первую очередь, на его имя.

Прямо надо сказать, что в бескрайнем Казахстане, где в годы войны вынужденно и принудительно была сосредоточена огромная масса людей, условия жизни в ряде мест оказались крайне тяжёлыми. Особенно это чувствовалось в среде спецпереселенцев, которым отводили определённые районы без права выезда оттуда. Вряд ли в каких-либо официальных источниках удастся найти упоминание о том, что из-за плохой организации снабжения, отсутствия продуктов питания начались массовые заболевания дистрофией. Имелись даже отдельные случаи людоедства. Местными органами НКВД это было выявлено, и передана соответствующая информация. Однако руководители республиканских организаций, имея подробные данные обо всём, скрывали истинное положение дел от центральных властей. Тогда Богданов напрямую сообщил в Москву наркому внутренних дел СССР Берии о катастрофически бедственном положении переселенцев. В ответ на этот призыв о помощи московские власти выделили 20 тыс. тонн пшеницы, что дало возможность немного ослабить напряжение среди данной категории населения [А. 17].

В летнюю пору в засушливом Казахстане возникали серьёзные проблемы с поливом полей и огородов. Часто вопросы отведения воды из арыков решались силовым методом. Дело порой доходило чуть не до смертоубийства. В связи с этим в районах приходилось создавать комиссии, в состав которых входили *силовики* из НКВД, для справедливого наделения всех желавших животворной влагой. Контроль за привлечением к ответственности лиц, «виновных в разбазаривании воды», возлагался на прокурора и наркома внутренних дел республики [А. 17].

Ряд предприятий, подчинённых НКВД, занимался изготовлением вооружения, боеприпасов и спецукупорки. Имелись такие заводы и в Казахстане. Осенью 1943 года ГКО решил отметить руководителей и специалистов, обеспечивавших огневую мощь Красной Армии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 года главе НКВД Берии за особые заслуги в области усиления производства боеприпасов в трудных условиях военного времени было присвоено звание Героя Социалистического труда. Орденами Ленина наградили ряд ответственных работников наркомата. В числе награждённых свой первый орден Красного Знамени получил 20 сентября 1943 года нарком внутренних дел Казахской ССР Богданов с формулировкой «за образцовое выполнение заданий правительства в период Отечественной войны» [А.3].

Выполнение поставленной ГКО труднейшей задачи по срочному расширению производства Карагандинского угольного бассейна требовало постоянного наращивания количества рабочей силы. 12 октября 1943 года СНК и ЦК Казахстана постановили обязать председателей облисполкомов и секретарей обкомов за 10 дней в соответствии с разнарядкой дополнительно мобилизовать для работы в шахтах и на строительстве подъездных путей 7000 человек. Однако набор рабочих был фактически сорван: по этой разнарядке удалось набрать всего 1204 человека. Руководство Казахстана предупреждало областные, партийные и советские власти о *недопустимой безответственности.* Главе Карагандинской области указали на слабую партийно-политическую работу и плохие жилищно-бытовые условия для рабочих, что приводило к большой текучести кадров. Для того чтобы разрешить проблему, *персональную ответственность* за своевременную мобилизацию трудпереселенцев для Карагандинского угольного бассейна возложили на наркома Богданова. Ситуацию удалось переломить, но о победных реляциях чуть позже.

Большая скученность населения и отсутствие элементарных бытовых удобств, слабое медицинское обслуживание приводили к появлению массовых инфекционных заболеваний. Для предупреждения распространения сыпного тифа среди трудящихся республики, поражение которым осенью 1943 года по ряду областей возросло в несколько раз, принимались срочные меры. Особенно тяжёлое положение создавалось в лагерях для заключённых и военнопленных. НКВД оборудовал в местах лишения свободы санпропускники и бани. Эшелоны с военнопленными в пути следования подвергались санобработке, контакт их с населением не допускался. Силовым органам вменено было заводить судебно-следственные дела на лиц, срывавших санобработку и проведение противоэпидемиологических мероприятий [А. 17].

В добавление к этому с 1944 года в Казахстан стали прибывать спецпереселенцы с Северного Кавказа. Их надо было принимать, размещать, обеспечивать питанием, трудоустраивать.

За другими делами несколько упустили вопрос о ходе в Казахстане хлебозаготовок в осеннюю страду 1943 года. Кратко отметим, что, по оценке ЦК КП(б) Казахстана, «вследствие слабого руководства хлебозаготовками, попустительства саботажникам хлебосдачи и наличия антигосударственных настроений со стороны отдельных руководителей областей, районов, колхозов и совхозов, не желающих сдавать хлеб государству, на 15 ноября 1943 года план хлебозаготовки

выполнен в колхозах на 43,9 %, в совхозах — на 51,3 %». ЦК потребовал «обеспечить безусловное выполнение плана», объявил выговоры всему составу бюро Куста-найского, Северо-Казахстанского и Павлодарского обкомов и предупреждал первых секретарей всех уровней, что они будут сняты. Не слишком надеясь на областные партийные и советские власти, ЦК привлёк к решению хлебного вопроса силовые ведомства, обязав НКГБ (Бабкина) и НКВД (Богданова), а также республиканского прокурора и Нарко-мюст «в суточный срок дать по своей линии необходимые указания и потребовать от местных работников повести более решительную борьбу с саботажниками, дезорганизаторами хлебозаготовок и расхитителями хлеба».

Имелись проблемы и в традиционном для Казахстана животноводстве. В связи с тем, что многие семьи (особенно военнослужащих, у которых кормилец был на фронте) испытывали острую нужду в продуктах питания, начался «хищнический убой общественного колхозного скота и скота, находившегося в личном пользовании колхозников», происходили разбазаривание и кража животноводческой продукции, особенно молока. Во многих письмах, отправлявшихся на фронт, семьи жаловались на тяжёлое продовольственное положение. И опять в помощь партийной и советской власти призывались органы НКВД, прокуратуры и Наркомюст, которые должны были *усилить борьбу* со скотокрадством и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров.

За провалы в сельском хозяйстве руководству республики предстояло серьёзно отвечать — комиссия из Москвы набрала значительное количество фактов о недостатках в руководстве важной продовольственной базой страны. На этом основании было принято постановление ЦК ВКП(б), отметившее серьёзные упущения в работе Казахстанского ЦК, в результате которых резко снизилась урожайность, уменьшился валовой сбор зерна, план хлебозаготовок не был выполнен, сократилась выдача хлеба колхозникам на трудодни. Несмотря на богатейшие кормовые возможности, животноводство развивалось неудовлетворительно. В связи с этим во время заседания X пленума ЦК КП(б) Казахстана, состоявшегося 5–7 апреля 1944 года, в адрес первого секретаря Скворцова был высказан целый поток критики. Серьёзные нарекания как сверху (из Москвы), так и снизу (с мест) получили применение в работе республиканского ЦК методов администрирования, вмешательства в хозяйственные дела, рассылки большого количества руководящих указаний, бесконечные кадровые перестановки и наложение взысканий. А вот в области промышленности отмечались успехи в быстром

создании и расширении рудной базы для предприятий свинцово-цинкового, золотого и медного производств. Вместе с тем ставились задачи *окончить и ввести в строй* пять крупнейших комбинатов, заводов и фабрик [А. 17].

В дискуссии на этом пленуме выступил и нарком внутренних дел Богданов. Конспективно осветим вопросы, которые были им подняты, поскольку они касались многих сторон жизни Казахстана.

1. Отмеченные ЦК ВКП(б) серьёзные недостатки почти во всех отраслях народного хозяйства республики явились результатом того, что значительная часть партийных руководителей в районах и областях в практике своей работы «заняла неправильную линию, переключив на себя все вопросы хозяйственной жизни, рассеивая своё внимание на сотни мелких дел, и этим они подменили ряд советских и хозяйственных организаций, одновременно освободив их от ответственности и лишив инициативы».

2. Практика *накачивания* низовых организаций по телефону привела к такому положению, что ряд руководителей стал скрываться от телефонных звонков, выезжая, например, в ближайший колхоз.

3. Очень много надежд возлагалось на *уполномоченных,* но их посылка в районы и области *перешла всякие границы.* Перед этими работниками ставилась задача по выправлению выявленных серьёзных недочётов в работе, но «сейчас эта система превратилась просто в формализм».

4. Проверкой зимовки скота, особенно на отгонных участках, проведенной органами НКВД, было выявлено много серьёзных недостатков, которые пагубно отразились на качественном состоянии животноводства, вызвали большие потери скота. В ряде мест этот серьёзный участок работы оказался отданным на откуп людям, совершенно не проверенным (ранее судившимся за растраты, хищения). Подготовка к зиме прошла некачественно, но ни у кого в районах это не вызвало тревоги. Вследствие невыполнения плана сенокошения положение с кормами создалось напряжённое, нужно их экономить, а происходит перерасход. Крайне серьёзно обстоит дело с инфекционными заболеваниями скота.

5. Проверкой выявлено значительное количество фактов разбазаривания скота под всякими предлогами, особенно путём незаконной выбраковки и вынужденного забоя. Всё это оформлялось фиктивными актами. Реальные цифры по падежу показать боялись, так как за это «тебя и нас расстреляют». Лица, виновные в расхищении скота, были наказаны. Всего в 1943 году

и начале 1944 года привлечены к ответственности 4931 человек.

6. Выявилась неприглядная роль руководителей районов, которые «превратили колхозы в свои подсобные хозяйства», откуда брали в большом количестве скот и зерно, даже не оплачивая стоимость.

7. Остро встал вопрос о расхищении хлеба осенью 1943 года. К ответственности привлекли 5800 человек. У задержанных расхитителей изъяли товарно-материальных ценностей на десятки миллионов рублей (не считая золота и драгоценностей), а также наличные деньги в сумме 7 млн 600 тыс. рублей.

8. Учитывая напряжённое положение с продовольствием, следовало сосредоточить внимание всего партийно-советского актива на наблюдении за сохранностью семян, «иначе они могут быть расхищены». При этом кража достаточно просто прикрывалась снижением норм высева на гектар. В дополнение к специальным мероприятиям по охране семян, которые проводили органы НКВД, предлагалось со-здать группы содействия сотрудникам милиции, так как «для стопроцентного предотвращения хищений» у ведомства сил не хватало.

9. Только что закончилось переселение в Казахстан некоторых народностей Северного Кавказа — чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев — в общей сложности 500 тыс. человек. «Эти люди Советским правительством наказаны за то, что в момент нахождения немецких войск на Кавказе большая часть их являлась пособнической базой немцев, выступала с оружием в руках против Красной Армии, а некоторые из них составляли кадры шпионов, диверсантов и т. п. Перед этими народностями поставлена задача — честным трудом искупить свою вину перед народами Советского Союза. Необходимо этот контингент быстрейшим образом обеспечить в части хозяйственно-бытового устройства и втянуть в работу, причём не только глав семей, но и всех трудоспособных членов семей. На Пленуме говорили, что прибывшие к нам “плясуны” (так их прозвали в народе. — *Ю.Б.)* плохо работают или совсем не выходят на работу, а колхозники боятся идти в поле и оставлять дома детей одних. Партийные и советские органы обязаны добиться такого положения, чтобы вместе с колхозниками пошли на работу и переселенцы. Необходимо следить за тем, чтобы не допустить каких-либо столкновений переселенцев с местным населением и этим дать повод к открытым выступлениям. До войны чеченцы и ингуши неоднократно выступали с оружием в руках против мероприятий Советской власти. Отсюда следует сделать вывод, что антисоветские элементы будут стремиться вызвать недовольство, спровоцировать втягивание в это дело местного населения,

добиваясь серьёзных столкновений. Это должно быть вовремя выявлено и предотвращено. Сейчас переселенцы распространяют массу провокационных слухов. Надо эти слухи пресекать и разъяснять населению действительное положение дел. Чеченцы переселены сюда не только на время войны, а на постоянное жительство. В связи с этим они должны приступить к строительству домов, заготовке стройматериалов. Но без помощи местных органов и колхозов это дело не пойдёт, и строительство будет сорвано. В проведении всех мероприятий большую помощь будут оказывать специально созданные для этого комендатуры НКВД, которые занимаются всеми вопросами, связанными с трудоустройством, хозяйственной деятельностью и режимом, так как переселенцы ограничены в передвижении. Имеется просьба — оказать помощь комендатурам, а они включатся во всю хозяйственную жизнь колхозов».

10. В отношении мобилизации рабочей силы в Карагандинский угольный бассейн. «Получается чехарда: 15 тысяч рабочих пришло, а 12 тысяч ушло. Это результат плохого приёма мобилизованных, исключительно низкой оперативности и готовности к размещению людей. Считается, что в числе убывших 6 тысяч человек дезертировали. Это произошло потому, что созданы плохие условия жилья, в бараках нет стёкол, даже воду не привозят. Следует учесть, что людей, которых относят к дезертирам, отдают под суд, и на них накладывается очень тяжёлое пятно, хотя они и не повинны в таких больших грехах. Надо избавиться от массовой мобилизации рабочих и ориентироваться на освоение на месте того контингента, который там есть. Иначе только гоняем из области в область людей, а это результата не даёт» [А. 17].

Приведенное выступление позволяет, на наш взгляд, судить о достаточной зрелости наркома внутренних дел Богданова как руководителя, душой болевшего за общее дело, стремившегося вскрыть причины имевшихся недостатков и найти пути их устранения.

На заседании этого пленума 9 апреля 1944 года Богданов был избран в *члены бюро* ЦК КП(б) Казахстана. Вместе с ним в состав бюро, расширенного до 11 человек, вошёл также новый нарком госбезопасности Казахской ССР С.И. Огольцов, сменивший на этом посту Бабкина.

После крупной партийной головомойки (во время которой первому секретарю Скворцову и председателю СНК Н.Д. Ундасынову ЦК ВКП[б] объявил по выговору), принятия важных, *вдохновляющих* решений, осуществления частичного обновления главного партийного руководящего органа республики следовало

с новыми силами приступить к хозяйственным делам, к безусловному выполнению всех указаний высшего советского партийного руководства. Тем более что успехи были. Подведение итогов строительства Карагандинского угольного разреза показало, что коллектив строителей и их руководители в исключительно короткий 10-месячный срок *успешно выполнили* задание ГКО, построив и сдав в эксплуатацию для добычи открытым способом индустриальный угольный разрез с годовой мощностью 1,5 млн тонн угля. Все построенные сооружения межведомственная комиссия оценила на *отлично.* ЦК Компартии Казахстана отметил, что высокого результата добились благодаря «самоотверженному труду всего коллектива, государственному подходу к делу руководителей строительства и повседневной помощи, оказанной строительным организациям со стороны партийных, советских и хозяйственных органов республики».

8 апреля 1944 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым «за успешное выполнение задания правительства по строительству Карагандинского угольного бассейна» наградили орденом Ленина 4 человека. Ордена Трудового Красного Знамени удостоили 10 человек, включая наркома внутренних дел Казахстана Богданова.

К лету 1943 года мы вместе с многочисленными родственниками переехали на новое место жительства на улицу Артиллерийскую. Позже её переименовали в Иссыкульскую. Это была большая территория, огороженная по периметру высоким забором, в центре которой стоял одноэтажный дом.

Домашним кухонным хозяйством заправляла тётя Шура, жена папиного брата. Самого дядю Шуру призвали солдатом в пехоту. Их дети, Клава, девятнадцати лет, и Георгий, семнадцати лет, также жили вместе с нами. Папина сестра тётя Катя вместе со старшей дочкой Ниной, а также племянницей Клавой работала на почте в отделе военной цензуры. Младшие дочки Лида и Тамара учились в школе. В общем, вместе с родителями, бабушкой и нами, двумя малышами, обедать за стол садилось почти полтора десятка человек. К этому, как правило, ещё кто-то добавлялся из знакомых, постоянно бывавших у нас проездом или по другому случаю. Кроме того, папа распорядился обязательно кормить любого человека, пришедшего к нам в дом, будь то водопроводчик, электрик, трубочист или водитель грузовика, доставившего дрова. Чаще других у нас бывала со своей дочкой Долорес мамина коллега по гинекологии Хади-ша Есентуровна Мурзалиева, будущая первая из казашек профессор, доктор медицинских наук. Муж её был на фронте, и семье без него жилось нелегко. Таким образом, каждодневная нагрузка на кухню

и на *главную кашеварку*, которой в свободное время помогали и другие женщины, оказывалась весьма солидной. Во многом выручали нас сад и огород, которые давали хорошие урожаи. В общем, большой семьёй мы жили очень дружно.

Маме присылали письма и открытки однокурсники по Смоленскому университету, коллеги по совместной работе.

Многие из них попали на фронт или в прифронтовые госпиталя. Делились пережитым, порой сообщали о тех, кто погиб. Те, кто побывал у нас, часто вспоминали Алма-Ату «как светящуюся звёздочку на фоне нашей жизни».

Глава 23. Продолжение казахстанской эпопеи

Казалось бы, на X пленуме ЦК КП(б) Казахстана откровенно, по-партийному, по-большевистски поговорили о недостатках, вскрыли причины их появления, наметили пути дальнейшей работы — теперь всё должно идти успешно, как бы само собой, без постоянных понуканий и взысканий.

Действительно, весенний сев 1944 года провели с каким-то подъёмом, «в сжатые сроки и на высоком уровне». На очередном XI пленуме ЦК КП(б) Казахстана в июне 1944 года радостно доложили, что план сева выполнили повсеместно на 103,8-107,2 %. Лучше на полевых работах использовались трактора. Однако отсутствие материальной заинтересованности трудящихся в результатах собственного труда, несмотря на вызванный войной высокий патриотический подъём, вскоре всё вернуло на круги своя. Опять высшему партийному органу пришлось доставать испытанную *плётку-погонялку*. Голый энтузиазм без товарного наполнения, даже в условиях тяжелейшей для страны обстановки, требовал постоянного *взбадривания*. Низовые партийные руководители, боясь *огорчить* своих главных республиканских вождей, давали в отчётах *дутые цифры*. В связи с этим объективную информацию о действительном состоянии дел оказалось возможным получать лишь *по линии НКВД*, где нарком Богданов за достоверностью поступавших сведений следил строго. Да ещё всех высших руководителей приходилось посылать на места, чтобы они там *ответственно* разбирались в обстановке.

В конце июня 1944 года было принято решение об одновременном командировании в области всех членов и кандидатов в члены бюро ЦК, а также других руководящих работников. При поездках особое внимание предлагалось обратить на ход таких основных сельскохозяйственных работ, как прополка посевов, вспашка паров, ремонт комбайнов и других машин, подготовка к уборке урожая, сенокосу и состояние животноводства. Важность намеченной проверки обусловливалась также и тем, что в ряде областей и районов наблюдалось массовое появление саранчи, поставившей под угрозу гибели большие площади посевов и сенокосных угодий.

Согласно составленной разнарядке, Богданов был направлен в Кзыл-Ординскую область. После завершения проверки ряд секретарей обкомов отчитывался на бюро ЦК. Некоторые

получили взыскания, а иные поплатились и должностью. Заслушав первого секретаря Кзыл-Ординского обкома, главные партийные руководители, основываясь на сведениях, сообщённых проверявшим это *хозяйство* наркомом Богдановым, отметили «неудовлетворительное состояние дел в области». На поверку оказалось, что план весеннего сева колхозами был выполнен лишь на 75,5 %, в то время как в рапорте фигурировала цифра, даже превышавшая заданную норму. Кроме того, усмотрели «беспечное отношение к организационной работе», указали на «непринятие необходимых мер для получения высокого урожая». В части выполнения плана по животноводству также отметили *серьёзные недоработки.* Так что добросовестная проверка позволила выявить и обман, и другие недостатки, хотя в рамках существовавшей системы исправить всё это представлялось весьма трудным делом.

Силы НКВД привлекались при любом срыве какого-либо важного хозяйственного дела. Так, при невыполнении сроков окончания строительно-монтажных работ при возведении гидростанции на реке Большая Алма-Атинка был организован комитет содействия, в состав которого включили наркома Богданова, который, имея в своём распоряжении рабочую силу, мог внести реальный вклад в решение данного вопроса.

Борьбы с табакокурением в те военные годы не велось, а вот с хищением табака и махорки органам НКВД сражаться приходилось. По указанию властей, до выполнения плана обязательных поставок государству запрещалась продажа дымящего зелья «в сыром и крошевом виде» как колхозами, так и единоличниками. За порядком в таком непростом деле следить поручалось прокурору республики и наркому Богданову.

В начале августа 1944 года в южных областях Казахстана зерновые давно созрели, и колхозы и совхозы приступили к уборке урожая. Контроль за этой работой вёлся не только местными властями и уполномоченными, доверие к которым из-за *очковтирательства* было подорвано, но и органами внутренних дел. На основании спецсообщений НКВД от 3 и 12 августа стало известно, что «в результате безответственного отношения отдельных руководителей районных партийных, советских организаций и председателей колхозов к проведению уборки урожая, уборочные работы и сдача хлеба государству в ряде районов Алма-Атинской области проходят явно неудовлетворительно. На уборочные работы не мобилизованы все материально-технические и людские ресурсы области, вследствие чего уборка урожая затягивается, допускаются потери, хищения хлеба, что создаёт угрозу невыполнения плана хлебозаготовок в

1944 году». Спецсообщение передали в обком для принятия конкретных мер.

И снова руководящие работники в количестве 150 человек разъезжались по областям, теперь *в целях проверки и оказания практической помощи.* Богданова направили в Ак-тюбинскую область. По результатам этой поездки в обком партии была направлена правительственная телеграмма, в которой обращалось внимание местных руководителей на «серьёзное отставание области с уборкой урожая и выполнением плана хлебозаготовки».

Трудности возникали не только с хлебом, но и с новой для Казахстана культурой — хлопком. Вследствие несоблюдения агротехники, неправильного режима орошения, плохой организации труда хлопководческий совхоз «Пахта-Арал» допустил снижение урожая с 24 до 16 центнеров хлопка-сырца с гектара. Совхоз, в создании которого принимал участие Богданов, имел уже 18 тыс. жителей, из них треть являлась рабочими и служащими этого государственного предприятия. На сельскохозяйственных работах, особенно на уборке хлопка, использовались также и военнопленные, которых поставляло НКВД. По представлению НКВД партийное руководство потребовало от директора совхоза, чтобы он оказывал максимальную помощь управлению лагеря в хозяйственном устройстве военнопленных.

Поскольку бюро ЦК КП(б) Казахстана, в составе которого работал нарком Богданов, сосредоточило в своих руках управление всеми сторонами жизни республики, то чуть ли не ежедневно этим высшим органом от имени ЦК издавались самые разнообразные руководящие указания, носившие либо плановый (кому, что, сколько и в какие сроки нужно сделать), либо *разгромный* характер, если эти спущенные сверху планы не выполнялись. Приведём в качестве примера лишь некоторые постановления, принятые в пору уборки урожая 1944 года [А. 17].

«О ходе хлебозаготовок в колхозах и совхозах Казахской республики» — вопрос не поставлен в центр внимания, «ряд руководителей обкомов и горкомов оправдываются гнилыми и вредными разговорами, что осенью много сельскохозяйственных работ и все они важны». Строго потребовано выполнять выданные разнарядки.

«О ходе проведения капитального ремонта энергетического оборудования» — проводится неудовлетворительно, сроки ремонта сорваны. Принять необходимые меры для исправления положения.

«О ходе выполнения местной и кооперативной

промышленностью плана производства обоза, упряжи и сельскохозяйственного инвентаря» — совершенно неудовлетворительно: по телегам 47 %, по саням 45,7 %, по подковам 35,4 %, по верёвкам хозяйственным 50 %, по бочкотаре 54 % и так далее. *Нацелить* на безусловное выполнение планов.

«О плане обеспечения Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД свежими овощами, квашеной капустой, солёными огурцами, сушёными овощами, картофелем, фруктами из урожая 1944 года» — утвердить план поставок, считать заготовку в установленные сроки делом большой государственной важности.

«О мероприятиях по заготовке и отгрузке лома цветных металлов» — происходит неудовлетворительно. Обязать соответствующие организации обеспечить установленные показатели.

«О производстве ремонта обуви колхозникам, работникам МТС и совхозов, занятых на уборе урожая и хлебозаготовке» — утвердить план ремонта 150 тыс. пар обуви. Обязать, возложить, осуществить контроль.

«О ходе копки и вывозки сахарной свеклы» — проводится совершенно неудовлетворительно, создаётся угроза выполнению плана в установленные сроки, имеются потери, гибель, хищение и разбазаривание урожая. Необходимо добиться безусловного достижения запланированных показателей.

«О подготовке и проведении осенней случки и искусственного осеменения овец в колхозах и совхозах» — утвердили план метизации овец тонкорунными и каракульскими баранами.

«О плане снабжения населения мукой, картофелем, крупой, макаронами на…» (каждый месяц года): учителя — 500 г в день, иждивенцы — 200 г в день, рабочие на полевых работах — 500 г (человеко-день). Разрешили осуществлять примесь картофеля к хлебу взамен крупы. Распорядились в первую очередь снабжать ведущие предприятия наркоматов угля, чермета, цветмета, детских и закрытых учреждений. Установили персональную ответственность местных руководителей за соблюдением норм.

Тогда наши руководители искренне верили, что стоит ещё немножко организацию работы подправить, повысить ответственность людей, перетерпеть тяжёлые годы войны — и всё наладится, люди станут жить в довольстве, *светлое будущее* приблизится. Но шли годы, а дух руководящих решений не менялся: после принятия очередных грандиозных планов следовало суровое понукание, требовавшее их неукоснительного выполнения. Иногда это удавалось (как, например, с

расширением Карагандинского угольного бассейна), но чаще не достигало желаемых показателей (как, допустим, со сбором урожая). Огромная, проделанная трудом миллионов людей работа, позволяла создавать новые заводы и фабрики, производить массу продукции, но пока всё это шло только на удовлетворение нужд фронта. Что ж, шла война, все согласны были переносить лишения ради грядущей победы, в которую теперь уже, без сомнений, верилось.

Вместе с тем следует отметить, что, кроме взысканий, постоянно обрушивавшихся на головы работников, которым не удавалось успешно решать поставленные задачи, в череде постановлений мелькали пункты, имевшие торжественное звучание. В первую очередь это касалось защитников Родины, проливавших свою кровь на полях сражений. Ещё в 1942 году было принято постановление СНК и ЦК Казахстана «Об увековечивании памяти героев, погибших в борьбе с немецкими оккупантами». Прежде всего, честь была отдана Герою Советского Союза командиру 8-й Гвардейской дивизии генерал-майору И.В. Панфилову и защищавшим под его командованием Москву гвардейцам-панфиловцам, которые в основном были родом из Казахстана. В 1944 году воздали должное погибшей в боях за свободу и независимость Машук Мамедовой — первой женщине-казашке, удостоенной звания Героя Советского Союза.

В глубоком тыловом краю порядка 160 медицинских работников за свой нелёгкий труд в переполненных ранеными и больными госпиталях и больницах получили грамоты Верховного Совета Казахской ССР. Несмотря на все трудности с выращиванием и сбором урожаев, в январе 1944 года к награждению грамотами и орденами представили добросовестных работников сельского хозяйства, пищевой и местной промышленности.

В НКВД Казахстана в связи с различными событиями проводились торжественные награждения. В честь 25-летия органов пожарной охраны НКВД грамоты и ценные подарки от Верховного Совета Казахской ССР вручили 15 лучшим работникам по борьбе с огнём. Поощрение получили также работники архивных органов НКВД. В связи с 20-летием со дня основания наградили офицерский и рядовой состав Высшей школы НКВД. В феврале 1944 года грамоты Верховного Совета Казахской ССР получили 26 офицеров, сержантов и рядовых Засанского погранотряда НКВД. Такое же поощрение заслужили в мае 1944 года 13 сотрудников Окружного госпиталя пограничных войск НКВД Казахского округа. В ноябре 1944 года 26 сотрудников органов НКГБ, НКВД, военнослужащих внутренних

войск НКВД и работников партийно-советского актива, «особо отличившихся при выполнении специальных заданий правительства», получили высокие награды. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1944 года нарком внутренних дел Казахской ССР Богданов был удостоен ордена Красной Звезды «за выслугу лет».

Однако от радостей вернёмся к неприятностям. 25 октября 1944 года состоялось заседание бюро ЦК КП(б) Казахстана с приглашением секретарей обкомов северо-восточных областей республики. Первый секретарь ЦК партии Н.А. Скворцов сообщил о том, что «темпы хлебозаготовки резко снизились»: за последние две пятидневки вместо планировавшихся по 5 млн пудов зерна сдавали только по 2 млн пудов. Хозяин республики потребовал, чтобы сдача хлеба была увеличена в 3 раза без ссылки на дожди и другие трудности. Поскольку «действительность опрокинула все расчёты», то «у ЦК нет оснований верить» областным партийным руководителям.

В ноябре 1944 года вновь в числе других руководителей Богданова направили в Восточно-Казахстанскую область уполномоченным ЦК по хлебозаготовкам. Там «в результате ослабления руководства создалась серьёзная угроза провала выполнения плана и взятых обязательств». Ответственность за вывоз хлеба из глубинных районов возложили, кроме местных руководителей, на зам. наркома внутренних дел и начальников облуправлений НКВД.

В сложной обстановке тяжёлой битвы за выполнение плана хлебозаготовок многие местные руководители, не имея реальной возможности выполнить жёсткие требования Центра, давали завышенные цифры по достигнутым результатам. На такие нарушения вышестоящие партийные инстанции смотрели сквозь пальцы — задание старались выполнить любым путём.

Нарком Богданов постоянно выступал против нечестных, недобросовестных способов решения государственных вопросов, но не всегда находил понимание в руководящей партийной среде, которую больше всего интересовала проблема не действительного принесения пользы делу, а лишь своевременного представления *на верх* победного рапорта. В таких случаях Николай Кузьмич *по собственной инициативе* писал прямо в Москву. Так, он сообщил, что для выполнения плана хлебозаготовок сдавались по сохранным распискам все семена совхозов, например, в Кокчетавской и ряде других областей. Свою позицию, быть честным и делать работу добросовестно, Богданов открыто отстаивал на партийных форумах.

Пока для разрядки напряжённой деловой атмосферы

заглянем к нам домой. В общем-то, весь наш большой родственный коллектив продолжал дружно жить, успешно трудиться и настойчиво учиться — кому что было положено. С осени 1943 года мой брат Владимир стал учеником первого класса, и мне тоже ужасно хотелось ходить в школу. Мама пропадала в роддоме, а вечером появлялась с кем-нибудь из врачей, продолжая обсуждать медицинские темы. В характеристике, подписанной профессором А.И. Малининым, указывалось, что «доктор Котова проявила себя как хороший врач-специалист, успешно осваивающий различные методы клинического исследования и терапии в области гинеколого-акушерства». Поскольку творческую мысль остановить невозможно, то, несмотря на тяжёлые годы войны, врач Котова, кроме своей основной работы по родовспоможению, продолжала трудиться над диссертацией.

Что ни говори, а действительно, словно ко Христу за пазуху попали мы перед самой войной в далёкий, солнечный Казахстан. Только отголоски напряжённых боевых действий слышались у нас глубоком тылу.

Глава 24. Год Победы

У людей старшего поколения 1945 год, прежде всего, ассоциируется с Победой, со светлым весенним маем, ставшим символом разгрома чёрных сил фашизма и окончания страшной, кровопролитной войны, длившейся почти четыре года. Скольких жизней стоила, какие страдания принесла эта самая крупная в истории человечества бойня, в которую 72 страны мира были втянуты своими правителями!

Но пока что День Победы ещё не наступил, и в тыловом Казахстане продолжалась напряжённая работа по подведению итогов сбора прошлогоднего урожая, подготовке к очередному весеннему севу и анализу состояния животноводства. Бесконечный процесс борьбы за хлеб насущный продолжал свой ежегодный круговорот, видоизменяясь лишь в зависимости от наступавшего сезона.

С 25 по 30 января 1945 года состоялся XII пленум ЦК Компартии республики, посвящённый сельскохозяйственным проблемам. К успехам было отнесено то, что освоили более 1 млн га целинных и залежных земель, чуть не вдвое перекрыв задание московских властей. Достойно справились с прошлогодним весенним и озимым севом. Однако результат этой огромной работы оказался малоутешительным: план по урожайности основных производственных культур не был достигнут. Так, по зерновым намечали собрать по 8,5 ц с га, а получилось на круг всего по 5,4 ц с га. Сахарной свёклы *заказали* по 220 ц с га, а получили только по 78 ц. Хлопка рассчитывали собрать по 8,5 ц с га, а удалось наскрести по 6,2 ц. Картофеля из-за снижения урожайности и сокращения площадей посадки накопали всего 53,1 % к плану. Поскольку плодоводство стало *самой забытой отраслью*, то урожай садов снизился до минимума, за исключением сбора с фруктовых деревьев и кустарников, имевшихся на приусадебных участках. В общем, из всех сельскохозяйственных культур довоенный уровень валового сбора продуктов питания превысили только по табаку и овощам.

Не лучше дело обстояло и с животноводством. За год по всем видам скота произошло сокращение на 295,8 тыс. голов. Правда, определённую часть стада отдали в освобождённые от оккупации районы. Но в то же время имелся большой отход взрослого поголовья, который не мог быть компенсирован малым приростом молодняка. Вместо целевого выращивания животных для получения мяса, молока или шерсти скот превратился в разменную монету, использовавшуюся для расчётов за всё: за

семена, хлебопоставки, поставки овощей, картофеля, яиц, горючее и т. д. Такая обезличка пагубно сказывалась на качестве содержания и ухода. Знаменитое коневодство пришло в упадок «из-за недооценки его значения в сельском хозяйстве» и вследствие «варварского отношения». В конце 1944 года из-за сильного бурана на трассах перегона произошла массовая гибель завезённого в республику *импортного* скота. В рамках описанной картины партийному пленуму оставалось только поставить новые вдохновляющие задачи на будущее и уповать на достойное их выполнение.

Приближался весенний сев. Из центра на места, как всегда, направлялись строгие указания о подготовке семян, которые следовало «довести до посевной кондиции», а отходы от них — «до продовольственной кондиции». Так как ради выполнения плана хлебозаготовки порой сдавали и семенные фонды (выяснить, «по чьему распоряжению и сколько сдали!»), было рекомендовано хорошее зерно «привлечь из личных запасов колхозников» путём позаим-ствования, покупки и обмена на другие сельхозпродукты. А в это время хлеб прошлого урожая продолжали вывозить из глубинных районов, как обычно, отставая от намеченных планов: «вместо усиления — резкое сокращение темпов» [А. 17].

Вместе с тем следует отметить, что обстановка в целом в Казахстане стала несколько спокойнее. Возможно, тому способствовало благоприятное развитие событий на фронте.

В начале марта нарком внутренних дел Богданов опять как член бюро ЦК вместе с другими руководящими работниками был направлен заниматься не своими проблемами — контролировать и оказывать помощь в проведении сева. Проездил он по полям и весям почти месяц. По результатам поездки было вынесено постановление ЦК, в котором отмечалось, что в колхозах южных областей весенний сев ведётся *совершенно неудовлетворительно.*

Следует отметить, что как раз в это время главе казахстанского Наркомата внутренних дел Богданову приказом НКВД СССР от 29 марта 1945 года было присвоено спецзвание *комиссара гб III ранга* [А.3]. Отныне и до конца службы (то есть почти половину своей военной карьеры) отец носил на плечах золотые генеральские погоны с двумя звёздами.

Первомай отпраздновали, как и положено, с демонстрацией трудящихся, проходившей с флагами, транспарантами, портретами вождей и цветами мимо правительственной трибуны, которую установили на площади около Театра оперы и балета им. Абая. В прекрасную солнечную погоду Алма-Ата в свежей зелени парков и бульваров выглядела великолепно.

А сразу после праздников, 3 мая 1945 года, на заседании бюро ЦК КП(б) Казахстана Скворцова освободили от должности первого секретаря ЦК «по болезни». Трудно судить, насколько это соответствовало действительности, но, представляя ту нервную нагрузку, которую постоянно в течение многих лет нёс на своих плечах Хозяин республики, можно согласиться с проблемами, подкосившими его здоровье.

Тут же утвердили первым секретарём ЦК КП(б)К и ввели в состав членов бюро рекомендованного Москвой профессионального партийного руководителя Г.А. Боркова, работавшего до этого первым секретарём Новосибирского обкома партии.

Не надо быть специалистом-графологом, чтобы по уверенно врезавшейся в бумагу подписи «Г. Борков», которую новоявленный Первый ставил синим цветным карандашом под партийными документами, можно было почувствовать твёрдость характера, непреклонную волю и преданность идее. Видимо, на огромный Казахстан поставили более сильную руку, чем была до этого.

Рано утром 9 мая 1945 года все в нашем доме были разбужены громко звучавшим радио, которое папа, приехав с работы, включил на полную мощность. Ещё не понимая, в чём дело, домочадцы повскакивали с постелей и сбежались в гостиную, где гремел радиоприёмник. После окончания бодрого марша раздался торжественный голос Левитана, известившего о победоносном завершении Великой Отечественной войны. Все мы напряжённо слушали диктора, а когда вновь зазвучала музыка, бросились на радостях, с восторгом и слезами на глазах обниматься и целоваться друг с другом. Кричали *«Ура!»* и ещё что-то невообразимое.

От полноты чувств, распиравших нас, высыпали во двор. Солнце уже достаточно высоко поднялось, и в утренней тишине родного, теперь уже не тылового города услышали стрельбу, чего не наблюдалось раньше за все годы войны. Восторженные граждане, вдохновлённые сообщением о Победе, считали своим долгом тут же, немедленно произвести салют из имевшегося у них оружия. Хлопки выстрелов раздавались с разных сторон. Весь день все находились в каком-то радостном упоении — смеялись и плакали, бегали к знакомым, чтобы поздравить их с Победой.

Сообщили, что вечером будет произведен салют. В назначенный час, когда стемнело, все мы опять собрались во дворе. Взлетели ракеты, осветив всё вокруг весёлыми разноцветными бегущими огнями. Сразу в городе раздалась канонада самопального салюта. Все кричали «Ура/». При

очередном залпе ракет отец достал принесённый с собой пистолет, поднял его вверх, передёрнул затвор и из этого трофейного оружия, отобранного года три назад у немецких диверсантов где-то под Гурьевом, выпустил без перерыва целую обойму патронов.

За годы войны 369 воинам-казахстанцам было присвоено звание Героя Советского Союза, 57 тыс. жителей республики награждены боевыми орденами и медалями. Промышленные предприятия Казахстана, как собственные, так и эвакуированные, снабжали Красную Армию боеприпасами, снаряжением, горючим, обмундированием, сельское хозяйство обеспечивало продовольствием. Действительно всенародным было движение материальной и духовной помощи фронту.

По окончании войны в составе большой группы работников НКВД Казахской ССР Богданова наградили орденом Отечественной войны II степени «за выпуск оборонной продукции». В числе многих работников тыла он был также удостоен медали «За победу над Германией». Моя мама, Н.В. Котова, ассистент акушерско-гинекологической клиники, получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Сразу после праздника Победы на заседании бюро ЦК Компартии Казахстана на основании добытых компетентными органами сведений рассматривалось дело о расхищении и разбазаривании в республике продовольственных и промышленных товаров. Провинившихся освободили от занимаемых должностей и привлекли к строгой партийной ответственности.

В связи с окончанием войны прибавилась ещё одна новая, но достаточно радостная забота по организации приёма «демобилизуемых старших возрастов личного состава Действующей Армии». Для решения оперативных вопросов по размещению и трудоустройству прибывавших защитников Родины создали при СНК комиссию из 7 руководителей, в которую вошёл нарком Богданов. Наметили по прибытии эшелонов обеспечивать встречу с оркестрами, проводить митинги и собрания, организовать питание и подготовить автотранспорт для доставки воинов к родным местам проживания.

После парада Победы, прошедшего 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади, Сталин решил окончательно уравнять между собой начальствующий состав НКВД-НКГБ и Красной Армии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 года всякие специальные звания были отменены и вместо них для руководства и сотрудников НКВД и НКГБ ввели

общеармейские звания и установили такую же форму одежды, как и для генералов и офицеров Красной Армии.

Перед этим *переодеванием* 27 июня 1945 года Верховному Главнокомандующему Сталину было присвоено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза. В соответствии с новым статусом наркому внутренних дел СССР Берии указом ПВС СССР от 9 июля 1945 года присвоили воинское звание Маршала Советского Союза. В тот же день по постановлению СНК СССР нарком госбезопасности Меркулов стал генералом армии.

Затем постановлением Совнаркома СССР большую группу начальствующего состава органов НКВД и НКГБ удостоили генеральских званий. Ряд руководителей — В.С. Абакумов, С.Н. Круглов, И.И. Серов, Б.З. Кобулов, В.В. Чернышов, С.А. Гоглидзе и К.А. Павлов — стали генерал-полковниками. Звание генерал-лейтенанта получили зам. наркома А.П. Завенягин, Б.П. Обручников, Л.Б. Сафразьян, а также руководители рангом пониже: А.Н. Бабкин, А.С. Блинов, Н.К. Богданов, М.И. Журавлев, С.И. Огольцов, В.С. Ряс-ной, Ф.П. Харитонов и др. В значительном количестве было присвоено звание генерал-майора.

При новом первом секретаре ЦК Компартии Казахстана Боркове так же, как и раньше, борьба за хлеб оставалась одной из основных забот руководящих органов. 10–13 июля 1945 года собрали XIII пленум ЦК КП(б) Казахстана, чтобы на нём подвести итоги этой работы и поставить задачи по подготовке к уборке урожая. В основном докладе было отмечено, что колхозы и совхозы план ярового сева выполнили. Работу провели организованно, в нормальные агротехнические сроки и более качественно. Теперь ставилась задача по прополке сорняков, разросшихся в связи с прошедшими дождями, и по борьбе с сельхозвредителями, включая азиатскую саранчу и грызунов. А буквально через считанные дни вновь начинались уборка урожая и хлебозаготовка, во время которой следовало усилить работу прокуратуры, суда и милиции, «чтобы правильно и своевременно принимать меры к саботажникам и злостным несдатчикам хлеба».

Из всей дискуссии, прозвучавшей на этом пленуме, приведём вкратце только выступление Богданова. В своей речи глава силового ведомства сообщил о том, как он видел, понимал и оценивал ход весеннего сева, на проверку которого ему как члену бюро ЦК приходилось выезжать в качестве уполномоченного по заданию высшего партийного органа республики.

Как положительный момент выступавший отметил, что, исходя из принятых мер, которые заключались в подборке земель к севу, произведенной самими колхозами, а не в приказном порядке, в Кокчетавской и Акмолинской областях достигнуты

были неплохие результаты. К сожалению, всё шло хорошо только в первую половину сева, а затем *заспешили* (чтобы успеть в заданный срок) и агротехнику стали игнорировать. Подняли хорошие целинные земли, «а засеяли, как попало». Уполномоченный Богданов договорился с первыми секретарями обкомов о недопущении подобного агротехнического нарушения. Несмотря на это, сев продолжали вести прежним способом, из-за чего половина семян оставалась на поверхности. Представитель ЦК Богданов снова говорил по этому вопросу «с партийными хозяевами областей, но всё проходило мимо ушей. Указываешь на нарушения, а они отвечают: такое бывает, это допускается, если хорошо подбороновать, то ничего. Но так же нельзя сеять, на это надо реагировать. Руководство заинтересовано только в одном — провести сев в срок. Этого, конечно, надо добиваться, но не за счёт качества».

В Восточно-Казахстанской области нарком Богданов, пользуясь своей властью, дал распоряжение местному Управлению НКВД проверить соответствие реальных площадей озимого сева отчётным документам. Оказалось, что в 31 колхозе имелись «значительные отклонения». По выражению выступавшего, «сеяли в канцелярии карандашом». По учёту МТС значилось, что всё посеяно сеялками, но дотошный нарком поинтересовался в бригадах и выяснил, что «сев производили вручную, дедовским методом из лукошка». В связи с этим во всеуслышание на пленуме

Богданов поставил под сомнение слова областных партийных руководителей.

Выступавший отметил тяжёлое положение с тяглом, поскольку «порядка с использованием рабочего скота нет». Несмотря на проведенные мероприятия, в Кокчетавской, Южно-Казахстанской и Джамбульской областях не смогли сохранить семена от расхищения. Так как семян не хватало, а план по площадям требовалось выполнить, «самовольно снижали нормы высева». Какой после этого рассчитывали собрать урожай?

По мнению наркома, хищения происходили из-за того, что «колхозников своевременно не авансировали зерном, и им **просто нечего** было **есть».** В сложившихся условиях НКВД республики оставалось только бороться с последствиями такого положения вещей. Велась профилактика хищений, которая, в первую очередь, включала проверку личного состава подразделений внутренних дел, а затем уже местной охраны и лиц, отвечавших за зерно. Всего за год было привлечено за хищения 10 341 человек. Следствие установило, что разворовали 129 тыс. пудов зерна, из которых удалось вернуть обратно лишь половину. Но и этой

работе партийные органы часто мешали, стараясь получить у наркомов санкцию на посылку работников НКВД-НКГБ в колхозы в качестве уполномоченных.

Нарком Богданов ставил вопрос о необходимости наведения порядка *в учёте и отчётности.* Цифрам надо доверять, но и проверять их из-за приписок тоже следовало. «Когда наступает пора убирать, узнаём, что плохо сеяли, допускали обман, а исправлять уже поздно. Секретари обкомов прекрасно знают: очковтирательство приводит к тому, что скот гибнет от бескормицы, осенью не хватает зерна для выполнения плана хлебозаготовки». В заключение нарком Богданов сказал: «Я не раз поднимал этот вопрос на Пленумах, и сейчас не лишне будет записать об этом в решении».

Да что толку? Партийные деятели, правившие бал, иначе работать не умели и не хотели. В общем, полагаю, что никому из *вождей* не могла понравиться приведенная нами откровенная речь Богданова, когда он, сам неплохо разбираясь в вопросе, прямо указывал на конкретных виновников неурожаев и дезинформации.

Что изменилось в работе главного партийного органа республики с приходом нового первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана? Увидеть какую-нибудь принципиальную разницу по официальным документам не представляется возможным. Так же, как и раньше, в различные области республики посылались бригады ЦК КП(б)К с целью проверки, оказания помощи и принятия необходимых мер для повышения темпов (сева, уборки, прополки, полива, обмолота, ремонта техники). По-прежнему задавались для каждой области конкретные (как начальству казалось, наилучшие) сроки ярового и озимого сева — попробуй только не выполни. Контроль осуществлялся путём установки 5-дневных заданий. Как всегда, составлялся государственный план хлебозаготовок, на основании которого колхозам *вручались обязательства* на поставку зерна, принятые якобы самими колхозниками. Привычно строго отслеживался ход уборки урожая и хлебозаготовки по всем областям. Ничего нового не было и в том, что периодически *на цэковский ковёр* вызывались для головомойки первые секретари обкомов и председатели райисполкомов либо наркомы земледелия и совхозов. Только чаще, чем при старом Хозяине, стали посылаться в облкомпарты и облисполкомы *ругательные телеграммы* с типовым текстом, в котором следовало в прочерки вписать лишь название области, проставить дату и указать количество на этот день фактически посеянных площадей, вспаханной земли, отремонтированных тракторов или комбайнов, убранных полей, сданного зерна и т. д.

да требуемые начальством показатели и к какому сроку. Далее для всех давались одинаковые задания: кого куда послать, какие провести мероприятия, когда отчитаться об исполнении.

Вместе с тем в целях поднятия духа и развития энтузиазма среди тружеников села учредили Красные Знамёна СНК Казахской ССР и ЦК КП(б)К для победителей социалистического соревнования в честь 25-летия республики, которые будет распределять юбилейная комиссия во главе с Борковым.

Хлеборобной осенью наркому Богданову пришлось опять вместе с другими работниками ЦК выезжать в области, чтобы оказать *партийный нажим* на ход хлебозаготовок. Причём новый Хозяин Казахстана Борков трактовал вопрос так, что за выполнение плана уполномоченный нёс точно такую же ответственность, как и местный секретарь обкома. Вряд ли такой приём позволил решить все существовавшие проблемы.

Как бы ни были тяжелы будни, сколько бы нервов ни отнимала работа, но наступает день, когда приходит праздник. В соответствии с планами, 17 ноября 1945 года отметили 25-летие образования Казахской ССР. Загодя в Москву, в Кремль, от всех трудящихся республики послали письмо товарищу Сталину, в котором во всех подробностях расписали, каких успехов за прошедшую четверть века достиг Советский Казахстан.

Затем присудили Красные Знамёна победителям социалистического соревнования в честь юбилея между областями, городами, районами и предприятиями промышленности. Президиум Верховного Совета Республики издал указы о присвоении различных почётных званий Казахской ССР. В связи с юбилеем «за успехи в сельском хозяйстве и промышленном производстве» трудящиеся и руководящий состав Казахстана указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 ноября 1945 года получили высокие правительственные награды. Нарком внутренних дел Казахстана Богданов был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Глава 25. Алма-Ата — Москва

В самом конце победного года Берия «по собственной просьбе» был освобождён от обязанностей наркома внутренних дел СССР «ввиду перегруженности другой центральной работой». Вместо него эту должность занял генерал-полковник С.Н. Круглов.

В этот период на наркомат, кроме специфических для внутренних дел любой страны функций (охрана общественного порядка, организация паспортной системы, борьба с уголовной преступностью и бандитизмом и др.), возлагались огромные объёмы строительных работ, которые выполнялись силами заключённых и военнопленных.

Одним из послевоенных новшеств явилось переименование наркоматов в министерства. 15 марта 1946 года Верховный Совет принял закон, в соответствии с которым Совнарком превратился в Совет Министров СССР, а НКВД был преобразован в МВД СССР. Сам Сталин как инициатор данного административного преобразования обосновал его смысл тем, что термин *комиссар* отражает «период неустоявшегося строя, гражданской войны, революционной ломки». Поскольку это время прошло, то теперь «уместно перейти к названию — министр». Такое преобразование «народ поймёт хорошо».

Председателем Совета Министров, или Правительства СССР, был утверждён Сталин. Одним из его заместителей, как и прежде, остался Берия. В ранг министра внутренних дел СССР перешёл генерал-полковник Круглов, а министром госбезопасности СССР стал генерал армии Меркулов. В соответствии с этой логикой генерал-лейтенант Богданов превратился в министра внутренних дел Казахской ССР.

Заступившему на пост первого секретаря ЦК КП(б)К Боркову повезло, поскольку благодаря хорошим погодным условиям урожай зерновых 1945 года оказался относительно высоким. Под бескомпромиссным нажимом сверху колхозы и совхозы успешно выполнили план хлебозаготовки. Казалось бы, теперь надо дать возможность свободно вздохнуть труженикам села, максимально оплатить им трудодни из оставшегося зерна. Но не тут-то было. В колхозах, выполнивших годовой план (в совхозах по закону весь урожай сдавался полностью), но не участвовавших в сверхплановых поставках, следовало «широко разъяснить колхозникам и колхозницам исключительную важность досрочного погашения задолженности государству по хлебосдаче за прошлые годы, а также организовать сдачу хлеба в фонд

Победы тем колхозам, которые **полностью рассчитались с государством** как по плану хлебосдачи из урожая 1945 года, так и по задолженности прошлых лет». Опять у колхозников под благовидным предлогом всё заработанное отбиралось, что способно было окончательно похоронить всякую надежду на лучшую жизнь. Однако партийное руководство республики считало, что *при правильной организации* нового побора колхозы *сумеют выполнить задание.*

Не знаю, это ли обстоятельство или нечто иное послужило причиной тому, что между первым секретарём Борковым и членом бюро Богдановым образовалась трещина. Отец всегда старался защитить простых людей — исколесив практически все области Казахстана, он прекрасно видел, как скудно живут труженики села. Возможно, серьёзные разногласия произошли по вопросу предстоявшего весеннего сева, недостаточное качество и приписки по которому были предопределены, исходя из прошлогоднего опыта, о чём Богданов во всеуслышание докладывал на XIII пленуме ЦК. Не исключено, что и секретари обкомов сумели что-то нашептать Первому, поскольку им не могло понравиться, что уполномоченный ЦК слишком глубоко влезал в их епархию и, используя подчинённые ему силы НКВД, производил перемеры фактически посеянных или убранных полей, подвергая сомнению представлявшуюся наверх отчётность.

Так или иначе, но Хозяин республики решил избавиться от излишне добросовестного работника. Конечно, поставить в вину человеку то, что он хорошо разбирался в хозяйственных вопросах, проявлял щепетильную честность и большое трудолюбие в работе, заботился о людях, не представлялось возможным. Надо было его *пнуть* с неожиданной стороны и потребовать за это убрать.

14 февраля 1946 года первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана синим цветным карандашом поставил свою уверенную подпись **«Г.** Борков» под **строго секретной** характеристикой на народного комиссара внутренних дел Казахской ССР тов. Богданова Н.К. После кратких анкетных данных в этой бумаге было указано следующее:

«За время работы в Казахстане т. Богданов показал себя **опытным руководителем и хорошим организатором.** Под руководством Богданова органами НКВД Казахстана разоблачено и ликвидировано значительное число антисоветских и бандитских формирований, настойчиво проводилась и проводится работа по изъятию уголовно-преступного элемента и расхитителей социалистической собственности. За годы войны на органы НКВД Казахской ССР, в связи с вселением в республику

около одного миллиона спецпереселенцев — немцев, карачаевцев, чечено-ингушей и т. д., были возложены особо ответственные задачи. **В результате правильно организованной работы** — разоблачения и изоляции вражеских элементов среди спецпереселенцев — с этими задачами **НКВД Казахской ССР справился успешно».**

Из сказанного следует, что к исполнению прямых служебных обязанностей Богдановым у **партии** претензий не имелось. В сложных и взрывоопасных условиях, когда буквально на голову свалился *миллионный десант* с беспокойного Кавказа (и это, не считая *плановых переселенцев,* сотни тысяч беженцев, огромного количества беспризорных детей и т. д.), обеспечить нормальную обстановку в тыловой республике представлялось делом далеко не простым.

Далее в характеристике отмечалось: «Тов. Богданов является членом бюро ЦК КП(б) Казахстана, активно участвует в партийно-общественной жизни республики, оказывая большую помощь партийно-советским органам **в деле устранения недостатков и упущений** в народном хозяйстве республики».

По нашему мнению, именно то, что отец в соответствии с дававшимися ему партийными заданиями лез не в свои, а в хозяйственные вопросы, как раз и явилось камнем преткновения, вызвавшим недовольство им партийных руководителей.

Однако в характеристике невозможно было обойти вопрос о поощрениях, полученных наркомом от союзного правительства: «За время работы в органах НКВД тов. Богданов награждён орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны Первой и Второй степени, Красной Звезды и медалью “За победу над Германией”».

На этом *положительная часть* характеристики заканчивалась. Далее следовало *существо вопроса*, из-за которого всё дело и закручивалось: «К числу недостатков тов. Богданова следует отнести **ведомственную ограниченность, выражавшуюся в замалчивании и скрытии от партийных органов недостатков и отрицательных сторон в работе** как периферийных органов НКВД республики, так и в работе аппарата Наркомвнудела Казахской ССР».

Беспроигрышный бюрократический приём: ты посмел тыкать пальцем в наши недостатки, но в своей работе тоже допускал погрешности, о которых не бежал тут же докладывать Первому, а старался, как умелый руководитель, устранить замеченное собственными силами. Действительно, в период описанной выше казахстанской эпопеи имелись неблаговидные эпизоды в деятельности подчинённого Богданову НКВД, рассматривавшиеся

порой даже на уровне бюро ЦК. За эти годы накопилось ещё достаточное количество более мелких случаев, по которым нарком имел возможность самостоятельно принимать меры отпущенной ему властью. В общем, на наш взгляд, проявилась типичная для советских властей картина: кто же главнее — административный начальник или партийный руководитель? В итоге первым секретарём Казахстанского ЦК из сказанного был сделан такой вывод-просьба:

«Было бы **весьма целесообразно и полезно для дела** обновить руководство в Наркомате НКВД Казахской ССР, **перебросив тов. Богданова на работу в другую область или республику».**

Не знаю, какие резолюции верховных вождей были наложены на эту характеристику во всесоюзном ЦК партии, но на имевшемся в моём распоряжении экземпляре рукой зам. зав. отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) М. Попова была сделана приписка: «С мнением тов. Боркова о целесообразности перебросить т. Богданова из Казахской ССР в др. республику тов. Круглов ознакомлен. 18 марта 1946 года».

Министр внутренних дел СССР Круглов решил Богданова (работу которого он прекрасно знал) не *перебрасывать* с партийной подачи в другую республику, а взять непосредственно под свою опеку. В письме от 25 мая 1946 года секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову министр просил «в целях наиболее правильного использования работников» утвердить Богданова в должности начальника Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) МВД СССР, а на его место в Казахстан назначить А.А. Пчёлкина, работавшего тогда наркомом внутренних дел Киргизской ССР. Занимавшего кресло начальника ГУШОСДОР К.А. Павлова предлагалось переместить на должность начальника Тюремного управления МВД СССР.

Свои предложения по данному кадровому перемещению министр Круглов в своём письме зам. председателя Совмина СССР Берии обосновал следующим образом:

«На ГУШОСДОР МВД СССР в 1946 году и все последующие годы пятилетки возложена огромная работа по строительству новых и реконструкции старых автодорог страны. План первого года пятилетки в 4 раза больше прошлогоднего, а в последующие годы возрастёт в ещё большем объёме. Несмотря на помощь, ГУШОСДОР не справляется с работой. План первого квартала выполнен на 75 %, не лучше и второй квартал. Обсудив вопрос, пришли к выводу, что Павлов К.А. не обеспечит работу. Считаем целесообразным назначить начальником ГУШОСДОР тов. Богданова Н.К. -ныне Министра Внутренних дел КССР. Тов.

Богданов — способный и энергичный работник, показавший себя как опытный администратор и организатор. На место Богданова назначить Пчёлкина. Прошу согласия на перемещения» [А.4].

На должность начальника ГУШОСДОР МВД СССР Богданов был назначен приказом № 969, подписанным министром Кругловым 9 июля 1946 года. Отцу тогда исполнилось 39 лет.

Как справедливо говорят, для мужчины самый расцвет сил и возможностей.

Поскольку судьба «по воле партии и правительства» предопределила нам покинуть Казахстан, то хочется подвести некоторые итоги и вспомнить самое хорошее, что осталось в памяти от 6 лет, прожитых в этом благодатном крае.

Что касается моего отца, то он, по всему видно, оправдал оказанное ему доверие, сумел из районного работника вырасти до уровня руководителя республиканского масштаба. Благодаря природным организаторским способностям, хозяйственной сметке он смог не только наладить работу Наркомата-Министерства внутренних дел, но ещё и как член бюро высшего партийного органа Казахстана выполнить ответственные партийные поручения по оказанию конкретной практической помощи в решении многих вопросов, связанных с общественным производством. Конечно, он являлся лишь винтиком гигантской государственной машины, принцип работы которой изменить не мог, но искренне верил, что если самоотверженно трудиться, уважать людей и помогать им, проявлять кристальную честность и собственную скромность, то можно будет достигнуть достойных успехов. За 6 лет отец *скакнул* из майора гб (а фактически из старшего лейтенанта гб) в воинское звание генерал-лейтенанта не только благодаря изменениям в статусе *специальных званий*, а по праву достаточно длительной и успешной работы на должности наркома-министра внутренних дел крупнейшей республики Советского Союза. Оценкой работы отца явились 5 орденов и медаль, полученные им за время казахстанской эпопеи. К этому следует добавить ещё несомненный авторитет, твёрдо завоёванный им среди всех казахстанцев, и ту добрую память, которую он оставил после себя, в чём мы с мамой воочию убедились, побывав в Алма-Ате через 28 лет после нашего отъезда оттуда. Что же касается *дворцовой интриги* первого секретаря Боркова, то можно согласиться с тем, что если бы не придуманная им *ведомственная ограниченность* Богданова, то всё равно была бы найдена другая *пакость* (в чём мы потом наглядно убедимся), чтобы убрать неугодного работника. Но нет худа без добра: благодаря возникшему прецеденту наша семья из *отдалённой местности* перебралась в «главный город Земли», и

мы стали москвичами на всю оставшуюся жизнь.

Прошедшие 6 лет мама моя трудилась в клинике и роддоме и приобрела большой практический опыт врача акушера-гинеколога, показав себя во всей дальнейшей работе прекрасным диагностом. Мы с братом Вовой добросовестно и с большим желанием учились в школе. Надо сказать, что занимались мы оба очень хорошо и вели себя примерно — знали, что родителей нельзя подводить. Все родственники нашего семейства, пережив войну в тылу, собирались переезжать в Москву или возвращаться в Ленинград. Из всех алмаатинцев или казахстанцев, которые со временем также были переведены на работу в Москву, у нас сложился на долгие годы тесный круг общения с семьями Бабкиных, Огольцовых, Головковых, Тихоновых, Харитоновых, Ундасы-новых. Переписка поддерживалась с теми, кто остался в Алма-Ате либо переехал в другие места.

И снова, в который уже раз, отец уехал на новое место службы, в Москву, а наш домашний обоз начал собирать пожитки, чтобы двинуться за ним вслед.

Согласно имеющимся документам, ещё до официального назначения на должность начальника ГУШОСДОР НКВД СССР Богданову с 15 июля 1946 года предоставили отпуск на месяц «в связи с болезнью». Но с учётом служебного перемещения отец, видимо, отдыхом и лечением не воспользовался, а незамедлительно приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. 20 июля 1946 года от *скучающего папки* пришло письмо, в котором он сообщал, что с нетерпением ждёт, когда увидит всех нас в Москве. Из дальнейшего текста письма создаётся впечатление, что отец давно уже трудился на новом поприще, возможно, задолго до подписания формального приказа. «С работой пока обстоит дело хорошо. Наш главк выполнил полугодовую программу лучше всех, и ряд строек получили премии. Теперь всё зависит от того, как выполним третий квартал и годовой план. Надежды на выполнение есть». Чувствуется, что отец сразу стал полностью жить интересами своего нового коллектива. Да и в следующем письме от 29–30 июля 1946 года он сам это подтвердил: «Приняли меня хорошо и всячески оказывают помощь, даже начальники Главков. Как дальше пойдут дела, не знаю, но сейчас — неплохо. С каждым днём всё больше стараюсь вникать в работу».

Естественно, волновал вопрос с квартирой. После того как часть родственников разъехалась, нас вместе с семьёй папиного брата Александра Кузьмича всё равно насчитывалось с десяток человек. Жилплощадь отцу выделили в новом доме на улице Чкалова. *«Можете говорить: “А у нас в квартире газ” (в ванной и*

на кухне) и паровое отопление», — писал папа.

В общем, отец был доволен произошедшей переменой и тем, как он устроился: «Самочувствие хорошее. Значительно спокойнее на этой работе». Хотел, чтобы мы скорее приехали, скучал в одиночестве после большого круга домочадцев.

В путь-дорогу собрались мы где-то в самом конце лета 1946 года. Для нашего достаточно большого количества пассажиров специально подцепили к поезду отдельный вагон с двухместными купе и салоном, предоставленный правительством Казахстана.

Глава 26. Автодороги союзного значения

История Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР, начальником которого в течение полутора лет являлся генерал-лейтенант Н.К. Богданов, началась 28 октября 1935 года, когда постановлением ЦИК и СНК СССР в НКВД было передано Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (ЦУДОРТРАНС), сосредоточившее в своём ведении основное автодорожное хозяйство страны: строительство, ремонт и эксплуатацию. 4 марта 1936 года это ведомство реорганизовали в главное управление — ГУШОСДОР.

С 1938 года, согласно «Положению о ГУШОСДОРе НКВД», на него были возложены строительство, реконструкция и управление дорогами только общесоюзного значения. В 1939–1941 годах ГУШОСДОР развернул строительство «важнейших оборонных дорог в Киевском военном округе». Однако с весны 1941 года всё дорожное строительство было резко сокращено, и освободившаяся рабочая сила сразу же направилась **на строительство аэродромов.** В плане подготовки к предстоявшей войне велось строительство сразу 254 аэродромов в Белоруссии, на Украине, в Молдавии, Прибалтике, Закавказье, на Дальнем Востоке, в Мурманской, Ленинградской и других областях.

Только с середины 1942 года ГУШОСДОР вновь стал широко привлекаться к строительству и реконструкции автомобильных дорог, для чего создавались дорожные военностроительные отряды. Кроме того, в целях обеспечения рабочей силой непосредственно в составе главка создавались исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), для управления которыми образовали лагерный отдел ГУШОСДОРа. С окончанием войны объём работ по возведению и восстановлению дорог резко увеличился: кроме имевшихся 4, было организовано ещё 17 новых объектов строительства. Причём в этот период всех заключённых заменили на военнопленных. Теперь каждому начальнику управления строительством, помимо собственных служб, непосредственно подчинялся соответствующий лагерь для военнопленных, а начальник ГУШОСДОРа отвечал одновременно за все лагеря. Аппарат главка усиленно пополнялся бывшими фронтовиками, прекрасно понимавшими с военной и хозяйственной точек зрения необходимость прокладки в стране хороших дорог.

29 апреля 1946 года приказом МВД был объявлен скорректированный план титульных автодорожных строек на

1946–1950 годы, согласно которому на ГУШОСДОР, помимо дорожных работ, возлагалось ещё строительство ряда ремонтно-механических заводов, жилых посёлков и автодорожных институтов в Москве, Киеве и Харькове.

Вот в этих условиях и был назначен начальником ГУШОСДОРа генерал-лейтенант Богданов.

В 1999 году мне посчастливилось познакомиться и побеседовать с ветеранами ГУШОСДОРа О.В. Васильевой и Л.С. Гаврилиной, которые любезно поделились своими воспоминаниями и впечатлениями о годах работы в этой организации. Ольга Владимировна являлась старшим инспектором лагерного отдела главка и занималась вопросами комплектования ИТЛ и лагерей для военнопленных необходимыми для выполнения работ специалистами. Так что и заключённых, и побеждённых немцев она знала не понаслышке. Лидия Сергеевна в звании инженер-капитана работала инженером по строительству мостов и дорог [Б].

По роду своей деятельности Васильева бывала на личных докладах по служебным вопросам у многих начальников, возглавлявших ГУШОСДОР: поддерживала хорошие отношения с генерал-полковником К.А. Павловым, с удовольствием разговаривала с ровным в общении и доброжелательным генерал-лейтенантом Богдановым, не раз вздрагивала от резких замечаний взрывчатого и нервного генерал-лейтенанта И.С. Любого, по-деловому и по-товарищески вела разговор с последним начальником главного управления МВД СССР полковником Н.И. Литвиным. По оценке Васильевой и Гаврилиной, в 1946 году ГУШОСДОР представлял по своим масштабам не главное управление, а *целое министерство*, распространявшее свою многогранную деятельность на всю огромную территорию Советского Союза. Основным направлением деятельности являлась 21 дорожная стройка, среди которых имелись такие протяжённые автомагистрали, как Москва-Харьков-Симферополь, Мос-ква-Минск, Пенза-Куйбышев и другие. Вторую заботу создавала огромная по размаху служба эксплуатации дорог. В обоих случаях использовался труд военнопленных, содержание лагерей для которых, включавших сотни тысяч человек, представляло серьёзную головную боль. Большого внимания и хороших знаний от руководителя требовала подчинённая главку организация Союздорпроект, разрабатывавшая проектно-сметную документацию для строек и других объектов. Нельзя было начальнику оставаться в стороне от рекомендаций, которые выдавались союзным НИИ, проводившим опытно-экспериментальные работы. Огромным являлось

производственное хозяйство, имевшее в своём составе Промышленный трест с полутора десятками щебёночных заводов, Машиноремонтный трест, не только приводивший в порядок дорожно-строительную технику, но и изготавливавший новые машины (например, снегоочистители), трест Мостострой, возводивший титульные мосты, а также Союздорснаб, осуществлявший инженерно-техническое обеспечение.

В центральном аппарате ГУШОСДОРа основными являлись два отдела: строительный (начальник отдела подполковник И.Я. Птицин) и эксплуатационный (начальник отдела подполковник Ф.Г. Алентаев), общая численность которых составляла около 100 сотрудников. Далее в главке имелись технический отдел с техсоветом и службой главного инженера, крупный финансовый отдел, отделы лагерный и железнодорожных перевозок, а также бухгалтерия, отдел кадров, канцелярия и, конечно, партбюро, членом которого Богданов тут же был избран. В работе начальнику помогали четыре заместителя, в числе которых были генерал-майоры И.С. Павлов и Н.И. Шитиков и полковники Г.А. Саркисьянц и И.А. Горбатов. Можно согласиться, что таким громадным, разбросанным по обширной территории хозяйством управлять было далеко не просто.

Из своего личного общения с начальником главка Богдановым, которого прекрасно запомнила, Ольга Владимировна вынесла следующие впечатления. Прежде всего, её поразило то, что, приняв *такую махину*, Николай Кузьмич, не являясь инженером и специалистом по дорожному строительству, чрезвычайно быстро вошёл в курс дела: «Это был настоящий руководитель большой, министерского масштаба организации». Николай Кузьмич всегда доброжелательно вёл себя с людьми, говорил спокойным голосом, никого не дёргал, не грозил увольнением и не увольнял, без задержки принимал приезжих с мест, прекрасно знал людей, особенно специалистов, на которых можно было опереться, грамотно общался с научными сотрудниками, глубоко вникал в дело, при необходимости сам выезжал в командировки на стройки. На заседаниях партбюро и месткома часто выступал, интересовался жизнью организации и сотрудников. Складывалось впечатление, будто работа в главке шла как бы сама собой, давно налаженным ходом и не сопровождалась никакими интригами или склоками. Этому, безусловно, способствовало то, что в коллективе собрались грамотные, опытные специалисты, даже с дореволюционным стажем, и бывшие фронтовики.

Я не преминул задать милым ветеранам свой *контрольный вопрос*, который я сейчас непременно обращаю ко всем, знавшим

раньше моего отца: «Известно ли вам было от кого-либо или, может, сами заметили, что у Николая Кузьмича вместо левого глаза был протез?» Удивлённая моим вопросом, Ольга Владимировна ответила, что *слышит об этом впервые* и что, хотя не раз, докладывая начальнику ГУШОСДОР Богданову служебные вопросы, сидела напротив за столом, ни о чём подобном не догадывалась и ни от кого из сотрудников ничего по этому поводу не слышала. Лидия Сергеевна сказала, что до неё «доходили какие-то неясные слухи» о Богданове, но она не придала им тогда никакого значения. Что ж, примем эту информацию к сведению.

Сложные проблемы возникли при расширении объёмов строительства и использовании на работе военнопленных. Порой эшелоны немцев прибывали на абсолютно пустое место, и надо было всё быстро обустроить. В таких условиях, для того чтобы решить все проблемы с бытом и работой на совершенно не оборудованном пространстве, требовались большие организаторские способности, которыми как раз обладал Богданов. Да и начальники управлений строительством, по словам Васильевой, были *святые люди*: своя основная работа да ещё полная ответственность за подотчётные лагеря.

25 мая 1946 года, ещё до прихода Богданова в главк, министр внутренних дел Круглов издал приказ, в котором говорилось о том, что по результатам строительства магистральных автодорог ГУШОСДОР «по-прежнему являлся наиболее отсталой организацией». В качестве причин этого указывалось «отсутствие организованности в работе всех звеньев Центрального аппарата и большинства Управлений строительства». Клеймились позором виновные, которые «отодвинули ГУШОСДОР в разряд наихудших строительных организаций МВД СССР». Ставились новые задачи по строительству и реконструкции важнейших шоссейных дорог страны.

Мне представляется, что начальнику главка Богданову удалось переломить ситуацию и направить работу в деловое русло. Во всяком случае в просматривавшихся мною сборниках приказов тона, подобного приведенному выше, обнаружить больше не удалось, хотя указаний на недостатки в работе и требований об их устранении имелось достаточно. Как и положено, министр отдавал приказ на производство определённых работ, устанавливал сроки исполнения, выделял силы и средства, а начальник главка сам решал, как ему с учётом всех обстоятельств лучше выполнить поставленную задачу, и отвечал за результат. Другой вид изученных мною министерских приказов вводил в действие планы, мероприятия, инструкции и

иные документы, разработанные самим главком.

Не могу сказать, только ли умелое руководство Богданова или ещё какие-либо иные обстоятельства способствовали тому, что один из крупнейших главков в системе министерства стал успешно справляться с производственными заданиями. Во всяком случае в составленных в начале 1947 года аттестации, заключении и характеристике, подписанных соответственно министром Кругловым, замминистра Обручниковым и зам. зав. отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) Поповым, единодушно отмечалось, что Богданов «работу ГУШОСДОРа осваивает быстро, среди работников Главка и хозяйств авторитетом пользуется», зарекомендовал себя требовательным руководителем, правильно организующим деятельность своего ведомства. «Руководство т. Богдановым ГУШОСДОРом во многом способствовало выполнению производственного плана за 1946 год по капитальному строительству на 106,3 %, по эксплуатации на 105,3 % и по валовой продукции промышленных предприятий на 122,3 %».

Более подробно о стиле руководства Богданова за прошедший период можно узнать из следующей партийной характеристики, утверждённой на заседании бюро парткома МВД 18 марта 1947 года.

«На практической работе в ГУШОСДОРе тов. Богданов показал себя хорошим руководителем, настойчиво изучает систему хозяйства, кадры руководящих работников линии и аппарата Главка. Тов. Богданов правильно ориентирует работников дорожной системы на выполнение стоящих перед ними задач, глубоко анализирует работу хозяйств, вникает в их практическую производственную жизнь, оказывая им повседневную помощь. В своей работе тов. Богданов поддерживает инициативу у подчинённых, чутко реагирует на неполадки в работе и принимает решительные меры по их устранению. В общественной жизни коллектива принимает активное участие, часто выступает на партийных собраниях. Политически развит, общителен с людьми, пользуется авторитетом» [А.2].

В 1947 году коллектив ГУШОСДОРа выдвинул своего начальника в качестве кандидата на выборах в местные советы, и он был избран депутатом Моссовета.

На наш взгляд, было бы необъективно, если бы мы уклонились от того, чтобы сообщить о тех недостатках, которые отмечались в приведенных выше в общем-то блестящих характеристиках. В заключении министерства указывалось: «Успешно осваивая новый участок работы, т. Богданов иногда

допускает некоторую нерешительность и излишнюю мягкость при решении производственных вопросов, недостаточно глубоко вникает в производство». Отдел Управления кадров ЦК ВКП(б) со своей стороны посчитал, что «т. Богданов не имеет ещё необходимого опыта руководства работой дорожно-строительных организаций МВД, но старается освоить этот новый для него участок, к своим обязанностям относится добросовестно, занимаемой должности соответствует» [А.2].

Проработав около полугода в должности начальника ГУШОСДОРа, Богданов убедился, что подчинённая ему солидная организация может порой привлекаться к обслуживанию второстепенных автотрасс, с которыми вполне могли бы справиться местные власти. В связи с этим руководитель главка уточнил «Список автомобильных дорог общесоюзного значения», который чётко определил, за какие *главные шоссе* начальник ГУШОСДОРа нёс ответственность.

Кроме строительства больших автомагистралей, приказами министра давались задания произвести, например, следующие работы.

Совершенно секретными приказами от 7 апреля и 17 мая 1947 года поручалось реконструировать Дмитровское шоссе на участке между городом Дмитровом и посёлком Большая Волга. Такой высокий режим скрытности министерские распоряжения имели, видимо, в связи с тем, что дело касалось города атомщиков Дубны, где велись соответствующие научные исследования.

К июлю 1947 года всего за две с половиной недели потребовали привести в хорошее состояние и проверить качество всех мостов на автодороге Новороссийск-Сочи. Предполагалось, что по обновлённому шоссе поедет товарищ Сталин. В связи с этим на строительство съехались московское начальство и представители правительственной охраны. Добросовестно проложили сплошную асфальтовую ленту и выполнили все другие необходимые работы. Но старания оказались напрасными: вождь народов здесь так и не появился.

Вообще, надо отметить, южным дорогам постоянно уделялось повышенное внимание. К началу курортного сезона дали задание облагородить Черноморское шоссе на участке река Псоу-Гагры-Сухуми. С этой целью отремонтировали асфальтовое покрытие, опасные места на поворотах и около искусственных сооружений обставили охранными тумбами, в которых впервые применили катафоты. К сожалению, в тот год этой дороге крайне не повезло: поздней осенью прошедшими ливнями во многих местах смыло дорожное полотно, вследствие чего сквозное движение даже

пришлось прервать. В распоряжение ГУШОСДОРа выделили на месяц 200 военнопленных, силами которых горная автотрасса была полностью восстановлена. В дополнение к этому построили также обход сухумских оползней длиной 19,6 км. Из других кавказских серпантинов ускоренными темпами расширили шоссе Адлер-Красная Поляна, а на Военно-Грузинской дороге обустроили снегозащитные галереи, завершили также прокладку автодороги Минеральные Воды-Нальчик.

Большие дорожные работы разворачивались в районе Харькова. Начальнику ГУШОСДОРа Богданову указано было на 1948–1950 годы считать важнейшей задачей строительство шоссе по направлениям: Москва-Харьков, Харьков-Киев, Харьков-Ростов-Дзауджикау, Харьков-Симферополь. Для обеспечения строек создавался огромный исправительно-трудовой район на 12 000 человек.

Не забывали и о дальних краях. Так, для строительства объектов Главспецветмета МВД СССР ГУШОСДОРу поручили организовать отдельный дорожно-строительный район в Читинской области для прокладки автодороги Могоча-Ключи, обеспечивавшей перевозки в интересах треста «Верхамурзолото». В качестве рабочей силы ГУЛАГ направил спецконтингент заключённых в количестве двух лагопод-разделений по 400 человек каждое.

В связи с интенсивным движением грузовых машин в количестве до 500 единиц в сутки полностью были размолочены тонкослойное гравийное покрытие и ветхие мосты Ангаро-Ленского тракта, использовавшегося трестом «Лензолото». Начальнику ГУШОСДОРа Богданову дали задание произвести ремонт 273 км дороги. Для выполнения работ организовали два дорожно-строительных района и две колонии заключённых по 600 человека каждая.

Нормальному дорожному движению часто мешали повреждения мостов ледоходом, происходившим в весеннюю пору на реках Ока, Сура, Клязьма, Проня, Цна. Особенно часто возникали проблемы с беспрепятственным пропуском льдин под мостом через Оку в районе Коломны. Для защиты опор моста строились ледорезы, но всё равно ледовые заторы случались столь велики, что приходилось привлекать огневые и подрывные средства и даже авиацию Московского военного округа, чтобы сокрушить ледяные поля. После весеннего паводка 1947 года пришлось восстанавливать 5 деревянных мостов на Украине, а также ремонтировать опоры крупнейших мостовых сооружений на реках Днепре, Днестре, Проне, Немане, Мокше.

Естественно, что начальство желало видеть в хорошем

состоянии московские улицы, поэтому ГУШОСДОРу поручено было в 1947–1948 годах реконструировать дороги и мосты до выездов на загородные магистрали в направлениях Варшавского, Рязанского, Хорошовского, Ярославского, Ленинградского, Можайского и Рублёвского шоссе. Тут сил и средств не жалели: организовали Управление строительства № 4 и лагеря МВД СССР при трёх дорожно-строительных районах численностью 11 000 военнопленных. В обязанности главка в соответствии с постановлением Совмина СССР от 9 сентября 1947 года входило также строительство на Ленинградском шоссе комплекса зданий Московского автодорожного института (МАДИ) и ДОРНИИ при этом учебном заведении.

Значительных успехов достигли управления строительства ГУШОСДОРа в технически трудном и весьма почётном инженерном деле по восстановлению разрушенных в войну и строительству новых мостов. Так, на реке Неман через средний и правый протоки были восстановлены два высоководных металлических моста на автодороге Рига-Со-ветск-Калининград. Об успешном завершении сборочномонтажных работ на строительстве моста через реку Шоша (Калинин, ныне Тверь) министром внутренних дел СССР был подписан приказ № 580 от 12 декабря 1947 г., в котором отмечалось, что **«впервые** в течение послевоенной пятилетки ГУШОСДОР **своими силами** без помощи специализированных посторонних организаций освоил строительство сложнейшего сооружения и провёл **весьма редкий** в технике мостостроения эффективный способ комбинированной надвижки металлического пролётного строения длиной 115,5 метра. Преодолевая технические и организационные трудности, в тяжёлых метеорологических условиях, коллектив Управления строительства № 16 при участии и непосредственном руководстве ГУШОСДОРа проделал огромную и важную работу, сопряжённую с инженерным риском». За проделанную, успешно законченную работу министр объявил благодарность руководителям, исполнителям и автору проекта пролётного моста.

Начальник ГУШОСДОРа Богданов, учитывая накопленный организационный опыт по строительству и эксплуатации автомагистралей, неоднократно выступал с инициативой по развитию и совершенствованию этого важного дела. Так, приказами МВД СССР были введены разработанные главком «Мероприятия по улучшению состояния автомобильных дорог общесоюзного значения». Прежде всего, ставилась задача по повышению качества ремонта, усилению ответственности, поощрению инициативы и укреплению производственной дисциплины в подразделениях, обслуживавших дороги. В целях

сокращения дальних перевозок особое внимание обращалось на интенсивное использование местных ресурсов. Для повышения эффективности работ акцент делался на максимальную механизацию производственных процессов. Новым и важным являлись мероприятия, связанные с культурным оформлением и озеленением дорог. Грамотная посадка деревьев и кустарников вдоль шоссе позволяла отказаться от трудоёмких и дорогостоящих работ по ежегодной установке в осенний и снятию в весенний сезоны огромного количества снегозадерживающих щитов, предохранявших в зимнюю пору дороги от снежных заносов. Большой вклад в дело озеленения автодорог сделал Богданов. Для выращивания декоративных растений, предназначенных для посадок, заложили специальные питомники общей площадью 300 га. Озеленение дорог велось поэтапно: сначала на подходах к Москве и Ленинграду в пределах 100, потом 300 км, в зонах вокруг столиц союзных республик на расстоянии до 50 км и в районах всех остальных городов — минимально 10–25 км. После этого всем управлениям шоссейных дорог от Белоруссии до Приморского края была поставлена задача в дальнейшем проводить озеленение спецзащитными посадками на всей протяжённости автомагистралей.

Указательные и предупредительные знаки на дорогах устанавливали тогда местные дорожно-эксплуатационные службы, причём там, где они считали нужным. Запрещающими знаками командовала автоинспекция. Вспомогательных знаков, дававших возможность водителям сориентироваться, имелось совершенно недостаточное количество. В связи с этим приказом МВД СССР от 29 октября 1947 года создали комиссию, которая разработала типовые основы по изображению знаков (с использованием катафотов) и пояснению их словами, а также по правилам их размещения на дорогах. Приняли решение в работе учесть военный опыт Красной Армии по оформлению дорог.

Поддержание автомагистралей в нормальном состоянии требовало серьёзных мер по охране как самих дорог, так и дорожных сооружений, поскольку наши советские варвары постоянно портили покрытие проезжей части и земляное полотно, ломали и похищали дорожные знаки, снегозащитные устройства, зелёные насаждения, элементы культурного оформления (беседки, бюсты, барельефы) и т. д. В целях предотвращения подобных безобразий ГУШОСДОР разработал соответствующую инструкцию, введенную приказом министра от 23 июля 1947 года, и стал привлекать для охраны необходимые дополнительные силы.

Среди недостатков в работе ГУШОСДОРа отмечалось, что по

итогам 1947 года входивший в состав главка Союздорп-роект не выполнил план по перспективным изысканиям и типовому проектированию. Значительное число проектов было закончено с нарушением установленных сроков выпуска, допущены качественные недочёты. Имели место растраты, хищения и недостачи на стройках, предприятиях и в организациях ГУШОСДОРа, чему начальник главка объявил непримиримую борьбу. План капитальных работ выполнялся неудовлетворительно [А.4].

Но главное, что дороги всё-таки строились и вступали в строй. В ноябре 1947 года ведомственной комиссией был принят в эксплуатацию отрезок автомагистрали Москва-Ленинград на участке Клин-Москва. Более солидная комиссия Совмина СССР в конце этого же года приняла в постоянную эксплуатацию от ГУШОСДОРа три полностью построенные автодороги. Автомагистраль Москва-Минск протяжённостью 700 км была окончательно завершена и получила оценку «хорошо». Автомагистраль Пенза-Кузнецк длиной 131,4 км также получила от комиссии хорошую оценку, а искусственные сооружения вдоль неё — даже «отлично». Также как хорошая была оценена автомобильная дорога Мос-ква-Тула, составившая 167,5 км. Начальнику главка Богданову теперь следовало предусмотреть силы и средства на содержание этих дорог [А.4].

Вот какими оказались общие итоги работы ГУШОСДОРа за 1947 год согласно приказу министра внутренних дел: «На основании широко развёрнутого социалистического соревнования за досрочное выполнение плана второго года послевоенной Сталинской пятилетки хозяйства ГУШОСДОРа МВД СССР перевыполнили план 1947 года по капитальному строительству, ремонту и содержанию дорог и выпуску продукции». При плане ввода 800 км автодорог фактически главк сдал в эксплуатацию 840 км, или 104,9 % от задания. По ремонту и содержанию магистралей план выполнили на 103,2 %, приведя в порядок 5408 км покрытий. По промышленным предприятиям главка валовой объём продукции составил 110,8 %, а товарной — 100,4 %. При этом было освоено производство самосвалов, трейлеров, кирковщиков и других машин. Себестоимость продукции снизилась на 6,2 %.

Неплохие достижения. Вместе с тем министр указал на ряд упущений в делах: недостаточно заготовлено впрок строительных материалов, стоимость работ весьма высока, мало построено гражданских зданий, слабо осуществлялась концентрация сил в капитальном строительстве, следовало также повысить темпы восстановления мостов. В целях поощрения коллектива за

доблестный труд были премированы передовики производства.

Мой отец прекрасно представлял себе, что грамотно руководить большими коллективами, решавшими сложные технические и жизненные проблемы, когда за плечами начальника имелось лишь среднее техническое образование, было неправильно. В связи с этим, как только появилась возможность, Богданов засел за учёбу и, как бы ни было трудно, постоянно занимался совершенствованием своих профессиональных знаний практически до конца служебной карьеры. Николай Кузьмич решил получить высшее **юридическое** образование и с этой целью в 40 лет от роду и с генеральскими погонами на плечах стал с сентября 1947 года слушателем-заочником Высшей офицерской школы МВД СССР по институтскому курсу юриспруденции. Можно представить себе, насколько нелегко давалась в этом возрасте учёба, которая сочеталась с напряжённой работой в главке.

Из прошлых лет работы в ГУШОСДОРе хочется отметить, что отец близко сошёлся во взглядах со своим начальником отдела кадров С.Г. Серебряковым. В дальнейшем Николая Кузьмича и Сергея Григорьевича связала многолетняя верная мужская дружба. Практически все праздники, дни рождения родителей и другие торжества наши семьи отмечали вместе, а то собирались и просто так в выходной день, чтобы без официального повода пообщаться. Мария Владимировна, жена Сергея Григорьевича, к каждому событию обязательно пекла свой огромный *фирменный* торт безе, который никому из других хозяек так хорошо не удавался. В семье Серебряковых было две девочки — родная дочь Маргарита, или Рита, по возрасту чуть более старшая, чем мой брат, и приёмная Елизавета, или Лиля, день рождения которой пришёлся точно на начало войны. Много лет пробежало с тех пор, и теперь приятно вспоминать, как по-доброму общались наши родители.

Лето 1947 года мы проводили на даче в Удельной, которую заняли по приезде из Алма-Аты. Весной папа вместе с братом Александром Кузьмичом привел участок в порядок. Вырубив непролазные заросли, отец освободил *из плена* пару яблонь, подрезал их, подкормил, и благодарные деревья дали неплохой урожай. Больше всего этому обстоятельству был удивлён комендант дачного посёлка, который считал, что в нашем запущенном саду ничего путного не росло.

С началом нового 1948 года ассигнования на строительство автодорог значительно сократили. Пришлось срочно перекраивать все перспективные планы и концентрировать усилия на главных направлениях.

В связи с сокращением объема работы ГУШОСДОРа министр внутренних дел принял решение перевести испытанного делом Богданова на другое ответственное направление. 25 декабря 1947 года Круглов направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову, в котором просил утвердить Н.К. Богданова замминистра внутренних дел СССР и по совместительству начальником Управления МВД по Московской области. Занимавшего пост начальника этого управления М.И. Журавлёва министр хотел освободить от работы в связи с болезнью. Получив *добро* от партийного шефа, министр дал указание своему заместителю Обручникову, курировавшему кадры, подготовить полновесное «Заключение» на Богданова. В этом несколько раз корректировавшемся совершенно секретном документе были обобщены все данные из предыдущих аттестаций. Последние полтора года характеризовались следующим образом:

«Быстро освоившись с новым участком работы, т. Богданов своим умелым руководством, правильной организацией работы всех звеньев аппарата добился выполнения ГУ-ШОСДОРом в 1946 году производственного плана по капитальному строительству, эксплуатации и валовой продукции промышленных предприятий. В 1947 году ГУШОСДОР также достиг больших успехов в своей производственной деятельности. Среди личного состава Главка и его периферийных органов т. Богданов пользуется как руководитель заслуженным авторитетом.

Учитывая, что тов. Богданов имеет большой опыт руководящей, оперативно-следственной и хозяйственной работы в органах министерства внутренних дел, исключительно положительные отзывы и аттестации по его работе, МВД СССР возбудило ходатайство перед ЦК ВКП(б) об утверждении т. Богданова Н.К. в должности заместителя министра внутренних дел Союза ССР, он же начальник Управления МВД г. Москвы и Московской области».

Управление кадров ЦК ВКП(б) представило своё заключение, отметив, что «т. Богданов проявил себя идеологически выдержанным, политически грамотным, преданным делу партии коммунистом, требовательным руководителем», который «правильно организовал работу ГУШОСДОРа». Однако в данном главке МВД в текущем году «отмечались существенные недостатки: большая сменяемость кадров, слабая работа по созданию резерва выдвижения, недостаточная воспитательная работа в периферийных органах». При этом «тов. Богданов правильно реагирует на замечания о недостатках в работе, но в устранении их иногда бывает медлителен». Итоговый вывод цэковских кадровиков поддержал ходатайство министерства.

Назначение Богданова на новую *двойную* должность происходило столь стремительно, что ему не успели даже подыскать преемника по ГУШОСДОРу. Только 12 марта 1948 года начальником этого главка стал генерал-лейтенант И.С. Любый.

Глава 27. Начало «холодной войны»

Великая Отечественная война явилась важной эпохой в жизни Советской державы, когда весь народ отстоял свободу и независимость своей Родины, спас от уничтожения своих соотечественников и обращения в рабство грядущие поколения. Однако для *западных демократий* эта мировая бойня явилась лишь ещё одной, очередной и пока что **неудачной** попыткой развалить Советский Союз, как это раньше пытались сделать с Россией. В связи с этим становилось ясно, что антигитлеровская коалиция СССР, Великобритании и США представляла собой лишь **временное объединение** совместных усилий трёх великих держав, которое не могло сохраняться дальше в связи с изменившейся обстановкой. А потому **раскол,** вопреки нашему наивному желанию сохранять единение, образовавшееся в ходе совместной борьбы с фашизмом, подготавливался бывшими союзниками заранее. Просто, как и раньше, *мировая закулиса*, игнорируя национальные интересы страны Советов, продолжала удовлетворять свою неуёмную страсть к созданию однополярного мира.

Ещё не отгремели последние бои, когда в 1945 году военный советник США Ален Даллес выступил с новой доктриной, в которой говорилось следующее:

«Окончится Вторая мировая война. Как-то всё утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь **на оболванивание русских людей.** Посеяв там хаос, мы **незаметно подменим их ценности на фальшивые** и заставим их в эти ценности верить. Мы **найдём своих единомышленников,** своих помощников и союзников в самой России. **Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного угасания его самосознания.**

Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — всё будет изображать и **прославлять самые низменные человеческие чувства.** Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и **вдалбливать в сознание культ секса, насилия, садизма, предательства** — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать

самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. **Честность и порядочность будут осмеиваться** и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и вражду народов, **прежде всего вражду и ненависть к русскому народу,** — всё это мы будем **ловко и незаметно культивировать.** И лишь немногие, **очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит.** Но **таких людей** мы поставим в беспомощное положение, **превратим в посмешище,** найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. **Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением.** Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на **молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её.** Мы сделаем из них космополитов» [Л.43].

Эта доктрина явилась основой для выработки последующих концепций борьбы за уничтожение СССР. К сожалению, в нашей стране порой царит полное непонимание, почему же у нас часто всё так нескладно получается? Во всём виним себя, не осознавая, что нам во многих делах *усиленно помогают*, основываясь на приведенных выше принципах, стремясь в любую образовавшуюся щель засунуть грязные щупальца.

Разногласия между союзниками появились ещё на Потсдамской конференции трёх держав-победительниц, проходившей летом 1945 года. Уже тогда Трумэн и Черчилль пытались шантажировать Сталина, сообщив ему об успешном испытании оружия *необычайной разрушительной силы.* Используя монополию на атомную бомбу, эффективность которой была продемонстрирована беспрецедентным уничтожением мирного населения японских городов Хиросимы и Нагасаки, западные партнёры начали разрабатывать планы идеологической и военной борьбы с Советским Союзом.

В создавшейся обстановке Сталину вместе с соратниками необходимо было сосредоточить усилия не только на восстановлении разорённого войной народного хозяйства, но и на скорейшем создании атомной промышленности, способной производить новое *урановое оружие*, а также на разработке средств, обеспечивавших доставку этого оружия к цели. Решение этой сложнейшей и дорогостоящей проблемы Советскому Союзу необходимо было осуществить самостоятельно, поскольку президент Трумэн неоднократно заявлял, что «Соединённые Штаты не намерены раскрывать секрет атомной бомбы какой-либо стране». Вот почему приходилось сокращать все остальные госрасходы. В связи с этим обещанное повышение благосостояния

советского народа правительство вынуждено было отложить на потом.

А тут ещё у Сталина в начале октября 1945 года произошло резкое ухудшение состояния здоровья, заставившее вождя отойти от повседневных дел. Скрыть происшедшее не удалось, и потому 9 октября в газетах пришлось сообщить, что председатель СНК СССР тов. Сталин «отбыл в отпуск на отдых». Это обстоятельство вызвало повышенный интерес у руководства многих стран, особенно у президента США Трумэна. В целях зондажа обстановки президент поручил своему послу в СССР Гарриману вручить своё личное послание Сталину, причём **незамедлительно и непременно из рук в руки.** 24 и 26 октября 1945 года в Сочи состоялись две встречи и беседы несколько оправившегося от приступа болезни Иосифа Виссарионовича с послом США. Однако это не развеяло возникших сомнений и появления в западной печати всевозможных домыслов о здоровье Сталина. Для предотвращения утечки информации советскому руководству пришлось установить для отдела печати Наркомата иностранных дел особую цензуру. При этом запрещалось передавать за рубеж материалы, в которых разглашались «военные, экономические и другие государственные тайны СССР», а также содержались «выпады против Советского Союза и измышления в отношении его государственных деятелей».

За два с половиной месяца Сталину удалось восстановить здоровье и работоспособность, и в середине декабря 1945 года он вернулся в Москву. За это время у вождя была возможность продумать новый внешнеполитический курс, который учитывал возникшие трения в отношениях с Вашингтоном и Лондоном. Сталин считал, что ещё можно восстановить прежнее единство и согласие вчерашних боевых союзников. Однако поведение западных партнёров показывало, что они не намерены идти на компромисс, а, наоборот, стремятся вмешиваться во внутренние дела даже восточноевропейских стран, являвшихся зоной интересов Советского Союза.

В аналитических разработках **американских *специалистов,*** сочетавших реальные факты с вымыслом, Советский Союз теперь представлялся как **агрессор,** стремившийся в других странах «к уничтожению всех форм личной независимости: экономической, политической или моральной». Из чего делался вывод, что эта *политическая сила* будет *фанатично* подрывать «внутреннюю гармонию нашего (капиталистического. — *Ю.Б.)* общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность Советской власти». На основании таких

представлений президент Трумэн утвердился во мнении, что ближайшей целью Советского Союза является «не укрепление своей национальной безопасности, а захват новых территорий», возможно, и всей Европы, вплоть до Атлантики.

Открытый вызов, означавший начало *холодной войны* против СССР, прозвучал 5 марта 1946 года в известной речи бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, произнесённой им в Фултоне (США) в присутствии президента Соединённых Штатов Трумэна. Черчилль призвал создать «братскую ассоциацию народов», говорящих на английском языке, и с ее помощью применить силу против СССР, притом немедленно, пока Советский Союз ещё не заимел собственное атомное оружие. Тогда же прозвучало выражение *железный занавес*, который, опустившись, разделил между собою бывших союзников. Заметим, что эту поездку по США отставному премьеру организовал и курировал банкир Бернард Барух.

Отвечая на выступление Черчилля, Сталин в интервью газете «Правда» расценил его как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы сеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество». И к этому добавил: «Установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

И вот вновь в целях сохранения в строжайшей тайне от бывших союзников работ по атомному проекту и другим оборонным заказам пришлось проводить в стране новую «Операцию прикрытия» (названную Черчиллем *железным занавесом)*, пресекавшую возможность утечки за рубеж любой информации.

Одним из путей в этом плане, в том числе и для переключения внимания общественности, явилось постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года, остро критиковавшее журналы «Звезда» и «Ленинград». За ним последовали выступления занимавшегося разработкой «важнейших вопросов марксистско-ленинской теории» Жданова, «который вскрыл ошибки и недостатки на литературном фронте, подверг беспощадной критике писателей, тянувших советскую литературу в болото безыдейности, беспринципности, формализма, низкопоклонства перед гниющей, упадочной буржуазной культурой». Так началась борьба с *космополитизмом*, в значительной мере задевшая «щитом своего бульдозера» деятелей культуры еврейской национальности. Потом *под обстрел* были взяты все без исключения области творчества, образования, науки. Газеты зашумели о необходимости противостоять наступлению западных держав, которые хотят лишить советский народ плодов его победы над гитлеризмом. В качестве агентуры этого врага, с

которым необходимо вести беспощадную борьбу, был представлен *интеллигент-космополит с еврейской фамилией.* Защищая свою честь и жизнь, евреи объявляли любые действия Советской власти антисемитскими, что только подливало масла в огонь. Разгорелась нешуточная межнациональная борьба, которая затмила собой все другие проблемы, что и требовалось от «Операции прикрытия». На самом же деле задача решалась прежняя: необходимо было «оборвать все возможные каналы связи с Западом», по которым туда могли просочиться секретные сведения о ходе разработки атомного проекта и других военных задач, в решении которых принимали участие миллионы советских людей. А таких международных связей *в еврейской среде* имелось предостаточно, что и явля-лось крайнє опасным при реализации тайной стратегической задачи.

В этих же целях с 1946 года развернулось повсеместное преследование троцкистов, поскольку даже после ликвидации Льва Давидовича в 1940 году остались какие-то скрытые каналы связи с Западом, по которым в страну нелегальным путём просачивался издававшийся во Франции троцкистский «Бюллетень оппозиции». В 1947 году был принят закон, запрещавший *заключение браков* советских граждан с иностранцами. Подоплека была, вроде, благородная — забота о том, чтобы после войны улучшить демографическую обстановку в собственной стране. А на самом деле задача состояла **в пресечении связей** с зарубежьем, по которым легко могла происходить утечка информации. В этом плане предпринимались также усилия, направленные на укрепление советской семьи, которая резко снижала возможность побочных контактов. С 1949 года из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии была проведена ещё одна депортация *политически неблагонадёжных* и *классово чуждых* элементов, которые были враждебно настроены по отношению к Советской власти и, безусловно, могли передать за рубеж любые сведения.

Чтобы *научить молчать* своих новых союзников, в братских странах Восточной Европы в плане реализации «Операции прикрытия» была осуществлена серьёзная *чистка.* Аресты и судебные процессы были связаны с обвинениями в *шпионаже* в пользу Запада и участии в заговорах.

В нашей стране в 1948 году арестовали членов Еврейского антифашистского комитета. С одной стороны, они обвинялись в стремлении создать в Крыму Еврейскую автономную республику, которая, безусловно, явилась бы мощным *очагом утечки информации.* С другой стороны, в этом же году возникло государство Израиль, образованию которого *активно*

содействовал Сталин. Возможно, вождь рассчитывал на то, что разогнанные войной и нацистскими преследованиями евреи осядут на Земле обетованной и, создав там дружественное государство, перестанут быть перевозчиками запретных сведений. Однако расчёт на это не оправдался, поскольку финансировать новообразованное государство стали США. Тогда и пришлось ликвидировать упомянутый комитет, чтобы обрубить нежелательные связи.

В начале 1949 года война против *космополитов* была в самом разгаре. Вот в этих условиях в Москву и был переведён Н.С. Хрущёв, который вспоминал впоследствии, что Ста-лин поручил ему руководить столичной парторганизацией, чтобы обеспечить борьбу с антипартийными элементами. В период правления Хрущёва в Москве был обнаружен *заговор* на автомобильном заводе им. Сталина (ныне Лихачева): группа работников-евреев была обвинена во вредительстве по заданию сионистов и США. На 30-м авиационном заводе был устроена *чистка* антисемитской направленности.

Представляют интерес дела об арестах жён некоторых высших руководителей партии и правительства, напрямую связанные, по нашему мнению, с «Операцией прикрытия». В замечательной книге Ларисы Васильевой «Кремлёвские жёны» [Л.44] весьма подробно рассказывается о жизни, деятельности и быте *главных женщин* страны Советов.

Но нас в данном случае интересует лишь один вопрос: **почему** некоторые из высокопоставленных жён попали за тюремную решётку, а другие — нет? На наш взгляд, определяющей в этом деле являлась всё та же возможность «утечки строго секретной информации **с правительственных верхов через жён** за рубеж». В связи с этим, прежде всего, представляется важным определить, кто из ближайших соратников Сталина, кремлёвских мужей, допускался к важнейшей государственной информации. В этот узкий круг входили Молотов, Жданов, Берия, Каганович, Маленков. Чуть в меньшей степени были в курсе дела Ворошилов, Калинин, Микоян, Будённый. Возможно, к определённым вопросам был допущен Хрущёв.

Кремлёвские жёны, здравствовавшие в конце 1930-х годов, подразделялись на две категории: одни вели активную общественную жизнь, другие являлись скромными домашними хозяйками. Сразу выделим тех, чьё общение было ограничено в основном семейным кругом и потому опасности с точки зрения утечки информации не представляло. Сюда безо всяких натяжек можно отнести третью жену Будённого Марию Васильевну, Нину

Теймуразовну Берия, Ашхен Лазаревну Микоян, Нину Петровну Кухарчук (жену Хрущёва). В подтверждение нашей версии приведём из книги такую цитату, рисующую *обобщающий образ* этих женщин: «Ашхен Микоян — подчёркнуто домашняя женщина, нарожала пятерых сыновей, с юности не работала, занималась домом, управляла прислугой, детьми, невестками и внуками, муж надёжно защищал гнездо своим всенародно известным, сверхуживчивым характером, благодаря которому в сталинские времена с семьёй ничего плохого не случилось».

Какая тут может быть утечка информации? Но, думаю, что, если бы на горизонте вдруг появились какие-нибудь иностранцы, вряд ли Анастасу Ивановичу удалось бы защитить собственную жену даже своей *сверхуживчивостью.*

К этим жёнам вплотную примыкали более активные в общественной жизни Екатерина Давидовна Ворошилова — «не совсем парттётя, не совсем толстуха в трофейном халате», и Мария Марковна Каганович, не имевшие, как следует из представленных *скучных* жизнеописаний, никаких зарубежных контактов.

Другое дело — вторая жена Будённого Ольга Стефановна Михайлова, обладавшая сильным контральто. После окончания консерватории она стала солисткой Большого театра. Беда её была совершенно не в том, что вопреки пожеланиям мужа она «не хотела портить фигуру» и «функция самки её не устраивала». Опасность заключалась в тех контактах и связях, которые у неё образовались. Вместе с другими высокопоставленными жёнами, Бубновой и Егоровой, Ольга Стефановна посещала иностранные посольства — итальянское, японское, польское, причём «на даче японского посольства они пробыли до трёх часов ночи». Установленная за легкомысленной женщиной слежка выявила её интимную связь с артистом Алексеевым, что никакого отношения к главному вопросу не имело. Однако было известно, что в 1937 году у Будённой-Михайловой был роман с иностранцем. Тогда в товарищеской беседе с Будённым нарком Ежов предупредил: Сталина беспокоит вопрос о том, что «её затянули или могут затянуть в свои сети иностранцы». Куда ж больше? Случайные слова неверной жены своему любовнику, например, о том, что они могут встретиться, так как Семён Михайлович уехал формировать какую-то там армию, могли раскрыть (или подтвердить как бы из независимого источника) определённые государственные тайны. Для пресечения нежелательного канала утечки сведений не понимавшую недопустимости такого поведения женщину, в силу своего **кремлёвского положения** являвшуюся носительницей определённой *секретной информации*,

следовало срочно, под любым предлогом *изолировать*. Ещё летом 1937 года Михайлова была арестована как польская шпионка. Автор цитируемой нами книги пишет: «Заметьте деталь: жена Будённого сидит в тюрьме, а мать её, то есть тёща Будённого, продолжает оставаться в доме». Правильно, у тёщи, очевидно, связей с иностранцами не было. Ольга Стефановна отсидела полный срок и вернулась в Москву только в 1956 году. Как сложилась судьба её подруг, гражданок Бубновой и Егоровой, читатель может догадаться сам.

Более интересна история репрессии в отношении жены *всесоюзного старосты* М.И. Калинина, арестованной 25 октября 1938 года. Следствием было установлено, что Е.И. Калинина (эстонка по национальности) «с 1929 года была организационно связана с участниками антисоветской вредительской и террористической организации правых и содействовала им в их антисоветской деятельности. Сблизившись с рядом враждебных ВКП(б) лиц (перечислены их фамилии и бывшие должности. — Ю.Б.)… осуждённых впоследствии за правотроцкистскую деятельность, Калинина предоставляла им **свою квартиру** для контрреволюционных сборищ, на которых обсуждались вопросы антисоветской деятельности организации, направленные против политики и руководства ВКП(б) и Советского правительства. Имея тесное общение с Остроумовой В.П., **информировала последнюю по вопросам секретного характера,** что Остроумовой использовано в шпионских целях». Наличие такой связи, **весьма опасной для утечки сведений с самых верхов,** послужило основанием к тому, что 22 апреля 1939 года Военной коллегией Верховного Суда СССР Калинина была осуждена «к заключению в исправительнотрудовом лагере сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет». 9 мая 1945 года Екатерина Ивановна написала на имя Сталина прошение о помиловании, в котором признала следующее: «Я совершила тяжёлую ошибку, усугублённую тем, что **Вы своевременно мне на неё указывали,** а я эти указания не учла. Такое **несознательное отношение к своему положению** и к окружающим людям повлекло за собой тяжкие проступки, за которые я несу суровое наказание. Я полностью сознаю свою вину и глубоко раскаиваюсь. Эти проступки совершены мною не из сознательной враждебности, а **из-за непонимания обстановки** и некритического отношения к окружавшим меня людям». 5 июня 1945 года на этом искреннем раскаянии появилась резолюция: «Т. Горкину. Нужно помиловать и немедля освободить, обеспечив помилованной проезд в Москву. И. Сталин». 11 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Калинину Екатерину Ивановну помиловать,

досрочно освободить от отбывания наказания и снять поражение в правах и судимость». К тем, кто **осознавал** положение вещей, товарищ Сталин относился с пониманием.

Особое место в отношении связей с зарубежьем занимала ещё одна *кремлёвская жена*, пламенная революционерка Александра Коллонтай, побывавшая почти во всех странах Европы и в Америке. Но она являлась *человеком Сталина*, который всегда моментально принимал её. Но это были особые **доверительные отношения:** «По существу, Коллонтай стала верной служанкой Сталина во всех областях международной политики». Несмотря на бесчисленные связи этой женщины со всем внешним миром, никакие репрессии не коснулись её, и Александра Михайловна спокойно дожила до старости, скончавшись 9 марта 1952 года, за год до смерти вождя.

Несколько более сложной представляется история с женой В.М. Молотова Полиной Жемчужиной, но с позиций нашей версии дело выглядит достаточно прозрачно. У Жемчужиной имелась весьма опасная внешняя связь: её старший брат был американским капиталистом, и между этими ближайшими родственниками велась переписка. Закрыть этот канал утечки информации для Сталина не составляло труда, но он этого не делал, а, видимо, держал под строгим контролем по следующим причинам. Во-первых, ему очень нужен был Молотов. Найти такого преданного, добросовестного, терпеливого и работоспособного соратника, которому можно полностью доверять, не так-то просто. Во-вторых, Полина Семёновна, будучи примерно в одних летах с женой Сталина Надеждой Аллилуевой, стала её главной кремлёвской подругой. Молотовы некоторое время жили в одной квартире со Сталиным и поэтому являлись в определённой мере громоотводом в весьма напряжённых отношениях в семье вождя, что было немаловажно. Поэтому Сталин предпочёл держать свою соседку «под колпаком и лично подписывал все назначения Полины Семёновны». А энергичная женщина занимала весьма значительные посты: работала одновременно заместителем наркома пищевой промышленности, наркомом рыбной промышленности и начальником управления Главпарфюмера — известной в стране фирмы ТЭЖЭ (Товары для женщин). Хотя наши кремы и духи в определённой мере удовлетворяли непритязательный спрос населения, вполне возможно, что руководителю этой отрасли захотелось использовать международный опыт в подведомственном ей деле, что неизбежно привело к установлению определённых **зарубежных связей.** Тогда Жемчужину решили лишить возможности свободно общаться с Западом и наглядно показали,

что благодаря её деятельности в ТЭЖЭ пробрались немецкие шпионы. Для острастки Полине Семёновне «объявили выговор, даже на какое-то время исключили из партии, но потом восстановили, и она продолжала возглавлять свой галантерейно-трикотажный главк». Думаю, что если бы жена второго по значимости человека в стране, полностью посвящённого во все государственные тайны, в то время продолжила бы развивать свои опасные для утечки информации связи, уже тогда она оказалась бы за решёткой. Но первая гроза в основном прошла мимо.

Однако «неприятности тридцать девятого года с немецкими “шпионами” в ТЭЖЭ, похоже, ничему не научили Полину Семёновну — она не относилась к категории пугливых или осторожных женщин. В 1948 году на карте мира появился Израиль. Еврейские жёны вождей, естественно, ощутили себя дочерьми своего народа. Но если Екатерина Ворошилова, Мария Каганович и другие спрятали это ощущение подальше, то Полина Жемчужина вся раскрылась навстречу новому чувству». Действительно, высокопоставленная кремлёвская женщина встречалась в Москве с послом Израиля Голдой Меир, с которой когда-то вместе училась, поддерживала *слишком хорошие отношения* со знаменитым еврейским актёром С.М. Михоэлсом, *имевшим широкие зарубежные связи.* Еврейским антифашистским комитетом, председателем которого был Михоэлс, вновь был поднят не раз возникавший вопрос о превращении Крыма в Еврейскую автономную республику. Чтобы предотвратить дальнейшее нежелательное развитие событий, Михоэлса устранили, членов Антифашистского комитета арестовали. Только недавно установленные нормальные дипломатические отношения между СССР и Израилем резко охладели.

Что следовало делать в такой обстановке с Жемчужиной? Вероятно, Сталин предложил своему ближайшему помощнику Молотову отправить его жену *в места не столь отдалённые.* Свои претензии по этому поводу вождь народов через несколько лет обнародовал следующим образом: «Товарищ Молотов неправильно ведёт себя как член Политбюро. Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, **как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной.** Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо». Вячеслав Михайлович, видимо, сначала отказался от применения репрессии в отношении его жены, а потому попал в опалу и был оттеснён с первых ролей. Однако потом принял компромиссное решение: они с Полиной Семёновной развелись, и

бывшая жена поселилась у своих родственников. Таким образом, опасность **прямой утечки информации** была устранена, и руководящее положение Молотова через некоторое время было восстановлено.

Вместе с тем в процессе следствия по делу Еврейского антифашистского комитета выявились сведения, касавшиеся гражданки П.С. Жемчужиной. Так, из протокола допроса Юзефовича, заместителя руководителя Комитета С.А. Лозовского (члена ЦК ВКП[б] и начальника Советского Информбюро), следовало подтверждение того, что вопрос о создании Еврейской республики в Крыму поднимался по требованию *американских хозяев.* Более того, было установлено, что через связанного с Белым домом крупного дельца Гольдберга оказывалась поддержка в решении этой проблемы и сообщалась «очевидная неприкрытая заинтересованность американцев: с помощью еврейских организаций создать на территории Крыма сперва республику, потом еврейское государство, которое можно использовать как плацдарм против Советского Союза».

Вдохновлённые поддержкой с Запада руководители Еврейского антифашистского комитета решили использовать Жемчужину, чтобы через неё поставить вопрос перед советским правительством о предоставлении евреям Крыма. Текст соответствующего письма уже был подготовлен Михоэлсом и ещё одним членом Еврейского антифашистского комитета. За свои действия, попустительствовавшие предательству, Жемчужина в 1949 году получила всего лишь 5 лет ссылки в Урицкий район Кустанайской области. Через 4 года, сразу после смерти Сталина, она в соответствии с требованием Молотова была немедленно освобождена [Л.44].

Таким образом, наша версия о стремлении Сталина ликвидировать все **нежелательные и опасные связи** с Западом, устранить возможность **утечки информации с самых верхов власти,** позволяет объяснить, вроде бы, непонятные репрессии в отношении некоторых *кремлёвских жён.*

Эффективность описанных и иных предпринятых мер *прикрытия* подтвердилась в будущем тем, что для западных политиков явилось полной неожиданностью быстрое создание и испытание в СССР атомной бомбы.

Глава 28. На двух ответственных постах

Постановлением Совета Министров СССР, подписанным Сталиным 7 января 1948 года, генерал-лейтенант Н.К. Богданов был утверждён заместителем министра внутренних дел СССР. На следующий день министр, объявляя своим приказом данное постановление, одновременно назначил нового зама начальником Управления МВД по Московской области по совместительству.

Среди тогдашней плеяды из 9 заместителей министра генерал-полковника С.Н. Круглова, наиболее многочисленной со времени последнего разделения МВД и МГБ, генерал-лейтенант Богданов занимал скромное последнее место. Первым замминистра являлся Герой Советского Союза генерал-полковник И.А. Серов, курировавший главные управления милиции, борьбы с бандитизмом, пограничных войск, по делам военнопленных и интернированных и отдел контрразведки. Заместитель министра Герой Советского Союза генерал армии И.И. Масленников отвечал за Управления войск по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог, конвойных войск, высших учебных заведений, военно-строительное, а также за противовоздушную оборону и мобилизационную систему страны. В ведении замминистра генерал-полковника В.В. Чернышова находились главные управления лагерей (ГУЛАГ), гидростроя, железнодорожного строительства, военного и материально-технического снабжения, отдел перевозок и автотранспортный сектор. Генерал-лейтенант В.С. Рясной наблюдал за работой ГУШОСДОРа, Главного архивного управления, тюремного и хозяйственного управлений и Отдела спецпоселений. Замминистра генерал-лейтенант С.С. Ма-мулов занимался главными управлениями лагерей горнометаллургических предприятий, лесной промышленности и пожарной охраны, спецотделами шифровальным и хранения государственных ценностей, отделами борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, фельдсвязи и плановым. Замминистра генерал-лейтенант А.П. Завенягин отвечал за Главпромстрой и одновременно являлся начальником Управления специальных институтов. А.А. Панюков, единственный среди заместителей генерал-майор, ведал Дальстроем, добывавшем природные богатства крайнего северо-востока страны. Управлением кадров и Особой инспекцией, занимавшейся расследованием административных правонарушений сотрудников МВД,

руководил генерал-лейтенант Б.П. Обручников. Масштабы некогда всесоюзной деятельности генерал-лейтенанта Н.К. Богданова с назначением его на должность замминистра уменьшились, сосредоточившись ныне в пределах Москвы и Московской области [Л.23].

Следует отметить, что после перехода на работу в центральный аппарат МВД Богданов в соответствии с существовавшим тогда положением *преодолел* невидимую иерархическую черту и попал в ранг номенклатурного работника, состоявшего на *персональном учёте* в ЦК ВКП(б). Отныне на него в учётном отделе Управления кадров этой высшей партийной инстанции завели «Личное партийное дело номенклатурного работника» [А.7], которое пополняли нужными бумагами самостоятельно и параллельно со служебным личным делом, имевшимся в МВД.

30 августа 1947 года, ещё в период работы в ГУШОСДО-Ре, для *номенклатурного дела* Богданов собственноручно заполнил «Личный листок по учёту кадров». В этом «Листке», содержавшем 38 пунктов, отображались все данные работника. Анкета у Богданова была *чистая.*

К «Листку» присоединились две автобиографии: одна, написанная собственной рукой также 30 августа 1947 года, а вторая — машинописная копия, сделанная ещё 4 октября 1938 года во время работы в Ленинграде, в Красногвардейском райотделе НКВД. В конце обоих жизнеописаний отмечалось: «Каких-либо взысканий по партийной и комсомольской линии не имел. К суду и следствию не привлекался. Родственников репрессированных и заграницей нет». При этом всё ближайшее родственное окружение (умерший отец, мать-инвалид, старший брат, младшая сестра, жена, её умершие родители и двое собственных детей) подробно перечислялось с указанием рода их деятельности (если они живы-здоровы) на текущий момент.

Для того чтобы учитывать «данные об изменениях в учётных признаках работника после заполнения личного листка», к старым документам прикладывалось «Дополнение», в которое на основании *срочных сообщений,* высылавшихся из Управления кадров МВД СССР, заносились сведения о новой должности, изменении в образовании, награждении орденами и медалями, наложении и снятии взысканий, избрании в состав руководящих выборных органов и др. Надо сказать, что, кроме изменений в должностях, получении двух орденов и избрании депутатом, другую информацию (например, о повышении образования) МВД почему-то не всегда сообщало.

Помимо анкетно-биографических данных, в номенклатурном

партийном деле скрупулёзно накапливались материалы по переписке Наркомата-Министерства внутренних дел с ЦК о назначении Богданова на должности, о проведенных спецпроверках биографических данных и др. начиная с 1939 года и вплоть до увольнения. На ряд из этих документов мы уже ссылались, остальные используем позднее.

Номенклатурному работнику полагались определённые привилегии — качественное питание, улучшенное медицинское обслуживание, хорошее городское жильё и госдача, прекрасное санаторно-курортное лечение и др.

В связи с тем, что Богданов совмещал две должности, он занимал и два кабинета. Один кабинет, замминистра, находился в здании МВД, размещавшемся тогда на улице Дзержинского (ныне Лубянка), дом 12. Второй кабинет, начальника УМВД Москвы и Московской области, был в здании УМВД на улице Белинского (ныне Никитский переулок), дом 3.

Учитывая то обстоятельство, что по своей работе начальник областного УМВД был связан с главными проблемами и хозяйственной деятельностью столичного города и всей его округи, Богданова избрали в руководящие местные партийные органы, а также он стал членом бюро Московского комитета ВКП(б). Кроме того, замминистр-начальникуже являлся депутатом Моссовета, а потом ещё был избран в Ленинский райсовет депутатов трудящихся города Москвы [А.1]. Общая нагрузка получилась многослойная. Следует при этом также не забывать, что отец продолжал учёбу в Высшей офицерской школе МВД и семестр за семестром успешно сдавал экзамены.

В сентябре 1947 года в связи с юбилеем столицы Богданов получил медаль «В ознаменование 800-летия со дня основания города Москвы». В феврале 1948 года удостоился ещё одной праздничной медали — «30 лет Советской Армии и Военно-Морского Флота». В 1949 году в соответствии с существовавшим тогда положением был награждён орденом Красного Знамени «за выслугу (20) лет». В декабре 1948 года «за многолетнюю руководящую работу» в Центральном Совете Всесоюзного физкультурно-спортив-ного общества «Динамо» ему был вручён юбилейный значок в связи с 25-летием этого общества.

Хочется отметить один небольшой, но важный вопрос, решением которого в масштабе столицы, а потом всей страны отец очень гордился. В то время для борьбы с огнём пожарная охрана Москвы имела на своём вооружении автомашины, в которых команда пожарных при следовании к месту тушения очага возгорания сидела по бокам кузова на открытых платформах, уцепившись, чтобы не слететь при поворотах, за

специальные петли. Это позволяло пожарным по тревоге быстро занимать места на машине и, прибыв к месту возгорания, оперативно приступать к борьбе с огнём. По мере разрастания города маршрут следования к месту пожара всё удлинялся. В результате получалось, что, особенно в морозное зимнее время, когда пожарная команда прибывала к месту работы, бойцы так замерзали на продуваемых открытых сиденьях, что не могли сразу начинать активные действия. Такую картину не раз наблюдал выезжавший лично на крупные пожары начальник УМВД МО.

В содружестве со своим однофамильцем, начальником Главного управления пожарной охраны МВД СССР П.М. Богдановым, при поддержке Моссовета и руководящих партийных органов, замминистра Н.К. Богданову удалось добиться, чтобы Московский автозавод им. Сталина (ЗИС) разработал и начал серийное производство пожарной автомашины с двойной кабиной. Теперь расчёт бойцов не мёрз по дороге на ветру, а находился в тёплом салоне. Такие по компоновке пожарные машины, только с более совершенным оборудованием для борьбы с огнём, используются и в настоящее время.

Помню, с какой гордостью отец принёс домой показать нам цветную (для того времени — редкость) фотографию новой пожарной машины с двойной кабиной. «Главное — люди теперь будут в тепле находиться», — пояснил он существо воплощённой в жизнь идеи.

Вместе с должностью начальника Управления МВД МО, от которой генерал-лейтенант М.И. Журавлёв сам попросил его освободить по состоянию здоровья, Михаил Иванович как бы *по наследству* передал Богданову занимавшуюся им госдачу на Иваньковском шоссе. Наша семья пользовалась этой дачей с 1948 по 1960 год с перерывом на сезоны 1953 и 1954 годов. Теперь, по прошествии более чем полувека, могу откровенно сказать, что чувствую к этому *райскому уголку*, как мы его называли, расположенному в районе Покровско-Глебовского парка, буквально ностальгическую тягу.

На дачу мы обычно приезжали всей семьей в субботу на папиной машине и оставались ночевать. Как правило, водитель не уезжал и в выходные дни был вместе с нами, на ночь устраиваясь в гостевой комнате дачи. Папа говорил: «Всё равно шоферу положено дежурить, чем он будет мучиться, ожидая вызова, в тесной комнате отдыха в гараже, пусть лучше побудет на свежем воздухе». Если папу в выходные дни экстренно вызывали, что не часто, но случалось, например, на крупные пожары, служебная машина всегда была под рукой.

Первым делом весной, пока ещё не сошел снег, отец обеспечивал доставку из конюшен конной милиции машины с навозом. Драгоценное удобрение сбрасывали на площадке у дачи в начале крутого спуска. Основной рабочей силой во всех сельхозделах являлся бессменный комендант дачи Жафяр Зарипович Зарипов, или просто Жора, а мы ему помогали, как могли. На санях перетаскивали навоз и заполняли им парники. Сверху наваливали прошлогодний перегной и закрывали застеклёнными рамами и соломенными матами, чтобы от перегоравшего навоза всё прогрелось. Едва начиналась хорошая погода, как папа вместе с Жорой высаживал в парники проклюнувшиеся семена огурцов, а также редиски, салата и др. Так для себя и для друзей уже в мае мы получали самый ранний урожай аппетитных овощей.

Но имевшиеся парники папе не очень нравились, поскольку находились в низине и прогревались солнцем недостаточно интенсивно. Тогда сделали новый парник в солнечном месте около стенки сарая. Теперь и навозом новую теплицу стало легче наполнять, и прогревалась она благодаря отражённому от стены теплу очень хорошо. Урожай в этом парнике всегда в 2–3 раза превышал тот, что получали на старом огороде.

Вторым любимым занятием отца было выращивание яблонь. На участке было несколько захудалых деревьев да немного вишни. Постепенно папа завез больше десятка саженцев, которыми заняли все пригодные для этого места. Прошло более полусотни лет, а эти яблони, посаженные и обихоженные руками моего отца, всё ещё цветут и плодоносят. По словам Жоры, никто из новых дачников за прошедшее время не посадил больше ни одного дерева.

По воскресеньям и праздникам у нас устраивались жаркие сражения в домашний волейбол. На площадку с достаточно низко натянутой сеткой, чтобы дети и женщины свободно могли перебить мяч, выходили все, кто находился на даче. Конечно, активное участие в игре принимали мы с братом, постепенно набиравшие силу игроки. Мама и папа тоже старались, чтобы снять гиподинамию. Непременно приглашались все остальные способные попасть по мячу рукой наши гости и родственники. Главной ударной силой, безусловно, являлся Жора, с которым всегда хотелось оказаться в одной команде. Если был шофёр, то и он тоже непременно участвовал в игре. Команды обычно набирались неполные, по 4–5 человек, но и площадка была несколько меньше стандартной, так как расширить её мешали некоторые естественные препятствия. Играли всегда азартно и весело, негласно соблюдая олимпийский принцип: главное не

победа, а участие.

Вечером начинались бильярдные бои. Если желающих погонять шары оказывалось много, то выстраивалась очередь и играли *на вылет* проигравшего, но и победитель имел право провести не больше двух партий подряд. Ни о каких ставках не было и речи. Я только потом узнал, что в бильярд любят играть на деньги. Иногда, если сходились принципиальные противники, заключался договор на *под стол*, то есть проигравший должен был пролезть под бильярдным столом. Помню, как-то раз и папа под общее весёлое улюлюканье домашних болельщиков вынужден был совершить такой ритуал.

Мне в ту пору исполнилось 10 лет, а брату — 12, и нам тоже очень хотелось освоить эту взрослую игру. Сначала ничего не получалось, однако достаточно быстро дело наладилось, и мы стали загонять шары в лузы не хуже больших дядей.

Приезжая в летнюю пору на дачу, папа немедленно раздевался до чёрных сатиновых трусов (никаких шорт тогда не существовало) и первым делом отправлялся на огород и в сад посмотреть, как там идут дела. Чего-нибудь подсыпал, поливал, подрезал, опрыскивал, получая от этого благостное удовлетворение и впоследствии вознаграждаясь неплохим урожаем *для всех*.

Теперь вернёмся в столицу, хотя в соответствии с современными границами мы из неё и не выезжали, но тогда наша госдача находилась за городом. С *жилищным вопросом* в ту пору произошли большие перемены. Нам предложили квартиру в самом центре столицы на тихой тогда улице Белинского (ныне Никитинский переулок). Это место вполне всех устраивало, так как рядом находились обе папины работы: УМВД Московской области размещалось рядом, в соседнем строении, а МВД к тому времени переехало на параллельную улицу Огарева (ныне Газетный переулок).

По ордеру, выданному 27 февраля 1949 года Мосжилотделом исполкома Моссовета, мы заняли положенную нам квартиру на пятом этаже. Соседом по лестничной площадке оказался заместитель отца по УМВД МО М.П. Щербаков. В соседний подъезд въехал первый зам. МВД И.А. Серов и сотрудник органов (точно должность не знаю) Гаврилин.

Всех, кто побывал в богдановской квартире на улице Белинского, приятно поражали необычность, величественность и гармония обширного жилого помещения, достигнутые мамиными трудами и заботами. Вот в этих апартаментах прожили мы ровно 40 лет. Сколько радости и печали здесь видели! Какое огромное число родственников, друзей, одноклассников, однокурсников,

сослуживцев, знакомых у нас побывало! Всем находились приют, угощение и доброе слово. Сколько праздничных дат, юбилеев, дней рождения, свадеб, защит диссертаций, награждений и других радостных событий, а также, увы, поминок мы здесь отметили. Действительно, как я её назвал, *отдельная коммунальная квартира.* У нас даже ключи от входной двери никто с собой не носил, так как дома всегда кто-нибудь гостевал, — приходили и давали два звонка (значит — свой), кто-нибудь да откроет.

Глава 29. Заместитель министра внутренних дел СССР

В те годы, когда Н.К. Богданов работал в руководящем составе центрального аппарата внутренних дел СССР, с 1946-го по март 1953 года, это министерство представляло собой огромную *корпорацию*, занимавшуюся не только вопросами охраны правопорядка в стране, но и силами заключённых выполнявшую задачи промышленно-производственного и сельскохозяйственного предназначения. Перечислим для примера лишь некоторые крупные направления деятельности данного ведомства. Строительство по всему Союзу железных и шоссейных дорог, широкомасштабное промышленное строительство, возведение и эксплуатация горнометаллургических и нефтеперерабатывающих предприятий, строительство гидротехнических сооружений и прокладка судоходных каналов, разведка и эксплуатация месторождений цветных и редких металлов, добыча угля, золота, платины, тория, слюды, асбеста и других полезных ископаемых, заготовка и переработка леса, производство сельскохозяйственной продукции, рыбная ловля и т. д. К этому следует добавить ещё участие в реализации атомного проекта, требовавшего привлечения огромных сил и средств.

В связи с возникновением и развитием в составе МВД СССР ряда крупных промышленных предприятий, руководство которыми требовало «систематического контроля и наблюдения за правилами осуществления технической политики, внедрения новой технологии и новой техники», в этом ведомстве пришлось даже организовать совершенно ему не свойственный *Технический совет* (вместо более полезного для дела Юридического совета). В Советской стране всё время шла подмена одних понятий другими: МВД работало вместо промышленных и сельскохозяйственных министерств, МГБ выполняло *внутренние* задачи, партийные работники брали на себя хозяйственные функции, оттесняя административных руководителей, и т. д. Причём заметим, что силами МВД выполнялись просто колоссальные объёмы работы. Например, в разгар возведения Куйбышевской ГЭС, которая в 1950-е годы строилась на *правильном месте*, суточная производительность земляных работ достигала 1 млн м^3. При этом бетона укладывалось 520 тыс. м^3 в сутки, да в каждый кубик раствора уходило ещё по 130 кг предварительно напряжённого металла. Конечно, на большинстве разбросанных по всей стране

строек использовался труд заключённых.

В этих условиях от занятого «напряжённой трудовой деятельностью» МВД в ведение всегдашнего его *коллеги* — МГБ — по решению верховного руководства передавались многие тоже порой несвойственные этому ведомству функции. Так, совместными приказами из МВД в МГБ были переданы внутренние, потом и пограничные войска, транспортная, а затем и вся милиция, специальные объекты (правительственные дачи) в Крыму, правительственная связь, Государственное хранилище ценностей (Гохран), Главное управление по оперативному розыску (борьбе с бандитизмом) и др. По своему характеру перечисленное больше подходило для *внутренних дел*, но перегруженному производственными задачами министерству оказывалось просто уже не под силу всё это охватить. Многие из этих проблем изложены в написанной мною книге «Министр сталинских строек» [Л.42] о жизненном и служебном пути генерал-полковника С.Н. Круглова, которому как раз и пришлось в те годы заниматься практической реализацией великих задумок вождя народов.

В связи с назначением в декабре 1949 года Хрущёва секретарём Московского комитета партии и ЦК замминистра и начальнику УМВД Московской области Богданову пришлось в течение трёх лет решать хозяйственные вопросы вместе с этим партийным руководителем. Ко времени прихода Хрущёва Богданов уже являлся членом бюро Московского областного и городского комитетов партии и постоянно участвовал в пленумах МК и МГК ВКП(б). Как оказалось, это обстоятельство весьма помогло отцу в дальнейшем, «в минуту жизни трудную».

В те годы руководящие работники центрального аппарата трудились в соответствии с так называвшимся *сталинским* распорядком дня. Известно, что вождь любил работать по ночам, а утром вставал поздно. В соответствии с таким режимом вынуждена была находиться в действии и вся руководящая столичная бюрократия. Распоряжением министра внутренних дел от 9 апреля 1946 года начало работы в ведомстве устанавливалось с 10 часов 30 минут утра, время же окончания не определялось. Только с 27 ноября 1952 года, когда Хозяин стал хуже себя чувствовать и пораньше начал уезжать на дачу, представилась возможность официально в МВД установить следующий распорядок рабочего дня: вольнонаёмный и средний начсостав работал с 10:30 до 20:00 с перерывом на обед на один час. Руководящее звено, включая начальников главков, управлений и отделов, должно было находиться в своих служебных кабинетах с 10:30 до 24:00 с перерывом на обед с

17:30 до 20:30. По субботам и в предпраздничные дни рабочий день для всех сотрудников заканчивался в 17:00.

Я прекрасно помню, как в эти годы работал отец. Утром он вставал после девяти часов, брился, мылся, завтракал и к половине одиннадцатого отправлялся на службу. Если мы с братом учились в первую смену, то тихо, чтобы не шуметь и не потревожить папу, топали в школу. Если наши занятия проходили во вторую смену, то имелась возможность утром кратко повидаться с отцом. Вечером с работы папа обычно возвращался часов в шесть, и вот тут мы его терпеливо дожидались (если задерживался), чтобы всей семьёй, включая любых пребывавших у нас в тот момент домочадцев, дружно сесть за обед. Это был, можно сказать, *святой час доброго общения*, который неукоснительно соблюдался на протяжение многих лет. После совместного обеда папа ложился отдохнуть и спал часов до девяти вечера, а мы строго *блюли тишину*. Потом отец вставал и вновь отправлялся на работу. Как говорила мама, домой он приходил в 2 или 3 часа ночи, а то и под утро. Конечно, такой долговременный ненормальный режим, с учётом других постоянных служебных нагрузок, постепенно расшатывал нервную систему, и потому в домашней обстановке отец иногда мог вспылить, резко ответить, повысить голос, даже обозвать как-нибудь. Он никогда *официально* не извинялся за свою несдержанность, но уже через пять минут после инцидента подходил к тебе и как ни в чём не бывало спокойным голосом что-нибудь спрашивал или говорил, как бы заглаживая свою вину. Хорошо представляя себе, что работа у папы была очень напряжённая, мы старались с пониманием относиться к вспышкам его *гнева*, считая это просто необходимой организму нервной разрядкой.

Помимо повседневной работы, необходимо особо сказать о праздниках. Как начальник Управления МВД Московской области Богданов в полной мере отвечал за порядок в столице и её окрестностях, особенно в дни проведения парадов и демонстраций трудящихся 1 мая и 7 ноября. Мы загодя всей семьёй помогали отцу подготовить к выходу парадную генеральскую форму. Мама утюжила мундир и брюки, а мы с братом начищали папины ордена и сапоги. Сейчас, когда военная форма стала более удобна и демократична, немногие вспомнят, сколь тяжела и *неповоротлива* была парадная одежда тех лет: обтягивавшие икры ног галифе, сапоги с жёсткими голенищами (*бутылками*), плотно сидевшие мундиры с негнувшимися из-за погон плечами и жёстким стоячим воротником, расшитым пазументами, отяжелённая наградами грудь и *золотым* поясом

охваченный живот. Выходцы из Первой конной армии, стоявшие после войны во главе советских вооружённых сил, никак не могли расстаться со своими стародавними привычками, и потому в число атрибутов парадной генеральской формы входили шпоры и шашка в хромированных ножнах. Попробуйте упакованным в мундир, со шпорами и шашкой сесть не на коня, а в кабину автомобиля. В таком виде, дополненном в прохладные дни 7 ноября ещё парадной шинелью, отец, *засупоненный* с нашей помощью, отправлялся часов в 8 утра обеспечивать порядок в городе. Домой возвращался после окончания демонстрации, которая обычно продолжалась до часу дня, и принятия докладов о том, что всё прошло благополучно. Мы помогали отцу *разоблачиться*, особенно стянуть с отёкших за несколько часов стояния ног *бутылочные* сапоги со шпорами.

Нам папа несколько раз приносил пригласительные билеты на Красную площадь, и наша троица, мама вместе со мной и братом, тоже принимала парады и приветствовала демонстрации.

В праздничные дни, как правило, либо мы ходили в гости, либо знакомые и родственники собирались у нас дома или на даче. В круг общения, как уже упоминалось ранее, входили бывшие алмаатинцы Огольцовы, Бабкины, Головковы, Харитоновы, Тихоновы, из *новых москвичей* особенно часто бывали Серебряковы, а из родственников — Ершовы, Евстюговы. Нередко из Риги наведывался друг юности родителей Аллахвердов.

Мы с братом продолжали учиться в 135-й мужской средней школе. Вова оканчивал десятый класс в 1953 году и котировался в качестве претендента на золотую медаль. Я отставал от него на два года и тоже занимался неплохо. Мама активно работала в родительском комитете школы.

Как мой брат, так и я знали одно: нам необходимо учиться и вести себя таким образом, чтобы не подвести ни папу, ни маму, всего добиваться собственными знаниями и трудом. Отец никогда не проводил с нами воспитательные или душеспасительные беседы — его пример, образ жизни, отношение к работе и людям служили для нас лучшим ориентиром. Как-то однажды папа всё-таки сказал мне: «Никогда в своих делах на меня не ссылайся и не рассчитывай. Вот есть у тебя брат — вместе с ним и решай все вопросы. А я — сегодня начальник, а завтра — неизвестно ещё что будет». Последние слова буквально поразили меня. Мне казалось, что положение отца незыблемо и так будет продолжаться вечно. Но раз отец сказал — значит так и надо поступать.

Приближалась пора, когда следовало определять свою

дальнейшую судьбу и… влюбляться. На первый вопрос у нас с братом имелся однозначный ответ: будем военными, как папа. А как же пора любви? Мальчики и девочки, то есть будущие папы и мамы, в те годы учились раздельно в мужских и женских школах. С учётом тогдашнего менталитета просто так *познакомиться с девочками* было совсем не просто. В нашем классе до окончания школы мы так и гуляли неразлучной четвёркой *мушкетёров*: Володя Ветошкин, Валерий Иванов, Геннадий Никифоров и Юрий Богданов. У моего брата школьная компания сложилась более удачно. К их мужской четвёрке присоединилось несколько девушек из *служебного круга общения* родителей: Ирина Круглова, Евгения Завенягина, Татьяна Филиппова, Тамара Рясная. Вместе они прекрасно проводили танцевальные вечеринки, а на мою долю, как более младшего по возрасту, доставалось только заводить для них пластинки.

Много, конечно, зависело от того, что моя мама умела создать у нас дома непринуждённую обстановку, по душам поговорить с нашими с братом товарищами и подругами, обязательно угостить, накормить молодые растущие *организмы.* Мама страшно переживала, если мы получали тройки (о двойках не могло быть и речи!), а потому хотелось получать только *пятёрки,* учиться на *отлично,* чтобы дома и в школе наши родители всегда чувствовали за нас гордость. Надо ещё отметить: мы с братом прекрасно понимали, что если натворим что-нибудь нехорошее, то ни мама, ни папа не будут за нас безоговорочно заступаться. Свои поступки, свою честь следовало защищать самому, а чтобы не приходилось краснеть за собственное недостойное поведение, требовалось вести себя соответствующим образом.

Теперь, когда настало время подводить итоги прожитой жизни, я бесконечно благодарен и низко кланяюсь своим покойным родителям за то воспитание, которое они дали мне и моему безвременно скончавшемуся старшему брату.

Но продолжим рассказ о служебной деятельности Н.К. Богданова. Мне, к сожалению, пока не удалось собрать архив документов по периоду службы отца одновременно в министерстве и УМВД Московской области, но и те отдельные бумаги, которые имеются в моём распоряжении, позволяют судить о том, что на порученном участке работы Богданов, как всегда, умел наладить дело.

Так, в приказе министра внутренних дел, подписанном генерал-полковником Кругловым 16 ноября 1948 года, говорилось о том, что в результате принятых мер «в тюрьмах УМВД г. Москвы и Московской области проведена большая

работа по наведению порядка, обстановка значительно улучшена и в данное время отвечает требованиям приказов и инструкций МВД СССР». За успешную работу министр наградил именными часами 6 человек, объявил благодарность и выдал по месячному окладу 4 сотрудникам, объявил благодарность *12 служителям тюремной системы.* Начальнику управления генерал-лейтенанту Богданову было поручено «отметить своим приказом других наиболее отличившихся тюремных работников» [А.5].

В 1951 году Богданову как замминистра было вменено в обязанность кроме УМВД МО курировать ещё Главное архивное управление и Отдел детских колоний. К одному из писем по вопросу работы с детьми, которое замминистра направил в МВД всех республик, начальникам управлений краёв и областей, прилагался обзор недостатков в деятельности приёмников-распределителей за год. При этом было отдано распоряжение обсудить данный вопрос на совещании работников таких заведений, принять меры к улучшению воспитательной работы, усилить надзор за детьми и подростками, особенно в ночное время, и разработать план мероприятий на случай возникновения чрезвычайных происшествий [А.5].

С 1950 года на отца почти на 5 лет легла ещё одна серьёзная нагрузка: в соответствии с Конституцией СССР рабочие, служащие и инженерно-технические работники фабрики им. Лебедева Красногорского района *единодушно* выдвинули Николая Кузьмича Богданова кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР. В своём заявлении в окружную избирательную комиссию от 6 февраля 1950 года Богданов принёс благодарность трудящимся, оказавшим ему такое высокое доверие, и дал своё согласие баллотироваться в депутаты по Волоколамскому избирательному округу. К сожалению, все сталинские задумки о демократизации были к этому времени формализованы, а потому упомянутое заявление содержало стандартные фразы, писавшиеся *под копирку* всеми претендентами на депутатское кресло в Верховном Совете.

«Давая своё согласие, я понимаю ответственность, которая возлагается на депутата как слугу народа, о чём говорил Великий вождь, отец и друг Советского народа товарищ Сталин на предвыборном собрании избирателей Сталинского округа г. Москвы в 1937 году.

Я заверяю трудящихся Волоколамского избирательного округа, что, если мне будет оказано доверие и буду избран депутатом Верховного органа Советского социалистического государства, приложу все свои силы и знания на том участке работы, который доверила мне Коммунистическая партия и

Советское государство» [А.5].

На выборах, состоявшихся 12 марта 1950 года, согласно протоколу голосования, из общего числа избирателей (163 212 человек) по Волоколамскому избирательному округу № 32 Московской области бюллетень не получил лишь 1 человек. В урне для тайного голосования оказалось 163 193 бюллетеня, то есть 18 штук трудящиеся оставили себе *на память*. За кандидата в депутаты проголосовало 162 770 избирателей, против подали 423 голоса [А.5]. Убедительная победа, как тогда провозглашали, «нерушимого блока коммунистов и беспартийных».

Не будем забывать, что все эти годы Богданов продолжал настойчиво учиться в Высшей офицерской школе МВД и каждую сессию успешно сдавал экзамены и зачёты. В 1951 году он на *отлично* сдал 3 выпускных экзамена по основам марксизма-ленинизма, советскому уголовному праву и советскому уголовному процессу. Конечно, скептики могут сказать, что большому начальнику, мол, отметки ставили за должность, а не за его знания. Но прекрасно помню, что и отец говорил, как же он может прийти на экзамен в генеральских погонах и не знать предмета, перед преподавателем потеть, краснеть и бормотать что-то невразумительное? Поэтому, несмотря ни на что, упорный слушатель старался добыть необходимые знания и свой богатый служебный и жизненный опыт подкрепить теоретическими основами. Как вспоминал заместитель Богданова по УМВД МО, будущий его преемник на этой должности, наш сосед по лестничной площадке генерал-майор М.П. Щербаков, также являвшийся заочным слушателем этого же учебного заведения, на работе они вместе с Николаем Кузьмичом старались использовать любую свободную минуту, чтобы позаниматься теоретическими науками, получше подготовиться к экзаменам [Б]. Помню, что к выпускной сессии начальнику и заму дали несколько свободных дней, и *студенты* на пару сидели и штудировали учебники у нас дома в столовой. Так что *красные корочки* Свидетельства № 363 со всеми отличными, кроме немецкого языка, оценками Богданов получил совершенно заслуженно. Приказом МВД СССР от 7 июля 1952 года слушателей офицерской школы набора 1947 года (в числе общего списка) генерал-лейтенанта Богданова и (в то время) полковника Щербакова, «выполнивших четырёхгодичную программу заочного обучения и сдавших выпускные экзамены», указано было считать «окончившими Высшую офицерскую школу МВД СССР» [А.5]. Но отец на этом не успокоился и продолжил учёбу, чтобы к полученному им свидетельству получить ещё и диплом юриста.

5 января 1952 года постановлением Совмина, подписанным

Сталиным, в МВД была создана Коллегия. В других министерствах подобный руководящий орган имелся с 1946 года. Председателем Коллегии стал министр С.Н. Круглов, заместителем председателя назначили первого зама И.А. Серова. В состав членов Коллегии вошли все заместители министра: И.И. Масленников, В.В. Чернышов, В.С. Ряс-ной, С.С. Мамулов, Б.П. Обручников, Н.К. Богданов и И.Л. Мит-раков, а также начальник ГУЛАГа И.И. Долгих и начальник Главного управления службы местной противовоздушной обороны И.С. Шередега.

В период формирования нового руководящего органа министр Круглов в своём письме в ЦК ВКП(б) ещё 11 декабря 1951 года просил разрешения, утверждая Богданова членом Коллегии, освободить его от должности начальника УМВД Москвы и Московской области. Однако отправленная бумага затерялась где-то в недрах партийной бюрократической машины, и официального ответа на неё не последовало. Несмотря на это министр решил использовать своего заместителя-начальника по собственному усмотрению. Приказом МВД СССР от 16 января 1952 года замминистра генерал-лейтенант Богданов во главе комиссии, включавшей ещё двух генерал-майоров и двух инженер-полковников, был командирован на длительный срок на строительство Волго-Донского судоходного канала в связи с тем, что там имелось «значительное отставание, особенно в выполнении земляных работ». Комиссии предписывалось немедленно выехать и провести следующие мероприятия: проверить выполнение имевшихся приказов и при необходимости принять меры своей властью. Особое внимание следовало уделить проведению земляных работ и улучшению использования механизмов, а также «организации взрыва на массовый выброс грунта». Богданову предписывалось каждые 5 дней докладывать министру внутренних дел о состоянии работ и принятых мерах.

Волго-Донской судоходный канал, имеющий длину 101 км, был выстроен в основном руками заключённых. Эта новая искусственная водная артерия соединила в одну систему Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное моря. После ввода Волго-Дона в строй Москва стала называться *портом пяти морей.* Вместе с каналом строилась Цимлянская гидроэлектростанция, а также создавалась крупная система орошения, первая очередь которой позволяла обеспечить влагой 100 тыс. га засушливых земель Ростовской области. На этом строительстве впервые была применена новая отечественная техника — 14-кубовые шагающие экскаваторы, 25-тонные самосвалы МАЗы и др.

Возглавлявшаяся Богдановым комиссия обеспечила оперативную разработку технологии и проведение ряда взрывов,

которые позволили переместить большие объёмы грунта с русла прокладывавшегося канала. Тем самым удалось ликвидировать имевшееся большое отставание в проведении земляных работ, обеспечить в итоге своевременное завершение строительства и заполнение рукотворного русла водой.

Новому Волго-Донскому судоходному каналу присвоили имя В.И. Ленина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1952 года за успешное выполнение в срок задания правительства по строительству и вводу в эксплуатацию судоходного канала, Цимлянской гидроэлектростанции и первой очереди оросительной системы, а также за образцовое освоение и использование новейшей отечественной техники очень большая группа «рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих, особо отличившихся на строительстве», была награждена орденами и медалями. В числе удостоенных ордена Ленина имелись руководящие работники МВД (по алфавиту): Богданов, Круглов, Мамулов, Обручников, Рясной и Серов. В связи с окончанием работ некоторые заключённые были досрочно освобождены и затем даже награждены орденами.

После этого удачного опыта замминистра Богданова направляли в длительные поездки на строительство Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций, а также Волго-Балтийского канала.

Видимо, за время пребывания Богданова в командировках он совсем отошёл от московских дел, и министр 2 июня 1952 года вновь написал письмо в ЦК с просьбой освободить фактически не работавшего начальника от занимавшейся им должности в Управлении МВД «в связи с переводом его на работу в центральный аппарат министерства». Административный отдел ЦК отписал, что *имеется мнение* руководства «с предложением т. Круглова согласиться». Приказом МВД СССР от 24 июня 1952 года замминистра внутренних дел СССР Богданов был, наконец, освобождён от совмещавшейся им должности в УМВД МО. Этим же приказом на данное место назначили бывшего заместителя начальника полковника Щербакова.

В связи с переходом заместителей министра внутренних дел Рясного и Обручникова на аналогичные должности в госбезопасность, уходом на другую работу замминистра Завенягина и смертью замминистра Чернышова, на Богданова в соответствии с распоряжением министра от 26 июня 1952 года в дополнение к *старым* теперь *свалилось* ещё значительное число оказавшихся *бесхозными* ведомств. Ему было поручено наблюдать за работой Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУ/1ЖДС), некогда *родного* Главного управления

строительства шоссейных дорог (ГУШОСДОР), Главного архивного управления (ГАУ), Сталинградгидростроя, Куйбышевгидростроя, Среднеазиат-гидростроя, Особого дорожно-строительного корпуса (ОДСК), УМВД по МО и Отдела детских колоний (ОДК) [А.5]. В общем, Николай Кузьмич оказался в ту пору в роли одного из основных заместителей министра, *тянувшего* всю строительную работу.

В плане реализации этой руководящей деятельности можно отметить несколько имеющихся в нашем распоряжении приказов. 25 июля 1952 года были введены утверждённые Богдановым «Нормы выработки» на работы по очистке площадей от мелкого леса и кустарника в зоне затопления водохранилища Куйбышевской ГЭС. При этом устанавливались размеры будущего морского дна, которое должно быть обработано бульдозерами и кусторезами, а также приведено в порядок «ручным способом со сжиганием».

Аналогичные приказы, нацеленные на более чёткую организацию работы, были подписаны Богдановым по Шекснагидрострою, Главгидроволгострою, Гидропроекту МВД СССР и др.

А в ГУШОСДОРе пришлось наводить порядок в связи с «неудовлетворительным состоянием трудовой дисциплины», требования к которой в те годы опять непомерно ужесточились. Начальника Главка Н.И. Литвина обязали принять необходимые меры [А.5].

Начало 1950-х годов было сопряжено с чрезвычайно интенсивной работой МВД. Очередной отпуск руководящим работникам хотя приказом и предоставлялся, но фактически для отдыха не использовался. Однако свою супругу Николай Кузьмич иногда отправлял на курорт, чтобы в санатории мама могла подлечить сердце и особенно болевшие от полиартрита суставы пальцев рук. Оставаясь дома со своими сыновьями, папа старался, насколько возможно, уделять нам внимание. В своём письме в Цхалтубо отдыхавшей *мамочке* отец посылал привет от «папки, сыновей и прочих домочадцев». Сообщал, что «дома обстоит всё в порядке, ребятки учатся, здоровы». Подробно описывал наши школьные дела, отмечал, что «Юра старательнее и правильнее делает, а Вова очень рассеянный». По случаю праздника 23 февраля «на дачу не ездили, так как началась сильная оттепель». Вместо этого «гуляли на улице, потом я их вымыл в ванне и в 4 часа отправил к Головковым на день рождения Игоря. Вернулись они в десятом часу, довольны, как говорил мне Юра утром». Николай Кузьмич просил супругу при возможности на месте продлить срок пребывания в санатории: «Дополнительное лечение имеет огромное значение, так как закрепит здоровье». В

заключение подписал: «Остаёмся любящие тебя Вова, Юра, папа» [А. 19].

К началу 1953 года состав заместителей министра внутренних дел пополнился тремя новыми руководителями: инженер-полковниками П.Г. Шмаковым и П.К. Георгиевским и генерал-майором интендантской службы Я.Ф. Горностаевым. Теперь нагрузка на Богданова несколько снизилась, и под его наблюдением остались только ГУ/1ЖДС, ГУШОСДОР, ГАУ, ОДСК, к которым прибавился (обычно курировавшийся лично министром) 4-й специальный отдел, ведавший небезызвестными *шарашками* — специальными конструкторскими бюро [Л.23]. В качестве административно-общественного поручения совместным приказом МВД и МГБ от 7 января 1953 года Богданов, как и прежде, был включен в состав 6 членов президиума Центрального Совета физкультурноспортивного ордена Ленина общества «Динамо», председателем которого назначили замминистра госбезопасности А.А. Епишева.

Глава 30. В условиях «холодной войны»

С течением времени противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой, не только не сглаживались, но постепенно всё сильнее обострялись. О прошлом союзничестве пришлось окончательно забыть.

По указанию президента США Трумэна был разработан обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза», где излагались основные принципы и методы готовившейся войны. Соединённые Штаты хотели разговаривать с нашей страной *исключительно языком силы*, показав при этом, что они располагают достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР. Специалисты советовали своему президенту: «США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну». Для этого им нужна «высокомеханизированная армия, перебрасываемая морем и по воздуху, способная захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, которую должны поддерживать мощные морские и воздушные силы». Американские стратеги предсказывали, что «война против СССР будет тотальной в куда более страшном смысле, чем любая прошедшая война» [Л.45].

В соответствии с этой концепцией стали, как ядовитые грибы, рождаться тщательно разработанные планы разгрома нашей страны. В одном *рекомендовалось* нанести первый удар по 20 советским городам. В другом считали *более правильным* сбросить 133 атомные бомбы на 70 городов, из них 8 на Москву и 7 на Ленинград. *Ещё лучше* было бы кинуть 200 атомных бомб и 250 тыс. тонн обычных зарядов на 100 городов. *Совсем прекрасно*, если сбросить 300 атомных бомб и т. д. При этом скрупулёзно подсчитывалось, сколько миллионов людей погибнет после первого удара, второго, третьего… и как потом поступать с *человеческими остатками* [Л.45]. В то же время президент Трумэн постоянно стремился обвинить Советский Союз в агрессивных намерениях.

Сложным было и внутриполитическое положение страны. В Прибалтике и западных областях Украины продолжалось вооружённое сопротивление националистов-сепара-тистов, которых почти открыто, якобы в интересах своей *национальной безопасности*, поддерживали США, снабжая оружием и деньгами, а также вдохновляя морально в передачах радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». Кровавые выступления

националистов удалось полностью подавить только в начале 1950-х годов.

Вследствие колоссальных расходов на атомный проект, содержание армии, флота и на другие военные программы заняться повышением благосостояния советского народа не представлялось возможным. Приходилось выделять значительные средства на помощь братским странам социалистического содружества. Летом 1947 года США выступили с инициативой оказания экономической помощи тем странам Европы, которые в ней нуждались, названной *планом Маршалла.* Советский Союз сначала поддержал это, вроде бы, благое дело, но на поверку оказалось, что Соединённые Штаты ставили воспользовавшиеся экономической помощью страны в свою полную политическую зависимость, а для СССР готовили унизительную роль младшего, опекаемого и зависимого партнёра. Такая перспектива вызвала категорический отказ не только Советского Союза, но и Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Финляндии, Чехословакии и Югославии от подобной *помощи.* Экономические проблемы в этих странах пришлось решать за счёт только советских средств путём заключения двусторонних договоров. При этом в СССР и за рубежом понадобилось ещё вести широкую разъяснительную работу о стремлении США *закабалить Европу* и о позиции Москвы, которая «никого не ставила и не желает ставить в зависимое положение».

Сложное международное и внутреннее положение накладывало свой отпечаток и на работу высшего руководства страны Советов, в котором имелись не афишируемые, а потому достаточно плохо видимые со стороны разногласия. Главе партии и правительства Сталину приходилось постоянно, в зависимости от возникавших задач и сложившихся взаимоотношений, осуществлять перестановку руководителей и перераспределять между ними властные полномочия. Основной костяк руководства оставался прежним: в него, помимо Сталина, входили Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов. Несколько утратили свои прежние позиции Андреев, Ворошилов, Каганович. Возвысились Хрущёв, Суслов, Булганин, Шверник, Косыгин. Из новых кадров были выдвинуты **ленинградцы** Н.А. Вознесенский, назначенный на должности заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР, и А.А. Кузнецов, ставший секретарём и членом ЦК, курировавшим кадры силовых ведомств. В кругу своих соратников Сталин назвал Вознесенского и Кузнецова в качестве своих преемников соответственно на государственном и партийном постах. Однако вскоре карьера обоих выдвиженцев трагически оборвалась. Историк Ю.Н. Жуков

считает, что причиной этого (как и взлётов и падений других руководителей из ближайшего окружения Сталина) явились «неизбежное, порождённое присущим всем властолюбием **личное соперничество,** ничем не прикрытая **борьба за власть,** необоснованный страх оказаться проигравшим» [Л. 12].

В послевоенный период в руководстве страны сложились две соперничавшие группировки, о чём в советское время ничего не было известно. Их состав постоянно менялся, но в основном расстановка сил в окружении Сталина была следующей. Берия и Маленков поддерживали тесные рабочие отношения с Первухиным и Сабуровым, занимавшимися экономическими вопросами. Они выдвигали своих людей на влиятельные должности в правительстве. Позднее к ним примкнули Булганин и Хрущёв, сдружившиеся ранее, когда первый возглавлял Моссовет, а второй — Московский обком партии. Вторая группировка, получившая название *ленинградской*\ включала Вознесенского, Жданова, Кузнецова, Родионова, являвшегося председателем Совмина РФ, и Косыгина — заместителя председателя Совмина по лёгкой промышленности и финансам. Эта группировка назначала своих людей на должности секретарей районных партийных организаций. Борьба меду соратниками обострялась по мере того, как Сталин всё чаще ставил вопрос о том, что ему надо подбирать преемников в руководстве партией и правительством. При встречах вождь часто говорил, что после него *останется Молотов.* Но отношения с самым преданным помощником испортились в силу ряда причин, и тогда Сталин *сделал ставку на Вознесенского* по линии государственного управления. Николай Алексеевич Вознесенский имел высшее образование, основательную подготовку в области политэкономии и большой опыт руководства плановыми органами, что позволило ему стать даже академиком АН СССР. Это был человек с широким кругозором, деятельный, вдумчивый, сочетавший аналитический ум и дальновидность крупного политического деятеля, за что Сталин его и ценил. Вместе с тем по характеру он был слишком вспыльчив, раздражителен и заносчив, не умел скрывать своего настроения, разговор с подчинёнными всегда начинал с какой-нибудь придирки. Это способствовало тому, что он быстро нажил себе врагов, в том числе и в Политбюро.

Подыскивая себе преемника на пост руководителя партии, Сталин назвал Кузнецова, который по инициативе Жданова только с 1946 года стал секретарём ЦК и членом Оргбюро. Алексей Александрович Кузнецов не имел высшего образования, в 20-летнем возрасте вступив в ВКП(б), продвигался по партийной

линии и, являясь одним из главных организаторов обороны города на Неве, в январе 1945 года был избран первым секретарём Ленинградского обкома и горкома партии. После смерти Жданова 31 августа 1948 года мощная поддержка ленинградской группы, естественно, прекратилась.

Высказав своё предпочтение Вознесенскому и Кузнецову, Сталин тем самым нарушил неписаные законы сложившегося *коллектива* высшей власти, в котором строго соблюдалась иерархия, положение в которой зависело от стажа пребывания на *советском Олимпе.*

Стремясь усилить свою власть, **Маленков, Берия и Хрущёв** решили ликвидировать конкурирующую ленинградскую группировку. Сначала были собраны материалы о фальсификации отчётности Госпланом, который возглавлял Вознесенский. Получив эти сведения, Сталин был поражён, поскольку он не терпел обманщиков и, уличив кого-либо во лжи, мог перечеркнуть все прежние заслуги человека. «Значит, Вознесенский обманывает Политбюро и нас, как дураков, надувает? — по словам очевидцев, вскипел Сталин. — Такого человека нельзя держать ни в Политбюро, ни во главе Госплана!»

В последнее время появились даже доказательства того, что из Госплана тогда шла утечка данных за рубеж о советских стратегических сырьевых запасах, размещении военного производства и др., что учитывалось потенциальным противником при составлении планов нападения на нашу страну.

Затем появился компромат и на Кузнецова: были установлены факты фальсификации результатов выборов на ленинградской партконференции, к которой были причастны некоторые руководители горкома и обкома. К этому добавилось сообщение о том, что в ходе проведения в Ленинграде Всероссийской ярмарки в январе 1949 года было загублено немало продовольствия, что было скрыто от правительства. Эти сообщения настроили Сталина не только против Кузнецова, но и других руководителей Ленинграда и области [Л.9].

Результат оказался следующим. Решением Политбюро от 28 января 1949 года Кузнецов был освобождён от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б) и назначен с серьёзным понижением секретарём Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). Этот новый партийный орган вместе с Закавказским и Среднеазиатским бюро ЦК только что был создан в целях улучшения связи между московским ЦК и периферийными «парторганизациями отдалённых областей, краёв и республик». Однако, как и в былые времена, вывод *на периферию* часто означал лишь начало дальнейших *гонений.* Действительно, не успел новый назначенец

сформировать выделенный ему штат бюро, как 15 февраля 1949 года вышло грозное постановление Политбюро «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова **А.А.,** кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. (председателя Совмина РСФСР. — *Ю.Б.)* и Попкова П.С. (первого секретаря Ленинградского обкома и горкома. — *Ю.Б.)».* В постановлении говорилось: «На основании проведенной проверки установлено, что председатель Совета Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова **А.А. самовольно и незаконно** организовали Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краёв и областей РСФСР, включая и самые отдалённые, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму около 9 млрд рублей, включая **товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану,** что привело **к разбазариванию государственных товарных фондов** и к ущемлению интересов ряда краёв, областей и республик. Кроме того, проведение ярмарки **нанесло ущерб государству** в связи с большими и неоправданными затратами государственных фондов на организацию ярмарки и на переезд участников её из отдалённых местностей в Ленинград и обратно».

В качестве главных виновников *указанного антигосударственного действия* Политбюро ЦК ВКП(б) посчитало Родионова, Попкова и Кузнецова, «которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины». Серьёзная промашка этих руководителей состояла в том, что они от имени возглавлявшихся ими организаций «не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки, а самовольно организовали её в Ленинграде».

В качестве причины таких ***противогосударственных действий*** было указано: «У тт. Кузнецова, Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией». Более того, они занимались ***охаиванием*** ЦК, который *якобы* не помогал ленинградцам. При этом пытались представить себя «в качестве особых защитников интересов Ленинграда». Всё это приводило к отрыву ленинградской парторганизации от ЦК ВКП(б).

Далее к этой группе ленинградцев был подвязан ещё и их земляк Вознесенский, который согласился на ранее сделанное

ему предложение Попкова *«шефствовать» над Ленинградом.* Кроме того, Кузнецова и Вознесенского обвинили в том, что они противопоставляли Ленинград Москве, РСФСР — остальному Союзу, а потому планировали объявить город на Неве столицей Российской Федерации и создать отдельную компартию РСФСР. В итоге обоих заподозрили в попытке антиправительственного заговора и измены Родине.

Интересно, что в постановлении была приведена даже **историческая аналогия,** не сулившая нарушителям установленного порядка ничего хорошего: «ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам».

Естественно, что Родионов, Попков и Кузнецов тут же были сняты с руководящих постов. А 7 марта 1949 года Политбюро приняло решение «об освобождении т. Вознесенского» от обязанностей зампреда Совмина СССР, а также о выведении его из состава Политбюро ЦК ВКП(б). Одновременно Вознесенскому как председателю Госплана были предъявлены следующие обвинения: «В результате проверки, проведенной Бюро Совета Министров СССР… вскрыты факты **обмана** Госпланом СССР правительства. При этом установлено, что Госплан СССР допускал необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов», что выразилось в подгонке цифр с целью сокрытия действительного положения вещей. Возникло «смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами», в результате чего произошло «занижение производственных мощностей и хозяйственных планов». При рассмотрении одного конкретного вопроса «председатель Госплана СССР т. Вознесенский… занял фальшивую позицию», давая своим подчинённым *противоположные указания.* При таких обвинениях Вознесенский был снят и с данной должности.

Как из приведенных материалов, так и из хода дальнейших событий становится очевидно, что к организации «ленинградского дела» имели отношение **Маленков, Берия и Хрущёв.**

И всё-таки **причины** изгнания Вознесенского и Кузнецова из верхних эшелонов власти и их последующего уничтожения остаются до конца не ясными. Приведённые выше *прегрешения* больше походили только на **повод** для осуществления расправы. Нами высказывалась версия [Л.1], что оба элитных руководителя, прекрасно информированные о состоянии дел как в стране, так и за рубежом, были в качестве провозглашённых наследников посвящены Сталиным в некие *тайные замыслы* вождя, но **не**

поддержали их. Для пресечения возможности **разглашения** ставшей известной только им *строго конфиденциальной информации* обоими перспективными государственным и партийным деятелями пришлось пожертвовать. Тем более что после снятия с высоких постов ряда выдвиженцев из Ленинграда *дело* продолжилось.

Следующим актом трагедии явился пленум Ленинградского обкома и горкома партии, состоявшийся 22 февраля 1949 года, на который прибыли член Политбюро ЦК партии **Г.М. Маленков** и член Оргбюро **В.М. Андрианов.** На заседании Маленков ознакомил присутствовавших с мнением Политбюро о том, что ленинградские руководители превратились в *антипартийную группу*, а потому первый секретарь обкома и горкома Попков и другие руководители были сняты со своих постов. Тут же главой ленинградской партийной организации *избрали* присланного Москвой Андрианова.

В помощь этому партийному функционеру в кресло начальника Ленинградского управления МГБ 21 апреля 1949 года посадили генерал-лейтенанта Н.Д. Горлинского, имевшего немалый опыт в вопросах *чистки* кадров в органах госбезопасности. На этом посту он сменил *более лояльного* генерал-лейтенанта Д.Г. Родионова, который за свою бытность на брегах Невы в течение 3 лет направил около 300 конфиденциальных спецсообщений в адрес министра госбезопасности Абакумова и даже часто лично докладывал Сталину «обо всём, происходившем в Ленинграде». Благодаря политике *активного информирования* сам Родионов не был привлечён к ответственности по предъявлявшимся обвинениям, но свою причастность к инициированию этого вопроса глубоко переживал [Л.4].

К середине лета 1949 года «ленинградское дело» было окончательно сформировано и базировалось на вполне вероятной версии о том, что второй секретарь Ленинградского горкома Я.Ф. Капустин являлся *английским шпионом.* Данное заключение сделали на основании того, что в 1935 году подозреваемый проходил длительную стажировку в Англии, в Манчестере, на заводах «Метраполитен-Виккер». Причём русский стажёр не только «пользовался там уважением и доверием», но и *завёл роман* со своей учительницей английского языка, которая предлагала ему остаться в Англии. По мнению органов госбезопасности, все эти факты заслуживали особого внимания «как сигнал **возможной** обработки Капустина английской разведкой» [Л.46].

21 июля 1949 года министр госбезопасности В.С. Абакумов

направил Сталину записку, в которой сообщил, что секретарь Ленинградского горкома партии Капустин подозревается в связи с английской разведкой, а свидетельствовавшие об этом материалы по указанию бывшего начальника Ленинградского управления МГБ П.Н. Кубаткина якобы хотели уничтожить. Сталин дал указание об аресте обоих подозреваемых. Хотя Капустин формально был арестован за шпионаж, допрашивался он по вопросу существования в Ленинграде *антипартийной группы* и дал признательные показания.

13 августа 1949 года в Москве в кабинете Маленкова без санкции прокурора были арестованы А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, П.Г. Лазутин и Н.В. Соловьев. Затем, добавив к предъявленным ранее обвинениям ещё и пропажу секретных документов из Госплана, 27 октября 1949 года отправили за решётку Вознесенского. Следствие велось около года. Стремление в условиях *холодной войны* полностью исключить возможность утечки информации о расколе в руководстве страны Советов подтверждается тем, что в 1950 году по указаниям Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и со ссылкой на Сталина, была организована совершенно необычная партийная тюрьма на 3040 заключённых «с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью, специальной охраной». Министру внутренних дел Круглову поставили задачу освободить отдельные тюремные помещения, укомплектовать штат новым начальником, надзирателями, вахтёрами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься. Данная следственная тюрьма напрямую подчинялось ЦК, а ведал ею председатель Комиссии партийного контроля Шкирятов. В *особую тюрьму* перевели всех главных обвиняемых по «ленинградскому делу» [Л.46]. Просуществовала тюрьма в таком партийном подчинении совсем недолго, поскольку через год надобность в ней отпала.

В сентябре-октябре 1950 года основных организаторов противоправных действий суд приговорил к расстрелу, который как меру наказания восстановили в январе того же года. Всего к ответственности привлекли около 200 человек.

Теперь, после завершения расправы, в городе на Неве под руководством первого секретаря обкома и горкома партии **В.М. Андрианова** силами областного управления госбезопасности, подчинённого Н.Д. Горлинскому, началась безжалостная *чистка: оппозиционеров* выживали из партийно-советского аппарата, преследовали на производстве, в научных и учебных заведениях. Для того чтобы исключить какую-либо возможность *докопаться* до первопричин «ленинградского дела», стала уничтожаться даже литература, в которой встречалось любое упоминание о

расстрелянных, выхолащивалось также и участие бывших руководителей в героической блокаде. Даже Музей обороны Ленинграда был закрыт. Город превратился в *репрессивный* и *опальный* [Л.4].

В результате произошедших кадровых преобразований на вершине власти осталась *«семёрка»:* Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Косыгин, а также Молотов и Микоян, хотя их положение было несколько неустойчиво.

Попытки советской стороны наладить деловые, партнёрские отношения между Москвой, Вашингтоном и Лондоном не приводили к положительному результату. В связи с этим по инициативе Сталина пришлось предпринять ужесточение курса в отношении западных держав. По ряду вопросов это давало на каких-то этапах определённые положительные результаты, но в целом инициативу по *выдумыванию* и реализации неприемлемых для Советского Союза мероприятий держали в своих руках Соединённые Штаты. Весомый козырь в построении международных отношений был получен после успешного испытания 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне ядерного заряда — «изделия РСД-1», разработанного советскими учёными и конструкторами. Но Сталин не спешил об этом объявлять, так как в стране не был ещё накоплен достаточный запас атомных бомб, чтобы имелся паритет в этом виде вооружения с другими странами *ядерного клуба* — США, Канадой и Великобританией. Наоборот, когда американцы уяснили, что в СССР действительно был произведен атомный взрыв, советское правительство выступило с предложением о безусловном запрещении его применения. Конечно, эта инициатива *западными демократиями* не была поддержана.

Огромное значение для проведения Советским Союзом *жёсткого* внешнеполитического курса имело и то благоприятное обстоятельство, что после победы народно-освободительной армии 1 октября 1949 года состоялось провозглашение Китайской Народной Республики (КНР) и формирование в Пекине центрального народного правительства под председательством Мао Цзэдуна. СССР сразу же объявил о признании КНР, разъяснив затем в газете «Правда» долгосрочные планы в связи с *исторической победой* китайского народа. Находясь в «лагере международного мира и демократии», КНР будет совместно «бороться против империалистической агрессии и защищать мир во всём мире». Вскоре между СССР и КНР был заключён договор о дружбе и взаимной (в том числе военной) помощи.

Получив надёжную поддержку мощного восточного соседа, советское руководство смогло теперь ответить на вызов,

брошенный бывшими союзниками. Дело в том, что вопреки интересам Советского Союза США, Великобритания и Франция в 1949 году объединили оккупированные ими немецкие зоны, образовав Федеративную Республику Германия. Теперь в противовес этому в зоне советской оккупации была провозглашена Германская Демократическая Республика, которая должна была полностью поддерживать позицию Москвы.

Вместе с тем следование жёсткому внешнеполитическому курсу не рассматривалось советским руководством как единственно возможное направление. В докладе Маленкова на торжественном собрании, посвящённом 34-й годовщине Октябрьской революции, было сказано: «Советское правительство недавно предложило, чтобы пять великих держав — США, Великобритания, Франция, Китай и Советский Союз — заключили между собой пакт об укреплении мира». Здесь Сталин сделал в текст доклада такую вставку: «Возможно, поджигатели войны сорвут это предложение». Далее Маленков сказал: «Однако Советский Союз будет и впредь с ещё большей энергией вести борьбу за мир. Советские люди не пожалеют ни сил, ни труда для того, чтобы всемерно укреплять и расширять ряды сторонников мира и сорвать преступные замыслы агрессора». Кроме того, в докладе было отмечено, что главная цель — обеспечение национальной безопасности СССР — достигнута: «Никогда на протяжении всей своей истории наша родина не была окружена столь дружественными нашему государству соседними странами». В связи с этим во внешней политике советское правительство стало отстаивать программу, включавшую «сотрудничество великих держав, сокращение вооружений и безусловное запрещение атомного оружия».

Внутри самого социалистического лагеря не всё было благополучно. С января 1949 года отношения между Советским Союзом и Югославией начали стремительно ухудшаться. В нотах, направлявшихся из Москвы в Белград, говорилось, что правительство этой балканской страны «заняло враждебную позицию в отношении СССР и стран народной демократии». Негативная оценка югославского руководства, названного «националистической, фашистской кликой Тито-Ранковича», всё возрастала. 29 сентября 1949 года был денонсирован советско-югославский договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, поскольку «югославское правительство уже длительное время ведёт глубоко враждебную подрывную деятельность против Советского Союза». В итоге Югославия была отлучена от мирового коммунистического движения. Однако имелись определённые проблемы в отношениях и с другими

странами социалистического содружества. Всё это требовало неослабного внимания со стороны советского руководства.

После создания атомной промышленности и восстановления разорённого войной производства, в Советском Союзе появилась наконец возможность направить средства на развитие сельского хозяйства, которое давно уже находилось в кризисном состоянии. Для лучшего использования машинного парка, который начал пополняться новыми тракторами и комбайнами, а также для расширения посевных площадей стали объединять небольшие не вылезавшие из нищеты колхозы. Для перестройки работы аграрного сектора на руководящие посты выдвигались люди, имевшие высшее и среднее специальное образование. Начал реализовываться 10-летний план электрификации. 15 июля 1950 года Политбюро утвердило постановление о строительстве Сталинградской и Уральской ГЭС. Затем Совет Министров распорядился о создании Куйбышевской и Каховской ГЭС. Уже велось строительство Волго-Донского судоходного пути. Было принято решение о развитии ирригации в засушливых районах страны, что позволяло надёжно защитить наиболее важные сельскохозяйственные регионы от природных случайностей. Надо было завершить и проводившиеся ранее работы по созданию полезащитных лесонасаждений. В совокупности все эти грандиозные начинания были названы Великими Сталинскими стройками, которые должны были вызвать безграничный энтузиазм масс и позволить поднять благосостояние населения, приблизив *светлое будущее*.

Представляет интерес состояние и использование исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в послевоенный период. На основании опубликованных в последние годы архивных данных можно составить такую картину. После амнистии 1945 года в лагерях центрального подчинения находилось 600 тыс. заключённых, а в ИТЛ и колониях местного подчинения содержалось порядка 450 тыс. заключённых. Кроме того, на базе имевшихся и новых лагерей было размещено 2,5 млн военнопленных. Со второй половины 1946 года количество заключённых (и лагерей) начало расти, а число военнопленных за счет репатриации уменьшаться. Максимума численность лишенных свободы достигла весной-летом 1950 года и составила 2,8 млн человек. Затем в последующие годы количество заключённых несколько уменьшилось и стабилизировалось на уровне 2,5 млн человек.

Когда во второй послевоенный год в стране вследствие неурожая разразился голод, был принят указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной

ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Минимальное наказание, предусмотренное этим указом, составляло 5 лет заключения в ИТЛ. В результате лагеря стали пополняться в значительной мере вовсе не *политическими,* а людьми, попавшими за мелкие кражи. Из них в условиях тяжёлого экономического положения страны формировались *трудовые отряды* с дешёвой рабочей силой.

Чтобы из этой общей массы отделить «лиц, представляющих опасность по своим антисоветским **связям»,** по постановлению Совмина СССР от 21 февраля 1948 года были созданы *особые лагеря.* В них сконцентрировали осуждённых к лишению свободы за шпионаж, диверсии, террор, а также троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников антисоветских организаций и групп и др., причём в первую очередь тех, кто уже отбывал наказание. *Контингенты особлагов* полностью изолировались (в том числе и в рабочих зонах) от остальных заключённых. Из вольнонаемного персонала к ним допускались только *особо проверенные* работники. Кроме того, в этих лагерях имелись в небольшом количестве *простые заключённые*, преимущественно расконвоированные, для выполнения работ в качестве шоферов, обслуги на энергоустановках и другом оборудовании, к которым *особый контингент* не допускался. Как жилые, так и рабочие зоны *особлагов* оборудовались таким образом, чтобы исключалась возможность побега. Был установлен режим, близкий к тюремному (решётки на окнах, запиравшиеся на ночь бараки, запрет покидать помещение в нерабочее время). Норма жилой площади в виде исключения *временно* устанавливалась вдвое меньше, чем в ИТЛ, — 1 м^2 на человека. Заключённых *особлагов* следовало использовать на самых тяжёлых работах. Охрана возлагалась на конвойные войска, а не на военизированную охрану, как в ИТЛ.

Сначала правительство установило лимит наполнения этих лагерей в 180 тыс. человек. Спецкомиссия МВД выявила в лагерях и колониях соответствующее число заключённых. Кроме того, по направлениям МГБ постоянно поступали новые осуждённые той же категории в среднем по 2500 человек в месяц, что на 1 марта 1949 года составило 42 722 человека. В связи с этим в 1950 году был установлен новый лимит — 250 тыс. человек. Однако практика работы с особыми лагерями оказалась достаточно трудной. Переоборудование обычных лагерных помещений под *особлаги* затягивалось из-за недостатка материалов: только колючей проволоки требовалось 1000 тонн, а отпущено было менее половины потребности. В производственном отношении

такие лагеря оказались *планово убыточными*, так как очень дорогостоящими были охрана (хотя конвойные войска финансировались отдельно) и оборудование рабочих зон согласно предъявлявшимся требованиям. Однако если в марте 1949 года в этих лагерях находилось всего 106 573 человека, то своего максимума их наполнение достигло в 1952 году и составило 257 тыс. заключённых.

В общей сложности к началу 1953 года имелось около 70 лагерей для заключённых. Большинство выполнявшихся ими работ имело военно-стратегическое значение. Так, строились железные дороги на Кольском полуострове, в Архангельской области, на Дальнем Востоке, под Татарским проливом на остров Сахалин прокладывался тоннель. В Московской области велись работы оборонного назначения, в частности прокладывались никогда не наносившиеся на карту кольцевые *бетонки* на 50-м и 80-м километрах для системы ПВО. Велись гидростроительные работы по обустройству Волго-Балтийского и Волго-Донского водных путей, строительству Куйбышевской ГЭС и комплекса гидротехнических сооружений в Средней Азии. В Башкирии и Иркутске возводились крупнейшие нефтехимические комбинаты [Л.24]. Все эти огромные работы возлагались в основном на МВД СССР, которым руководил в то время генерал-полковник Круглов. Подробности возведения всех этих *великих строек коммунизма* документально представлены мною в книге «Министр сталинских строек» [Л.42].

Но опять осуществлению всех планов помешало обострение международного положения, поставившее человечество на грань возникновения новой мировой войны. Ещё в 1945 году после освобождения от японской оккупации территория Кореи была разделена на две части — Северную (просоветскую) и Южную (проамериканскую) — с границей, проходившей по 38-й параллели. В последние годы на этой границе непрестанно происходили вооружённые столкновения. Недружественная южнокорейская территория была опасна тем, что с неё можно было совершать авианалёты как на крупные промышленные центры Китая, так и на советские военные базы в Порт-Артуре и Дальнем, а также на Владивосток и порт Находка.

И вот 25 июня 1950 года произошло вторжение северокорейских войск на территорию Южной Кореи. Война началась вроде как ответ на пограничную провокацию, но по инициативе Пхеньяна и с одобрения Пекина, хотя и без согласования данного вопроса с Москвой. Более того, ещё за 9 месяцев до возникновения корейской войны советское правительство поручило своему послу встретиться с Ким Ир

Сеном и Пак Хе Пеном и передать им ***мнение Москвы*** *о* том, что для осуществления нападения «необходимо дать точную оценку как **военной,** так и **политической** стороны этого вопроса». При этом отмечалось, что корейская народная армия **не подготовлена должным образом** к ведению боевых действий. А в таком случае «наступление может превратиться в затяжные военные операции, которые не только не приведут к поражению противника, но и создадут значительные политические и экономические затруднения для Северной Кореи». Обоснованно указывалось, что и **с политической стороны** предложенное наступление также *не подготовлено*, поскольку, несмотря на жажду народа к объединению страны, «сделано ещё очень мало для того, чтобы поднять широкие народные массы Южной Кореи на активную борьбу, развернуть партизанское движение и организовать силы для общенародного восстания». Более того, предлагалось учесть, что «если военные действия начнутся **по инициативе Севера** и примут затяжной характер, то **это может дать американцам повод** ко всякого рода вмешательствам в корейские дела». Правда, 15 мая 1950 года Сталин направил в Пекин шифротелеграмму, в которой говорилось, что в силу изменившейся международной обстановки Москва согласна «с предложением корейских товарищей приступить к объединению». Но *окончательно* этот вопрос должен быть решён китайскими и корейскими руководителями *совместно*, а в случае *несогласия* — отложен. Однако эти рекомендации не нашли понимания.

Трезвая оценка обстановки, сделанная советским правительством, не была воспринята северокорейским руководством. А Вашингтон, естественно, представил события на Корейском полуострове как начало открытого наступления *коммунизма* в соответствии с советско-китайским договором. В связи с этим президент Трумэн отдал приказ об отправке в Корею войск США для оказания южнокорейской армии необходимой поддержки. 7 июля 1950 года ООН приняла решение, рекомендовавшее оказать Южной Корейской Республике такую помощь, которая позволила бы «отразить вооружённое нападение и восстановить мир и безопасность в районе». Одновременно было создано объединённое командование сил ООН под руководством США.

Начавшееся стремительное наступление северян позволило им достигнуть значительного успеха и занять своими войсками почти весь полуостров. Столь неожиданное развитие ситуации помешало советскому руководству сразу выработать твёрдую и однозначную позицию, и оно искало приемлемый для себя выход из сложившегося положения.

И тут случилось **непредвиденное,** ставшее на многие годы **самой важной советской тайной:** вследствие многолетнего нервного напряжения, постоянного давления огромного груза ответственности у Сталина произошло резкое ухудшение состояния здоровья, не позволившее ему дальше заниматься государственными делами. Заболевание вынудило Иосифа Виссарионовича **начиная со 2 августа и по 21 декабря 1950 года** отойти от участия в работе по руководству партией и правительством, не принимать никаких решений и даже не высказываться по вопросам внешней и внутренней политики. И это в условиях, когда мир оказался на грани ядерной войны!

Возможно, данное обстоятельство вызвало определённую растерянность среди соратников вождя. Им недоставало сталинской мудрости, воли и твёрдости в оценке обстановки и принятии решений. Это позволило американцам перехватить инициативу в корейской войне. 16 сентября 1950 года войска США-ООН под командованием Дугласа Макартура высадили в районе города Инчхон 50-тысячный воздушный десант, создав мощный плацдарм для контрнаступления. Возникшая опасность вынудила северокорейские части поспешно отходить с занятых ими южных позиций. Сосредоточив силы, американо-ооновские войска начали наступление, заняли Сеул, а к концу октября продвинулись почти до прежней границы между северной и южной частями территории Кореи, проходившей по 38-й параллели. В сложившейся критической обстановке Китай, ещё раньше заявлявший в ООН о том, что поддержит своего соседа, ввёл на территорию Северной Кореи свои вооружённые силы, сформированные из *добровольцев*. 4 ноября 1950 года демократические партии КНР выступили с совместным заявлением, в котором указали, что китайский народ «не только в силу своего морального долга» окажет помощь корейскому народу в его борьбе против Америки, но и тем самым обеспечит *самооборону* от агрессии. Появление китайских добровольцев не только весьма быстро и существенно изменило соотношение сил на полуострове в пользу северян, но и предрешило весь дальнейший ход боевых действий. Интересно, что в этот период в Пхеньян и Пекин направлялись шифротелеграммы, составленные как бы от имени Сталина, но подписанные псевдонимом *Фын Си*, что по-китайски означает *Западный ветер*, который, надо понимать, дует с России на Дальний Восток.

Лишь в ноябре советское руководство сочло возможным и своевременным вступить в военный конфликт, сохраняя наше участие в строжайшей тайне. До этого на Генеральной ассамблее ООН СССР предлагал квалифицировать события в Корее «как

внутреннюю борьбу, внутреннюю гражданскую войну между двумя правительственными лагерями» и в это дело не вмешиваться. Теперь для защиты КНДР с воздуха был использован истребительный авиационный корпус советских ВВС, нанёсший американской авиации существенный урон.

После провала американо-ооновского наступления, которым планировали победоносно завершить корейскую войну, командовавший войсками Макартур предложил президенту США начать бомбардировку Китая и даже СССР с применением и атомного оружия. 30 ноября 1950 года, отвечая на вопросы журналистов о дальнейших операциях в Корее, Трумэн заявил, что будет предпринято «всё необходимое, что потребует военная ситуация», даже «включая все виды вооружения, которыми мы обладаем». Но это означало развязывание **третьей мировой атомной войны.**

По этой причине американцам всё-таки пришлось смириться со сложившимся на Корейском полуострове военным положением и 13 января 1951 года заявить «о нежелательности дальнейшего расширения масштабов и характера боевых действий». Это предложение было воспринято в Москве как стремление агрессивной стороны найти выход из военного тупика.

Не последнюю роль в компромиссном решении корейской проблемы сыграло, видимо, интервью с прибывшим в Москву после лечения Сталиным, опубликованное газетой «Правда» 17 февраля 1951 года. Сначала Иосиф Виссарионович изложил общую внешнеполитическую концепцию: «Не может ни одно государство, в том числе Советское государство, развёртывать вовсю гражданскую промышленность, начать великие стройки вроде гидростанций на Волге, Днепре, Амударье, требующие десятки миллиардов бюджетных расходов, продолжать политику систематического снижения цен на товары массового потребления, тоже требующего десятков миллиардов бюджетных расходов, вкладывать сотни миллиардов в дело восстановления разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства и вместе с тем, одновременно с этим, умножать свои вооружённые силы, развернуть военную промышленность. Не трудно понять, что такая безрассудная политика привела бы к банкротству государства». Затем Сталин напомнил о предложениях советской стороны немедленно заключить пакт мира пяти великих держав, начать сокращение вооружений, запретить атомное оружие.

Отвечая на вопросы относительно событий на Корейском полуострове, Иосиф Виссарионович сказал, что если Англия и США окончательно отклонят мирные предложения, «то война в Корее может закончиться лишь поражением интервентов». Это

закономерно произойдёт, поскольку «трудно убедить англо-американских солдат», что они защищают интересы своих стран в Корее и у границ Китая. А Корея и Китай имеют право «защищать свою безопасность на своей собственной территории или у границ своего государства».

На вопрос, считает ли он «новую мировую войну неизбежной», Сталин ответил: **«Нет,** по крайней мере, в настоящее время её нельзя считать неизбежной». Что же касается Советского Союза, то он «будет и впредь непоколебимо проводить политику предотвращения войны и сохранения мира» [Л.12].

Всё было прекрасно в чётко и аргументировано изложенной позиции, **но** дело в том, что это интервью Сталин давал лишь как **формальный** лидер советского государства.

Как нам поведал историк Ю.Н. Жуков [Л. 12], накануне, **16 февраля 1951 года,** Политбюро, собравшееся в составе: Сталин, Булганин, Берия, Маленков, Молотов, Микоян, Хрущёв, при участии Сабурова — приняло решение, **коренным образом менявшее всю систему власти в стране.** Сначала устанавливалось, что **председательствовать** на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро этого главного правительственного органа должны были поочерёдно заместители председателя Совмина СССР Булганин, Берия и Маленков. Им же поручалось **рассмотрение и решение всех текущих вопросов.** А дальше говорилось то, **о чём мы никогда не знали:** «Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать **за подписью председателя Совета Министров СССР тов. Сталина И.В.»**

Несколько странно звучащая последняя фраза постановления означает, что после перенесённого тяжёлого заболевания и серьёзного снижения работоспособности Сталин уже не мог в полной мере заниматься **повседневной** напряжённой руководящей работой, но **номинально оставался** главой правительства. С этих позиций теперь нам надо **переосмыслить** все события начиная **со 2 августа 1950 года по март 1953 года,** когда **все** партийно-правительственные решения **принимались соратниками,** но приписывались Сталину.

Глава 31. За подписью Сталина

Спад работоспособности начался у Сталина ещё в феврале 1950 года, когда число его рабочих дней из месяца в месяц стало сокращаться, а количество посетителей Кремлёвского кабинета значительно уменьшалось. Конечно, он ещё продолжал участвовать в заседаниях Политбюро и правительства, проводить встречи со своими соратниками и приём посетителей на подмосковных дачах, а также в своих резиденциях на черноморском побережье Кавказа. Но со 2 августа 1950 года оперативных решений уже не принимал. Реальной властью теперь обладал **триумвират,** соединивший две ветви подлинной власти: государственной, представленной Булганиным и Берией, и партийной — в лице Маленкова. При этом Булганин, отвечавший за военно-промышленный комплекс, и Берия, курировавший ядерное оружие и ракетостроение, отстаивали в политике более жёсткий курс, направленный на то, чтобы не отступать перед Западом, говорить с ним с позиции силы. Маленков сохранял приверженность к более мягким международным отношениям. Следующую ступень власти занимали Молотов, Микоян, Косыгин и Каганович. В то же время **авторитет,** завоёванный Сталиным у советского народа и во всём мире, названный потом *культом личности*, был всем им необходим для придания большего политического веса принимавшимся решениям. Однако началось и некоторое ущемление достижений отошедшего отдел вождя. Так, неожиданно прекратилась публикация собрания сочинений Сталина, а практически подготовленный к выпуску сборник «Переписка председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом в годы Великой Отечественной войны» задержали с изданием, и он вышел в свет только в 1957 году.

Естественно, начались кадровые перестановки, из которых отметим только возвышение по партийной линии первых секретарей Московского городского и областного комитетов партии Хрущёва, которому поручили ещё курировать Украину, и Ленинградского обкома и горкома Андрианова.

В самом конце 1950 года реорганизовали руководство МГБ, окружив министра Абакумова людьми Берии и Маленкова. Однако 12 июля 1951 года, когда с «ленинградским делом» было, вроде бы, покончено, одного из основных исполнителей этой акции министра госбезопасности генерал-полковника В.С. Абакумова доставили в *особую тюрьму*. Арестованный даже не

был освобождён от занимавшейся им должности, и никаких формальных обвинений ему предъявлено не было. На следующий день в эту же *партийную тюрьму* были заключены сотрудники следственного отдела МГБ А.Г. Леонов, М.Т. Лихачёв и Л.Л. Шварцман, допрашивавшие ленинградцев. Затем «за развал работы» МГБ Абакумов был отстранён от занимаемой должности, а вслед за ним лишились своих постов и ряд его выдвиженцев. Н.Д. Горлинского вызвали в Москву и 29 июля 1951 года освободили от должности начальника УМГБ Ленинградской области, а через полгода назначили начальником Волжского ИТЛ МВД. Инициатором этого перемещения явился Хрущёв.

Хотя первопричиной снятия Абакумова, несомненно, было «ленинградское дело», дискредитацию бывшего министра начали с предъявления ему обвинений по делу кремлёвских врачей. На роль непосредственного обвинителя был определён старший следователь по особо важным делам МГБ СССР М.Д. Рюмин. Этому, по мнению сослуживцев, весьма посредственному работнику и явному карьеристу поручалось *озвучить* обвинения, подготовленные в *особой тюрьме.* Ещё 2 июля 1951 года Рюмин обратился с письмом на имя Сталина (уже находившегося не у дел), в котором указал, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела о *еврейском националисте* Я.Г. Этингере, позволявшего получить сведения о вредительской деятельности врачей. При этом следствие сначала уводилось от опасного для огласки «ленинградского дела», а далее всё пошло в нужном для обвинения направлении.

Для проверки заявления Рюмина была создана комиссия в составе Маленкова (председатель), Берии (оба заинтересованы *в правильном* рассмотрении «ленинградского дела»), Шкирятова и Игнатова. В порядке проведения проверки был допрошен ряд сотрудников органов госбезопасности, в том числе заместители министра С.И. Огольцов и Е.П. Питовранов. Комиссия установила со стороны врачей наличие *террористических намерений* при лечении видных советских деятелей А.С. Щербакова, В.В. Куйбышева и А.М. Горького. По мнению комиссии, Абакумов проявил в данном вопросе, по крайней мере, *преступную халатность.* Кроме того, министру в вину поставили ещё ряд прежних дел. Только после этого (когда обвинений уже хватало и деваться было некуда) усиленно начала разрабатываться версия о причастности обвиняемого к «ленинградскому делу». В целом деятельность Абакумова оценивалась как «совершение преступления против партии и государства». Существенную роль в разработке этих обвинений сыграл такой беспринципный руководитель, как Рюмин, который тут же был назначен

замминистра госбезопасности, ему предоставили самые широкие полномочия в деле дальнейшего поиска ***особо опасных врагов.*** Запутанный вопрос о ***врачах-вредите-лях*** постепенно был связан с разработкой по ***террористам*** в МГБ, а затем сюда же были притянуты «ленинградское дело» и материал о Еврейском антифашистском комитете. Но на рассмотрение суда или Особого совещания при МГБ СССР дело Абакумова пока не выносилось.

Министром госбезопасности СССР 9 августа 1951 года назначили чисто партийного аппаратчика С.Д. Игнатьева, являвшегося заведующим Отделом партийных и комсомольских органов. В МГБ он был послан ранее в качестве представителя ЦК ВКП(б).

В это же время на должность начальника Управления МГБ Ленинградской области из Владивостока приехал генерал-лейтенант береговой службы Н.Д. Ермолаев.

Отметим, что в тот же период произошло ***возвращение к известности*** двух знаменитых военных. 20 июля 1951 года в должности министра ВМФ восстановили адмирала Н.Г. Кузнецова, всего три года назад, по настоянию тогдашнего министра вооружённых сил Н.А. Булганина, осуждённого Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в измене. Приведём кратко весьма показательное воспоминание Кузнецова о своей реабилитации: «В маленьком зале Кремля было собрано Политбюро **под руководством Сталина».** На этом ***совещании моряков*** Сталин сидел в стороне, а председательствовал Маленков. Всем командующим флотами предложили высказаться о делах ВМФ. «Сталин не проронил ни слова, что-то писал на бумаге». Только произнёс в конце, что ***Юмашев*** (министр ВМФ) ***пьёт***, и предложил подумать о замене. На следующий день заседание продолжилось, и Маленков сообщил, что после обмена мнениями на Политбюро решили ***вернуть Кузнецова.*** Отсюда можно сделать вывод, что для окружающих **создавалось впечатление,** будто Сталин всем руководил. Однако известно, что Иосиф Виссарионович всегда принимал самое заинтересованное и активное участие в подобных совещаниях [Л.47]. А вот теперь только ***при сём присутствовал*** и не вмешивался в ход дискуссии, но высказывал собственное мнение.

В плане реабилитации маршала Г.К. Жукова включили наравне с Молотовым в состав правительственной делегации, направившейся на празднование Дня возрождения Польши. Затем в газете «Правда» был опубликован полный текст выступления полководца в Варшаве.

Кадровые перестановки постоянно продолжались, отражая скрытую борьбу за лидерство в *триумвирате* и показывая

слишком несхожие взгляды его членов на проводившийся политический курс.

В международных делах надо было срочно разрешать корейский военный конфликт. 23 июня 1951 года представитель СССР в ООН Я.А. Малик выступил с предложением о незамедлительном начале переговоров о прекращении войны в Корее. После получения согласия на перемирие воевавших сторон 10 июля 1951 года такие переговоры начались. Это дало возможность смягчить взаимоотношения государств и потому позволило созвать в Москве международное экономическое совещание, к участию в котором приглашалось максимально возможное число стран, помимо входивших в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Цель этого совещания состояла в том, чтобы содействовать прорыву торговой блокады и той системы мероприятий по экономической дискриминации в отношении СССР, стран народной демократии и Китая, которая проводилась правительством США со всё большим нажимом. Иными словами, решено было деполитизировать международные экономические отношения, что способствовало бы выходу из изоляции в области торговли и обретению новых рынков сбыта советских продукции и сырья за пределами Восточного блока.

Однако достигнуть примирения с Западом не удалось. 8 сентября 1951 года США, Великобританией и Францией вместе с их союзниками, при демонстративном игнорировании интересов и прав СССР и Китая, был подписан сепаратный мирный договор с Японией. Естественно, что такое действие *западных демократий* было воспринято в Москве как открытый вызов. В связи с этим, выступая 6 ноября 1951 года на традиционном торжественном собрании советской общественности, посвящённом очередной годовщине Октябрьской революции, Берия выдержал свой доклад в достаточно резком и воинственном духе. «Соединённые Штаты Америки, — заявил он, — открыто поддерживают два очага войны: на Западе, в зоне Германии, и на Востоке, в зоне Японии». Представители США сводили на нет все предложения СССР и других миролюбивых государств о прекращении американской агрессии в Корее, «а теперь всячески затягивают начавшиеся переговоры. Империалистам нужны не соглашения, которые могут подорвать их агрессивные планы, сделают ненужной гонку вооружений, дающую им миллиардные сверхприбыли, а война». Обратив внимание на то, что мирный характер политики СССР совсем не говорит о неуверенности его в своих силах и что советские люди не раз показывали миру, как они умеют защищать свою Родину, докладчик сказал, что последствий мировой войны должны бояться, прежде всего, капиталисты Америки и других

буржуазных стран. «Ибо новая война поставит перед нашими народами вопрос о вредоносности капиталистического строя, который не может жить без войны, и о необходимости заменить этот строй другим, социалистическим строем». И в заключение международной части доклада главный организатор создания советского атомного оружия предрёк: «Если заправилы империалистического лагеря всё же рискнут развязать войну, то не может быть сомнения, что она завершится крахом самого империализма».

Чтобы поколебать слишком уж твёрдую уверенность Берии в своих силах и сгладить его стремление утвердить во внешней политике СССР провозглашённый им в докладе жёсткий курс, сторонникам более мягких международных отношений пришлось нанести удар по престижу своего соратника. Вполне очевидно, что по инициативе Маленкова было организовано «мингрельское дело», поначалу в большей степени уголовное, но затем переросшее в политическое, кадровое. В постановлении Политбюро от 9 ноября 1951 года отмечалось, что в Грузии развито взяточничество, которое, несмотря на предпринимавшиеся меры борьбы, не убывает. Причём внутри аппарата ЦК и правительства республики «имеется группа лиц, которая покровительствует взяточникам и старается выручать их всяческими средствами». Были названы фамилии ряда руководящих работников, происходивших из Мингрельской области Грузии, а потому покрывавших преступников-мингрельцев. Более того, эта *националистическая группа* ставила целью «захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии и выдвинуть на них мингрельцев». При этом они руководствовались не деловыми интересами, «а исключительно соображениями принадлежности к мингрельцам».

Для Берии, мингрельца по национальности, несомненно, сохранившего связи со своей малой родиной, это инспирированное дело намекало на имевшиеся и у него аналогичные устремления. В постановлении указывалось, что если «антипартийный принцип мингрельского шефства» не получит должного отпора, то это приведёт к весьма печальным последствиям. Объявленные в след за тем достаточно суровые оргвыводы значительно сократили число земляков Берии в руководящих органах Грузии.

Несколько нейтрализовав своего коллегу, Маленков взял инициативу в свои руки и 7 декабря 1951 года провёл через Политбюро постановление о созыве 20 октября 1952 года XIX съезда ВКП(б), обеспечив себе при этом ведущую роль.

Предусматривалось, что с отчётным докладом выступит Маленков, проект тезисов по 5-летнему плану подготовит председатель Госплана Сабуров, а изменения в уставе доложит Хрущёв.

Главным итогом закулисной борьбы в *триумвирате* стала победа сторонников более мягкого внешнеполитического курса страны. Подтверждение этого было дано и в достаточно миролюбивых по тону, хотя весьма скупых по содержанию, ответах Сталина на вопросы некой *группы редакторов* не названных *американских газет*, опубликованных в советской прессе 2 апреля 1952 года.

Столь же доброжелательное настроение сопутствовало и состоявшемуся в апреле 1952 года в Москве Международному экономическому совещанию, которому не навязывали принятие каких-либо заявлений идеологического характера. Подобный подход практически сразу привёл к заметным сдвигам во внешней торговле Советского Союза, тем более что новые равноправные и взаимовыгодные связи устанавливались с компаниями и фирмами не только на межгосударственном, но и на чисто деловом уровне.

В ещё большей степени смягчение внешнеполитического курса продемонстрировали советские средства массовой информации. В соответствии с полученными от ЦК указаниями, откровенно негативное содержание материалов о жизни в странах Запада, выражавшее дух *холодной войны,* отныне решительно отвергалось. От журналистов-междуна-родников требовалось «не допускать выражений, которые могли быть истолкованы как подстрекательство и выступление против правительства, оскорбление национального достоинства или вмешательства во внутренние дела».

Серьёзные перемены стали происходить в идеологии, науке, литературе и искусстве, когда партийные органы обратились с призывом «показывать жизнь во всём её разнообразии, в движении, беспощадно разоблачать всё косное, всё отсталое, всё враждебное народу, что смертельно боится критики и самокритики».

Переход к разрядке проявился и в радикальных кадровых перестановках, которые произвели в Министерстве иностранных дел, осуществив рокировку ряда советских представителей за рубежом.

В этот же период за счёт превращения «мингрельского дела» в *грузинское* началась очередная атака на Берию, инициированная, скорее всего, опять Маленковым. 27 марта 1952 года Политбюро утвердило постановление «О положении дел в Компартии

Грузии», в котором говорилось, что исправление указанных ранее ошибок и недостатков «идёт медленно, со скрипом, неудовлетворительно», что вызывает «недовольство в партийных организациях и среди беспартийных людей». При этом в ходе следствия выяснилось, что у ряда партийных деятелей имелось намерение «захватить власть в Компартии Грузии» и подготовить в республике «ликвидацию Советской власти». Первый секретарь грузинского ЦК К.Н. Чаквиани данным постановлением был снят. Однако формальную смену руководства предлагалось провести в апреле на пленуме ЦК Грузии, на который представителем Политбюро направлялся Берия. Получалась интересная ситуация: когда Берия являлся первым секретарём ЦК Грузии, Чаквиани был третьим секретарём, и на место первого секретаря его рекомендовал именно Лаврентий Павлович. Теперь надо было разгромить своего бывшего протеже.

«Грузинское дело» должно было ударить не только по Берии, но в определённой мере коснуться и Сталина, который всегда внимательно следил за положением дел на своей родине. В дополнение к этой неприятности 29 апреля 1952 года, почти сразу после окончания пленума в Грузии, был снят с занимаемой должности и исключён из партии бессменный начальник личной охраны Сталина, а с 1938 года охраны и всех должностных лиц партии и государства, Н.С. Власик. Его обвинили в крупной растрате государственных средств. Позднее в своих воспоминаниях Николай Сидорович писал, что суммы, указанные в расходных документах, были значительно завышены, но никто не пожелал разбираться в этой подделке.

Сам Сталин всё это время *держался особняком,* не вникая ни в какие государственные дела и внутренние распри. В отличие от предвоенных лет он больше не участвовал в проведении широких встреч с трудящимися. Только на ежегодных сессиях Верховного Совета СССР, утверждавших бюджет, он, как правило, присутствовал, но никогда не выступал. Регулярно посещал и торжественные траурные собрания, проходившие в годовщину смерти В.И. Ленина. В осеннюю пору обычно отдыхал на юге, а потому не бывал на мероприятиях, посвящённых Октябрьской революции. Зато не пропускал первомайские парады и демонстрации, на которых москвичи могли видеть своего вождя, приветствовавшего их с трибуны Мавзолея.

С апреля 1950 года Иосиф Виссарионович занялся сугубо теоретическими вопросами, приняв участие в дискуссии по проекту учебника политэкономии. Он активно встречался и переписывался с известными советскими экономистами. Отошедшему от дел вождю хотелось оставить после себя

теоретический труд, который вооружил бы его соратников правильными идеями, позволявшими осуществлять преобразование общества в нужном направлении. Такую роль должен был сыграть учебник политической экономики, который «нужен не только для нашей советской молодёжи», но и «для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунизму». Сталин остро осознавал необходимость идейного перевооружения партии коммунистов, поскольку созданная при его участии система управления страной приучила её руководителей преувеличивать значение субъективного решения, пренебрегать объективной реальностью и игнорировать научную теорию, учитывавшую факторы и закономерности общественного развития. Внимание начинавшей свой трудовой путь молодёжи опытный руководитель хотел обратить на зависимость социалистической экономики от общих экономических законов, присущих товарно-денежным отношениям, и теоретически обосновать ограниченность действия этих законов по мере развития советского общества.

В результате проделанной работы собралась целая подборка материалов по экономическим вопросам, написанная самим Сталиным. В феврале 1952 года предлагалось даже опубликовать эти «Замечания» в печати. Но автор отказался, мотивируя это тем, что дискуссия по вопросам политической экономики была закрытой, и народ о ней ничего не знал. А поскольку выступления участников не публиковались, то появление «Замечаний» выглядело бы так, будто «всё в учебнике определено Сталиным». А самое главное сейчас — это «авторитет учебника», который должен быть «непререкаемым». Правильно будет, если о сделанных поправках «впервые узнают из самого учебника». Однако вождь посчитал возможным использовать «“Замечания” в лекциях, на кафедрах, в политкружках, **без ссылок на автора».**

Всё-таки, видимо, по настойчивым просьбам авторского коллектива в октябре 1952 года «Замечания» вместе с тремя письмами Сталина были опубликованы в газете «Правда», а потом вышли отдельной брошюрой под общим названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Возможно, эти издания потребовались и для того, чтобы сообщить общественности о том, что товарищ Сталин по-прежнему активно трудится, решая партийные и государственные вопросы, а кроме того, ещё ведёт серьёзную научную работу.

Сталину очень хотелось устроить глубокое обсуждение изложенных в его труде вопросов в самом близком кругу своих верных соратников. Для этого осенью 1952 года все собрались на сталинской даче. Однако на вопросы автора: как вы оцениваете

работу? Какие есть замечания? — никакого ответа не последовало. Берия и Маленков похвалили книгу, Молотов, по его словам, «что-то пикнул», Микоян вообще промолчал. Как потом вспоминал Анастас Иванович, он был настроен критически относительно ряда положений брошюры Сталина, в которой утверждалось, что этап товарооборота в экономике исчерпал себя и надо переходить к продуктообмену между городом и деревней. Это уже относилось к принципам коммунизма, что в то время было нереально. Молотов позднее сожалел, что они «недооценили эту работу», хотя находил в ней «много недостатков». Так, в брошюре имелось положение о том, что в главных капиталистических странах объём производства будет сокращаться, а «ничего подобного не произошло».

Конечно, формулируя основной закон социализма об обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники, Сталин имел в виду идеальную экономическую модель. При этом исторические реалии, когда в ущерб удовлетворению потребностей приходилось решать более насущные задачи по отражению агрессии и сохранению независимости страны, им не учитывались. Рассматривая вопросы развития современного капитализма, Сталин исходил из того, что с образованием мощного социалистического лагеря единый всеохватывающий мировой рынок распался на два параллельных и противостоящих друг другу. Ссылаясь на опережающие темпы развития социалистических стран, Сталин считал, что сфера приложения сил главных капиталистических стран будет сужаться. При этом теоретическая модель не учитывала те внутренние изменения, которые претерпел капиталистический строй под воздействием социалистической системы, проявившиеся в социальных реформах, направленных на то, чтобы не допустить социалистических революций в других странах. В целом Сталин находился на позициях марксистско-ленинской теории, которую считал правильной и всеобъемлющей.

Молотов вспоминал, что Иосиф Виссарионович работал над второй частью «Экономических проблем», давал кое-что почитать. «Но куда всё это делось, ничего не известно».

5 октября 1952 года, через 13 лет после предыдущего главного партийного форума, открылся XIX съезд ВКП(б), который представлял 6 013 259 членов и 868 886 кандидатов в члены партии. В качестве гостей присутствовали делегаты от 44 братских коммунистических и рабочих партий. Всю

подготовительную работу к съезду объединил в своих руках Маленков, максимально усиливший свои позиции. Георгий Максимилианович готовил отчётный доклад, возглавлял Комиссию Политбюро по подготовке изменений в уставе партии и входил в состав Комиссии по разработке пятого 5-летнего плана.

В отчётном докладе, который Маленков вместо Сталина делал фактически как первый секретарь партии, имелись, как обычно, три раздела, посвящённые международному положению, внутренним делам и партийным вопросам. Докладчик представил экономику США и других капиталистических стран как застойную, в которой рост присущ лишь военной промышленности. В противовес этому народное хозяйство СССР, стран народной демократии и Китая расценил как бурно и динамично развивающееся. Несмотря на все различия, выразил уверенность в неминуемом торжестве политики *мирного сосуществования.* Во внутренних делах ориентир был сделан на то, что в экономике необходимо предусмотреть близкие темпы роста средств производства (группа А) и предметов потребления (группа Б). Относительно партийных вопросов отметил, что создалась известная опасность отрыва партийных органов от масс и превращения их «в своеобразные административно-распорядительные учреждения». Поэтому «у руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела».

Съезд определил новые задачи партии в хозяйственном и культурном строительстве, а также утвердил директивы по 5-летнему плану развития СССР на 1951–1955 годы. Обсудив доклад Хрущёва об изменениях в уставе партии, постановил ВКП(б) впредь именовать Компартией Советского Союза — КПСС. Политбюро ЦК было преобразовано в Президиум ЦК. Поскольку всю организационную работу решено было сосредоточить в Секретариате ЦК, отпала необходимость в Оргбюро ЦК. Для повышения роли партийных органов в борьбе с нарушениями коммунистами партийной и государственной дисциплины Комиссию партийного контроля реорганизовали в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

На заключительном заседании съезда выступил Сталин, который не стал подводить итог состоявшейся дискуссии, а подчеркнул важность взаимной поддержки Компартии Советского Союза и компартий всех стран мира. Отметил огромное значение борьбы за демократические свободы и национальный суверенитет в освободительном движении. Напомнил, что монополистическая буржуазия, являющаяся главным врагом освободительного

движения, стала ещё более реакционной. Она растоптала принцип равноправия людей и наций, выбросила за борт знамя национальной независимости и знамя буржуазно-демократических свобод. Эти знамёна могут и должны поднять коммунистические и демократические партии и понести их вперёд, если они хотят быть патриотами своих стран, если они хотят стать руководящей силой своих наций.

После прошедших на съезде перевыборов 16 октября 1952 года собрался пленум нового состава ЦК, который первым делом образовал непредусмотренное только что скорректированным уставом Бюро Президиума ЦК КПСС. В его состав вошли Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущёв, Ворошилов, Каганович, Первухин и Сабуров, официально образовав правящую *девятку*. Секретариат ЦК состоял теперь из 10 *равноправных* секретарей, без выделения *первого*, или *генерального*, которых приводили в алфавитном порядке. А.Б. Аристов (первый секретарь Челябинского обкома), Л.И. Брежнев (первый секретарь ЦК КП Молдавии), Н.Г. Игнатов (первый секретарь Краснодарского крайкома), Г.М. Маленков, Н.А. Михайлов (первый секретарь ВЛКСМ), Н.М. Пегов (заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов), П.К. Пономаренко, И.В. Сталин, М.А. Суслов, Н.С. Хрущёв.

В составе Президиума ЦК, состоявшем теперь из 25 человек, кроме перечисленных выше, в качестве просто членов оказались В.М. Андрианов (первый секретарь Ленинградского обкома), С.Д. Игнатьев (министр госбезопасности), В.В. Кузнецов (председатель ВЦСПС), А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.К. Шверник, М.Ф. Шкирятов (председатель КПК) и др.

В связи с тем, что Сталин не мог или не хотел сохранять своё лидерство, Бюро Президиума ЦК своим решением от 10 ноября 1952 года так распределило властные полномочия. Обязанности председателя на заседаниях поочерёдно возлагались: Президиума ЦК — на Маленкова, Хрущёва, Булганина; Секретариата — на Маленкова, Пегова, Суслова; Президиума Совмина — на Берию, Первухина, Сабурова. При этом была сделана оговорка: «в случае отсутствия тов. Сталина».

Теперь Маленков фактически являлся первым секретарём партии, а Берия получил возможность курировать работу как Совмина в целом, так и отдельных министерств. Но ключевой позицией, свидетельствовавшей о реальной полноте власти, являлась должность председателя Совета Министров СССР, которую занимал Сталин.

Тем временем стремительно разрасталось «дело кремлёвских врачей», проводившееся МГБ. Ещё 11 июля 1952 года Политбюро

утвердило постановление ЦК «О неблагополучном положении в МГБ», в котором потребовало от министра Игнатьева незамедлительно «вскрыть существующую среди врачей группу, проводившую вредительскую работу против руководителей партии и государства», установить состав и ближайшие цели этой самой *группы*, на которую якобы вышел Абакумов при аресте профессора Этингера. Этим поднималось старое дело 1948 года о неправильном лечении Жданова, приведшем к летальному исходу.

В результате повторной проверки архивных материалов 1 сентября 1952 года был снят с должности, а в октябре арестован начальник Лечсануправа Кремля П.И. Егоров, лечивший Жданова четыре года назад. Затем была арестована группа врачей, в числе которых находился и профессор В.Н. Виноградов, пользовавшийся доверием Сталина. В декабре арестовали бывшего начальника правительственной охраны Власика, давшего в своё время неправильный ход материалам по болезни и смерти Жданова. Таким образом, обозначалось дело, по которому к ответственности привлекались руководство бывшего Главного управления охраны (ГУО) и группа врачей.

Чтобы закрепить наметившуюся линию, Политбюро приняло два постановления: «О вредительстве в лечебном деле», в котором особо подчёркивалась вина прежнего состава ГУО, и «О положении в МГБ», позволявшее провести *чистку* органов госбезопасности. При этом подчёркивалась необходимость поставить деятельность МГБ в центре и на местах «под систематический и постоянный контроль партии, её руководящих партийных органов, партийных организаций». В результате был арестован ряд высокопоставленных работников органов. При этом был отстранён от работы, а в дальнейшем уволен на пенсию постоянный секретарь Сталина А.Н. Поскрёбышев, занимавшийся проверкой дела Этингера и Абакумова.

Надо отметить, что по свидетельству начальника Бюро № 1 МГБ П.А. Судоплатова, являвшегося главным организатором диверсионной работы наших спецорганов за рубежом, Сталин не принимал участия в проходившей *чистке* органов госбезопасности. Наоборот, он уделил первостепенное внимание перспективам организации разведки в МГБ. 9 ноября 1952 года Бюро Президиума ЦК создало Комиссию по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб министерства. По воспоминаниям очевидцев, на одном из заседаний этой комиссии Сталин высказал ряд полезных и грамотных замечаний о деятельности разведки. Он подчеркнул, что «в разведке надо иметь агентов с большим культурным кругозором, профессоров»

своего дела. При этом из столь специфической работы следовало полностью *изжить трафарет*, постоянно менять тактику, методы. Необходимо всё время приспосабливаться к мировой обстановке, использовать её в своих интересах. В плане постановки приоритетной задачи в период *холодной войны* Сталин чётко определил: **«Главный наш враг — Америка».** Но основной удар надо направлять не на неё, а создавать «нелегальные резидентуры в приграничных государствах. Первая база, где надо иметь своих людей, — Западная Германия». Работа против нашего главного противника невозможна «без создания мощного агентурно-диверсионного аппарата за рубежом», причём создавать его предлагалось, опираясь на активные контрразведывательные операции внутри страны. Все эти замечания свидетельствовали о трезвом реализме Сталина, сохранении им полной ясности мышления [Л.9].

21 декабря 1952 года, в день рождения Иосифа Виссарионовича, его ближайшие соратники — Маленков, Берия, Хрущёв, Молотов и Микоян — приехали вечером с поздравлениями на ближнюю дачу. Сталин хорошо встретил всех, в том числе *опальных* Молотова и Микояна. По воспоминаниям Анастаса Ивановича, все дружно сидели за столом, вели обычные разговоры, обстановка была ровная, нормальная. Вообще у Сталина была привычка после конфликтов не обострять отношения, и все недоразумения сами собой сглаживались. А вот Хрущёв (доверять которому сложно) после этой встречи сказал *Анастасу*, что Сталин якобы «сердился и возмущался», что они с Молотовым «пришли к нему на день рождения». Поэтому поздравлять вождя с Новым годом эта пара уже не приезжала.

Светлана Аллилуева обратила внимание на то, что отец плохо тогда выглядел. Видимо, он ощущал повышенное кровяное давление, но никого из врачей не вызывал. Профессор Виноградов, который постоянно лечил вождя, был арестован, а больше никого Сталин к себе не подпускал. Прежде, если одолевала болезнь, занимался самолечением — брал у своего секретаря, бывшего фельдшера Поскрёбышева (который с прошлого месяца был *удалён из Кремля)* необходимые таблетки, которые приобретались в обычной аптеке. Однако, несмотря на нездоровье, Сталин 26 декабря 1952 года дал интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк тайме», не сказав, правда, ничего нового. А потом у себя на даче встретил новый 1953 год.

Глава 32. Смерть вождя

Начало 1953 года не предвещало ничего хорошего. 9 января во всех газетах была опубликована хроника об аресте группы врачей-вредителей, предавшая широкой огласке «дело кремлёвских врачей». В дополнение к этому секретарь ЦК Н.А. Михайлов, курировавший всю идеологическую работу, включая средства массовой информации, придал материалам совершенно не требовавшийся ***антисемитский*** уклон. В подготовленных статьях акцент делался, прежде всего, на ***чужеродные*** фамилии шести из девяти упоминавшихся врачей. В результате 13 января газеты опубликовали сообщение о раскрытии заговора врачей-евреев, которые, проводя неправильное лечение, сокращали жизнь видных руководителей партии и правительства. В числе преступно умерщвлённых указывались Жданов и Щербаков, болгарский вождь Г. Димитров, монгольский глава Чойбол-сан и другие видные партийно-государственные функционеры, а также военачальники. Сообщалось о связи этих врачей и массы других евреев с зарубежной разведкой. При этом по всей стране обязали провести многочисленные митинги гнева и осуждения ***врачей-убийц*** с требованием их смертной казни. Кроме того, была распространена информация о якобы выявленных контактах советских офицеров с американской разведкой в отношении нанесения удара по Кремлю [Л.48].

Как-то вне зависимости от этих событий, но достаточно активно, протекала жизнь постаревшего Сталина. Несмотря на явное ухудшение состояния здоровья, он по-прежнему продолжал напряжённо работать, принимал участие в совещаниях по вопросам госбезопасности и сельского хозяйства. Много читал, а потому через начальника охраны заказывал для себя большое количество книг. 7 февраля 1953 года в своём Кремлёвском кабинете принял посла Аргентины Л. Браво, а 17 февраля — посла Индии К. Менона. В конце месяца вызвал к себе на дачу П.А. Судоплатова и лично изложил ему план создания мощного агентурно-диверсионного аппарата за рубежом. Судя по воспоминаниям ***главного советского диверсанта***, Сталин совершенно не изменил своей манеры ведения деловых совещаний: по-прежнему поощрял острые споры, также быстро выносил решения и, как в былые времена, сохранил способность суммировать свои выводы в чётких и лаконичных формулировках. В то же время Павлу Анатольевичу бросилось в глаза плохое физическое состояние Сталина: это был сильно изменившийся, ***уставший старик***, волосы его сильно поредели и, «хотя он всегда

говорил медленно, теперь явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами стали длиннее».

27 февраля Сталин, всегда проявлявший живой интерес к театральной жизни, смотрел в Большом театре балет «Лебединое озеро». В правительственной ложе он сидел один, а после окончания спектакля попросил директора поблагодарить артистов «за филигранную отточенность спектакля».

28 февраля, в субботу, вместе с соратниками посмотрел в Кремле кинокартину. Потом предложил всем поехать на дачу. В полночь прибыли Берия, Маленков, Хрущёв и Булганин. Беседа продолжалась до четырёх часов утра [Л.9].

И вот, уже 1 марта 1953 года, после отъезда всех гостей Хозяин отпустил охрану отдыхать, сказав, что больше никого вызывать не будет. Утром Сталин вставал обычно часов в одиннадцать, и в соответствии с заведенным порядком до того, как он сам позовёт обслугу, никто не имел права его беспокоить и входить в комнату. Но в тот день в обычное время Сталин никого к себе не позвал…

А дальше начинаются многочисленные, противоречащие друг другу подробности о том, «как товарищ Сталин умирал». Но мы доверимся рассказу человека, много лет занимавшегося обеспечением питанием всей советской элиты, который ставит под сомнение многочисленные истории. Г.Н. Коломейцев работал в Главном управлении охраны, возглавлявшемся Н.С. Власиком, и являлся сначала начальником особой кухни, обслуживавшей правительственные приёмы и *кормившей* всё высшее руководство, а потом стал начальником спецбазы, поставлявшей на эту самую кухню продукты. Вскоре после смерти Сталина Коломейцев побывал на даче вождя в Волынском. Опустевший дом показывал своему коллеге комендант этого объекта И.М. Орлов.

«Дача самая обыкновенная, — вспоминал Геннадий Николаевич, — ничего помпезного». Показал Орлов валенки, в которых Сталин любил гулять, тулуп, который он всегда одевал, самую простую шапку с длинными ушами. Но самое интересное Орлов поведал дальше:

«У Сталина был такой порядок: приезжает, чай попьёт, или там ещё что. И уходит к себе, закрывается. Всё! Без звонка, который в комнате имелся, никто к нему зайти не мог. Если кого-то нужно вызвать, он нажимал звонок. В ту ночь, когда он умер, ни звонка, ничего… Утро, время подъёма подходит: 10, 11… К этому часу Сталин обычно вставал, брился. Брился сам, парикмахера не было. Охрана забеспокоилась. Позвонили в наше Управление. Оттуда приехали. Когда вскрыли дверь, он лежал на полу около тахты, на которой спал. Он лежал уже мёртвый…»

Поражённый услышанным, Коломейцев переспросил:

«— То есть… вообще мёртвый?

— Мёртвый, — подтвердил Орлов.

— А все говорят, что несколько дней умирал…

— Нет-нет, он уже мёртвый был. Всё! Все эти разговоры и газетные сообщения — галиматья. Он уже мёртвый был… Всё!» [Л.42].

5 марта 1953 года, когда Сталин был ещё жив или уже нет, но во всяком случае был недееспособным, состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором официально были распределены важнейшие государственные посты. Председателем Совета Министров СССР утвердили Маленкова, после чего новый глава правительства назвал в числе своих заместителей Берию, Молотова, Булганина и Кагановича, а также внёс пакет других кадровых перемещений и назначений. Одним из основных преобразований явилось слияние министерств внутренних дел и государственной безопасности в единое ведомство — МВД, министром которого назначили Берию. Было решено объединить также значительное число других министерств, а Президиум ЦК КПСС сократить до 11 человек и 4 кандидатов, изгнав оттуда всех сталинских выдвиженцев. Булганин одновременно стал военным министром, Молотов — министром иностранных дел, а Ворошилова избрали председателем Президиума Верховного Совета СССР. Секретарю ЦК Хрущёву рекомендовано было сосредоточить внимание на партийной работе. Все члены правительства входили в состав Президиума ЦК, который должен был обеспечить коллегиальность руководства страной [Л.46].

Какова же была реакция на смерть главы Советского государства и Коммунистической партии **Иосифа Виссарионовича Сталина?**

Начнём с *обслуги*, в число которой фактически входил и мой будущий тесть — сотрудник 9-го управления МГБ майор Ф.В. Лебедев. Надо сказать, что на *бытовом уровне* люди, обслуживавшие Сталина, несмотря на определённую суровость и даже аскетичность заведенных на даче порядков, по-своему любили и уважали своего Хозяина. Мой тесть Лебедев вместе с упоминавшимся Коломейцевым отвечал за обеспечение продуктами высшего руководства партии, правительства и их семей. Федор Васильевич мог с точностью до грамма сказать, кто из наших правителей сколько пищи потреблял и какую еду предпочитал.

Сейчас много пишут о том, что Сталин устраивал на своей

даче грандиозные пьянки, стараясь до одури накачать водкой своих соратников, чтобы развязать им языки и выведать у них сокровенные мысли. Федор Васильевич всегда отмечал чрезвычайную скромность быта Сталина и страшно возмущался тем широким разгулом, который после смерти вождя стали позволять себе некоторые его преемники. О *злоупотреблении* спиртными напитками на сталинской даче он никогда и ничего не говорил.

Когда мы поженились в 1960 году с младшей дочерью Федора Васильевича Людмилой, мой тесть вместе с тещей Екатериной Ивановной подарили мне в качестве презента… *халат Сталина.* Об этом домашнем одеянии Федор Васильевич рассказал такую историю. Приезжая отдыхать на дачу после работы или проводив последних *гостей*, Иосиф Виссарионович снимал свою всемирно известную полувоенную форму и сапоги, после чего одевал халат и тапочки. За много лет *эксплуатации* эта домашняя одежда пришла в полную негодность и уже была неремонтопригодна. Тогда Хозяину пошили новые халат и тапочки и к очередному его приезду поместили всё на обычное место на вешалке. Однако, накинув на плечи непривычную одежду, Сталин оказался недоволен новшеством и потребовал, чтобы ему вернули его старые вещи. Указание незамедлительно исполнили. Но что делать дальше? Сколько ещё можно содержать в порядке старьё, которое уже не имело никакого вида? Тогда решили пойти на хитрость — подобрать точно такие же по фактуре материалы и сшить из них *заношенный* халат и *стоптанные* тапочки. *Обновлённое ретро* вновь поместили на вешалку и, затаив дыхание, стали ждать реакцию Хозяина. Сталин надел *обновку*, не обратив внимания на подмену либо согласившись с ней, и с тех пор стал ежедневно носить эти вещи [Б].

Халат-неудачник Федор Васильевич, от греха подальше, забрал к себе в рабочий кабинет и там хранил до лучших времён. При увольнении со службы мой тесть взял оказавшийся никому не нужным домашний халат и после нашей свадьбы подарил мне. Но в нашей семье мы никогда не делали фетиш из вещей, не произносили верноподданнических тостов за столом, а потому этот халат, как ему и положено, верно отслужил свою службу.

Возвращаясь к поднятой теме, могу заключить, что ближайшая *обслуга* Сталина по-человечески жалела и переживала смерть человека, бытовые запросы и привычки которого должна была удовлетворять в течение многих лет.

Для *верных соратников* Сталина смерть вождя, безусловно, явилась огромным облегчением. Теперь они выходили из-под достаточно жёсткой опеки и могли сами *порулить* страной.

Открылся простор для преобразований, которые при Сталине провести было просто невозможно. Однако и поводов для *подковёрной* борьбы за власть появилось более чем достаточно.

А вот, например, какие отклики на болезнь и смерть Сталина собрали *в толпе* с 4 по 10 марта 1953 года сотрудники Ленинградского УМВД. За подписью начальника управления Н.Д. Ермолаева эти спецсообщения отправлялись в Москву.

4 марта, когда ещё только официально объявили о болезни товарища Сталина, на предприятиях, фабриках, заводах и в учреждениях проходили митинги, на которых выражалась озабоченность по этому поводу. Отмечалось такое мнение: «Трудящиеся глубоко переживают постигшее партию несчастье — болезнь т. Сталина». Зафиксированные высказывания отдельных лиц носили как позитивный, так и негативный характер. Например: «Все встревожены и в панике. Теперь должно идти всё по-другому. Будет много перемен». Или: «После войны стали хорошо жить, а теперь т. Сталин заболел, что будет с нами, с простыми людьми? Один человек заявил, что надо закупать продукты, так как начнется война с Америкой». Учительница высказала сожаление, что «не может ученикам хотя бы взглядами дать понять о своей радости». Находившийся *под колпаком* у КГБ гражданин поведал: «Я сообщению рад».

После смерти Сталина опять проходили митинги. На Дворцовой площади собралось 200 тыс. человек. Все одобряли постановление ЦК КПСС об изменениях в руководстве страной. Народ говорил так: «Думается, что будет много новых потрясений. Заменить Сталина некому. Теперь все порядки будут иные». «Без евреев не обошлось», — заявил один из участников митинга.

В спецсообщениях указывалось: подавляющее большинство трудящихся высказывало одобрение, что «страной будет руководить Маленков», который ещё при жизни вождя был известен как его преемник. Фамилии Берии и Хрущёва никем не упоминались. Отмечалось также, что «имели место многочисленные клеветнические и враждебные настроения, злобные высказывания», суть которых не расшифровывалась. Приведено было лишь несколько примеров прилюдно произнесенных рабочими «оскорблений в адрес партии и правительства» [Л.4].

Интересна оценка, данная Сталину его политическим противником. Выступая 21 декабря 1959 года, в день 80-летия вождя советского народа, Уинстон Черчилль сказал: **«Большим счастьем для России** было то, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил **гений и непоколебимый полководец Сталин.**

Он был **самой выдающейся личностью,** импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени. Сталин был человеком **необычайной энергии и несгибаемой силы воли,** резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма и **способностью точно воспринимать мысли.** Эта сила была **настолько велика** в Сталине, что он казался **неповторимым среди руководителей государств всех времён и народов.**

Сталин произвёл на нас **величайшее впечатление.** Он обладал **глубокой,** лишённой всякой паники, **логически осмысленной мудростью.** Он был **непобедимым мастером** находить в трудные моменты **пути выхода из самого безвыходного положения.** Кроме того, Сталин **в самые критические моменты,** а также в моменты торжества был **одинаково сдержан** и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. **Сталин был величайшим,** не имеющим себе равного в мире, **диктатором, который принял Россию с сохой и оставил её с атомным вооружением».**

Четыре дня, с 6 по 9 марта 1953 года, были объявлены траурными, и трудящиеся страны прощались со своим вождём, непременно стараясь попасть в Дом Союзов, где установили гроб с телом И.В. Сталина. В почётном карауле около покойного отдали дань скорби члены партии и правительства, в перечислении которых можно было усмотреть новую иерархию верховной власти: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Булганин, Каганович, Микоян.

А в Москве со всех сторон к центру стекалось несметное количество народа, единого в своём желании любым путём попасть в Дом Союзов, чтобы своими глазами в последний раз *увидеть Сталина.* В последующем упрекали московские власти и виноватого во всём Берию, что всеобщая давка в день похорон была организована специально. Не могу с этим мнением согласиться. Конечно, раз в результате неразберихи погибли люди, значит недоработка в действиях властей была. Но кто-нибудь хотя бы задумался, какова была пропускная способность дверей, через которые в Колонный зал все, убитые горем, жаждали попасть? Извините за грубое выражение, но *пёрли вперёд*, не считаясь ни с чем, только бы удовлетворить своё огромное любопытство. Даже моя будущая жена Людмила со своей подружкой, две 14-летние девчонки, тоже пошли *прогуляться* к

гробу Сталина. От Самотёчной они едва добрались до Трубной площади, где их затёрла толпа таких же *дикарей.* Подружку толпа раздавила насмерть (еле опознали потом), а Люсю спасло только то, что какой-то мужчина, жертвуя собой, запихнул девушку в полуподвальное окно.

В те дни, на короткое время забегая домой, отец нас всех предупреждал, чтобы ни в коем случае не выходили из дома. Он тогда уже не являлся начальником УМВД МО и поэтому напрямую не отвечал за порядок в городе. Да, в общем-то, милиция и внутренние войска подчинялись в ту пору МГБ, которое и должно было обеспечивать несвойственное ему, но вменённое в обязанность верховным руководством дело. МВД занималось строительством. Только что произведённое объединение этих двух ведомств носило пока чисто формальный характер.

Вдоль улиц Горького (ныне Тверской) и Герцена (Большой Никитской) сплошной стеной стояли грузовики и оцепление из солдат и милиционеров. Между рядами машин медленно двигалась бесконечная людская река. Пройти туда при всём желании было невозможно. Но нам с братом непременно требовалось попасть в школу. Сейчас через дворы параллельно Тверской можно беспрепятственно дойти до Бульварного кольца, а тогда везде стояли какие-то заборы, ворота были заперты на замки. Надо сказать, что через день-другой все преграды были устранены, чтобы люди могли свободно перемещаться внутри оцепленных кварталов.

В школе с теми учениками, которые сумели туда пробраться, конечно, никакие занятия не проводились. Классный руководитель собрала нас и сказала, что теперь мы лишены той заботы, которую повседневно проявлял о нас товарищ Сталин. Но мы должны оправдать надежду, возлагавшуюся на нас вождём, и потому обязаны прилично учиться.

В обстановке напряжённой тишины и сдержанного шёпота в коридоре у большого бюста Лучшего Друга детей орга-низовапи почётный караул, в котором должны были по две минуты постоять в печальной скорби все ученики школы.

После похорон вождя, представлявших собой внесение гроба с забальзамированным телом усопшего в Мавзолей, на котором появилась в две строки надпись красными буквами **«Ленин Сталин»,** преемники взялись за повседневную работу. На первых порах новые руководители приняли ряд важных, давно назревших постановлений, направленных на то, чтобы снять напряжение в обществе и повысить благосостояние народа. В этом плане был поставлен вопрос об увеличении производства товаров лёгкой

промышленности и продовольствия. В области сельского хозяйства снизили налоги с приусадебных участков, натуральный налог заменили денежным, повысили закупочные цены на сельхозпродкцию.

С сентября был упорядочен рабочий день в учреждениях, отменены сталинские ночные бдения. Теперь работа в организациях союзного и республиканского значения начиналась в 9 часов утра и заканчивалась в 6 часов вечера с часовым перерывом на обед. Первое время даже странно было видеть, что в окнах МВД, находившегося напротив нашего дома, по ночам не горел свет, всегда озарявший весь внутренний двор между зданиями.

Надо отдать должное, что наиболее энергично за работу принялся Берия, предложивший и реализовавший ряд радикальных мероприятий в управленческой структуре. Сразу после смерти вождя, объявленной 5 марта 1953 года, было принято решение о преобразовании и слиянии МВД и МГБ в единую систему и о передаче из их ведения в другие министерства несвойственных им подразделений и хозяйственных функций. Так, из МВД союзным министерствам металлургической промышленности, электростанций и электропромышленности, нефтяной промышленности, путей сообщения, сельского хозяйства и заготовок, промышленности строительных материалов, угольной, химической, лесной и бумажной промышленности, морского и речного флота и Министерству местной промышленности РСФСР были переданы целиком главные производственно-хозяйственные управления, строительные управления, промышленные предприятия со всеми входившими в них подразделениями, служебными помещениями, подсобным хозяйством, научно-исследовательскими и проектными учреждениями, с материальными ресурсами, производственными программа-ми, фондами на материалы и оборудование и денежными ассигнованиями. В общей сложности в соответствии с законом Верховного Совета СССР от 15 марта 1953 года преобразования и объединения коснулись 17 министерств СССР. По инициативе Берии были прекращены или полностью ликвидированы строительства объектов, «не отвечавших неотложным нуждам народного хозяйства». Так, работы остановили на 5 гидротехнических сооружениях, в числе которых были Главный Туркменский канал и самотёчный канал Волга-Урал, на 8 железных и 2 автомобильных дорогах, направленных в основном на север, а также на тоннельном переходе под Татарским проливом, 2 заводах по производству искусственного жидкого топлива и верфи металлического

судостроения. Все ИТЛ и колонии, использовавшиеся на строительстве, передали вместе с лагерным аппаратом и военизированной охраной в Министерство юстиции. В МВД остались только «особые лагери для содержания особо опасных государственных преступников и лагери для осуждённых военных преступников из числа бывших военнопленных», с которыми предстояло ещё разобраться [Л.49].

При этом Берия направил в Президиум ЦК КПСС записку от 26 марта 1953 года с предложением провести амнистию. Ни у кого из руководства это не вызвало тогда никаких возражений. На следующий день указ был подписан, а 28 марта опубликован в газете «Правда». Из 2 526 402 заключённых, содержавшихся в то время в ИТЛ, тюрьмах и колониях, амнистии подлежали 1 181 264 человека, осуждённых на срок до 5 лет и попавших за решётку (независимо от срока наказания) за должностные, хозяйственные, некоторые воинские преступления. Под амнистию подпадали также женщины, имевшие детей до 10 лет и беременные женщины, несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, пожилые мужчины и женщины, а также больные, страдавшие тяжелыми неизлечимыми недугами. Осуждённым на срок более 5 лет наказание сокращалось наполовину. Судимость и поражение в избирательных правах снимались со всех граждан, освобождавшихся в силу данной амнистии. На осуждённых на срок более 5 лет и привлечённых к ответственности за контрреволюционные преступления, бандитизм, крупные хищения социалистической собственности и умышленные убийства амнистия не распространялась.

Кроме того, министр поставил вопрос о пересмотре в месячный срок уголовного законодательства, для того чтобы заменить уголовную ответственность за некоторые хозяйственные, должностные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления [Л.49].

К сожалению, криминальная обстановка в стране после амнистии значительно осложнилась, хотя все рецидивисты-уголовники должны были, вроде бы, остаться за решёткой. Всю вину за случившиеся безобразия и преступления возложили в дальнейшем на инициатора милосердной акции, будто бы он преднамеренно выпустил на волю бандитов и убийц. Вовсе не в оправдание, а для сведения отметим, что, вообще-то, все амнистии сопровождаются увеличением уголовных преступлений.

Министр внутренних дел Берия решил разобраться в тех беззакониях, которые творились в последние годы при ведении

следственных дел в системе госбезопасности. С этой целью своим совершенно секретным приказом № 1 от 13 марта 1953 года он создал следственные группы из новых сотрудников МВД, которым в двухнедельный срок поручил пересмотреть имевшиеся материалы по делу арестованных врачей, по делу арестованных бывших сотрудников МГБ, по делу арестованных бывших сотрудников Главного артиллерийского управления военного министерства и по делу арестованных МГБ Грузинской ССР группы местных работников.

Приказом № 2 от того же числа министр создал комиссию по рассмотрению дел о выселении по постановлению Особого совещания граждан СССР из Грузии. Тогда в МВД СССР поступали многочисленные жалобы «на неправильные действия МГБ Грузинской ССР», выразившиеся в незаконной отправке в 1951 году на спецпоселение в Казахстан большого числа лиц.

Приказом от 18 марта 1953 года Берия поручил начальнику Следственной части по особо важным делам организовать тщательную проверку дела по обвинению бывших работников ВВС Советской Армии и Минавиапрома. Следствие по этому вопросу, проведенное бывшим Главным управлением контрразведки «Смерш» Министерства вооружённых сил, выглядело «необъективно и поверхностно». В результате оказались реабилитированы военачальники маршалы авиации А.А. Новиков, С.А. Худяков, Г.А. Ворожейкин, адмиралы В.А. Алфузов, Г.А. Степанов, посмертно адмирал Л.М. Галлер, генерал-полковник В.И. Годров и маршал артиллерии Н.Д. Яковлев [Л.49].

Заметим здесь, что вопрос о пересмотре или о каком-либо дополнительном исследовании «ленинградского дела» официально, в приказном порядке не ставился.

4 апреля 1953 года в газете «Известия» было опубликовано безо всяких комментариев сообщение МВД о том, что дело *врачей-убийц* было провокационно состряпано «бывшим руководством бывшего МГБ» и что врачи неповинны ни в каких преступлениях. Видных деятелей медицинской науки полностью реабилитировали. Однако поскольку фамилии *бывшего руководства* не указывались, то осталось неясным, кто именно обвинялся в фальсификации дела. Если предпоследний министр госбезопасности В.С. Абакумов, при котором на врачей были получены лишь первые показания, сидел в тюрьме за «ленинградское дело», то занимавший пост министра последним С.Д. Игнатьев, в период своего правления, несомненно, находившийся в курсе данного вопроса, сразу после смерти Сталина был *сделан* секретарем ЦК КПССС. Правда, 3 апреля 1953 года было принято решение Президиума ЦК КПСС, объявившего

«дело врачей» провокационным. В связи с этим на Игнатьева возложили всю ответственность и потому сначала его освободили от обязанностей секретаря ЦК, а затем вообще вывели из состава ЦК. Основного инициатора и разработчика «дела врачей» замминистра Рюмина арестовали, но официально об этом не объявили. Старые грехи хотели списать втихую.

11 апреля 1953 года было принято постановление Совмина СССР, поручавшее министру внутренних дел пересмотреть старые дела и обеспечить возвращение безвинно репрессированных на прежние места проживания. Кроме того, Берия распорядился выпустить на свободу родственников членов руководства, арестованных и сосланных в лагеря в последние годы.

Как министр внутренних дел Берия выступил с инициативой значительно ограничить права Особого совещания при МВД СССР, однако считал, что такой внесудебный орган необходим при рассмотрении дел о контрреволюционных и других общественно опасных преступлениях, которые «по оперативным или государственным соображениям» не могли рассматриваться в обычных судах.

В соответствии с предложениями Берии было обращено внимание руководства компартий Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии на такое «извращение ленинско-сталинской национальной политики», как слабая подготовка и выдвижение национальных кадров и практика назначения на руководящую работу преимущественно работников из других республик. В результате обсуждения докладных записок, представленных Лаврентием Павловичем, Президиум ЦК КПСС постановил, что «отныне республиканская партийная организация должна возглавляться местным товарищем, а не русским, присылаемым из Москвы». На этом основании был освобождён от обязанностей первого секретаря ЦК КП Украины Л.Г. Мельников, а на его место назначен А.И. Кириченко. В отношении Белоруссии Берия 8 июня 1953 года направил в Президиум ЦК КПСС письмо, в котором отметил, что аппарат МВД БССР и подведомственных ему областных и районных органов неудовлетворительно укомплектован руководящими оперативными работниками — белорусами по национальности. Подобное положение с использованием белорусских кадров сложилось и в республиканских, областных, районных как партийных, так и советских организациях. Среди интеллигенции, занимавшейся преподаванием в вузах и работавшей в научно-исследовательских институтах и Академии наук БССР, белорусы составляли едва половину. В связи с этим Берия своей властью принял решение освободить от должности министра внутренних дел республики

М.И. Баскакова и назначил на эту должность белоруса М.Ф. Дечко. Кроме того, как член Президиума ЦК КПСС Берия предложил заменить первого секретаря ЦК КП Белоруссии Н.С. Патоличева на М.В. Зимя-нина — белоруса по национальности, до недавнего времени работавшего вторым секретарем ЦК КПБ [Л.49].

Освободившись от сталинского влияния, Берия заявил о себе как о сильной личности, способной взять на себя инициативу по проведению в стране крайне необходимых кардинальных преобразований. В отличие от **других высших руководителей** он решил не *разговоры разговаривать*, а, сообразуясь с обстановкой, смело разрабатывать и предлагать на коллективное обсуждение в президиумах ЦК, Совмина и Верховного Совета СССР конкретные мероприятия по перестройке хозяйственного механизма страны. Разработанные по инициативе Берии письма, записки и распоряжения свидетельствуют о масштабности его взглядов и грандиозности собственных планов по реорганизации экономики и освобождению правоохранительных структур от несвойственных им функций. Видно и стремление руководителя существенным образом реорганизовать прежнюю систему ГУЛАГа. Предлагавшиеся Берией преобразования позволяют судить о глубокой заинтересованности энергичного администратора в решении стоявших перед страной задач, знании им реального положения дел в различных областях экономики и общественной жизни. Вместе с тем надо отметить, что нетронутым во всех этих делах остался вопрос о так называемых *особо опасных государственных преступниках* (шпионах, диверсантах, террористах, троцкистах, эсерах, националистах и других *политических* заключённых), коих в *особых лагерях* МВД находилось тогда 221 435 человек.

Гибельным для Берия явилось то, что он начал бороться с партийным засильем во всех областях хозяйственной жизни страны. В связи с этим при слиянии аппаратов МВД и МГБ им были удалены почти все сотрудники, прибывшие в эти ведомства из партийных органов. Берия в перспективе намерен был разрушить прежний порядок назначения на руководящие посты работников по согласованию и утверждению их кандидатур в ЦК КПСС, обкомах, горкомах и райкомах. За своих выдвиженцев отвечать должен был непосредственный начальник.

Видя низкую эффективность работы местных высших партийных органов, Берия через своё ведомство стал собирать сведения (читай — компромат), чтобы показать негодную работу некоторых партийных руководителей и на этом основании добиться их замены. Так, через министра внутренних дел

Украины П.Я. Мешика он *в тайне от партийных органов* производил сбор данных о состоянии партийной работы и составе партийных кадров в западных областях Украинской ССР. Такая же работа велась и в отношении достаточно недееспособных аппаратов ЦК и обкомов Белоруссии и Литвы [Л.3].

Однако кипучая деятельность первого зампреда Совета Министров, министра объединённого МВД-МГБ и члена Президиума ЦК крайне **обеспокоила** и **напугала** ближайших *соратников по партии*, заподозривших Берию в том, что он якобы хочет прорваться в *единоличные лидеры*, узурпировать власть и приобрести диктаторские полномочия. Но самый главный *криминал* Лаврентия Павловича состоял в том, что он попытался поставить верховный партийный орган — ЦК КПСС — на **надлежащее ему место** идейного вдохновителя и избавить его от функции **хозяйственного руководителя.** Перспектива отстранения партии от руля управления экономикой страны категорически не устраивала не только главного партийного босса Хрущёва, но и всю партийную номенклатуру. Как аппарат ЦК, так и все секретари компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, райкомов, привыкшие быть хозяевами в своих вотчинах, воспротивились такой постановке вопроса. Вот в чём, на наш взгляд, состояла **истинная причина «разоблачения» Берии,** активно поддержанная номенклатурными партийными *низами.* Инициатива всех новшеств должна была всегда исходить **только** от партии и ЦК, а не от какого-то министра объединённого, дискредитировавшего себя репрессиями МВД-МГБ. Вот почему был поднят вопрос о том, что Берия вознамерился поставить свое силовое ведомство над великой партией Ленина, над её безгрешным и всегда правым ЦК.

Желание в борьбе за власть устранить силовым путём **именно** Берию оказалось *удобным* ещё и потому, что **на него одного,** возглавлявшего в то время *органы*, которые на протяжении десятилетий являлись *карающим мечом революции* и потому обильно были обагрены кровью, легче всего представлялось чохом **списать все собственные прегрешения** за участие в массовых репрессиях. А подставить какого-то **врага народа** срочно требовалось, поскольку после аннулирования «дела кремлёвских врачей» в Прокуратуру СССР и партийные органы посыпались сотни тысяч заявлений с просьбами пересмотреть дела осуждённых. Поэтому наши правители нашли *козла отпущения,* безусловно, самого в значительной мере виновного в произволе, и **на него одного** повесили все грехи.

Трудно, конечно, оценить, руки которого из наших *вождей,* чьи портреты в те первомайские праздники (вопреки

предложению Берии не делать этого) красовались на всех площадях и улицах, были больше или меньше запачканы кровью, но **самым бессовестным** среди *великих* оказался, на мой взгляд, всё-таки **Хрущёв.**

Непосредственным **поводом** для *разоблачения* Берии явилось то обстоятельство, что 25 июня 1953 года, то есть за день до своего ареста, Лаврентий Павлович направил Маленкову материалы допроса Рюмина, из которых было видно, что прямым руководителем этого следователя по особо важным делам, ставшего заместителем министра, был Игнатьев. Полученные показания убедительно свидетельствовали об участии последнего в фальсификации не только «дела врачей», но и «ленинградского дела» и «дела Еврейского антифашистского комитета». При этом было отмечено, что Рюмин с ведома и одобрения Игнатьева, рекомендовавшего арестованных «бить смертным боем», широко практиковал применение мер физического воздействия и фальсификации следственных материалов. Ясно, что в таких условиях вставал вопрос об аресте и привлечении Игнатьева к ответственности. А от него следствие неизбежно приводило к Маленкову. Возможно, что Берия не стал скрывать эти материалы, а специально проинформировал обо всём Маленкова, чтобы совместно придумать, как действовать в сложившейся ситуации. Однако Георгий Максимилианович почувствовал, видно, реально надвигавшуюся на него угрозу, а потому решил, что Берию нужно немедленно убирать, всецело возложив на него собственные грехи и опорочив все его начинания. Хрущёв, несомненно, был полностью солидарен в этом вопросе с Маленковым, тем более что, кроме возможности раскрытия своего участия в репрессиях, категорически возражал против стремления Берии принизить руководящую роль партии. Другие соратники их поддержали, так как многие Берию *ненавидели и боялись.*

В результате возник **заговор** против увлёкшегося работой и потому потерявшего бдительность Берии, который возглавили и осуществили Хрущёв, Маленков, Булганин, Каганович и Молотов.

26 июня 1953 года во время заседания Президиума Совета Министров СССР (которое затем переросло в заседание Президиума ЦК КПСС, так как присутствовали все его члены) Берия был арестован с помощью военных во главе с вернувшимся из *ссылки* маршалом Г.К. Жуковым, но без соблюдения требований законодательства. Логика борьбы за власть диктовала необходимость устранения самого опасного соперника [Л.49]. Вопреки официальной версии сын Лаврентия Павловича Серго Берия в своей книге описывает совсем иную, *частную* версию не только ареста, но и убийства его отца [Л.50]. Подобная

информация есть в [Л.42].

В соответствии с решением пленума ЦК КПСС Ворошиловым тут же был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1953 года, которым выведенный из состава Президиума ЦК, исключённый из партии и арестованный *враг народа* Берия был освобождён от полномочий депутата Верховного Совета СССР, снят с должности первого зампреда Совета Министров СССР и министра внутренних дел, лишён всех своих званий и наград. Дело на него передали в Верховный суд СССР.

2-7 июля 1953 года состоялся пленум ЦК КПСС, на котором заочно, **без присутствия обвиняемой стороны,** обсуждался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Общий тон был задан в докладе Маленкова, который инкриминировал своему бывшему заместителю и товарищу по партии все его служебные действия, интерпретированные таким образом, будто они были направлены *в ущерб народу*. Оказалось, что *преступлением Берии* (чью фамилию отныне начали склонять по падежам) являлось то, что именно он выступал за международную разрядку, за объединение Германии и её нейтрализацию, за примирение с Югославией, за предоставление национальным республикам больших прав, за прекращение русификации в области культуры, за выдвижение на руководящие должности выходцев с мест. Совет Министров и Президиум ЦК были *обижены* необычайной активностью Берии, засыпавшего их всевозможными проектами. В вину бывшему министру внутренних дел ставилось то, что под видом охраны он осуществлял систематическую слежку за руководителями партии и правительства. На Берию была возложена ответственность даже за те негативные оценки, которые Сталин в последние годы своей жизни давал Молотову и Микояну.

В своём выступлении Хрущёв основной упор сделал на то, что Берия пытался провести разграничение между партийной и государственной властями, ограничить влияние партийных органов только кадровыми вопросами и таким образом «вообще хотел уничтожить партию». Отказ от принципа партийного руководства — это *бериевская ересь.* Партийным секретарём много было сказано об угрозе, постоянно исходившей от МВД, для партийно-советского руководства всех уровней, о фактической неподконтрольности представителей МВД в центре и на местах. В изображении Хрущёва Берия оказался виноватым почти во всех трудностях, имевшихся в СССР, — от политических процессов и проблем внешних отношений до запущенного состояния сельского хозяйства и плохого обеспечения картошкой жителей городов. Именно Хрущёв начал списывать на одного Берию все

репрессии, что весьма успешно продолжилось затем в течение десятилетий. А уж какими только эпитетами эмоциональный Никита Сергеевич не награждал своего поверженного соратника: *прохвост, провокатор, агент империализма,* правда, *умный,* но *хитрый и вероломный.*

В последующих выступлениях Молотова, Кагановича, Андреева и других участников пленума, полностью поддержавших *двуумвират* Маленкова-Хрущёва, бедный Лаврентий Павлович получил самые несусветные имена: *интриган, предатель, карьерист, авантюрист, шпион, антигосударственный преступник, фашистский заговорщик, враг, хотевший восстановить власть для реставрации капитализма* и т. п. Берия, говорилось в выступлении Андреева, «начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина. Он делал это сознательно, чтобы имя товарища Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти». Высшие руководители партии провозгласили себя преемниками Сталина.

Из всех многочисленных прегрешений Лаврентия Павловича не вспомнили только «ленинградское дело». Потом уже, в декабре 1953 года, на *суде* приписали виновность в нём одному Берии, действуя по принципу: это всё он, мы ни в чём не виноваты!

По предложению Хрущёва участники пленума послушно, не проявляя ненужного любопытства, «пересмотрели и исправили вопрос о восстановлении т. Игнатьева (бывшего министра госбезопасности. — *Ю.Б.)* в правах члена ЦК КПСС». Тем самым был реабилитирован один из **партийных исполнителей** безумных репрессий. Игнатьева перевели на работу в Башкирию первым секретарём ЦК автономной республики.

В целом по итогам партийной дискуссии можно заключить, что в соперничестве за власть верх отчетливо стал брать Хрущёв [Л.49].

Но этого было мало. **Самое главное** — началась кампания по дискредитации Берии, обеспечивавшая превращение в умах всех людей бывшего товарища по партии и государственного руководителя в *интригана, карьериста, авантюриста, отщепенца, извращенца, предателя, врага, шпиона* и т. д. Заодно Берия был объявлен агентом английской Интеллид-женс сервис, завербованным ею ещё в 1918 году. (У Лаврентия Павловича, вроде бы, действительно была собственная разведывательная агентура, для большей конспирации не зарегистрированная ни в каких картотеках госбезопасности. Об этом писали и Серго Берия, и газета «Совершенно секретно», а в книге Л. Васильевой [Л.44] вообще рассказано о необычайной встрече автора с бывшим

бериевским тайным женщиной-агентом.) Среди обвинений фигурировало даже смехотворное утверждение об организации «антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии». Для пущей важности приписали, что при амнистии из тюрем специально выпустили уголовников, чтобы использовать их для захвата власти.

В войска для разъяснения случившегося поехали непосредственные технические исполнители ареста Берии маршалы Жуков, Конев, Москаленко. Московский военный округ просвещал гражданский маршал Булганин, всецело преданный Хрущёву. По всей стране понеслась мутная волна пленумов, активов, собраний, митингов, на которых, **не давая слова обвиняемой стороне,** озлобленный мерзкой жизнью и постоянной несправедливостью народ клеймил позором и требовал прибить, как собаку, того, чьё имя кинули ему на растерзание.

Глава 33. Управление внутренних дел Ленинградской области

Вернёмся к началу марта 1953 года, чтобы на фоне теперь известных нам исторических событий посмотреть, почему и как после смерти Сталина происходили некоторые преобразования в объединённом МВД-МГБ, касавшиеся в том числе и моего отца Н.К. Богданова, тогда ещё заместителя министра внутренних дел СССР.

При объединении двух непомерно разросшихся министерств встал вопрос о значительном сокращении центрального аппарата и трудоустройстве не только увольнявшихся рядовых сотрудников, но и руководителей высшего звена. Действительно, в одночасье без своих кресел остались два министра и почти полтора десятка их заместителей. В новой структуре пост министра занял, как известно, маршал Берия. Под свою непосредственную опеку глава ведомства взял управления по контрразведке в Советской Армии, шифровальное, охраны правительства и коменданта Московского Кремля, следственную часть по особо важным делам, Управление кадров, Контрольную инспекцию по проверке исполнения приказов министра, секретариат министерства и секретариат Особого совещания.

Должностей заместителей министра оставили всего четыре, причём три из них — первого заместителя. Эти должности заняли: генерал-полковник С.Н. Круглов, курировавший Секретно-политическое и Экономическое управления,

Отдел спецпоселений, Гохран, Главное управление геодезии и картографии, Управление учебных заведений и Мобилизационный отдел; генерал-полковник Б.З. Кобулов, отвечавший за контрразведку, разведку за границей и обеспечивавшие их подразделения; генерал-полковник И.А. Серов, наблюдавший за работой главных управлений милиции и пожарной охраны, Службы местной противовоздушной обороны, Отдела по контролю военизированной охраны, транспортного и тюремного управлений; генерал-лейтенант И.И. Масленников, отвечавший за главные управления пограничных войск, военного снабжения и строительства [Л.23].

Из других освободившихся заместителей министров генерал-лейтенант В.С. Рясной был назначен начальником Главного управления разведки за границей, генерал-полковник С.А. Гоглидзе стал начальником Управления контрразведки в Советской Армии и ВМФ, генерал-лейтенант С.С. Мамулов

возглавил секретариат министерства, генерал-лейтенант Б.П. Обручников остался на Управлении кадров. Заместители министра внутренних дел, отвечавшие за производственно-строительные подразделения, вместе со всем своим хозяйством перешли в другие профильные министерства, о которых говорилось выше. Сокращённого министра госбезопасности С.Д. Игнатьева *устроили* секретарём ЦК КПСС.

Также отметим, что генерал-лейтенант Н.Д. Горлинский был вызван из опалы и назначен начальником Экономического управления, генерал-лейтенант С.С. Бельченко возглавил Спецотдел по изготовлению документов для оперативных целей, генерал-лейтенант Н.П. Стаханов стал командовать Главным управлением милиции, генерал-лейтенант М.И. Журавлёв продолжил свою службу в качестве начальника Хозяйственного управления и вновь занял полюбившуюся всем нам госдачу на Иваньковском шоссе.

Генерал-лейтенанту Н.К. Богданову была предложена должность начальника УМВД Ленинградской области. Отец согласился на это назначение, поскольку, в общем-то, предоставлялась возможность вновь вернуться в родные, давно знакомые места.

Для согласования вопроса о новых назначениях министр Берия 16 марта 1953 года направил в ЦК КПСС, Хрущёву, письмо, в котором просил в связи с объединением органов бывших МВД и МГБ утвердить предложенный им перечень на 82 руководителя местных органов внутренних дел. Поскольку время не терпело, министр в тот же день сам подпи-сап приказ МВД СССР № 1, которым поставил на должности министров внутренних дел союзных и автономных республик 3 генерал-лейтенантов, 10 генерал-майоров, 11 полковников и 3 подполковников, а на должности начальников краевых и областных управлений — 4 генерал-лейтенантов, 6 генерал-майоров, 42 полковника и 3 подполковников.

Высшему партийному органу *на раскачку* потребовалось три дня. 19 марта 1953 года Секретариат ЦК КПСС принял, в частности, следующее постановление № 15 (параграф 178) с формулировкой: «Принять предложение МВД СССР (т. Берия) об утверждении генерал-лейтенанта Богданова Н.К. начальником Управления МВД Ленинградской области» [А.7].

Однако это назначение Богданова вызвало большое недовольство со стороны тогдашнего первого секретаря Ленинградского обкома В.М. Андрианова, что потом не раз припоминалось моему отцу и нашло даже своё отражение в публицистической литературе.

Об этом событии в книге «Берия: конец карьеры» [Л.3] приводятся такие сведения. «По поводу назначения Богданова на эту должность осуждённый Мамулов С.С. при допросе сказал: Я был свидетелем разговора Берии по телефону с первым секретарём Ленинградского обкома партии В. Андриановым, который не соглашался со снятием с работы начальника УМВД Ермолаева. Берия грубо, оскорбительно и, я бы сказал, пренебрежительно говорил с Андриановым и, вопреки его желанию, назначил в Ленинград в качестве начальника УМВД Богданова».

«Бесстрастные архивы уже совершенно в другом месте сохранили один любопытный документ, который свидетельствует, что секретарь Ленинградского обкома В. Андрианов продолжал борьбу за сохранение Ермолаева и после того телефонного разговора, о котором упоминает Мамулов. 16 марта 1953 года В. Андрианов пишет следующее письмо Берии: “Лаврентий Павлович! («обратите внимание — без общепринятого “уважаемый”» — даёт примечание В. Некрасов, автор главы «Финал» и составитель книги. — *Ю.Б.)*. По телефону я не имел возможности сказать Вам о начальнике управления МВД т. Ермолаеве (Ермолаев являлся начальником прежнего управления МГБ, а не МВД. — Ю.Б.), о чём хотел бы сообщить Вам дополнительно. При решении этого вопроса просил бы учесть — работник он, на мой взгляд, добросовестный и работает много. На состояние здоровья не ссылался и работал напряжённо. Трудности и недостатки в работе управления во многом объясняются тем, что со дня его назначения в Ленинградское управление министерством (министр Игнатьев С.Д. — *Ю.Б.)* не были назначены заместители, в том числе и первый заместитель. **В** управлении он **только освоился** (за полтора года, с августа 1951 года, этот опытный чекистский ас, фактически работавший в органах с 1919 года, ещё только вошёл в курс дела?! — *Ю.Б.)*. Следует ли, Лаврентий Павлович, заменять его и не лучше ли подкрепить опытными заместителями? **В.** Андрианов”». Автор-составитель отмечает, что «это обращение было безрезультатным, документ без каких-либо распоряжений просто подшит в дело» [Л.3].

Другой автор, В.И. Бережков, пользующийся теми же материалами, вторит приведенному выше мнению: «В те времена назначения на руководящие должности происходили только после согласования кандидатуры с местными властями, иногда оно являлось определяющим. А Берия назначил Богданова вопреки желанию первого секретаря Ленинградского обкома партии В.М. Андрианова» [Л.4, Л.5].

Если первый секретарь Андрианов, поговорив с Берией по телефону, получил отказ, то почему он тут же не мог позвонить по *вертушке* своему непосредственному партийному шефу — Хрущёву и высказать ему своё неудовольствие? Как опытный руководящий партиец Василий Михайлович прекрасно знал, что все назначения на высокие посты производились **только при условии** утверждения их в Секретариате ЦК. Если Андрианов не позвонил — его дело, пусть сидит и губы дует. Если позвонил, то Хрущёв вместе с Секретариатом с его мнением не согласился и утвердил Богданова, о чём нами был приведен документ из его Личного партийного дела номенклатурного работника. С таким же успехом ленинградский первый секретарь мог позвонить и председателю Совмина Маленкову. Значит, телефонные звонки Андрианова сумели только подхлестнуть Берию тут же подписать свой приказ, Хрущёва — с этим согласиться, а Маленкова — не возразить.

Но, может, Берия через 10 дней после смерти вождя уже набрал такой *вес*, что его подпись стала окончательной и сомнению не подлежала? Ничего подобного. В уже частично процитированном нами из книги В. Некрасова письме Берии к Хрущёву от 16 марта 1953 года есть такое продолжение: «В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить. Л. Берия» [Л.3]. По-моему, в этом своём обращении Лаврентий Павлович и прав, и корректен: как министр он **не мог** даже на несколько дней порученное ему новое, кардинально преобразованное, ещё *висевшее в воздухе* ведомство оставить без начальников, и их надо было срочно назначать, чтобы не произошло *разброда и шатания.* Но, с другой стороны, он согласен был с обоснованной корректировкой предложенных им руководителей. В отношении целесообразности назначения Богданова ни у Берии, ни у Хрущёва, ни у Маленкова, вопреки мнению Андрианова, сомнений не возникло. **Почему?**

Давайте теперь посмотрим, а **кого,** собственно, столь яростно отстаивал секретарь Ленинградского обкома, зачем ему так уж нужен был именно Ермолаев? Для сведения отметим, что при слиянии министерств 19 марта 1953 года со своего поста был уволен также и начальник *старого* УМВД ЛО генерал-лейтенант Т.Ф. Филиппов. Однако о нём Хозяин области почему-то вовсе не пёкся. А Тарас Филиппович являлся толковым руководителем, в связи с чем и был переведён в центральный аппарат. Через два года он стал замминистра и начальником Главного управления милиции МВД СССР.

Но займёмся нашим анализом и ещё раз напомним, что сам

Андрианов приехал из Москвы вместе с Маленковым и 22 февраля 1949 года на пленуме Ленинградского обкома и горкома был *избран* первым секретарём вместо с треском снятого Попкова. Вместе с Андриановым в Ленинград прибыла заранее подобранная группа людей из Свердловска (где до войны и в военное время Андрианов был первым секретарём обкома партии), которые и заняли ключевые посты в партийных, советских и хозяйственных структурах. Начальником Ленинградского управления МГБ 21 апреля 1949 года был назначен Н.Д. Горлинский. После показного суда над *антипартийной группой*, проведенного в сентябре 1950 года в ленинградском Доме офицеров выездной сессией Верховной коллегии Верховного суда СССР, в городе на Неве началась безжалостная *чистка,* о которой мы уже упоминали ранее. «Сам Андрианов выискивал, как бухгалтер, негативную информацию в старых партийных протоколах и снимал с работы неугодных». Карающим мечом при раскручивании интересующего нас «ленинградского дела» являлись органы госбезопасности, возглавлявшиеся Гор-линским, который «имел немалый опыт» и «слыл крупным специалистом» по части замены кадров «путём арестов, высылок, увольнений и т. д.» [Л.4].

Как описано в книге В. Бережкова «Питерские прокураторы», 21 июля 1951 года Андрианов зачитал руководящему составу Управления МГБ СССР по Ленобласти закрытое письмо ЦК ВКП(б). В письме говорилось, что «старший следователь по особо важным делам следственного управления МГБ СССР Рюмин “сигнализировал ЦК о неблагополучном положении в МГБ СССР” вообще и в следствии, в частности, по вине бывшего министра этого министерства Абакумова (арестованного 12 июня и отстранённого от своей должности 4 июля 1952 года. — /О.Б.), по указанию которого происходила постоянная структурная перестройка, отвлекавшая чекистские кадры от основных задач, была ослаблена борьба с троцкистами, не на должном уровне находилась работа по сохранению гостайны».

Руководители подразделений управления, одобряя письмо ЦК партии, говорили о своих недостатках и намечали пути их исправления. Начальник УМГБ ЛО Горлинский в своём выступлении «акцентировал внимание на нарушениях ведения следствия, необоснованных арестах и освобождениях из-под стражи». Он призвал «обеспечить неукоснительное и точное выполнение органами МГБ законов и директив партии и советского правительства». После трёхдневного обсуждения документа было принято письмо с одобрением деятельности ЦК ВКП(б). Примечательно в этом письме то, что ни одним словом в

нём не упоминалось о «ленинградском деле» [Л.4].

Ясно, что сам Горлинский, действовавший только что не *по закону*, а «по директивам партии и правительства», в достаточной мере дискредитировал себя в лице своих сотрудников и поэтому через месяц, 29 августа 1951 года, был освобождён от должности начальника УМГБ ЛО, а в декабре отправлен заместителем начальника Управления Волжского ИТЛ МВД. Вот тут на его место как раз и назначили не имевшего никакого отношения к ленинградским проблемам профессионала и *типично военного человека* генерал-лейтенанта береговой службы Н.Д. Ермолаева из далёкого Владивостока.

На данном этапе требовалось просто *зализать раны*, нанесённые проведенной *чисткой.* Вот и автор «Питерских прокураторов» с таким мнением согласен: «Если перед Горлинским стояла задача содействовать реализации “ленинградского дела”, то, вероятней всего, Ермолаеву было необходимо (поручено! — Ю.Б.) реформировать и укомплектовать оперативные отделы новыми руководителями взамен тех, кто убыл из Ленинграда не по своей воле. В его обязанности входило также обучение молодых кадров и наведение дисциплины и порядка во вновь создаваемом коллективе» [Л.4].

По мнению Бережкова, как начальник управления Ермолаев произвёл «некоторые профессиональные мероприятия, несомненно носившие положительный характер». Не вдаваясь в их подробности, можно сделать вывод, что *чекистский ас* всё-таки нормально за полтора года вошёл в курс дела в подчинённом ему ведомстве. Но Андрианов в своём письме почему-то **не совсем верно** информировал Берию, сообщив о том, что «он только освоился». Но не будем отвлекаться, а для лучшего понимания вопроса приведём ещё одну пространную цитату из книги «Питерские прокураторы».

«В архиве Большого дома сохранилась стенограмма совещания руководящего состава управления, проведенного Ермолаевым 22 декабря 1952 года. Он сообщил, что **работу управления проверяла комиссия обкома партии и признала её неудовлетворительной.** Комиссия констатировала, что “не разоблачён ни один агент англо-американских разведок, работа ведётся старыми методами, дисциплина в управлении не на должном уровне, поэтому имеют место аморальные поступки, нерадивое отношение к работе”. Ермолаев, **не приведя ни одного факта, подтверждающего или отрицающего выводы комиссии,** призвал присутствующих на совещании учитывать выводы комиссии “в повседневной деятельности” и приказал “повысить требовательность к себе и подчинённым”. По его

мнению, необходимо “совершенствовать работу с агентурным аппаратом”, ибо от правильной организации деятельности в этом направлении в конечном счёте зависит результативность. **Каких-либо конкретных предложений по улучшению работы управления Ермолаев не высказал»** [Л.4].

Так и хочется воскликнуть: **«Хорош начальник!»** Его ведомство *по морде бьют*, а он на это даже внимания не обращает! Наверное, для областного партийного руководства это очень удобно: лупи чекистов, как хочешь, а их командир только утирается!

Но, может, подобное случилось лишь единожды и было вызвано какими-либо определёнными обстоятельствами? Продолжим цитату.

«Впрочем, **такой тон выступлений характерен для Ермолаева,** что подтверждается просмотренными мной материалами по некоторым другим совещаниям с его участием. **Он отделывался стандартными фразами, без каких-либо серьёзных комментариев, будто отбывал наказание и находился в Ленинграде временно, до поры до времени, ожидая снятия с должности или перевода в другой город» [Л.4] .**

Из приведённых Бережковым сведений вырисовывается образ этакого бесхребетного, *карманного руководителя*, не имевшего собственного мнения, которого легко направлять сверху в нужную сторону.

А как же по информации, собранной цитируемым нами автором, к данному герою относилось руководство? «Несмотря на разгромные выводы партийной комиссии о работе Ленинградского управления МГБ, первый секретарь обкома и горкома партии Андрианов относился к Ермолаеву по меньшей мере уважительно, ценил его» [Л.4]. С Василием Михайловичем всё понятно: как не ценить работника, об которого можно, извините за выражение, спокойно *вытирать ноги*, зная, что ответной реакции не последует?

Большинство ветеранов органов госбезопасности, с которыми беседовал Бережков, считали, что «Ермолаев не злопамятен, что он даже голоса на сотрудников никогда не повышал. Это был тучный и добродушный человек. А по характеру флегматичный, **он даже особенно не переживал из-за упущений и недостатков в работе управления. Не вникая глубоко в суть проблемы, он подписывал документ без замечаний.** У некоторых ветеранов сложилось мнение, что у начальника управления отсутствовали новые идеи и, как многие сугубо военные люди, он был хорошим исполнителем чужих замыслов».

Один из ветеранов высказал такое мнение: **«Ермолаев — администратор, солдафон, не очень болел за дело,** исполнителен, с характером военного человека, сухарь, молчун». И всё же никто не мог привести примера, когда бы Ермолаев наказал кого-либо несправедливо. Ходили слухи, что при телефонных звонках из Центра или Смольного он по *вертушке* разговаривал стоя [Л.4].

Столь пространное описание совершенно не знакомого мне человека пришлось делать с чужих слов лишь для того, чтобы подчеркнуть мнение о том, что **если исходить из пользы делу,** то за такого начальника, как Ермолаев, не слишком переживавшего за вверенный ему участок работы, по большому счёту, не стоило особенно *копья ломать.* Значит, здесь было что-то другое.

А дело, по нашему мнению, обстояло следующим образом. Зачинщики «ленинградского дела» Маленков, Берия и Хрущёв, разработавшие *сценарий* по уничтожению своих конкурентов Кузнецова и Вознесенского (другие расстрелянные и репрессированные не в счёт), понимали, что этот вопрос далеко не закрыт и его надо как-то осторожно сглаживать, иначе на фоне физически уничтоженных официальных наследников Сталина новые вожди, занявшие их места, выглядели не совсем *корректно.* Конечно, никто пока не знал, что **именно данная троица** тянула за ниточки марионеток, исполнявших роль карателей. Но тайное **могло** неожиданно всплыть. Вот почему, закрыв «дело врачей» и другие неблаговидные деяния, о **«ленинградском деле»** пока что *вслух* не было сказано ни слова. По этой же причине так и не был выпущен на свободу, а в конце 1954 года вообще расстрелян главный исполнитель акции Абакумов.

Негласно доверить деликатный вопрос сглаживания, насколько это возможно, неприятных последствий «ленинградского дела» руководящая троица решила Богданову. Почему именно на него пал выбор исполнения роли **миротворца?** Министр Берия хорошо знал своего подчинённого как умелого, творческого руководителя, успешно справлявшегося со сложными как оперативными, так и хозяйственными задачами, предельно честного, получившего только что высшее юридическое образование и умевшего молчать. Такой представитель Центра не наломает дров и сможет грамотно решать разнообразные служебные вопросы. Хрущёв в бытность свою первым секретарём Московского областного и городского комитетов партии мог вполне оценить деловые и человеческие качества Богданова, являвшегося в ту пору членом бюро МК и МГК. Как начальник УМВД Московской области, да ещё в ранге замминистра,

Богданов вместе с партийными властями успешно решал административные и хозяйственные задачи, а в репрессиях, проводившихся по линии МГБ, замешан не был. Маленков с мнением своих товарищей согласился.

Если главный *силовой* исполнитель «ленинградского дела» Абакумов сидел в тюрьме, то основной **партийный реализатор** этой акции — **Андрианов** — по-прежнему занимал свой руководящий пост первого секретаря обкома. То, что его **требовалось *обоснованно* убрать,** было совершенно ясно, и поэтому для начала под него решили *подставить* грамотного и честного Богданова, но не посвящённого *в тайну Мадридского двора.* **Вот в связи с чем** к мнению главы ленинградской парторганизации прислушиваться *наверху* никто не пожелал.

Во всяком случае после подписания приказа о назначении Богданова начальником Ленинградского областного УМВД Лаврентий Павлович вызвал назначенца к себе и, **не раскрывая ему всей проблемы,** напутствовал словами о том, что **«товарищ Богданов направляется в город на Неве специально для того, чтобы обеспечить там законность и порядок, а также устранить те перегибы, которые были допущены ранее».**

17 марта 1953 года я вернулся из школы и застал дома необычную картину. Папа сидел за своим письменным столом и разбирался в бумагах и вещах. На выраженное мною недоумение он сообщил: «Получил назначение в Ленинград». Остальное стало понятно без слов. Самое главное, что настроение у отца было неплохое, и чувствовалось, что новым поворотом судьбы он, в общем-то, доволен. Собрав только самое необходимое, сдав три лежавших в столе пистолета с патронами *куда следует* и не успев даже сняться с партийного учёта, вечером того же дня Богданов «Красной Стрелой» отбыл к брегам Невы на новое место службы.

Предстоявшая *перековка* нас из москвичей в ленинградцев никого в нашей семье особенно не огорчила, хотя понятно было, что трудностей с переездом ожидалось чрезвычайно много: мы уже достаточно обросли собственным скарбом, и его требовалось теперь упаковывать и отправлять в Питер. Всё было бы ничего, но имелась маленькая проблема. Я учился в восьмом классе, и для меня смена школы не представляла особых сложностей. Но старший брат Владимир заканчивал десятый класс и являлся реальным претендентом на золотую медаль. Для него немедленный переезд сулил большие неприятности: кто в Ленинграде захочет давать нежданно-негаданно нагрянувшему москвичу высшую школьную награду, обеспечивавшую беспрепятственное поступление в любой вуз? До конца учебного года оставалось совсем немного: всего около трёх месяцев. Чтобы

не срывать брату такой важный заключительный этап учёбы, решили всеми мерами тянуть волокиту с переездом в Ленинград, по крайней мере, до конца июня.

В ту пору серьёзные житейские проблемы меня ещё мало волновали, а вот брату уже предстояло решать свою судьбу — какой путь избрать после окончания школы. В связи с тем, что мы собирались переезжать на брега Невы, Владимир решил поступать в Ленинградскую Военно-Воздушную инженерную академию им. А.Ф. Можайского. Что же, выбор брата был, вроде бы, неплохой.

Однако займёмся вплотную ленинградскими делами. Прибыв 18 марта 1953 года в Северную Пальмиру, новый начальник УМВД ЛО Богданов прежде всего поехал в Смольный и представился первому секретарю обкома Андрианову. В присутствии бывшего начальника УМГБ Ермолаева Первый в лоб и без стеснения заявил, что ***Богданов его не устраивает*** и что лучше бы остался Ермолаев. Причины своего недовольства секретарь обкома объяснять не стал [А.9].

После такого *тёплого* партийного приёма генерал-лейтенант Богданов направился в своё ведомство и, как и полагается, издал приказ о том, что сего числа приступил к исполнению обязанностей начальника УМВД по ЛО. Поскольку вопреки правилам представлять коллективу нового начальника никто не собирался, то он сам собрал руководителей двух бывших самостоятельных ведомств внутренних дел и госбезопасности и **во всеуслышание** объявил им, что министр внутренних дел товарищ Берия **персонально** поручил ему разобраться с делами и навести порядок. Ох, и припомнили же потом отцу эти слова…

Без натяжки можно сказать, что с подачи обкома встречен был Богданов всем коллективом, измученным прежними многочисленными пертурбациями, сокращениями и увольнениями, не слишком благожелательно. При всех своих служебных перемещениях Николай Кузьмич никогда не тащил за собой *хвост* из своих *верных соратников.* Отец всегда считал, что работать надо с тем коллективом и теми людьми, которые были до него, только их следует хорошо изучить, правильно расставить и поручить каждому соответствующее его возможностям задание. На поверку же оказалось, что теперь Богданову пришлось **в одиночку** сражаться как с подчинёнными ему партийцами, так и с *гвардией Андрианова*, привезенной им из Свердловска и расставленной на ключевые посты. Правда, надо сказать, что и непосредственно под самого Андрианова Москва потихоньку *подбивала клинья.* Первым секретарём горкома и вторым секретарём обкома в марте 1953 года был утверждён присланный из столицы Н.Г. Игнатов.

Предвзятое отношение к Богданову сохранилось, к сожалению, и до наших дней. В 1998 году в книге «Питерские прокураторы» (переизданной практически без изменений в 2009 году [Л.5]) автор пишет, например, что после грузина Гоглидзе в Ленинграде «побывал не один русский руководитель чекистов, но **непременно с подмоченной репутацией. К ним можно отнести** начальников НКВД ЛО П.Т. Куприна и **Н.К. Богданова. Используя ошибки и слабости этих людей, Берия превращал их в преданных покорных слуг»** [Л.4, Л.5]. Делая такие **«сильные»** выводы, Бережков в то же время признаётся, что с Богдановым (так же как и с его предшественниками Горлинским и Ермолаевым) он «лично не был знаком». Кроме того, в отношении всех трёх начальников добавляет: «Я нисколько не сожалею, что лично не знаю Горлинского, Ермолаева, Богданова, вместе с тем в настоящее время пытаюсь мучительно вспомнить что-нибудь о них, хотя бы дать внешнее описание, и прихожу к выводу о бесполезности такой затеи» [Л.4, Л.5].

В то же время, как следует из книги Бережкова, обстановка в Ленинградском облуправлении ещё до Богданова была не слишком дружелюбная и доверительная. В связи с этим новому начальнику пришлось принимать то, что имелось в наличии, а уж потом стараться по ходу дела создавать нормальную рабочую атмосферу. Вот чем отличался Питер: «Ни один из них при вступлении в должность не представлялся личному составу (это упрёк министерству и обкому. — Ю.Б.), рядовые сотрудники даже не могли их встретить случайно, так как у высокого начальства был отдельный вход, которым нам пользоваться было запрещено. (Когда отец вместе с нами подъезжал на машине к Большому дому, то он входил в здание через парадный вход с Литейного проспекта. Я и по своей военной службе знаю, что главный вход — для начальства и именитых гостей. Ничего тут особенного нет. — *Ю.Б.)* Начальники управления и их заместители питались отдельно, в особом кабинете (приходилось так делать, потому что уж очень у нас любят в рот начальству смотреть, даже когда оно жуёт. — *Ю.Б.)».*

Но всё это мелочи, сложнее было другое. Формальное объединение ведомств внутренних дел и госбезопасности никак не отразилось на взаимоотношениях оперативного состава милиции и контрразведки. «Они трудились, будто ничего не произошло, и размещались, как и прежде, порознь: милиция — на Дворцовой площади, контрразведка — на Литейном проспекте». И приходилось Богданову распределять свои усилия в соответствии с этими двумя адресами. «Между тем на Литейном, 4 царила безмятежность, работали там спустя рукава — ситуация в стране

не способствовала рвению» [Л.4]. Можно легко представить себе, что и на Дворцовой площади обстановка создалась не лучше. Помню, отец много раз говорил, что дисциплина в Ленинграде по сравнению с Москвой была гораздо слабее. Обладая значительным опытом работы в органах госбезопасности и внутренних дел, Богданов надеялся создать единый работоспособный коллектив, основа для которого имелась.

На весенние каникулы 1953 года мама, брат и я поехали в Ленинград, чтобы встретиться с отцом, посмотреть, как он устроился, повидаться с родственниками и полюбоваться на красоты северной столицы, которую мы покинули ровно 12 лет назад.

Папа встретил нас на Московском вокзале и на своём персональном ЗИС-110 доставил в гостиницу «Европейская». В этом отеле, за неимением квартиры, начальнику УМВД Богданову предоставили однокомнатный номер на втором этаже. К нашему приезду папа забронировал для брата и меня ещё один такой же номер рядом со своим. Так шикарно мы никогда не жили! Если в Москве всякого высокого начальства имелось пруд пруди, и какой-то там замминистра был особо и не виден, то здесь начальник объединённого УМВД, безусловно, входил уже в *десятку сильнейших*.

После завтрака мы решили посмотреть город, а потом встретиться с родными. Погода стояла прекрасная, солнечная, и всё великолепие ленинградской архитектуры производило неизгладимое впечатление. На папиной машине объехали весь центр, чтобы составить себе общее впечатление о городе. Сразу чувствовалось, что мы ехали не на каком-нибудь штатном авто: при нашем приближении на светофорах сразу загорался зелёный свет, а милиционеры отдавали честь. Если в Москве главным признаком правительственной машины являлись *дудки* перед радиатором, то в Ленинграде *начальственный признак* заключался в двух первых восьмёрках государственного знака. Папин ЗИС имел номер 88–56.

Потом мы посетили всех наших родственников. Но весенние каникулы в те годы были короткими, всего несколько дней, и нам следовало возвращаться в Москву, чтобы не пропустить школу. Перед отъездом папа сказал, что форсировать вопрос с квартирой в Ленинграде не будет, чтобы нас не выставили из московской квартиры и тем самым не сорвали бы Вове окончание учёбы. Но потихоньку собираться, упаковывать вещи надо.

Ещё раз за это время мы приехали в Ленинград на три дня на майские праздники. Правда, папа болел, ужасно себя чувствовал и по большей части лежал в постели. Отец хотел сводить нас на

торжественное собрание, чтобы показать всем свою семью, что она здесь, вместе с ним в Ленинграде. Однако к вечеру у него поднялась температура, и он сам отказался от посещения этого официального мероприятия. Несмотря на нездоровье, ранним первомайским утром отец уехал проверять, как организована работа органов МВД и милиции на параде и демонстрации. Потом за нами пришла машина, и мы поехали на Дворцовую площадь, чтобы посмотреть прохождение войск и праздничное шествие трудящихся. Но главная красота и гордость ленинградцев находилась на Неве, где вдоль фарватера между мостами выстроились боевые корабли, расцвеченные флагами, а вечером — огнями. Праздничный фейерверк, который мы смотрели с набережной, также *не по-московски* весело отражался в зеркале величавой реки.

Включившись в повседневную деятельность, Богданов вместе с кадровиками разработал штат и новую структуру управления, которые утвердили приказом МВД СССР от 6 июня 1953 года. Общая численность сотрудников (без милиции) составила 2850 человек [А.8]. Работа по воспитанию кадров не делается враз — это длительный и кропотливый труд, но Богданов рассчитывал достигнуть успеха на этом пути так же, как подобное ему удавалось в тех коллективах, которыми он руководил ранее.

Серьёзным испытанием для объединённого управления и его начальника явилось восстановление общественного порядка после проведенной амнистии. Хлынувший из тюрем, лагерей и колоний поток обездоленных и обозлённых людей совершал на своём пути массу криминальных действий. Особенно это было заметно на фоне относительно низкого уровня преступности, характерного для советской власти. Эффект усиливали быстро распространявшиеся слухи и небылицы о несовершённых преступлениях, рассказывавшиеся иногда с большими подробностями. В МВД, прокуратуру, партийные и советские органы посыпалась масса заявлений, а также подписанных и анонимных писем о случаях бандитизма, воровства и других уголовных про-явлений. Местные жители стали опасаться выходить на улицу в позднее время.

Обеспокоенный таким оборотом дела инициатор амнистии (все остальные правители оказались ни при чём) министр внутренних дел Берия отдал распоряжение всем местным органам МВД принять необходимые меры и о результатах доложить в Центр.

Из Ленинградского УВД в Москву каждые 5 дней стали направляться соответствующие отчёты, которые свидетельствовали об увеличении правонарушений, причём не

только со стороны амнистированных, но и за счёт активизировавшихся местных уголовников.

В связи со сложившейся обстановкой приехавшим в Ленинград замминистра Серовым и начальником облуправления Богдановым на 13 и 14 июня была санкционирована операция по выявлению и изъятию уголовного элемента. Каждый район проводил *зачистку* своими силами, главным образом там, где могли ночью укрываться уголовники: отстойные линии трамвайных и железнодорожных вагонов, склад контейнеров в Невском районе, неосвещённые зелёные массивы Лесотехнической академии и парка им. Челюскинцев, кладбища и другие известные милиции места. Налёты сделали также на притоны *(малину),* которые были выявлены в результате работы с агентурой. Проверке подвергались и общежития, где часто обнаруживались лица без прописки.

В итоге операции было задержано 903 человека, из них привлечено к уголовной ответственности 104 преступника, к административной — 491 человек. В связи с незаконным проживанием в закрытом городе Ленинграде у 119 задержанных получили подписку об их выезде. 145 человек доставили в милицию для выяснения личности, так как они не имели при себе документов.

Кроме того, замминистра Серов провёл совещание с городским прокурором, председателем городского суда и уполномоченным Министерства юстиции, на котором просил помочь с оформлением материалов на арест уголовных преступников, так как имели место факты недоразумений с районными прокурорами [А.9].

Вроде бы всё было сделано правильно. В дальнейшем проводились и другие подобные мероприятия, в результате которых к концу июля число преступлений пошло на убыль, и в августе 1953 года дополнительные отчёты в Москву о текущей обстановке больше не посылались.

В этот же период появились провокационные слухи о том, что ожидается денежная реформа. В связи с этим в ряде городов Советского Союза возник ажиотажный спрос на промышленные товары и продукты. По заданию из Москвы УМВД по своей линии провело проверку и установило, что в Ленинграде скупки товаров не было, но в Солнцевском и Кингисеппском районах области возникла небольшая паника, но потом быстро улеглась. По всем этим вопросам начальник управления Богданов устно и письменно проинформировал партийных секретарей Андрианова и Игнатова.

Следует отметить, что грамотные и оперативные действия

Богданова по руководству областным УМВД в целом пришлись по вкусу первому секретарю обкома Андрианову, и через некоторое время он даже сообщил в МВД, что больше не возражает против того, чтобы новый начальник УМВД ЛО оставался на своём посту. Вместе с тем Хозяин области страшно *ревновал*, если какая-либо информация из управления проходила мимо него. Поскольку Игнатов являлся первым секретарём горкома и вторым секретарём обкома, то Богданов неоднократно бывал у него, давая справки по заявлениям и другим вопросам. При этом сообщения о происшествиях в Ленинграде, итоговые данные о работе милиции и сведения об иных внутригородских проблемах, естественно, направлялись секретарю горкома. Когда Андрианов выезжал в Москву или в районы области, всю переписку Богданов направлял Игнатову как второму секретарю обкома на совершенно законном основании замещавшему своего патрона. Такое положение дел Андрианову очень не нравилось, и в конце концов он позвонил начальнику управления по телефону и заявил: «Товарищ Богданов! Вы забыли, что я — Первый Секретарь Обкома, и Вы, как начальник областного Управления, **должны иметь дело только со мной.** А Вы чаще бываете у других секретарей и даже пишите им сообщения».

На другой день в кабинете первого секретаря обкома Богданов сказал, что ряд вопросов, касающихся города, можно разрешать и с первым секретарём горкома, чтобы не загружать частными делами главу области. Но Андрианов ещё раз подтвердил, что **Богданов должен иметь дело только с ним.**

После такого категорического указания вся переписка стала направляться исключительно Андрианову, и хождение начальника управления в кабинеты к другим секретарям обкома и горкома прекратилось, хотя Богданов считал такое положение вещей в корне неправильным.

Конечно, можно догадаться, почему Андрианов взял начальника УМВД *под свой колпак*. Приехав в марте 1953 года в Ленинград, Богданов в заполнявшемся им очередном «Личном листке по учёту кадров» в графе «Образование» впервые написал, что он закончил Высшую офицерскую школу МВД СССР и имеет специальность **юриста.** С этой позиции грамотного специалиста он и стал после приёма дел знакомиться с деятельностью управления. Достаточно быстро убедился, что заключение комиссии о неудовлетворительной работе ленинградского Управления МГБ (в тот период, когда его возглавляли Горлинский и Ермолаев) являлось **обоснованным.** Неоднократно Богданов говорил, что **Ленинградский обком допустил ошибку,** когда после суда над *антипартийной группой* настоял на том,

чтобы заменить почти весь оперативный состав управления и райотделов. По данным кадровиков, за последние два года из Ленинграда было откомандировано 1700 человек руководящего и рядового оперативного состава. Вновь прибывшие работники длительное время осваивались с обстановкой и практической работой не занимались. Теперь новому начальнику управления стоило больших трудов разъяснить ряду своих местных руководителей, что деятельность органов внутренних дел является кропотливой, требует большой усидчивости, изобретательности, личной инициативы, повседневной работы с оперативным составом.

Среди районного руководства имелись явно неподходящие фигуры. Так, начальник Парголовского райотдела дошёл до того, что стал пьяным ходить на работу, втягивал в употребление горячительных напитков своих сотрудников. Перегрузившись вином, ложился спать в кабинете, а подчинённых заставлял отвечать на телефонные звонки, что уехал в район. В Василеостровском райотделе начальник подчинёнными не руководил, вопросов не решал, а только постоянно искал предлог, чтобы уйти из райотдела и *представительствовать* там, где и не нужно.

Начальник Выборгского горотдела, находясь на весьма ответственном участке работы, аппаратом не управлял, дела запустил, а вслух заявлял, что ему даже на камни Выборга смотреть противно, ибо они нагоняют на него уныние. Сами работники горотдела просили убрать такого руководителя.

Произведенные кадровые изменения, особенно замечания Богданова в адрес обкома партии, не могли понравиться Андрианову, и он старался доказать новому начальнику управления, что **«тогда всё делалось по указанию верховных инстанций».** Однако Богданов **«не был убеждён в этом»** даже по прошествии значительного времени, поскольку, видимо, не до конца понимал истинную ситуацию с «ленинградским делом» и не представлял, откуда на самом деле у этой профанации *ноги росли.*

По нашему мнению, стараясь добросовестно исполнять порученное ему дело, отец попал в политические жернова, которые должны были кого-то, принесенного в жертву, перемолоть. Московская троица *идеологов*, чтобы замести следы, старалась убрать отработавшего своё Андрианова *честным путём,* собрав на него имевшийся в изобилии компромат. Сам Василий Михайлович чувствовал, что неспроста под него *подставили* Богданова, но против вполне оправданных действий этого опытного начальника **пока** что возразить ничего не мог и, **взяв**

его под свой жёсткий контроль, только ждал случая, чтобы **от него избавиться.**

Но самым опасным для Андрианова являлось то, что Богданов как юрист и грамотный оперативник **сам занялся** тщательным изучением находившихся в производстве следственных дел по участникам *ленинградской антипартийной группы.* Ему сразу же стало ясно, что предъявленные арестованным обвинения в измене Родине, вредительстве, антисоветской деятельности и других страшных прегрешениях не соответствовали материалам дела и доказаны не были. В течение полугода под стражей содержались 4 обвинявшихся (арестованные Ермолаевым по указанию Андрианова): бывший секретарь Ленинградского обкома, бывший начальник УМВД области и два бывших секретаря райкомов партии. Богданов поставил вопрос **о прекращении дела и о немедленном освобождении руководителей,** незаконно посаженных за решётку. Однако военная прокуратура Ленинграда не согласилась с этим мнением и потребовала направления дела в суд, где обвиняемые будут наказаны. Первый секретарь обкома Андрианов **активно сопротивлялся прекращению этого дела.** Тогда Богданов настоял на том, чтобы из Москвы прислали представителя МВД СССР. Приехавший инспектор согласился с юридически обоснованным заключением, сделанным начальником управления, и указанные арестованные были освобождены. Кроме того, **по инициативе Богданова вышли на свободу** также и лица, обвинявшиеся по другим делам, всего **более 30 человек.**

Противостояние с обкомом партии усилилось ещё и потому, что **Богданов отказывался** вопреки указанию Андрианова выселять из Ленинграда семьи ранее репрессированных *участников антипартийной группы.*

Как стали бы разворачиваться события дальше, трудно сказать. Но тут 26 июня 1953 года был арестован Берия, и всё пошло по иному руслу.

Глава 34. Враг народа

В июне 1953 года я закончил 8-й класс, и меня сразу же, чтобы не мешал брату сдавать ответственные экзамены на аттестат зрелости, отправили в Ленинград. Квартиру отцу ещё не предоставили, но он получил полагавшуюся ему госдачу в Сестрорецке. Присматривать за мной поручили мужу папиной сестры Дмитрию Павловичу Костину, который к тому времени находился по состоянию здоровья на пенсии. Мы поселились с ним вдвоём на даче и дружно прожили там всё лето. Чтобы *мужикам* не возиться с готовкой, папа договорился в санатории, и нам стали отпускать обеды на дом. Каждый день Дмитрий Павлович тщательно брился, одевал костюм и отправлялся в назначенный час с судками в руках *на свидание.* После завтрака, обеда и ужина он сам добросовестно мыл посуду, натирая тарелки до тех пор, пока они не начинали скрипеть. Жили мы уединённо, каких-либо моих одногодков, с кем можно было бы познакомиться, вокруг не встречалось. С дядей Димой мы много читали, ходили на залив, где тихо плескавшиеся на мелководье короткие волны не слишком манили к себе своей чересчур освежавшей прохладой. Как бывший следователь Дмитрий Павлович умел порасспросить и поддержать долгий интересный разговор. Изредка на дачу приезжал папа. Если он оставался ночевать, то машину не отпускал, а водитель отдыхал в комнате на первом этаже. Садом и огородом отец занимался, но мало — видно было, что его что-то заботило. С дядей Димой они часто и подолгу разговаривали. Но меня всё это, в общем-то, мало трогало, хотя нутром чувствовал, что что-то складывалось не так. Однако я настолько был уверен в своём отце, в том, что он сможет правильно разрешить все житейские проблемы, что как-то ни о каких возможных неприятностях, грозивших ему, совершенно не задумывался.

В начале июля приехали мама и брат Владимир, получивший по окончании школы золотую медаль. Мама занялась обустройством выделенной наконец-то отцу квартиры в Кронверкском переулке. Большущая жилплощадь была абсолютно пуста. Из Москвы никаких вещей пока ещё не привезли, поэтому мама купила буфет на кухню, две кровати для себя, диван для Вовы, письменный стол, платяной и книжный шкафы, три стола, два мягких кресла и десяток стульев. С таким *обилием* мебели просторная квартира казалась полупустой. В комнате слева от входа стоял только… велосипед, подаренный брату родителями, как и было обещано, за успешное окончание школы. От нечего

делать на этом «Туристе» я кружил порой по пустой комнате.

Брат несколько дней побыл на даче. Мы с ним немного покатались по заливу на двухместной деревянной байдарке, которая была дачным имуществом. Но Вове надо было поступать в Военно-Воздушную инженерную академию, и он уехал в город заниматься своими делами. Золотая медаль позволяла брату претендовать на место в высшем учебном заведении без сдачи вступительных экзаменов, но следовало пройти собеседование, на котором абитуриенту могли задать совершенно любой вопрос.

Так вот, на том собеседовании Владимира Богданова как раз и спросили: «Где и как ваш отец работал с Берией?» Удивлённый прозвучавшим вопросом брат честно признался: «Представления не имею».

Вечером дома Вова сообщил папе, о чём у него хотели выведать, а он (отличник, золотой медалист) не знал, что сказать. Отец очень рассердился, что детям задают подобные вопросы про родителей, и успокоил сына, что тот ответил правильно и не надо волноваться по этому поводу — он сам всё уладит.

На следующий день отец позвонил начальнику ВоенноВоздушной академии генерал-лейтенанту П.В. Родимову и попросил его принять меры к тому, чтобы абитуриентам не задавали не относящиеся к учёбе вопросы. Петр Васильевич с полуслова всё понял и обещал разобраться со своими политработниками.

В итоге брат беспрепятственно поступил в избранное им учебное заведение и стал слушателем в звании рядового, а отец познакомился с замечательным человеком, который в минуту жизни трудную всегда его поддерживал. Добрые отношение с Петром Васильевичем сохранились на долгие годы и продолжались даже после ухода из жизни моего отца.

Через две недели после ареста Берии, 10 июля 1953 года, все газеты опубликовали информационное сообщение о *состоявшемся на днях* пленуме ЦК КПСС. На этом партийном форуме по докладу Маленкова «о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в попытках поставить МВД СССР над правительством и КПСС», было принято решение «вывести Л.П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов КПСС, как врага Коммунистической партии и советского народа» [Л.52].

На следующий день в газете «Ленинградская правда» была помещена передовая статья «Несокрушимое единство партии, правительства и советского народа», в которой содержался идеологический материал, предназначавшийся как основа для

проведения дальнейших общественнопартийных мероприятий по дискредитации Берии и превращения его имени в чудовищное пугало. После сладкозвучных панегириков в адрес партии и правительства, неустанно заботившихся о благе своего народа, были представлены *злостные деяния Берии*, которые можно подразделить на шесть пунктов:

1. Разоблачённый враг народа Берия различными карьеристскими махинациями втёрся в доверие и пробрался к руководству. Раньше его преступная антипартийная и антигосударственная деятельность была глубоко скрыта. «В последнее время», обнаглев и распоясавшись, Берия стал раскрывать своё подлинное лицо — «лицо злобного врага Советской власти и советского народа».

2. Свои «подлые махинации» Берия начал с того, что пытался поставить Министерство внутренних дел над партией и правительством. МВД в центре и на местах он использовал против партии и её руководства, против правительства СССР. Работников МВД выдвигал по признаку личной преданности ему.

3. Под разными вымышленными предлогами Берия тормозил решение важнейших, неотложных вопросов в области сельского хозяйства. Это делалось для того, чтобы «подорвать колхозы и создать трудности с продовольствием».

4. Берия стремился нарушить дружбу народов, посеять рознь между ними, активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках.

5. Будучи *вынужден* выполнять прямые указания ЦК и советского правительства об укреплении «социалистической законности» и ликвидации некоторых фактов беззакония и произвола, Берия умышленно тормозил осуществление таких указаний, а в ряде случаев пытался их извратить.

6. Неопровержимыми фактами доказано, что Берия потерял облик коммуниста, превратился «в буржуазного перерожденца, стал на деле агентом международного империализма. Этот авантюрист и наймит зарубежных империалистических сил» вынашивал планы захвата руководства партией и страной в целях фактического разложения Компартии и замены политики, выработанной партией за многие годы, «капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счёте к реставрации капитализма» [Л.53].

Сравнение официально сформулированных обвинений с теми конкретными совершенно секретными документами, разработанными Берией с марта по июнь 1953 года, позволяет судить о надуманности партийных претензий, грубо шитых белыми нитками. Тем не менее после публикации в газетах

приведенных материалов «о разоблачении и аресте подлого предателя Берия», по стране пошла волна партийных мероприятий, нацеленных на укоренение в сознании советских людей бесспорного постулата о том, что во всех наших бедах, репрессиях, произволе виноват был единственный вражеский агент — Берия, который хитро маскировался до сих пор. С помощью оперативно разработанных в партийных органах словесных штампов стали повсеместно клеймить позором этого *врага народа*, а заодно выявлять и разоблачать всех соучастников *банды Бери*и. При этом ЦК КПСС надо было безмерно хвалить за его мудрость и проницательность, а предпринятые им решительные действия по пресечению вражеской деятельности безоговорочно одобрять.

В городе на Неве нужный тон этой *партийной разборке* задал состоявшийся 10 июля 1953 года в Таврическом дворце объединённый пленум Ленинградского обкома и горкома партии совместно с партийным активом Ленинграда и Ленинградской области, на котором присутствовало 2000 человек. Участники пленума «с огромным вниманием» выслушали доклад первого секретаря обкома Андрианова, которому представилась уникальная возможность обрушиться сразу на всех своих врагов. «Бурными аплодисментами, выражавшими единую волю Ленинградской партийной организации», все присутствовавшие встретили постановление пленума ЦК КПСС и «полностью одобрили, как единственно правильные, своевременные и решительные меры», предпринятые Президиумом ЦК КПСС для ликвидации «антипартийной и антигосударственной деятельности Берии» [Л.53].

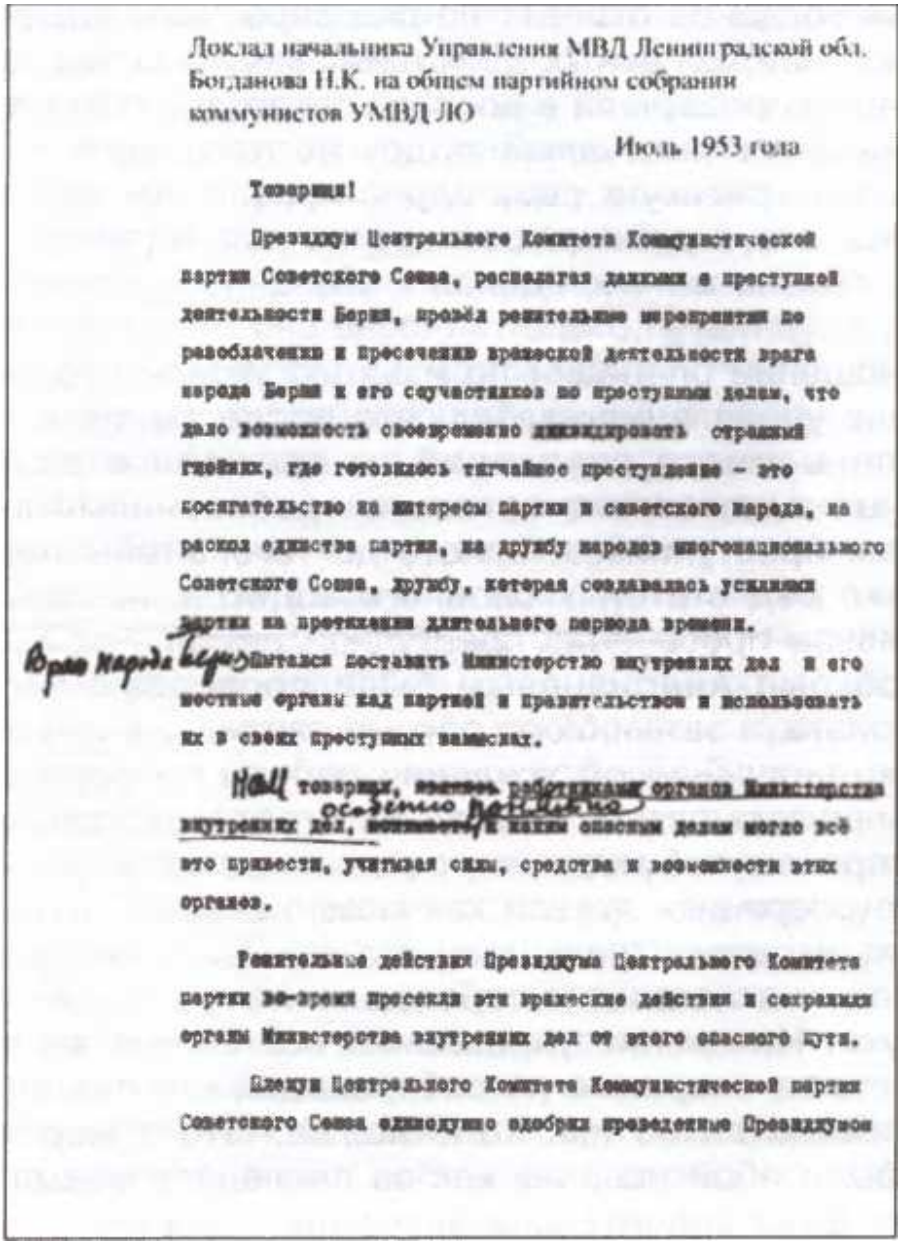
Поскольку в качестве одного из злостных деяний этого *двурушника*, чьи портреты едва успели снять со стен в кабинетах, указывалось стремление поставить органы внутренних дел над партией и её ЦК, то, переходя от общесоюзных проблем к ленинградским вопросам, первый секретарь обкома высказал **«беспощадную критику в адрес бериевского назначенца, начальника областного Управления внутренних дел Богданова».** Тем самым возможность для погрома неугодного руководителя была предоставлена всем желавшим (и заранее подготовленным). На моего отца посыпались обвинения со всех сторон. Теперь в вину ставились все те служебные вопросы, которые он успел решить за время работы в Ленинграде. Всё переворачивалось с ног на голову. Так, проведение операции по изъятию уголовного элемента после амнистии трактовалось как «совершенно не нужное и представлявшее собой превышение полномочий». Секретарь Дзержинского райкома партии Никитин

обвинил Богданова в том, что он запрещал своим сотрудникам писать в партийные органы. Заведующий административным отделом горкома партии Соловьев добавил к этому, что начальник не разрешал работникам своего аппарата посещать горком партии.

Самое главное, что на пленуме против собственного начальника выступили некоторые руководители УМВД. Секретарь партийного комитета Янин заявил, что ему не давали заниматься оперативной работой, а начальник отдела кадров Подгорнов указал на неправильную расстановку людей.

Если хорошо поискать, то за каждым человеком можно найти грешки. Оказалось, что Богданов почти три месяца не снимался с партийного учёта в Москве и не переходил в ленинградскую парторганизацию. Правда, если раньше этот вопрос обком и горком почему-то не волновал, то теперь, когда с партучётом все необходимые формальности были уже выполнены, дело подняли до обсуждения на высоком партийном форуме.

В своём выступлении на объединённом пленуме Богданов сначала в соответствии с общим духом одобрил мероприятия, проведенные Президиумом ЦК КПСС «по разоблачению и пресечению вражеской деятельности врага народа Берии и его соучастников по преступной деятельности, которые дали возможность своевременно ликвидировать шайку людей, готовых предать интересы партии и Советского государства». Далее, сообразуясь с общей обстановкой, отметил, что «попытка использования Берией органов Министерства внутренних дел во вражеских целях могла привести к очень серьёзным делам, учитывая возможности этих органов, и направить их на преступный путь».



Доклад начальника Управления МВД Ленинградской обл. Богданова Н.К. на общем партийном собрании коммунистов УМВД ЛО

Июль 1953 года

Товарищи!

Президиум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, располагая данными о преступной деятельности Берия, провёл решительные мероприятия по разоблачению и пресечению вражеской деятельности врага народа Берия и его соучастников по преступным делам, что дало возможность своевременно ликвидировать страшный гнойник, где готовилось тягчайшее преступление – это посягательство на интересы партии и советского народа, на раскол единства партии, на дружбу народов многонационального Советского Союза, дружбу, которая создавалась усилиями партии на протяжении длительного периода времени.

Враг народа Берия пытался поставить Министерство внутренних дел и его местные органы над партией и правительством и использовать их в своих преступных замыслах.

Наш товарищ, советские работники органов Министерства внутренних дел, понимают к каким опасным делам могло всё это привести, учитывая силы, средства и возможности этих органов.

Решительные действия Президиума Центрального Комитета партии во-время пресекли эти вражеские действия и сохранили органы Министерства внутренних дел от этого опасного пути.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза единодушно одобрил проведенные Президиумом

Первая страница доклада начальника УМВД по ЛО Н.К. Богданова на партийном собрании коммунистов управления после разгрома «банды Берии». Ленинград, 1953 год

Затем Богданов ответил на *ряд серьёзных замечаний о* лично его неправильных действиях как начальника УМВД ЛО, которые прозвучали в докладе секретаря обкома партии Андрианова и в выступлениях других товарищей. Признав, конечно же, критику в свой адрес правильной и пообещав учесть всё это в дальнейшей

практической работе, выступавший, тем не менее, сделал к сказанному несколько поправок.

В отношении операции по изъятию уголовного элемента начальник управления сказал, что после амнистии приходило очень много заявлений от граждан в различные партийные и советские органы с требованиями строгого наказания преступников, вплоть до того, чтобы пересмотреть даже ряд статей Уголовного кодекса, нацелив их на решительное пресечение преступной деятельности. Секретарём обкома Андриановым были проведены заседания секретариата, а затем бюро обкома партии, на которых приняли постановления об усилении работы по борьбе с уголовной преступностью. Исходя из этого и основываясь на самых хороших побуждениях, решили провести широкомасштабную операцию. Хотели как можно скорее пресечь преступность в городе, поскольку это вызывало большую тревогу среди населения и порождало ничем не обоснованные слухи. Начальник управления полностью взял ответственность за операцию на себя, сказав, что она была санкционирована лично им. Конечно, без этого мероприятия можно было обойтись, так как за последнее время работа милиции была значительно улучшена. Например, удалось резко усилить изъятие преступного элемента, особенно карманных воров, которые подвязались в городском транспорте и магазинах. Только за июнь и начало июля задержали 265 карманников. Сейчас органы милиции правильно поняли те задачи, которые перед ними поставлены, и есть надежда, что в ближайшее время с преступностью справятся.

Секретарю Дзержинского райкома партии Никитину начальник управления ответил, что он не запрещал сотрудникам писать по личным вопросам или *сигнализировать* в партийные органы. Речь шла об официальной служебной переписке органов внутренних дел с другими, в том числе и с партийными, организациями. В этом отношении им действительно давалось указание, чтобы в обком и горком документы отправлялись только за подписью начальника управления. Данное абсолютно законное требование было связано с тем, что ряд справок, направленных во внешние организации, был составлен совершенно неправильно, и потом начальник вынужден был по этим бумагам оправдываться и давать объяснения, в чём конкретно они не соответствовали действительности. Даже критиковавший своего руководителя по данному вопросу начальник отдела кадров Подгорное отправил недавно такую бумагу, что пришлось срочно возвращать её обратно. Справку написали столь невразумительно, что она вносила только путаницу. А от этого документа зависела судьба человека.

Громогласный и обобщающий вывод о том, что начальник управления запрещал своим сотрудникам посещать обком партии, был сделан на основании единственного, совершенно банального случая. В субботу в обкоме находился замминистра Серов, а потому там собрались все партийные и исполкомовские руководители. Начальник управления Богданов подробно проинформировал всех присутствовавших о состоянии дел по борьбе с преступностью, и все вопросы по дальнейшим действиям были выяснены и согласованы. Однако в понедельник присутствовавший при субботнем разговоре заведующий административным отделом обкома Соловьев решил по этому же вопросу собрать своё совещание и вызвал на него начальника милиции города. Начальник управления Богданов возразил, что накануне все вопросы были решены, но если нужно, то на совещание придёт он сам, а начальнику милиции «надо не заседать, а воров ловить». Однако теперь, в подходящий момент, этот частный вопрос был поставлен в строку.

По критическому выступлению секретаря парткома Янина Богданов дал такое объяснение. Однажды партийный руководитель пришёл к начальнику управления и стал рассказывать о сотруднике, который сообщил в партком, что в одном из медицинских учреждений неправильно организована оперативная работа. Начальник на это ответил секретарю, что надо было сразу же данного сотрудника направить непосредственно к нему, поскольку именно он отвечает за оперативный участок работы, но как новый здесь человек ещё недостаточно знает все упущения. Секретарю парткома посоветовал в оперативные дела не вмешиваться, а решать задачу по усилению партийно-политической и воспитательной работы среди личного состава с тем, чтобы искоренить все дискредитировавшие органы случаи нарушения дисциплины — пьянки, аморальное поведение, незаконное применение оружия и т. п. Однако, добавил начальник, если эти сигналы будут касаться руководящего состава и *лично его*, то партийный секретарь может действовать по собственному усмотрению — это его право [А.9].

Вот так всегда: чтобы **обвинить** человека, обругать его, достаточно двух строчек, пары слов, а чтобы **оправдаться** и объяснить, как всё было на самом деле, — страницы не хватит. И это ещё при условии, **если тебя захотят слушать и понимать.**

Своему начальнику отдела кадров Подгорнову Богданов ответил, что если с расстановкой людей на должности были допущены какие-то ошибки, то эти огрехи им следует поделить между собой поровну. Кадровик работал в управлении уже полгода, когда туда только ещё прибыл новый начальник. Именно

кадровый работник давал все характеристики и иные данные на сотрудников и рекомендовал, кого и где лучше использовать. В отношении утверждения произведенных назначений по номенклатуре обкома партии выступавший напомнил: Андрианов давал указание о том, что решение по этому вопросу состоится после того, как будет произведена вся расстановка кадров. Однако на сегодняшний день, после завершения этой работы, никто, кроме одного из прежних начальников отдела, пока ещё не утверждён.

По вопросу перехода в ленинградскую партийную организацию Богданов пояснил, что после назначения на должность начальника управления он в течение суток вынужден был собраться и выехать к новому месту службы, а потому не успел сняться с партучёта. Чтобы решить этот вопрос, неоднократно просил разрешения (у Андрианова) выехать в Москву, но получал отказ. Когда последний раз был в столице по вызову министерства, то находился в городе всего несколько часов, причём не мог уйти из аппарата, поскольку приказано было никуда не отлучаться. В связи с этим начальник управления написал заявление секретарю парткома Янину с просьбой принять от него партийные взносы и по его совету тут же отправил другое заявление в Дзержинский райком с просьбой переслать по почте его партийные документы в Ленинград, чтобы здесь встать на партийный учёт. Признал свою вину в том, что, занятый делами, раньше не связался с райкомом.

Подводя итог своего выступления, Богданов сказал: «Безусловно, товарищи, ко мне, как к начальнику управления, выражают очень серьёзное недоверие, учитывая, что я назначен бывшим министром Берия, ныне разоблачённым врагом народа. Как это делалось, кто тут направлял, **кто меня выдвигал сюда начальником управления — я ничего сказать не могу.** Во всяком случае, это дело не Берия, но приказ им подписан, я должен за это отвечать». (Интересно, как обстояло дело с ещё 81 назначенцем, поставленным на должности упоминавшимся нами приказом Берии № 01 от 16 марта 1953 года? Их всех тоже считали бериевцами и так же долбали, как моего отца?) Богданов заверил пленум областного и городского комитетов партии, что «коллектив работников Управления справится с порученными партией и Советским правительством заданиями по борьбе с вражеской агентурой и контрреволюционными происками враждебных элементов». А всё, что в критических замечаниях относилось лично к действиям начальника управления, выступавший ещё раз дал слово «учесть и исправить в кратчайший срок» [А.9].

Но это было только началом развёрнутой травли Богданова. Всё окружение тут же отвернулось от начальника УВД и не желало с ним общаться. Мне жаль, что «биографы» ничего этого не заметили.

Нашёлся только один глубоко порядочный человек, который открыто поддержал моего отца в минуту жизни трудную. В перерыве заседания объединённого пленума, когда Богданов, весь *оплёванный*, вышел в фойе, *знакомые граждане*, пряча глаза свои или демонстративно отворачиваясь, пробегали поскорее мимо, не останавливаясь около *приговорённого к распятию.* Вот в этот психологически сложный момент к моему одиноко стоявшему отцу со словами утешения и поддержки подошёл П.В. Родимов, не убоявшийся утраты собственного престижа. Два генерал-лейтенанта под взорами сотен окружавших их людей стали спокойно и неспешно, будто ничего не случилось, прогуливаться туда-сюда по холлу Таврического дворца. Пётр Васильевич, в ту пору ещё совсем мало знавший моего отца, но поверивший в него, говорил Николаю Кузьмичу, чтобы он не принимал близко к сердцу оговоры, звучавшие с высокой партийной трибуны. В ходе неторопливой, дружеской беседы начальник Военно-Воздушной инженерной академии дал начальнику УМВД совет не падать духом, не показывать себя слабым, не поддаваться, не гнуться, **стараться быть самим собой, раз уж уверен в том, что дела свои служебные исполнял правильно** [Б]. Такой разговор по душам имел для отца в плане моральной поддержки даже большее значение, чем официальное выступление в защиту, которое сейчас никто бы не стал слушать.

Мы с дядей Димой, прохлаждаясь на даче, пошли прогуляться на станцию Сестрорецк, чтобы по дороге приобрести прессу и купить что-нибудь съестное. Дмитрий Павлович был в курсе происходивших в Ленинграде событий, но со мной на эту тему не говорил. Он только подошёл к стенду, на котором висела «Ленинградская правда» с отчётом о состоявшемся пленуме, и, быстро пробежав глазами, подчеркнул пальцем строчку для меня: «Прочитай-ка!» Даже через много лет мне помнится, что там было написано: «На объединённом пленуме ЛК и ЛГК КПСС совместно с активом были **отмечены крупные недостатки** в работе аппарата Управления МВД по Ленинградской области, **подверглась критике деятельность начальника этого управления»** [Л.53]. Смысл прочитанной фразы не дошёл полностью до сознания школьника. Стало только понятно, что папу за что-то ругали, но уверенность в правоте отца, в его умении по-государственному решить вопросы даже не вызвала во мне желания просмотреть весь материал полностью. На даче дядя

Дима погрузился в изучение периодической печати, а я предпочёл продолжить прерванное чтение художественной литературы.

Подобные объединённые пленумы совместно с партийным активом прошли в Москве, Киеве, Минске и других городах. Везде с докладами, одобрявшими действия Президиума ЦК и хулившими Берию, выступали первые секретари, каждый раз «дружными продолжительными аплодисментами» подтверждалось «единодушное и полное одобрение» решения властей, *ещё теснее* сплачивались и клялись *в верности* своему ЦК участники партийных форумов. Отличие официальных сообщений состояло лишь в том, что нигде, кроме Ленинграда, открыто не высказывалась критика в адрес областных органов внутренних дел [Л.54].

После общереспубликанских, краевых и областных мероприятий началась волна пленумов районных комитетов КПСС совместно с местным партийным активом, а также прошли партийные собрания на заводах, фабриках, в учреждениях, в совхозах, колхозах и т. д. Какими только *эпитетами* не награждали выступавшие Лаврентия Павловича. В газетных отчётах о пленумах, проводившихся в Московском, Калининском, Смоленском, Кировском и Куйбышевском районах Ленинграда, говорилось о том, что серьёзной критике подверглась деятельность райотделов МВД, в ряде которых «создалась обстановка нетерпимости к критике, грубого администрирования». Форум Смольнинского района высказал также замечания в адрес областного УМВД [Л.54].

Вторым крупным мероприятием по *разгрому* Богданова явилось состоявшееся в июле 1953 года общее партийное собрание коллектива работников УМВД ЛО, на котором присутствовало 1500 коммунистов. *Украшало* собрание обкомовско-горкомовское руководство во главе с Андриановым. Здесь с начальником управления, выступившим с основным докладом, сражаться было сложнее. Конечно, если бы Богданов был несколько послабее, то вместо него разгромный доклад поручили бы сделать кому-нибудь из обкомовцев, а неугодному начальнику предоставили бы лишь возможность что-нибудь пролепетать в своё оправдание. Но с Богдановым такое не прошло: он отстоял своё право руководителя задать собранию нужный тон. Однако, чтобы создать соответствующую неблагоприятную *атмосферу* как перед объединенным пленумом, так и особенно перед вот этим общим собранием, распустили слух, будто Богданов снимается с работы и на его место возвращается Ермолаев, который уже вызван с нового места службы в Москву. *Информаторам* прекрасно известно было, что

такой вопрос нынче ставил лично сам Андрианов.

В соответствии с имевшимися установками, в своём докладе Богданов изложил с некоторыми интерпретациями всё тот же штамп о проведении Президиумом ЦК КПСС «решительных мероприятий по разоблачению и пресечению вражеской деятельности врага народа Берия и его соучастников». Опять сказал о том, что Берия «пытался поставить Министерство внутренних дел и его местные органы над партией и правительством и использовать их в своих преступных замыслах». На основании решений пленума ЦК КПСС, указавшего «извлечь политические уроки и сделать необходимые выводы», предложил обратить внимание на недостатки, имевшиеся в управлении. Среди них отмечено было то, что в течение примерно 2 лет основной оперативный состав занимался второстепенной работой, в результате чего ряд отделов управления и преобладающее число райотделов области и города не имели оперативных результатов, что не позволяло вести активную наступательную деятельность по розыску вражеской агентуры. В качестве примера нерадивого исполнения служебных обязанностей докладчик привёл работу уже снятых с должностей начальников Василеостровского и Парголовского райотделов, а также Выборгского горотдела, которые не руководили подчинёнными, вопросов не решали, а иные порой попросту пьянствовали. Внимание участников собрания было обращено на то, что в процессе проводившегося определённого сокращения аппарата управления и райотделов сложилась такая обстановка, когда ряд работников использовал это обстоятельство для ухода из органов. Мотивировка подобных решений была такая, что трудиться приходилось много, а зарплату выплачивали небольшую. Начальник заверил, что вопрос с зарплатой будет разрешён, «чтобы чекисты могли работать плодотворно». Выступавший проинформировал, что на проходивших партийных форумах были подвергнуты «суровой, но справедливой критике» недостатки в работе аппарата внутренних дел и лично начальника управления, и выразил надежду, что коллектив УМВД города Ленинграда и области, в целом *здоровый и работоспособный*, сможет в кратчайший срок устранить имевшиеся недостатки и с честью оправдать то доверие, которое оказывает чекистам ЦК КПСС [А.9].

В последовавших затем выступлениях коммунисты подвергали критике отдельные конкретные вопросы деятельности УМВД, высказывали замечания в адрес начальника управления Богданова и расхваливали на все лады старого руководителя Ермолаева. При этом совершенно *позабыли о* том, что именно при

прежнем начальнике в решении ЦК КПСС о работе МВД было указано на неудовлетворительную деятельность Ленинградского управления МГБ. Кто-то из произносивших речи коммунистов вспомнил, что начальник управления не присутствовал на торжественном собрании, посвящённом Первому мая (позабыв при этом добавить, что причиной тому послужила высокая температура, поднявшаяся в тот вечер у больного начальника). Другой выступавший отметил, что Богданов в течение 3 месяцев не вставал на партийный учёт. Ещё один коммунист пожаловался на такую *несправедливость*, что начальник управления допускал грубости с личным составом, тогда как с начальниками отделов не грубил. (Заметим здесь, что все сослуживцы Богданова, с которыми автору удалось побеседовать, отмечали спокойствие, корректность и интеллигентность Николая Кузьмича, хотя мне как сыну известно, что отец мог иногда вспылить. Видимо, искусственно нагнетавшаяся нездоровая обстановка, которая сложилась вокруг нового начальника в Ленинградском УМВД, заставляла генерал-лейтенанта нервничать, порой срываться и повышать голос на подчинённых, отнюдь не блиставших, по словам отца, высокой дисциплиной. В связи с этим после упомянутого выступления товарища Богданову оставалось только самокритично признать, что, действительно, «отдельные грубости были» и это являлось «серьёзной ошибкой» и что «подобных фактов в практике работы больше не допускает».) Были в выступлениях замечания и о том, что по ряду вопросов оперативной работы начальник «не давал чётких указаний», ит.д. [А.9].

В одном из перерывов этого партийного собрания Богданов в присутствии Андрианова заявил, что ряд товарищей, выступая с критикой в его адрес, во-первых, искажают факты, а во-вторых, забывают о том, что и они повинны в недостатках, но о себе ничего не говорят. Тогда первый секретарь обкома сказал, что, мол, ты, товарищ Богданов, **«не лезь, куда не надо, тогда всё будет в порядке и не будут на тебя нападать».**

После этого высказывания Андрианова моему отцу до конца стало ясно, что все выпады против него не являлись случайными, а были организованы с той целью, чтобы скомпрометировать и удалить его из Ленинграда.

Конечно, можно было на следующий день побежать в обком, встать перед первым секретарём на колени, покаяться в своих несуществующих грехах и начать беспрекословно выполнять волю Хозяина области — тогда жизнь начальника управления стала бы легка и прекрасна. Но мой отец по складу своего характера и жизненному мировоззрению не мог пойти на такую низкую

сделку с собственной совестью и твёрдо стоял на занятых им позициях. В связи с этим *избиение* Богданова продолжилось.

На собрании партийного актива одной из парторганизаций (точного адреса у меня не имеется) в докладе и выступлениях опять резко критиковали областное УМВД и его строптивого начальника. Богданову предъявили обвинение в бюрократизме, так как он в течение 20 минут не принимал заведующего административным отделом горкома Соловьева, несмотря на то что в кабинете в это время находился один (не учитывая, что он тогда разговаривал по телефону с руководством). Опять подняли вопрос о неправильности проведения операции по изъятию уголовного элемента. Выполнение задания министерства по проверке наличия ажиотажного спроса на товары в связи со слухами о денежной реформе представили как попытку «контролировать торговлю и этим поставить МВД над партийными органами». Упрекнули в проведении несанкционированного совещания в прокуратуре области без ведома обкома (хотя разговор с прокурором, председателем суда и уполномоченным Минюста вёл находившийся в Ленинграде замминистра Серов). Прекращение дел и освобождение из тюрьмы 4 руководителей, проходивших по «ленинградскому делу», и ещё порядка 30 арестованных по другим делам представили как **«антипартийную работу на практике».** Обвинили также в «неправильных действиях, направленных на отрыв начальников районных отделов внутренних дел от партийных органов». Вопрос был поставлен круто: секретарь Дзержинского райкома партии Никитин высказал **«сомнение** в принадлежности Богданова к Коммунистической партии» [А.9].

Своё ответное выступление Богданов начал с традиционного штампа о вражеских действиях Берии, но в зале поднялся шум и раздались голоса: «Довольно говорить о Берии, расскажите о своей работе, о своих недостатках!» Тогда выступавший перестроил начатую речь и в ответ на высказывавшееся *сомнение* заявил следующее: «Товарищи, 24 года я состою членом Коммунистической партии, никогда не имел никаких взысканий, всегда был честен и предан нашей Коммунистической партии и таким останусь до конца своей жизни».

По вопросу отрыва начальников райотделов от парторганов высказал глубокое недоумение, что таковое вообще возможно сделать, поскольку все эти начальники состояли в партийных бюро райкомов партии. В заключение Богданов сказал, что он несёт полную ответственность за те недостатки, которых в работе управления очень много. Он дал заверения в том, что работа будет налажена так, «как этого требует ЦК партии», и что дело

будет исправлено, «хотя никакого злого умысла здесь не было» [А.9].

Однако откровенная **травля** несгибаемого Богданова продолжалась по всем возможным направлениям. Повернуть дело так, чтобы сразу исключить его из партии, пока ещё не получалось, но зато удалось прочно приклеить к нему ярлыки **бериевец** и **враг народа.**

В отдел административных, торговых и финансовых органов ЦК КПСС из Ленинградского обкома партии направили материалы, в которых излагались факты, обвинявшие Богданова в «непартийном поведении». До полной расправы над неугодным оставалось уже немного.

Странно, почему всего этого «биографы», работники аппарата **не заметили?** Моего отца довели буквально до отчаянного состояния. Брат Владимир рассказывал мне, что как-то он вернулся вечером из академии домой на Кронверкский, прошёл по квартире, чтобы посмотреть, есть ли кто дома, и обнаружил папу, сидевшим в одиночестве в своей комнате в кресле… с пистолетом в руке. Хранившееся у нас оружие перед отъездом из Москвы отец сдал, значит, здесь у него, очевидно, был его табельный пистолет. Не для того же он принёс домой эту штуку, чтобы почистить и смазать на досуге? Возможно, что своевременное возвращение брата домой спасло отцу жизнь и отвратило его от желания застрелиться. Поскольку Владимир находился тогда на казарменном положении, он позвонил нашим родственникам Николаю и Людмиле Резвым и попросил их пожить некоторое время у нас дома вместе с папой, чтобы он не натворил беды.

В то время один из шоферов рассказал нам, что кто-то принёс в гараж байку, будто Богданов ездит на бронированном ЗИСе, специально подаренном ему Берией. Любопытные назойливо стали лезть в и под машину, чтобы отыскать несуществовавшее в стандартном лимузине стальное прикрытие.

Облитый с головы до ног грязью, Богданов понял, наконец, что **в одиночку** всю эту партийную махину, поднаторевшую в обработке *человеческих душ*, ему не переломить. Чтобы разорвать порочный ленинградский круг, нужна была помощь извне.

Воспользовавшись тем, что 5 августа 1953 года открывалась пятая сессия Верховного Совета СССР, Богданов как депутат Совета Союза выехал в Москву, высвободившись тем самым из-под жёсткой *персональной опеки* Андрианова. В столице, в условиях, когда все обвинения, собранные в кучу Ленинградским обкомом, были официально предъявлены *бериевцу* и *врагу народа* курировавшим этот вопрос отделом ЦК, член КПСС с 1929 года,

начальник УМВД ЛО Богданов написал письмо секретарю ЦК КПСС Хрущёву, в котором изложил свою позицию, указав, что **«значительная часть фактов представлена в искаженном виде и не соответствует действительности».** Дав по 10 инкриминировавшимся ему обвинениям необходимые объяснения, Богданов изложил действительные, по его мнению, причины, «которые дали толчок ко всей этой кампании против меня». Первый секретарь обкома Андрианов с момента появления нового начальника УМВД ЛО высказал к нему негативное отношение и добивался его замены. Андрианов преднамеренно ограничил деятельность Богданова, запретив ему общаться по служебным вопросам с кем бы то ни было из секретарей обкома и горкома, кроме него самого. Первому секретарю не нравилось, что начальник управления открыто говорил о вине обкома партии в необоснованной замене всего оперативного состава управления и райотделов после «ленинградского дела». Несмотря на то что за время всей 25-летней службы Богданов никогда не подвергался никаким взысканиям как по партийной, так и по административной линии, «только в городе Ленинграде в течение трёх месяцев 1953 года оказался вдруг **негодным работником** в оценке секретаря Обкома КПСС т. Андрианова».

В связи с тем, что созданы «невозможные условия для работы», Богданов просил ЦК КПСС «поручить разобраться в этом деле и, если возможно, урегулировать взаимоотношения» [А.9].

Кроме того, Богданов написал ещё одно заявление секретарю ЦК КПСС Хрущёву с просьбой принять его по личному вопросу.

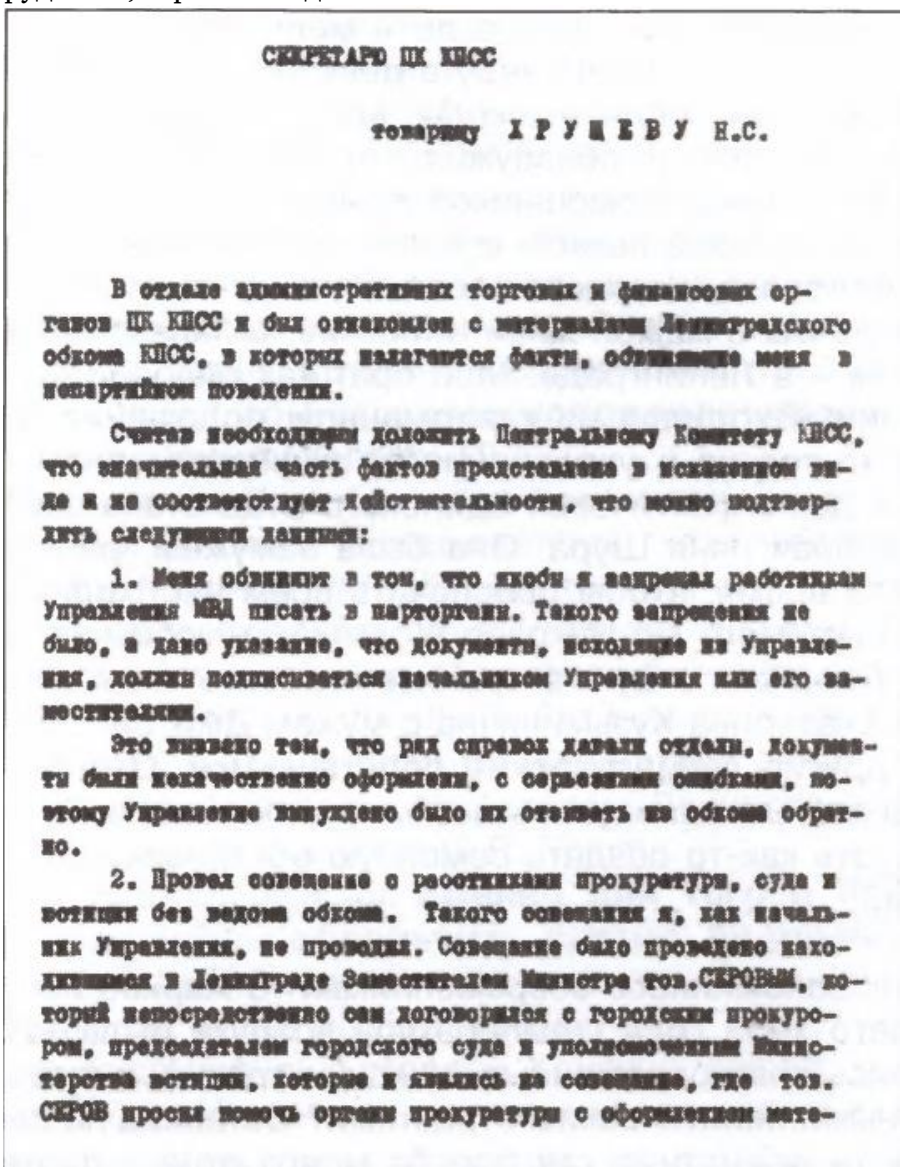
Разобравшись в обстановке, Хрущёв решил помочь в разрешении возникшей проблемы, так как надо было **приструнить** не в меру разошедшегося Андрианова, являвшегося партийным исполнителем «ленинградского дела».

В августе 1953 года Никита Сергеевич сам приехал в Ленинград и провёл заседание пленума обкома и горкома партии. Под *дудку* главного партийного руководителя все обвинения с начальника управления Богданова мгновенно сняли, и он был «полностью реабилитирован». Более того, на этом же пленуме *отмытого* начальника тут же избрали членом бюро Ленинградского обкома КПСС [А. 12]. Никакого официального сообщения в прессе об этом не появилось.

Теперь обстановка в корне изменилась: моему отцу представилась возможность свободно вздохнуть и начать нормально работать. Однако отныне все те, кто только что поносил его с трибуны партийных пленумов и собраний, стали заискивающе заглядывать в глаза и *вилять хвостом.* Общая атмосфера стала гадкая и противная. Вот почему отец заявил: «Я

в Ленинграде не останусь». Наш переезд из Москвы в северную столицу приостановился.

Не в характере моего отца было мстить тем, кто оказался к нему несправедлив и обливал помоями. Но и работать с такими людьми изо дня в день, заниматься их воспитанием, зная, что в любой момент они могут *подставить ножку*, особого энтузиазма не чувствовал. Приходилось, скрепя сердце, продолжать трудиться, терпеть и ждать оказии.



СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу Х Р У Щ Е В У Н.С.

В отделе административных торговых и финансовых органов ЦК КПСС я был ознакомлен с материалами Ленинградского обкома КПСС, в которых излагаются факты, обвиняющие меня в непартийном поведении.

Считаю необходимым довести до Центрального Комитета КПСС, что значительная часть фактов представлена в искаженном виде и не соответствует действительности, что можно подтвердить следующими данными:

1. Меня обвиняют в том, что якобы я запретил работникам Управления МВД писать в парторганы. Такого запрещения не было, а дано указание, что документы, исходящие из Управления, должны подписываться начальником Управления или его заместителями.

Это вызвано тем, что ряд справок давали отделы, документы были некачественно оформлены, с серьезными ошибками, поэтому Управление вынуждено было их отзывать из обкома обратно.

2. Провел совещание с работниками прокуратуры, суда и юстиции без ведома обкома. Такого совещания я, как начальник Управления, не проводил. Совещание было проведено находившимся в Ленинграде Заместителем Министра тов.СКРОБЫМ, который непосредственно сам договорился с городским прокурором, председателем городского суда и уполномоченным Министерства юстиции, которые и явились на совещание, где тов. СКРОБ просил помочь органам прокуратуры с оформлением мате-

Письмо секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву от начальника УМВД по ЛО Н.Л. Богданова с просьбой разобраться и «урегулировать взаимоотношения» с первым секретарём обкома

В.М. Адриановым. 1953 год

Глава 35. Москва — Ленинград — Москва

Переезд нашей семьи на брега Невы застопорился, поскольку Богданов по предыдущим «ленинградским делам» прекрасно представлял себе, что, как только *разделаются* с ним, тут же вышлют из города и всех нас, домочадцев — *пощады не будет.*

По этой причине в конце лета меня отправили в Москву, чтобы я продолжил учёбу в девятом классе всё той же 135-й мужской средней школы. Когда я приехал домой на улицу Белинского, то обнаружил, что стараниями мамы и других добровольных помощников домашние вещи наши были упакованы и горой лежали в холле. Крупная мебель ещё не была разобрана, но зияла своей внутренней пустотой.

Теперь мы с мамой жили в Москве, а папа с сыном Владимиром — в Ленинграде. Мой брат как рядовой слушатель академии находился на казарменном положении и домой приходил только в увольнение по выходным дням. Хозяйством в доме фактически одинокого отца стала заведовать наша добрая няня Шура. Она была замужем, работала, но находила время, чтобы обеспечить всем необходимым глубоко уважаемого ею Николая Кузьмича и любимого Вовусю. Много помогали отцу и старались скрасить его одиночество сестра Екатерина Кузьминична с мужем Дмитрием Павловичем и другие ленинградские родственники. Отныне на все мои школьные каникулы мы с мамой катили в Ленинград, чтобы хоть как-то создать семейную обстановку для нашего папули.

А как запомнилось современникам то жаркое ленинградское лето 1953 года (температура воздуха была +20–25 °С, случались кратковременные дожди и грозы), кипевшее непомерными политическим страстями? Оставила ли след где-нибудь та драматическая борьба моего отца с *партийными силами,* в которой он **временно** победил? В книге «Питерские прокураторы» автор замечает, что «в очерках о начальниках управления приводились воспоминания сотрудников и о Богданове», который руководил данным ведомством меньше других, всего-навсего год. На основании этих материалов даётся следующая характеристика: «Он мало чем отличался от других таких же руководителей: выдающихся личных или деловых качеств он не имел, являлся непримечательной личностью» [Л.4, Л.5]. Один из уважаемых ветеранов, интервьюировавшихся Бережковым, хорошо запомнил Богданова «благодаря ряду случайностей». «Он

(Богданов. — *Ю.Б.)* работал в Ленинградском управлении (в области) ещё в 1937–1939 годах. **Сотрудники тогда и сейчас относились к нему с большим уважением, он вызывал симпатию простотой и открытостью. К нему ходили запросто, и он всех выслушивал и помогал».**

Вот это подмечено совершенно правильно: отец помог очень многим людям где советом, а где делом.

Но продолжим цитату: «Мне запомнился такой эпизод. Примерно в середине лета 1953 года в Ленинград приезжал Хрущёв и проводил совещание в Таврическом дворце с партийным активом города. Не касаясь сути этого совещания, скажу о выступлениях нескольких из его участников. Они называли Богданова “бериевцем”, и ему, мол, не место в чекистской среде. Хрущёв эмоционально отчитал выступавших, заявив, что Богданова **направила партия** в Ленинград и она ему доверяет» [Л.4].

После отъезда Хрущёва противостояние между Андриановым и Богдановым продолжалось, хотя неоспоримый перевес был теперь на стороне последнего. В сентябре 1953 года на очередном объединённом пленуме Ленинградского обкома и горкома Андрианов был снят с должности первого секретаря, причём в отличие от многих других руководителей он был убран по инициативе *снизу*, а не по указанию *сверху*. Первым секретарём Ленинградского обкома и горкома был избран Ф.Р. Козлов.

На наш взгляд, Хрущёв **именно для того и приезжал** в Ленинград, чтобы **обеспечить снятие Андрианова,** являвшегося партийным исполнителем «ленинградского дела». На этом месте он был нежелателен, и его следовало задвинуть куда-нибудь в сторону. Конечно, всё это были глубокие подводные течения, о которых вряд ли имеются какие-либо документальные сведения, но которые, по нашему мнению, можно *вычислить*, **анализируя реально происходившие события.** С опасным, слишком много знавшим Андриановым могли бы разделаться и покруче, но сейчас **пока** времена наступили несколько иные. Через некоторое время из Ленинграда отозвали (сыгравшего отведенную ему роль) второго секретаря обкома, первого секретаря горкома Игнатова, который, поработав в Воронежском, затем в Горьковском обкомах, с декабря 1957 года стал секретарём ЦК КПСС.

Как отмечается в книге «Питерские прокураторы», на такое обращение с ним «Василий Михайлович (Андрианов. — *Ю.Б.*) был очень обижен. Он тихо покинул наш город, приехал в Москву, получил назначение в Госстрой СССР — заместителем министра» [Л.4]. Заметим, что Хрущёв не оставил его в чисто **партийной среде,** а *перекинул* на административную должность.

Вот теперь-то, пользуясь своими сохранившимися обширными партийными связями, Андрианов в полную силу занялся распространением слухов и сбором компромата **на неугодного ему Богданова.** Достижению ***успеха*** в данном грязном деле способствовало то, что с этого времени на руководящие должности в органы внутренних дел стали активно внедряться партийные работники, которые конъюнктурную политическую обстановку всегда прекрасно чувствовали.

После того как разделались с ***заклятым врагом народа*** Берией, арестовали или отстранили от должностей его ***приспешников:*** первого замминистра Б.З. Кобулова, начальника контрразведки в СА и ВМФ С.А. Гоглидзе, начальника Следственной части по особо важным делам Л.Е. Влодзимирского, начальника Управления кадров Б.П. Обручникова, начальника Секретно-политического управления Н.С. Сазыки-на, начальника Контрольной инспекции по проверке исполнения приказов министра Л.Ф. Райхмана, начальника Управления охраны С.Ф. Кузьмичёва, начальника 9-го отдела (по проведению актов индивидуального террора и диверсий) П.А. Судоплатова, начальника Транспортного управления П.П. Лорента, начальника 2-го специального бюро Н.А. Карасёва (организовывавшего прослушивание и запись разговоров руководителей партии и правительства), а также министра внутренних дел Украины П.Я. Мешика и работавшего в Грузии бывшего начальника Секретариата министерства С.С. Мамулова. Несколько раньше, 4 апреля 1953 года, в тюрьму вновь попал бывший первый замминистра госбезопасности С.И. Огольцов. Лишены свободы были и некоторые другие руководители объединённого МВД [Л.41].

Министром внутренних дел СССР 26 июня 1953 года, сразу после ареста Берии, назначили генерал-полковника С.Н. Круглова. Охрану правительства тут же поручили партийному руководителю — зав. отделом административных органов Московского комитета КПСС К.Ф. Лунёву, поставив его на должность начальника 9-го управления МВД СССР. Одним из первых заместителей министра остался верный (и пока ещё нужный) Хрущёву генерал-полковник Серов. Другим первым замминистра сделали ***правительственного охранника*** Лунёва. В должности замминистра по-прежнему остался генерал армии И.И. Масленников. Четвёртым среди заместителей министра стал генерал-лейтенант С.Н. Перевёрткин, переведенный из Министерства обороны для руководства внутренними войсками [Л.23].

Для усиления партийного влияния в состав Коллегии

министерства были введены и поставлены на ключевые посты профессиональные политработники. Так, членом Коллегии и начальником Управления контрразведки в СА и ВМФ стал бывший член Военного Совета Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Д.С. Леонов. Также членом Коллегии и начальником Управления кадров МВД СССР назначили бывшего заведующего сектором административных органов ЦК КПСС полковника В.П. Петушкова. Ещё одним членом Коллегии МВД СССР был утверждён бывший посол СССР в США А.С. Панюшкин, ставший председателем Комиссии по выездам при ЦК КПСС и возглавивший Главное управление разведки за границей. Исполняющим обязанности начальника Контрольной инспекции при МВД определили бывшего заместителя начальника политотдела погранвойск МВД Ленинградского округа полковника А.Н. Безответных. Вместо получившего повышение Лунёва начальником Управления правительственной охраны стал бывший первый секретарь Пролетарского райкома КПСС Москвы В.И. Устинов [Л.23]. Таким образом, профессиональная партийная прослойка в руководстве МВД, необходимая Хрущёву для завоевания единоличной власти, значительно укрепилась.

В Ленинграде обстановка успокоилась, и жизнь вошла в нормальное русло. В областном УМВД налаживалась повседневная работа. В книге «Питерские прокураторы» отмечено, что в отношении политических преступлений «при Богданове не обошлось без необоснованных арестов». В качестве примера приведена выданная начальником управления санкция на арест сотрудника библиотеки им. Салтыкова-Щедрина кандидата педагогических наук Б.Ю. Эйдель-баума. Он обвинялся в том, что «среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию и хранил у себя на квартире, в том числе в военное время, контрреволюционную литературу». Очевидно, что это было стародавнее дело, и Борис Юрьевич много лет уже находился *под колпаком* у компетентных органов. Что послужило конкретным поводом для взятия *агитатора* под стражу, в книге не сказано. Однако в связи с изменявшейся политической обстановкой интересна дальнейшая судьба данного дела. Ленинградским городским судом Эйдельбаум 26–28 ноября 1953 года был приговорён по статье 58 пункт 10 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 3 года.

Затем определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Совета СССР от 19 января 1954 года срок наказания ему был уменьшен до 5 лет лишения свободы без поражения в правах. Однако на основании ***ворошиловского*** указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии»

бывший научный сотрудник от отбытия наказания был освобождён со снятием судимости [Л.4].

Наступила пора так называемой ***хрущёвской оттепели.*** Однако лично мне это ласковое и приветливое слово ***оттепель*** очень не хотелось бы использовать для обозначения того печального периода правления нашего нового самодержца, когда временно были чуть ослаблены вожжи перед нарастанием очередного ***культа личности.*** В связи с этим **предлагаю** этот короткий этап называть временем *хрущёвского послабления*, за которым последовал дикий произвол, названный *волюнтаризмом.*

В воскресенье 13 сентября 1953 года все газеты опубликовали информационное сообщение о том, что ***на днях состоялся*** пленум ЦК КПСС, на котором был заслушан и обсуждён доклад Хрущёва «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Материалы этого доклада оказались столь обширными, что печатались в газетах в течение трёх дней, а потом впервые вышли отдельной брошюрой. Вторым пунктом повестки дня пленум официально избрал Хрущёва лидером партии — **первым секретарём** ЦК КПСС. После разгрома опасного конкурента — Берии — этот пленум можно считать вторым важным этапом и базовой площадкой в восхождении Хрущёва к вершине **единоличной власти.** Отныне его пространные речи на целое десятилетие стали непременным атрибутом нашей жизни, превратившись в катехизис идейно-теоретического воспитания масс.

В декабре 1953 года состоялся официальный суд над Берией и проходившими в качестве членов его ***банды*** Б.З. Кобу-ловым, С.А. Гоглидзе, Л.Е. Влодзимирским, В.Н. Меркуловым, П.Я. Мешиком, В.Г. Деканозовым. В приговоре, объективность которого вызывает серьёзные сомнения, Берия обвинялся в том, что он «сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков» (очевидно, имелись в виду перечисленные выше лица), которые ставили своей целью использовать органы внутренних дел против Компартии и советского правительства, «поставив над ними МВД для захвата власти». Далее инкриминировались вооб-ще несусветные замыслы по ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановлению господства буржуазии.

«Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, — говорилось дальше в обвинительном заключении, — Берия начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие посты» (перечисленные выше лица в марте 1953 года особых повышений не получили, даже имели понижения, и до 26 июня 1953 года по служебной лестнице никуда не

продвинулись). Заговорщики принуждали работников местных органов МВД тайно собирать *клеветнические данные* о деятельности и составе партийных организаций, «пытаясь опорочить работу партийных органов» (действительно собиралась информация, чтобы показать реальную работу нерадивых партийных боссов). Были приняты меры к активизации буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, разжиганию вражды и розни между народами СССР (так была трактована попытка Берии выдвинуть национальные кадры на местах). Была установлена слежка за руководством Компартии и советского правительства. (Во-первых, с нашими *товарищами* всегда надо держать ухо востро. Во-вторых, если бы Берия хорошо *шпионил,* то не допустил бы своего ареста. Так что за Лаврентием Павловичем следили лучше.) Суд обвинил Берию и его соучастников и в том, что они совершили террористические расправы над людьми, со стороны которых боялись разоблачений. (Это правильно. Но объективности ради на скамью подсудимых следовало бы посадить Хрущёва, Маленкова, Молотова, Кагановича и др.)

В приговоре Берии были предъявлены обвинения в попытке сближения и установления связи с Гитлером в 1941 году с целью достижения договорённости о прекращении войны за счёт уступки ряда территорий. Инкриминировалось также стремление открыть врагу Главный Кавказский хребет, чтобы оккупировать Закавказье иностранцами (за организацию обороны Кавказа Берия получил звание Маршала СССР).

В обвинительном заключении имелись также разделы о покровительстве агентам иностранных разведок, о попытке установить тайную связь с Тито-Ранковичем, о «капитулянтских предложениях» Берии с отказом от социалистического строительства в ГДР и странах народной демократии. Бывший советский руководитель был объявлен *агентом английской разведки.* Суд обвинил Берию и в моральном разложении, указав, что он сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе якобы связанными с сотрудниками иностранных разведок [Л.3].

О «ленинградском деле» пока что ничего не было сказано.

Прекрасно помню, что ещё в ту пору, когда вышеперечисленные обвинения были официально объявлены, они казались неправдоподобными и во многом вызывали сомнение. Однако народ, приученный *безгранично доверять* Советской власти, с молчаливым ужасом воспринял образ нового разгромленного врага: ведь должен был кто-то быть повинен во всех наших бедах, неудачах и бесчисленных жертвах. Убийство

Берии и ещё ряда *бывших товарищей* отнюдь не говорило о силе Хрущёва, а лишь подтверждало его коварство. Я не оправдываю Лаврентия Павловича, но **обвиняю Никиту Сергеевича** в том, что он **продолжил курс репрессий, придав ему новые формы.** Какая же это была *оттепель*, когда продолжались расстрелы опасных свидетелей минувших тяжких дел, лагерная система сохранилась и число заключённых стало даже расти, всякое свободомыслие давилось бульдозерами, а инакомыслие *лечилось* в психушках? Начав с уничтожения Берии с сотоварищами, Хрущёв продолжил серию убийств. В июле 1954 года был судим и расстрелял Рюмин, являвшийся непосредственным руководителем следствия по провокационному «делу врачей». Затем такой же участи повергся бывший министр госбезопасности Абакумов, на счету которого было «ленинградское дело». Какую государственную опасность представляли в ту пору эти два *бывших*? На наш взгляд, никакой. Но их уничтожили (в назидание другим), потому что **они могли раскрыть, какую роль играл Хрущёв** в означенных выше фальсифицированных делах. Теперь, поприжав ещё одного идеолога репрессий — Маленкова, в декабре 1954 года Хрущёв уже постфактум инкриминировал (пока что) **одному Берии всю вину** за «ленинградское дело» [Л.48]. Сам же, занимая пост первого секретаря ЦК, предназначавшийся для безвинно убиенного Кузнецова, а позднее став вместо другого убиенного Вознесенского ещё председателем Совмина, **Хрущёв остался, вроде бы, чист для истории.** Однако в своих деяниях Никита Сергеевич забыл (или не знал?) простую истину: **зло злом не уничтожишь.** Если бы он действительно хотел не просто дорваться до власти, а сделать что-то доброе для своего великого и несчастного народа, то ему, покаявшись в собственных грехах, следовало создать в стране такие условия, при которых зло не могло бы проявлять себя. Это долгий, тяжкий и многотрудный путь, но иного нет. Если зло, постоянно существующее в мире, оказывается в такой обстановке, когда оно **не имеет возможности** творить собственный произвол, то это является большей победой, чем разгром противника в любой войне, и делает организатора подобного мирного достижения поистине мудрым и могучим.

Длительная рабочая нагрузка, бессонные ***сталинские*** ночи, страшная нервотрёпка последнего времени отразились на здоровье отца. Хотя отпуск ему формально предоставлялся, но воспользоваться им не имелось возможности. Последний раз мы все вместе отдыхали в 1949 году в Сочи. Зато в 1954 году Богданову предоставили сразу два отпуска. Сначала с 5 января 1954 года папа ***отгулял*** целый месяц за 1953 год. После

окончания моих школьных каникул мы вместе приехали в Москву. Здесь своё свободное время отец посвятил тому, чтобы, во-первых, обследовать собственное здоровье: в почках появились камни, которые давали о себе неприятно знать. Надо было выработать медицинскую стратегию борьбы с этим недугом. Во-вторых, отец ***провентилировал*** возможность своего перевода в Москву. Жить на две семьи и в двух огромных квартирах было просто разорительно. Много денег отнимали и наши достаточно частые поездки из Москвы в Питер и обратно. Насколько я понимаю, в министерстве обещали помочь, но пока что просили подождать.

Второй свой, теперь уже очередной, отпуск за 1954 год отец получил с 23 августа. По рекомендации врачей он поехал (вместе с супругой) в Трускавецкий санаторий, чтобы попытаться промыть свои почечные камни водами знаменитого источника Нафтуси. ***Песок*** шёл у папы достаточно интенсивно. Тот, кто с подобным явлением сталкивался, легко может себе представить, какие при этом бывали боли. Но отец никогда не жаловался и не стонал. Только, когда очень прижимало, ложился в постель.

Но, к сожалению, в дополнение к физиологическим начались и ***политические*** неприятности. Очевидно, ***подпольный обком*** продолжал действовать, и про Богданова начали широко распространяться весьма ***грязные сплетни,*** которые подхватывали самые разные люди. Информацию с предупреждением об этом сообщил моему отцу лично мне не знакомый И.Н. Петров. 2 июня 1954 года в Ленинград в Управление внутренних дел «только лично начальнику УМВД тов. Богданову Н.К.» пришло письмо из Сочи от указанного отправителя. В своём послании Петров сообщал, что в мае отдыхал в санатории им. Орджоникидзе вместе «с некто Алентаевым Фёдором Григорьевичем, где с ним и познакомился». Иван Никонорович напомнил, что он знал Николая Кузьмича по Казахстану, немного по Москве и Ленинграду, а потому «крайне был удивлён свободным высказыванием по Вашему адресу Алентаева, работника Вашей системы. Я не знаю, — сказано было в письме дальше, — какие у Вас с ним отношения, но, судя по тому, что он о Вас говорил, видно, что неважные. Не просто в каком-то случайном разговоре, а на протяжении десяти дней он периодически рассказывал мне о Вас довольно подробно, порою захлёбываясь, причём всё **исключительно плохие вещи».** Поражённый услышанным, Иван Никонорович вынес собственно мнение: «Я ему, конечно, не поверил, почему и решил написать Вам» [А.9].

Рассказчик Апентаев работал начальником отдела

эксплуатации шоссейных дорог в ГУШОСДОРе МВД СССР, можно сказать, на протяжении всей своей служебной карьеры. В связи с этим я решил показать данное письмо моим милым ветеранам ГУШОСДОРа О.В. Васильевой и Л.С. Гаврилиной. Но прежде попросил их охарактеризовать известную им личность. Обе женщины единодушно заявили, что Алентаев — красивый, обаятельный мужчина, дельный начальник, открытый, прямой и честный человек, хороший руководитель [Б].

Тем интереснее узнать, что же этот *положительный герой* говорил о своём стародавнем руководителе главка Богданове: «О Вашей прошлой деятельности он (Алентаев. — *Ю.Б.)* отзывался так: бывший чертёжник, таким и остался по настоящее время; посмотрите, как держит карандаш — так и кажется, что сейчас будет чертить». На наш взгляд, пройденная в юности школа бывшего Александровского училища заложила у моего отца прочные основы профессиональной деятельности.

Далее Алентаев излагал в гадливой интерпретации всю служебную карьеру Богданова: «Волею судеб и подхалимством стал начальником райотдела МВД, где служил, а не работал, причём так, что сразу был послан заместителем министра в Казахскую ССР». Как, оказывается, всё было просто! А мама говорила, что отец в отличие от иных добивался всего собственным трудом. Да и взять хотя бы относившуюся к тому периоду работы такую ненароком *забытую* деталь: за саботаж указаний об арестах Богданова в начале 1938 году должны были самого застрелить.

Но продолжим чтение письма. В изложении Фёдора Григорьевича, «подхалимство (Богданова. — *Ю.Б.)* было не простое, а квалифицированное», поскольку происходило перед (в то время) замминистра Кругловым, который будто бы «Вас тащил по работе, а Вы ему были преданы». Действительно, Круглова и Богданова связывало нечто большее, чем простые служебные отношения. В 1972 году Сергей Никифорович, сам тогда находившийся в опале, был единственным представителем прежней элиты МВД, принявшим участие в похоронах моего отца.

«Всю войну, — говорил Алентаев, — Богданов продержал семью т. Круглова у себя в Казахстане». Семья Кругловых в октябре 1941 года была эвакуирована в Куйбышев, и в 1943 году вернулась в столицу [Л.42]. «За такое одолжение Вас якобы вызвали в Москву и назначили Начальником УМВД по Московской области, а потом зам. министра МВД». Странно, как это Алентаев позабыл, что по приезде в Москву Богданов являлся сначала его непосредственным начальником, когда возглавлял ГУШОСДОР? Уж не Фёдору ли Григорьевичу было не знать, какие

большие объёмы работ и сколь успешно выполнял тогда его родной главк?

«Дальше, — говорил Алентаев, — когда все начали возмущаться таким сильным протеже, тот же покровитель (Круглов? — *Ю.Б.)* переправил Вас в Ленинград начальником УМВД (как мы теперь знаем, назначил и напутствовал Богданова тогдашний министр Берия. — *Ю.Б.),* где Вы по своей привычке выдвинуться приняли участие в Ленинградской трагедии ("ленинградское дело" закончилось в основном в 1951 году, а Богданов приехал в город на Неве в марте 1953 года и сумел добиться освобождения из тюрьмы многих страдальцев по этому делу. — *Ю.Б.)*».

Работая в Ленинграде, Богданов «установил слежку за партийными работниками. При разоблачении врагов народа Вас на собрании начали спрашивать: давали Вы команду следить за партийными руководителями? Вы это отрицали. Тогда якобы встал один начальник райотдела и говорит: "Я не знаю, есть ли у т. Богданова письмо от Берия за номером и числом, но то, что он нас созывал и давал установку следить — это факт"». Если московской троице идеологов «ленинградского дела» требовалось за кем-либо из партийных руководителей следить и собирать на них компромат, так только за Андриановым, которого надлежало убрать. В остальном контроль за партийными деятелями сводился к тому, чтобы те не лезли не в свои дела. Берия вознамерился поставить партию в отведенные ей рамки, за что и погорел.

«После ряда разоблачений, о т. Богданове в ленинградских газетах появился ряд статей, его изобличающих (в газетах в отчётах о партийных пленумах указывалось лишь в общем виде на *серьёзные недостатки* в работе ряда районных отделов и областного управления, и не назывались фамилии. — /О.Б.), но та же рука его спасает (в Ленинград приезжал Хрущёв, который **временно** выручил Богданова из сложного положения, а также [и это главное!] обеспечил условия для последующего снятия Андрианова с его высокого поста. Так что это была **другая,** но не *та же рука. — Ю.Б*.)».

«И вот сейчас, когда многие семьи ленинградцев возвращаются из наказания (и это во многом благодаря Богданову, который, став начальником областного УМВД, препятствовал выселению из города семей репрессированных руководителей. — /О.Б.), **т. Богданов не только не наказан,** а **переводится опять в Москву** и опять заместителем министра внутренних дел». Вот так да! Сплетникам уже всё известно, хотя Богданов только ещё недавно официально поставил перед МВД вопрос о том, что в Ленинграде он оставаться не может в связи с

крайне неблагоприятной в отношении лично для него обстановкой. А переведен в Москву он был ровно через год после *выхода в свет* цитируемого нами письма.

Петров в своём послании дал собственную оценку и *рассказчику,* и тому, что он от него услышал: «Вот этот болтун, который не одному мне, очевидно, рассказывал про Вас, безусловно, глупости, кто он такой и кто ему, работнику МВД, дал право так себя вести, позорить Вас?» [А.9].

Ветераны дорожного строительства Васильева и Гаврилина, едва выдержав чтение мною для них приведенного выше письма (ощущение действительно омерзительное), единодушно заявили, что эта бумага является гнусным поклёпом на Алентаева и что автор письма Петров решил оклеветать хорошо известного им человека [Б].

Итак, работавший 8 лет назад в подчинении у Богданова умелый руководитель и хороший человек Алентаев стал вдруг *взахлёб* рассказывать о своём бывшем начальнике несусветные вещи, носившие явно отрицательный, тенденциозный характер, нацеленный на то, чтобы **опорочить** *объект критики.* Следует отметить, что с марта 1953 года ГУ-ШОСДОР перешёл из ведения МВД СССР в Министерство путей сообщения. Значит, к моменту написания письма Апен-таев уже больше года не являлся сотрудником органов внутренних дел, и для него получение подробной информации из этого достаточно закрытого ведомства являлось в определённой мере затруднительным. В открытых публикациях тех лет, в частности в ленинградских газетах, о которых в письме шла речь, никаких широких освещений служебной деятельности Богданова не делалось. Следовательно, **КТО-ТО** дал Алентаеву (и, очевидно, не ему одному) *пикантные подробности* о жизни объекта, подлежавшего *общественной дискредитации.* Вполне допускаю, что полученные Фёдором Григорьевичем негативные сведения столь сильно поразили его, что вмиг развенчали известный ему образ бывшего начальника главка. В связи с этим у находившегося на отдыхе человека возникла естественная потребность выговориться и поделиться с добросовестным слушателем сведениями, весьма его поразившими. Интересно, что в письме ни разу не был упомянут ГУШОСДОР, о работе в котором вместе с Богдановым начальник одного из важнейших отделов Алентаев мог бы рассказать наиболее подробно, причём изложить **собственное мнение,** а не повторять чужие слова. Кстати, полтора года работы в ГУШОСДОРе Николай Кузьмич всегда вспоминал как один из наиболее светлых этапов своей служебной карьеры. Довольно часто, когда мы ехали на машине, отец показывал места, где в его

бытность в главке строились участки дорог, возводились мосты, обустраивались зелёные насаждения и др. *Чёрный негатив* из этих лет плодотворной работы, где *политики* имелось мало, извлечь было трудно, и потому в компромате на Богданова ГУШОСДОР никогда не упоминался.

Так откуда же всё-таки Алентаев почерпнул *целенаправленно перевранные* сведения о служебном пути своего бывшего начальника и особенно о его работе в Ленинграде, когда Богданов вдруг оказался «негодным и неугодным работником», к чему сам *рассказчик* не имел никакого отношения? Кто мог сообщить ему о ещё только мифически планировавшемся новом назначении Богданова на должность заместителя министра внутренних дел, позволявшем ему покинуть Ленинград?

Предполагаю, что данная работа была делом рук *подпольного обкома*, возглавлявшегося Андриановым, который разрабатывал и распространял *в массы* слухи для создания общественного мнения, порочившего неугодного ему руководителя. Но это явилось лишь **началом,** первым этапом ***проекта*** (в терминологии нашего времени) по ***дискредитации*** Богданова. Дальше начались прямой поиск и сбор компромата. Бывший первый секретарь обкома Андрианов, очевидно, считал, что в его падении с высокого руководящего пьедестала виновен **только** Богданов, и, затаив обиду, решил ***насолить*** ему, используя свои старые партийные связи. При этом бывший Хозяин Ленинградской области совершенно упускал из виду, что если бы не содействие **хитрого интригана Хрущёва,** то его обидчику никогда бы не удалось (даже в дружном взаимодействии со всей ленинградской парторганизацией) ***свалить*** первого секретаря обкома. **Если бы Андрианов был нужен Хрущёву,** то последний легко мог бы дать необходимые указания и защитить своего ***вассала.*** Но новоявленный всемогущий вождь партии удовлетворился тем, что отправил Андрианова ***в почётную ссылку,*** определив его замминистра по строительству, **не оставив этого опытнейшего** *профессионального революционера* **на партийной работе.** Всё это было ***строго секретно***, и потому общественности оставалось лишь довольствоваться тем, что было на поверхности. Но и Богданов, **успешно выполнивший** отведенную ему роль ***подставки***, больше не интересовал Хрущёва, и потому он спокойно оставил ***на съедение*** (или как получится) начальника областного управления, которого столь эмоционально **лично** защитил от расправы в августе 1953 года.

Вот как видятся мне по прошествии лет события дней минувших. После первого ***тревожного звонка*** в виде проанализированного нами письма до отца, видимо, доходили

сведения и об иных грязных слухах, распространявшихся другими людьми. Однако с нами (даже со своей женой, иначе мама что-нибудь конкретное рассказала бы сыновьям или родственникам) папа своими неприятностями никогда не делился, считая, что со всеми трудностями сумеет справиться сам. После ***формирования общественного мнения*** начался достаточно тихий этап поиска и сбора **компромата.**

Закончив лечение в Трускавецком санатории, отец в октябре 1954 года отправился в Ленинград продолжать свою служебную деятельность, а мама приехала к нам в Москву. В результате работы, проведенной Богдановым как начальником областного УМВД позиции его в значительной мере укрепились. Приятным известием стало награждение его орденом Ленина за 25-летнюю выслугу лет в органах внутренних дел, объявленное указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1954 года [А.2]. Это был последний из восьми орденов, полученных отцом. Однако высокие награды не имели никакого значения в судьбе человека. Наоборот, часто после этих *пышек* начинались *шишки.*

В конце 1954 года Богданова выдвинули кандидатом в депутаты Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся по 75 избирательному округу Свердловского района. В письме, направленном в Окружную избирательную комиссию, кандидат в избранники народа принёс свою глубокую благодарность и дал согласие баллотироваться по данному избирательному округу. Как и положено, заверил избирателей округа, что если будет избран депутатом, то оправдает оказанное доверие и примет активное участие в работе Совета «по проведению в жизнь решений Коммунистической Партии и Советского Правительства, направленных на укрепление могущества нашего Советского государства».

Вроде бы, после всех передряг ленинградские дела успешно налаживались.

Глава 36. аместитель министра внутренних дел РСФСР

В целях укрепления своей партийной власти Хрущёв, разделавшись со своим самым опасным конкурентом — Берией, постепенно провёл ряд организационно-структурных преобразований, имевших целью существенно ослабить мощь объединённого МВД. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года было упразднено Особое совещание при МВД СССР, а затем расформирован его секретариат. Цель, вроде бы, была благородная — ликвидировать орган, имевший право принимать внесудебные решения и наказывать провинившихся лишением свободы. Однако непосредственно в руках Хрущёва как первого секретаря партии остался другой **внесудебный орган** — Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС, который с таким же успехом мог чинить собственный произвол. КПК при ЦК не имел права ***засадить*** провинившегося перед партией в тюрьму, но, по указанию с ***верхов***, лишая человека партийного билета или навешивая ему строгий выговор от имени главного партийного органа, обрекал ***бывшего*** на жалкое существование.

Чтобы взять под партийную опеку цензуру, постановлением Совмина СССР от 8 октября 1953 года Главлит (Главное управление МВД СССР по охране военных и государственных тайн в печати со штатом 301 человек) был выделен из состава МВД в самостоятельное главное управление при Совмине СССР. Теперь этот ***самостоятельный*** главк стал более зависим от ЦК, так как, к примеру, заседания Президиума Совета Министров при необходимости тут же превращались в заседания Президиума ЦК КПСС, поскольку оба органа состояли практически из одних и тех же людей.

24 ноября 1953 года в Президиум ЦК КПСС на имя Маленкова и Хрущёва из МВД СССР поступил ***заказанный*** проект постановления ЦК КПСС «О сокращении штатной численности органов МВД и утверждении структуры МВД СССР». После предыдущего сокращения в июне 1953 года штата центрального аппарата на 8704 человека предлагалось за счёт слияния ряда управлений и отделов к 1 февраля 1954 года уменьшить число сотрудников ещё на 20 %.

В то же время МВД возвращались хозяйственно-строительные (далёкие от политики) функции, от которых это ведомство в своё время полностью освободил Берия. Во исполнение постановления

Совмина СССР от 21 января 1954 года Главное управление лагерей (ГУЛАГ), содержавшее значительную ***рабочую силу социализма***, вновь перешло из ведения Минюста в МВД. Таким же путём 10 февраля 1954 года Министерство лесной и бумажной промышленности передало в МВД своё управление Главспецлес, которое было реорганизовано в Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП). По постановлению Совмина от 10 марта 1954 года из ведения Министерства среднего машиностроения в МВД были возвращены Главпромстрой и Главспецстрой. За полгода до этого, 17 сентября 1953 года, в МВД был организован спецотдел по ведению оперчекра-боты на объектах Министерства среднего (атомного) машиностроения [Л.23].

Здесь самое место поговорить о том, какая обстановка была в те годы в ГУЛАГе. К концу короткого ***бериевского правления*** общее число заключённых сократилось более чем в два раза и по состоянию на 1 июля 1953 года составило 1 044 420 человек в лагерях и колониях Минюста, плюс 250 тыс. человек в лагерях и тюрьмах МВД. Число ИТЛ равнялось 65. Однако с этого времени наметилось ***обратное движение,*** и численность заключённых в лагерях и колониях начала расти. ***Особые лагеря,*** наполненные политическими противниками партии, свой статус не изменили [Л.24]. В этот период произошли три бунта в лагерях заключённых (в Воркуте и Норильске в 1953 году и в Степном лагере Казахской ССР в 1954 году), которые как раз в расцвет ***хрущевского послабления*** были жестоко подавлены войсками.

Несмотря на провозглашение в речах политических лидеров страны о приверженности демократическим принципам, сущность экономической системы не изменилась, а потому ***по решению партии и правительства*** вновь началось постепенное восстановление лагерно-производственных комплексов. Как и в былые времена, начальник лагерной структуры стал назначаться руководителем соответствующего производства. Следующим шагом ***в старину*** явилось подчинение лагерей, возвращённых в МВД, своим главкам не только по производственным, но и по всем другим вопросам. Наше высшее партийное руководство не видело иных путей формирования ***производительных сил***, в связи с чем было открыто 14 новых лагерей. К концу 1954 года свыше 75 % лагерных подразделений и заключённых были сосредоточены на лесоразработках, в атомном строительстве и в Дальстрое.

После восстания в Степном лагере был ликвидирован институт ***особых лагерей,*** но в соответствии с «Положением об исправительно-трудовых лагерях и колониях» осуждённые за

контрреволюционные преступления должны были содержаться ***изолированно*** от остальных заключённых. Так что при Хрущёве сохранились прежние порядки. Правда, «во исполнение решения директивных органов» (читай — ЦК КПСС) был дан старт пересмотру всех политических уголовных дел. Благодаря этому к началу 1955 года численность заключённых уменьшилась с 1 360 303 до 1 073 280 человек [Л.24].

В целях дальнейшего ослабления объединённого МВД 12 марта 1954 года Президиум ЦК КПСС принял решение о выделении органов госбезопасности в самостоятельное ведомство. На следующий день указом Президиума Верховного Совета был образован Комитет Государственной Безопасности (КГБ) при Совмине СССР (читай — при ЦК КПСС). Председателем Комитета назначили пока ещё ***друга*** Хрущёва генерал-полковника И.А. Серова. Чтобы подмазать ***доро-тому*** и сделать его более покладистым, Ивану Александровичу в августе 1955 года, к его 50-летию, сначала присвоили воинское звание генерала армии, а затем наградили орденом Ленина. Для надёжности в качестве первого заместителя председателя КГБ главу нового ведомства *подпёрли* бывшим партийным деятелем К.Ф. Лунёвым.

Теперь, когда система госбезопасности, включавшая разведку за границей, контрразведку, средства борьбы с антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами, находилась под хорошим партийным надзором, в её ведение передали правительственную связь, перлюстрацию телеграфной и почтовой корреспонденции, а с марта 1957 года и охрану государственной границы.

Несмотря на то что из МВД ушла крупная составлявшая это ведомство структура, за счёт возвращения лагерно-производственных подразделений это министерство так разрослось, что у сохранившего свой пост министра генерал-полковника С.Н. Круглова вместо 4 стало теперь 6 заместителей, правда, среди них ни одного первого зама. Генерал-майор С.Е. Егоров и генерал-лейтенант Н.П. Стаханов являлись профессиональными работниками органов, генерал-лейтенант С.Н. Перевёрткин прибыл из Министерства обороны для командования войсками, а трое остальных заместителей отличались *партийным прошлым.* Не имевший воинского звания, И.С. Комиссаров всю свою трудовую жизнь работал на партийном поприще и был направлен в органы внутренних дел (вместо убывшего в КГБ Лунёва) с должности заведующего сектором органов МВД Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС. 12 апреля 1954 года он стал замминистра и, конечно же, получил под свою опеку управления кадров и

учебных заведений. Партийный работник, бывший ответственный контролер, член бюро КПК при ЦК КПСС полковник А.В. Никифоров был направлен в МГБ ещё в 1951 году и занимал там должность замминистра. С подачи Берии, разгонявшего бывших политработников, он стал зам. начальника УМВД Брянской области, но к осени 1953 года вернулся в Москву. С 26 марта 1954 года на три года он стал замминистра внутренних дел. Бывший работник ЦК КПСС полковник В.П. Петушков с 3 июля 1953 года возглавлял Управление кадров МВД, а с 22 февраля 1954 года был назначен замминистра [Л.23].

Таким образом, как органы госбезопасности, так и внутренних дел находились отныне под надёжным надзором хрущёвских ставленников и ни при каких условиях не могли ***встать над партией.***

После выделения КГБ из МВД Ленинградское облуправление также распалось на две составляющие. Генерал-лейтенант Богданов стал начальником УВД, в ведении которого сохранились милиция, пожарная охрана, местная противовоздушная оборона и др. (кстати, в ***летописи*** Ленинградского УВД о Богданове вообще никаких сведений не сохранилось). Начальником Управления КГБ при Совмине СССР по Ленинградской области 27 марта 1954 года был назначен генерал-лейтенант С.С. Бельченко, до этого, с декабря 1953 года, командовавший погранвойсками Ленинградского округа [Л.51].

В 1999 году мне посчастливилось побеседовать с генерал-полковником Бельченко, который после Ленинграда работал с 1956 по 1959 год зам. председателя КГБ при СМ СССР, а затем вышел на пенсию по болезни. Я попросил Сергея Саввича поделиться своими впечатлениями о встречах с моим отцом, происходивших почти полвека назад при их совместной работе в городе на Неве. Бельченко сказал, что как начальники областных управлений они с Богдановым имели между собой служебные контакты, хотя и не очень частые. Все возникавшие вопросы решали «хорошо, при взаимном понимании». Личные отношения у них сложились ***уважительные.*** Я, конечно, задал свой ***контрольный вопрос:*** знал ли коллега по работе, что у Николая Кузьмича не было левого глаза и почему? Сергей Саввич ответил, что **сначала не знал,** и «при встречах это не бросалось в глаза». Однако потом **кто-то сообщил ему** о данном обстоятельстве. Тогда при следующих встречах с Богдановым Сергей Саввич «специально стал присматриваться, но всё равно ничего не заметил». О причинах отсутствия глаза ничего сказать не мог [Б].

В своей борьбе за власть Хрущёв, стремясь заручиться поддержкой наиболее близких ему по духу украинских деятелей,

сделал ***сказочный подарок*** по случаю празднования 300-летия воссоединения России и Украины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года Крымская область, без согласия на то её народонаселения, была передана из состава РСФСР в состав Украинской ССР с внесением соответствующих изменений в Конституцию.

Купив себе поддержку, Хрущёв продолжил интриги против своих соратников. В январе 1955 года на пленуме ЦК был подвергнут критике Маленков за неправильную линию в предоставлении приоритета легкой промышленности вместо тяжёлой и за ошибки по руководству сельским хозяйством в начале 1950-х годов (ещё при Сталине). Через некоторое время он подал формальное заявление об отставке с поста премьера, «самокритично признав свои ошибки в связи с недостаточной подготовленностью для роли руководителя правительства». Новым главой Совмина СССР стал во всём послушный Хрущёву его стародавний приятель Булганин. Пока что Маленков оставался одним из заместителей премьера и сохранял своё положение члена Президиума ЦК. В самом правительстве в течение 1955 года были произведены различного рода замены и перемещения, свидетельствовавшие об усилении *партийного влияния* Хрущёва [Л.48].

Очевидно, в целях дальнейшей децентрализации и снижения статуса органов внутренних дел указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 февраля 1955 года было образовано МВД РСФСР. Министром в это новое ведомство назначили генерал-лейтенанта Н.П. Стаханова, до этого замминистра и начальника Главного управления милиции МВД СССР. Вывески союзного и республиканского министерств разместились по обе стороны главного подъезда здания на улице Огарёва, 6 (ныне Газетный переулок). МВД РСФСР определили штатную численность всего лишь в 820 человек. В структуру министерства входили управления милиции, исправительно-трудовых лагерей и колоний, пожарной охраны, службы местной противовоздушной обороны, кадров, архивное, хозяйственное и тюремное, а также отделы детских колоний, надзора за ссыльными, фельдсвязи и некоторые другие. Для сравнения можно отметить, что союзное министерство пока что имело штат более 4500 человек, а у министра генерал-полковника Круглова работало 8 заместителей [Л.23].

У моего отца появилась благоприятная возможность вновь перебраться в Москву.

31 марта 1955 года замминистра внутренних дел СССР С.Н. Перевёрткин направил в ЦК КПСС письмо, в котором говорилось,

что МВД СССР просило высший партийный орган утвердить генерал-лейтенанта Богданова членом Коллегии и замминистра внутренних дел РСФСР, освободив его от должности начальника УМВД ЛО. Тогдашний первый секретарь Ленинградского обкома Ф.Р. Козлов, поддерживавший Николая Кузьмича, против такого перевода не возражал.

На следующий день в поддержку данного обращения председатель Совета Министров РСФСР А.М. Пузанов направил в тот же адрес свою бумагу, в которой просил утвердить генерал-лейтенанта Богданова Н.К. **первым** заместителем министра внутренних дел РСФСР. При этом указывал, что по работе с 1953 года в должности начальника управления МВД ЛО он характеризовался с *положительной стороны.* Вопрос о переходе с МВД СССР (Кругловым) был согласован [А.7].

В процессе трехнедельных урегулирований партийные вершители судеб объяснили, видимо, руководству Российской Федерации, что Богданова из Ленинграда забрать было необходимым (он своё дело сделал, и там ему было не место), но слишком возвышать всё-таки не стоило. В результате 22 апреля 1955 года за подписями заведующего сектором и инструктора Административного отдела ЦК КПСС родилась такая справка: «Председатель Совета Министров РСФСР т. Пузанов А.М. не настаивает на своём представлении об утверждении генерал-лейтенанта Богданова Н.К. первым заместителем министра внутренних дел РСФСР и согласен с предложением МВД СССР утвердить его заместителем МВД РСФСР» [А.7]. Кстати, должности первого зама в штате всё равно не было, хотя при желании таковую могли ввести.

Теперь со спокойной совестью зам. зав. Административным отделом ЦК КПСС В.В. Золотухин направил в ЦК КПСС собственную пространную бумагу. *Анонимному адресату* зам. зав. сообщил, что МВД СССР (Перевёрткин) и Совет Министров РСФСР (Пузанов) внесли предложение об утверждении генерал-лейтенанта Богданова замминистра внутренних дел РСФСР и об освобождении его от ныне занимаемой должности. Далее приводились данные и сообщалось, что за всю свою службу на всех руководящих постах он «с обязанностями справлялся». В марте 1953 года в связи с реорганизацией органов МВД Богданов был назначен начальником УМВД Ленинградской области и **«в этой должности зарекомендовал себя как опытный и подготовленный работник** (про *бериевца* и *врага народа* ничего сказано не было. — *Ю.Б.*), являлся членом бюро обкома партии». Отразил партийный босс и свою работу: «В Административном отделе ЦК КПСС с т. Богдановым беседовали, работать в

указанной должности он согласен». И далее следовал обобщающий вывод: «Считаем возможным предложение МВД СССР и СМ РСФСР принять» [А.7].

По результатам месячной ***бумажной дискуссии*** 30 апреля 1955 года ***строго секретным*** постановлением Секретариата ЦК КПСС за подписью секретаря ЦК М.А. Суслова было дано партийное ***добро*** на новое назначение генерал-лейтенанта Богданова. 5 мая 1955 года наконец состоялся приказ МВД СССР, согласно которому Богданов стал замминистра МВД РСФСР и вновь вернулся для работы в Москву [А.8].

Через месяц, 2 июня 1955 года, секретарь ЦК Суслов подписал ещё одно ***секретнейшее*** постановление, которым в соответствии с предложением Совмина РСФСР была утверждена Коллегия МВД РСФСР. В её состав вошли: председатель Коллегии Н.П. Стаханов — министр внутренних дел РСФСР, и члены коллегии И.Н. Абрамов, Н.К. Богданов, А.В. Куреев, М.А. Усов — заместители министра, М.И. Земской, А.Л. Клименко, Г.А. Малинин — начальники управлений этого министерства [А.7].

Отец опасался, как бы после его отъезда из города на Неве за его ***грехи*** неугомонные ***правдолюбцы*** не отыгрались бы на сыне Владимире, и потому по согласованию и с помощью начальника ленинградской академии П.В. Родимова перевёл слушателя третьего курса рядового В.Н. Богданова в столичную Военно-Воздушную инженерную академию им. Жуковского. Как бы подводя итог нашему пребыванию в Северной Пальмире, двумя универсальными контейнерами Министерства путей сообщения (МПС) отправили в Москву, освободив квартиру на Кронверкском, весь нехитрый домашний скарб, включавший всего лишь 2 кровати, 3 стола, кресла, стулья, велосипед и лыжи.

После назначения на должность замминистра Богданову вновь предоставили льготы номенклатурного работника. Теперь от спецпитания, дававшего, кроме качества продуктов ещё и определенную финансовую экономию, отец не стал отказываться, так как предшествовавшая этому жизнь на два города буквально съела все имевшиеся у него денежные резервы. С началом летнего сезона 1955 года мы опять вернулись на прежнюю госдачу на Иваньковском шоссе. Однако теперь дачный дом разделили пополам с семьей начальника Хозяйственного управления МВД СССР Журавлёва.

В это время я закончил десятый класс с серебряной медалью и, следуя по стопам брата, поступил в Военно-Воз-душную инженерную академию им. Жуковского. Тогда это был последний набор выпускников школ во все военные академии.

Папа не захотел отставать от своих сыновей, стремившихся

стать военными авиационными инженерами, и решил получить настоящий диплом юриста, подтверждавший высшее образование. Это стремление объяснялось ещё и тем, что в приводившейся выше переписке о назначении на должность замминистра партийные деятели указали, будто у Богданова среднее образование (МВД забыло послать в ЦК «срочное сообщение» о том, что выдвиженец в 1952 году окончил Высшую офицерскую школу МВД), а министерские руководители написали «незаконченное высшее». Теперь Николай Кузьмич намеревался пару лет позаниматься на заочном факультете Высшей школы МВД СССР (к тому времени повысившей свой учебный статус) и, сдав курсовые и государственные экзамены, стать дипломированным юристом. Дорога была нелёгкая, тем более что на пути встретились тяжёлые препятствия, но отец с честью сумел их преодолеть.

Конечно, больные почки постоянно давали о себе знать. Отец ещё надеялся разрушить эти образования за счёт употребления различных медицинских препаратов и народных средств. Для проведения лечения Главное управление курортов и санаториев Минздрава СССР выделило больному парную путёвку в Карловы Вары, в Чехословакию, с 14 ноября 1955 года сроком на 30 дней. Так наши родители единственный раз побывали за границей.

В эти годы Хрущёв продолжил своё движение к единоличной власти, проводя вместе с рациональными часто вредоносные и абсурдные преобразования. Взять хотя бы армию. Развитие техники привело к возможности создания межконтинентальных баллистических ракет, которые способны были доставить ядерные заряды для поражения противника в любую точку Земного шара. Хрущёв дальновидно поддержал создание ракетных войск стратегического назначения, оснащённых таким мощным вооружением. Официальный *день рождения* этого вида войск состоялся 17 декабря 1959 года. Вместе с тем, когда главе государства продемонстрировали, как эффективно (и зрительно эффектно) с помощью ракет типа *воздух-земля, воздух-воздух* и других поражались корабли, танки, самолёты и иные цели, он, не слушая специалистов, самостоятельно заключил, что теперь мы покажем капиталистам *Кузькину мать* и сможем решить все военные задачи только с помощью ракет средней и большой дальности. В силу своей малой образованности глава государства совершенно не имел представления, что такое оружие сдерживания, обороны и наступления. Началось однобокое развитие ракетной техники в ущерб пошедшим буквально на уничтожение авиации, военно-морскому флоту и бронетанковым войскам. Оставшийся без своих самолетов, кораблей и боевых

машин военный контингент направлялся в ракетные войска осваивать сложную технику, которую он совершенно не знал. Так как эти войска базировались в основном в глухомани и усиленно маскировались, то *в народе* их прозвали *зелёными.*

Не только в военной области, но и во всей экономике страны государственная политика по прихоти Хрущёва стала походить на игру дворовой футбольной команды: куда полетел мяч, туда сразу же бежали все игроки. Каждый провозглашённый Никитой Сергеевичем новый курс объявлялся партийной номенклатурной элитой, взращённой вождём, «единственно возможным и правильным», следовать которому требовалось безоговорочно и не щадя сил своих. Возражать было бесполезно — партийные товарищи с пеной у рта доказывали тебе, что всё делалось верно, хотя *курсы* эти порой менялись на противоположные. Задуренный безудержной пропагандой народ ответить на всё это мог только очередным анекдотом. Например: на партийном отчёте коммуниста спрашивают: «Были ли у вас колебания в проведении линии партии?» Он отвечает: «Нет, не было — колебался вместе с партией».

Имея какое-то безудержное пристрастие к МВД СССР, Хрущёв наряду с другими своими кардинальными преобразованиями решил его всё-таки *изничтожить.* Для начала указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1956 года генерал-полковник Круглов был освобождён от должности министра. На его место назначили профессионального партийного работника Н.П. Дудорова, последние два года являвшегося заведующим Отделом строительства ЦК КПСС. Для передачи дел от одного министра другому была создана весьма представительная правительственная комиссия в составе секретаря ЦК А.Б. Аристова (председатель), А.А. Жаворонкова, В.В. Золотухина, К.П. Горшенина и А.А. Посконова. Было образовано 6 подкомиссий из работников Отдела административных органов ЦК КПСС, Министерства госконтроля, Минюста, Минобороны, Минфина и Прокуратуры СССР. Под заранее намеченные решения высших инстанций были сделаны жёсткие, хотя и очень общие, выводы: «Правительственной комиссией установлено, что Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняет поставленные перед ним партией и правительством задачи. В работе МВД СССР преобладает канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами внутренних дел. Критика и самокритика в МВД не были развиты». Из анализа стенограмм заседаний правительственной комиссии можно сделать вывод, что «в выступлениях и репликах проверявших было довольно много патетики, но очень мало профессионализма». Как высокая

комиссия ни старалась, но так и *не сумела* выявить конкретные, крупные промахи и личные недостатки в практической работе снятого с должности Круглова [Л.55]. В связи с этим бывшему министру на данном этапе *партийных репрессий* так и не нашли возможности объявить хоть какое-нибудь взыскание. *Партия* лишь *перебросила* его в другое ведомство.

За свои чуть более 17 лет службы в органах внутренних дел Круглов неизменно занимал крупные посты — заместителя, первого заместителя и наркома-министра НКВД-МВД, что говорило о его незаурядных личных способностях. Разные приходилось выполнять задания высоких инстанций, работая под непосредственным руководством Сталина, Берии, Хрущёва. Всякое в жизни бывало. То, что когда-то считалось героизмом и добросовестностью, согласно новым меркам превратилось в неправомерные дела. Но вот когда, преодолев тернии всех испытаний, работник набрался бесценного жизненного опыта, то оказался Советской власти, а точнее, её единоличному партийному руководителю, вовсе не нужен. Так столь прискорбно завершилась служебная карьера в МВД умного, образованного, знающего и умелого руководителя С.Н. Круглова [Л.42].

А может, просто пришла охота Никите Сергеевичу в соответствии с очередным своим *бзиком* ликвидировать слишком много знавший о нём центральный координирующий орган, отвечавший за обеспечение правопорядка в стране, что при прежнем министре было затруднительно? Во всяком случае, действительно, ровно через 4 года, весной 1960-го, МВД СССР было расформировано и на 6 с лишним лет прекратило своё существование.

Новый министр внутренних дел Дудоров не имел воинского звания. Потом эта *мода* перешла и на председателя КГБ. Хрущёв проводил в жизнь свою очередную сумасбродную идею ***распогонить*** и ***разламповасить*** силовые (то есть по сути своей военные) органы внутренних дел и госбезопасности. В соответствии с этим намерением через какое-то время моему отцу перестали платить денежное содержание за воинское звание генерал-лейтенанта. Он говорил тогда, что стал получать меньше, чем начальник управления министерства, которому за звание полковника деньги выплачивали. ***В знак протеста*** Богданов стал ходить на работу в гражданской одежде, облачаясь в военную форму лишь в случае крайней необходимости.

После состоявшегося 23 марта 1956 года подписания акта приёма-передачи дел МВД СССР от Круглова новому ***партийному*** министру Дудорову руководство органов внутренних дел ***поддержали*** (к тем, кто уже имелся) ещё несколькими выходцами

из профессиональных партийных и административных рядов. Прежде всего, освободили от должности замминистра и начальника Главного управления милиции генерал-лейтенанта Т.Ф. Филиппова, ***слишком активно*** защищавшего перед правительственной комиссией интересы своего ведомства. На освободившееся место назначили бывшего зам. председателя Московского областного совета профсоюзов С.А. Васильева. Другим замминистра стал бывший первый секретарь Октябрьского райкома КПСС Москвы М.Н. Холодков. Замминистра по кадрам и начальником Управления кадров МВД СССР поставили бывшего заведующего сектором Отдела партийных органов союзных республик ЦК КПСС К.П. Черняева. Контрольную инспекцию МВД СССР возглавил бывший член КПК при ЦК КПСС П.П. Разуваев. Начальником ГУЛАГа назначили бывшего начальника материально-технического снабжения Моссовета П.Н. Бакина. Начальником 2-го (шифровального) спецотдела поставили бывшего инструктора Отдела административных органов ЦК КПСС полковника К.Е. Елисеева. Секретариат министерства возглавил бывший председатель Молотовского райисполкома Москвы И.И. Митяев. Хозяйственное управление министерства поручили бывшему начальнику Управления жилищного хозяйства Моссовета И.И. Солодилову [Л.23].

Таким образом, Хрущёв сформировал в МВД СССР во всём послушный ему аппарат из ***своих людей.*** Ясно, что в дальнейшем это ведомство беспрекословно должно было исполнять диктуемую вождём ***волю партии.***

Необходимо всё-таки несколько слов сказать об изгнанном Хрущёвым из органов внутренних дел с должности министра Круглове, и вот почему. С семьёй Кругловых наша семья была знакома не только по линии совместной службы отцов. Мы с братом учились в 135-й мужской средней школе, а дочка Кругловых Ирина занималась в расположенной рядом 131-й женской средней школе. Старшие классы обеих школ устраивали совместные вечера, где мой брат Владимир совершенно вне зависимости от служебных отношений отцов познакомился с Ириной и стал ухаживать за симпатичной девушкой. Потом Кругловы, Богдановы, Ряс-ные, Завенягины ездили совместно семьями, без занятых на работе отцов, отдыхать на юг. В Москве то в одном, то в другом доме устраивали танцевальные вечеринки. От той беззаботной юношеской поры сохранилось много фотографий в семейных альбомах. Взаимное молодёжное увлечение Ирины Кругловой и Владимира Богданова продолжалось достаточно долго, но закончилось, как говорится,

ничем после отъезда моего брата на учёбу в ленинградскую академию. Вместе с братом и я не раз бывал в гостях у Кругловых дома и на госдаче в подмосковной Жуковке, где познакомился с Сергеем Никифоровичем и его супругой Таисией Дмитриевной. Мне по возрасту больше подходил младший брат Ирины, очень скромный по характеру парень, Валерий, с которым мы поддерживали определенные отношения. Мне прекрасно запомнилось, что при широких *министерских* возможностях семья Кругловых жила очень скромно и просто, без какого-либо желания подчеркнуть своё высокое положение. С тех далёких лет наиболее устойчивой оказалась добрая душевная связь между моей мамой и Ириной Сергеевной.

После *силового* увольнения Сергея Никифоровича мой отец очень переживал за него и хотел как-нибудь морально поддержать своего бывшего руководителя. Однако на личные контакты выходить опасался, поскольку прекрасно знал тогдашние порядки и потому не раз говорил: «Если мы будем встречаться, то нам тут же припишут групповщину». Поэтому основная связь между семьями поддерживалась по женской линии при помощи телефона. Мой отец оказался прав: *преследование и травля* Круглова ещё только предстояли.

Поначалу всё складывалось для Сергея Никифоровича, вроде бы, даже не так уж плохо. Отстранён от *внутренних дел* бывший министр был в весьма работоспособном для мужчин возрасте — 49 лет, в воинском звании генерал-полковника. При этом в 1956 году он не был уволен в запас и оставался в кадрах МВД СССР. Вместе с тем Круглова назначили на гражданскую должность замминистра строительства электростанций. Свою новую профессию опытный руководитель освоил достаточно легко, проявив свойственные ему организаторские способности, грамотность и настойчивость. В 1930-е годы Сергей Никифорович получил высшее образование, последовательно обучаясь в трёх вузах. Сначала он прошёл три курса общественно-экономического факультета Московского индустриально-педагогического института им. Карла Либкнехта. Потом был переведён в особый сектор Московского института Востоковедения. Затем обучался на отделении истории Востока Института красной профессуры. Имел удостоверение переводчика с японского языка и знал английский. Конечно, далеко не все эти знания пригодились при работе в МВД, но, как известно, высшее образование даёт кругозор и умение самостоятельно мыслить и повышать свою квалификацию [Л.42].

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, на котором первый секретарь ЦК Хрущёв сделал отчётный доклад. На

закрытом заседании съезда Хрущёв огласил **строго секретный доклад,** который, основываясь на результатах работы созданной при ЦК специальной комиссии под руководством «главного теоретика партии» Поспелова (Фогель-сона), раскрывал частично политику партии в годы массовых репрессий, названную ***преступлениями Сталина.*** Почему Хрущёв вдруг решился на такой опасный и для него самого шаг по обнародованию строго секретных сведений о проводившихся в стране репрессивных мероприятиях? Ведь он сам, ***наш Никита Сергеевич Хрущёв***, в годы террора первый секретарь Московского комитета партии, являлся непосредственным участником травли и арестов ни в чём не повинных людей. Затем в бытность свою руководителем Украинской компартии нёс ответственность за ***чистки*** в самой республике и особенно в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике в 1939–1940 годах. Именно он был повинен в расправах с повстанцами на Западной Украине после Второй мировой войны [Л.48]. Оценивая ***смелость*** нашего бывшего вождя в обнародовании неблаговидных дел, некоторые историки говорят о ***незаурядной личности Хрущёва*** и постоянно цитируют его высказывания и мемуары, нелишённые субъективности и надуманности.

Вместе с тем, сопоставляя представлявшиеся ***разоблачителем*** материалы с реально происходившими событиями тех лет, завеса над которыми ныне приоткрылась, невольно приходишь к несколько иному выводу. На наш взгляд, Хрущёв, как и в случае с Берией, дал достаточно **тенденциозную** собственную оценку ***массовых репрессий,*** **не вскрыв их существа,** но оставив **лично для себя** вполне удобную нишу, чтобы остаться ***чистым.***

Назревавшие в советском обществе определённые демократические преобразования рано или поздно привели бы к тому, что ***тёмные страницы истории*** нашей многострадальной Родины получили бы ***огласку и освещение.*** Но **кто** бы и **как,** в каком ракурсе это сделал, оставалось только гадать. К нынешнему главе партии и государства могли в таком случае возникнуть совершенно обоснованные претензии. Поэтому Хрущёв решил сам взять быка за рога и, нанеся упреждающий удар, **направить данный вопрос в нужное ему русло.** Восходивший к вершине власти партийный вождь ***не стал дожидаться,*** чтобы ему самому предъявили претензии в причастности к тёмному прошлому и нынешней ***некомпетентности*** в управлении огромной страной (чего нам за 10 лет его правления пришлось вдосталь нахлебаться), а сам резко пошёл в атаку, навязав обществу собственную трактовку

вопроса.

Представив себя благородным борцом с ***культом личности Сталина,*** Хрущёв огласил столько ***умопомрачительного*** материала, в том числе и не соответствовавшего действительности, что люди, ***поражённые услышанным,*** занялись разработкой открывшейся им животрепещущей темы, совершенно позабыв спросить «у главного разоблачителя о его собственной роли» в творившемся (и, кстати сказать, продолжавшем тогда твориться) произволе. **Ради объективности** при анализе информации опираться надо **не на слова, а на дела** Хрущёва.

Историки отмечают, что Никита Сергеевич в своей секретной речи «пытался **ограничить** по возможности круг разоблачённых преступлений лишь уничтожением партийной элиты и её наиболее известных представителей», ни слова не сказав о причинах [Л.48]. За счёт этого приёма ему удалось дезавуировать **свою** неприглядную роль. Совершенно не ставя своей целью скрупулёзное исследование всех нестыковок между словами в обличительном докладе и реальными делами Хрущёва, рассмотрим для примера лишь два момента — ***о депортации народов*** и о ***фальсификации истории.***

Историки пишут, что Хрущёв «выразил своё возмущение» массовой депортацией во время войны карачаевцев, балкарцев и калмыков и назвал это выселение «грубым попранием политики советского государства». Однако он ни словом не обмолвился о судьбе наиболее многочисленных из выселенных народов — немцев, чеченцев, ингушей и крымских татар, не упомянул ни о месхах, ни об армянах, а также о депортированных в порядке ***классовой борьбы*** прибалтах, жителях Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии и Буковины. Ясно, что к насильственному переселению части народов, о которых докладчик ***«забыл»*** упомянуть, он ***сам имел непосредственное отношение.*** О крымских татарах Хрущёв умолчал потому, что только недавно самостийно совершил вопиющий произвол: *подарил* Крым Украине.

Ещё «Хрущёв рассказал о систематической фальсификации истории, проводившейся Сталиным самим и по его указанию». Придя к единоличной власти, автор ***развитого социализма*** сам занялся таким же неблаговидным делом. Чего стоит хотя бы история Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, переписанная в угоду новоявленному ***полководцу*** с восхвалениями военного таланта генерал-лейтенанта Хрущёва?

Для того чтобы иметь возможность беспрепятственно давать собственную трактовку событий, Хрущёву необходимо было освободиться от всех своих прежних соратников, тем более что

они высказывали недовольство его ***непредсказуемой*** политикой.

Глава 37. Компромат

В 1956 году начался активный сбор **компрометирующего материала** с целью дискредитации замминистра внутренних дел РСФСР Богданова. Являлось ли это инициативой ***подпольного обкома***, возглавлявшегося Андриановым или было задано из иной, более высокой инстанции, документально сейчас доказать трудно. Такие указания обычно отдавались устно. Но то, что материалы подбирались **целенаправленно,** легко установить хотя бы из текста сопроводительных писем и объяснительных записок свидетелей, которые мы далее приведём.

В конце лета 1956 года (даты на документе нет) председатель Ленинградского областного суда С. Самарин направил секретарю своего обкома партии Ф.Р. Козлову «Справку по делу, расследованному райотделом НКВД Лужского района в 1937 году и прекращённому производством Президиумом Областного суда». В документе говорилось о том, что в августе месяце 1937 года Лужским РО НКВД было возбуждено уголовное дело, по которому постановлением *особой тройки* УНКВД ЛО от 11 октября 1937 года из девяти арестованных двое, М.Х. Михайлова и А.И. Посина, приговорили к расстрелу, а остальных семерых, Ф.Ф. Волкова, Н.И. Константинова, А.Г. Щербакова, И.С. Устинова, И.Д. Дементьева, В.С. Фёдорова и Я.М. Матвеева, — к 10 годам заключения в ИТЛ каждого.

«Всем вышеуказанным лицам, — говорилось далее в справке, — было предъявлено обвинение в том, что, проживая в деревне Пола Лужского района, они организовали контрреволюционную группу и под видом отправления религиозного обряда проводили контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий советской власти в области колхозного строительства, распространяли провокационные слухи по адресу Советского правительства и ВКП(б). Обвинение всех этих лиц основано на показаниях свидетелей: Кириллова, Ефимова, Голубева, Никифорова и Тимофеева, данных ими в 1937 году» [А. 10].

В главе 12 нами приводилось составленное на основании документов описание уголовного дела «О выявленной контрреволюционной группировке в деревне Смерди» (а не *Пола)* Лужского *района,* участниками которой были Ф.Ф. Волков, И.Д. Дементьев, И.С. Устинов, Я.М. Матвеев, а также П.Ф. Волков, сын первого из обвиняемых. Среди них М.Х. Михайлов, А.И. Посин, Н.И. Константинов и А.Г. Щербаков указаны не были. В качестве свидетелей по этому делу выступали колхозники Филатов,

Плишин, Матвеев. Следствие вёл оперуполномоченный Лужского райотделения А.И. Варицев. Вполне возможно, что при подготовке этого дела к докладу на *тройке* его объединили с другим делом, возбуждённым против односельчан — *служителей культа* священника М.Х. Михайлова и дьякона А.И. Посина, присовокупив к ним сторожа детсада Н.И. Константинова, колхозников А.Г. Щербакова и В.В. Фёдорова. При этом делу придали религиозно-политическую окраску, хотя при расследовании дела группы Ф.Ф. Волкова ни о каких обрядах, под видом которых проводилась контрреволюционная агитация, не говорилось.

Всё это внесло такую путаницу, что в дальнейшем в следственных делах стали указываться две группы: одна — Михайлова, Посина, Волкова в составе 9 человек, а другая — Волкова, Устинова в составе 5 человек [А. 13]. Конечно, осуждённым от этого было не легче, но на Богданова стали ***вешать*** по двум эпизодам суммарно 14 человек одних и тех же пострадавших.

Но вернёмся к письму председателя Леноблсуда Самарина. В нём отмечалось, что показания всех свидетелей по делу не были конкретны. «В них не указывается: кто из обвиняемых, где и в присутствии кого проводил контрреволюционную агитацию». Странно: например, в меморандуме на Ф.Ф. Волкова точно указано, когда, в присутствии кого и какими словами он ругал Советскую власть, нарушая тем самым пункт 10 статьи 58 УК.

Конечно, это следственное дело так и осталось бы безвестным, как тысячи других дел, но осуждённые Фёдоров, Дементьев, Устинов и Матвеев вскоре после их заключения стали писать многочисленные жалобы. Причём первые двое отказывались от своих прежних показаний, а двое других заявляли о своей невиновности. В своих обращениях страдальцы указывали, что в процессе следствия к ним применялись *«меры, запрещённые законом»,* которые и ***понудили*** их подписать признательные показания. Хотелось бы знать, какие такие меры были **запрещены законом** в 19371938 годах? Пока законодательно установленные нормы ***действовали***, сотрудники НКВД **обязаны** были ими руководствоваться. В связи с этим совершенно неправомерным является то обстоятельство, что в 1950-е годы стали пересматриваться дела 1937–1938 годов без учета этих *законодательно установленных норм*. Ещё раз напомним, что ***закон обратной силы не имеет.*** За аморальность бывшего тогда произвола претензии современного общества должны предъявляться в первую очередь к **Законодателю.** Законопослушный Исполнитель может отвечать только за

нарушение им в своей деятельности ***неписаных норм*** человеческой морали. Однако о ***некрасивых*** правительственных и партийных постановлениях, законе от 1 декабря 1934 года, принятых специально для обеспечения выполнения «Операции прикрытия», забыли, и **Исполнитель** оказался виновным перед ***чистой*** социалистической законностью, всегда якобы стоявшей на страже «неприкосновенности общественных порядков, прав и свобод граждан».

По упомянутым жалобам осуждённых в 1940 году УНКВД ЛО проводилась дополнительная проверка *объединённого* следственного дела. Свидетели Ефимов и Кириллов были допрошены вторично, и они отказались от своих показаний, данных в 1937 году. При этом свидетель Ефимов пояснил, что тогда его «вызвали в РО НКВД (отделение какого района? — Ю.Б.) и предложили (кто именно? — *Ю.Б.)* подписать ранее составленный протокол допроса, в котором приводились факты антисоветской деятельности привлечённых (кого именно? — *Ю.Б.)».* В связи с тем, что Ефимову о контрреволюционной деятельности обвиняемых «было ничего не известно», то он отказался подписать этот протокол. После этого ему «стали угрожать (кто именно? — Ю.Б.)», и он «подписал протокол допроса, не читая» [А. 10].

В 1940 году были также допрошены (кем?) односельчане обвиняемых Егоров, Алексеев, Осипов и др. (всего 10 человек), ранее в качестве свидетелей не привлекавшиеся, но упоминавшиеся в показаниях 1937 года. Эти наученные горьким опытом труженики села не стали по прошествии 3 лет возводить на своих соседей напраслину и сообщили, что хорошо знали обвиняемых, но «никаких действий контрреволюционного характера за ними не замечали». Охарактеризовали своих односельчан как крестьян-середняков, активно работавших в колхозе. В отношении Михайлова, По-сина и Устинова сообщили, что они «членами колхоза не являлись». Тем не менее в феврале 1941 года часть обвинительных показаний была *подтверждена*, и потому никаких послаблений осуждённым в то время не последовало. Ставился вопрос лишь в отношении Матвеева о сокращении ему срока «до фактически отбытого». 3 октября 1945 года такое решение Особым совещанием при НКВД СССР было принято, и 25 ноября 1945 года Матвеева из лагеря освободили *досрочно.*

Заключённый И.С. Устинов писал свои жалобы и заявления в разные инстанции. Одно из своих писем он направил «горячо любимому секретарю обкома гражданину Жданову», надеясь на «компетенцию и проницательный ум» этого руководителя.

Устинов в колхоз не вступал, являлся единоличником, слыл сыном кулака, хотя отец его умер в 1932 году «рядовым колхозником». Сам Иван Семёнович, 1900 года рождения, 18-летним юношей вступил в Красную Гвардию, «служил при штабе войск ВЧК на финляндской, мурманской и эстонской границах». В 1919 году был контужен и по инвалидности получал пенсию. До 1934 года работал в Лужском райпромкомбинате, потом секретарём сельсовета и уполномоченным деревни (очевидно, Смерди) по земельному дележу. «Вёл борьбу с кулачеством, защищал интересы бедняков» (стало быть, сам занимался репрессиями). С Волковым, Дементьевым и Константиновым не мог иметь никаких дел, так как они его *ненавидели,* были его *врагами.* Устинов разоблачил Волкова в присвоении 500 рублей, Константинова — в неуплате государственных обязательных платежей, за что его «грозили убить». Волкова, который избивал односельчанина, «боялся, как волка». (О служителях культа Михайлове и Посине, а также о проведении религиозных обрядов никаких упоминаний нет.) 5 сентября 1937 года был арестован и «брошен в Лужскую тюрьму (где предотвратил побег заключённых, взломавших стену)». На третий день следователь Крылов вывел Устинова на допрос, предъявил ему обвинения «по заранее составленному протоколу и потребовал подписать». Так как обвиняемый отказался это сделать, то следователь ругал его и, как требовал начальник оперсектора Баскаков, «заставил стоять по 20 часов в сутки без воды и хлеба в течение 10 дней». (При объективном расследовании подобные факты должны быть уточнены на очной ставке сторон.) Так как инвалиду невозможно было перенести такие *мытарства,* то Устинов, по его словам, хотел покончить жизнь самоубийством, но потом «подписал то, чего не было». «Тройка, — по мнению Устинова, — не проверив материалы, поверила фабрикации». В результате, «отдав здоровье на защиту золотой родины», получил 10 лет лагерей [А. 13]. Очевидно, обращение с жалобой к Жданову не имело последствий, поскольку Устинов «срок отбыл честно» в городах Тайшете и Братске. После освобождения в 1947 году поехал на Кавказ, где устроился в совхозе сначала рабочим животноводческой бригады, а потом стал её бригадиром. Однако 17 августа 1949 года был вновь арестован органами госбезопасности и без предъявления каких-либо обвинений выслан в Карагандинскую область *на вечное поселение.* Там 6 лет «работал на животноводстве». После освобождения вернулся на Кавказ «к разбитому корыту, потерял всё, домик сгорел, родные четыре брата убиты в Отечественную войну. Как быть, как жить — не знаю. Находясь в лагерях 17 лет при тяжких климатических

условиях, окончательно потерял здоровье, стал нетрудоспособным». В связи с бесплодными обращениями в собес города Прохладного за помощью инвалид Устинов 27 января 1956 года написал заявление в МВД Кабардинской АССР с просьбой «дать санкцию о зачёте в стаж пребывание в лагере 10 лет. Тогда, смогу получить на пропитание» [А. 13]. Возможно, это заявление явилось поводом для пересмотра стародавнего следственного дела.

1 июня 1956 года и.о. прокурора Ленинградской области В. Андреевский в порядке выполнения указания о пересмотре архивно-следственных дел вынес свой протест на постановление *особой тройки* от 1 ноября 1937 года по делу М.Х. Михайлова, А.И. Посина, Ф.Ф. Волкова, И.С. Устинова, Я.М. Матвеева и др. — всего 9 осуждённым. При этом было указано, что передопросить привлекавшихся ранее свидетелей не удалось, а социально-имущественное происхождение осуждённых было подтверждено справками сельсовета, выданными в 1956 году. Поскольку из справок видно, что осуждённые Волков, Дементьев, Матвеев и Фёдоров являлись активными членами колхоза, то и.о. прокурора решил, что «постановление Особой тройки основано на материалах следствия, не отвечающих фактическому положению», и «в деле не имеется объективных доказательств вины осуждённых». О расстрелянных служителях культа Михайлове и Посине прокурор как-то особо не печалился. На основании этого протеста 11 июня 1956 года Президиум Ленинградского областного суда под председательством Самарина своим *секретным* постановлением решение *особой тройки* в отношении всех обвиняемых отменил и дело производством прекратил [А. 13].

Теперь можно было наказывать неугодных, имевших отношение к этому следственному делу 20 лет назад. В справке Самарина указано, что «следствие по делу проведено следователями НКВД Сергеевым, Крыловым и Мельниковым». Но самое главное: «Уголовное дело возбуждено по инициативе начальника Лужского РО НКВД БОГДАНОВА Н.К. Это подтверждается его меморандумом на имя зам. начальника УНКВД Ленинградской области Гарина». Причем фамилии всех сотрудников печатались в тексте мелким шрифтом, а *БОГДАНОВА* (здесь и далее) — заглавными буквами, чтобы сразу был виден основной виновник.

Далее предъявлялись конкретные обвинения: «Дело расследовано с грубым нарушением закона». Это голословное заявление, особенно для юридического лица. Служитель Фемиды обязан был указать, **какие именно** пункты процессуального или

уголовного кодексов или какие постановления советского правительства, **имевшие юридическую силу в то время,** не были надлежащим образом соблюдены. Ясно, что председатель облсуда этого сделать не мог, ибо он обязан был бы сослаться на документы, приведенные нами в главе 8. «Никому из обвиняемых обвинение не предъявлялось, протокол об окончании расследования не составлен, и обвиняемые с материалами следствия ознакомлены не были». Увы, в 1937–1938 годах всё это делалось **на совершенно законных основаниях.**

И вот самый главный вывод: «В связи с тем, что расследование по делу проведено с грубым нарушением закона, а это привело к тяжким последствиям, считал бы необходимым поставить вопрос об ответственности сотрудников РО НКВД Лужского района, виновных в нарушении социалистической законности» [А. 10].

Последствия для священников и трудовых крестьян оказались действительно тяжкие, но не Богданов определял им меру наказания — приговаривал к *вышке* и давал *десятку*. Вверенное ему подразделение выявило лишь **факт** нарушения правопорядка, выразившийся в том, что Советской властью труженики оказались крайне недовольны, что в те времена являлось крамолой. Лейтенант гб Богданов в силу своего служебного положения добросовестно защищал Советскую власть, которая благодаря бездарности и лживости ряда её вождей в итоге рухнула.

Конечно, вызывает понимание стремление советской Фемиды после 1953 года оправдать всех, на наш сегодняшний взгляд, невинно пострадавших людей. Но только, делая одно благое дело, не надо было отягощать его другими неблаговидными деяниями. Следовало **вскрыть причины** совершавшихся тогда малопонятных актов, а это сделать было невозможно без нанесения ущерба *невинности* ряда руководителей ЦК КПСС. В результате одна болезнь перерастала в другую, что при общей бесчестности вело к краху.

Между тем председатель Леноблсуда Самарин представил в обком партии ещё некоторое количество негативных следственных материалов, причём компрометировавших почему-то исключительно одного Богданова. 6 сентября 1956 года секретарь Ленинградского обкома партии (подпись неразборчива) направил в ЦК КПСС письмо следующего содержания:

«Направляем представление председателя Ленинградского областного суда т. Самарина о нарушении социалистической законности бывшим начальником Лужского районного отделения НКВД Ленинградской области Богдановым Н.К., который работает в настоящее время заместителем министра внутренних дел

РСФСР». К письму прилагались документы на 8 листах [А. 10].

Лично у меня возникает вполне обоснованный, на мой взгляд, вопрос: если ленинградский прокурор и областной суд пересматривали все стародавние следственные дела, то почему в виноватых, ***сданных*** в ЦК КПСС, оказался только Богданов? Что же, начальники других районных отделений НКВД ЛО работали в 1937–1938 годах ***в белых перчатках?*** А как же начальники Лужского оперативного сектора, объединявшего тогда 5 районов, ***Баскаков*** и ***Антонов,*** являвшиеся непосредственными руководителями Богданова, не допускали никаких нарушений так называемой ***социалистической законности?***

Прекрасно понимаю, что *заказ* был дан только на Богданова, потому его и ***разрабатывали.*** Начальник оперсектора Баскаков, а также сотрудники отделения Сергеев и Гринько будут привлечены лишь в качестве свидетелей с целью получения показаний, компрометировавших Богданова.

После поступления 8 сентября 1956 года компромата в ЦК КПСС репрессивная машина начала раскручиваться. Но этих материалов показалось мало. Стали ***копать*** в других местах службы Богданова. По Казахстану зацепили дело «Националисты», по Москве нашли лишь одну ***анонимную*** бумажку, а уж про последние годы работы в Ленинграде можно было наговорить много всякой всячины.

В начале 1957 года откуда-то из недр ЦК компрометирующие материалы направили в МВД СССР, где ими занялась Особая инспекция, специально для этого существовавшая при Управлении кадров. Следователь этой инспекции подполковник Игнатьев предъявил Богданову две порции обвинений. В одной содержалось 20 архивно-следственных дел, проводившихся в период 1937–1938 годов Лужским, Батецким и Плюсским райотделениями НКВД ЛО. В другой была представлена переписка по агентурной разработке «Националисты» [А. 11].

Свои объяснения по поводу предъявленных обвинений Богданов представил 25 февраля 1957 года на имя министра внутренних дел Н.П. Дудорова. По существу первого вопроса бывший начальник Лужского райотделения НКВД описал обстановку, возникшую после июня 1937 года, когда была разослана шифротелеграмма НКВД СССР, которой давалось распоряжение **«об аресте всех лиц, проходивших по агентурным материалам».** В дальнейшем аресты производились с санкции Лужского оперсектора, начальником которого являлся Баскаков. При этом без конца поступали запросы из штаба Ленинградского УНКВД и приезжали проверяющие с требованиями об ускорении направления дел на *тройку*. Всему

аппарату было дано указание арестованных при допросах держать *только стоя. Признания* арестованным своей вины считалось *достаточным,* чтобы дело направить на рассмотрение в инстанцию. Поступали указания «в трехдневный срок арестовать всех немцев, поляков, перебежчиков» и др. Руководство облуправления постоянно упрекало начальника Лужского райотделения Богданова за «либеральное отношение к обвиняемым и низкую оперативность в работе». Надзор за ведением следствия со стороны прокуратуры отсутствовал. Обвиняемые были лишены права на защиту. Однако Богданов в своём объяснении заявил, что «сам никогда не избивал арестованных и другим работникам не позволял этого делать».

По каждому из предъявленных архивно-следственных дел были даны подробные объяснения. В результате значительная часть дел отсеялась. Однако просьба Богданова привлечь конкретных свидетелей для объективности расследования была проигнорирована.

По предъявленной неполной переписке по делу «Националисты» Богданов пояснил, что в конце 1941 года, являясь зам. наркома внутренних дел Казахской ССР, выезжал с группой работников в город Кустанай, где проводил ряд следственных мероприятий и арестов. Однако отметил, что *подробностей* сказать не может, «так как до конца в следствии по этому делу не участвовал». Для лучшей ориентировки просил сделать обзор этого следственного дела, которое «проверялось заместителем генерального прокурора с передопросом всех обвиняемых».

В заключение своих объяснений Богданов написал: «Я отлично понимаю, что несу ответственность, **как и другие работники НКВД,** принимавшие участие в проведении арестов и следствия по делам 1937–1938 годов, но с полной ответственностью заявляю, что делалось это не из личных побуждений, а **под сильным нажимом** аппарата управления НКВД и общей обстановки, создавшейся в тот период времени. Неоднократные указания заканчивать следственные дела в кратчайший срок приводили к серьёзным ошибкам. При наличии признания обвиняемого других подтверждающих данных не требовалось. С материалами следственного дела обвиняемого не знакомили. Прокуроры, давая санкцию на арест, в дальнейшем, если дело направлялось на рассмотрение Тройки, в наблюдении за следствием не участвовали. Конечно, в таких условиях сотрудники райотделения, а особенно прикомандированные, проводившие расследование по делам, да и я лично, допускали серьёзные ошибки».

В качестве оправдания своего недосмотра Богданов ссылался на то, что в связи с выполнением им других работ, не связанных со следствием, «контроль практически отсутствовал». В качестве этих работ указывалось участие во всех хозяйственно-политических кампаниях, которыми Богданов вынужден был заниматься как член бюро Лужского райкома ВКП(б) и член президиума райисполкома. При этом отец *скромно умолчал*, что за свой саботаж в деле проведения следствий его должны были застрелить в начале января 1938 года. В процессе лечения, проводившемся в Ленинграде, он полгода бывал в своём Лужском райотделении лишь наездами. О следственных делах, проходивших в этот период, писал, что не был о них в курсе дела, поскольку *болел*.

Естественно, что такие объяснения, в которых Богданов, признавая свои ошибки и не снимая с себя ответственности, тем не менее, «не каялся, не плакал и не умолял его простить», совершенно не устраивали начальство. Через некоторое время следователем Особой инспекции ему были поставлены 6 дополнительных вопросов, ответы на которые вновь были направлены Богдановым на имя министра внутренних дел СССР Дудорова.

Во-первых, задавался *каверзный вопрос*: почему в рапорте на имя замминистра внудел И.С. Комиссарова (партийного эмиссара по контролю за кадрами) в 1955 году при назначении на должность замминистра внутренних дел РСФСР Богданов не указал, что в период работы в 1937–1938 годах начальником Лужского РО НКВД ЛО производил массовые аресты граждан, которым необоснованно предъявлялись обвинения в контрреволюционных преступлениях, и об имевших место нарушениях «социалистической законности»?

Богданов ответил, что в 1955 году вопрос перед ним был поставлен несколько по-иному: «Производились ли в те годы в Лужском районе **аресты среди руководящих партийно-советских работников?»** (Простой народ ЦК не интересовал.) Тогда в рапорте он написал, что в Луге по указанию УНКВД ЛО был арестован секретарь райкома партии Самохвалов, которого отправили в Ленинград и там содержали до осуждения. К данному аресту аппарат Лужского РО НКВД никакого отношения не имел. Что касается ***контрреволюционных организаций,*** вскрытых в Лужском районе (указанных в аттестациях на Богданова), то «таковых там не имелось», но был арестован ряд ***групп*** церковников, бывших кулаков и других антисоветских элементов. «Я это подтверждаю и сейчас». По части вопроса, касавшейся массовых арестов и нарушений соцзаконности,

Богданов ответил, что такая операция проводилась по всему Советскому Союзу и не являлась тайной. В своём первом объяснении уже указывал, что «вся система арестов и ведения следствия упрощенным порядком была порочной, а обстановка создана такой, что аппарат, выполняя, за редким исключением, все установки и требования областного управления НКВД, на каждом шагу нарушал социалистическую законность».

Далее дознаватель просил уточнить, почему ряд протоколов написан рукой Богданова, а подписан Варицевым или другим сотрудником? В ответе было ещё раз подтверждено, что протоколы составлялись *в порядке помощи* по записям оперативных сотрудников, которые вели основную массу дел и потому порой с работой не справлялись. В тех случаях, когда допросы проводились начальником отделения, соответствующие протоколы им написаны и подписаны. На указание о том, что протоколы допросов составлялись заранее, а потом их заставляли подписывать арестованных, разъяснил, что поступило требование представлять протоколы только в форме вопросов и ответов, а не в виде записей разговора. В связи с этим бумаги часто корректировались, а потом давались обвиняемым для подписания. В соответствии с указанием начальника оперсектора Баскакова арестованные допрашивались стоя. Такое распоряжение было им получено в УНКВД ЛО при инструктаже начальников оперсекторов перед выездом на места. О других *порочных методах допросов* начальнику районного отделения ничего не было известно [А.11].

Ответы были даны и на другие вопросы. Не успели высохнуть чернила на исписанных Богдановым листах бумаги, как в тот же день, 7 марта 1957 года, начальник Особой инспекции Управления кадров МВД СССР подполковник Ботов уже представил министру внутренних дел Союза ССР своё *обличительное повествование.*

Поскольку этот ***компрометирующий материал*** вошел в последующем, по крайней мере, в 6 других грозных бумаг [А. 10, док. 6-12], а также в ряд литературных произведений [Л.2, Л.3, Л.4, Л.5], проанализируем его поподробнее.

«Справка» подполковника Ботова начиналась словами: «В ЦК КПСС поступило письмо…» Когда, от кого именно, под каким входящим или исходящем — не важно. В этом неопределенном письме неизвестным автором было сказано, что «Богданов Н.К., будучи начальником Лужского райотдела (точнее, райотделения. — Ю.Б.) НКВД Ленинградской области, в 1937–1938 годах необоснованно производил аресты советских граждан и допускал фальсификацию следственных документов». При этом

автор справки совершенно забыл указать, что данный сотрудник органов внутренних дел действовал точно так же, как и тысячи других работников НКВД, реализовавших инспирированные партократами массовые репрессии, в плане которых одновременно проводилась и «Операция прикрытия».

Из предъявленных Богданову архивно-следственных дел часть была отброшена, как явно его не компрометировавшая. Из оставшихся, произвольно объединенных по тематике, был *сварен* такой *компот.*

«Проверкой установлено, что в 1938 году (1937 год был сразу пропущен как, видимо, *несущественный. — Ю.Б.)* Луж-ским райотделом НКВД необоснованно были арестованы 20 рабочих и колхозников: Вятсон, Зегельман, Пясс, Линдт и др., как участники контрреволюционной шпионско-диверсионной группы». Во-первых, проверявший опустил вопрос о том, что, согласно объяснениям Богданова, дело это тянулось еще с 1935–1936 годов, когда на территории Лужского и других районов была вскрыта Управлением НКВД ЛО разветвленная резидентура. Во-вторых, в 1938 году в плане реализации «Операции прикрытия» были даны указания (см. главу 11) об арестах (без наличия компрометирующих материалов и предъявления обвинения) лиц различных национальностей, которые имели самостоятельные государства, ранее входившие в состав Российской империи. В связи с этим укажем, что перечисленные выше лица являлись эстонцами. Проверявший в своей справке не отметил, что начальник Лужского райотделения не выполнил приказ об аресте во вверенном ему районе поголовно всех немцев, ПОЛЯКОВ и других *националов.* В-третьих, когда в 1938 году начались аресты участников этой группы, Богданов *болел.* Дело вёл его заместитель оперуполномоченный Варицев. Читаем далее: «Постановления на их арест подписаны Богдановым». На кого «их» — совершенно неясно. Богданов действительно подписал несколько постановлений, но лишь в дополнение к тем, которые были оформлены ранее в его (Богданова) отсутствие. «Не допрашивая названных арестованных, Богданов составил прокол с их (кого именно? — *Ю.Б.)* признательными показаниями от имени оперуполномоченного Варицева». Действительно, по этому следственному делу Богданов допросов не вёл, но во время своих приездов из Ленинграда старался как совестливый начальник помочь замещавшему его сотруднику, который вынужден был тащить весь воз работ по райотделению. Составлял эти протоколы Богданов, а подписывал Варицев, поскольку допросы проводил именно он. В записке отмечено, что Варицев «погиб на фронте в 1943 году». Так как с покойного спросить невозможно, а

Богданову доверия нет, то *факты* можно было *вертеть* так, как было угодно дознавателю. «Аналогичные протоколы допросов с признательными показаниями Богдановым были составлены также и по другим делам на арестованных Рейнальда, Соотса и Пака».

Далее по архивно-следственному делу сказано: «Обвинительное заключение на Вятсона, Линдта и других было подписано также Богдановым». Действительно, ко времени окончания следствия Богданов вернулся после лечения в строй и, вполне доверяя своему оперуполномоченному, подписал составленное Варицевым обвинительное заключение вместо Антонова как исполнявший обязанности начальника оперативного сектора. «По решению тройки НКВД из 20 человек 17 было расстреляно». Если следственное дело было проведено плохо (или сомнительно), то *тройка* имела право вернуть его на доследование, да ещё наказать начальника райотделения за плохую работу. Но тогда это не было сделано — значит, считалось, что всё исполнено правильно и соответствовало духу времени. Кстати, на двух нерасстрелянных из указанной выше двадцатки, граждан Э.Ю. Пясса и В.Я. Рейнгарда, протоколы допроса написаны как раз рукой Богданова. Может, данное обстоятельство помогло сохранить им жизнь?

Читаем дальше: «Это сфальсифицированное дело в настоящее время прекращено, а необоснованно осуждённые посмертно реабилитированы». Господа-товарищи! Что же вы **тогда-то** это *нарушение социалистической законности* не приостановили? Никого бы в этом случае не пришлось реабилитировать.

«Из материалов также видно, что по постановлению, подписанному Богдановым, были необоснованно арестованы: Пайст, член КПСС с 1903 года, Снигирев, член КПСС с 1901 года, Иванов и Макаров, оба члены партии, и обвинены в контрреволюционных преступлениях». (Это дело описано нами в главе 12.) Для того времени обвинение в троцкизме и дискредитации ЦК было страшным. Только из-за того, что все оговаривавшие друг друга участники запрещённой политической болтовни оказались членами партии, дело было направлено не на ***тройку***, а в Ленинградский облсуд. Благодаря тому, что дело возвращалось на доследование и ***вяло*** велось в Лужском райотделении, оно вышло за временные рамки ***массовых репрессий*** и было прекращено. В «Справке» Ботова это трактовано так: «Впоследствии (то есть в 1939 году? — /О.Б.) они также были реабилитированы, а Пайст, будучи следственным заключённым, умер в тюрьме». Надо было бы добавить, что «от многостороннего рака желудка, печени и других органов», а то подумают, что от

побоев.

Далее в «Справке» рассматривалось дело, в котором число участников каждый раз изменялось, как мы предположили, из-за объединения его при подготовке на ***тройку*** с другим делом. «Также по составленному Богдановым меморандуму, без санкции прокурора были необоснованно арестованы 7 человек колхозников: Дементьев, Устинов и др., которые обвинялись в контрреволюционных преступлениях». Во-первых, меморандум, содержавший результаты агентурной слежки за объектом, составлен был не одним Богдановым, а ещё оперуполномоченным Варицевым, который его тоже подписал. Во-вторых, за санкцией на арест в Управление НКВД ЛО обратились совместной бумагой начальник оперсектора Баскаков (о котором подполковник Ботов почему-то упорно забывает) и начальник райотделения Богданов. При этом современному дознавателю следовало бы знать, что в то ***жаркое*** время при направлении дела на ***тройку*** никакие санкции от прокуратуры не требовались, поэтому нечего в этом вопросе исполнителя упрекать. В-третьих, главным в этой группе обвиняемых был Ф.Ф. Волков (которого Устинов ***боялся, как волка).*** Всего в той группе было 5, а не 7 человек (все-таки поменьше!). «По постановлению Тройки УНКВД Ленинградской области они были заключены в ИТЛ сроком на 10 лет каждый». При желании могли и расстрелять. Известно, что среди членов некоторых ***троек*** было даже негласное ***соревнование***: кто больше подпишет приговоров к ВМН. От материалов следствия мера наказания достаточно мало зависела. «В настоящее время эти лица реабилитированы».

Продолжим чтение обличительной бумаги. «Без достаточных оснований по справке т. Богданова были арестованы студенты Лужского педучилища Дрикит, Арбейтер, Тамберг и Ямбург… Из заявлений Тамберга и Дрикита видно, что “признательные” показания о контрреволюционной деятельности от них получили в результате применения к ним недозволенных методов следствия». Почему и как эти два бывших студента написали указанные заявления, мы подробно рассказали в главе 16. Вместе с тем фраза в «Справке»: «По решению тройки студенты были заключены в ИТЛ сроком на 10 лет **каждый,** впоследствии **все** они были реабилитированы», — не являлась верной. В ИТЛ попали лишь двое. Почему? С этим вопросом опять надо было бы обращаться к ***особой тройке.***

«Из материалов также видно, что без санкции прокурора, по одному лишь ордеру на арест, который подписан Богдановым, был арестован за контрреволюционные преступления девятнадцатилетний рабочий Лужского завода “Смычка” Антонов,

от которого в течение 13 дней следствие добивалось признания в контрреволюционных преступлениях и добилось». Это следственное дело также описано нами в главе 12. В конце 1937 года, когда был арестован ***частушечник,*** а затем ряд его товарищей, слушавших и распевавших вместе с ним ***контрреволюционные песни***, в соответствии с постановлением советского правительства санкции от прокуратуры не требовалось. «После этого (показаний Антонова. — Ю.Б.) у прокурора была получена санкция на арест Антонова и ещё четырех человек — Иванова, Маякова, Красникова, Андреева, а шестой из проходящих по показаниям Антонова не арестовывался». Значит, прокурор всё-таки дал санкцию на арест, а ведь имел право опротестовать дело. Следовательно, арест по ордеру Богданова ***формально*** можно рассматривать как «задержание по поступившему в райотделение заявлению». В дополнение ко всему этих парней ***сдало*** и собственное заводское начальство, которое представило на них плохие характеристики, а Маякова и Андреева назвало «прогульщиками и пьяницами». Дело чрезвычайно затягивалось, и только в марте-апреле 1939 года, после ослабления деятельности репрессивной машины, дело ***певцов*** переквалифицировали из политического в хулиганское и Антонова и Иванова осудили «за озорные действия». Если бы Лужское райотделение вело следствие *ускоренным порядком*, как то предписывало постановление ВЦИК, то попали бы ребята в лапы *особой тройки* и тогда не миновать бы им всем, как минимум, ИТЛ.

Читаем «Справку» далее: «Примером необоснованного ареста без санкции прокурора по ордеру, подписанному Богдановым, является дело колхозника Семёнова, которого обвиняли в контрреволюционном преступлении. Обвинительное заключение было подписано Богдановым. По постановлению тройки Семёнов был расстрелян». В обвинении Богданову это дело (см. главу 12) поставлено в самом конце, а по времени исполнения относилось к одному из первых актов репрессий, когда никаких санкций прокурора на аресты уже не требовалось. Осуждён постановлением *особой тройки* и тут же ликвидирован И.С. Семёнов был 22 августа 1937 года. «В настоящее время, — сказано в “Справке”, -он посмертно реабилитирован». За это спасибо дочери Игнатия Семёновича, которая написала заявление с просьбой о восстановлении доброго имени её отца. Если бы ни эта *частная* инициатива, то ещё не известно, стали бы в 1956 году судебные инстанции по собственному намерению пересматривать архивно-следственное дело на *одиночку*.

Последним в «Справке» Ботова *собрано в кучу* следующее

обвинение: «Также необоснованно были арестованы колхозники Пигуль, Лепиков и др., всего 10 человек, за контрреволюционные преступления, обвинительные заключения по этим делам были подписаны Богдановым. Все они были осуждены, но впоследствии при вмешательстве прокуратуры реабилитированы». Дознаватель Ботов умолчал, что эти следственные дела велись Батецким и Плюсским райотделениями НКВД, а Богданов, доверяя своим коллегам, утвердил представленные бумаги как исполнявший обязанности вместо отсутствовавшего на месте начальника межрайонного оперсектора Антонова. Если колхозники были арестованы *необоснованно*, то к ответственности вместе со слишком доверчивым Богдановым следовало привлечь начальников указанных райотделений, а также начальника оперсектора, допустившего подобное безобразие во вверенном ему ведомстве. Однако сделано этого не было — наказать *велели* одного Богданова.

Интересно, что отцу не предъявлялось никаких обвинений в отношении его участия в начале 1930-х годов как оперуполномоченного ОГПУ в выселении и *беспощадной борьбе* с кулачеством. Физическая ликвидация этих «заклятых врагов Советской власти» и по прошествии четверти века считалась партийным руководством делом *правильным* и не подлежавшим осуждению.

Далее в «Справке» Ботова использовались показания подчинённых Богданова, полученные у них в 1956 году. «Из объяснений бывших сотрудников Лужского райотдела НКВД Сергеева и Гринько видно, что при Богданове в райотделе существовала практика составления протоколов допроса с “признательными показаниями” в отсутствии арестованных. Затем путём применения недозволенных методов следствия добивались от них подписания этих протоколов. Это обстоятельство подтверждают и реабилитированные члены КПСС Снигирев, Пясс и др.» Объяснения Сергеева мне прочитать не удалось: в Главном информационном центре МВД РФ по моему заявлению от 1 апреля 1999 года не сумели отыскать дело на 311 листах, в которое Особая инспекция МВД СССР в 1950-е годы подшивала весь собранный на Богданова компромат. А вот объяснения В.П. Гринько в КПК при ЦК КПСС удалось найти совсем в другом *сборнике* [А. 13].

Гринько поведал о том, что следствие в отделении проводилось «с грубым нарушением элементарных правил советской законности (жалко не указал, каких именно пунктов правил. — Ю.Б.). Арестованные люди содержались в Луж-ской тюрьме, которая была в это время переполнена и там не было

нормальных условий: теснота, жара, плохое питание и санитарные условия и т. д.» Да, Советская власть для *чуждых элементов* никогда не создавала курорт в местах заключения под стражу: арестованные лишались не только свободы, но и возможности нормального человеческого существования. «Кроме того, — писал далее Гринько, — оперативные работники, ведущие следствие, а это также известно было Богданову, приводили из тюрьмы арестованного, и который не признавал себя виновным, так как не было никакой вины, то его заставляли стоять в тёплой одежде у жарко натопленной печки, или просто на ногах продолжительное время. Человек уставал, изнемогался и, чтобы облегчить свои страдания, соглашался подписать любые обвинения, любой документ». Богданов признавал, что в практике работы райотделения использовались подобные *стойки* и считал их применение нарушением *социалистической законности*, хотя, на наш взгляд, напрасно: тогда допускались и другие меры физического воздействия. Вместе с тем ни в одном документе **не было отмечено,** чтобы в Лужс-ком РО избивали или истязали арестованных. Таких обвинений дознаватели предъявить Богданову не могли, хотя понятно, что в 1950-е годы на этот предмет допрашивали всех свидетелей.

Далее Гринько описывал, как репрессии проводились в Лужском РО НКВД: «Обвинительные заключения составлялись на основании несуществовавших данных о преступных действиях, и таким образом они отражали вымысел. В этом отношении “набил” себе руку бывший работник отделения Варицев (погиб во время Отечественной войны), который использовал оперработника Сергеева. На плохом счету в отношении работы находился оперработник Горюнов (он обеспечивал сельскую местность), который не имел “хороших оперативных показателей”, и его обвиняли в неорганизованности, неспособности работать и т. п.»

А вот как завершился период проведения репрессий: «О том, что обвинительные заключения были неправильными и не отражали действительность, а люди были неправильно арестованы, свидетельствует такой факт, что после окончания этих репрессий, в ноябре 1938 года, в райотделение стали поступать жалобы арестованных, их родственников, а затем и сами дела, в процессе проверки которых ничего или почти ничего и никакая контрреволюционная деятельность не находила подтверждения. По этим делам срочно составлялись документы с прекращением их, людей немедленно освобождали».

Какие же выводы сделал Гринько на основании своих вынужденных воспоминаний? «О фактах грубого нарушения

советской законности, конечно, не было безызвестно бывшему начальнику районного отделения Богданову (а его непосредственным руководителям — начальникам межрайонного оперативного сектора Баскакову или Антонову, работавшим рядом, в одном помещении с Гринько? — /О.Б.), и он многое мог сделать для того, чтобы максимально сократить количество дел арестованных за малозначительные контрреволюционные преступления, за которые Особым совещанием давались сроки наказания до 10 лет, а количество дел и арестованных за так называемые “тяжкие преступления”, за которые полагалось наказание Особого совещания — осуждение без права переписки, свести на нет».

Жалко, Всеволод Павлович не заметил, что какая-то деятельность начальником райотделения в этом отношении все-таки велась. Иначе почему Богданова должны были в январе 1938 года пристрелить на охоте? Уж кому-кому, а Гринько о последствиях этого покушения было известно лучше, чем другим сотрудникам, ибо **именно он** снимал и заверял копию справки Ленинградского офтальмологического института о последствиях ранения и результатах лечения. Только вот не вспомнил (или не захотел вспоминать?) бывший секретарь отделения об этом случае, который мог внести *определённый вклад* в расследование стародавних следственных дел. Но и сам Богданов не стал перед дознавателями распространяться о том, почему и как в него стреляли на охоте, не захотел искать для себя смягчающих обстоятельств. Отец всегда стоял на такой позиции: «Я прав, я докажу это!» Кому, папочка? **Понять** может только тот человек, который действительно **хочет** разобраться в деле. А если ему *сверху* дана совершенно иная установка?

Окончательный вывод в объяснениях Гринько гласил следующее: «За эти действия на Богданова легла большая партийная и моральная ответственность» [А. 13]. К чести моего отца надо сказать, что **от своей ответственности** (в отличие от многих иных) он никогда не отказывался, но всегда говорил о том, что **необходимо разделить её вместе с другими работниками НКВД.** Вот, например, член партии Гринько видел, какие безобразия творились в его родном Лужском райотделении в то время, почему по-партийному тогда *не просигналил*, не стал звонить во все колокола, требуя прекратить, как он сам потом сформулировал, «грубое нарушение элементарных правил советской законности»? Или взять начальника оперсектора М.И. Баскакова, как он всё это оценивал? О нём в последующих главах.

Хочется привести некоторые сведения о погибшем в годы войны Варицеве, поскольку на покойного теперь безответно стали

списывать все старые грехи. Александр Иванович после перевода Богданова в Ленинград с ноября 1938 года являлся ВРИО начальника Лужского РО НКВД. В марте 1939 года он получил повышение, став начальником межрайонного отдела НКВД, созданного на базе Островского райотделения. С началом немецкой оккупации был оставлен в тылу вместе с партийно-советским активом для формирования партизанских отрядов. В марте 1942 года в созданной 1-й партизанской бригаде его назначили начальником Особого отдела. В трудных условиях защиты партизанского края провёл вместе с командованием большую работу по повышению боеспособности бойцов и командиров, поднятию их морального и боевого духа, пресечению проникновения в партизанскую среду пораженческих и панических слухов. После разделения бригады по тактическим соображениям на несколько отрядов воевал в одном из них под командованием И.Д. Дмитриева. В одном из боёв 1 декабря 1943 года Варицев погиб в районе деревни Стаи Лядского района [Л.38].

Однако вернёмся к «Справке» подполковника Ботова. Далее дознаватель описал служебный путь своего *подопечного.* «В ноябре 1938 года Богданов был выдвинут на должность начальника Красногвардейского райотдела НКВД г. Ле-нинограда, а в июне 1940 года был назначен заместителем наркома и в 1943 году — наркомом внутренних дел Казахской ССР».

«Из материалов по Казахстану видно, что Богданов и там допускал нарушения социалистической законности. Так, по агентурному делу Националисты было необоснованно арестовано 130 советско-партийных работников, обвинявшихся в контрреволюционных преступлениях. В результате применения к ним недозволенных методов следствия от них были получены компрометирующие показания ещё более чем на 500 человек, как участников антисоветской националистической организации, в том числе на секретаря ЦК КП Казахстана Салина, заместителя заведующего отделом кадров ЦК КП Казахстана Бозжанова, наркома земледелия Даулбаева, на 34 секретаря райкомов партии, 28 человек председателей райисполкомов, 60 человек председателей сельсоветов и председателей колхозов, других ответственных работников». Напомним, что Богданов отнюдь **не являлся инициатором** этого дела — оно началось ещё до его приезда в Казахстан. Он **это дело не вел,** хотя по заданию наркома внутренних дел Казахской ССР А.Н. Бабкина выезжал вместе с группой сотрудников в декабре 1941 года в Кустанай, где «производил ряд проверок и следственных действий».

Очевидно, с тех пор сохранилось у одного из обвиняемых

приводимое ниже воспоминание, которое, без достаточной проверки его подлинности, стало с большим удовольствием цитироваться во всех изобличавших Богданова справках и заключениях, а потом перекочевало в газеты и книги. «О применении незаконных методов следствия в Казахстане реабилитированный впоследствии редактор дивизионной газеты Ж.К. Бектуров показал: “От начала до конца следствия я боролся против ложных обвинений, однако не мог доказать свою правоту, ибо все следователи, в том числе и сами руководители наркомата, в частности тогдашний первый зам. наркома НКВД Казахстана Богданов, прямо говорили мне, что если я не признаю себя виновным, то всё равно я живым оттуда не выйду, какой-то санитар составит акт о моей собачьей смерти, и яма зарастёт бурьяном. Эти слова изо дня в день были подтверждены действиями следователей”».

В одном из своих блокнотов Богданов сделал следующую запись: *«О показаниях Бектурова.* Кто он — не помню. Показания надуманы. Никогда в жизни этим не пользовался. Какой санитар, яма с бурьяном? Надо для объективности допросить тех, кто присутствовал. Много допрашивал, но к провокациям никогда не прибегал» [А. 12]. Чтобы установить истину, Богданов просил устроить очную ставку с этим человеком. Однако, как сказано в записке Ботова, «с материалами по агентурному делу “Националисты” и следственным делом Богданов не был ознакомлен, так как они находятся в Казахстане». Не правда ли, в таких условиях очень легко обличать в чём угодно? Попавший *в струю* **монолог Бектурова** пошел гулять по служебно-партийным обвинениям и литературным произведениям.

Дальнейший служебный путь Богданова прямо-таки ставился ему в укор: «В 1948 году т. Богданов был назначен зам. министра внутренних дел СССР, а в марте 1953 года **по указанию врага народа Берия** назначен начальником УНКВД Ленинградской области». Ничего предосудительного на Богданова за эти годы *накопать* не удалось, за исключением показания осуждённого Мамулова, который явился свидетелем грубого, оскорбительного и даже пренебрежительного разговора Берии по телефону с первым секретарем Ленинградского обкома партии Андриановым, выражавшим несогласие по поводу назначения Богданова на должность начальника УМВД. Привлечение в компромат этих подробностей, известных только узкому кругу лиц, позволяет нам судить о том, что к сбору негативных сведений на Богданова был причастен сам Андрианов. Это ***его заказ*** добросовестно исполнялся.

Далее в «Справке» Ботов перешёл к современным *заготовкам:*

«При выдвижении т. Богданова заместителем министра внутренних дел РСФСР он в своем рапорте на имя бывшего зам. министра внутренних дел СССР т. Комиссарова скрыл факты по Лужскому райотделу НКВД». Выше в этой главе мы приводили объяснения Богданова по данному обвинению. Однако начальник Особой инспекции не стал дожидаться этой ответной бумаги на дополнительно поставленные вопросы, а предпочёл представить свою трактовку данного момента. В заключение «Справки» следовал обобщающий вывод: «Тов. Богданов, ознакомившись с имеющимися материалами в Особой инспекции МВД СССР, **не дал партийной оценки** прошлой деятельности, а по делам Казахстана просит ознакомить с подлинными материалами».

Какую же ***партийную оценку*** должен был дать Богданов своей прежней работе? Любой советский человек, подвергнутый партийному остракизму, не имел права приводить аргументы в свою защиту, а сразу обязан был раскаяться, расплакаться, корить себя за свои ошибки, посыпать голову пеплом, молить о пощаде и снисхождении. Надо было говорить о величии партии, её мудрого ЦК и, конечно же, верного ленинца первого (генерального) секретаря. Про себя же следовало скромно сказать, что всегда добросовестно трудился, но вот чёрт попутал. Больше такого никогда не повторится. Но Богданов подобного *искреннего* раскаяния не принёс. Он пытался честно рассказать, *как всё было.*

Не затягивая дела, на следующий день, 8 марта 1957 года, за подписью министра внутренних дел СССР Дудорова эта справка была направлена заведующему Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС РСФСР А.Н. Кидину, а чуть позднее, через неделю, поехала таким же порядком в адрес заместителя заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС В.В. Золотухину. Сопроводительные письма имели аутентичный текст, и в них, в частности, говорилось: «Тов. Богданов вызывался в министерство для ознакомления с материалами дела, **но не дал партийной оценки своей прошлой деятельности»** [А. 10].

Судьба замминистра внутренних дел РСФСР генерал-лейтенанта Н.К. Богданова висела на волоске.

Глава 38. Кадровая политика партии

По каким причинам лихо сформулированные и резво разосланные компрометирующие материалы на Богданова в 1957 году *не сработали*, точно ответить не могу. Во всяком случае Николай Кузьмич продолжал исполнять свои служебные обязанности замминистра внутренних дел РСФСР.

Во время этой *передышки* 10 апреля 1957 года слушателю-заочнику 4-го курса генерал-лейтенанту Богданову пришёл вызов из Высшей школы МВД СССР с предложением явиться для сдачи очередных экзаменов и зачётов. Не знаю, с каким настроением занимался тогда отец, постоянно допекавшийся служебным расследованием, но, тем не менее, по 27 включённым в диплом предметам и на 5 государственных экзаменах Богданов получил практически все отличные оценки. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 20 июня 1957 года ему по специальности **правоведение** была присвоена квалификация **юриста** [А. 15]. Теперь только, казалось бы, и работать, имея богатый жизненный опыт, солидный навык руководящей деятельности, возраст всего лишь 50 лет и **диплом о высшем образовании.**

Однако Особая инспекция Управления кадров МВД СССР продолжала плести свои козни. После согласования вопроса в ЦК КПСС следователь подполковник Игнатьев и начальник инспекции подполковник Ботов в июне 1957 года подготовили новую бумагу. Это было, теперь уже секретное, «Заключение на заместителя министра внутренних дел РСФСР генерал-лейтенанта Богданова Н.К.» [А.10]. В новом документе они слово в слово повторили текст из приводившейся нами в предыдущей главе «Справки» в части работы Богданова начальником Лужского РО НКВД ЛО в 1937–1938 годах. А вот материалы по Казахстану были несколько расширены. Следователя Игнатьева командировали-таки в Алма-Ату, но исчерпывающей информации он привезти не смог, так как «всё наблюдательное производство по этому агентурному делу было уничтожено». Конечно, никакие дополнительные объяснения отца по данному вопросу, снова представленные им на имя министра, во внимание приняты не были. Согласно «Заключению», Богданов теперь допускал нарушения не социалистической, а *советской законности.* В чём разница — пояснить не берусь, но, видимо, звучало весомее.

По делу «Националисты» было признано, что оно действительно было заведено в Кустанайской области ещё в 1939 году и «оперативно ликвидировано арестом 11 человек.

Впоследствии (не известно, в каком году конкретно. — *Ю.Б.)* эти обвиняемые дали показания ещё на 130 человек», которых также посадили за решётку. Всего по показаниям арестованных проходило свыше 500 человек советско-партийного актива. Но теперь уже, в новой интерпретации дознавателей, **«руководил следствием** в то время зам. наркома внутренних дел Казахстана т. Богданов». «Арестованный по его (Богданова. — *Ю.Б.)* указанию председатель Исполкома Семиозерного райсовета Сандыбеков показал, что он был завербован в контрреволюционную организацию бывшим зам. прокурора Кустанайской области Кокемановым, редактором дивизионной газеты Бектуровым (автором упоминавшегося *монолога. — Ю.Б.)* и др., всего 8 человек, которые в свою очередь показали, что контрреволюционной организацией, в которой они состояли, руководил центр в составе секретаря ЦК КП Казахстана Салина, зам. зав. сектора ОК ЦК КП Казахстана Бозжанова, наркома земледелия Даулбаева и др. По решению особого совещания из 8 человек трое были расстреляны, остальные были отправлены в заключение. В настоящее время все реабилитированы». В главе 21 говорилось о том, что это дело возникло на основании агентурных данных, в нём были замешаны весьма высокопоставленные и юридически грамотные лица, аресты которых производились на основании санкций ЦК Казахстана и НКВД СССР. Неоднократную проверку дела вели представители союзных прокуратуры и наркомата. **Так почему же теперь виноватым по всех грехах оказался один Богданов,** к которому раньше со стороны многочисленных проверявших это дело никаких претензий не предъявлялось?

Далее в «Заключении» написано: «В отношении Салина, как сообщал т. Богданов в НКВД СССР в марте 1943 года, было принято решение — он снят с занимаемой должности и направлен на низовую работу». Как установлено по протоколам заседаний бюро ЦК КП(б) Казахстана, М. Салина сняли с должности третьего секретаря ЦК ещё 17 октября 1942 года, а через месяц вывели из состава членов бюро ЦК «за необеспечение руководства, за примиренческое отношение и прямое попустительство антигосударственным действиям в хлебозаготовке». Конечно, при большом *лицемерии* властей такая формулировка могла означать и нечто иное. Истинная причина, как обычно, стыдливо скрывалась. Однако, как явствует из тех же протоколов, Салина достаточно неплохо устроили: сначала направили работать вторым секретарём Южно-Казахстанского обкома партии, а потом там же он стал председателем облисполкома. Боз-жанов и Даулбаев сохранили свои посты. В

1944 году Боз-жанов перешел на должность первого секретаря Алма-Атинского обкома партии, а наркома земледелия Даулбаева избрали кандидатом в члены бюро ЦК КП(б) Казахстана [А. 17].

В обвинительный текст «Заключения» дознавателями были вписаны фразы, которые вообще непонятно кого конкретно критиковали: «По делу “Националисты” и др. в Казахстане проводилась вредная практика, когда вопреки закону (какому? — *Ю.Б.)* и указаниям НКВД СССР (каким? — *Ю.Б.)* проводилась вербовка партийных и советских работников и агентурная разработка. Так были завербованы (кем? — *Ю.Б.)* бывший секретарь Кустанайского обкома партии Берниязов, зам. наркомфина Казахстана Бадин и разрабатывался зам. зав. отделом агитации и пропаганды Западно-Казахстанского обкома партии Байгалиев». Не будьте наивными — без агентуры *государево око* работать не может. **Но в чём здесь вина Богданова?** Об этом сказано не было.

Конечно, в «Заключении» полностью приводился обвинительный *монолог* бывшего редактора дивизионной газеты Бектурова.

Далее в «Заключении» сказано: «О применении к арестованным на допросах незаконных методов следствия подтвердили бывший следователь СПО (секретно-политического отдела. — *Ю.Б.)* НКВД Казахстана Курманжанов, ст. опе-уполномоченный (Кустанайского отделения НКВД. — *Ю.Б.)* Чирьев». Так эти работники как раз и вели следствие — с них и спрос! «Они же подтвердили, что следствием по делу “Националисты” руководил Богданов». Совершенно не понятно, почему вопрос о руководстве выяснялся у второстепенных лиц? Если бы Богданов был назначен наркомом внутренних дел Казахстана Бабкиным не просто провести разовую проверку в Кустанае, а руководить всем огромным по своим масштабам следствием, то об этом должен был быть издан соответствующий приказ, чтобы все многочисленные исполнители чётко знали, кому подчиняться и докладывать либо к кому обращаться с вопросами.

Далее дознаватели сообщали: «Допрошенный по этому делу быв. нач. СПО НКВД Головков в 1948 году сообщил: “Я, не разделяя восторга Богданова и начальника внутренних дел Кустанайской области Забелева, заявил им, что радоваться и потирать руки не следует, так как показание одного из арестованных провокационное и оно принесёт неприятности”. В ответ на это Богданов сказал: “Вас знают, что Вы старый казахстанский перестраховщик”».

Не берусь судить, кто из двоих, Богданов или Головков, был в

этом деле правым. В блокноте отца есть такая пометка: «Заявление Головкова, что он меня предупреждал о по-казаннях Нурумова, — вероятно, путает, допрашивали втроём» [А. 12].

Вот что лично мне известно по данному вопросу. Михаила Николаевича (Нифоновича) Головкова я знал как очень принципиального и жёсткого человека. Именно в Секретно-политическом отделе НКВД, начальником коего он являлся, велась разработка дела «Националисты», так что именно Головков был посвящён во все детали следствия. От отца и других людей мне известно [Б], что при проведении проверок по указанному делу Головков написал **бумагу,** которая Богданову, по словам последнего, «очень навредила». В других документах имеется ссылка на то, что «бывший начальник СПО НКВД Казахской ССР т. Головков, ныне сотрудник КГБ», в 1948 году давал письменные объяснения [А. 10]. Шла ли речь об упомянутой **бумаге** или ещё о какой-либо другой более поздней по срокам, сказать не могу. Но знаю точно, что на этой почве Богданов свои отношения с Головковым разорвал, и мы несколько лет семьями не встречались, хотя раньше справляли вместе праздники и дни рождения. Потом между ними произошло *замирение.* Но самое главное, что вся вина за дело «Националисты» была приписана **одному Богданову.** В то же время Головков, в чьем отделе велось расследование по самым крупным фигурантам, ни к какой ответственности привлечён не был. В своих объяснениях Богданов писал, что в начале войны, когда гитлеровская армия стремительно наступала, в Казахстан прибыли миллионы спецпереселенцев и беженцев, работников предприятий и служащих учреждений. В сложнейшей обстановке постоянно возникали слухи, провокации, пораженческие настроения. Даже здесь, в глубоком тылу, были выброшены немецкие десанты, создававшие реальную угрозу. В этих условиях естественно, что на малейшее проявление неустойчивости остро реагировали. Однако хотелось ли кому-то из дознавателей всё этот понимать, сидя в своём кабинете в конце 1950-х годов при хрущёвском *послаблении*, когда имелось чёткое указание: **Богданова обвинить?**

«Проверявшая в 1943 году уголовное дело “Националисты” бригада НКГБ СССР в своих выводах отметила, что дело “Кустанайской организации” является одним из проявлений извращённых методов чекистской работы и прямым нарушением постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от [17] ноября 1938 года о работе органов НКВД». По нашему мне-нию, эту фразу *из военных времён* следует понимать так: раз пострадавшие начали писать многочисленные жалобы, то, значит, **дело было проведено не**

чисто, не по-чекистски. Поскольку вы, казахстанцы, без указания из Центра, раздули **сами** этот вопрос, то **сами** и виноваты во всех *нарушениях.* Современные дознаватели забыли указать, что по этому делу Особое совещание при НКВД СССР принимало ещё 2 постановления — от 17 февраля 1945 года и 9 декабря 1947 года, в которых **никого из осуждённых полностью не реабилитировало, но и Богданова ни в чём не обвинило.** По протесту прокурора Набатова Верховный суд Казахской ССР отменил эти постановления 21 сентября 1955 года. А потом **один Богданов оказался во всём виноватым.**

«В этих же выводах (бригады НКВД СССР. — *Ю.Б.)* было указано, что, несмотря на ряд указаний НКВД СССР и сигналы (которые как раз и подавал Богданов. — *Ю.Б.)* на неблагополучие в следствии по делу, нарком госбезопасности КССР т. Бабкин (умер) не обеспечил надлежащего контроля, а бывший зам. т. Богданов и б. нач. СПО НКВД Головков не разоблачили античекистской практики работников Кустанайского УНКВД Рупасова, Чирьева и др., а, наоборот, потворствовали им. После этого т. Богданов, будучи уже наркомом внутренних дел Казахстана, за извращение и фальсификацию уголовного дела "Националисты" наказал своей властью некоторых работников НКВД Кустанайской области, **сам же за допущенные по этому делу извращения наказан не был».**

Присутствовавшие в прошлой «Справке» обвинения по Ленинграду 1953 года и по рапорту Комиссарову в 1955 году отсутствовали. Видимо, в них разобрались, и Богданову они больше не инкриминировались.

Однако резюме «Заключения» оставалось в целом то же самое: «Тов. Богданов, ознакомившись с материалами уголовных дел, **не дал надлежащей партийной оценки** своим действиям». Опять, значит, не расплакался, а твёрдо стоял на своём: **виноват, но вместе с другими работниками НКВД.**

Общий вывод был пренеприятный: «Учитывая серьёзность допущенных Богдановым нарушений советской законности, полагали бы: материал о т. Богданове обсудить на заседании Коллегии МВД СССР» [А. 10].

Этот документ следователь и начальник Особой инспекции собственноручно подписали. Оставалось только получить визу «Согласен» у замминистра внутренних дел СССР К.П. Черняева, отвечавшего за кадры, и утвердить «Заключение» у министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова. Однако руководство свои подписи не поставило, и документ *завис* без даты — «…июня 1957 года». Кто мог помочь Богданову в ту критическую минуту? Снова, как в августе 1953 года, выручил его Хрущёв? В общем-то,

на мой взгляд, никто иной тогда это сделать был не в состоянии. Только *наш Никита Сергеевич*, заработавший себе индульгенцию путём разоблачительного выступления на XX съезде партии, мог казнить и миловать. Остальные руководители лишь исполняли его волю, не смея прекословить.

Во всяком случае «Справку» с компроматом запихнули в архивную папку, даже забыв, видно от досады, пронумеровать её листы в общей нумерации тома хранения. Туда же отправились и копии сопроводительных писем в ЦК [ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 4484].

Впрочем, под самим Хрущёвым его высокое кресло тоже в ту пору сильно покачнулось. Многие руководители, в том числе и высокопоставленные, были недовольны сумасбродством и авантюризмом партийного вождя. Поводом для выступления против главы Компартии послужила речь Хрущёва на митинге в Ленинграде в мае 1957 года, когда он выдвинул свой ничем не обоснованный план в короткий срок догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и шерсти. В июне 1957 года на пленуме ЦК главный коммунист столкнулся с организованной против него оппозицией. Подавляющее большинство членов Президиума ЦК, в число которых входили Молотов, Маленков, Каганович, Первухин, Сабуров и Шепилов, открыто выступило против Хрущёва и потребовало освобождения его от обязанностей первого секретаря. При голосовании по этому вопросу оппозицию поддержали даже Булганин и Ворошилов.

Однако в критической ситуации изощрённый в дворцовых переворотах Хрущёв нашёл выход. При помощи министра обороны маршала Жукова и председателя КГБ генерала армии Серова на военных самолетах в Москву срочно были доставлены члены ЦК КПСС. На пленуме ЦК, продолжавшемся целую неделю, с 23 по 29 июня 1957 года, Хрущёву удалось отстоять свои позиции. Основные его противники — Маленков, Молотов, Каганович и Шепилов — были объявлены антипартийной группой и уволены со всех постов [Л.48].

Очередная победа только распалила Хрущёва, и он продолжил разгон своего ближайшего окружения. Где-то в бумагах только что разгромленных оппозиционеров обнаружили намечавшийся ими к назначению список руководителей министерств. Министром внутренних дел СССР предполагалось вновь поставить генерал-полковника С.Н. Круглова. Это вызвало страшное недовольство Хрущёва. В связи с этим в октябре 1957 года Круглов был уволен в запас Советской Армии, и ему в соответствии с законом была назначена пенсия от МВД СССР. Но этим дело не кончилось. Без всякой видимой причины слишком

много знавший пенсионер был освобождён от должности замминистра строительства электростанций и отправлен *в ссылку* зам. председателя совнархоза Кировского экономического административного района [Л.42]. В то время Никита Сергеевич бурно развивал свою очередную неудачную идею экономического развития страны за счёт создания региональных совнархозов.

В октябре 1957 года, воспользовавшись визитом Жукова за границу, Хрущёв собрал заседание Президиума ЦК, на котором поставил вопрос «об опасности бонапартизма» со стороны знаменитого маршала. Заочно Жуков был выведен из ЦК КПСС, смещён с поста министра обороны и уволен в отставку. Так что и безо всякого Особого совещания Хрущёв успешно чинил **свой произвол,** поддержанный крепнувшей день ото дня послушной партийной номенклатурой. Истинной же **причиной** снятия Жукова явилось то, что на июньском 1957 года пленуме ЦК КПСС по разгрому антипартийной группы маршал «поставил вопрос о необходимости тщательного изучения массовых репрессий и наказания **всех виновных** в этих преступлениях, настаивал на переводе их в разряд **уголовных».** Ясно, что в таком случае в *список уголовников* вместе с Молотовым, Кагановичем, Маленковым и другими руководителями **полноправно** должен был войти и Хрущёв. Естественно, что главу партии это совершенно не устраивало, ибо совсем не для того он затеял разоблачение *культа личности* Сталина. Тогда на пленуме хитрому Никите Сергеевичу удалось уйти от прямого ответа на вопрос о его участии в расстрелах на Украине и повернуть дело так, что во всех грехах участники представительного форума стали обвинять только антипартийную группу. *Провинившимся* пришлось самим клеймить допущенные ими ошибки и «в унизительном тоне просить простить их».

Вместе с тем самой постановкой вопроса о выявлении **всех виновных** (эта фраза потом была вычеркнута из стенограммы) Жуков «обрёк себя на скорую расправу». Сразу же после пленума на министра военного ведомства стал активно собираться компрометирующий материал. **Поводом** для снятия Жукова явилось то, что прославленный маршал «не терпел политработников, плохо помогавших, а иногда и мешавших командиру». При сокращении армии, проводившемся после смерти Сталина, Жуков как министр обороны предложил упразднить Высший (читай — *Партийный)* Военный Совет при Совете Обороны, куда входили кандидаты и члены Президиума ЦК, а также ликвидировать все должности освобождённых политработников. Главным недостатком военно-идеологической работы в армии министр считал «засилие культа личности,

проявившееся во введении института военных комиссаров, что сеяло недоверие к командным кадрам, подрывало дисциплину в войсках». При снятии Жукова ему вменили в вину: «попытки вывода Вооруженных Сил из-под контроля ЦК, присвоение функций ЦК (выразившееся в регламентировании деятельности армейских партийных органов)», сосредоточение в своих руках «необъятной власти с целью установления диктатуры» и др. Как и в случае с Берией, маршалу Жукову не простили самостоятельности и инициативы. Партийная элита, возглавлявшаяся Хрущёвым, претендовала на тотальный контроль над всеми сферами общественной жизни, а потому решила избавиться ещё от одного потенциального политического соперника [Л.46]. Однако более правильно было бы сказать, что Никита Сергеевич расправился ещё с одним оппонентом, который мог испортить его *репутацию.*

Итог борьбы за должность вождя был подведён в марте 1958 года, когда Булганина сместили с его высокого поста. Главой правительства был назначен, естественно, сам Хрущёв, объединивший отныне в своих руках власть первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина. Теперь никто не осмеливался перечить новому самодержцу, и Хрущёв повёл себя в великой стране, как слон в посудной лавке, действуя по принципу *что хочу, то и ворочу.*

Из *стариков* при власти остался Ворошилов. Сначала он активно поддержал *антипартийную группу* Маленкова, Молотова, Кагановича, но когда понял, что их дела плохи, опять переметнулся в стан к Хрущёву и принялся решительно осуждать фракционную деятельность своих бывших соратников. Поскольку Климент Ефремович, которого, по его словам, «чёрт попутал», **горько раскаялся перед партией** (читай — перед Хрущёвым) в допущенной им ошибке (учитесь, как надо давать *партийную оценку!),* то это позволило ему даже сохранить за собой на несколько лет пост формального главы государства — председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Дольше всех на руководящем *силовом* посту продержался личный друг Хрущёва генерал армии Серов, безоговорочно поддерживавший своего патрона во время *государственных переворотов,* но не претендовавший на верховную власть. Он же серьёзно помог *нашему Никите Сергеевичу* тем, что, пользуясь своей властью, тщательно почистил архивы, уничтожив репрессивные документы с подписью Хрущёва. Однако 8 декабря 1958 года Серов с должности председателя КГБ был на 5 лет переведён начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Министерства вооруженных сил. Но потом и этого

верного соратника Хрущёва тоже постигла незавидная судьба. В 1963 году в связи с делом полковника разведки Пеньковского, оказавшегося агентом английской разведки, Серов был снят с должности начальника ГРУ, разжалован из генерала армии в генерал-майора, лишён звания Героя Советского Союза. За утерю политической бдительности и за злоупотребление служебным положением его исключили из партии и отобрали ордена. Дослуживать ещё не достигшего пенсионного возраста генерала отправили помощником командующего по учебным заведениям сначала в Туркестанский, а затем в Приволжский военный округ. Больше всего Хрущёв, естественно, боялся, чтобы *бывший друг* не проговорился о том, какие репрессии санкционировал и проводил в былые годы нынешний глава партии и правительства. В связи с этим за разжалованным генералом было установлено плотное наружное наблюдение, его разговоры записывались. После увольнения на пенсию в 1965 году Серов прожил ещё 25 лет, но так ни о чём и не рассказал, ссылаясь на то, что ничего не помнил.

Женским сердцем чувствуя, что обстановка складывалась крайне неблагоприятно, моя мама говорила своему супругу: «Коля, уходи. Видишь, всех старых работников разгоняют». Но отец, видимо, вдохновлённый новой временной передышкой, опять стоял на своём: «Нет, я прав, я докажу». Конечно, как мы шутим теперь: «Главное — это вовремя смыться». Более предусмотрительным в этом отношении оказался наш сосед по госдаче на Иваньковском шоссе М.И. Журавлёв. Ещё 2 июня 1956 года он ушёл из органов внутренних дел в Министерство среднего машиностроения, где возглавил крупнейший Первый строительно-монтажный трест, возводивший атомные объекты.

При всех условиях, как бы мы теперь к этому ни относились, наши отцы были верны той идее, которой беззаветно служили, и оставались преданы ей до конца дней своих. Партия коммунистов являлась для них святым понятием. Они полностью себя отдавали работе ради *светлого будущего всего человечества.* Кроме общественного дела, у них часто не существовало больше никаких интересов, или, как потом стали называть, *хобби.* Поэтому говорили, что военные на пенсии дольше 5 лет жить не могли: отсутствие каждодневной занятости, напряжённой деятельности, нужности делу приводило часто к тому, что они довольно быстро погибали.

Конечно, Николай Кузьмич увлекался огородничеством и садоводством. Но всё это было сезонно и являлось лишь дополнением к основной работе. И потом все эти радости находились на госдаче, которой он лишался, как только покидал

свой пост. Собственную же недвижимость руководству иметь возбранялось, чтобы не *обуржуазиться*.

В те годы МВД РСФСР опять стало превращаться в строительную организацию. Кроме возведения жилых домов, большие работы выполнялись, в частности, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), ставшей потом называться Выставкой достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР. Замминистра Богданов курировал на тогдашней ВСХВ строительство ряда выставочных павильонов. В число этих объектов входили здания, предназначавшиеся для экспозиции достижений Украины, Казахстана, Московской области, Тулы-Калуги-Рязани-Брянска, а также торговый павильон Украины. Велось благоустройство территории выставки. Сохранились фотографии, запечатлевшие моменты, когда Николай Кузьмич вместе с представительной казахской делегацией осматривал павильон совсем не безразличного ему Казахстана. За проделанную работу 10 мая 1958 года постановлением Главного Комитета ВСХВ Богданов был награждён Большой золотой медалью [А.7].

Воспользовавшись тем, что повзрослевшие сыновья были теперь надёжно пристроены, находились на правильном пути и постоянная родительская опёка им больше не требовалась, наша мамочка решила пойти работать. В возрасте 54 лет женщины уже собираются на пенсию, а Нина Владимировна надумала открыть новый цикл своей медицинской практики. В связи с большим перерывом в работе врача Котову с 10 января 1959 года зачислили стажёром в Родильный дом № 6, а через полгода перевели на должность ординатора акушера-гинеколога. С этого времени к своему прежнему 20-летнему трудовому стажу мама добавила ещё четверть века врачебной деятельности. Теперь шаткое служебное положение супруга было для неё в материальном плане не так страшно: свою максимальную пенсию она заработала собственным трудом.

Глава 39. Служебное несоответствие

Многократно перебираю и перечитываю имеющуюся в моём распоряжении кучу министерских и цэковских бумаг, в которых моему отцу предъявлялись в разных вариантах одни и те же обвинения [А. 10], и никак не могу до конца понять, **кто** конкретно и **почему** решил с ним разделаться, свалив именно на Богданова все грехи нашей Системы за прежние тяжкие годы? Фамилии исполнителей ясны — они эти бумаги подписали. Но с них какой спрос? А кто являлся **заказчиком,** кто поручил *покрутить факты* так, чтобы можно было безоговорочно обвинить указанного фигуранта? Это имя надёжно скрылось за неопределёнными формулировками обличительных бумаг: «В ЦК КПСС поступило представление…», «Из ЦК КПСС поступило письмо…», «В МВД СССР поступили материалы…» Как будто что-то появлялось не известно откуда, а затем с этим разбирались серьёзные люди, бескорыстно стоявшие на страже государственных и партийных интересов.

Как бы то ни было, но ровно через 2 года после очередного предъявления Богданову обвинений, от которых ему, вроде бы, удалось отбиться и, признавая ошибки, доказать свою определённую правоту, кто-то *наверху* опять дал *отмашку*, и на моего отца навалились с новой силой. Теперь *отвертеться* не представлялось возможным, поскольку Хрущёв *сдал* на растерзание своего очередного соратника и товарища по партии.

17 февраля 1959 года подполковник Ботов, который теперь стал начальником инспекции по личному составу Управления кадров МВД СССР, обновил отосланную в архив свою прежнюю бумагу с компроматом от 7 марта 1957 года. Содержание свежеиспечённого «Заключения» всё на того же замминистра внутренних дел РСФСР генерал-лейтенанта Н.К. Богданова практически не изменилось — новых компрометирующих данных отыскать не удалось. Но зато серьёзно *окрепли* формулировки по прежним эпизодам. В первых строках «Заключения» было сформулировано обобщающее обвинение: «Тов. Богданов Н.К. в 1937–1938 годах, будучи начальником Лужского РО НКВД Ленинградской области, а затем в 1940–1943 годах заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР, допускал нарушения социалистической законности». Несмотря на то, что от *советской* опять вернулись к *социалистической* законности, всё равно здесь и далее не могли предъявить конкретные статьи Уголовного и Процессуального кодексов РФ или пункты тогдашних постановлений партии и правительства, а также приказов НКВД,

которые *нарушались* бы обвиняемым. Ясно, что сделать это было невозможно, ибо пришлось бы обратиться к таким совершенно секретным документам, о которых и вспомнить страшно. В связи с этим процедуру обвинения упростили, приписав теперь не сотрудникам Лужского райотделения, а **персонально** его начальнику все нарушения: «Богданов необоснованно арестовал», «не допрашивая арестованных, Богданов составил протоколы допросов», «Богданов лично допрашивал и получил “признательные” показания» или: по «составленным Богдановым» меморандуму, справке, ордеру были арестованы и т. д.

Согласно обновлённому «Заключению», в Казахстане Богданов, видимо для разнообразия, «допускал нарушения советской законности», но также без конкретики по статьям и пунктам кодексов и постановлений. Теперь уже оказалось, что именно **он** «осуществлял руководство реализацией агентурного дела “Националисты” в Кустанайской области», хотя был там с проверкой всего единственный раз в декабре 1941 года. Арест одного из подозреваемых произвели «по указанию т. Богданова». Расстреляли потом по приговору Особого совещания троих, совсем других арестованных, но вся вина за это почему-то опять легла на Богданова. Оказалось, что приводившийся во всех обвинениях *монолог* реабилитированного Бектурова был произнесён им в 1955 году при допросе его в прокуратуре Казахской ССР.

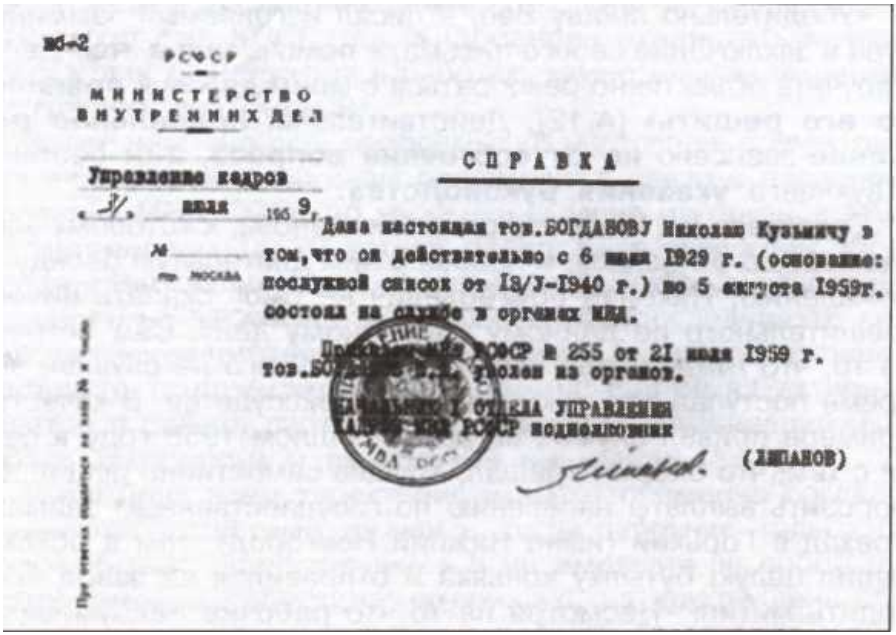
«Будучи ознакомлен со всеми материалами проверки и делами, т. Богданов сообщил, что действительно в то время допускались нарушения социалистической законности, допускал и он как-то упрощения в ведении следствия (но ведь это было предписано постановлениями Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, пункт 1 и от 4 декабря 1934 года, пункты 1,2.- /О.Б.), корректировку протоколов допроса арестованных (во-первых, протоколы подправлялись, чтобы они в соответствии с тогдашними требованиями излагались только в форме вопросов и ответов; во-вторых, по словам начальника оперсектора Баскакова, подготовка протоколов заранее была в то время *строго установленным правилом. — Ю.Б.*), стойки и др.» В результате Богданов **«дал оценку своим действиям,** сообщив, что он несёт ответственность за незаконные аресты и упрощенчество в следствии, но делал это по указанию вышестоящих начальников».

«Что касается по агентурному делу “Националисты”, - писал далее дознаватель, — он (Богданов. — Ю.Б.) также **признал,** что не разобрался с этим делом, потерял бдительность и доверился местным работникам». Ни одного доброго слова не было сказано в адрес моего отца, и он вновь стал ***врагом народа***.

Мне представляется, что общий вывод, который был сделан в «Заключении», не смогли бы по собственной инициативе дать ни составлявший бумагу начальник инспекции подполковник Ботов, ни согласовавший этот документ замминистра внутренних дел Союза ССР полковник Черняев, поскольку это существенно превышало их полномочия. Такое можно было решиться написать только по чёткому указанию сверху: «Учитывая изложенное, полагали бы **т. Богданова Н.К. уволить из МВД СССР по служебному несоответствию»** [А. 10].

В начале марта 1959 года состоялось заседание Коллегии МВД СССР, на котором рассматривался вопрос «О серьёзном нарушении социалистической законности зам. министром внутренних дел РСФСР Богдановым Н.К.» Самого протокола этого заседания внесудебного органа у меня нет, но вот какое официальное резюме можно привести по этому вопросу.

11 марта 1959 года министр внутренних дел Союза ССР Н.П. Дудоров направил в бюро ЦК КПСС по РСФСР письмо, в котором, в частности, говорилось следующее: «Коллегия МВД СССР, рассмотрев материалы о допущенных в прошлом тов. Богдановым Н.К. нарушениях социалистической законности, приняла решение об освобождении его от занимаемой должности — заместителя министра внутренних дел РСФСР, и увольнении из органов МВД по служебному несоответствию. МВД СССР просит Бюро ЦК КПСС по РСФСР освободить тов. Богданова Н.К. от обязанностей заместителя министра внутренних дел РСФСР». К этому письму было приложено приведенное нами выше «Заключение» на 6 листах [А. 10].



№6-2

РСФСР

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление кадров

«31» июля 1959 г.

№ _____
гор. Москва

СПРАВКА

Дана настоящая тов. БОГДАНОВУ Николаю Кузьмичу в том, что он действительно с 6 июня 1929 г. (основание: послужной список от 18/У-1940 г.) по 5 августа 1959 г. состоял на службе в органах МВД.

Приказом МВД РСФСР № 255 от 21 июля 1959 г. тов. БОГДАНОВ [illegible] уволен из органов.

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ МВД РСФСР подполковник (ЛИПАНОВ)

При ответах ссылаться на № и дату

Справка о выслуге 30 лет, выданная Н.К. Богданову при увольнении в запас. Москва, 1959 год

Министр не имел права своей властью уволить номенклатурного работника и потому обязан был обратиться в главную партийную инстанцию за высочайшим разрешением. Ржавая цэковская бюрократическая машина, присвоившая себе всю власть (но не ответственность!) решать любые дела в стране, начала медленно переваривать ею же инспирированное дело.

В сложившейся обстановке Богданов вынужден был обратиться с письмом по личному вопросу к секретарю ЦК КПСС Н.Г. Игнатову, которого хорошо знал по работе в Ленинграде, с тем чтобы посоветоваться, что можно предпринять в связи с постигшими его неприятностями.

Он недоумевал: как же так, ведь «на протяжении многих лет моя практическая работа проходила под руководством партийных организаций. За это время я не имел никаких взысканий по партийной и административной линии». И вот теперь сразу столь жестокое наказание.

«Убедительно прошу Вас, — писал изгоняемый замминистра в заключение своего письма, — помочь мне в этом деле. Поручить объективно разобраться с моим делом и **правильно его решить» [А.** 12]. Действительно, **правильное решение** зависело **не от состояния вопроса,** а от соответствующего **указания руководства.**

Секретарь ЦК Игнатов принял Богданова, к которому всегда

хорошо относился, и провёл с ним длительную беседу. К сожалению, Николай Григорьевич не смог сказать ничего утешительного по данному служебному делу. Сам сетовал на то, что *Никита* стал неуправляем, никого не слушал, всё время поступал так, как ему заблагорассудится. В качестве примера привёл случай, когда в прошлом 1958 году в связи с тем, что бюджет трещал, Хрущёв самостийно решил заморозить выплаты населению по государственным займам. Поехал в Горький (ныне Нижний Новгород), там в обкоме выпил целую бутылку коньяка и отправился на завод проводить митинг. Несмотря на то что рабочие недоумевали, присутствуя на таком мероприятии, их представили в качестве инициаторов прекращения погашения госзаймов на 20 лет. В отношении кадров МВД и КГБ Игнатов честно признал, что Хрущёв стремится убрать всех старых работников и посадить своих людей. В связи с этим помочь Николаю Кузьмичу, при всём к нему уважении, в данном вопросе со стороны Николая Григорьевича не имелось никакой возможности. Уволить Богданова по-хорошему не было оснований, поэтому дали указание *накатить бочку*. Ни в Ленинградском обкоме, ни, тем более, в ЦК первому секретарю никто не смел перечить. В связи с этим Игнатов посоветовал обращаться только *к самому*, ибо решение вопроса зависело исключительно от него.

Богданов и сам прекрасно понимал, что все нити кадровой политики тянулись в ЦК КПСС и находились в руках первого секретаря партии. Делать было нечего и пришлось обратиться лично к Хрущёву с тем, чтобы попытаться самому доложить свой вопрос главе партии и правительства и заручиться его поддержкой. В конце марта Богданов направил в ЦК КПСС письмо, в котором написал следующее:

«Уважаемый Никита Сергеевич! Обращаюсь к Вам с большой просьбой принять меня на личную беседу… Возможно, Вы меня помните по Московскому обкому КПСС, когда я, работая начальником Областного управления МВД, являлся членом бюро и Пленума обкома КПСС. С 1953 по 1955 год работал начальником Ленинградского управления МВД.

Тогда Вы мне оказали поддержку при попытке бывшего секретаря обкома КПСС тов. Андрианова оклеветать меня и других лиц. С 1955 года я работаю заместителем министра внутренних дел РСФСР».

Далее изложил суть проблемы: «В настоящее время, оказавшись в крайне тяжёлом положении в связи с решением Коллегии МВД СССР об увольнении меня из органов МВД по материалам 18-20-летней давности, я вынужден обратиться к Вам

за помощью и поддержкой. Такого сурового наказания я не заслужил, тем более что за последние 18 лет, работая на ответственных должностях, я характеризовался **только с положительной стороны,** принимая активное участие в работе партийных и советских организаций. **Никаких замечаний и взысканий не имел»** [А. 12].

Грош цена всем характеристикам, непременно согласованным с партийными органами, когда работник, только что положительно оценивавшийся и не имевший за собой никаких компрометирующих материалов, на другой день ставился к стенке или изгонялся с работы. Такая лицемерная метаморфоза никогда партийных боссов ни чуточки не смущала. Дело заключалось в собственных ошибках руководства, которые требовалось на кого-то (или вместе с кем-то) *списать.*

Конечно, ни на какую личную беседу Хрущёв своего бывшего подзащитного Богданова не пригласил, поскольку вопрос о снятии ставшего не нужным работника МВД был самим вождём и санкционирован. С более крупными фигурами Никита Сергеевич запросто разделывался, не то что с каким-то там замминистра.

О том, какие неприятности происходят у него на работе, отец с нами не делился, хотя мы чувствовали неладное. Каждый день Богданов в гражданском костюме всё так же, как и раньше, отправлялся на службу в МВД РСФСР. Возникшую проблему он, видимо, ещё надеялся успешно для себя разрешить. Даже за аренду госдачи на Иваньковском шоссе 21 мая 1959 года заплатил за первую половину сезона, а 7 июля внёс оставшуюся по договору сумму за вторую половину года. Вместе с тем мама нам потихоньку сообщила, что наш отец вновь стал именоваться **врагом народа.**

Шестерни цэковской партийной бюрократической внесудебной репрессивной машины провернулись, и её щупальца добрались до очередной жертвы. Вопрос был принципиально решен **наверху** и теперь его следовало лишь довес-ти до логического завершения. 15 июня 1959 года Отделом административных и торгово-промышленных органов ЦК КПСС по РСФСР была подготовлена **строго секретная** «Служебная записка», отправленная из цэковского аппарата куда-то **в *ЦК КПСС*** в качестве приложения к протоколу № 77, параграф 9-гс **ещё не состоявшегося** заседания Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В этом **тайном документе** сообщалось, что МВД СССР (Дудоров) внесло предложение об освобождении Богданова от должности замминистра внутренних дел РСФСР. Далее кратко приводились данные о службе рассматривавшегося товарища в органах МВД, которая превышала 30 лет, перечислялись основные

занимавшиеся им ранее должности. Указывалось, что «т. Богданов в период работы в Лужском райотделе НКВД Ленинградской области в 1937–1938 годах и в НКВД Казахской ССР в 1940–1943 годах допускал нарушения социалистической законности, выразившиеся в фальсификации следственных материалов и незаконных арестах граждан».

Далее в «Служебной записке» говорилось о том, что Коллегия МВД СССР приняла решение об освобождении Богданова от занимаемой должности и увольнении из органов МВД по служебному несоответствию. Представляя себя во множественном числе, заведующий отделом ЦК выразил, видимо, общее *мнение товарищей* (целиком совпадавшее с *мнением руководства) о* том, что «предложение МВД СССР об освобождении т. Богданова от занимаемой должности поддерживаем». Вторую часть наказания о *служебном несоответствии* партийный босс, вроде бы, не согласовал или оставил на откуп министерству. У цэковской власти имелись свои возможности усилить взыскание: «Учитывая, что т. Богданов допустил в отношении большого количества советских людей **грубейшие нарушения социалистической законности** по работе в Ленинградской области и Казахской ССР, считали бы целесообразным поручить Комитету Партийного Контроля при ЦК КПСС рассмотреть имеющиеся о нём материалы» [А. 10].

Что же **строго секретного** содержалось в приведенной «Служебной записке»? **Тайным для общества** являлся **механизм принятия решений** в стране Советов. Нельзя было раскрывать, что **все окончательные решения выдавала высшая партийная власть,** а Совет Министров и министерства только представляли в ЦК свои предложения и, лишь получив партийное **добро,** выносили собственные постановления. Запрещалось произносить вслух, а тем более писать, **КТО** скрывался под маской **ЦК КПСС.** Цэковские клерки прекрасно знали, на чей именно стол следовало положить *строго секретную* бумагу с неопределённым адресом: «ЦК КПСС». Господствовавший класс в лице партийной номенклатуры тайно присвоил себе властное право распоряжаться судьбой страны и всех её граждан. Верховный первый секретарь имел самодержавную **(внесудебную!)** возможность казнить и миловать кого пожелает.

26 июня 1959 года Бюро ЦК КПСС по РСФСР (абсолютно внесудебный орган) приняло *строго секретное* постановление о Богданове (упоминавшийся нами выше протокол № 77, параграф 9). Первый пункт гласил о принятии предложения МВД СССР об освобождении Богданова от должности замминистра внутренних дел РСФСР. Вторым пунктом было решено «передать на

рассмотрение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС материалы о нарушениях социалистической законности т. Богдановым Н.К. во время его работы в органах НКВД Ленинградской области и Казахской ССР (1937–1943 годов)» [А.7]. Решение являлось коллегиальным и никаких подписей под ним не стояло.

Во исполнение партийного указания Совмин РСФСР 2 июля 1959 года послушно принял постановление об освобождении Богданова от обязанностей замминистра и члена Коллегии МВД РСФСР. Через два дня приказом МВД СССР по личному составу было объявлено указанное постановление и дано распоряжение Богданова «уволить в запас Советской Армии по служебному несоответствию» [А.8].

«Контрольное сообщение о смене работников по номенклатурной должности» с информацией о постановлении СМ РСФСР и приказе МВД СССР срочно полетело в ЦК КПСС, чтобы отобразиться в личном партийном деле теперь уже бывшего номенклатурного работника Богданова [А.7].

Управлением кадров МВД РСФСР Богданову была выдана справка «в том, что он действительно с 6 июня 1929 года (основание: послужной список от 13 мая 1930 года) по 5 августа 1959 года состоял на службе в органах МВД. Приказом МВД РСФСР № 255 от 21 июля 1959 года уволен из органов» [А. 15].

Но этим всё не закончилось. Почему бы теперь лишённого служебной опоры *врага народа* ещё не попинать в своё удовольствие? Но начнём наш рассказ об очередной расправе вот с чего [Л.42].

Летом 1959 года на каком-то совещании Хрущёв в свойственной ему бестактной манере высказался о том, что бывший министр внутренних дел Круглов — такой здоровый (мы скажем корректно) мужчина, а нигде не работает, да ещё получает громадную пенсию. Тогда об этом инциденте, ставшем впоследствии широко известным, я слышал от своего отца. Одной реплики, сказанной *вождём*, оказалось достаточно, чтобы *верноподданный* партийный министр Дудоров стал искать повод, позволявший ему в нарушение закона лишить своего предшественника пенсии. Дело обстояло так.

После того как летом 1957 года Круглов (см. главу 38) был уволен в запас и отправлен *в ссылку* заместителем председателя Кировского совнархоза, он начал на новом месте активно трудиться. По своей должности Сергей Никифорович отвечал за капитальное строительство и производство местных строительных материалов. Несмотря на плохое финансирование, недостаточное материально-техническое снабжение, острую

нехватку квалифицированных кадров и другие трудности, намеченные планы были выполнены. Однако в 1958 году состояние здоровья Круглова серьёзно ухудшилось, хотя он, имея на руках бюллетень, часто выходил на работу. В мае этого года во время командировки в Москву произошло резкое обострение гипертонической болезни с сердечными приступами. Полтора месяца Сергей Никифорович отлежал в больнице. 27 июня 1958 года врачебная комиссия установила ему **инвалидность второй группы.** В июле Круглов приехал в Киров и обратился в обком (но не в совнархоз, не имевший права самостоятельно увольнять своих руководителей) с просьбой об освобождении его от работы в связи с переходом на инвалидность. Бюро обкома приняло такое решение, и в соответствии с ним Совет Министров РСФСР вынес своё постановление. Сдав дела, Круглов выехал в Москву, где оставалась его семья, так как дочь Ирина и сын Валерий учились в институтах. Осень и зиму 1958 года Сергей Никифорович почти всё время болел.

Однако опального бывшего министра, ставшего теперь неработавшим инвалидом, с партийного учета в Кирове не сняли, так как он был *сослан туда навечно* и его пребывание в Москве было нежелательным. Несмотря на неоднократное обращение в Кировский обком, вопрос с пересылкой партийных документов не решался, так как не было санкции *сверху.* 14 мая 1959 года Круглов сам обратился с заявлением в ЦК КПСС с просьбой снять его с партучёта по последнему месту работы. Бюрократическая партийная машина долго переваривала элементарный вопрос, пока недовольный этим делом Хрущёв во всеуслышание не высказался в оскорбительном тоне в адрес Круглова. 8 июля 1959 года Дудоров своей властью противозаконно лишил больного человека положенной ему пенсии. Чтобы оправдать свои действия, министр дал указание срочно собрать на Круглова компрометирующий материал. С ходу сумели придраться только к бытовым вопросам. 15 июля в ЦК КПСС была отправлена «Записка» начальника Инспекции по личному составу Управления кадров М.А. Ботова и начальника секретариата министерства И.И. Митяева, в которой сообщалось, что С.И. Круглов занимает большую квартиру, ранее купил через отца за бесценок в ХОЗУ МВД дачу и неправильно получает пенсию. Эти смехотворные обвинения являлись совершенно несостоятельными. Однако одной бестактной реплики Хрущёва было достаточно, чтобы были лихо отменены все *законодательные положения.* В течение 7 лет Сергей Никифорович стал получать пенсию по линии органов социального обеспечения сначала в размере 60, а затем 40 рублей.

Вот здесь наиболее ярко видно отношение к людям в нашей стране (не только социалистического периода): сначала работой (с большим энтузиазмом!) выжать из труженика все соки (на благо Родины), а потом выбросить его за борт, как ненужную, изжившую себя вещь.

В своём письме, направленном в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в июле 1959 года, Круглов заявил, что «в обвинениях, выдвинутых против него, особенно МВД СССР, **много наносного, много неправды».** Однако партийными властями это не было принято во внимание [Л.42].

В то же время, видимо, кто-то из *доброжелателей* подсказал начальству мысль, что, мол, бывшего министра Круглова лишили пенсии, хотя он никаких взысканий не имел, а вот бывшего некогда его заместителя Богданова только что выгнали по служебному несоответствию, а, вроде бы как, с полной пенсией. *Там, наверху,* могут быть недовольны. Безусловно, *мысль* была *интересная.* Решили: Богданову *пенсию урезать,* а под Круглова *начать копать.*

5 октября 1959 года по личному составу МВД СССР был издан в дополнение к прежнему новый приказ министра, в котором в отношении Богданова говорилось: «Учитывая серьёзные нарушения соцзаконности, допущенные в период работы в органах госбезопасности, считать уволенным с применением ограничения в пенсионном обеспечении» [А.8].

По служебной части Богданова наказали как могли и теперь передали карты в руки следующему внесудебному органу — КПК при ЦК КПСС.

Остаётся сказать лишь *«спасибо»* за то, что моего отца в тюрьму не посадили, а ведь вполне могли бы. Впрочем, в новые времена гораздо *приятнее* было наблюдать со стороны, как *враг народа* ходил, вроде бы, на свободе, но весь *оплёванный,* не имея возможности защитить свою честь.

Глава 40. Исключение из партии

После того как Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло решение об освобождении Богданова от занимаемой должности и передаче его дела в КПК при ЦК КПСС, *на контроль* у председателя КПК Н.М. Шверника в тот же день поставили секретную карточку с *заказом* на новую жертву. Началось формирование персонального партийного дела по исключению бывшего работника органов внутренних дел из рядов Компартии. По просьбе ответственного контролёра КПК В.П. Ганина, которому поручили вести данное дело, из Управления кадров МВД СССР были направлены «Материалы проверки на заместителя министра внутренних дел РСФСР Богданова Н.К.», представлявшие собой один том на 311 листах. Из МВД РСФСР в тот же адрес переслали *личное дело.* В самом Комитете уже скопились некоторые материалы ещё с 1957 года.

Попавшему *под партийный колпак* Богданову предложено было представить в КПК свои объяснения. 3 июля 1959 года член КПСС с 1929 года, партийный билет № 00454182, передал в КПК свои соображения по этому вопросу на 10 листах машинописного текста. В объяснениях говорилось о том, что «в 1937–1938 годах Лужским райотделением НКВД, по распоряжению НКВД СССР и Управления НКВД Ленинградской области, проводились массовые аресты граждан с направлением следственных дел на рассмотрение тройки УНКВД». Вот наглядный результат реализации инициативы партократов по борьбе с *врагами народа,* о чём через 20 лет никто не пожелал вспоминать. Далее, к сожалению, без ссылки на соответствующие приказы наркома внутренних дел, постановления партии и правительства тех лет, кратко описывалась сложившаяся в районе и в области обстановка (см. главу 11).

По конкретным следственным делам Богданов разъяснил следующее. «На некоторых лиц мной были составлены протоколы допроса, а уполномоченный т. Варицев их подписал. В то время существовала практика, когда при вызове на допрос арестованных с ними беседовали, составляли записи, а потом писали протокол. Областное управление требовало обязательно протоколы печатать на машинке, но у нас была одна машинистка, с работой не справлялась, потому протоколы писались от руки. Вот почему, в порядке помощи т. Варицеву, который был перегружен, я писал с его записей протоколы, не считая в то время это как нарушение. Каких-то других мотивов в данном случае у меня не было». По другим следственным делам 1937–1938 годов, описанным нами в

главах 12 и 16, были даны подробные разъяснения. В частности, по делу студентов Лужского педучилища Богданов отметил, что действительно допрашивал Тамберга и Ямбурга, но никаких незаконных методов при допросе не допускал. Позднее, когда передопрашивали этих лиц, они сообщили, что от своих прежних показаний отказались потому, что *все отказывались.* В отношении следователя Сергеева указали, что он *никаких нарушений не допускал.* По поводу ареста Семёнова признал свою вину в том, что, *не разобравшись*, подписал ордер на арест, не проверив правильность составления всех документов помощником оперуполномоченного Горюновым, только что прибывшим из школы и потому не имевшим опыта в оформлении бумаг.

По делу «Националисты» Богданов написал, что он «безусловно повинен», поскольку «не разобрался в данном деле». Однако такому невниманию способствовало то обстоятельство, что «всё время следствием по этому делу не занимался, постоянно находясь в командировках по поручениям ЦК КП(б) Казахстана, Совнаркома и Наркомата внутренних дел Республики». В дополнение к изложенному сообщил: «В Казахстане я работал до 1946 года и до момента отъезда являлся членом бюро и Пленума ЦК КП(б)К. Если бы я был скомпрометирован по кустанайскому делу, то, вероятно, не остался бы в составе **ЦК КП(б) Казахстана, которому было известно это дело во всех подробностях».**

Попытку инкриминировать какие-то дела по Ленинграду после назначения Богданова начальником областного УВД «по указанию врага народа Берия» удалось отбить. Теперь обвиняемый коммунист сам решил пойти в атаку на этом направлении. «С фактами грубейших нарушений социалистической законности мне пришлось встречаться и позднее, — писал Богданов. — Сделав выводы из прошлого, я принимал решительные меры к проверке таких дел и прекращению их, как необоснованно заведенных». Для примера привёл факты, когда в 1953 году добился освобождения из тюрьмы руководителей, обвинявшихся в принадлежности к ленинградской антипартийной группе, и ещё порядка 30 других заключённых. «После июльского Пленума ЦК КПСС (разоблачившего Берию. — *Ю.Б.)* мне на объединённом Пленуме обкома и горкома КПСС пытались (не без участия бывшего секретаря обкома Андрианова) прекращение дел отнести как антипартийную работу на практике. Но из этого ничего не получилось. После вмешательства ЦК КПСС и лично Н.С. Хрущёва всё это было отметено, я полностью реабилитирован и избран членом бюро и Пленума Ленинградского обкома КПСС».

Беспардонно изгонявшийся из органов внутренних дел опытный руководитель напомнил и о других страницах своей службы Родине, которые ни в одном из обвинений не упоминались, поскольку в них не могли найти криминала. «Будучи назначенным начальником ГУШОСДОРа МВД СССР, я проработал с 1946 по 1948 год. После этого назначен начальником Московского областного Управления МВД и Заместителем министра. В течение четырёх лет являлся членом бюро и Пленума Московского обкома КПСС, членом Исполкома Моссовета, депутатом Верховного Совета СССР. После смены руководства Московского Обкома и Горкома КПСС, когда первым секретарём Обкома был избран Н.С. Хрущёв, я был оставлен в числе членов бюро обкома и находился в его составе до 1952 года, когда был назначен освобождённым заместителем министра внутренних дел СССР. С 1955 года, работая зам. министра внутренних дел РСФСР, принимаю активное участие в деятельности партийной организации Министерства».

Всё это не имело теперь никакого значения. Никита Сергеевич с лёгкостью расставался со своими бывшими соратниками. Сколько их было уже *потоплено,* осталось во тьме позади! Не учёл только первый секретарь партии, что такое могло сходить с рук лишь до поры, до времени. Кто начинал **предавать** и громить поддерживавших его людей, тот в конце концов сам оказывался удостоен такой же участи.

В заключение своей исповеди Богданов написал: «Никогда не подвергался взысканиям по партийной и административной линиям. За длительный срок 17–18 лет я всё время честно и добросовестно работал на порученных участках работы. Принимал активное участие в деятельности партийных и советских органов. Всё это даёт основание обратиться к Комитету Партийного Контроля ЦК КПСС с просьбой учесть эти обстоятельства при рассмотрении моего дела. Я понимаю, что должен быть наказан, и это будет правильно, но прошу сохранить меня в партии, я это доверие оправдаю, как оправдывал в течение многих лет» [А. 12].

С учётом действовавшей в нашей стране ***социалистической законности*** остаётся только спросить: причём здесь все эти многолетние, трудовые заслуги, если ***поступило указание*** исключить Богданова из партии?

Сбор компромата продолжался. Особенно в этом отношении усердствовал прокурор Ленинградской области Андреевский, который просмотрел массу архивно-следственных дел за 1937–1938 годы, но отобрал из них только те, которые касались Лужского РО НКВД. Тенденциозность этого поиска

подтверждается тем, что в сопроводительном письме к составленному им в итоге списку из 25 позиций сказано, что сюда «НЕ вошли те дела, по которым Богданов в аресте обвиняемых НЕ принимал участия, обвинительных заключений НЕ утверждал и НЕ принимал участия в следствии». Значит, работник Фемиды искал **не все дела,** в которых можно было усмотреть ***нарушение социалистической законности*** **другими исполнителями,** а только те, которые хоть как-то были связаны с деятельностью Богданова. В путанице собранных дел прокурор, видимо, и сам не знал, как поступить, чтобы получше ***насолить*** фигуранту. За три года поисков было найдено всего 6 подписей Богданова на следственных делах, которые по существу ничего не решали. В общей сложности в КПК в различное время переслали ещё массу протестов прокурора, жалоб обвиняемых, протоколов допросов, заключений, объяснений, заявлений, писем и других материалов по архивно-следственных делам. В персональном деле Богданова, набравшем в общей сложности 229 листов, эти бумаги составляли как раз половину объёма. Часть из них повторялась, некоторые были представлены в рукописном и машинописном вариантах, иные были вообще не по существу вопроса. В этом не видели ничего страшного — зато толстая подшивка выглядела солидно. Естественно, что в разбухший том персонального дела вошли все описывавшиеся нами ранее справки, служебные записки и заключения, составлявшиеся в 1957 и 1959 годах сотрудниками инспекции по личному составу Управления кадров МВД и работниками Отделов административных органов ЦК КПСС [А. 13].

В деле имелась также неизвестно кем составленная «Справка на Богданова Н.К.», в которой указывалось, что трудовую деятельность он начал с 1924 года, с 1929 по июль 1959 года *служил в органах МВД и МГБ* (в последнем министерстве никогда не был) райуполномоченным, начальником райотдела, с 1940 по 1946 год являлся замнаркома и наркомом внутренних дел Казахской ССР. С 1946 по 1948-й работал начальником ГУШОСДОР; с 1949 по март 1952-го работал замминистра внутренних дел СССР и начальником Московского областного УМВД. С апреля 1953 по 1955 год работал начальником Ленинградского областного УМВД, с октября 1955 года по июль 1959 года являлся заместителем МВД РСФСР. Отмечалось также то, что Богданов награждён дважды орденами Ленина и Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и 3 медалями. Избирался членом бюро райкома КПСС, ЦК Компартии Казахстана, Московского и Ленинградского обкомов КПСС. Являлся

депутатом Верховного Совета СССР. В «Справке» говорилось о том, что по работе в Московском и Ленинградском областных управлениях МВД и МВД РСФСР Богданов «характеризовался с положительной стороны». За участие в строительстве ряда павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки награждён в 1958 году Большой золотой медалью ВСХВ. Принимал активное участие в строительстве канала Волго-Дон [А. 13].

Партийный следователь Ганин добросовестно истребовал все возможные материалы на Богданова, включая анонимки, передопросы бывших свидетелей и потерпевших, но всё это ничего существенного не принесло. Сколько было перепроверено дел, сказать трудно, но дополнительные материалы (при *массовых репрессиях)* появились только на двух *одиночек* — В.А. Ефимова и И.С. Семёнова, о которых мы писали в главе 12. При этом по поводу Ефимова мы обещали рассказать о весьма любопытных результатах пересмотра дела в прокуратуре Ленинградской области.

После отбытия наказания Ефимов вернулся в свою родную деревню Красные Горы и стал работать в одноимённом колхозе. В 1957 году, то есть через 20 лет после того ареста и приговора, по его жалобе проводилась перепроверка дела. Оказалось, что согласно справке райисполкома, вопреки приводившимся нами прежним официальным данным, Ефимов происходил из крестьян-середняков, а не кулаков. Также указано было, что он являлся членом колхоза с момента организации и слыл одним из лучших колхозников. Прежняя свидетельница Андреева на допросе 8 октября 1957 года охарактеризовала Ефимова только с положительной стороны и заявила, что по происхождению он — крестьянин-середняк, при организации колхоза в числе первых вступил в его члены и являлся одним из передовых работников. «Свидетельница Андреева отказалась от своих показаний, которые были даны ею в 1941 году (а от собственных показаний 1937 года не отказалась? — Ю.Б.), заявив, что тогда она давала такие же показания, что и сейчас, а почему в протоколе записаны другие (и ею подписаны. — Ю.Б.), ей не известно». Ещё Андреева показала, что прежние свидетели (1937 и 1941 годов) «Дмитриев и Кузьмин находились во враждебных отношениях с Ефимовым и ей лично пришлось слышать, как Кузьмин угрожал Ефимову: “Ну, подожди у меня, я тебе устрою!”» Отвечая на вопросы, почему Ефимов ссорился с Дмитриевым, Кузьминым и Шуваловым, Андреева пояснила, что эти лица в колхозе работали плохо, пьянствовали, разваливали колхоз, а Ефимов, наоборот, в колхозе работал очень хорошо и критиковал указанных односельчан. Не

подтвердила Андреева и показания свидетеля Дмитриева о том, что Ефимов якобы в её присутствии допускал антисоветские высказывания. Допрошенные при проверке новые свидетели Трофимов, Смирнов и Родионов охарактеризовали Ефимова только с положительной стороны, как одного из лучших колхозников, который неоднократно премировался правлением колхоза. Они также подтвердили, что Ефимов находился в неприязненных отношениях со свидетелями Дмитриевым, Шуваловым и др.

На допросе 10 октября 1957 года сам Ефимов показал, что до вступления в колхоз имел дом, корову, лошадь, одну овцу, раскулачиванию никогда не подвергался, в колхоз вступил в момент его организации в числе первых семей. Ефимов пояснил, что в 1937 году его «трое суток избивали, не давали спать», в результате чего он подписал показания, в которых признавал себя виновным в антисоветской агитации. Ефимов показал также, что с Дмитриевым, Кузьминым, Андреевым, Шуваловым, Семёновым, Григорьевым и Архиповым ему приходилось ссориться, поскольку он «критиковал их за плохую работу в колхозе». Передопросить этих свидетелей не предоставлялось возможным, так как почти все они умерли, а местонахождение Дмитриева было не известно.

Пересматривая это дело, прокурор Андреевский установил, что: «показания допрошенных на следствии свидетелей порочны» (а на нынешнем допросе гарантированно честны?); «другие доказательства не подтверждены»; «часть свидетелей (одна Андреева. — *Ю.Б.)* от своих показаний отказались, в силу чего они не могут быть признаны достаточными»; «обвиняемый Ефимов от своих показаний в своих жалобах и на последнем допросе отказался»; «в процессе проверки опровергнуты данные о социальном положении Ефимова»; «установлено наличие неприязненных взаимоотношений между Ефимовым и свидетелями» (умершими или отсутствовавшими на допросе, что не давало возможность установить достоверность показаний). На основании этого прокурор решил постановление *особой тройки* в отношении Ефимова «прекратить за недоказанностью состава преступления» [А. 13].

По заданию ответственного инспектора Ганина 22 августа 1959 года следователь следотдела УКГБ при СМ СССР по ЛО старший лейтенант Гольцов допросил Ефимова и получил от него следующее собственноручное объяснение. «Я, Ефимов Василий Александрович, поясняю, что в 1937 году я был арестован Лужским енковидем. После ареста на допросах следователь (фамилию не помню) несколько раз избивал меня. Бил он меня по лицу, в подбородок, в поясницу. Не ограничившись этим,

следователь ставил меня к раскаленной печке, у которой я стоял несколько часов, а затем меня направляли во входную камеру. Когда я пытался возражать против этих незаконных методов, следователь заявлял мне, что так велит делать начальство. Не вынеся этих издевательств, я подписал протокол, после чего избивать меня не стали. Вскоре я был Тройкой осуждён на 10 лет. В период моего нахождения под следствием мои сокамерники говорили мне, что их также бьют и заставляют признаваться. Незаслуженно отсидел 10 лет и стал инвалидом первой группы. В настоящее время полностью реабилитирован» [А13].

Автор выражает своё сочувствие Василию Александровичу за ту передрягу, в которую он попал в результате либо оговора соседями, либо вследствие собственной несдержанности в оценке действий Советской власти. Однако при этом с сожалением вынужден констатировать, что применявшиеся к нему методы допроса были ***официально разрешены.*** В связи с этим следователь, фамилия которого оказалась неустановленной, совершенно правильно ссылался на ***указания начальства.***

Обращает на себя внимание и слабая, на наш взгляд, доказательная база прокуратуры. В невиновности Ефимова с юридических позиций 1957 года никаких сомнений нет, но, тем не менее, справка Красногорского сельсовета от 1 декабря 1937 года о том, что обвиняемый являлся кулаком, ***не опорочена,*** а лишь ***подменена*** справкой 1957 года, полученной от другой организации. Фактически единственная прежняя свидетельница Андреева в 1957 году изменила свои показания, так и не сумев объяснить, почему она обвиняла Ефимова в 1937 и 1941 годах. Самое главное — **законодательные акты** 1937–1938 годов в протесте не учтены.

Можно до бесконечности спорить по этим вопросам, но лично я не могу согласиться с тем фактом, что все излагавшиеся выше во всех отношениях сомнительные дела стали в 1959 году инкриминировать не ***партократам***, развязавшим ***массовые репрессии***, а Богданову как якобы **главному виновнику** всех тогдашних бед.

А вот с делом расстрелянного И.С. Семёнова (см. главу 12), о реабилитации которого хлопотала его дочь, на наш взгляд, получился **казус.** Материалы на Семёнова прислали, но только не на убиенного Игната Семёновича, а на здравствовавшего (слава Богу!) однофамильца Владимира Ивановича. И невинно пострадавший В.И. Семёнов писал не о Богданове, а о **М.И. Баскакове.** Напомним, что в 1937 году лейтенант гб Баскаков был начальником Лужского оперативного сектора, объединявшего пять районов, и Богданов находился у него в непосредственном

подчинении. КПК хотел получить с Баскакова компрометирующие материалы на Богданова, однако в связи с поступлением дела ***не того*** Семёнова бывшему руководителю оперсектора пришлось самому оправдываться.

Вместе с тем в «Персональном деле коммуниста» набралось достаточно много материалов, на основании которых ответственный контролёр Ганин 9 ноября 1959 года представил в КПК при ЦК КПСС свою «Служебную записку» [А. 10]. Этот документ представлял собой компиляцию со всех справок и заключений, цитировавшихся нами ранее.

Между строк этого документа можно прочитать о том, что было дано **указание** исключить пенсионера с ***укороченной*** пенсией из партии. Далее шло обвинение всё по тем же делам 1937–1938 годов с несколько усиленными формулировками.

А вот что нового внёс в обвинение партследователь Ганин. Прежде всего, без ссылки на следственное дело он полностью процитировал объяснительную записку В.А. Ефимова, приводившуюся нами выше. В подтверждение чинившихся безобразий представил такой факт. **«В феврале 1939 года** в УНКВД Ленинградской области поступило анонимное заявление, в котором сообщалось о грубом нарушении **революционной** (революция — это вообще беспредел в борьбе за власть. — *Ю.Б.)* законности, допускаемой в Лужском отделении НКВД». Ответственный контролёр упустил из виду, что **с ноября 1938 года** Богданов в Луге уже не работал, так что эти претензии следовало предъявить его преемникам — ВРИО Варицеву и новому начальнику райотделения Шашаеву. Но Варицев погиб, а *заказа* на Шашаева не поступало, и поэтому он не привлекался даже в качестве свидетеля. Так легче было изобразить, что во всех бедах виноват *только* Богданов.

Другой вопрос, раскрученный Ганиным, касался действительных и мнимых поощрений. «25 августа 1937 года приказом НКВД СССР за № 351 Богданов награждён боевым оружием НКВД СССР “За беспощадную борьбу с контрреволюцией”». Этот пистолет ТТ начальник Лужского райотделения действительно получил и хранил у себя до марта 1953 года. Интересно, конечно, как принятая тогда формулировка *беспощадная борьба* сочеталась с *социалистической* или *советской законностью*? Были ли они юридически уравновешены? «27 декабря 1937 года приказом УНКВД по Ленинградской области за № 308 Богданов был вторично награждён боевым оружием “За беспощадную борьбу с контрреволюцией”». В главе 14 мы высказывали свою версию происхождения этого *мифического награждения* перед покушением на жизнь Богданова. Но кто же

теперь в такое поверит? А сам Богданов об этом молчал.

Далее в обвинительной записке отмечалось: «В **характеристике** на Богданова, **составленной в первой половине 1940 года,** указано, что "в течение последних лет работал начальником Лужского райотделения, где в 1936, 1937 и 1938 годах под его руководством были вскрыты и ликвидированы **ряд контрреволюционных организаций"».** Мы в главе 17 уже говорили о том, что такая *мощная* формулировка для аттестации Богданова, *недострелянного саботажника*, была **придумана** ленинградским начальством для обеспечения успешного его выдвижения на руководящую работу, когда начались ***новые времена.*** Теперь это ***благое дело*** аукнулось бывшему выдвиженцу с неожиданной стороны. «Как установлено в настоящее время, никаких **контрреволюционных организаций** в Лужском районе не существовало». Но партийный дознаватель пошёл ещё дальше и с горькой обидой указал, что «Богданов незаслуженно получил награду за раскрытие так называемых "контрреволюционных организаций"». Претензии в этом плане рекомендуем предъявить к УНКВД по ЛО, издавшему приказ о фиктивном награждении, о котором поощрявшийся работник **даже не знал.**

По казахстанскому агентурному делу «Националисты» партийный контролёр ничего новенького не придумал, лишь добросовестно переписал весь приводившийся в других обвинениях материал.

В заключение «Служебной записки» было отмечено, что по лужским и казахстанским делам Богданов признал, что «он несёт ответственность, как и другие работники НКВД». Просил сохранить его в партии, обещал искупить допущенные ошибки [А. 10].

18 ноября 1959 года состоялось заседание КПК при ЦК КПСС, на котором рассматривали персональное дело о нарушении **революционной** законности Н.К. Богдановым. Потом слово «революционной» в проекте постановления зачеркнули и сверху написали «социалистической». Какая разница? Всё равно с юридической точки зрения никто себе толком не представлял, что это такое, потому и писали произвольно то ***революционная,*** то ***социалистическая,*** то ***советская*** законность. На заседании, помимо обвиняемого Богданова и членов КПК во главе с председателем Н.М. Шверником, присутствовали: Г.Т. Дроздов — зам. заведующего Отделом административных и торгово-финансовых органов, К.П. Черняев — заместитель МВД СССР, Н.П. Стаханов — министр внутренних дел РСФСР, И.А. Пучков — председатель Парткомиссии при Ленинградском обкоме КПСС, М.А. Ботов — начальник Инспекции по личному составу МВД

СССР, Н.Р. Миронов — зав. Отделом административных органов ЦК КПСС. Кроме того, в зале находилось несколько человек, недавно реабилитированных.

Согласно правилам, обвиняемому никакого адвоката (этакого пережитка буржуазного общества) не полагалось. Партия всегда судила не по ***закону,*** а по ***совести.*** Впрочем, причём здесь совесть, если ***сверху*** дано было соответствующее указание, причём совершенно не обязательно **самим,** а лишь кем-то из **его** ближайшего окружения? **К** мнению руководства следовало прислушиваться, улавливать его, чтобы потом с горячностью отстаивать ***собственное мнение,*** как раз целиком и полностью почему-то совпадавшее с мнением начальства. В этом и состояла основа партийной дисциплины и единства партии.

С докладом по существу вопроса на заседании Комитета выступил ответственный контролёр КПК В.П. Ганин, который зачитал приведенную нами выше свою обличительную «Записку» [А. 10].

Потом традиционно слово предоставили ***виновнику*** всех социальных бед Советской власти Богданову. Дать какие-либо разъяснения, сказать что-то серьёзное в своё оправдание в такой обстановке не представлялось возможным. Оставалось только каяться в грехах и признавать совершённые ошибки, обещать исправиться и просить о снисхождении. Тем более что из рядов зрителей, бывших заключённых, для которых разыгрывался этот фарс, раздавались реплики: «Это он арестовывал! Это он расстреливал, я знаю!»

Потом выступили председатель КПК Шверник, за ним Пикина, Дроздов, Андреева, Стаханов, Миронов. Протоколов их речей у меня нет — они всё ещё ***строго секретны.*** Однако общее мнение (полностью совпадавшее с мнением руководства) являлось единодушным: «исключить Богданова Н.К. из членов КПСС за **грубое** нарушение социалистической законности в период его работы в органах государственной безопасности». Члены КПК при ЦК КПСС, как и полагалось, проголосовали *«за»* единогласно. ***Праведный суд*** внесудебного органа безграничной партийной власти свершился. Поскольку Богданов чего-то ещё мешкал, не зная, что делать дальше, к нему подошёл здоровый амбал из ***специальных помощников*** Комитета, засунул руку в карман чужого пиджака, вытащил оттуда партийный билет, снял с него обложку и вернул владельцу, а документ положил на стол перед председателем КПК. На черновике только что принятого, заранее заготовленного решения наискосок красным карандашом была начертана резолюция: **«Исключить».** После небольшой черты под этим страшным словом появилась ещё более зловещая

красная надпись: **«Записку о лишении звания и орденов СССР и пенсии написать в ЦК КПСС».** Следовало узнать ***мнение руководства*** о том, как дальше поступить с этим бывшим товарищем: ***разделать под орех*** его или *оставить дышать*. Ещё чуть ниже крупными красными буквами было выведено: **«Партбилет изъят»** [А. 13].

Беспартийный *враг народа* Богданов вернулся домой расстроенным. Прежняя жизнь была перечёркнута начисто. Ни к чему оказалась вся эта 30-летняя напряжённая, полная риска и жестокости, трудностей и самопожертвования работа. Выслужиться не пытался, но считал, что трудился честно, не жалея сил и собственного здоровья. Умел общаться с людьми, уважал их, старался передать свой опыт молодым сотрудникам, предостеречь их от ошибок. Теперь всё это оказалось никому не нужным. Впрочем, для Богданова случившееся не явилось неожиданностью, так как он прекрасно понимал, что давно уже творились в нашем государстве неприглядные дела, ответ за которые придётся держать *крайнему*, возможно, и ему. Вот почему отец всегда говорил нам, его сыновьям: «Никогда не ссылайтесь на меня, на моё высокое положение. Сегодня я начальник, а что будет завтра — ещё неизвестно».

Состоять с 1929 года членом Компартии сначала большевиков, а потом Советского Союза представлялось для Богданова таким же естественным и необходимым делом, как, скажем, носить одежду. С этой всесоюзной организацией единомышленников связывал он свою беззаветную преданность Родине и собственное стремление не щадить никаких сил ради решения поставленных задач. Теперь, оказавшись изгнанным из партийного братства, чувствовал себя словно голым и желал только одного: вернуться в привычные ряды предавших его товарищей, прикрыв тем самым свою неуютную наготу. Но *товарищи* давно уже не были едины, как прежде: партия с самого начала стала разделяться на номенклатурный господствующий класс руководителей и низовую партийную массу. Тем самым крах Компартии, до которого оставалось ещё каких-то 30 лет, был предопределён.

Вечером к нам пришли Огольцовы, Сергей Иванович и Раиса Сергеевна, чтобы морально поддержать Николая Кузьмича, крёстного отца их дочери Наташи. Как мы уже отмечали в главе 33, 4 апреля 1953 года Огольцова арестовали. Прекрасно зная *порядки* своего ведомства, Сергей Иванович боялся, что его могут попытаться отравить. В связи с этим, сидя за решёткой, он ел и пил только то, что гарантированно не могло содержать яд. Через полгода бывшего замминистра госбезопасности, больше

напоминавшего живой скелет, выпустили на свободу. Теперь, уже снятого с работы, исключили из партии, лишили генеральского звания, всех орденов, отобрали полквартиры, госдачу, кремлёвский паёк и персональную машину. Поэтому Огольцову вполне понятно было состояние Богданова.

Отец стоял посреди своей комнаты и как-то виновато улыбался. Сергей Иванович подошел к нему, пожал руку, затем обнял, похлопал по плечу. «Ничего!» — сказал вместо слов утешения. Потом поздоровался со мной, поинтересовался делами. Сели за накрытый стол, выпили водки, без тостов, со словами вроде: «Будь здоров!» Сергей Иванович шуткой ободрил Николая Кузьмича, что, мол, ничего страшного и ***без органов*** можно нормально жить. Сейчас он сам работал заместителем директора по режиму в одной крупной организации. Купил «Волгу», строил собственную дачу. Так что всё, вроде, в порядке. Главное — здоровье. А **ОНИ** там пусть сами во всём разбираются, что натворили.

Богданов был далеко не единственным работником органов внутренних дел и госбезопасности, кого КПК в те годы исключил из числа членов КПСС. Эта работа шла параллельно с рассмотрением Комиссией по реабилитации дел ***партократов***, привлечённых Сталиным в 1930-х и 1940-х годах к суровой ответственности. Вот только каковы теперь были **критерии** этой деятельности? Одним из первых ещё в 1956 году был реабилитирован самый кровожадный инициатор ***массовых репрессий*** 1930-х годов Эйхе. Это достаточно обеляло следующего по жестокости Хрущёва. Далее были восстановлены в партии бывшие секретари нацкомпартий, крайкомов и обкомов П.П. Постышев, Л.И. Мирзоян, И.М. Варейкис, Е.Г. Евдокимов, Е.Ф. Шарангович, А.И. Икра-мов, К.В. Рындин, И.И. Румянцев, Б.П. Шеболдаев, П.И. Смородин и др., представлявшие в своё время для проведения ***массовых репрессий*** запросы на ***лимиты*** по первой и второй категориям. Реабилитированы в партийном отношении оказались и бывшие члены ЦК, ЦКК, КПК С.В. Косиор, Я.Э. Руд-зутак, В.Я. Чубарь, М.Д. Орахелашвили, И.А. Акулов, всего 3693 некогда руководящих партийных и комсомольских работников. Конечно, реабилитирован и восстановлен в партии был и И.А. Пятницкий-Таршис, которого подозревали в том, что именно он предложил организовать в стране ***массовые репрессии.***

Всё время говорилось о «грубом нарушении социалистической законности». Но ведь эта самая ***законность*** с лёгкостью позволяла физически уничтожать буржуазию, ликвидировать кулачество как класс, приговаривать к смертной казни служителей церкви. Если был репрессирован дворянин,

царский офицер или кулак, то *социалистическая законность* соблюдалась. А если под внесудебное решение попадал партийный руководитель или крестьянин-середняк, то считалось, что эта же самая *законность* нарушалась. Такая постановка вопроса вела к большому валюнтаризму в решении партийных дел и в значительном числе случаев сводилась со стороны КПК к обоснованию и оправданию *поручений*, дававшихся Президиумом или Секретариатом ЦК КПСС.

Прежде всего, Хрущёву надо было окончательно разделаться со своими ближайшими соратниками. В связи с этим «по поручению Президиума ЦК» КПК провёл «проверку материалов о преступлениях участников антипартийной группы Маленкова, Молотова, Кагановича и др. по истреблению кадров партии и государства». Как официально сообщалось, «в результате глубокого изучения имеющихся документов, бесед с коммунистами был подготовлен большой фактический материал, изобличавший эту группу в массовом истреблении в 1937–1938 годах и позднее партийных, хозяйственных, военных и др. кадров». Сам же Никита Сергеевич остался для истории в *ослепительно белом фраке*. Для вождя партии появилась благоприятная возможность надёжно *повесить* небезызвестное «ленинградское дело» ещё на одного из своих бывших сподвижников, оставшись непричастным. Если в 1954 году лишь упоминалось о том, что в совершённом беззаконии повинен был Берия, то теперь делу дали другой поворот: «Маленков несёт персональную ответственность за грубые нарушения Устава партии и социалистической законности, допущенные в отношении актива ленинградской парторганизации в 1949–1952 годах. Он был одним из инициаторов (другим идеологом был Хрущёв. — *Ю.В.)* создания так называемого “ленинградского дела”, допрашивал “обвиняемых” и вдохновлял фальсификаторов». Известно, что после арестов по указанию руководства партии органы НКВД-МГБ высылали членов семей репрессированных из Ленинграда, Москвы (где первым секретарём обкома и горкома в годы репрессий был Хрущёв) и других крупных городов. В северной столице в 1953 году как раз Богданов отказывался совершать подобное, за что ему припаяли «антипартийную работу на практике».

Естественно, что по указанию Хрущёва мощная волна партийных разбирательств обрушилась на работников органов госбезопасности, в прежние годы непосредственно проводивших в жизнь политику репрессивных мероприятий партократии. «Комитет партийного контроля рассмотрел 387 персональных дел коммунистов, виновных в грубом нарушении социалистической

законности, и 347 человек исключили из КПСС. Среди исключённых из партии 10 министров внутренних дел и госбезопасности (союзных и республиканских) и их заместителей, 77 ответственных работников центрального, а также областных, краевых и республиканских аппаратов НКВД-МГБ, 72 начальника городских и районных отделов госбезопасности и оперативных работников этих отделов и др.» [Л.39].

В одном из информационных сообщений указывалось, что по поручению ЦК рассматривался вопрос о нарушении ***социалистической законности*** рядом работников органов, в число которых был включён Богданов — «бывший зам. наркома внутренних дел Казахской ССР». Почему для официального объявления взыскания избрали именно эту должность, а не, скажем, начальника Лужского отделения НКВД ЛО, объяснить трудно. Видно, ***весомее*** представлялось для отчётности. «Указанные лица, — говорилось далее в сообщении, — **в карьеристских целях** грубо нарушали социалистическую законность, фальсифицировали дела на партийных и советских работников и тем самым совершили тягчайшие антипартийные поступки, несовместимые с пребыванием в рядах КПСС. Ввиду этого Комитет исключил их из партии. По всем таким делам проводилась тщательная проверка, учитывался характер и последствия совершённых нарушений, а также обстановка, при которой были допущены беззакония» [Л.39]. На наш взгляд, последняя фраза являлась крайне лицемерной, поскольку **учитывались** не ***характер, последствия и обстановка, а*** исключительно ***мнение партийного руководства.***

Через три дня подписанное председателем Шверником и скреплённое печатью решение КПК от 18 ноября 1959 года «О нарушениях социалистической законности Богдановым Н.К.» было разослано адресатам: в Отдел административных органов ЦК КПСС и в Советский райком КПСС города Москвы. Секретарю райкома А.А. Почерникову было предложено ознакомить с этим решением Богданова и парторганизацию по месту его партучёта. 28 ноября 1959 года беспартийный пенсионер с урезанной пенсией поставил на цэковском документе свою подпись, ещё раз удостоверившись в том, что его исключили из членов КПСС «за грубое нарушение социалистической законности» в период работы в органах госбезопасности. В сектор единого партбилета Отдела парторганов ЦК КПСС был сдан принадлежавший Богданову партийный билет № 00454182. Личное дело возвратили в МВД РСФСР.

Теперь ***самый принципиальный*** по своей должности коммунист — председатель КПК Шверник — с чувством

выполненного долга отправил в ЦК КПСС свой отчёт об успешном выполнении полученного сверху ***задания.***

18 декабря 1959 года в «Личном партийном деле номенклатурного работника Богданова Н.К.» была сделана запись о том, что он снимается с персонального учёта. Личное дело сдали на хранение.

Глава 41. Восстановление в партии

Со своим исключением из партии Богданов смириться не мог. Пытаясь вернуть отобранный партийный билет, он стал звонить по телефону или лично встречаться с теми руководителями партии и правительства, с которыми был раньше связан по работе. Моего отца поддержали секретари ЦК КПСС Н.Г. Игнатов и Е.А. Фурцева, первый секретарь Ленинградского обкома Ф.Р. Козлов, многие работники Совета Министров и руководители Моссовета. Однако решение вопроса всё равно оставалось за Хрущёвым. В связи с этим в конце ноября 1959 года Богданов приступил к разработке письма ***к уважаемому Никите Сергеевичу.*** Четвёртый вариант этого обращения к первому секретарю был отпечатан на пишущей машинке и, вооружившись им, отец стал настойчиво добиваться личной встречи.

В письме повторялись всё те же, много раз ***пережеванные*** нами события. Вместе с тем данное послание явилось как бы кратким итогом всей 30-летней служебной деятельности Богданова, его собственной оценкой пройденного пути, сделанной, правда, под давлением конъюнктуры обрушившихся на бывшего руководителя неблагоприятных и лицемерных обстоятельств. В связи с этим приходилось отступать со своих позиций и каяться в содеянном.

Несмотря на то, что в своём письме Богданов не слишком плакался, унижался или лебезил, стараясь с достоинством отстаивать собственные позиции и не снимать с себя ответственности за происходившие ранее события, тем не менее данное послание Хрущёву можно рассматривать, как ***покаяние перед партией*** за те *«грехи»,* которые совершил, вроде бы, сам, признавая при этом, что **руководство ВКП(б) — КПСС вело вперёд всегда правильно.** Это являлось одним из обязательных условий возможности восстановления в рядах партии.

Кроме того, Богданов стремился добиться личного приёма у Хрущёва, но безуспешно.

В январе 1960 года после возвращения в Москву с преддипломной стажировки я застал отца всё в том же состоянии неопределённости. Иногда он кому-то звонил, но больше сидел и читал газеты, листал старые журналы. Понимая, что от непривычки целый день находиться дома папа ужасно маялся, я поинтересовался, почему он не устраивается на работу?

— Видишь ли, — ответил отец, — в партии меня **всё равно восстановят.** Тогда и пойду работать. Иначе **как я объясню людям,** почему был беспартийным и вдруг стал партийным? **Что**

я им скажу?

Я понял, что рассказать **правду** о том, как с ним обошлись и почему так произошло, отец в то время не мог. А что-то выдумывать или незаслуженно брать вину на себя не хотел. Надо отметить, что 6 января КПК при ЦК КПСС исключил из партии бывшего папиного «шефа», некогда министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова, причём тоже «за грубое нарушение социалистической законности».

И всё-таки отцу в этой сложной обстановке удалось добиться своего. 9 февраля 1960 года Секретариат ЦК КПСС принял постановление о том, чтобы **поручить** КПК при ЦК КПСС **пересмотреть** ранее принятое им решение об исключении из членов КПСС Богданова. *Партийный контроль* свои решения выносил, исходя не из *тщательной проверки* материалов дела, а лишь, напуская на себя строгость и принципиальность, вырабатывал соответствующие формулировки, оправдывавшие поступавшее сверху **мнение** или **поручение.**

16 марта 1960 года послушный прицэковский КПК принял строго секретное постановление, в котором так обосновал исполнение им нового указания руководства: «Принимая во внимание, что т. Богданов Н.К. в письме в ЦК КПСС (письмо было направлено Хрущёву, но он своей персоной как раз и олицетворял весь безгрешный ЦК партии. — *Ю.Б.)* признаёт допущенные им в прошлом ошибки, и учитывая, что в последующие 18–20 лет он на работе показал себя с положительной стороны, во изменение Решения КПК при ЦК КПСС от 18 ноября 1959 года — восстановить т. Богданова Н.К. в КПСС». Как писал один из «биографов», «прямо скажем, легко отделался» [Л.2]. Но, чтобы всё так просто не казалось, постановили: «Объявить т. Богданову Н.К. строгий выговор с занесением в учётную карточку за нарушение (теперь уже, оказывается, не *грубейшее. — Ю.Б.)* социалистической законности». 25 марта 1960 года Богданов расписался на цэковской бумаге в ознакомлении с упомянутым новым решением КПК.

Своим письмом в ЦК КПСС от 22 марта 1960 года Шверник **доложил** (а не поставил в известность или проинформировал) об **исполнении постановления Секретариата ЦК КПСС.** Вот такая *партийная принципиальность* была присуща контролирующему органу, состоявшему при ЦК.

Личное дело на работника Н.К. Богданова, снятого с персонального учёта, отыскали в хранилище на соответствующей полке и бюрократически точно сделали в нём запись: «Восстановлен в правах члена КПСС. Партийный билет № 00454182. КПК при ЦК КПСС. Протокол № 2387 от 16 марта

1960 года».

Кроме того, в номенклатурное дело подшили поступивший из Советского райкома КПСС «Регистрационный бланк члена КПСС Н.К. Богданова», якобы всё это время состоявшего на партийном учёте в первичной парторганизации МВД РСФСР. В заполненной аккуратным женским почерком карточке были полностью приведены полагавшиеся анкетные данные и «Род занятий с начала трудовой деятельности». После перечисления всех известных теперь нам должностей, которые занимал Богданов, в последних строчках было указано: «С августа по декабрь 1959 года — пенсионер, с января 1960 года — начальник подсобных мастерских Мин-средмаша, п/я 942». Все перипетии *партийной борьбы*, происходившей в этот период, а также перерыв в партийном стаже, оказались как бы оставленными за скобками. Товарищ, вроде, просто вышел на пенсию, а потом устроился работать на предприятие, куда теперь и будут направлены его учётные партийные документы.

Интересно, что в пункте 14 «Состоит ли на военном учёте» было указано: «Состоит — генерал-лейтенант». В пункте 17 «Какие имеет правительственные награды» перечислили все восемь орденов и три медали, полученные Богдановым за время службы в НКВД-МВД. Значит, по той *пометочке красным карандашом* на проекте решения КПК от 18 ноября 1959 года «Записку о лишении звания и орденов СССР и пенсии написать в ЦК КПСС» руководящее **добро** получено не было. Что ж, ещё раз повторим слова «биографа» — «легко отделался». Всё находилось на грани, но зависело **не от объективных обстоятельств,** а **от прихоти** первого секретаря партии.

В последнем пункте 24 «Имеет ли партвзыскания» впервые за 30-летний партийный стаж появилась запись: «Строгий выговор за нарушение социалистической законности». Наложено это взыскание было КПК при ЦК КПСС, а значит, только данная партийная организация имела право его снять.

На лицевой стороне бланка в специальной рамочке имелась резолюция секретаря райкома от 28 марта 1960 года: «Выдать партбилет восстановленному в правах члена партии».

Богданову оставалось только поставить подпись члена КПСС под этим учётным бланком и положить в свой карман вновь вернувшуюся к нему после 4-месячного отсутствия пурпурную книжицу партийного билета, но теперь уже с новым номером — 08780925. Старый партийный билет, видимо, уже успели *кремировать*.

Заметим, что в упомянутом выше письме-докладе Шверника в ЦК КПСС речь шла также и о Г.Г. Карпове. В главе 12 мы писали

об этом руководителе НКВД, который в 1937 году, проезжая по делам из Ленинграда в Псков, остановился отдохнуть в Лужском райотделении. На недоумённые вопросы Богданова о тогдашней политической обстановке Георгий Григорьевич дал совет: аресты производить, но арестованных не избивать, ибо «за эти дела когда-нибудь ЦК партии потребует ответа». Вот теперь этот *ответ* жестоко требовали. Самого Карпова, работавшего председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совмине СССР, сейчас также обвинили, что он в те годы «грубо нарушал социалистическую законность, производил массовые аресты». За это он заслуживал исключения из КПСС, но, «учитывая давность совершенных им проступков и положительную работу в последующем», КПК «ограничился объявлением ему строгого выговора с занесением в учётную карточку».

От этого сообщения веяло огромным лицемерием. Во-первых, после окончания массовых репрессий на Карпова обрушился *партийный гнев*, как раз за то, что он *слишком* ***мало*** в Пскове разоблачил и арестовал ***врагов народа.*** Во-вторых, данная информация являлась ложной, потому что 25 января 1960 года Карпов был из членов КПСС **исключён.** Однако через два месяца после этого, в связи с изменением по каким-то причинам ***мнения руководства***, в партии его восстановили.

Официальное извещение о ***реабилитации*** исключённых из партии также звучало лицемерно: «Комитет **счёл возможным** (то есть получил указание и доложил об исполнении. — Ю.Б.) восстановить 40 человек в партии с объявлением строгих взысканий» [Л.39]. Фамилии ***счастливчиков***, чьи персональные дела свидетельствовали об «ошибках» в работе КПК, не названы, но можно догадаться, что в их число, в частности, вошли Н.К. Богданов и Г.Г. Карпов.

В то же время в плане выполнения ***мудрых*** указаний ЦК КПСС КПК и местные партийные органы «провели большую работу по реабилитации в партийном отношении коммунистов, в прошлом без оснований привлечённых к судебной ответственности и исключённых из партии по тягчайшим политическим обвинениям. За истекшее после XX съезда КПСС время были восстановлены в партии **30 954** коммуниста (многие посмертно)». Интересно, что эта цифра достаточно точно совпадала с той оценкой, которую независимо дали в своё время Троцкий и Сталин о количестве засланных в нашу страну реэмигрантов, засевших на различных государственных и партийных постах.

В предыдущих главах мы обещали поподробнее рассказать о бывшем начальнике Лужского оперативного сектора М.И. Баскакове. Напомним, что ответственный инспектор КПК Ганин

решил привлечь Баскакова, являвшегося в 1937 году **непосредственным начальником** Богданова, с тем чтобы получить на последнего компрометирующие данные. Самого бывшего начальника оперсектора обвинять в нарушении им ***социалистической законности*** не было велено. А на него уже имелось заявление от секретаря райкома партии И.А. Иванова, который сообщал, что после его ареста расследование проводил лейтенант гб Баскаков, являвшийся тогда заместителем наркома, а затем наркомом Карельской (позднее Карело-Финской) АССР, в обстановке «чудовищного произвола и жестокого садизма». Избивали так, что в камеру отправляли в бессознательном состоянии. И вот теперь к этому добавились документы В.И. Семёнова, который писал «о нарушении законности и неправильном его аресте генерал-майором госбезопасности Баскаковым», тогдашним министром госбезопасности Узбекской ССР, «за тиранию со стороны которого просидел в лагерях». Кроме того, ***жестоко и подло*** Баскаков поступил и с его братом, М.И. Семёновым, работавшим помощником начальника Самаркандского облуправления МВД, который «был изгнан из органов, стал инвалидом», при этом пострадала и семья. Это было вызвано тем, что родной брат заявителя уличил Баскакова «в ряде нечестных поступков по работе и в повседневной жизни», указывал на то, что министр «окружил себя подхалимами, которых таскает за собой, как хвост». В.И. Семёнов написал о том, что Баскаков и его снял с работы, арестовал, пытал во время следствия, чтобы получить материалы на брата. В результате всех беззаконий Михаил Иванович Семёнов стал инвалидом первой группы. «Такое Баскаков сделал и с другими работниками министерства. Убивал морально и физически неугодных, пытавшихся ему возражать». Несмотря на такие кощунственные обвинения никакого персонального партийного дела КПК на Баскакова не завёл. И вот почему.

6 февраля 1952 года генерал-майор Баскаков был назначен министром госбезопасности БССР. При объединении МВД и МГБ после смерти Сталина приказом МВД от 16 марта 1953 года Баскаков остался в той же республике в качестве министра внутренних дел БССР. Так что «биографы» вполне могли бы назвать его ***бериевским ставленником***, поскольку он был назначен тем же приказом, что и ***разоблачённый*** впоследствии Богданов. Однако Лаврений Павлович не был доволен своим белорусским министром внутренних дел и потому 9 июня 1953 года снял его с этой должности. После завершения известных нам событий по общественному поруганию ***банды Берии*** Баскаков превратился из ***ставленника*** в *жертву*, а потому 21 июля 1953

года был восстановлен в должности министра внутренних дел Белорусской ССР.

В связи с тем, что крамольных обвинений против Баскакова набралось немало, ему было предложено написать объяснение по этому поводу. Лично я читал и **диву давался** тому ***сочинению,*** которое Михаил Иванович представил 20 марта 1960 года на имя председателя КПК Шверника. Признавая за собой определённые грехи по «нарушению советской законности в 1937–1938 годах», генерал Баскаков представил себя этаким сотрудником, «недавно присланным в органы и потому не имевшим опыта в следственной работе», который лишь исполнял «отдельные поручения и приказания начальства».

Как говорится, упасть и не встать! Ведь такое написал чекист, состоявший в органах госбезопасности на руководящих постах с 1933 года, бывший начальник Лужского оперативного сектора, которому тогда подчинялось 5 районов Ленинградской области. В соответствии с приказом НКВД от 30 июля 1937 года такая должность могла быть доверена только «ответственным работникам НКВД, могущим успешно справляться с возлагаемыми на них серьёзными оперативными задачами». Вот как надо уметь **тонко** представить свою служебную деятельность в те страшные годы. Естественно, никаких обвинений со стороны И.А. Иванова, который в своём заявлении назвал тогдашнего наркома Карело-Финской АССР «карьеристом-шкурником, жестоким садистом и отъявленным циником», Баскаков не признал. Наоборот, написал, что этот товарищ был арестован ранее, а он как нарком внутренних дел его выпустил на свободу. По воспоминаниям потерпевшего, 4 сентября 1939 года его вызвали к Баскакову, причём предварительно побрили и подстригли. Нарком объявил, что арестованный освобождается, но «не имеет права никому ничего рассказывать о том, что было учинено за время нахождения в тюрьме».

Но это была лишь первая часть покаянного объяснения. В следующем разделе обвиняемый Баскаков просил **принять во внимание** собственные заслуги: «При рассмотрении материалов прошу Комитет партийного контроля при ЦК КПСС учесть, что я после 1938 года, находясь на работе в Республиках, областях около 20 лет, несомненно, имел в своей работе отдельные ошибки и недостатки, но всегда и везде под руководством партии и советских органов честно проводил в жизнь директивы КПСС и Советского правительства. За время нахождения в партии не имел никаких партийных взысканий. Активно участвовал в партийной и советской работе на местах. Везде избирался членом бюро ЦК Компартий Республик, Крайкома и обкома КПСС. Был делегатом

XVIII, XIX и XX съездов нашей коммунистической партии. Являлся депутатом Верховного Совета Союза ССР трёх созывов».

Всё это, можно сказать, пустяки. Богданов тоже подобные должности занимал, может, в чуть меньшем или большем масштабе. А вот каков был **козырный туз** Баскакова, его спасительная соломинка: *«Принимал участие в разоблачении преступной деятельности Берия»* (это, по мне-нию руководства, перебивало все прежние грехи!). Дальше, чтоб не спутали, написал о себе даже в третьем лице: «В суде по разоблачению преступной деятельности Берия выступили Строкач Т.А., министр внутренних дел Украинской ССР, и Баскаков М.И., министр внутренних дел Белоруссии». Какую же лепту внесли эти деятели в судебный процесс? «Даны подробные показания, разоблачавшие антипартийную преступную деятельность. Берия по ВЧ (закрытая от подслушивания правительственная телефонная связь. — *Ю.Б.)* передавал указания, которые были антипартийными, преступными. О всех звонках и установках Берия я немедленно докладывал бюро ЦК компартии Белоруссии, первому секретарю Патоличеву Н.С. За отказ выполнить указания, Берия вызывал меня в Москву и снял с работы МВД Белоруссии и сказал, что загонит в лагерь. Вскоре после ареста Берия, в период работы июньско-июльского пленума ЦК КПСС 1953 года, я был вызван в ЦК КПСС и возвращён обратно в Белоруссию и восстановлен в прежней должности министра внутренних дел БССР, где и работал до марта 1958 года. Бюро ЦК Компартии Белоруссии, генеральный прокурор СССР Руденко Р.А. **одобрительно отозвались о моём принципиальном партийном поведении по делу Берии.** Выдержки из моих показаний были приведены в обвинительном заключении, с которым ознакомлен партактив» [А. 13].

Теперь, вроде бы, всё становится ясно. Если в 1937 году Богданов и Баскаков работали в Луге вместе, а потом порознь, то в 1953 году служебные пути их **принципиально разошлись.** Назначенный *двурушником* Берией на должность начальника Ленинградского УМВД Богданов оказался ставленником Лаврентия Павловича, *бериевцем*, а потому — *врагом народа.* Наоборот, снятый главой ведомства с должности Баскаков предстал невинной жертвой *супостата.* Кроме того, «принципиальное партийное поведение» восстановленного республиканского министра помогло Хрущёву на суде над *Берией и его бандой* успешно справиться со своим главным конкурентом.

В связи с таким раскладом верховная партийная власть **Богданову** его *старые грехи* простить не могла, а потому он должен был подвергнуться *экзекуции.* **Баскакову** за его серьёзную

услугу власти выдавалась *индульгенция* на все прежние неблаговидные дела. В результате он продолжил свою деятельность **в ранге члена КПСС.** На него по совокупности собранных компрометирующих материалов, справок и объяснений **даже персонального дела не завели.** Нам представляется, что и на этом примере мы можем наглядно судить об «*объективности*» партийной власти и её тогдашнего вождя.

Зато Комитет партийного контроля, исполняя *заказ* верхов, с лихвой отыгрался за всё на бывшем министре внутренних дел СССР **С.Н. Круглове.** Официально сообщалось, что «по поручению ЦК КПСС Комитет рассмотрел дела и исключил из партии бывших руководящих работников НКВД-МВД Круглова С.Н., Неймана Н.И. и Федотова П.В.» [Л.39]. Если при изгнании Круглова с должности министра ему не смогли предъявить никаких конкретных обвинений, а через два года удосужились отыскать только бытовые вопросы, то теперь всё придумали, как надо, мало не покажется.

На заседании КПК при ЦК КПСС 6 января 1960 года при рассмотрении вопроса об исключении Круглова из партии ему предъявили следующие обвинения: «участие в проведении выселения чеченцев в 1944 году», «участие в организации специальной тюрьмы при Комиссии партийного контроля ЦК КПСС в 1950 году», «недостатки в работе Министерства внутренних дел СССР, отмеченные в акте Правительственной комиссии при приёме и сдаче дел МВД в 1956 году». Кроме того, в обвинения включили даже такие вопросы, как якобы «самовольный выезд из Кирова в связи с освобождением Круглова С.Н. по инвалидности от работы в Кировском Совнархозе», «неправильное снятие с партийного учёта в Кировской парторганизации», «неправильное получении пенсии от МВД СССР». О некоторых выдвинутых против него обвинениях Круглов **впервые** услышал только на заседании КПК.

Все эти вопросы подробно рассмотрены нами в книге «Министр сталинских строек» [Л.42] о жизненном и служебном пути генерал-полковника Круглова, и потому не будем их здесь приводить. Сообщим только, что, несмотря на все обращения к секретарям ЦК КПСС А.Б. Аристову, Л.И. Брежневу, Н.Г. Игнатову, М.А. Суслову и лично к Н.С. Хрущёву, Сергей Никифорович так и не был восстановлен в рядах КПСС.

Глава 42. Новая трудовая жизнь

После изгнания из органов внутренних дел у нашего отца началась как бы новая трудовая жизнь — без высоких должностей и званий, но в рабочем коллективе, который по-доброму принял его в свои ряды и даже после смерти сделал всё, что было в его силах, чтобы увековечить память Николая Кузьмича Богданова.

Устроил Богданова на работу на должность начальника подсобных мастерских предприятия, почтовый ящик 942, руководитель Первого строительно-монтажного треста (СМТ) Министерства среднего (атомного) машиностроения Журавлёв, который вовремя ушёл из органов внутренних дел, ещё до того, как Хрущёв начал свой беспардонный разгон старых кадров, и теперь занимал весьма высокое место руководителя крупнейшего строительного предприятия. В свой трест Журавлёв частенько принимал изгнанных из МВД сотрудников, которых знал по прежней службе. Вот и Богданова пристроил пусть не на видное, но хорошее место, которое давало возможность *репрессированному* замминистра быть трудоустроенным и достаточно подрабатывать к своей урезанной, совсем не генеральской, пенсии. За свою служебную карьеру Николай Кузьмич приобрел достаточно богатый строительный опыт, к тому же сам обладал природной хозяйственной жилкой и умел ладить с рабочим людом. Так что жизнь вошла в своё новое трудовое русло, хотя и оставила в душе глубокие раны и горькую обиду из-за свершившейся несправедливости.

Несмотря на произошедшие кардинальные изменения на службе отца, наша домашняя жизнь протекала в основном в прежнем русле. По праздникам и в дни рождений за большим столом собиралась всё та же компания родственников и друзей. Из новых знакомых нас обязательно посещал при командировках в Москву начальник ленинградской Военно-Воздушной инженерной академии генерал-полковник П.В. Родимов. На мою судьбу этот замечательный человек, начальник и воспитатель, оказал большое и доброе влияние, за что я ему бесконечно признателен.

Летом 1960 года автор этих строк окончил Военно-Воздушную инженерную академию им. Жуковского и вместе с другими товарищами был направлен на усиление только что созданных Ракетных войск стратегического назначения. По распределению в числе трёх выпускников я попал в Военную академию им. Дзержинского (ныне Петра Великого), где и прошёл свой служебный путь. Став самостоятельным человеком, женился

на Людмиле Лебедевой, об отце которой, сотруднике КГБ, обслуживавшем партийную и правительственную элиту, было рассказано в главе 32. Дорогая тёща являлась домохозяйкой, а мама моя работала врачом аку-шером-гинекологом в роддоме. Брат после окончания академии уехал в ракетную часть нести боевое дежурство.

У отца в почках продолжали интенсивно образовываться отложения солей. Песок и мелкие камешки выходили постоянно. По заключению врачей, дело шло к обязательной операции по удалению камней. Можно себе представить, какие физические боли постоянно испытывал Николай Кузьмич. И это в дополнение к тем моральным мукам и терзаниям, которые вызывались разбором персональных служебного и партийного дел *врага народа.* Какими же мужеством и верой в свою правоту обладал отец, если никогда не жаловался на переносившиеся им нестерпимые телесные боли и душевные страдания!

Вместе с тем, успешно уладив вопрос с восстановлением в рядах партии, Богданов решил попытаться *отыграть* свою генеральскую пенсию. В сентябре 1960 года изгнанный замминистра подготовил письмо, в котором обратился с просьбой «об отмене приказа МВД СССР», которым ему была ограничена пенсия. Мотивировал своё обращение тем, что если Секретариат ЦК КПСС, рассмотрев апелляционное заявление, принял постановление о возможности оставления его в рядах КПСС, то почему бы теперь не пересмотреть вопрос и о пенсии? К этому, помимо перечисления всех своих служебных заслуг, добавил следующее: «Состояние здоровья у меня плохое. (Центральная Военно-врачебная комиссия МВД СССР при увольнении Богданова в запас признала его инвалидом, не годным к военной службе в мирное время. — Ю.Б.). Всё это ограничивает мои возможности трудиться с полной силой». Однако неугомонный Хрущёв добился своего и постановлением Совмина СССР от 13 января 1960 года упразднил МВД СССР. Поскольку теперь стало не совсем ясно, какая организация является правопреемницей бывшего союзного министерства, вопрос Богданова оказалось решать некому.

В сентябре 1961 года Богданова перевели на должность заместителя начальника Управления отделочных работ (УОР) в этом же Строительно-монтажном тресте Средмаша.

Однажды мне удалось побеседовать о моем отце с сотрудницей этого управления Т.Т. Дегтянцевой. Сначала Татьяна Тимофеевна поинтересовалась, действительно ли Николай Кузьмич имел два высших образования? Я пояснил, что в 1952 году отец получил свидетельство об окончании Высшей офицерской школы МВД, а в 1957 году стал дипломированным

юристом. Так что о двух высших образованиях сказать нельзя, просто один завершенный курс обучения явился продолжением другого. Конечно, мне интересно было, почему сотрудница этим заинтересовалась?

— Дело в том, — ответила мне Татьяна Тимофеевна, — что Николай Кузьмич всегда принимал такие **правильные решения,** находил верные выходы из сложных положений так, что мы просто удивлялись и считали его очень образованным и интеллигентным человеком. — И снова спросила: — А кто у него родители?

— Отец — сирота, работал маляром, умер в 1924 году. Мать — неграмотная женщина, многие годы была парализована, до последних своих дней жила вместе с нами.

— Интеллигентности не научишься, — задумчиво произнесла женщина. — Значит, это у Николая Кузьмича врождённое…

Про себя Татьяна Тимофеевна рассказала, что работать в УОР на должность секретаря начальника она пришла в 1966 году совсем молоденькой, неопытной и очень застенчивой девушкой, которая ***всего боялась.*** Помещения в управлении были разделены фанерными перегородками, потому сквозь них легко проникали громкие голоса. То-то наслушалась тогда стеснительная дивчина всевозможного мата! Со временем, конечно, попривыкла и даже сделала собственное наблюдение: пока работники управления силились объяснить что-то ***низам*** простыми словами — ничего не получалось. Но стоило перейти на мат, как сразу достигалось взаимопонимание.

«А вот Николай Кузьмич, — отметила моя собеседница, — был очень культурным человеком и матом никогда не ругался. Всегда говорил спокойно, неторопливо, ни на кого не кричал. И ещё он был очень грамотным руководителем — обязательно подскажет, как лучше поступить, как написать письмо, что ответить по телефону. Задачи ставил коротко и ясно, без лишних разговоров».

На стройке всегда работало много ***лимитчиков,*** приехавших в Москву по найму. Жили они в стесненных условиях, в общежитиях. Некоторые пары образовывали семьи и заводили детей. Тогда обращались к руководству с просьбой выделить им квартиру. Один из начальников управления орал на таких *умников*, что «нечего было рожать, следовало сначала позаботиться о жилье!» «Николай Кузьмич, — вспоминала Татьяна Тимофеевна, — никогда так не говорил. Наоборот, тихо и спокойно старался помочь просителям. И помогал. Вопрос их положительно решался. Вообще он очень хорошо относился к людям».

Сама Татьяна, не имевшая тогда жизненного опыта, часто обращалась к Николаю Кузьмичу за советом по любому волновавшему её вопросу, а он, как отец, опекал свою помощницу, не давал в обиду. Я поинтересовался, что было известно Татьяне Тимофеевне о прошлой деятельности моего отца. Она припомнила, будто Николай Кузьмич был военным. «Раньше люди были добрее и проще, — взгрустнула моя собеседница, — поэтому никаких разговоров вокруг этого не велось» [Б].

Однако вернёмся к трудовым будням отца. Заметим, что не всегда у Николая Кузьмича на новой работе всё так уж гладко получалось. В связи с длительной болезнью начальника Богданову в течение почти двух лет пришлось фактически руководить управлением. Помню, как отец, не имевший достаточного опыта ведения финансовых дел в хозрасчётной организации, переживал в ту пору, что в УОРе постоянно происходил перерасход средств. А проблема состояла вот в чём. Отделочники на стройке начинали свою работу, естественно, самыми последними, после того как завершали своё дело монтажники, сантехники, электрики и другие рабочие. И вот когда стены были уже покрашены или оклеены обоями, на полу постелен паркет, вдруг обнаруживалось, что забыли провести трубу или проложить кабель. Приходили соответствующие специалисты и начинали долбить стены или вскрывать полы. После их ухода отделочникам свою работу приходилось делать заново. А за какие средства? На строительстве промышленных объектов ещё как-то удавалось покрыть непредвиденные расходы, а что можно было сделать при отделке типовых домов, где каждый гвоздь вписан в смету? Лишние обои или паркет никто не давал, да и рабочим фактически приходилось платить дважды. *По-честному*, как хотел решать вопросы отец, эти издержки обнулить не представлялось возможным.

После долгих терзаний Богданов обратился в трест с просьбой поставить начальником УОР человека, который мог бы успешно улаживать финансовые проблемы отделочников. Тогда на это место назначили А.Н. Усанова, который одновременно являлся заместителем управляющего трестом. Теперь дела пошли гораздо лучше: молодой и энергичный начальник управления умело справлялся с возникавшими вопросами. Кроме того, как один из руководителей Первого СМТ он имел возможность своей властью осуществлять маневр денежными средствами. Например, снимал с виновников переделок какую-то сумму и передавал её отделочникам для устранения повреждений, причинённых их работе.

Деловая хватка Усанова импонировала Николаю Кузьмичу, в связи с чем он *составил протекцию* своему начальнику, и через некоторое время Александр Николаевич стал замминистра среднего машиностроения.

Руководство Управления отделочных работ часто выезжало на строившиеся объекты, чтобы проконтролировать работу бригад штукатуров, маляров, паркетчиков. Молодые уоровцы лихо бегали по стройке, поднимаясь без ещё не работавших лифтов на верхние этажи зданий, сданных под отделку. Николаю Кузьмичу такой темп был не по силам. Он начинал свою проверку с первого этажа, а потом потихоньку поднимался всё выше и выше. В нагрудном кармане пиджака отец всегда носил небольшое зеркало, с помощью которого заглядывал в труднодоступные для отделки места. Если обнаруживал, что рабочие *схалтурили*, то просил исправить допущенные огрехи. Попутно беседовал с трудящимися, знакомился с новыми работниками, интересовался их нуждами. Подведение итогов проверки происходило обычно на верхнем этаже здания, куда зам. начальника успевал подняться, собрав по пути много полезной и нужной информации.

В 1962 году, ещё в бытность хрущёвской власти, Богданов вновь попытался поднять вопрос о восстановлении ему генеральской пенсии. С этой целью он направил министру охраны общественного порядка РСФСР (так с 30 августа этого года стал именоваться правопреемник бывшего МВД) В.С. Тикунову рапорт с просьбой снять с него ограничение в пенсионном обеспечении. Как и при прошлом обращении, напомнил, что, если по партийной линии ЦК ***нашёл возможность*** сохранить его в рядах КПСС, то следовало было бы и по административной линии внести изменения, «восстановив пенсию в полном размере». При этом теперь вместо перечисления былых заслуг кратко указал: «С начала 1960 года, несмотря на тяжёлое заболевание, я работаю на предприятии п/я 942, активно участвуя в партийной и общественной жизни данной организации».

В связи с поступившим рапортом начальник Инспекции по личному составу министерства запросил в Секретариате КПК при ЦК КПСС материалы на 310 листах служебного расследования на бывшего замминистра внутренних дел РСФСР Богданова, которые без надобности пылились там уже три года. К сожалению, отцу пенсию так и не восстановили, а мне даже через 40 лет ознакомиться с этими документами не дали, поскольку толстенный том ***где-то затерялся*** [А.16].

Несмотря на то что отца как ***врага народа*** уволили по служебному несоответствию да ещё с ограничением в пенсии, он остался на медицинском обслуживании в поликлинике МВД. И,

самое интересное, мы по-прежнему продолжали занимать второй этаж госдачи на Иваньковском шоссе. Вполне допускаю, что вопреки разыгранному в соответствии с велением Хрущёва фарсу по изгнанию Богданова из органов внутренних дел настоящие товарищи и друзья по службе дали возможность **хорошему мужику,** как отца частенько называли, ещё некоторое время попользоваться былыми льготами.

Поскольку консервативные методы лечения папиных почек, а также применение всевозможных народных средств положительного эффекта не давали, Николаю Кузьмичу пришлось ложиться в госпиталь МВД, согласившись на хирургическую операцию. Всё прошло успешно, в результате чего из левой почки извлекли буквально огромный камень в виде пирамиды и ещё несколько маленьких. Когда, оправившись после наркоза, отец впервые подержал в руках ***свой булыжник***, то выразил сожаление, что раньше не соглашался на операцию. «Всякими снадобьями почкам не помог, — сожалел он, — только желудок зря загубил». Благодаря оптимистическому настроению и заботе домашних Николай Кузьмич достаточно быстро поправился и смог выйти на работу. Правую почку тоже планировали прооперировать, но этому так и не суждено было случиться.

Госдачу на Иваньковском шоссе мы, естественно, освободили, но отец не мог жить без сада, огорода и выращивания зелени. Благодаря дружеским связям в мае 1962 года старые сослуживцы помогли Богданову получить участок в дачно-строительном кооперативе (ДСК) «Бутово», который тогда являлся эвакуационной зоной (на случай войны) КГБ. То, что сюда допустили изгнанного из МВД по служебному несоответствию ***бериевца*** и ***врага народа*** Богданова, говорило о многом. ***Комитетчики***, обладавшие всесторонней информацией, вряд ли потерпели бы в своих рядах неугодную им, сомнительную личность из МВД. Корректно предложили бы, например, перейти в дачное хозяйство своего ведомства. Так, мало того, когда мы на даче основательно обустроились, Богданова два года подряд избирали председателем кооператива! Что тут скажешь? Спасибо за доверие и за правильное понимание жизненных обстоятельств.

Соседями нашими оказались давно знакомые нам *алмаатинцы* Головковы и Харитоновы. На другой дачной поляне, чуть дальше от нас, находился земельный участок нашего соседа по лестничной площадке на улице Белинского, папиного преемника по МВД Московской области и *однокашника* по учёбе в Высшей офицерской школе МВД Щербакова. Михаил Петрович, работавший последние годы начальником Хозяйственного управления КГБ, претендовал на лавры первооткрывателя этого

дачного поселения. Несомненно, что именно эти товарищи сыграли определяющую роль в решении вопроса о принятии Богданова в свою дачную компанию.

Благодаря хорошей организации дела со стороны отца и добросовестной работе *строитепем-шабашников* дача наша *выросла* очень быстро. Кроме того, каждый из нас постарался внести свою лепту в обустройство дома. Мой тесть Фёдор Васильевич, вспомнив свою былую специальность, застеклил окна и веранду. Я как дипломированный инженер-электрик сделал электропроводку в доме, без замечаний сдав её энергонадзору. Папа нашёл опытного печника, который сложил великолепную печь-шведку. Помимо стандартного утепления щитов, составлявших стены, внутри все помещения дополнительно обили древесно-волокнистыми плитами, так что в доме оказалось возможным жить даже зимой. Мастер-инструктор с папиной работы оклеил потолки и стены обоями и покрасил дом снаружи. Женщины, моя мама, тёща Екатерина Ивановна и жена Люся, промыли окна и навели уют в комнатах. Наши друзья Морозовы, Ракчеевы и Петровы помогли убрать строительный мусор, вскопать и выровнять землю на участке, сделать посадки.

Папе не терпелось как можно скорее увидеть плоды на деревьях, поэтому он приобрёл (в когда-то созданном им хозяйстве бывшего ГУШОСДОРа) три большие яблони — штрифель, папировку, китайку и две груши. Остальные яблоньки были двухлетками: мельба, грушовка, аркат новый, уэльс, анис, боровинка, антоновка. Кроме того, посадили три сливы, вишни и десять кустов входившей тогда в моду черноплодной рябины. Наши знакомые в изобилии снабдили нас рассадой клубники со своих дачных участков. Около соседского сарая (в тёплом месте) обустроили парник для выращивания ранних огурцов, рядом вскопали огород. Поскольку земля была глинистая, к дому, сараю и туалету своими силами проложили цементные дорожки.

Словом, за лето некогда заброшенный картофельный пустырь превратился в прекрасный сад. Теперь на досуге папа имел возможность заниматься своим любимым делом — уходом за деревьями, кустарниками и огородом. Через несколько лет яблони стали столь обильно плодоносить, что мы, кроме удовлетворения собственных нужд, снабжали фруктами многих наших родственников и знакомых.

Как раз в это время произошло восстановление отношений между моим отцом и Головковым. С тех пор вечерами на нашем крылечке, освещавшемся лучами заходившего солнца, регулярно стали собираться четыре соседа: три старых казахстанских знакомых — Богданов, Головков и Харитонов, а также служивший

ещё в то время контр- (потом вице-) адмирал Я.Т. Резниченко, дачный участок которого примыкал к владениям вышеназванных пенсионеров.

25 сентября 1964 года у нас с Люсей родился сын Алёша. Дед Коля души не чаял в своём долгожданном внуке. Сотрудники по Строительно-монтажному тресту вспоминали, что когда Николай Кузьмич садился в служебный автобус, то все разговоры вокруг затихали, потому что счастливый дед начинал рассказывать о похождениях любимого внука.

В этом же году мы всей большой семьёй купили автомашину «Москвич-403», которая позволила облегчить проблемы по перевозке ребёнка, родственников, вещей и урожая между городскими квартирами и дачей.

18 апреля 1965 года мы с отцом пошли на ежегодное собрание пайщиков нашего дачного кооператива. При выборах нового состава правления на пост председателя правления выдвинули Богданова. Отец пытался дать самоотвод, мотивируя это тем, что он тогда продолжал работать, в то время как имелись неработавшие члены кооператива, в летнюю пору постоянно проживавшие на дачах. Однако собрание не приняло во внимание данное обстоятельство, и представители КГБ выбрали случайно затесавшегося в их ряды бывшего работника МВД своим председателем. Когда все выходили из здания местного клуба, где проводилось собрание, на улицу, к отцу подходило много знакомых и незнакомых ему товарищей, которые пожимали новому председателю руку, поздравляли с избранием и произносили ободряющие слова, вроде: «Кузьмич, мы тебя знаем, ты справишься!» или «Кузьмич, нам такого хозяйственника, как ты, как раз и надо». Конечно, после полученного несколько лет назад служебного несоответствия, перечеркнувшего всю предыдущую военную карьеру, приятно было незаслуженно *оплёванному* человеку слышать в свой адрес неформально произнесённые слова, говорившие об умении его работать, о знании им дела, о личных достоинствах.

Находясь на общественной, а потому в те времена материально не оплачивавшейся должности, Богданов провёл огромную работу по официальному оформлению в многочисленных бюрократических организациях всевозможных постановлений, разрешений, справок, схем и генерального плана, юридически узаконивших положение ДСК «Бутово». Всё это было утверждено выезжавшей на место Государственной комиссией, принимавшей подобные объекты в постоянную эксплуатацию. Кроме того, председатель правления сумел провести ещё ряд работ, связанных с ремонтом подъездных дорог,

благоустройством территории, обеспечением дачников баллонным газом и др. Даже сам домик правления, находившийся в весьма затрапезном состоянии, сумел привести в порядок, обеспечить мебелью. В связи с успешно проведенной работой Богданова вновь переизбрали председателем правления на следующий срок, продлив тем самым нелегкую общественную нагрузку.

Работавшие тогда в правлении ДСК в качестве *наёмной силы* управляющая посёлком Вера Алексеевна и бухгалтер Таисия Андреевна очень уважали моего отца за его деловитость, спокойствие и умение общаться с людьми. Сколько раз по прошествии многих лет, когда и отца-то уже не было в живых, эти две женщины в один голос говорили мне: «Много у нас было председателей, но такого, как Николай Кузьмич, — никогда». В память о *любимом начальнике* и мне перепадали порой кое-какие *льготы*: кроме доброжелательного отношения, труженицы правления то договаривались, чтобы нам на участок привезли из местного совхоза удобрения, то снабдили дефицитными тогда большими бетонными плитами, то давали какую-нибудь рассаду и т. д. Вера Алексеевна, если кончался общий запас, всегда припрятывала для меня баллон с газом. Таисия Андреевна, когда я появлялся в правлении, удаляла всех из своей комнаты, закрывала дверь и, достав из стола бутылку, предлагала: «Давай помянем твоего отца. Какой хороший человек был!» Под принесенные мною для угощения яблоки, созревшие в ухоженном папиными руками дачном саду, мы выпивали по паре стопок, как принято в таких случаях, не чокаясь. Вот такая была *народная оценка* моего отца, Николая Кузьмича Богданова, оказавшегося изгоем у руководства Компартии и нашего *родного* советского правительства, которым он верой и правдой служил.

Глава 43. Брежневская эпоха

В октябре 1964 года Хрущёва всё-таки сняли с его высоких постов, остановив тем самым череду проводившихся им волюнтаристских преобразований. Как Никита Сергеевич ни сопротивлялся на заседании Президиума ЦК КПСС навязанной ему отставке, но вынужден был смириться со своей участью, когда понял, что его никто не поддерживает.

После бурных темпов сталинских *великих строек* и бесконечных *дёрганий* хрущёвского десятилетия в стране Советов наступило относительное затишье периода правления генерального секретаря Л.И. Брежнева. Вместе с тем сложившаяся экономическая система, управлявшаяся *непогрешимой* партийной номенклатурой, не способна была обеспечить эффективную работу социалистической промышленности и сельского хозяйства. В результате советское производство в ряде технических областей утрачивало свои передовые позиции по сравнению с *мировыми стандартами.* Вместе с тем, оценивая ретроспективно брежневскую эпоху, социологи и медики отметили, что в этот период общее состояние и здоровье народонаселения даже несколько улучшилось. Так, может, действительно не нужны людям революции, войны, безмерное напряжение сил, сверхвысокие темпы, стремление к непременному первенству? Известна ведь библейская истина: «Зачем человеку весь мир, если, завоевав его, он может повредить душе своей?» Но и без неуёмного стремления в космос, без непреодолимого желания улучшить условия своей жизни на Земле, без потребности постоянно совершенствовать технику и среду обитания, повышать образованность, отдавать все силы искусству наступает застой.

После ухода Хрущёва постепенно был проведен ряд мероприятий, отменявших прежние ненужные преобразования. Так, 26 июня 1966 года указом Президиума Верховного Совета СССР было образовано союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка (МООП) СССР. Тем самым вновь был воссоздан единый центр координации работы республиканских органов, ликвидированный Никитой Сергеевичем. Более того, через пару месяцев МООП РФ было ликвидировано, а его функции возложены на союзное министерство. Наконец, 25 ноября 1968 года МООП вновь переименовали в МВД СССР. Так, после *хрущёвской встряски*, нацеленной на то, чтобы всемерно урезать функции этого ведомства, сведя их к простой *охране порядка*, всё вернулось на

круги своя.

12 февраля 1967 года на работе и дома мы торжественно отметили 60-летие со дня рождения Н.К. Богданова. По этому случаю управляющий Первым строительно-монтажным трестом М.И. Журавлёв издал приказ, в котором объявил юбиляру благодарность и вместе с Объединённым Построй-комом наградил его Почётной грамотой «за многолетнюю и плодотворную работу». Коллективы Треста, Управления отделочных работ и Отдела материально-технического снабжения поздравили Николая Кузьмича и вручили ему свои «Адреса», на каждом из которых красовалось по полусотне подписей. Обращаясь к юбиляру, коллеги по совместному производству отмечали: «Более сорока лет, не жалея сил, Вы самоотверженно трудитесь на благо нашей Родины. Работая в нашем коллективе, Вы всегда проявляете скромность и отзывчивость, являетесь требовательным, внимательным руководителем и чутким товарищем, активно участвующим во всех мероприятиях, направленных на выполнение задач, стоящих перед нашим коллективом». В день 60-летия товарищи пожелали Николаю Кузьмичу доброго здоровья, творческих сил, большого личного счастья и наилучших успехов в дальнейшей жизни. На память юбиляру подарили транзисторный радиоприёмник «Сувенир» [А. 16].

Думаю, что такие тёплые и искренние слова от своих коллег приятно было слышать *недостреленному* чекисту, дважды *врагу народа*, уволенному из органов внутренних дел по служебному несоответствию и имевшему в своём *активе* урезанную пенсию да строгий партийный выговор от ЦК КПСС.

Как то было положено (особенно в брежневские времена), юбиляр устроил для своих поздравителей банкет. Дома мы вместе с родственниками и друзьями тоже отметили папино торжество.

Через год после юбилея Богданов надумал-таки официально поставить вопрос о снятии с него партийного взыскания. Когда я поинтересовался, почему отец не сделал этого раньше, он ответил мне прежней фразой: «А что я скажу людям?» Во всяком случае Николай Кузьмич наконец решился и 8 февраля 1968 года в партийную организацию предприятия п/я А-1086 (так переименовали п/я 942) подал следующее заявление от члена КПСС с 1929 года, партийный билет № 08780925:

«В марте 1960 года Комитетом Партийного Контроля при ЦК КПСС на меня наложено партийное взыскание — строгий выговор с занесением в учётную карточку за нарушение социалистической законности в 1937-38 годах во время работы начальником Лужского райотделения НКВД Ленинградской области». Вот и вся

преамбула. Про *пришитое* ему Казахстанское дело Богданов даже не стал упоминать, несмотря на то что в ноябре 1959 года, согласно официальной публикации, он был исключён из партии как «бывший зам. наркома внутренних дел Казахской ССР». Никакой оценки *партийного проступка* или *искреннего раскаяния* в этом варианте заявления не было, хотя в черновике имелась такая *не отшлифованная* фраза: «Сознавая всю серьёзность проступков, совершённых мной лично и работниками, которые находились в моём подчинении, я в течение прошедшего времени с 1939 года и до настоящих дней добросовестно работаю, выполняя производственно-хозяйственные задания» [А. 14]. Не вошли в основной текст и другие изложенные в черновике вопросы, связанные с работой в органах МВД и награждением орденами. Заявитель, не вдаваясь в историю, сразу перешёл к современным событиям.

«В течение 8 лет, прошедших с момента наказания меня как члена партии, я добросовестно трудился в подразделениях данного предприятия: с января по июль 1961 года работал начальником подсобных мастерских, с июля (1961 года) по август 1963 года — зам. начальника предприятия, с августа 1963 года по июль 1965 года исполнял обязанности начальника предприятия ввиду его длительной болезни и последующего перехода на пенсию. За указанный период предприятие справлялось с порученными заданиями по вводу в эксплуатацию жилых домов, культурно-бытовых объектов, производственных и лабораторных зданий специального назначения, выполнявшихся по заданиям вышестоящих организаций. После назначения начальником предприятия тов. Усанова А.Н. я вернулся к исполнению обязанностей зам. начальника, где и работаю до настоящего времени».

Далее следовала заключительная часть: «Прошу партийную организацию рассмотреть вопрос о снятии с меня партийного взыскания, наложенного Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС» [А. 14].

Конечно, такую проблему невозможно было сразу вынести на партийное собрание первичной парторганизации. С одной стороны, рядовые коммунисты не владели достаточной информацией, необходимой для того, чтобы иметь возможность принять обоснованное решение. С другой — данная тема была слишком опасной для партийных властей и могла привести к нежелательной дискуссии среди пролетарских масс. В связи с этим поставленный вопрос перешёл в Москворецкий райком партии, к которому относилась партийная организация предприятия п/я А-1086. Здесь обстоятельства дела подверглись

глубокому изучению. 11 марта 1968 года секретарь райкома направил в КПК при ЦК КПСС письмо с просьбой «выслать для ознакомления персональное дело члена КПСС с 1929 года т. Богданова Н.К. о наложенном партийном взыскании — строгом выговоре с занесением в учётную карточку, за нарушение социалистической законности в 1937–1938 годах, объявленном КПК при ЦК КПСС в марте 1960 года» [А. 13].

На полученный запрос заведующий сектором КПК при ЦК КПСС направил в особый сектор Москворецкого райкома спецдело на 226 листах, сопроводив его совершенно секретным письмом, в котором просил по миновании надобности вернуть материалы обратно [А. 13].

Без слов ясно, что сведения, находившиеся под таким высоким грифом секретности, широкому обсуждению никак не подлежали. В результате *разбор полётов* не опустился ниже райкомовского уровня. Секретарь Москворецкого райкома КПСС Л.А. Землянинова предложила члену КПСС Богданову написать объяснительную записку.

По существу дела в своём объяснении наказанный партиец кратко описал обстановку, сложившуюся в 1937–1938 годах в Лужском районе Ленинградской области. Поскольку всё это известно нам из главы 12, то повторяться не будем. «Из всех выше перечисленных фактов, — говорилось в объяснении далее, — я сделал соответствующие выводы во всей дальнейшей практической деятельности, особенно в период работы в Казахстане, Москве и Ленинграде, где приходилось сталкиваться с фактами нарушения социалистической законности и принимать меры к исправлению допущенных перегибов». Стараясь *задавить авторитетом* руководство райкома, Богданов представил свой многолетний опыт работы в партийных и советских органах. «Я заверяю Комитет КПСС, что весь период после 1938 года добросовестно трудился, принимал активное участие в общественной деятельности: в Казахстане являлся членом бюро ЦК КП(б)К, затем был членом бюро и Пленума Московского обкома КПСС, депутатом и членом Исполкома Моссовета, депутатом Верховного Совета СССР, членом бюро и Пленума Ленинградского обкома КПСС и депутатом Ленсовета и Леноблсовета». Из современной жизни отметил следующее: «После увольнения из органов МВД работаю в строительной организации, непосредственно занимаюсь руководством строительством некоторых объектов. Принимаю участие в работе партийной и профсоюзной организаций. Никаких взысканий как по партийной, так и по административной линии не имею». Член КПСС с 1929 года Богданов просил райком КПСС поддержать его

просьбу о снятии партийного взыскания, наложенного 8 лет тому назад [А. 14].

Однако эти пространные объяснения не в полной мере удовлетворили секретаря райкома. На основании изучения спецдела, а скорее, по чьей-то подсказке, отчитывавшемуся члену КПСС было задано несколько дополнительных *каверзных вопросов*. На них Богдановым также были даны письменные ответы.

Первый вопрос гласил: «Кем и при каких обстоятельствах вы были командированы на работу в Казахстан в 1940 году?» Читателям во всех подробностях ответ на этот вопрос известен из главы 17.

Во втором вопросе уточнялось: «Как возникло дело о нарушениях вами соцзаконности при проведении арестов в 1937–1938 годах?»

На это Богданов дал такие разъяснения: «Если не ошибаюсь, в 1959 году (точнее, в 1957 году. — *Ю.Б.)* я был вызван к работнику особой инспекции МВД СССР (фамилию не помню). Он предъявил мне архивно-следственные дела на арестованных в 1937–1938 годах в Лужском районе и предложил дать объяснения, по каким мотивам лица, проходившие по делам, были арестованы и почему ряд протоколов написан моей рукой, а подписан оперуполномоченным т. Варицевым? После ознакомления с материалами я дал подробные объяснения. Кроме того, была предъявлена какая-то выписка из документа, где сообщалось обо мне, что принимал участие в фальсификации дел в Казахстане. Я попросил показать следственные дела, **но мне в этом было отказано,** поэтому по памяти написал всё, что знал, и как мной были наказаны работники бывшего Кустанайского областного управления за нарушения соцзаконности».

Третий вопрос касался «получения в 1937–1938 годах дважды наградного оружия». Богданов на этот вопрос ответил следующим образом: «За время работы в органах я получил **один раз** пистолет системы ТТ. **О втором я до настоящего времени ничего не знаю».** Указанный именной пистолет вместе с двумя другими трофейными, отобранными в Казахстане у парашютистов-диверсантов, Николай Кузьмич сдал, как он написал, «когда увольнялся из органов, но квитанцию на них не нашёл».

Самым главным был, конечно, четвёртый вопрос: «Как вы оцениваете решение парторганов о наказании вас как члена партии?»

«Наказание я получил строгое, но заслуженное», — скрепя сердце, согбенно соглашался со своей участью партиец почти с

сорокалетним стажем. Но все последующие годы работая в низовой строительной организации, **«старался всячески оправдать доверие, оказанное мне партией.** Оценка моей работы партийной организацией говорит о том, что слова не расходятся с делом» [А. 14].

Ну и что же делать дальше, после выяснения всех заинтересовавших секретаря райкома обстоятельств дела? На партийном собрании первичной организации *строго секретные* материалы обсуждать нельзя. Районному комитету, познавшему суть проблемы, выходить с ходатайством о снятии взыскания в вышестоящие инстанции — чего бы ради? ЦК КПСС мог бы **по собственной инициативе** повелеть своему послушному КПК принять ещё раз соответствующее решение о ***реабилитации*** наказанного товарища — но зачем высшему партийному органу это было бы нужно?

В результате персональное дело члена партии Богданова 5 апреля 1968 года было **возвращено** из особого сектора Москворецкого райкома в КПК при ЦК КПСС, где через три дня благополучно легло в архив. А как же **наказанный коммунист?** Ничего страшного: проходил 8 лет со ***строгачом,*** пусть ещё помучается — только покладистей будет. Если снять взыскание с тов. Богданова, тогда и тов. Круглова, вроде бы, надо в партии восстанавливать. А, самое главное, в таком случае придётся **с существом вопроса** разбираться, где всё наврано и переврано, в связи с чем **ПРАВДА** оказалась **СТРОГО СЕКРЕТНОЙ.**

Отец стал иногда лишку выпивать. Даже не то, чтобы увеличил норму, просто хуже начал переносить спиртное, так как больные почки давали о себе знать. Раньше, *приняв на грудь*, Николай Кузьмич становился весёлым, шутил, смеялся. Теперь же как-то весь раскисал. Я решил поговорить с папой, подсказать ему, чтобы он вовремя останавливался, не перебирал, что это ему не на пользу.

«А ты знаешь, — ответил отец мне, — я как-то потерял цель в жизни. Раньше всё чего-то добивался, к чему-то стремился. А сейчас — даже не знаю…»

Я понял, что это была страшная трагедия пожилого человека, прожившего долгую и нелёгкую жизнь, трудившегося честно, не щадившего себя на работе, которая, как он считал, была направлена исключительно на благо Родины, а получившего взамен дробь в левый глаз, звание *врага народа*, строгое партийное взыскание и урезанную пенсию.

Глава 44. Последний год

Наступил 1972 год. Отец по-прежнему продолжал работать, хотя со здоровьем у него возникли определённые проблемы. На операцию правой почки по извлечению из неё камней (а возможно, и по полному её удалению) он не решался, однако анализы мочи были весьма неутешительными. Недостаточное очищение организма вело к развитию гипертонической болезни. Несмотря на то, что отец физически как-то немного сдал и раскис, он не жаловался и не унывал.

12 февраля 1972 года отметили полукруглый юбилей Николая Кузьмича. Начальник Управления отделочных работ А. Евдокимов, секретарь партбюро П. Шкарин и председатель Постройкома В. Осипов наградили новорожденного Почётной грамотой *«За* большой трудовой вклад, внесённый в успешную деятельность Управления отделочных работ и в связи с 65-летием со дня рождения» [А. 16]. Дома мы вместе с родственниками и друзьями достойно поздравили дорогого папулю.

Лето в том году выдалось чрезвычайно жаркое. На востоке Подмосковья горели торфяники, застилая всё вокруг едким дымом. В городе нечем было дышать. На даче 7-летний Алёша поглощал в тенёчке арбузы и, едва успев доесть один сладкий, сочный кусок, просил: «Ещё!»

Папа тяжело переносил жару и совсем раскис. В начале июля удалось уговорить его лечь в госпиталь МВД на обследование и лечение. Николай Кузьмич очень переживал, что в самый разгар строительного сезона вынужден валяться на койке. Принятые медицинские меры, а также вынужденный покой в течение месяца сделали своё дело: отец приободрился, стал весёлым. Коллеги по работе, приезжавшие проведать больного, осторожно закидывали удочку: «Кузьмич, ну ты как, отпустишь нас в отпуск?» Почувствовавший в себе силы Николай Кузьмич обещал в ближайшее время выйти на работу. Отец выписался из госпиталя в начале августа и сразу окунулся в пекло строительных дел. Жара не спадала. Приходилось трудиться и за ушедших в отпуск товарищей — то париться в кабинете, то ехать в раскалённой машине на стройки и там в знойной пыли лазать по этажам.

С приходом осени стало немного легче. Родители решили пойти в отпуск в начале декабря с тем, чтобы отдохнуть от забот и погулять по заснеженному Подмосковью. Папа написал заявление на имя начальника Медицинского управления МВД СССР с просьбой «выделить путёвки в санаторий в Звенигороде с 7 декабря с.г. мне и моей жене Котовой Нине Владимировне» [А.

16]. Это была последняя бумага, красиво и чётко написанная рукой отца.

Ничего пока не предвещало беды, но всё-таки что-то с папой случилось. Почему он сердился и настаивал, что путёвки необходимы именно с четверга 7 декабря, хотя по ряду обстоятельств это было не совсем удобным, так и осталось неизвестным. Возможно, это маленькое происшествие не было случайностью, а явилось первым (а скорее, уже и не первым) *звоночком,* на который мы не обратили особого внимания.

Перед своим отъездом в отпуск отец хотел заквасить большой бак капусты. Обычно каждый год закладку этого важного для питания семьи продукта он делал сам, а мы, все остальные, выполняли вспомогательные функции: кто-то приносил овощи из магазина, кто-то помогал шинковать, мыть и чистить морковь, яблоки и т. д.

Мы договорились с отцом, что в субботу 18 ноября утром сходим вместе в овощной магазин и принесём капусту, а вечером займёмся квашением. Но намеченный нами план реализовать не удалось, поскольку мне пришлось отлучиться на другие дела. Потом я узнал, что папа долго ждал моего возвращения и, потеряв терпение, сам пошёл в магазин и притащил две авоськи капустных кочанов, да ещё купил пиво, которое из-за его больных почек у нас всегда было под запретом.

Ночью у отца случился ишемический инсульт. И потянулась череда врачей, начиная со «скорой помощи» и включая всех знакомых докторов и профессоров. Больше всех нас поразила начальница терапевтического отделения из поликлиники МВД, лечившая Николая Кузьмича. Положив на стол толстенную подшивку истории болезни Богданова, она сказала: «А мы давно этого ждали». Почему знакомые медики не могли заранее предупредить нас, что состояние пациента чревато неприятными последствиями и ему необходимо срочно бросать работу и поменять образ жизни с активного на щадящий? Я понял, что по медицинской части отца заранее уже *списали в расход*, и наш дальнейший разговор бесполезен.

На протяжении нескольких дней состояние больного продолжало оставаться стабильно тяжёлым. Создавалось впечатление, что отец спал глубоким сном, но потом просыпался и всех нас, окружавших его у постели, узнавал, старался пошутить, хотя речь его была несколько нарушена. Надежда на спасение у нас теплилась, но на пятый день вечером неожиданно случилась катастрофа.

23 ноября 1972 года в 19 часов 10 минут Николай Кузьмич Богданов скончался. Слава Богу, что, прожив достаточно долгую,

полную напряжённой работы и треволнений жизнь, отец умер на руках своих родных, а не погиб где-нибудь в заснеженном лесу от заряда дроби в висок или, того хуже, от побоев в холодном застенке или от уколов в *психушке*.

Мы все держались мужественно, понимая неизбежность случившегося. А маме как врачу не раз приходилось видеть уход в небытие. Сделали необходимое, чтобы привести тело отца в порядок. Врач «скорой помощи» констатировал смерть и вызвал перевозку. Вместе с мужиками, пропитанными перегаром, спустили на носилках тело отца вниз. Зелёный обшарпанный уазик медленно покатил по улице Белинского и свернул за угол, навсегда увозя моего отца из родного дома, от всех нас.

Теперь надо было думать об организации похорон. Мы решили позвонить в МВД, полагая, что они обязаны помочь похоронить бывшего своего генерала. Правда, я сомневался, захотят ли министерские чиновники этим вопросом заниматься, ведь Богданов был уволен по служебному несоответствию. Через дежурного по МВД связался с первым замминистра внутренних дел СССР генерал-лейтенантом В.П. Петушковым, с которым Богданов в конце 1950-х годов работал вместе в республиканском министерстве. Владимир Петрович выразил всей нашей семье глубокое соболезнование в связи с кончиной мужа и отца и сказал, что с Николаем Кузьмичом они всегда хорошо и дружно работали. Потом пригласил меня зайти к нему завтра в 10 часов утра, чтобы решить все вопросы с организацией похорон.

На следующий день в назначенный час я вошёл в приёмную первого замминистра. Секретарша и ещё одна женщина разбирали на столе разные бумаги. Меня попросили подождать, так как Владимир Петрович принимал иностранную делегацию. Я сел на стул около окна, погрузившись в свои невесёлые думы. Вдруг дверь в приёмную открылась, и какой-то мужчина почти прямо с порога мощным голосом произнёс:

— Слышали, Богданов умер! Вот мужик был хороший!

Тут женщины кинулись к вошедшему, замахали на него руками, громким шепотом приговаривая:

— Тише ты! Тут сын его!

Мужчина взглянул на меня, закрыл себе ладонью рот и, пятясь задом, вышел из приёмной, тихо прикрыв за собой дверь. Женщины вернулись к своим делам. Однако такая непосредственная оценка, данная Богданову незнакомым мне человеком, в душе порадовала меня. Прошло 12 лет, как Николая Кузьмича *вышибли* из министерства, но, несмотря на пробежавшее время, здесь его помнили и, видимо, не с плохой стороны. *Хорошим мужиком* отца частенько называли, но таким

он был для простых людей, а для Хрущёвых, андриановых, борковых он являлся *персоной нон-грата.*

Дверь кабинета открылась, и оттуда потянулась длинная вереница военных в иностранной форме. Секретарша заглянула к начальнику и пригласила меня войти.

Владимир Петрович встретил меня в центре кабинета, пожал руку, ещё раз выразил свои соболезнования и пригласил сесть за стол совещаний, а сам вернулся в своё руководящее кресло

«Тут такое дело, — начал бывший папин коллега по работе, — я разговаривал с заместителем министра среднего машиностроения, и он мне сказал, что **они нам Николая Кузьмича не отдадут.** Последние годы ваш отец работал в том министерстве, пользовался большим уважением, и они хотят похоронить его сами. Свои войска в Средмаше имеются, поэтому все почести, положенные генералу, они отдадут: оркестр, салют, прохождение войск перед могилой — всё будет».

В связи с этим Владимир Петрович предложил со стороны МВД оказать материальную помощь для проведения похорон, а также помочь с заказом продуктов для поминок. Мне оставалось только поблагодарить Владимира Петровича за то, что он проявил внимание к семье своего бывшего сослуживца. Мне выделили сопровождающего, чтобы он помог мне получить деньги и заказать продукты.

«А я хорошо помню Николая Кузьмича, — сказал мне по дороге мой спутник. — Один из заместителей министра у нас назначался дежурным, и ему в этот день докладывали всю оперативную информацию. К одному придёшь, сообщишь о каком-нибудь ЧП, а он давай на тебя орать, будто ты во всём виноват. А Николай Кузьмич никогда так не делал. Спокойно выслушает, уточнит, какие меры приняты, распорядится, что ещё нужно сделать. Так мы приспособились поступать следующим образом. Если имелась возможность затянуть с докладом об очередной неприятности, то дожидались, когда дежурным замом будет Богданов, и без боязни шли к нему, чтобы не получить незаслуженные оплеухи».

Весть о смерти Николая Кузьмича Богданова быстро облетела всех наших родных, друзей и знакомых. Почта приносила множество телеграмм соболезнования из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Луги, Устюжны, Риги, Уфы, Севастополя, Рыбинска, Тамбова, Семилук и других городов. Телефон постоянно звонил, а двери нашей квартиры не закрывались — родные, старые друзья, бывшие сослуживцы спешили выразить своё сочувствие в связи с невосполнимой утратой Нине Владимировне и всем нам.

Министерство среднего машиностроения, Первый Стро-

ительно-монтажнй трест и Управление отделочных работ занимались организацией похорон. В «Московской правде» был напечатан некролог: «Москворецкий РК КПСС, руководство, партийная и профсоюзная организации 1 — го строительно-монтажного треста с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной смерти сотрудника треста, генерал-лейтенанта запаса, члена КПСС **Николая Кузьмича Богданова** и выражают соболезнование семье и близким покойного».

В клубе треста для гражданской панихиды и прощания был выставлен гроб с телом Николая Кузьмича Богданова. Народа в помещение набилось столько, что невозможно было повернуться. Никакого прохождения мимо гроба не было. Просто все стояли молча, предавшись своим грустным мыслям. Потом вынесли венки и цветы, портрет, ордена и медали покойного. Кавалькада машин сопроводила Николая Кузьмича в последний путь.

Над Ваганьковским кладбищем раздавались звуки траурного марша, исполнявшегося духовым оркестром. У могилы состоялся траурный митинг, на котором выступили товарищи по работе, друзья, а также бывший председатель Совмина Казахстана Н.Д. Ундасынов. После прощания всё стихло, и гроб опустили в могилу. Раздался троекратный залп воинского салюта. Оркестр заиграл Гимн Советского Союза. После того как могилу засыпали и украсили венками и цветами, перед ней в торжественном марше прошло подразделение войск.

На поминках у нас дома собралось человек семьдесят. С работы отца были только несколько представителей, так как весь коллектив решил сам собраться и в тесном кругу помянуть ушедшего в мир иной заместителя начальника. Вместе с нашими родственниками и друзьями за вечную память Николая Кузьмича подняли стопки С.Н. Круглов и его дочь Ирина Сергеевна, С.А. Аплахвердов, С.Г. Серебряков со всей своей семьёй, да всех разве перечислишь…

Теперь нам предстояло привыкать жить без отца. В моей голове просто не укладывалась мысль, что я больше никогда не увижу папу, не смогу с ним поговорить. Даже не представлял, что отец занимал такое огромное место в моей жизни. Тоска была страшная. И вот как-то ночью отец мне приснился, привиделся настолько явственно, будто я с ним действительно ещё раз пообщался наяву. После этого стало немного легче. События последних дней начали уходить в прошлое.

Мне позвонили с работы отца и сказали, что Николай Кузьмич из-за болезни не успел получить какие-то деньги, и просили приехать и забрать выписанную ему сумму. Потом позднее выдали и другие причитавшиеся заместителю

начальника вознаграждения — прогрессивку, квартальную и годовую премии. Все деньги я отдавал маме, а она их не тратила, складывала в письменный стол как память о муже.

Через некоторое время из Управления отделочных работ сообщили, что подобрали камень, из которого хотели бы сделать памятник на могиле Николая Кузьмича. Просили подъехать, посмотреть, а также сказать, какую сделать надпись. Когда я увидел на складе УОРа представленную мне заготовку, то даже дух захватило. Это была двухметровая плита из чёрного полированного гранита *габбро* с отдельными яркими цветными искорками. Самый большой камень из всех, имевшихся в наличии.

«Специально для Николая Кузьмича подобрали, — прогудел низким голосом стоявший рядом со мной мастер гранитной мастерской. — Хороший был мужик. Наш склад одно время непосредственно ему подчинялся».

На Ваганьковским кладбище памятник установили в июне 1974 года. На полированном граните было высечено: «Генерал-лейтенант Богданов Николай Кузьмич. 1907–1972».

Глава 45. Дань светлой памяти

Дни бежали за днями, складываясь в недели, месяцы, годы. Теперь время нашей жизни поделилось на два периода: когда Николай Кузьмич был с нами и когда его не стало.

Мама каждый день бывала на Ваганьковском кладбище. После завершения рабочего дня в роддоме она садилась на трамвай и ехала *к папочке.* Могила отца благоухала в свежих цветах. Мама без конца корила себя за то, что не уберегла мужа. Она стала частенько заходить в церковь, подавать поминальные записки, зажигать на могиле свечи, потихоньку креститься, а при уходе как бы невзначай отвешивать земной поклон. Воспитанный в атеистическом духе, я сначала скептически относился к маминому принятию традиций православия. Однако со временем понял, в чём разница между мирскими и церковными делами. Пока в учреждениях работали люди, которые помнили Николая Кузьмича, к ним можно было обратиться за помощью и встретить сочувствие. Но постепенно одни ушли на пенсию, а другие и в мир иной. О Николае Кузьмиче просто некому стало вспоминать. А церковь хранит Вечность. Стоит только подать записку, и твоего Николая вспомнят и громогласно произнесут его имя с амвона.

Летом 1973 года к нам совершенно неожиданно из Алма-Аты пришло письмо из Отдела политико-воспитательной работы МВД Казахской ССР. Председатель Совета Музея А.Н. Кондратский, обращаясь к ***многоуважаемым*** членам нашей семьи, выразил своё сочувствие в связи с «тяжёлой, безвременной утратой замечательного товарища, соратника по чекистской работе в Казахстане Николая Кузьмича Богданова». Далее Алексей Николаевич просил «помочь восстановить заслуженную память о славных боевых делах Николая Кузьмича на посту наркома внутренних дел Казахской ССР» [М].

После всех служебных и партийных передряг, которые пришлось пережить отцу в финале своей ***чекистской карьеры***, это письмо явилось просто как ***луч света в тёмном царстве.*** Мы уже не рассчитывали на то, что МВД когда-нибудь вспомнит Богданова добрым словом. Жалко, что произошло это всего через полгода после его смерти. Но, как известно, при жизни героями редко становятся. Пока работник активно действует, его у нас пинают, толкают, топят, обливают грязью, как только могут, пока совсем не добьют. А когда бедолага уходит в мир иной, тут только и вспоминают, ***какого потеряли Человека!*** Да уж поздно.

Полагая, что ***лучшее,*** в плане отображения служебного пути, ***нашему папочке не светит***, мы, по просьбе тогдашнего

начальника Музея МВД Казахской ССР, отправили в Алма-Ату почти все имевшиеся у нас раритеты. В их число вошли удостоверения, которыми Богданов пользовался ещё в 1930-е годы в Мяксе, Устюжне, Луге и Ленинграде, депутатские и членские билеты, относившиеся к московскому этапу работы с 1946 по 1953 год, документы ленинградского периода с 1953 по 1955 год, последнее удостоверение замминистра 1959 года и удостоверение личности генерал-лейтенанта запаса 1964 года. Из личных вещей отправили мундир парадный, бриджи с сапогами-***бутылками,*** шашку и пояс парадные, все ордена и медали, значок депутата Верховного Совета СССР, ромбы и шпалы, будёновку. В именную табакерку положили правительственную телеграмму, в которой Сталин благодарил наркома внутренних дел республики Богданова за сбор средств на военные нужды. Приложили также личные и групповые фотографии и некоторые другие документы [М].

В летний отпуск 1974 года я вместе с мамой и сыном Алёшей полетел на самолёте в Алма-Ату, чтобы, прежде всего, взглянуть на экспозицию в музее. 28 лет не были мы в столице Казахстана, но складывалось такое впечатление, будто уехали отсюда только вчера. Семью Богдановых прекрасно помнили, сочувствовали в связи с безвременной кончиной Николая Кузьмича, приглашали к себе в гости.

К сожалению, получилось так, что Музей МВД был закрыт. Точнее, благодаря энергии энтузиастов собрали столько экспонатов, что те несколько комнат, которые выделили в качестве выставочных залов, оказались малы. Только что был решён вопрос об отводе под музей целого здания, и всю экспозицию упаковали, чтобы перевезти на новое место. В этом плане нам не повезло. Зато потом мы обошли всех алма-атинских родственников и знакомых, съездили в горы, искупались с сыном в запрудах, перегораживавших стремительные речки, побывали в урочище Медео и других местах. Полные впечатлений вернулись в Москву.

Снова съездить в Алма-Ату мы с мамой собрались только в 1985 году. Маме тогда исполнилось 80 лет, но она всё ещё продолжала работать врачом-лаборантом в роддоме. За свой долголетний и добросовестный труд Нина Владимировна была удостоена ряда наград. 1 апреля 1970 года ей присвоили почётное звание «Ударник коммунистического труда». В 1979 и 1982 годах старейшему медику дважды вручили медаль «Ветеран труда». 23 апреля 1985 года Н.В. Котова как бывший участник трудового фронта была удостоена медали «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В трудовой

книжке врача Роддома № 6 было записано полтора десятка благодарностей. Пенсию мама получала, заработанную собственным трудом за 45 лет общего трудового стажа [Н].

Учитывая солидный мамин возраст, в поездку отправились на поезде. В Алма-Ате первым делом связались с Музеем МВД Казахстана. Новый директор Л.М. Колесникова любезно приняла нас и представила руководству министерства. Потом приступили к осмотру музея. Интересовавшая нас экспозиция о Николае Кузьмиче входила в общий раздел, посвященный работе Наркомата внутренних дел в годы войны. На одном из планшетов была помещена большая фотография Богданова, причём молодого, в форме старшего лейтенанта госбезопасности. Чуть ниже во всю ши-рину планшета представлена плеяда из четырёх заместителей наркома-министра ВД Казахстана: П.В. Николаев, П.П. Белюнов, Г.Н. Калашников и А.Ф. Мусин. Фотографии эти относились к разным годам, поэтому первый заместитель Николаев был в форме полковника, а остальные замы (успешно продвинувшиеся по службе) запечатлены с погонами генерал-майоров.

Рядом со стендом в застеклённой витрине находились: парадный мундир Богданова со всеми орденами и медалями, парадная шашка, а также некоторые удостоверения, подарочная шкатулка и именной портсигар [М].

Я сфотографировал описанную экспозицию с разных ракурсов. Директор музея дала нам необходимые пояснения и заверила, что все присланные нами материалы сохраняются в строгом соответствии с требованиями. Особым интересом, отметила Людмила Михайловна, у посетителей музея, являвшихся работниками органов внутренних дел, пользовалась подлинная телеграмма председателя ГКО Сталина, присланная им наркому внутренних дел Казахстана Богданову.

В наше распоряжение была предоставлена автомашина, и в сопровождении Людмилы Михайловны мы съездили в Медео, к телебашне, а также осмотрели другие достопримечательности города. После *официальной части* мы провели *рейды* по всем алма-атинским родственникам и знакомым, которые встречали нас с распростёртыми объятиями. Функции нашего гида исполняла двоюродная племянница Наталья Михайловна Князькова, находившаяся тогда в отпуске.

Интересная и полезная поездка ещё раз убедила нас, что Николай Кузьмич и вся наша семья оставили своей работой и отношением к людям хорошую память.

После поездки в Алма-Ату у нас началась переписка с Музеем МВД Казахстана. Обменивались как поздравительными

открытками, так и деловыми письмами. В конце ноября 1990 года пришла телеграмма соболезнования от Людмилы Михайловны и всего коллектива музея в связи с кончиной Нины Владимировны.

Моя мама умерла 23 ноября 1990 года — в день смерти папы, пережив его на 18 лет. Несмотря на все постигшие моих родителей беды и напасти, можно сказать, что «жили они счастливо, в любви и добром согласии и умерли в один день». Теперь вместе покоятся на Ваганьковском кладбище в общей могиле с матерью моего отца Анной Леонтьевной, его старшим братом Александром Кузьмичом и его женой Александрой Неофитовной.

Царство им Небесное. Их жизнь продолжается в детях и внуках.

Подруга моего детства Долорес, старшая дочь Хадичи Есентуровны — маминой коллеги по работе в Казахском медицинском институте на кафедре акушерства и гинекологии, так описывала в 1990-е годы в своих посланиях из Алма-Аты сохранившиеся в её душе светлые ощущения: «Я всегда с благодарностью вспоминаю твою маму, её улыбку, её отношение к нашей семье. Воспоминания детства очень сильные и яркие, и самые добрые чувства связывают нас с Вашей семьёй. Помню ваш особняк в Алма-Ате, ёлку, а в Москве помню вашу квартиру на Белинского. У нас были идеалы. Одним из идеалов была Ваша семья, главное — Нина Владимировна. С ней ушло что-то очень светлое, кусочек детства. Память о ней останется навсегда в моём сердце, потому что таких людей я больше не встречала. Помню хорошо всех племянниц, которые любили Нину Владимировну, как мать» [А. 19]. Спасибо тебе, Долорес. Спасибо всем, кто сохранил добрую память о моих родителях.

К сожалению, произошедшие затем крупные политические события, приведшие к развалу Советского Союза, разорвали многие наши связи и глубоко отразились на судьбе всей страны.

В связи с переносом столицы Казахстана в Астану, статус музея МВД понизился, и он стал называться Музеем Главного управления внутренних дел города Алма-Аты. Людмила Михайловна Колесникова осталась на должности начальника этого музея и сохранила персональную экспозицию о наркоме-министре внутренних дел Казахстана генерал-лейтенанте Н.К. Богданове.

С обретением Казахстаном самостоятельности в среде историков проявился большой интерес к биографическим данным бывших и нынешних руководителей республики. В свет вышло несколько биографических изданий: «Кто есть кто в Казахстане» [Л.58], «Генералы Казахстана» [Л.59], «Наркомы Казахстана»

[Л.60], в которых были приведены сведения в том числе и о наркоме-министре внутренних дел Казахстана генерал-лейтенанте Богданове.

В России тоже вышли документальные книги [Л.23], [Л.42], [Л.51], [Л.62], [Л.68], [Л.69] и статьи [Л.41], [Л.63], [Л.64], [66], в которых отображалась история органов внутренних дел и госбезопасности СССР, приводились биографические данные руководителей. Среди них соответствующее место занял и генерал-лейтенант Богданов.

Вместе с тем появились и конъюнктурные публикации, которые тенденциозно, с обязательным обличительным уклоном описывали советскую действительность, без учёта конкретной исторической обстановки и вскрытия причин, побудивших те или иные события. Как уже отмечалось в предисловии к данной книге, подобные негативные публикации [Л.2], [Л.3], [Л.4], [Л.5], [Л.30] в значительной мере коснулись и Николая Кузьмича Богданова. При содействии многих сотрудников архивов собрав документальные материалы о служебной деятельности Богданова, считаю, что **мне удалось защитить честь своего отца,** написав о его жизненном пути **правдивые и объективные** книги «Строго секретно» [Л.1] и предложенную вашему вниманию «30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД».

Достойным памятником Николаю Кузьмичу и всей нашей семье стал Личный фонд № 10145 Богданова, созданный в Архивохранилище личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и РФ Государственного архива Российской Федерации. В число 122 единиц хранения вошли документы, рукописи, письма, газетные публикации, фотографии и другие материалы, составившие, в общем пересчёте, более полутора тысяч *отдельных листов.* В запасники Центрального музея МВД России мною были переданы личные вещи, документы и фотографии отца. Следует отметить, что часть из упомянутых документов, касавшаяся работы Богданова в районах Ленинградской области, городах Ленинграде и Москве, была возвращена из фондов Музея МВД Казахстана, куда мы, не надеясь на лучшие времена, направили почти все раритеты.

12 февраля 2007 года мы отметили 100-летие со дня рождения моих родителей. К сожалению, никого из старшего поколения, общавшегося с Николаем Кузьмичом и Ниной Владимировной, к этому времени уже не осталось в живых. На Ваганьковском кладбище на семейной могиле Богдановых собрались *дети*: Ирина Сергеевна Сироткина — дочь С.Н. Круглова, Лидия Алексеевна Антропова — дочь А.Н. Бабкина, Елизавета Сергеевна Серебрякова — приёмная дочь С.Г.

Серебрякова. Пришли всегда бывавшие в нашем доме друзья из, увы, сильно поредевшей теперь компании: Олег Константинович Морозов, Наталья Михайловна Ракчеева и Людмила Алексеевна Петрова. Почтили память родителей и друзья моего покойного брата Владимира Артур Владимирович Усенков и его жена Валентина Викторовна. Дома за столом, щедро накрытым моей супругой Людмилой Фёдоровной, мы по-русски помянули Николая Кузьмича, Нину Владимировну, а вместе с ними и ушедших в мир иной родителей, родных всех присутствовавших. Потом посмотрели альбомы с фотографиями и поделились своими воспоминаниями о былых встречах и интересном общении с нашим старшим поколением.

Большое спасибо всем за светлую память. И доброго Вам здоровья.

12 февраля 2012 года

Библиография

Л.1. Богданов Ю.Н. Строго секретно. ЗО лет в ОГПУ-НКВД-МВД. М.: Вече, 2002.

Л.2. Щит и меч. Приложение к журналу МВД СССР Советская милиция, № 8(11), 1990.

Л.3. Берия: конец карьеры. Сост. и общ. ред. Некрасова В.Ф. М.: Политиздат, 1991.

Л.4. Бережков В.И. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК-МГБ 1918–1954. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 1996.

Л.5. Бережков В.И. Питерские. Руководство органов госбезопасности Санкт-Петербурга. М.: Яуза, Эксмо, 2009.

Л.6. Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. М.: Эксмо, Яуза, 2011.

Л.7. Шамбаров В.Е. Нашествие чужих: заговор против империи. М.: Алгоритм, 2008.

Л.8. Шамбаров В.Е. Антисоветчина, или оборотни в Кремле. М.: Алгоритм, 2008.

Л.9. Емельянов Ю.В. Сталин: на вершине власти. М.: Вече, 2002.

Л.10. Столешников А.П. Реабилитации не будет! (Анти-Архипелаг). М.: Профессионал, 2011.

Л.11. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2007

Л.12. Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. М.: Вагриус, 2008.

Л.13. Мартиросян А.Б. 200 мифов о Сталине. Т. 1–5. М.: Вече, 2008.

Л.14. Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М.: Новый хронограф, 2010.

Л. 15. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002.

Л. 16. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Яуза-пресс, 2008.

Л.17. Козенков Ю.Е. Голгофа России: Завоеватели. Схватка за власть. Убийцы России. Остались ли русские в России? М.: Витязь, 2007.

Л. 18. Бешанов В.В. Танковый погром 1941 года. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Л.19. Бешанов В.В. 1942 — учебный. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Л.20. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую Мировую войну? День «М». Когда началась Вторая мировая война? М.: АСТ, 1996.

Л.21. Суворов В. Последняя республика. Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М.: ТКО АСТ, 1995. Л.22. Веселов В.В. Новейший АНТИсуворов. М.: Яуза-пресс, 2009.

Л.23. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. М: МФД, 2003.

Л.24. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. М.: Звенья, 1998.

Л.25. Кокурин А.И. Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей МВД СССР). 1917–1960. М.: ТКО АСТ, 1995.

Л.26. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Малое собрание сочинений. Т. 5, 6, 7. М: ИНКОМ НВ, 1991.

Л.27. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. 1950–1957.

Л.28. Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.: Кучково поле, 2006.

Л.29. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 19341941 годы. Справочник. РГАСПИ. ГАРФ, 1999.

Л.30. Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Л.31. Колесов Д.В. И.В. Сталин: право на власть. Книга 3. М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 2000.

Л.32. Колесов Д.В. И.В.Сталин: загадки личности. Книга 4. М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 2000.

Л.33. Баландин Р. Миронов С. «Клубок» вокруг Сталина. Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы. М.: Вече, 2002.

Л.34. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Амстердам, 1937.

Л.35. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959.

Л.36. Посетители Кремлёвского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953. — Исторический архив, № 1–4, 1999.

Л.37. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939.

Л.38. Стародубцев А.Ф. Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага. М.: Вече, 2010.

Л.39. Известия ЦК КПСС, № 11, 1998.

Л.40. Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997.

Л.41. Кокурин А., Петров Н. МВД: структура, функции, кадры. — Свободная мысль, № 6–9, 11, 12, 1997; № 1,2, 1998.

Л.42. Богданов Ю.Н. Министр сталинских строек. 10 лет во главе МВД. М.: Вече, 2006.

Л.43. Терещенко А.С. От Фултона до Вашингтона: этапы

агрессивных поползновений. — Альманах Лубянка. Вып. 7, 2008.

Л.44. Васильева Л.Н. Кремлёвские жены. М.: АСТ, 1999.

Л.45. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран, 1995.

Л. 46. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000.

Л.47. Журавлёв П.А. Двести встреч со Сталиным. М.: Троица, 2004.

Л.48. Геллер А. Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Книга 2. М.: МИК, 1995.

Л.49. «Новый курс» Л.П. БериИ. — Исторический архив, № 4,1996.

Л.50. Берия С.Л. Мой отец Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

Л.51. Седов В.Ф. Степанов О.Н. Руководители Санкт-Петербургского Управления безопасности. 1918–1996. СПб., 1996.

Л.52. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. - Правда, 10 июля 1953 г.

Л.53. Ленинградская правда, 11 июля 1953 г.

Л.54. Отчёты о Пленумах совместно с партийным активом. — Ленинградская правда, 12–17 июля 1953 г.

Л.55. Некрасов В.Ф. Сергей Круглов. Министр внутренних дел СССР с 1945 по 1956 год. Журнальная статья.

Л.56. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. Научно-историческое расследование. М.: Крымский мост-9Д, Форум, **2002.**

Л.57. Игнатьев А.М. «Пятая колонна». М.: Элтра. 1996.

Л.58. Ашимбаев Д.Р. Кто есть кто в Казахстане. Биографическая энциклопедия. Алматы: ИД Credo, 2002

Л.59. Генералы Казахстана. Биографический справочник. Алматы: Арыс, 2006.

Л.60. Наркомы Казахстана. 1920–1946 гг. Биографический справочник. Алматы: Арыс, 2007.

Л.61. Органы и войска МВД России. М., 1996.

Л.62. Лубянка. Документы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960 годы. Международный фонд «Демократия», 1997.

Л.63. Кокурин А.И. Петров Н.В. НКВД-МГБ-МВД: структура, функции, кадры. 1946–1953. — Правда 5, № 3–6, 1998.

Л.64. Богданов Ю.Н. Послевоенный Гушосдор. — Российский дорожник, № 9-12, 2003.

Л.65. Каганович Л.М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.

Л.66. Богданов Ю.Н., Кокурин А.И. Гушосдор НКВД — МВД СССР и его руководители. — Российский дорожник, № 6, 9, 10, 14, 2004.

Л.67. Струков Г.П. Добровольцы [Первого Витебского полка]. Из воспоминаний участника Гражданской войны. Рукопись. 1964.

Л. 68. МВД России. Энциклопедия. М.: Объединенная редакция МВД России, Олма-Пресс, 2002.

Л.69. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004.

Архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Главном архиве МВД РФ (ГА МВД), Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном музее МВД России (ЦМ) и Личном архиве семьи Богдановых (ЛА)

А.1. Автобиографии, анкеты, личные листки по учету кадров Богданова Н.К. с 1933 по 1955 г.

А.2. Аттестации, характеристики, представления, справки на Богданова Н.К. с 1929 по 1955 г.

А.3. Приказы Наркома-Министра внутренних дел СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР о назначениях, перемещениях, награждениях и др. Богданова Н.К. с 1936 по 1946 г.

А.4. Приказы, письма, связанные с работой Богданова Н.К. в Главном управлении шоссейных дорог (ГУШОСДОР) МВД СССР с 1946 по 1948 г.

А.5. Постановления Совета Министров СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, приказы МВД СССР, письма и др., касавшиеся работы Богданова Н.К с 1948 по март 1953 г.

А.6. Документы разные 1929–1946 гг.

А.7. Личное партийное дело номенклатурного работника Богданова Н.К.

А.8. Приказы, письма МВД СССР, касавшиеся Богданова Н.К., 1953–1959 гг.

А.9. Выступления, объяснения, письма Богданова Н.К. Ленинград. 1953–1955 гг.

А. 10. Архивные материалы с обвинениями Богданова Н.К. в нарушении *социалистической законности.* 1956,1957 и 1959 гг.

А.11. Выписки, объяснения, письма Богданова Н.К. по поводу предъявленных ему обвинений в нарушении *социалистической законности.* 1957 г.

А. 12. Выписки, объяснения, письма Богданова Н.К. по поводу

предъявленных ему обвинений в нарушении *социалистической законности.* 1959 г.

А. 13. Персональное партийное дело по исключению из членов КПСС Богданова Н.К.

А.14. Письма, объяснения, заявления Богданова Н.К. 19601968 гг.

А. 15. Документы разные 1949–1960 гг.

А. 16. Документы разные с 1960 по 2009 г.

А. 17. Протоколы, стенограммы заседаний бюро и пленумов Центрального Комитета коммунистической партии (большевиков) Казахстана.

А. 18. Архивные документы, характеризующие общественнополитическую обстановку в стране, используемые по главам книги.

А. 19. Документы, докладные записки, рукописи, письма, фотографии, хранящиеся в Личном фонде № 10145 Богданова Н.К. Архивохранилища личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и РФ ГАРФ.

А.20. Документы из архивов с выписками из церковных книг о рождении родителей и других родственников.

Б. Беседы с людьми, лично знавшими Богданова Н.К.

К. Материалы из личного архива семьи Кругловых, ныне хранящиеся в Личном архиве № 10146 Круглова С.Н. Архивохранилища государственных, общественных деятелей СССР и РФ ГАРФ.

М. Материалы Музея Главного управления внутренних дел города Алма-Аты (бывшего Музея МВД Казахской ССР).

Н. Документы Котовой Н.В. с 1919 по 1990 г.

Богданов Юрий Николаевич – полковник в отставке, кандидат технических наук, имеет более 100 научных трудов и ряд изобретений, внедрённых в ракетной технике, участник испытаний на Семипалатинском полигоне. Награждён орденом Знак Почёта и 12 медалями. Член Общества изучения истории отечественных спецслужб.

Автор документальных книг «Строго секретно», «Министр сталинских строек» и ряда статей в газетах и журналах о «позабытых» государственных деятелях советской эпохи.

«После смерти моего отца, генерал-лейтенанта Николая Кузьмича Богданова, в печати, к сожалению, появились публикации, которые однобоко и тенденциозно представили его служебную деятельность, поскольку были основаны на собранном на него и случайно обнаруженном в архиве компрометирующем материале. По прошествии лет сведения из этих необъективных публикаций получили дальнейшее распространение. Данное обстоятельство как раз и послужило одной из основных причин написания документальных книг и статей, имеющих целью защитить честь отца, рассказав правду о нём».

notes

Примечания

1

До «разоблачения» *банды Бериш* фамилия Лаврентия Павловича не склонялась. В настоящей книге (за исключением цитат) принято современное написание данной фамилии.